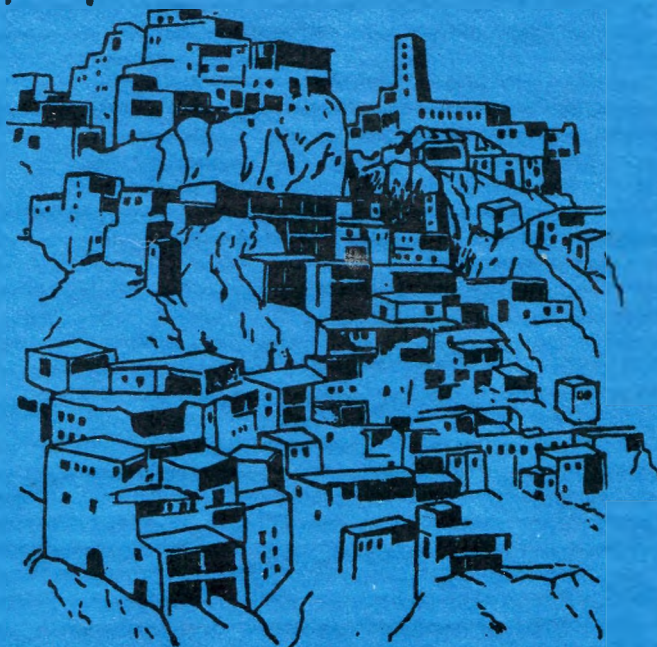

М.Г. Гаджиев
О.М. Давудов
А.Р. Шихсаидов

История Дагестана

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов
А. Р. Шихсаидов

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО КОНЦА XV В.

instituteofhistory.ru

Махачкала: изд. ДНЦ РАН, 1996

Редакционная коллегия:

М. Г. Гаджиев, Г. Г. Гамзатов (председатель), О. М. Давудов,
А. И. Османов, М.-З. О. Османов (ответственный редактор),
А. Р. Шихсаидов

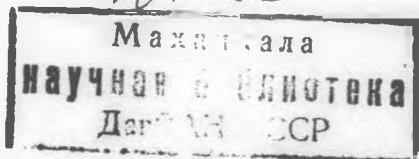
*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ). Проект 96 — 01 — 16 214*

Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. — 450 с.

AA000076 от 30.11.95

История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. представляет собой итог многолетних изысканий группы ученых — археологов, этнографов, историков, востоковедов. Она написана на основе новейших научных открытий с широким привлечением большого количества нового фактического материала. В ней дана новая интерпретация многих проблем древней и средневековой истории дагестанского общества. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом. Она рассчитана на широкий круг читателей.

161293

© Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р., 1996

© Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1996

Введение

В 1967—1968 гг. была опубликована четырехтомная “История Дагестана”, посвященная древней и средневековой “Истории Дагестана”. Это было первое академическое издание по истории народов Дагестана, получившее всеобщее одобрение и признательность, сыгравшее заметную роль в развитии исторической науки. С тех пор прошло почти 30 лет. За это время историческая наука в России поднялась на более высокий уровень развития, заметно обогатилась ее методологические принципы. Она стала более раскованной в исторических построениях, освещении исторических событий, выявлении закономерностей исторического процесса. Исчезла монополия каких-либо направлений, школ, идеологий. Плурализм идей, мнений, суждений, свобода высказываний, дискуссий стали нормой в исторических исследованиях. Они дали импульс развитию исторической науки и обществоведению в целом, разработке проблем региональных историй, историй народов, входивших в состав Российской Федерации, в том числе народов Дагестана.

Значительные достижения отмечены в исследовании проблем древней и средневековой истории Дагестана, у которой неизмеримо расширилась источниковедческая база. После выхода в свет первого тома “Истории Дагестана” выявлено и изучено множество археологических памятников, введено в научный оборот значительное количество новых вещественных и письменных источников, позволивших по-новому осветить события многовековой истории Дагестана. За это время проведены крупные исследования, в которых рассматриваются кардинальные вопросы древней и средневековой истории горного края, опубликованы ряд монографических исследований, обобщающих трудов, а также множество научных статей, посвященных как общим проблемам, так и частным вопросам ранней истории народов Дагестана.

Вместе с тем в последнее время в условиях свободы печати, отсутствия должной требовательности к научной и научно — популярной продукции необычайно широко и ускоренно распространяется псевдонаучная литература, в которой фальсифицируется историческое прошлое народов Кавказа, однобоко, с националистических позиций освещаются вопросы происхождения отдельных народов и их исторической роли в древности и средние века. Давно назрела настоятельная необходимость создания нового обобщающего труда по древней и средневековой истории Дагестана, соответствующего современному уровню развития исторической науки, объективно с позиций научного историзма освещающего прошлое народов Дагестана.

Настоящее издание “Истории Дагестана с древнейших времен до конца XVI в.” опирается на достижения предыдущих обобщающих трудов: “Очерков истории Дагестана” (Т. I. Махмудова, 1957), “Истории Дагестана” (Т. I. М.: Наука, 1967), “Историю народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.” (М.: Наука, 1988). Но это не повторение и переработка содержания предыдущих

изданий. Это новый труд, в котором с учетом современных достижений развития кавказоведения дана объективная картина сложного многогранного процесса культурно — исторического развития древнего и средневекового населения Дагестана.

“История Дагестана с древнейших времен до конца XV в.” состоит из двух крупных разделов: “Первобытнообщинный строй и возникновение классового общества на территории Дагестана” и “Зарождение и развитие феодальных отношений в Дагестане”. В ней дана новая периодизация истории первобытного общества, Дагестан рассматривается как древнейший на территории России очаг возникновения и развития раннеземледельческой культуры на северной окраине раннеземледельческой ойкумены по переднеазиатской модели. Показано своеобразие культурно — исторического развития Дагестана, обусловленного его географическим положением на стыке древних культур и цивилизаций Европы и Азии. Одним из показателей этого является неравномерность темпов исторического развития отдельных областей Дагестана, пульсирующий характер исторического процесса, в котором культурно — исторический прогресс сочетается с регрессом, с попятными движениями на исходные позиции, замедлением темпов социально — экономического и культурного развития общества. Отмечается затяжной характер формирования цивилизаций и становления раннеклассового общества. В работе специально рассматривается проблема этногенеза и ранней этнической истории народов Дагестана до появления первых сведений о них в сочинениях древних авторов, вовлечения их в орбиту культурно — экономических и политических связей с иранскими народами и тюркским миром.

Особенностью данного издания является также то, что проблемы древней и средневековой истории народов Дагестана освещаются в нем во всей их сложности. При этом авторы не ограничились изложением одной своей точки зрения на те или иные узловые проблемы, а указывают на существование по ним различных взглядов, отмечается их дискуссионный характер.

“История Дагестана с древнейших времен до конца XV в.” написана и подготовлена к изданию М. Г. Гаджиевым (главы I, II, III — 1 — 6 раздела I), О. М. Давудовым (главы III — 7, IV, V раздела I) и А. Р. Шихсаидов (главы I — VII раздела II).

Авторский коллектив и редакционная коллегия приносит благодарность всем принимавшим участие в подготовке к изданию “Истории Дагестана с древнейших времен до конца XV в.”

РАЗДЕЛ I

ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКИЙ СТРОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

ДАГЕСТАН В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

1. Естественно-географические условия Дагестана в четвертичном периоде

Территория Дагестана является составной частью Восточного Кавказа и занимает его северо-восточный склон. По характеру рельефа и особенностям природных условий она подразделяется на четыре основные геоморфологические зоны. Разнообразие естественно-природных условий Дагестана этим не исчерпывается. Каждая из указанных геоморфологических зон, в свою очередь, подразделяется на более мелкие районы и микрорайоны, отличающиеся своеобразием ландшафта и климата. Современный сильно расчленённый рельеф Восточного Кавказа, как и Кавказа в целом, начал формироваться около 10 мил. лет назад¹.

В начале четвертичного периода эта часть Кавказа была поднята горообразовательными процессами на значительную высоту. Одновременно эти же процессы образовали серии ярусно расположенных поверхностей выравнивания. В дальнейшем поверхность её подвергалась нескольким оледенениям, размыву флювио-гляциальными потоками, активному воздействию речной и ветровой эрозии, трансгрессии Каспия.

В четвертичном периоде значительная часть Европы и Азии подвергалась оледенениям. Особенно интенсивно ледники развивались в северных областях и в высокогорных районах, в том числе и Кавказа. Всего оледенений было четыре. Интенсивность их развития, размеры покрываемых ими площадей были разными. Широкое расселение первобытных людей на Кавказе было возможно в тёплые климатические периоды. Условия в межледниковый период благоприятствовали пребыванию и передвижению людей в горных районах, распространению их в северном направлении, проникновению их в глубину гор Большого Кавказа.

В эпоху оледенений условия жизни на Кавказе сильно менялись: границы вечных снегов резко понижались, сильно перемещались по вертикали ландшафтные зоны, что приводило к большим изменениям растительных и животных миров. При таких условиях первобытные люди покидали горные районы и укрывались в естественных убежищах предгорий и межгорных котловин, в глубоких каньонах. Горно-ледниковый барьер Кавказа в тот период становился непреодолимым и была возможна, как считают специалисты, определённая изоляция Северного Кавказа и Закавказья. В последний, наиболее суровый период вюрмского оледенения, завершившегося около 10 тыс. лет назад, зона человеческого обитания на Кавказе предельно сужается: человек покидает горные районы и

районы Восточного Кавказа².

Одновременно с оледенением происходили значительные колебания уровня Каспийского моря. Специалисты насчитывают три четвертичные трансгрессии Каспийского моря. Следы их в виде древних морских террас чётко прослеживаются в приморском Дагестане. Судя по ним, во время древних трансгрессий воды Каспия покрывали почти полностью приморскую равнину³.

Вместе с рельефом формировалась и речная сеть, которая в начале четвертичного периода напоминала современную и состояла из сложной системы продольных и поперечных речных долин. В послеледниковый период — голоцено в результате интенсивной водной эрозии, явившейся следствием аридизации климата в современную эпоху, происходит сокращение террасированных площадей, в особенности речных террас. Со времени становления производящего хозяйства, возникновения земледелия и скотоводства, начавшихся около 9 — 8 тыс. лет назад, к этим природным, естественным факторам добавляется также антропогенный. Происходит обезлесение, интенсивное освоение под земледелие горных склонов, превращавшихся в искусственные земледельческие террасы, которые поднимались по склонам в виде гигантских лестниц. Они в значительной степени изменили первоначальный естественный облик горной зоны Восточного Кавказа. Так, в конечном итоге, сложился современный рельеф Дагестана.

Горообразовательные процессы, оледенения, наступания и отступления моря, имевшее место в четвертичном периоде, образовывали ту сложную и меняющуюся природную среду, на фоне которой протекали ранние этапы истории человеческого общества на Северо-Восточном Кавказе, на территории Дагестана.

2. Эпоха праобщины

Первобытная эпоха была самой продолжительной по времени этапом истории человечества. В настоящее время считается, что оно возникло 2,5-1,5 мил. лет назад и завершилось в пределах последних 5 тысяч лет, различаясь на разных континентах. Древнейший человек появился впервые в Африке и Азии, а классовые общества там сложились в IV-III тысячелетиях до н.э., в других же областях Старого Света — ещё позднее.

Существуют различные периодизации истории первобытного общества, из которых наиболее широко используются специальная (археологическая) и общая (историческая)⁴. Согласно археологической периодизации, основанной на различиях в материале и технике изготовления орудий труда, древнейшая история подразделяется на три века: каменный, бронзовый и железный. Каменный век, в свою очередь, делится на древнекаменный (палеолит), среднекаменный (мезолит), новокаменный (неолит). Между каменным и бронзовым веками выделяется особый период, т. н. меднокаменный век (энеолит), связанный с появлением первых изделий из меди при господстве ещё каменных.

Общая (историческая) периодизация основана на развитии форм собственности и ее распределения. Согласно этого критерия, важнейшие этапы истории первобытного общества отождествляются с основными этапами развития первобытной общины, и в этой истории выделяются три эпохи: эпоха праобщины (первобытного человеческого стада) — время становления, эпоха первобытной родовой общины время зрелости, эпоха классообразования — время распада первобытнообщинного строя.

Становление первобытнообщинного строя происходит в палеолите. Палеолит охватывает время от возникновения человека на земле (более 2,5 мил. лет назад) до начала геологической современности (10 тыс. лет). В палеолите в свою очередь выделяется несколько археологических эпох. Первой, самой древней эпохой палеолита, является олдувайская, а затем абевильская, соответствующие самому начальному этапу истории человечества. За ними следуют ашельская (от 400 до 80 тыс. лет), мустьерская (от 80 до 35 тыс. лет) и верхнепалеолитическая (от 35 до 10 тыс. лет) эпохи. Эти эпохи соответствуют геологическим периодам в виде сменяющих друг друга оледенений и межледниковий⁵. Наряду с этим существуют двучленная и трёхчленная периодизации палеолита. В двучленной периодизации первые четыре эпохи от олдувая до мустье включительно объединяются в нижний или ранний палеолит. Согласно трёхчленной периодизации, к нижнему палеолиту относятся только эпохи от олдувая до позднего ашеля, а мустье выделяется в средний палеолит⁶.

Нижний и средний палеолит — это время становления первобытного общества и существования наиболее ранних объединений людей, называемых согласно исторической периодизации праобщинами или первобытными человеческими стадами.

Нижний палеолит

В силу благоприятных природно-географических условий и особенностей расположения Кавказ наиболее подходил для освоения его нашими далёкими предками. Заселение его происходило из Передней Азии, однако время первоначального проникновения человека в пределы Кавказа до сих пор не вполне ясно. В свете современных данных наиболее вероятным считается, что первоначальное его заселение происходило в миандель-рисское время, т.е. в период большого и тёплого предпоследнего межледниковья. Широкое же освоение людью территории Кавказа происходит во второй половине ашельской эпохи, особенно в позднем ашеле, соответствующем времени последнего (рисс-вюрмского) межледниковья (150-80 тыс. лет назад). Многочисленные следы расселения ашельских людей известны в Закавказье, Причерноморье и Прикубанье⁷.

В позднеашельскую эпоху была заселена и часть территории Дагестана на равнине и в горах⁸. Следы деятельности ашельского человека обнаружены здесь в ущелье Чумус-Иниц, на границе Дербентского и Кайтагского районов. Здесь найдены крупные массивные кремневые отщепы и изготовленные из них грубые рубящие орудия, примитивные скребла и другие изделия, аналогичные най-

денным на одновременных памятниках Кавказа.

В горном Дагестане несколько кремнёвых изделий — отщепов ашельского облика обнаружено вблизи сел. Усиша Акушинского района.

Ашельские охотники и собиратели освоили различные ландшафтные зоны Кавказа, приспособив своё хозяйство к конкретным природно-географическим условиям. В горно-лесных районах Западного Кавказа охотились на крупных нестальных хищников (пещерный медведь), в горностепных и лесостепных районах Закавказья — на стадных травоядных (бизон, лошадь, дикий козёл и др.) Судя по сходству естественно-географических условий Дагестана и Закавказья, аналогичная специализированная охота, вероятно, практиковалась и на Северо-Восточном Кавказе. Уже в это время начинают вырабатываться различные формы коллективной охоты с помощью загонных. Развивалось также собирательство. Эта вторая по значению отрасль хозяйственной деятельности древнейших людей была источником в основном растительной пищи, которую четвертичный Кавказ доставлял человеку в изобилии.

Наиболее характерными ашельскими каменными орудиями являлись остроконечник, скребло и в особенности ручное рубило (крупное массивное орудие длиной до 15-20 см., изготовленное из валунов, желваков, кусков породы или толстых отщепов путём их двухсторонней оббивки таким образом, чтобы один конец и продольные края изделия, т.е. остриё и лезвие приострились, а другой конец — захватываемая рукой пятка орудия оставался утолщённым и закруглённым). Указанные орудия были уже более или менее специализированными и предназначались для изготовления деревянного охотничьего оружия, разделывания туш убитых животных, обработки шкур. Тщательная обработка и устойчивые формы ашельских орудий свидетельствуют о знании свойств различных пород камня, о совершенствовании техники его обработки.

Большим достижением ашельского человека явилось умение пользоваться огнём, служившим для него не только источником тепла, но также для приготовления пищи и борьбы с хищными животными. Освоение огня положило начало овладению человеком силами природы.

Ашельские люди жили группами, получившими в науке наименование праобщины (первобытного человеческого стада), основу которых составляла коллективная трудовая деятельность.

Средний палеолит (мустьерская эпоха)

Мустьерская эпоха приходится на первую половину последнего (вюрмского) оледенения и охватывает время приблизительно от 80 до 35 тыс. лет от современности. Она характеризуется широким расселением первобытных людей вдоль северного склона Большого Кавказа и в Причерноморье. В климатически благоприятные времена они проникали в глубину гор Кавказского Причерноморья, а также Прикубанья и Дагестана.

В Дагестане памятники мустьерской эпохи обнаружены во всех его геоморфологических зонах. На равнине — это Чумус-Иниц, Геджух (Дербентский рай-

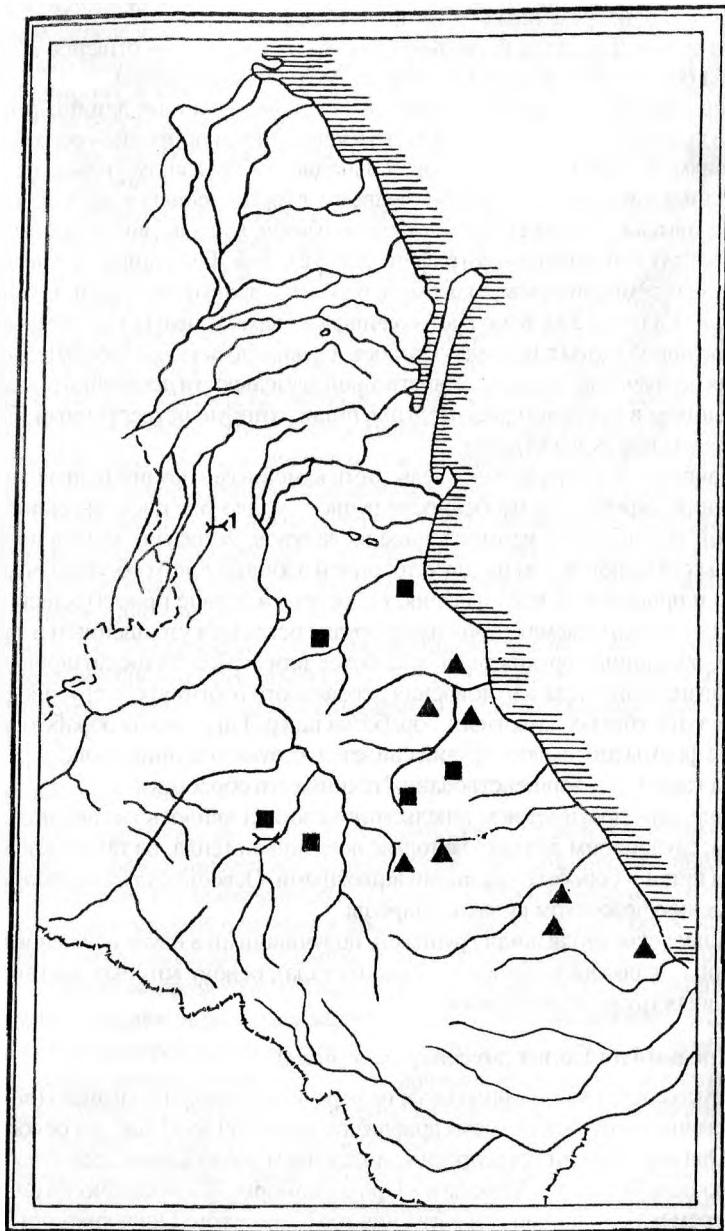

Рис. 1. Карта археологических памятников каменного века (ашель, мустье)

он), Манас-озень (Ленинский район), В предгорьях — окрестности Урцекского городища (Сергокалинский район). Карабудахкент. В горах многочисленны следы деятельности мустьерского человека выявлены неподалёку от селений Усиша и Гинта (Акушинский район). окрестностях сел. Урма (Левашинский район).

Мустьерские памятники Дагестана являются в основном остатками открытых стоянок с разрушенными культурными слоями⁹. Интересны памятники мустьерского времени, обнаруженные в приморском Дагестане вдоль реки Манас-озень¹⁰. Манас-озень — небольшая горная речка, берущая начало в горном Дагестане и впадающая в Каспийское море к югу от г. Махачкалы. По обоим берегам Манас-озени от железной дороги до Карабудахкента расположено 7 местонахождений мустьерской эпохи, а далее, уже в горной зоне, в местности Айдилго в окрестностях Урма выявлено ещё одно местонахождение. Причём по сырью (окремнелый известняк) и составу орудий манас-озенские местонахождения и Айдилго весьма сходны, что, возможно, свидетельствует об одном из наиболее вероятных путей заселения горного Дагестана в раннемустьерское время.

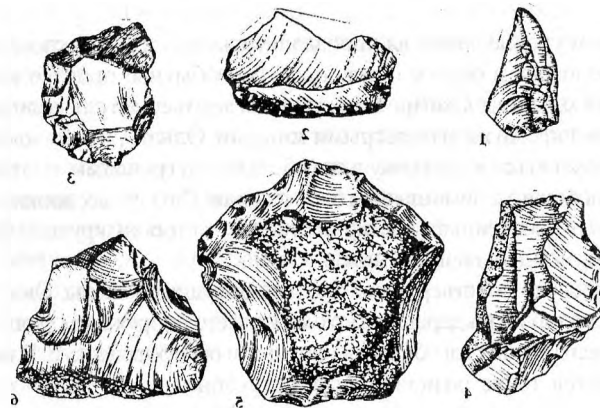

Рис. 2. Кремневые орудия: остроконечник (1), скребло (2), дисковидный нуклеус (3), отщепы (4,5), грубые рубящие орудия (5,6).

В мустьерскую эпоху крупные успехи наблюдаются в развитии техники обработки камня. Распространённые в предыдущую эпоху приёмы изготовления орудий путём раскалывания и последующей оббивки камня сменяются новыми, в основе которых лежало использование для изготовления орудий сравнительно тонких отщепов, сколотых со специально приготовленных каменных ядер — нуклеусов дисковидной формы. В некоторых южных областях (Кавказ, Крым, Средняя Азия) зарождаются ещё более прогрессивные приёмы изготовления орудий из удлинённых ножевидных пластин. Такая техника, получившая название леваллуазской, широко практиковалась и мустьерцами, обитавшими на территории Дагестана.

Орудия становятся разнообразными по форме и по назначению. Отщепы и пластины служили заготовками, которым последующей тщательной обработкой придавалась форма определённого орудия. Чаще всего на мустьерских стоянках встречаются остроконечники, использовавшиеся как универсальные режущие орудия, и скребла, предназначенные главным образом для обработки шкур, ножи для разделки туш животных, клювовидные изделия, рубящие орудия, орудия типа рубильца, скребки, попадаются и резцы — орудия для обработки дерева и кости.

Прогрессивные изменения в технике изготовления каменных орудий свидетельствуют не только о развитии производственных навыков мустьерского человека, но и о дальнейшем развитии и усложнении его хозяйства. Основой хозяйственной деятельности являлась охота, дополняемая собирательством. Отдельные мустьерские общины специализируются в охоте на определённые виды животных. Основными объектами охоты в мустьерское время на Северном Кавказе являлись бизоны, козлы, лошади, олени, муфлонообразные бараны, пещерные медведи. Охотничью добычу составляли также некоторые птицы, грызуны и рыбы. Обитатели каждой отдельной стоянки охотились обычно на один-два вида животных.

При низком уровне развития производительных сил и обусловленной этим слабостью человека в борьбе с природой первобытное производство носило коллективный характер. Охотничьим оружием мустьерцев служили деревянные копия с обожжёнными на огне острыми концами. Однако, пользуясь только ими было трудно охотиться в одиночку или небольшими группами, поэтому широко практиковалась охота с помощью загонных и облавных методов. Спугнутых животных загоняли, используя пересечённый рельеф местности, в сторону крутых обрывов, где они и становились добычей охотников.

Каменные орудия мустьерцев не были ещё орудиями охоты. Они предназначались для изготовления деревянного охотничьего вооружения (копий, палиц и др.), для разделывания туш убитых животных и обработки шкур. В позднем мустье появляются такие разновидности остроконечников, которые могли использоваться в качестве наконечников копий. В это время, вероятно, начинает развиваться и индивидуальная охота. Охота доставляла человеку мясную пищу, шкуры для одежды, одеял, подстилок.

Как и прежде, собирательство являлось второй по значению отраслью хозяйства, удовлетворяющей потребности мустьерцев в растительной пище. Специалисты обращают внимание на то, что на Кавказе мустьерские стоянки преимущественно тяготеют к районам, изобилующим растительной пищей, что указывает на важную роль собирательства в хозяйстве древнейших людей.

Одной из важнейших функций большинства каменных орудий мустьерской эпохи является обработка шкур животных и изготовление из них одежды. Это указывает на возросшую потребность в одежде, обусловленную значительным похолоданием в связи с оледенением. Суровые условия ледниковой эпохи вынуждают мустьерцев располагать свои стоянки в укромных местах, часто —

пещерах. В этих условиях резко возрастает значение огня, который становится одним из важнейших факторов, обеспечивавших благополучие мустьерских общин. И не случайно в эту эпоху были изобретены некоторые способы искусственного добывания огня.

Человек мустьерской эпохи — неандерталец — по своему облику стоял выше людей предшествующего времени. При раскопках пещер Закавказья обнаружены костные остатки людей мустьерской эпохи (зубы в пещере Джуручула, Ереван I и обломок челюсти в Сакажиа).

Прогрессивные изменения в производственной деятельности отразились и на общественном строе мустьерцев. Коллективное ведение охоты с помощью загонных и облавных методов, более или менее длительное совместное проживание и другие обстоятельства сплачивали первобытные коллективы. На Кавказе группы сходных мустьерских памятников, которые относятся к одному времени, сосредоточены на одной территории, отличаются хорошо выраженными местными особенностями. В них имеются памятники разного вида: долговременные базовые стоянки, мастерские, охотничьи лагеря. Обнаружение искусственных жилищ в разных регионах (на Кавказе они выявлены на Ильской стоянке в Прикубанье) и появление погребений неандертальцев свидетельствуют о высоком уровне развития материальной культуры эпохи мустье, возникновении уже идеологических представлений.

Как считают археологи, наличие отдельных археологических культур, разнотипных памятников, искусственных жилищ, намеренных захоронений предполагает, что отдельные человеческие коллективы являлись самостоятельными экономическими ячейками с определёнными нормами общественной жизни (коллективистические производственные отношения, общая собственность на охотничьи территории и средства труда; половозрастное, а возможно, и более сложное разделение труда; отношения взаимопомощи и взаимной заботы и т. п.), которые характерны для зарождающейся родовой организации первобытного общества¹¹.

¹ Более подробная характеристика природных условий Дагестана в четвертичном периоде и указания на литературу см.: Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. С. 18-34.

² Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984. С. 70.

³ Критическое рассмотрение литературных источников и аналитических данных по вопросу колебания уровня Каспия в плейстоцене см.: Свиточ А. А. Колебания уровня Каспийского моря в плейстоцене (классификация и системное описание)// Каспийское море: Палеогеография и геоморфология каспийского региона в плейстоцене. М., 1991. С. 5-100.

⁴ История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 8-32.

⁵ Археология СССР: Палеолит СССР. С. 18-40

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 57-62; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 28.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

атерялов ашельско — мустьерского време-
ек Дагестана. С. 35-98.

ожившиеся напластования на месте поселе-
кой деятельности: орудия труда, предметы
ьки и др.

ерские местонахождения в Прикаспийском
зказана. М.,1986. С. 5-26.

нижнего и среднего палеолита см.: *Любин*
С. 202-204; История первобытного обще-
иогенеза. С. 380-388.; Археология СССР:
еверного Кавказа с древнейших времён до

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАН В ЭПОХУ РАСЦВЕТА ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Наступление верхнего палеолита ознаменовано крупными сдвигами в развитии производительных сил, повлекшими за собой не менее крупные изменения в организации общества¹. Возросшая техническая вооружённость человека в его борьбе с природой сделала возможным существование относительно постоянных хозяйственных коллективов. Функционирование подобных коллективов требовало эффективного использования и дальнейшего совершенствования усложнившихся орудий, навыков труда, что было не под силу праобщине с её сравнительно аморфной неустойчивой структурой. Поэтому праобщина уступила место более прочной форме организации общества — родовой общине, основанной на родстве (прежде всего, на родстве между потомками, рождёнными от одной матери, т.е. по материнской линии). Поэтому упорядоченной формой организации общества, сменившей праобщину, вероятно, был коллектив сородичей, связанных общим происхождением по материнской линии, т.е. материнский род с экзогамными брачными отношениями². В развитии первобытного общества зрелого периода выделяются две стадии: стадия раннепервобытной (раннеродовой) общины и стадия позднепервобытной (позднеродовой) общины.

I. Раннепервобытная община охотников и собирателей

Время существования раннепервобытной (раннеродовой) общины охотников и собирателей охватывает две археологические эпохи: верхний палеолит и мезолит³.

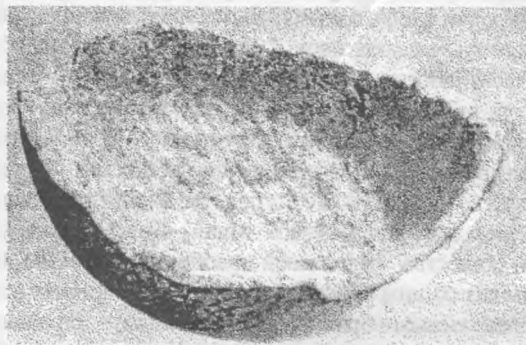
Верхний палеолит

Верхний палеолит охватывает период от 35 до 10 тыс. лет тому назад⁴. В эту эпоху Северо-Восточный Кавказ имел почти современный геоморфологический облик. На этот период приходится заключительный этап последнего (вюрмского) оледенения со сменяющимися друг друга фазами сильных похолоданий и относительных потеплений.

Главной особенностью данной эпохи является становление человека современного типа — кроманьонца. В верхнем палеолите происходят существенные изменения в материальной культуре: становится господствующей техника изготовления орудий из удлинённых кремневых пластин, скальывавшихся с пирами-

дальних и призматических нуклеусов, значительно расширяется набор самих орудий (скобели, ножевидные пластины, резцы, скребки для обработки дерева и кости, разделывания охотничьей добычи, обработки шкур, кремневые ножи, острия, проколки, использо вавшиеся при изготовлении одежды), предметов вооружения (наконечники метательного оружия — копий и дротиков, наконечники стрел, в том числе и геометрические).

Совершенствование охотничьего вооружения, в особенности появление копьеметалок, увеличивших дальность полёта метательного орудия, изобре-

Рис. 3. Белиджинская чаша из кости мамонта

ние лука со стрелами в конце палеолита дали возможность разнообразить приёмы ведения охотничьего хозяйства. На Северном Кавказе охотились на бизонов, быков, диких лошадей, горных козлов и баранов, благородных оленей и др. В Дагестане были распространены и муфлонообразные бараны — обитатели открытых горных плато³, а в приморской зоне мамонты, о чём свидетельствует чаша, изготовленная из кости мамонта, найденная у с. Белиджи Дербентского района. Интересно, что заготовкой для неё послужила головка бедренной кости незадолго перед тем убитого животного. Затем она подверглась обработке кремнёвым орудием, следы которого хорошо сохранились на краях и внутренней полости чаши. Белиджинская чаша является единственной и древнейшей находкой подобного рода утвари, задолго появившейся и предшествовавшей глиняным и плетёным сосудам⁴.

В верхнем палеолите окончательно складывается родовой строй — основа первобытного общества и первобытной истории. Свидетельством существования в позднем палеолите материнской родовой общины являются многочисленные находки на позднепалеолитических поселениях Евразии своеобразных женских изображений, на большинстве из которых подчеркнуты признаки женщины-матери. Подобные изображения, судя по этнографическим материалам, как

правило. связаны с религиозными верованиями и обрядами, характерными для материнской родовой общины⁷.

Верхний палеолит был также периодом расцвета первобытного искусства, представленного скульптурой, живописью и графикой. В рассматриваемое время складываются и современные человеческие расы (европеоидная, негроидная и монголоидная).

Как видно, верхний палеолит был одним из важнейших этапов в истории первобытного общества, характеризуемым крупными достижениями в развитии производительных сил, хозяйства, родового строя, материальной и духовной культуры, а также самого человека современного физического облика, становление которого являлось практическим пресращением его эволюции как биологического вида.

Однако в настоящее время в Дагестане неизвестны археологические памятники, которые могли бы быть бесспорно отнесены к верхнему палеолиту. Прежде к этой эпохе относили нижние слои Чохской стоянки⁸. Однако в результате новейших комплексных исследований данный памятник передатирован. Возраст его теперь определяется в рамках мезолита и неолита, а не верхнего палеолита и мезолита как это было принято раньше⁹. А что касается материалов из местонахождения Сага Цука (Акушинский район), среди которых выделялись изделия верхнепалеолитического облика¹⁰, то они малочисленны и верхнепалеолитический их возраст теперь не столь бесспорен. Эти обстоятельства не позволяют проследить на конкретных археологических материалах процесс культурно-исторического развития Дагестана в рассматриваемое время.

В этой связи необходимо иметь в виду ещё то обстоятельство, что в верхнем палеолите в наиболее суровый период вюрмского оледенения зона обитания человека на Кавказе сужается, он оставляет горные районы и, возможно, районы к востоку от Сурамского хребта, включая и Дагестан. Верхнепалеолитическое население концентрируется в основном в Колхиде, в Причерноморье и в Прикубанье¹¹. Возможность обитания верхнепалеолитических людей в Дагестане, по крайней мере, в его горной зоне, следовательно, представляется достаточно проблематичной.

Мезолит

Верхнепалеолитической эпохой заканчивается и ледниковый период. Последовавший за ним послеледниковый период, или голоцен, характеризуется общим потеплением климата, которое особенно благоприятно сказалось на естественно-географических условиях областей, подвергавшихся оледенениям. На Кавказе значительно сократились площади ледников и вечных снегов. В Дагестане они сохранились лишь в районах высокогорий. Прекратились и трансгрессии Каспия, в ходе которых почти полностью покрывались морскими водами равнинные районы приморского Дагестана и Прикаспийской низменности. При последующих колебаниях уровня Каспийского моря, продолжающихся по на-

стоящее время, его воды затопливали лишь узкую прибрежную полосу и не переходили ближайшего к ней уступа древней морской террасы.

Мезолит (средний каменный век, 10-8 тыс. лет тому назад) является следующим за верхним палеолитом этапом археологической периодизации истории первобытного общества. В эту эпоху происходят заметные изменения в образе жизни людей и в характере их материальной культуры.

Наиболее значительным достижением данной эпохи, ознаменовавшим важный этап в развитии первобытного общества, было широкое распространение лука и стрел. Лук со стрелами обладал целым рядом преимуществ перед другими видами метательного оружия (копья, дротики, метательные палицы и т. п.). Обладая лёгким весом, лук с большим запасом стрел существенно повысил вооружённость и мобильность охотников. Возможность ведения быстрой и меткой стрельбы из любого положения и на значительно большие, чем прежде, расстояния открыла чрезвычайно широкие перспективы для развития охоты, сделала её более манёвренной, дала ей доступ к ранее недоступным видам дичи. Охота в целом приобретает более индивидуальный характер.

Важное хозяйственное значение имело рыболовство, а собирательство становится более интенсивным. В Передней Азии, в южных областях Европы и Азии в мезолите были сделаны первые шаги на пути перехода от охотничье-собирательского хозяйства к земледельческо-скотоводческому. Именно тогда началось приручение и одомашнивание некоторых видов животных. Практиковавшиеся тысячелетиями в процессе собирательства различные формы докультурного отбора съедобных растений, особенно злаковых, способствовали появлению окультуренных видов растений. В результате всего этого в мезолите складываются предпосылки для возникновения производящего хозяйства.

Дальнейшие прогрессивные изменения претерпевает в мезолите и техника изготовления каменных орудий: ведущее место в первичном расщеплении кремня начинают занимать конические нуклеусы, большинство разновидностей орудий мельчает в размерах, составные орудия из мелких обработанных камней (микролитов) получают широкое распространение.

Рост производительных сил и обусловленное им некоторое улучшение условий жизни охотничьих племён приводит к увеличению населения, освоению новых территорий. В результате этого появляются объединения нескольких племён, связанных общностью происхождения и культуры и говоривших на родственных диалектах, складываются этнические общности, к которым относятся истоки формирования современных крупных языковых семей. Это способствовало усилению связей между племенами, росту обмена и культурных связей, быстрому распространению важных открытий и изобретений на значительных территориях.

Всё это характеризует эпоху мезолита как один из наиболее важных этапов на длительном пути культурно-исторического развития первобытного челове-

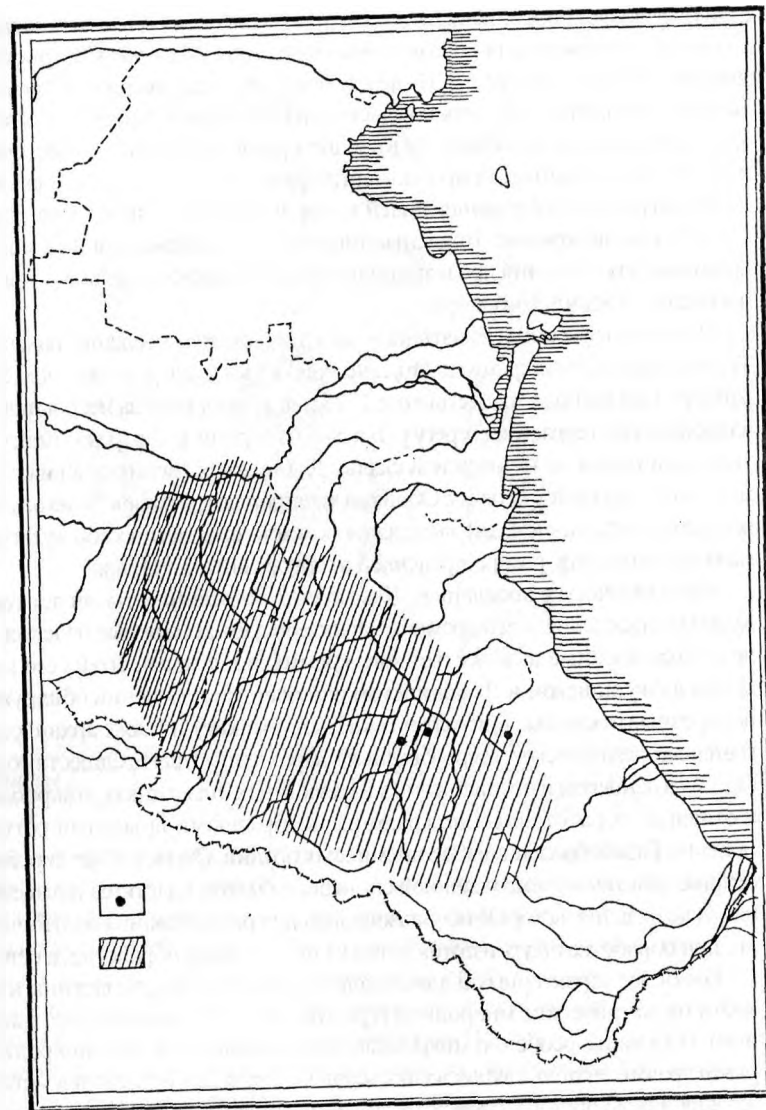

Рис. 4. Карта археологических памятников мезолита и неолита горного Дагестана (чохская культура). 1 — стоянка; 2 — территория чохской культуры

ства и позволяет рассматривать её вместе с последующей неолитической эпохой как период расцвета первобытнообщинного строя. Мезолит Северного Кавказа наиболее изучен в Дагестане. Из шести известных на Северном Кавказе мезолитических памятников три расположены на территории Дагестана. Это Чох, Мекеги, Козьма-нохо, находящиеся в среднегорной части Северо-Восточного Кавказа. Последледниковые природно-географические условия не создавали каких-либо преград для расселения людей в горной части Кавказа¹², о чём свидетельствует их расположение. Вряд ли оставались не заселёнными и не менее благоприятные для обитания предгорные и равнинные районы, а также долины рек и побережье Каспийского моря.

Наиболее изученным памятником является Чохское поселение, находящееся на Турчидагском или Кегерском плато, примерно в 3 км к северу от сел. Чох (Гунибский район)¹³. Оно расположено на высоте 1725 м от уровня моря на небольшой площади надпойменной террасы на берегу р. Багдакули (приток р. Аварское Койсу) у подножия обращённой на юг отвесной скалы. Два нижних слоя поселения относятся к мезолиту, а верхний к неолиту. Обширные материалы раскопок Чохского поселения послужили основанием для выделения чохской археологической культуры эпохи мезолита и неолита, распространённой в горной зоне Дагестана.

Мезолитическое поселение в Чохе существовало 10-9 тысяч лет тому назад. Культуру населения этого времени характеризуют кремневые изделия, в основном изготовленные из качественного кремня, происходящего из его месторождений в Акушинском и Левашинском районах. На поселении обнаружены разнообразные нуклеусы (призматические, конические), а также архаические (дисковидные, левалуазские, веерообразные), характерные для предшествующих эпох. Орудия в основном изготавливались на пластинах, пластинках, микропластинках и отщепках, обработанных по краям разнообразными приёмами ретуши (подправки). Разнообразен и набор кремневых орудий. Он включает скребки, ножи, острия, пластины с притуплённой спинкой, зубчатые пластины и отщепы, резцы и другие изделия, которые использовались для разделывания охотничьей добычи, при обработке шкур, изготовлении из них одежды, обработке дерева и кости.

Наиболее характерными для мезолита являются микропластины и в особенности геометрические микролиты (треугольные, сегментовидные, трапецевидные). Пластины, особенно микропластины и геометрические микролиты с острыми краями, использовались как съёмные лезвия для оснащения метательного оружия и режущих инструментов. В случае поломки одной и даже нескольких пластинок в процессе пользования инструментом они в короткое время и без затрат труда могли быть заменены другими. Благодаря этому, оснащённые микропластинами орудия могли использоваться длительное время, что давало им преимущества перед орудиями, изготовленными из цельных кремневых пластин. Геометрические микролиты использовались также в качестве наконечников стрел.

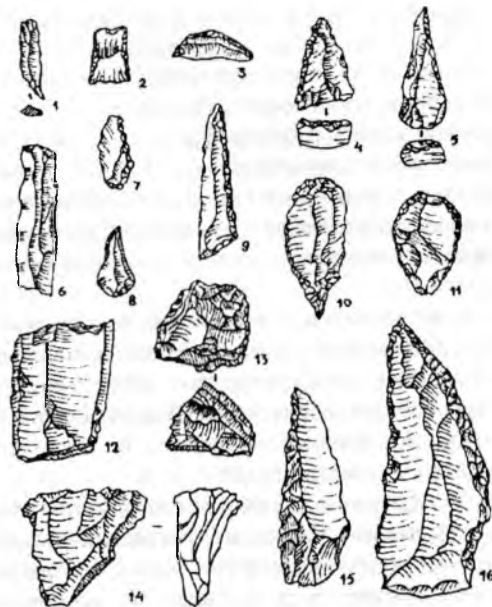

Рис. 5. Мезолитические кремневые орудия: микропластинки (1, 6), микролиты (2 — 5, 7 — 9), скребки (10, 11), ножевидная пластина (12), скобель (13), нуклеус (14), режущие орудия (15 — 16).

Чохскую культуру отличают от других культур Кавказа того времени такие особенности кремневых изделий, как устойчивое сочетание в технике обработки кремня обычных для верхнего палеолита и мезолита призматических и конических нуклеусов с архаическими их формами, восходящими к палеолиту. Специфичными являются острия или наконечники стрел чохского типа, низкие и высокие микролиты — трапеции с прямыми или слегка вогнутыми боковыми сторонами. Обращает внимание то, что инвентарь Чохского поселения находит близкие параллели среди соответствующих материалов туркменских пещерных стоянок и Южного Прикаспия (Ирана). Предполагается, что основные элементы чохской культуры сформировались на территории Южного Прикаспия в районе, расположенном на севере современного Ирана между горами Эльбурса и Каспийским морем. Носители Чохской культуры поселились в горах Дагестана, вероятно, через западный Прикаспий после отступления ледника около 10 тысяч лет тому назад. Этому благоприятствовала экологическая ситуация, сложившаяся в горной зоне Северо-Восточного Кавказа после длительного вюрмского оледенения, которая вновь становится чрезвычайно удобной для обитания чело-

века.

Основу хозяйства мезолитического населения горного Дагестана составляла охота, главным образом на диких баранов и козлов, особенно муфлонообразных баранов, являющихся исходными для одомашненных овец и коз. Большую помощь охотникам оказывала уже прирученная собака, кости которой обнаружены на Мекегинской стоянке. Важную роль в хозяйстве обитателей Чохского поселения играло собирательство, особенно сбор дикорастущих злаков — пшеницы, ячменя, что привело к их окультуриванию. В конечном итоге длительный опыт специализированных форм охоты и собирательства являлся важнейшей предпосылкой для перехода носителей чохской культуры в следующую, неолитическую эпоху к производящему хозяйству, основанному на земледелии и скотоводстве.

Судя по Чохскому поселению и Козманохо в окрестностях сел. Ругуджа Гунибского района, люди чохской культуры жили небольшими довольно плотно расположенными группами, представлявшими собой раннеродовые общины охотников и собирателей¹⁴. Для своих поселений они выбирали укромные, хорошо защищённые места, как правило, на солнечной стороне гор, у реки и, по возможности, вблизи от охотничьих угодий.

Характеристику образа жизни людей чохской культуры следует дополнить ещё одной интересной деталью. На Чохском поселении найдено значительное количество комочков минеральной краски — охры красного, жёлтого и коричневого цветов. В одном из кострищ здесь обнаружены крупные обломки сферосидеритов. После обжига они растирались на небольших тёрках из речной гальки. Как показывают этнографические параллели, такие краски, смешанные с жиром, применялись первобытным человеком для раскрашивания тела при совершении разнообразных ритуальных и магических обрядов. Этими же красками раскрашивались деревянные и костяные изделия. Подобными красками выполнялись и дошедшие до нас образцы наскальных изображений, характеризующих духовную культуру мезолитического населения горного Дагестана. Здесь, в пещерах Чувал-хвараб-нохо и Чинна Хитта в Гунибском районе, выявлены группы наскальных изображений, которые, возможно, относятся к мезолиту. На их стенах краской нарисованы безоаровые козлы, зубры, многочисленные солярные изображения.

Подытоживая данные о мезолите Дагестана, можно утверждать, что особенности материальной культуры его населения находят при безусловной местной специфике многочисленные параллели в одновременных памятниках Кавказа, юга Средней Азии, Ближнего Востока, что свидетельствует об определённом сходстве путей культурно-исторического развития населения указанных областей. Примечательно, что эти области стали позднее одними из древнейших очагов возникновения производящего хозяйства и ранних неолитических земледельческо-скотоводческих культур.

2. Позднепервобытная родовая община земледельцев и скотоводов

На заключительном этапе развития каменного века эпоха раннепервобытной общины охотников и собирателей сменяется эпохой позднепервобытной (позднеродовой) общины. Становление и развитие позднепервобытных общин земледельцев и скотоводов в Дагестане происходит в периоды неолита и энеолита¹⁵. В предшествующий период каменного века развитие человеческой культуры, хозяйства и общества в целом происходило чрезвычайно медленными темпами. Люди каменного века, несмотря на известные успехи в экономическом культурном и социальном развитии, оставались в сильнейшей зависимости от природы. Основные виды их хозяйственной деятельности — охота и собирательство, в конечном итоге были нацелены на добычу готовых продуктов природы с использованием разнообразных орудий и оружия, изготовленных из камня, кости и дерева. Люди только присваивали готовые продукты природы и, конечно, в полной мере зависели от её благодати. Однако с течением времени растущие потребности человеческого общества, накопление опыта и знаний при наличии необходимых экологических и социальных факторов привели к тому, что человек каменного века сделал величайший шаг на пути активного воздействия на природу и избавления от фатальной зависимости от её капризов и щедрот. Таким шагом был переход от собирания дикорастущих злаков к их искусственному выращиванию, от охоты на диких животных к их приручению. На смену прежнему присваивающему охотничье-собирательскому хозяйству пришло производящее, основанное на земледелии и скотоводстве.

Переход к земледелию и скотоводству не был внезапным и единовременным актом. Условия для этого вызревали на протяжении длительного периода верхне-го палеолита и мезолита в процессе адаптации человека к тем или иным природным условиям, освоения человеческими коллективами окружающих их природных ресурсов. В зависимости от экологических условий, их изменений, технического и социального развития первобытных коллективов в одних регионах этот переход совершался раньше, в других — позднее, через много веков, а в третьих — люди на протяжении ещё многих тысячелетий продолжали удовлетворять свои потребности в пище с помощью архаических, присваивающих форм хозяйства.

Древнейшие центры возникновения земледелия и скотоводства приурочены к горным областям Ближнего Востока. Первые племена оседлых земледельцев и скотоводов появляются уже к VII тыс. до н.э. в горных долинах Палестины, Сирии, Ирака и Ирана¹⁶. На территории нашей страны первые земледельцы и скотоводы появились к VI тысячелетию до н.э. на юге Средней Азии, в Северном Причерноморье и на Кавказе¹⁷. Новейшие комплексные исследования, проводившиеся в Дагестане, позволили установить, что горный Дагестан является на Кавказе пока единственной горной областью, где выявлены наиболее древние человеческие коллективы, перешедшие к земледелию и скотоводству. В горных

долинах Дагестана это произошло в неолите — позднем каменном веке, т. е. на рубеже VII-VI тыс. до н.э.¹⁸

Переход от присваивающего хозяйства к производящему явился одним из важнейших событий в истории человеческого общества, приведших к кардинальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности первобытных коллективов, в их бытовом укладе, образе жизни, идеологии и, в конечном итоге, в общественном строе. Происходит быстрый рост населения, осваиваются новые территории, жизнь человеческих коллективов становится более оседлой, открываются возможности для накопления значительных богатств, что грозит уже самим основам первобытно — общинного строя, в недрах которого произошло становление нового типа хозяйства.

Многое в хозяйстве первых земледельцев и скотоводов всё ещё тесно было связано с архаической экономикой: обеспечение мясной пищей всё ещё шло за счёт охотничьего промысла, с охотничьим хозяйством связано большинство орудий, изготовлявшихся ещё в основном из кремня. Однако не это определяет облик культуры ранних земледельцев и скотоводов. Находки окультуренных зёрен злаков — пшеницы и ячменя свидетельствуют о развитии земледелия. Появляется неизвестный ранее производственный инвентарь, связанный с земледелием: костяные, каменные серпы с кремневыми вкладышами, каменные зернотёрки, печи для выпечки хлеба. Приручается мелкий рогатый скот. Совершенствуется обработка камня, открываются новые технические приемы изготовления орудий и оружия: шлишение, шлифование, сверление. Таким путём изготавливались каменные топоры, тесла, долота и другие предметы.

С установлением более прочной оседлости связано появление постоянных поселений с фундаментальными каменными жилищами вместо прежних охотничьих стоянок. Укоренение более прочной оседлости привело к возникновению совершенно неизвестных прежде видов домашних производств, таких, как изготовление глиняной посуды, прядение и ткачество.

Дальнейшее развитие земледельческо-скотоводческого населения Дагестана происходит в эпоху энеолита, охватывающего V — IV тыс. до н.э. Энеолит, или медно-каменный век — это рубеж между двумя археологическими эпохами — каменным веком и эпохой бронзы, это переходный период между каменным и бронзовым веками. К двум важным открытиям человечества — земледелию и скотоводству теперь прибавилось третье — металлургия. Медь и ее сплавы были первыми в истории человечества металлами, которые стали соперничать с камнем и костью в качестве материала для изготовления орудий труда и предметов вооружения. Новые, более производительные орудия экономили и облегчали труд, развитие металлургии сыграло значительную роль в росте производительных сил и вызвало прогрессивные изменения в общественной жизни и культуре. Спрос на металл стимулировал развитие обмена и связей между отдалёнными друг от друга племенами. Следует подчеркнуть, что в эпоху энеолита земледелие и скотоводство становятся уже основой хозяйства, происходят большие изменения в материальной культуре, сокращается набор орудий, связанных с присваи-

вающими формами хозяйства: земледелие и скотоводство становятся основой экономики. К концу энеолитической эпохи в условиях дальнейшего развития земледелия и скотоводства, в особенности в связи с освоением металлургии происходит определённая деградация каменной индустрии, выразившаяся в упадке пластинчатой техники расщепления камня и в общем сокращении ассортимента каменных орудий. Всё это определило облик культуры эпохи энеолита.

Появление устойчивых, умножающихся и полноценных источников питания приводит к быстрому росту населения, увеличению его плотности, происходит давление избытка населения на производительные силы, вследствие чего избыточное население начинает осваивать новые территории. В результате расселения мобильных групп земледельческо-скотоводческого населения осваиваются пригодные горные долины, где в эпоху энеолита возникают новые постоянные поселения в речных долинах, сезонные стоянки скотоводов появляются на горных склонах у летних пастбищ.

Развитие производящего хозяйства приобретало различные направления в зависимости от естественно-географических условий и культурных традиций. В одних областях оно принимало преимущественно земледельческое направление, а в других — преимущественно скотоводческое. На Кавказе, в том числе и в горном Дагестане производящее хозяйство развивалось по преимущественно земледельческому пути, стимулировавшему становление оседлоземледельческого хозяйства. В то же время в степях к северу от Кавказа становление производящего хозяйства происходило по преимущественно скотоводческому направлению. В обширной зоне каспийско-черноморских степей в эпоху энеолита складываются общества подвижных скотоводческих племён. Выделение подвижных скотоводческих племён явилось одним из важнейших рубежей в истории общественного разделения труда. Оно повлекло за собой множество разнообразных и радикальных перемен в истории населения Старого Света. Отношения между подвижными скотоводами и оседлыми племенами не были стабильными. Были периоды длительных мирных обменных связей, культурных взаимоотношений. Но несомненными фактами засвидетельствованы вторжения, проникновение степного населения в оседлоземледельческую кавказскую среду. Эти взаимоотношения двух различных обществ в значительной степени определили содержание и специфику процесса исторического и этнокультурного развития населения Кавказа. Особое значение имели взаимоотношения оседлых земледельцев и степного населения для истории контактных зон на окраинах раннеземледельческой ойкумены, каковым, в частности, Северо-Восточный Кавказ выступал, начиная с неолитической эпохи.

Неолит

Эпоха неолита охватывает на Северо-Восточном Кавказе конец VII и VI тысячелетия до н.э. В этот период в горной зоне Дагестана продолжали жить потомки носителей чохской культуры поры мезолита. Наши представления о хозяйстве, быте и культуре неолитического населения горного Дагестана осно-

выявляются, в первую очередь, на материалах всесторонне изученного верхнего неолитического слоя Чохского поселения, остатков поселений с сильно нарушенными или разрушенными культурными слоями (Сага-Цука, Какала-Кадала-Хар), кремневых мастерских (Арачалла-бек, Дузани) в Акушинском районе, местонахождений наскальных изображений в Харитани I и других в Гунибском районе. Культура неолитического населения Горного Дагестана несколько отличается от одновременной культуры степного (остатки стоянок Терекли-Мектеб, Тарнаир) и Предгорного (Буйнакская стоянка) Дагестана.

Наибольшее представление об изменениях, происшедших в быте, хозяйстве, культуре и социальной организации населения Горного Дагестана в неолите по сравнению с эпохой мезолита дают материалы верхнего неолитического слоя многослойного Чохского поселения¹⁹. Неолитический слой непосредственно перекрывает мезолитический. Отсутствие между ними прослойки без культурных остатков (стерильный слой) свидетельствует об отсутствии между этими двумя слоями Чохского поселения существенного временного разрыва и соответственно сколько-нибудь ощутимого перерыва в обживании поселения. Это подтверждает и характер кремневых изделий неолитического слоя, которые связаны с инвентарём предшествующего мезолитического слоя. В неолитическом слое сохраняется традиционная техника изготовления кремневых орудий из пластинок, преимущественно микропластинок, с помощью красной ретуши. Существенных изменений не претерпевает и набор типов изделий. Примечательно, что преемственность наблюдается, в частности, в специфических для чохской культуры поры мезолита типах кремневых орудий как острия чохского типа, ножи с ретушированным дистальным наклонным обушком, удлинённые асимметрические тупоугольные треугольники, высокие трапеции и в своеобразных элементах техники получения заготовок для орудий из архаических нуклеусов. Это является одним из ярких показателей существования генетической связи между мезолитической и неолитической этапами развития чохской культуры. Конечно, кремневые изделия поселения от слоя к слою претерпевали и определённые изменения эволюционного характера. В частности, здесь наблюдается процесс дальнейшей микролитизации кремневого инвентаря: в неолитическом слое появляются неизвестные в нижних слоях карандашевидные нуклеусы, рассчитанные на получение узких и тонких микропластинок для оснащения вкладышевых орудий, увеличивается количество геометрических микролитов, уменьшаются их размеры, т.е. совершенствуется микролитическая кремневая индустрия.

Однако эти количественные изменения в развитии кремневого инвентаря ни в какое сравнение не идут с теми качественно новыми явлениями в культуре, которые были порождены коренными изменениями в хозяйстве и быте обитателей Горного Дагестана в неолитическую эпоху в связи со становлением производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве. Комплексные исследования материалов Чохского поселения показали, что Горный Дагестан относится к числу тех горных областей, где протекала "неолитическая революция" — чрезвычайно длительный и сложный процесс вызревания земледелия и

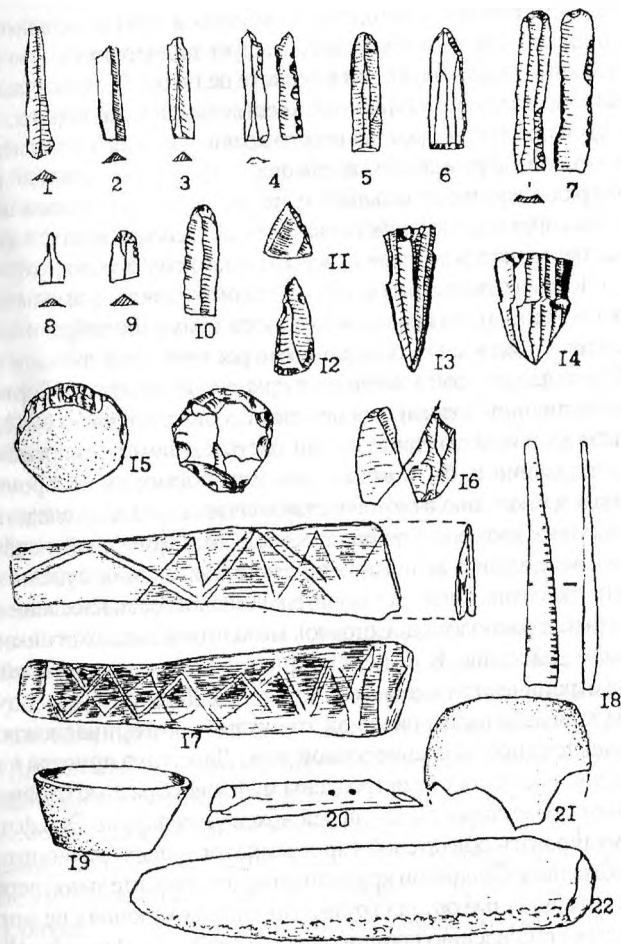

Рис. 6. Чохское поселение: кремнёвые орудия (1-16), зернотёрка (22), рукоять каменного серпа (17), часть костяной флейты (20), керамика (19 — 21)

скотоводства в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства²⁰.

Переход к производящему хозяйству был обусловлен благоприятным сочетанием двух факторов — социального и природного. К первому относятся сравнительно высокий уровень развития техники, высокоразвитая экономика производящего типа, зачатки положительных знаний, плотность населения, затрудняющая расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы

эксплуатировались прежними методами. Оценивая в этом отношении соответствующие материалы Горного Дагестана, следует подчеркнуть, в первую очередь, что техника изготовления орудий в неолите целиком базировалась на высококачественной пластинчатой индустрии предшествующей мезолитической эпохи, как и во всех древних очагах производящего хозяйства. Так, например, один из основных инструментов ранних земледельцев — прямая жатвенный нож представлял собой традиционное вкладышевое орудие, использовавшееся в неолите и позднее в качестве зернотёрки, были известны также ещё в мезолите.

Обитатели Чохского поселения в эпоху мезолита являлись высокоспециализированными охотниками на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов (предков домашних овец и коз) и собирателями растительной пищи, в том числе и злаковых. В ходе длительной адаптации к природным условиям Горного Дагестана у них, естественно, должен был накопиться определённый объём знаний об окружающем их в повседневной жизни растительном и животном мире, о способах их утилизации и, быть может, о возможностях их воспроизводства. Однако переход к земледелию и скотоводству являлся отнюдь не следствием экспериментов досужих интеллектуалов, а острой экономической необходимостью, возникшей вследствие увеличения плотности населения, сужения охотничьих угодий и истребления дичи²¹. О значительной плотности населения говорит, в частности, близкое расположение стоянок мезолитических охотников и собирателей в Горном Дагестане. К тому же территория расселения людей чохской культуры была ограничена в основном внутренним Дагестаном, а зону предгорий и равнины занимало население иной этнокультурной принадлежности. Такое сравнительно плотное заселение горной зоны Дагестана привело к тому, что здесь почти полностью были уже истреблены муфлонообразные бараны, являвшиеся основными объектами охоты людей чохской культуры. Эти факторы не могли не стимулировать обитателей гор к поискам новых источников пищи, способов её добывания. Однако ни кризис охоты, ни относительное перенаселение, ни самые совершенные орудия труда в тогдашних условиях не могли сами по себе привести к становлению производящего хозяйства. Важнейшей предпосылкой и условием перехода к экономике нового типа был природный фактор, т. е. наличие растительного и животного мира, в котором представлены дикие предки культурных растений и домашних животных и природные условия, способствующие окультуриванию растений и одомашниванию животных²². По своим природным условиям Горный Дагестан отличается от центральной части Северного Кавказа и Западного Кавказа и вместе с Восточным Закавказьем фактически является составной частью Передней Азии — древнейшего очага зарождения производящего хозяйства. Как и в колыбели древнейшего земледелия — в горных зонах Передней Азии, в Дагестане росли дикие сородичи культурных злаков — пшеницы и ячменя, а судя по костным остаткам из культурных слоёв эпохи мезолита Чохского поселения, здесь обитали безоаровые козлы, муфлонообразные бараны и туры, которые считаются предками домашних овец, коз и крупного

рогатого скота²³.

Однако наличие отмеченных социальных и биологических предпосылок само по себе недостаточно для того, чтобы совершился переход к производящему хозяйству. Для его возникновения очень важно, чтобы сложились экстремальные условия, которые ставили первобытные коллективы перед неизбежной необходимостью поисков новых источников питания. В сфере социальной это были кризис охоты, относительная перенаселённость территории обживания. Что же касается природных факторов, то таковыми являлись изменения климатических условий, которые имели место в Горном Дагестане в послеледниковую эпоху. В позднеледниковую эпоху здесь господствовал сухой и холодный климат, исключающий возможность его заселения. В послеледниковую эпоху, около начала VIII тыс. до н.э. климат смягчился, но не сильно, а только до прохладного. Эти неблагоприятные условия нацелили людей, заселивших только что Горный Дагестан, на поиски новых источников жизнеобеспечения. Наступивший затем на рубеже VII-VI тыс. до н.э. тёплый и влажный период и связанные с этим вертикальные перемещения ландшафтных зон ускорили этот процесс и одновременно создали реальные возможности для использования в этом плане ботанических и биологических ресурсов Горного Дагестана. Анализ материалов неолитического слоя Чохского поселения свидетельствует о том, что эти возможности были реализованы.

В этом слое были обнаружены совершенно неизвестные в мезолите орудия, связанные с земледелием. Это составные жатвенные орудия с прямой каменной или костяной основой, т.е. прямолезвийные серпы с кремневыми вкладышами из микропластинок и геометрических микролитов — орудия, типичные для племён, стоявших на пороге или только перешедших к искусственному возделыванию злаков, к земледелию. Земледельческими орудиями являются также зернотёрки, камни — терочки, мотыжки для разрыхления почвы. На поселении обнаружены и сами зёрна окультуренных злаков: несколько разновидностей пшеницы (пшеница “двухзернянка” — *Triticum dicoccum* Schrank; пшеница “однозернянка” — *Triticum monococcum* L. пшеница “мягкая карликовая” — *Triticum aestivo-compositum* L.), ячменя (ячмень плёнчатый — *Hordeum vulgare* L. *polystichum*), ячмень голозёрный *H. vulgare* var. *hudum*). Всё это свидетельствует, что земледелие у обитателей Чохского поселения занимало в хозяйстве одно из ведущих мест.

Палеозоологические находки из того же слоя доказывают наличие также одомашненных животных: домашней овцы (*Ovis cf. aries*), козы (*Capra hircus*). Обитатели Чохского поселения, таким образом, были древнейшими на территории Восточного Кавказа земледельцами и скотоводами. Всё это блестяще подтверждает взгляды выдающегося советского биолога Н. И. Вавилова, который ещё в 20-х годах, опираясь только на геоботанические данные, писал, что “периоду великих культур предшествовал, естественно, период обособленной жизни племён и небольших групп населения в замкнутых районах, и для этой цели горные райо-

ны могли служить прекрасными убежищами... Всего вероятнее, что также как центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы²⁴. Он указывал, что земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит вглубь тысячелетий²⁵. Выделяя наиболее древние очаги возделывания хлебных злаков, зерновых и бобовых, Н. И. Вавилов подчёркивал, что Закавказье, Дагестан непосредственно входят в очаг происхождения данных культур²⁶.

Суммируя всё выше сказанное, можно заключить, что люди, заселившие горный Дагестан в послеледниковый период, в мезолите около 10 тыс. лет тому назад (VIII тыс. до н.э.), на рубеже VII-VI тыс. до н.э., т. е. в раннем неолите, совершили крупный скачок в своём экономическом развитии, перешли от присваивающего хозяйства, основанного на собирательстве и охоте, к земледелию и скотоводству.

Однако в хозяйстве и культуре древнейших земледельцев горного Дагестана как бы сочетаются элементы старого и нового, архаического и прогрессивного. Здесь ещё многое восходит к экономике и быту собирателей и охотников, как и у других ранних земледельческих племён Ближнего Востока. В значительной степени мясную пищу древним обитателям Горного Дагестана доставляла ещё охота. Обитатели Чохского поселения охотились в основном на безоаровых козлов, диких баранов, встречены кости кабана, благородного оленя, медведя, барсука. С охотничьим промыслом связана большая часть кремневых орудий. Это различные виды скребков, применявшихся при очистке шкур, ножи для разделки туш животных, острия, использовавшиеся при шитье одежды из шкур.

Переход к земледелию и скотоводству коренным образом изменил образ жизни и быт первобытных коллективов, обитавших в горной зоне Северо-Восточного Кавказа, отразился почти во всех областях их культуры. Земледелие позволило древним обитателям Чохского поселения вести более стабильный оседлый образ жизни. Это поселение уже не временная стоянка бродячих охотников. Это постоянное поселение с прочными каменными домами, рассчитанными на длительное обживание. Дальнейшее развитие получают производства, связанные с изготовлением орудий труда. Происходит резкое возрастание потребностей на качественное исходное сырьё, шедшее на массовое изготовление орудий и большого количества режущих инструментов (ножей, жатвенных орудий, свёрл, пилок, скребков и т. д.). Начинается интенсивная обработка естественных месторождений кремня, возникает множество кремневых мастерских. Такие мастерские в Дагестане обнаружены в богатых выходами качественного мелового кремня окрестностях селений Акуша, Усиша, Цудахар и др.²⁷ Здесь, на местах древних разработок кремневых месторождений, в огромном количестве встречаются отщепы, пластины, обломки и осколки кремня, представляющие собой отходы производства. Среди них попадаются заготовки орудий, иногда даже самые орудия. Первобытные коллективы, разрабатывавшие эти месторождения,

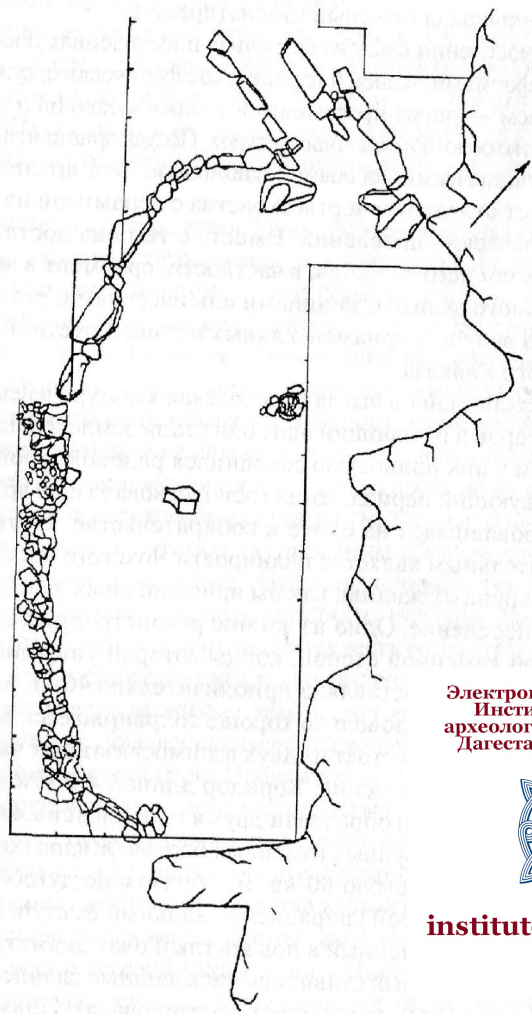
снабжали кремнем население соседних районов, где отсутствуют месторождения качественного кремня. Это способствовало расширению обмена и упрочению связей между родоплеменными коллективами.

С переходом к прочной оседлости возникают и неизвестные прежде домашние производства. К ним относится, в первую очередь, керамическое производство — появляется первая плоскодонная глиняная посуда. Она ещё весьма грубая, вылеплена на плитчатых подставках ручным способом из глины, в которую специально примешивали толчёный камень (дресву).

На Чохском поселении найдена безручная плоскодонная посуда. Она представлена двумя формами: чашей и горшком со сферическим, суживающимся к горловине туловом — двумя простейшими типами кухонной и столовой посуды. Имеются также обломки баночных сосудов. Посуда орнаментировалась очень редко и скупо: шишечками, валиком с защипами. Эта архаическая посуда Дагестана имеет отдельные черты сходства с керамикой из закавказских раннеземледельческих поселений. Вместе с тем она достаточно своеобразна, показателем чего является, в частности, орнамент в виде рельсфного горизонтального валика с защипами или насечками, ставший впоследствии одним из ведущих орнаментальных мотивов местной керамики Северо-Восточного Кавказа.

Какой бы архаичной ни выглядела чохская культура в неолите, её носители сделали первый решающий шаг: они стали земледельцами и скотоводами. При этом у них полностью сохранился родовой строй, сложившийся в предшествующий период, когда господствовала ещё архаическая экономика, базировавшаяся на охоте и собирательстве. В этом отношении весьма показательным является планировка Чохского поселения. Оно состоит из двух крупных жилищ, как бы прислонённых к скале, под которой расположено поселение. Одно из жилищ реконструируется как наземное с дугообразной каменной стеной, концы которой упирались в скальный массив. Площадь его составляла приблизительно 40 кв. м. К востоку от него находилось другое довольно хорошо сохранившееся жилище. Остатки жилого сооружения состоят из двух взаимосвязанных частей; входного коридора и жилого помещения. Коридор длиной 4,8 м и шириной 80 см обращён входом на юг и образован двумя параллельными прямыми стенами, сложенными из крупных каменных блоков. Жилое помещение овальной формы площадью около 60 кв. м. образовано дугообразной каменной стеной, концы которой упирались о скальный выступ. В центре жилища располагался углублённый в пол круглый очаг диаметром 40 см., глубиной 8-10 см., на который ставились дисковидные сланцевые плитки (обломки подобных плиток находились внутри очага). Примечательно, что подобные сланцевые плиты в Дагестане до недавнего времени использовались для выпечки лепёшек. Интересно, что в ряде дагестанских языков

каменная плита, чугунная печная плита и сковорода называются одним и тем же словом, означающим “каменная плита”. Предположительно жилище имело плоскую кровлю из дерева с земляным покрытием, опирающуюся на скалу, стены и продольную балку, подпираемую центральным столбом.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Рис. 7. План неолитического жилища Чохского поселения

Исходя из размеров и по этнографическим параллелям, следует полагать, что чохские жилища занимали несколько парных семей, ведущих совместное хозяйство. Специальные подсчёты позволили вычислить вероятное количество парных семей, приблизительно 6 (одна семья на 10 кв. м. площади) и общее количество большесемейной общины, в которую были объединены парные семьи числом приблизительно в 24 человека. Предположительно в двух жилищах чохского поселения могли обитать две большие семьи, объединённые в небольшую родовую общину численностью населения около 50 человек²⁸. Такой примерно представляется организация первичных социальных ячеек родовых коллективов ранних земледельцев горного Дагестана, локализованных на отдельных родовых поселениях.

Переход к производящему хозяйству вызвал переворот и в духовной жизни древнейших земледельцев, наложил свой отпечаток на их верования и культы. Некоторое представление об этом дают памятники искусства неолитической эпохи. Весьма интересно святилище Харитани I в горах Дагестана (Гунибский район), где на стенах труднодоступного грота нанесены контурные и силуэтные рисунки, выполненные красной краской. Над всеми изображениями как бы доминирует крупная фигура человека с поднятыми вверх руками. Её поза, обнажённые руки и грудь, ромбический рисунок — символ женского начала — богини-матери, часто встречаемой в древних памятниках искусства ранних земледельцев Передней Азии. На Хаританинском панно богиня плодородия изображена в окружении быков и пятнистых хищников, а ниже помещены значительно меньшие по размерам изображения людей, быков, оленей, собак, хищников и змей. Эта композиция обнаруживает сходство с росписями неолитических святилищ Передней Азии, свидетельствуя о широком распространении у ранних земледельцев Передней Азии, Юго-Восточного Прикаспия и Северо-Восточного Кавказа культа женского божества²⁹.

На Чохском поселении обнаружена единичная и очень своеобразная находка — флейта, изготовленная из трубчатой кости овцы или козы. Поверхность кости с одной стороны уплощена шлифовкой и на полученной плоскости через равные промежутки пробиты небольшие отверстия. Это редкая находка, аналогии которой неизвестны в древних памятниках Кавказа. Обнаружение на Чохском поселении подобной вещи также свидетельствует о развитии духовной культуры и художественного творчества его обитателей.

В культурном отношении неолитическое население Горного Дагестана в значительной степени имело сходство с ранними земледельцами Закавказья и Ближнего Востока, с которыми, очевидно, поддерживались тесные связи.

С переходом племён Горного Дагестана к оседлому земледелию наступает период их ускоренного прогрессивного развития. Новые формы хозяйства вели к быстрому росту населения, прогрессу во всех областях производства, культуры, земледельческому освоению всё больших территорий. Однако оседлоземледельческое освоение Северо-Восточного Кавказа в неолите было ещё ограничено пределами территории в основном Горного Дагестана.

Несколько отличалось от них население предгорий и степных равнин Дагестана. Некоторые представления о его культуре дают остатки селищ на окраине Махачкалы (в урочище Тарнаир), неподалёку от Буйнакскa, а также находки на песчаных выдувах на территории Герско-Сулакской и Приморской низменностей (Терекли-мектеб, Алмало и др.)³⁰. Тарнаирское селище расположено на древней морской, а в Буйнакске — на древней речной террасах. В обоих дагестанских селищах собраны многочисленные материалы: каменные орудия труда, заготовки для них, отходы производства. Среди них много кремневых микропластинок правильных очертаний и изготовленных на них миниатюрных орудий. Найдены небольшие нуклеусы призматической и пирамидальной формы, с которых скальвались микропластинки. Определённую часть находок составляют острия,

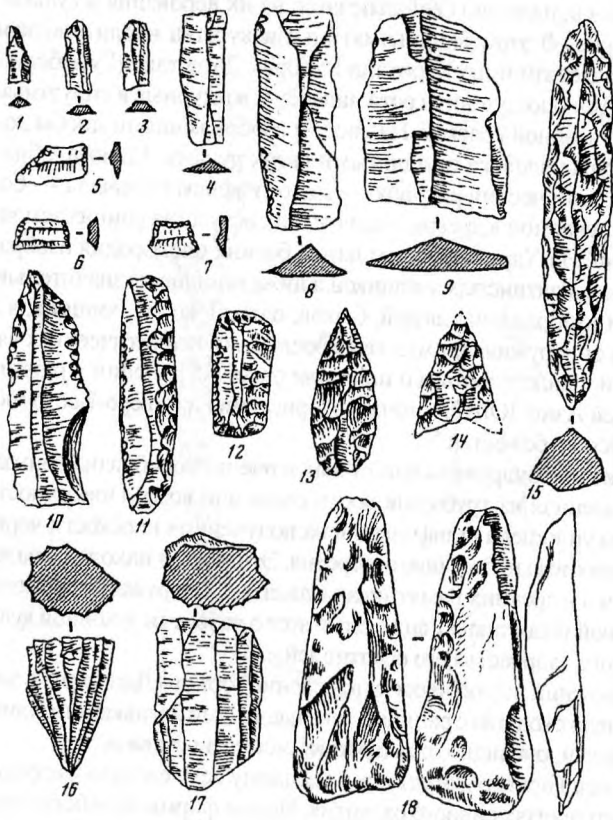

Рис. 8. Каменные, кремневые изделия эпохи неолита из Буйнакской и Тарнаирской стоянок

скребки, главным образом округлой конфигурации. Все эти поделки своей формой, размерами и техникой обработки напоминают соответствующие образцы кремневого инвентаря эпохи мезолита и неолита Горного Дагестана и применялись в основном для оснащения охотничьего вооружения и обработки охотничьей добычи.

Кроме указанных изделий в этих селищах обнаружены и новые типы кремневых орудий. Среди них — длинные ножевидные пластины и орудия из них, наконечники стрел листовидной и треугольной форм. Последние тщательно обрабо-

таны с обеих сторон отжимной ретушью. Найдены и кремневые ретушеры — орудия для нанесения такой ретуши — в виде треугольных в сечении стержней с суживающимися концами.

В инвентаре обоих селищ встречаются и крупные орудия. Интересны утолщённо-клиновидные орудия с подшлифованным лезвием. Подобные орудия также впервые появившиеся в неолите, имели универсальное назначение. Они употреблялись в качестве топоров, тёсел.

Эти находки из описанных селищ, которые почти не представлены на Чохском поселении, а также отсутствие в них ряда изделий, специфичных для чохской культуры, свидетельствует о том, что культура, представленная ими, существенно отличается от чохской. Об этом свидетельствуют также кремневые изделия из сборов на песчаных выдувах к северу от Махачкалы (Алмало) и в ногайских степях (Терекли-мектеб), которые близки к северокавказскому культурному ареалу, включающему степи Предкавказья, Северо-Западного и Северо-Восточного Прикаспия, связанному своим происхождением с Северным Кавказом, в отличие от чохской культуры, принадлежащей к кругу южнокаспийского культурного ареала, генетически связанного с прибрежными районами Южного Прикаспия³¹.

Памятники степной культуры не свидетельствуют о наступлении сколь угодно прочной оседлости его населения, об их переходе к производящей экономике. Степное население Северо-Восточного Кавказа в неолите находилось, скорее всего, ещё на стадии присваивающего хозяйства. Всё это говорит о неравномерности культурно-исторического процесса в этом регионе. Горные области (Внутренний Дагестан) развивались в неолите более быстрыми темпами по сравнению с приморской низменностью. Вскоре в горной зоне наступила новая эпоха — эпоха металлов, характеризующаяся появлением первых металлических орудий. Этот период в археологии называется энеолитом, или медно-каменным веком, охватывающим хронологические рамки V — IV тыс. до н.э.

Энеолит

Знакомство с металлом и начало изготовления из него редких на первых порах орудий труда, оружия и предметов украшения открыли перед человечеством замечательные технические возможности. Первыми в истории человечества металлами, вступившими в соревнование с камнем и костью в качестве основного материала для изготовления орудий труда и оружия были медь и её сплавы — бронза. С их распространением началась новая эпоха в истории человечества — эпоха металлов. Наиболее ранние находки медных изделий известны в Передней Азии, где они появляются в VII-VI тыс. до н.э. почти одновременно с керамикой. Однако на ранних этапах освоения меди орудия, изготовленные из неё, были редким явлением. Сравнительно мягкий и редкий в то время металл, каким являлась медь, не мог успешно соперничать в этом отношении с камнем.

Несмотря на то, что человек начал использовать медь для производства орудий труда, преобладающую роль продолжали играть каменные орудия. Эту особенность эпохи отражает термин “энеолит”, т. е. медно-каменный век, использу-

емый археологами для обозначения переходного периода от каменного века к бронзовому.

Одним из важнейших очагов металлургии меди и бронзы был Кавказ с его богатыми рудными источниками. Ранние металлические изделия, относящиеся пока к V-IV тыс. до н.э., обнаружены на энеолитических раннеземледельческих поселениях Закавказья (Кюль-тепе I у г. Нахичевань и Техут в Армении). Они содержат примеси мышьяка, концентрация которого доходит до 5,4 %, что не исключает его искусственной присадки³². Это уже не самородная медь, из которой первые орудия делались с помощью ковки, а металл, выплавленный из руды, что свидетельствует уже о начале сознательной металлургии, литейного дела. Не позже V—IV тыс. до н.э. первые металлические изделия появляются и на Северном Кавказе. В одном из ранних погребений Нальчикского могильника было обнаружено медное колечко.

В период первоначального освоения металла, в V—IV тыс. до н.э. потомки неолитических земледельческо-скотоводческих племён горного Дагестана расселяются по горным долинам, плоскогорьям, занимая места наиболее удобные для ведения первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Южными соседями их были раннеземледельческие племена Закавказья, тесно связанные с Передней Азией. На севере, в степях Предкавказья и Волго-Донского междуречья обитали скотоводческие племена. Сложившиеся в эту эпоху хозяйственные и культурные традиции, а также тесные связи со своими южными и северными соседями в значительной мере предопределили дальнейшую историю населения Северо-Восточного Кавказа.

Прогрессивные изменения, происшедшие в жизни северокавказских племён в эпоху энеолита, лучше всего характеризуют археологические материалы из Горного Дагестана³³. Здесь известно несколько поселений рассматриваемой эпохи. Но наиболее изученным является Гинчи, находящееся в центральной части Горного Дагестана, в Гидатлинской долине близ с. Тидиб Шамильского района. Оно расположено на верхней речной террасе и в плане имеет вид треугольника, вклинившегося между двумя скальными откосами. С третьей открытой стороны оно огорожено каменной оборонительной стеной шириной в среднем 1,50 м. Это наиболее древнее из известных сейчас на Северном Кавказе фортификационных сооружений. Появление укрепленных поселений само по себе является уже ярким свидетельством заметных перемен, происшедших в жизни древнего дагестанского общества. Прогресс наблюдается во всех областях материальной и духовной культуры и, в первую очередь, в хозяйстве. Основу его составляли уже земледелие и скотоводство. Посевы производились на поймах рек и речных террасах, у подножий горных склонов, с которых смывались почвенные слои, благодаря чему поддерживалось естественное плодородие почв подгорных террас. Достаточное количество осадков в вегетационный период, наличие естественного поддерживаемого плодородия почв гарантировали получение устойчивого урожая без применения искусственного орошения.

Землю обрабатывали каменными и костяными мотыгами и, по-видимому,

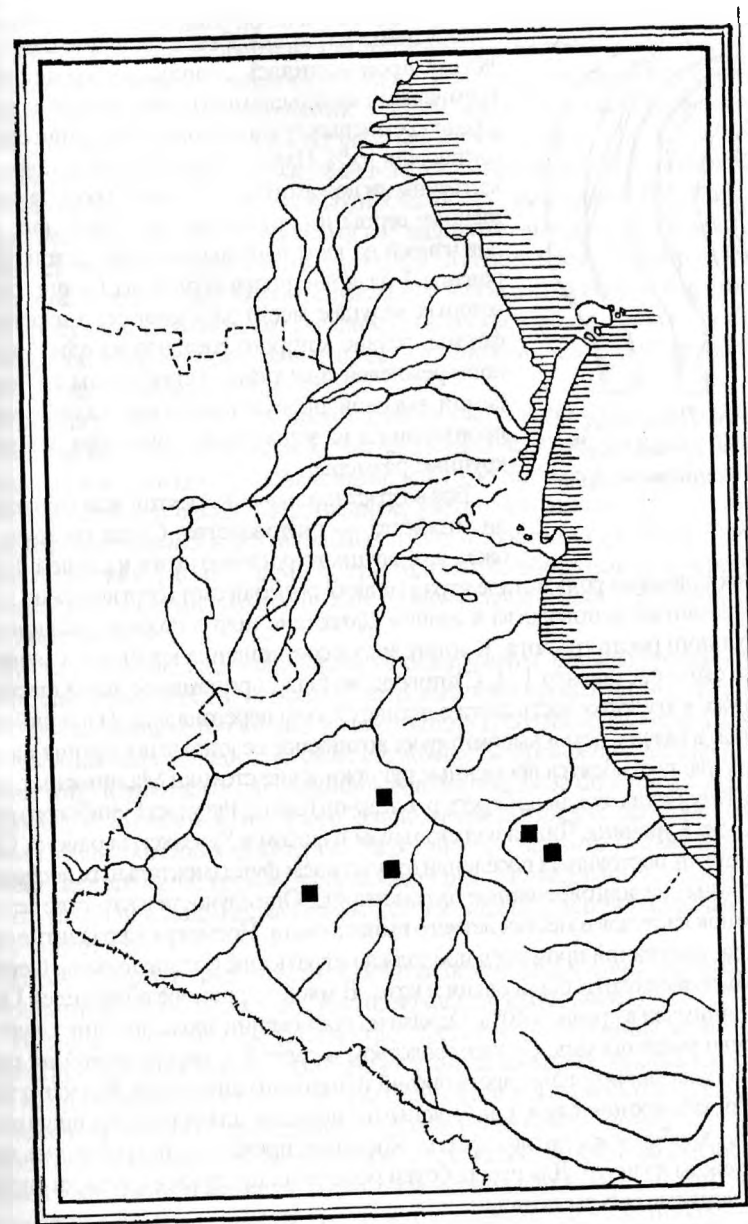

Рис. 9. Энеолитические поселения Дагестана

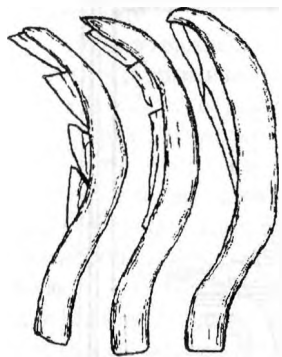

Рис. 10. Поселение Гинчи: кремнёвые серпы (реконструкция)

орудиями из дерева. Сеяли пшеницу и ячмень. Жатва производилась серпами, оснащёнными кремневыми вкладышами из ножевидных пластин. Среди кремневых орудий Гинчи вкладыши серпов составляли 16%. Наряду с архаическими прямыми жатвенными ножами были известны весьма совершенные серпы изогнутой формы. На основе следов износа на вкладышевых орудиях реконструированы 3 разновидности серпов из Гинчи, среди которых ведущее место занимает серп изогнутой формы, лезвие которого состояло из одной крупной кремневой пластины. Такие серпы обладали самой высокой продуктивностью. Размол зерна производился на зернотёрках, имевших довольно крупные размеры.

Всё возрастало значение другой ведущей отрасли хозяйства — скотоводства. Стада состояли из овец, коз, крупного рогатого скота и свиней. В начале эпохи главную роль в стаде играл мелкий рогатый скот (соотношение 1: 9).

Однако развитие скотоводства в горном Дагестане шло в сторону увеличения роли крупного рогатого скота. К концу эпохи соотношение крупного и мелкого рогатого скота составляло 1: 4. Скотоводство было придомным, пастушеским. Однако уже в эту эпоху часть скота в летние сезоны перегонялась на альпийские пастбища, в связи с чем в высокогорьях возникают сезонные поселения пастухов. К их числу относятся временные ругуджинские стоянки Малин-кارات, Архинда, Мучу-бакил-бакли на берегу р. Багар-ор близ с. Ругуджа Гунибского района, а также урочище Чинна под скальным навесом в Хунзахском районе. Они отличаются от постоянных поселений отсутствием фундаментальных построек, рассчитанных на долговременное их обживание. Они служили в качестве сезонных стоянок пастухов в местах летнего выпаса скота. Несмотря на развитие скотоводства, охотничий промысел продолжал играть ещё большую роль. Основными объектами охоты были олени и козы. В мясном рационе обитателей Гинчи дичь занимала в среднем 40%. Однако на протяжении эпохи энеолита доля её постепенно уменьшалась. Со скотоводством и охотой, с переработкой их продуктов связана значительная часть орудий и бытового инвентаря. Разделка туш производилась кремневыми, т. н. «мясными» ножами, для обработки шкур применялись скребки и костяные скрёбла. Костяные проколки употреблялись при шитье одежды из шкур. Для переработки молочных продуктов служили специальные глиняные сосуды-цедилки.

Теперь одежда изготовлялась не только из шкур, но и из тканей. О возникновении ткачества говорят отпечатки на стенках глиняных сосудов тканей как грубого, так и тонкого плетения.

Оседлая жизнь стимулировала дальнейшее развитие керамического произ-

водства. Разнообразные по назначению и форме глиняные сосуды лепились в рогожках, матерчатых формах или ленточным способом и обжигались уже в специальных печах. Кухонная керамика изготовлялась из глины с большими примесями дресвы — толчёного камня, а серые, коричневые или бурые поверхности в большинстве случаев грубо заглажены, реже залощены. Таковы горшки, нередко имеющие в нижней части подкос для установки на очажные подставки, а также жаровни с рядом сквозных проколов под закраиной. Столовая посуда, представленная мисками, горшками и кувшинами, иногда со сливными носиками имеет лощёную поверхность красного или серого цвета. Значительную группу составляют большие сосуды, служившие для хранения зерна и других пищевых продуктов. Поверхности большинства сосудов покрывались специальной облицовкой из более качественного теста — ангобом, которая потом заглаживалась или подвергалась лощению.

Сосуды украшались нарезными, вдавленными или штампованными узорами в виде ёлочек, рядов насечек по закраине. Редко применялся рельефный орнамент в виде валика с вдавлениями, конусов, шишечек. Отдельные сосуды, преимущественно высококачественные, украшены расписным орнаментом в виде горизонтальных и вертикальных полос в сочетании с круглыми мазками, геометрических фигур — ромбов, треугольников, образованных перекрещивающимися полосками, нанесёнными красной, коричневой красками по более светлому фону.

Металлические изделия в Гинчи не обнаружены. Однако уровень развития домашних производств, особенно керамического производства, предполагающего существование гончарных печей, в которых создавалась температура, достаточная для плавки меди, допускает возможность зарождения металлургии меди. Кроме того, в некоторых одновременных памятниках Закавказья металлические изделия уже были известны. Как правило, медные изделия, особенно на первых этапах возникновения металлургии, берегли и при поломке не выбрасывали, как каменные и костяные орудия, а переплавлялись. По-видимому, этим объясняется, что металлические изделия на энеолитических поселениях встречаются сравнительно редко.

Помимо этого в трудовой деятельности обитателей Гинчи значительное место занимали обработка камня, кости, дерева, строительное дело.

Несмотря на известное мастерство, достигнутое гинчинцами во всех этих видах трудовой деятельности, особенно в керамическом производстве, ни одна из них ещё не превратилась в ремесло. Это были обычные для первобытно-родового строя домашние промыслы, характерные для каждой родовой общины, довольно замкнутого натурального хозяйства ранних земледельческо-скотоводческих племён. Обмен изделиями домашних промыслов носил ещё ограниченный характер и осуществлялся преимущественно между соседними родовыми общинниками.

Рост населения и его расселение приводили к освоению новых территорий: долин, плоскогорий и даже высокогорий. Судя по особенностям расположения поселения Гинчи, в V — IV тыс. до н.э. происходил активный процесс освоения

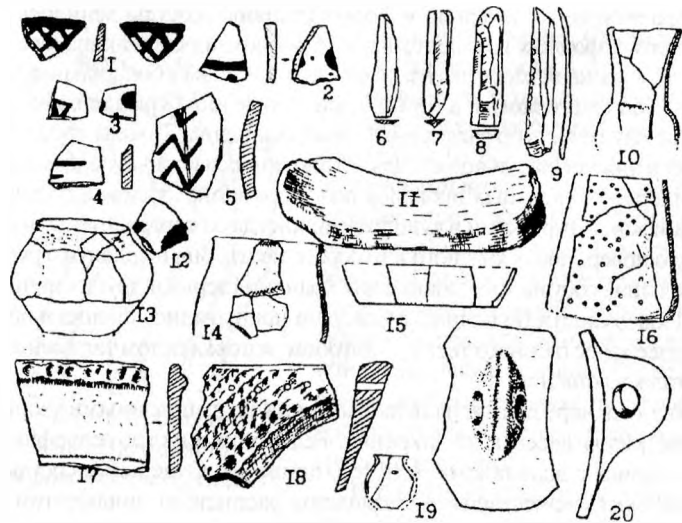

Рис. 11. Поселение Гинчи: кремнёвые изделия (6-9), зернотёрка (11) и керамика (1-5, 10, 12-20)

земледельцами новых земель, особенно речных долин Горного Дагестана, наиболее благоприятных для развития древнего земледелия. Прямым следствием этого являлась возросшая плотность населения этих районов, которая вызвала нехватку пригодных для хозяй-

ствования земель. Появляется повод для усиления межродовых столкновений, на что прямо указывают каменные укрепления поселения Гинчи. Обитатели Гинчи жили в каменных домах и полуземлянках круглого плана диаметром 2,5 — 4 м. Для хранения продуктов, наряду с большими сосудами, использовались вырытые в полу ямы. Покойников хоронили на территории поселения в скорченном виде по обычаю, практиковавшемуся многими раннеземледельческими племенами.

Поселение Гинчи, по-видимому, принадлежало сравнительно небольшой родовой общине. Общий уровень хозяйственного и культурного развития их обитателей свидетельствует о том, что на Северо-Восточном Кавказе в V и первой половине IV тыс. до н.э., вероятно, ещё господствовали матриархально-родовые отношения. Среди археологических материалов и в наскальных изображениях этой эпохи ещё не известны изображения мужчин. Ведущим культом оставался ещё культ богини-матери, культ плодородия, который так ярко запечатлён в живописных изображениях святилищ предшествующей эпохи — Харитани I.

Наряду с земледельческими культурами богини-матери, культа плодородия, у раннеземледельческих племён Горного Дагестана существовал культ предков. Своих сородичей они хоронили на территории самого поселения, как бы предоставляя "духам" умерших возможность участия в делах живых.

Археологические материалы свидетельствуют о широких культурных связях населения Горного Дагестана в эпоху энеолита. Особенно тесными были связи

с Закавказьем и Передней Азией. Они нашли отражение в домостроительстве (круглоплановые жилища), керамике (использование плетёнки, грубой ткани при лепке сосудов, образцы высококачественной нерасписанной керамики, спорадически встречающиеся среди грубой посуды раннеземледельческих поселений Закавказья, наличие расписных сосудов, столь характерных для раннеземледельческих культур Древнего Востока).

Рис. 12. Наскальные изображения из Харитани I (сел. Чирката Гумбетовского района)

Тесные контакты существовали и в области идеологических представлений, что нашло отражение в обычае хоронить покойников на территории поселения, практиковавшемся раннеземледельческими племенами Передней Азии и населением юго-восточных районов Закавказья³⁴. На связи со степными племенами, особенно с населением энеолитической эпохи Азово-днепровского ареала указывают находки в Гинчи посуды с воротничковидным венчиком, штампованный, резной, вдавленный, ёлочный орнамент, насечки по венчику, являющиеся характерными признаками степных культур³⁵.

Культура энеолита горного Дагестана отражает общие закономерности развития ранних земледельческо-скотоводческих культур Евразии. Вместе с тем она весьма своеобразна. Местные особенности прослеживаются в домостроительстве (каменные жилища), каменной индустрии (использовании кремня в качестве основного сырья для изготовления орудий), наборе орудий — отсутствие долотовидных орудий, пластин с выделенной головкой и с боковой выемкой, единичность резцов), обработке кремня (отсутствие противлежащей ретуши). Локальное своеобразие культуры энеолита горного Дагестана особенно ярко проявляется в керамике, генетически связанной с местной посудой предшествующей эпохи. В целом же археологические данные свидетельствуют о своеобразном и достаточно независимом характере культурно-исторического развития раннеземледельческого населения горной зоны Северо-Восточного Кавказа на начальных этапах освоения металлов.

3. Демографические и этнокультурные процессы в Дагестане в эпоху первобытной родовой общины

Эпоха первобытной родовой общины — это время формирования древних этнокультурных общностей, основных языковых семей, расовых типов, время интенсивных демографических и этногенетических процессов. Как свидетельствуют данные археологии, сравнительно-исторического языкознания и палеоантропологии, в эпоху первобытной родовой общины сложилась также этнокультурная общность, объединившая предков носителей восточнокавказских или нахско-дагестанских языков. Изложенный выше археологический материал показывает, что отсчёт времени заселения людьми территории Дагестана, стабильного и поступательного развития культуры Северо-Восточного Кавказа нужно начинать с послеледниковой эпохи, с мезолита, т.е. около 10-9 тысяч лет тому назад (VIII-VII тысячелетия до н.э.). К этому времени следует относить также процессы формирования прапахско-дагестанской этнической, языковой общности, начало сложения своеобразных особенностей местной культуры, отличающих её от культур других регионов Кавказа и сопредельных областей.

Как известно, в мезолите в горном Дагестане была распространена очень своеобразная чохская археологическая культура со специфическими особенностями техники обработки кремня, своеобразными типами кремневых изделий, отличающаяся достаточно чётко от других культур Кавказа (причерноморская, имеретинская, триалетская) и сопредельных областей северного Каспия (серголазовская культура)³⁶.

Для решения вопросов раннего этногенеза народов Дагестана очень важно выяснить происхождение чохской культуры³⁷. На территории её распространения в настоящее время не известны памятники предшествующей эпохи верхнего палеолита и, как уже отмечалось, возможность существования таковых весьма проблематична. Поэтому приходится констатировать, что чохская культура не имеет местных корней и что истоки её следует искать за пределами Дагестана. Её сопоставление с мезолитическими культурами других областей Кавказа, Прикаспия и Ближнего Востока показало, что при всех существенных различиях между культурами мезолита Кавказа все они по ряду признаков объединяются с мезолитом Передней Азии. К этой кавказско-переднеазиатской зоне развития мезолитических культур примыкают также памятники Юго-Восточного Прикаспия. Однако между последними и чохской культурой выявлено значительно больше общих черт, чем между ними и другими мезолитическими культурами Кавказа. Эти общие черты, сближающие культуры мезолита Горного Дагестана, Юго-Восточного и Южного Прикаспия, позволили объединить их в южнокаспийский культурный ареал в отличие от памятников Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия, составляющих северокаспийский культурный ареал, к которому близки и памятники степного и предгорного Дагестана. Исходя из того, что наиболее древние памятники южнокаспийской культурной общности находятся в Северном Иране, в районе, расположенном между горами Эльбурс и Каспийским морем, считается, что именно эта область

Северного Ирана являлась наиболее вероятной первоначальной территорией, где сформировалась данная культурная общность, которая включает и чохскую археологическую культуру³⁸.

Носители чохской культуры поселились в горах Дагестана по окончании ледниковой эпохи, когда Горный Дагестан стал более благоприятным для обитания, когда ледниковые условия, исключавшие прежде сколько-нибудь основательное заселение гор, сменились здесь к началу голоцена на сухие и умеренно холодные, и с учётом имеющегося богатства растительного и животного мира стали достаточно благоприятными для человеческой деятельности³⁹. Причиной заселения Горного Дагестана людьми, обитавшими в Южном Прикаспии, было резкое изменение климатических условий вокруг Каспия. Примерно 10 тысяч лет тому назад в околокаспийской области наступает наиболее значительный в голоценовой истории Каспия экологический кризис. Он характеризуется наиболее значительной в послеледниковой истории Каспия регрессией (Мангышлакская), когда уровень моря опустился до 50 м от уровня мирового океана, резкой перестройкой ландшафтов, образованием в Прикаспии обширных пространств полупустынных и пустынных ландшафтов. Это повлекло за собой значительное перемещение населения с юга на север вдоль восточного и западного побережья моря. В этой ситуации горные районы, в частности Восточного Кавказа, с их разнообразными ландшафтными зонами были более подходящими для человеческого обитания⁴⁰.

Люди, заселившие Горный Дагестан в эпоху мезолита, на протяжении около 2 тысячелетий (VIII-VII тыс до н.э.), расселились в местах, наиболее удобных для охоты и собирательства и для жизнеобеспечения в целом, адаптировались к его природным условиям. Они жили группами, составлявшими раннеродовые общины охотников и собирателей. Судя по расположению двух поселений (Чоха и Козьма-нохо) на близком расстоянии друг от друга (около 20-25 км), наиболее благоприятные для жизнедеятельности районы Горного Дагестана были заселены в мезолите достаточно густо.

Какова судьба чохской культуры и её носителей в неолите и энеолите? На рубеже VII-VI тыс. до н.э. чохская культура претерпевает изменения, вызванные коренным переломом в хозяйственной деятельности и быте её носителей, и возвестившие начало новой исторической эпохи — эпохи производящего хозяйства. Появляются каменные жилища, рассчитанные на длительное обживание, керамика, земледельческие орудия, включающие кремневые серпы, каменные зернотёрки, окультуренные зёрна пшеницы и ячменя, домашние животные, т.е. люди чохской культуры совершили крупный скачок в своём экономическом развитии, перешли от присваивающего хозяйства к земледелию и скотоводству, что коренным образом изменило образ жизни и быт первобытных родовых общин горной зоны Северо-Восточного Кавказа. Появление устойчивых и всё умножающихся источников питания приводит к ускоренному росту населения, более интенсивными становятся демографические процессы, связанные с расселением земледельческо-скотоводческого населения.

В энеолите, в V — IV тыс. до н.э. уже была в значительной степени нарушена замкнутость неолитических общин, земледельцы и скотоводы активно расселяются по горным долинам, они начинают осваивать уже высокогорья. Имеются

серьезные основания полагать, что какая-то часть населения Северо-Восточного Кавказа — носителей чохской культуры спустилась в низменные районы Закавказья и приняла участие в формировании раннеземледельческой энеолитической культуры в северной зоне Восточного Закавказья⁴¹. Культура эпохи энеолита Горного Дагестана сформировалась на базе чохской культуры поры неолита. Преемственность между этими культурами наблюдается почти во всех областях материальной культуры: в характере поселений и жилищ, развитии каменной индустрии, орудийного комплекса, керамики. Энеолитическая культура Горного Дагестана, как и чохская культура эпохи мезолита и неолита, весьма своеобразна. Она достаточно четко выделяется среди других археологических культур эпохи энеолита Кавказа и сопредельных областей. Однако развитие культуры Дагестана эпохи энеолита происходило в условиях широкого расселения земледельческо-скотоводческих групп, значительного усложнения и расширения связей и контактов с племенами сопредельных областей Кавказа, Юго — Восточной Европы и Передней Азии, что, естественно, и нашло отражение в общем облике энеолитической культуры Горного Дагестана. Заметное влияние на неё оказали энеолитические культуры степей юга Восточной Европы (марипольская культурно-историческая общность), Закавказья и Передней Азии⁴². Из кавказских культур эпохи энеолита наиболее близкое сходство с культурой Дагестана обнаруживают энеолитические комплексы северо-восточных районов Грузии (Кахетии), а также Центрального Предкавказья, что, вероятно, объясняется существованием в горной зоне Большого Кавказа пласта культуры, составляющего для них общую историко-культурную подоснову⁴³.

Такова в целом картина генезиса и развития культуры Дагестана в эпоху первобытной родовой общины, на протяжении археологических эпох мезолита, неолита и энеолита.

Как соотносится эта картина культурогенеза в древнем Дагестане с данными палеоантропологии и сравнительно — исторического языкознания?

Палеоантропологический материал для установления физического облика населения Горного Дагестана в указанные эпохи крайне скуден. Это единственный хорошо сохранившийся череп, происходящий из погребения на территории энеолитического поселения Гинчи. Судя по нему, население Горного Дагестана в эпоху энеолита было длинноголовым, узколицым, с резко выступающим профилем и принадлежало к так называемому южному каспийскому типу, который относится к южной средиземноморской ветви европеоидной расы⁴⁴. К нему относится также древнее население Закавказья и Передней Азии, Ирана и Месопотамии. Наиболее ранние палеоантропологические находки, характеризующие протосредиземноморский физический тип, известны в Восточном Средиземноморье и относятся ко времени не позже VIII-VII тыс. до н.э.⁴⁵ Следовательно, данные палеоантропологии не противоречат выводу, основанному на анализе археологических материалов о том, что в эпоху мезолита (VIII-VII тыс. до н.э.) Горный Дагестан, вероятно, был заселён выходцами из Передней Азии.

На каком языке говорили в Дагестане в эпоху первобытно-родовой общины, или какова была языковая ситуация на Восточном Кавказе и в сопредельных областях в мезолите — энеолите? Достигнутые к настоящему времени успехи в области сравнительно-исторического изучения кавказских языков с привлече-

нием данных археологии позволяют в какой-то степени осветить эту весьма сложную проблему первобытной истории. Раньше к кавказским языкам или к иберийско-кавказской семье языков относили три группы языков: нахско-дагестанскую, абхазо-адыгскую и картвельскую. Мнение об отдалённом родстве всех трёх групп кавказских языков было высказано более 100 лет назад. Однако до сих пор остаётся недоказанным⁴⁶. Более того, сейчас, по мере накопления новых материалов и исследований, становится ясным, что северокавказские языки составляют надсемью, которая делится на две семьи — восточнокавказскую (нахско-дагестанскую) и западнокавказскую (абхазо-адыгскую), в то время как картвельские языки не принадлежат к этой надсемье, а составляют свою собственную семью⁴⁷. В настоящее время считается доказанной принадлежность к восточнокавказской семье также хуррито-урартских языков⁴⁸, а к западнокавказской — хаттского⁴⁹. Согласно глоттохронологии, прасеверокавказский язык существовал до VI тыс. до н.э.⁵⁰ Около середины VI начала V тыс. он распался на праабхазо-адыгский и пранахско-дагестанский, который в свою очередь распался также, по данным глоттохронологии, около III тыс. до н.э.⁵¹. Считается также, что хуррито-урартский отделился от пранахско-дагестанского не позже IV тыс. до н.э.⁵²

Для определения первоначального исторического ареала общесеверокавказского языка большой интерес представляет гипотеза о генетических связях северокавказских языков с сино-тибетскими, енисейскими и афразийскими языками⁵³. По этой гипотезе между северокавказскими, афразийскими (семитский, берберский, кушитский), енисейскими, сино-тибетскими языками выявлены обширные и многообразные лингвистические связи. Прародину этой общности, распавшейся в IX-VIII тыс. до н.э., предположительно определяют в Западной Азии, куда входит и Южный Прикаспий, являющийся наиболее вероятной прародиной носителей чохской культуры. Следовательно, археологические данные, связанные с происхождением одной из северокавказских культур эпохи мезолита и неолита (чохская), допускает реальность существования отмеченных лингвистических связей.

Весьма важными для понимания этногенетических процессов, протекавших на Северо-Восточном Кавказе на заре его этнической истории, являются лингвистические данные об ареальных связях прасеверокавказского языка. В этом плане интересны взаимоотношения прасеверокавказского и праиндоевропейского языков, между которыми выявлена значительная группа лексических совпадений⁵⁴. Установлено, что они являются результатом заимствования из прасеверокавказского праиндоевропейским, что, следовательно, их контакты имели место до распада общиндоевропейского единства и что прасеверокавказский диалект, из которого осуществлялись заимствования в праиндоевропейский, уже несколько отличался от исходного общесеверокавказского языка. По данным глоттохронологической датировки распада этих языковых единств (для прасеверокавказского — рубеж VI-V тыс. до н.э., а для праиндоевропейского V — IV тыс. до н.э.) контакты датированы началом V тыс. до н.э.⁵⁵

По археологической хронологии V тыс. до н.э. — это эпоха энеолита, когда в Горном Дагестане бытовали поселения Ругуджа, Гинчи, в которых представлена культура, имеющая близкое сходство с культурой Центрального Предкавказья (Кабардино-Балкария), свидетельствующая о существовании определённой куль-

турной общности, распространённой на Северном Кавказе от Дагестана до Кабардино-Балкарии включительно⁵⁶. В археологических комплексах этой общности отчётливо прослеживаются контакты, существовавшие в ту эпоху между оседлоземледельческими племенами Северного Кавказа и степными племенами, переходившими к производящему хозяйству⁵⁷. Если последние были праиндоевропейцы (согласно одной из существующих локализаций индоевропейской прародины), то в этом нашло бы объяснение наличие в праиндоевропейском языке заимствований из прасеверокавказского.

Для соотношения языковой общности и археологической культуры важное значение имеет характер культурной лексики. По данным сравнительно-исторического языкознания, культурная лексика северокавказского праязыка свидетельствует о высоком уровне хозяйственного и культурного развития его носителей. Лексический анализ позволил установить наличие у них земледелия с возделыванием пшеницы, ячменя и проса, скотоводства с разведением крупного рогатого скота, овец, коз и свиней, начальной стадии развития металлургии, прядения и ткачества, орудий труда, включающих плуг, серп, топор, долото, а также колёсного транспорта⁵⁸. Этот комплекс полностью соответствует характеру земледельческо-скотоводческого хозяйства, уровню технического и культурного развития населения Дагестана в эпоху энеолита⁵⁹. Это ещё раз свидетельствует о том, что прапанахско-дагестанские племена, вероятно, были носителями раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа эпохи неолита и энеолита.

¹ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990. С. 159.

² Там же. О материнском роде, его соотношении с отцовским и указания на литературу см.: История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 121-124.

³ История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. С. 130.

⁴ Подробно о позднем палеолите Кавказа см.: Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984. С. 272-288.

⁵ История Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 32.

⁶ Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

⁷ Археология СССР: Палеолит СССР. С. 355.

⁸ Котович В.Г. Каменный век Дагестана. С. 99-162; История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 16-21.

⁹ Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987. С. 74-143.

¹⁰ Котович В.Г. Каменный век Дагестана. С. 173-176.

¹¹ Археология СССР: Палеолит СССР. С. 70.

¹² Котович В.Г. Каменный век Дагестана. С. 99-183.

¹³ Новая культурно-историческая интерпретация Чохского поселения см.: Амирханов Х.А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана.

¹⁴ Об общественных отношениях и организации раннепервобытного родового общества см.: История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. С. 200-226.

¹⁵ В продвинутых обществах (в ареале ранних цивилизаций) эпоха позднепервобытной (позднеродовой) общины охватывает, как правило, период неолита, а энеолит или

халколит относится к следующему этапу развития первобытного общества — эпохе классового образования (История первобытного общества: общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 25; Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. С. 15-16. На окраине раннеземледельческой ойкумены процесс общественного развития имел более затяжной характер, как, например, на Кавказе, в особенности на Северном Кавказе. Так, в энеолите Северного Кавказа, в том числе горного Дагестана, отсутствуют сколько-нибудь выраженные признаки, свидетельствующие о процессах разложения родового общества. Поэтому целесообразнее энеолит горного Дагестана соотносить с эпохой позднепервобытной (позднеродовой) общины, как и энеолит Кавказа в целом (История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. С. 294-295).

¹⁶ Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА, 1971, № 180. С. 111-123.

¹⁷ Там же. С. 121-126.

¹⁸ Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 127-138; Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 158-181.

¹⁹ Подробно о неолитическом слое Чохского поселения, о жилищах, палеоботанических находках, земледельческих орудиях, его культурной интерпретации и проблеме возникновения производящего хозяйства на Восточном Кавказе см.: Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 94-203.

²⁰ О возникновении производящего хозяйства в Дагестане см.: Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. С. 127-138; Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 158-181; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 110-126.

²¹ Массон В.М. Поселение Джейтун. С. 135.

²² Там же. С. 136.

²³ Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 143-155.

²⁴ Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Избр. произведения: В 2 т. Л., Т. I. С. 170-171.

²⁵ Вавилов Н.И. Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции. М.-Л., 1957. Т. I. С. 121.

²⁶ Там же. С. 87-88.

²⁷ Котович В.Г. Каменный век Дагестана. С. 189-203.

²⁸ Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 95-113.

²⁹ Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976. С. 65-90.

³⁰ Марковин В.И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИИМК, 1957. Вып. 67; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса (Дагестан) // Там же.

³¹ Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 202.

³² Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 102, 107.

³³ Подробно об энеолите горного Дагестана и указания на литературу см.: Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа.

³⁴ О распространении этого обычая и указания на литературу см.: Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 217.

³⁵ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С. 6-22.

³⁶ Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 182-204; Археология СССР: Мезолит СССР. М., 1980. С. 93-105.

³⁷ Этот вопрос специально рассмотрен Амирхановым Х.А. (Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 182-204).

³⁸ Там же. С. 192.

³⁹ Там же. С. 193.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 208; *Джапаридзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 372.

⁴² *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 102-108.

⁴³ Там же. С. 89-92, 108.

⁴⁴ *Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975. С. 14, 48. Каспийский антропологический тип представлен в палеоантропологическом материале Дагестана на всех последующих этапах исторического развития до средневековья включительно. Он принял участие в формировании антропологического типа населения центральных, южных и восточных районов Дагестана, представленного у лезгинской группы народов, даргинцев-кайтагцев и кумыков (*Алексеев В.П.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Учёные записки Института ИЯЛ. Т. XIII. Серия историческая. Махачкала, 1964. С. 167-169). Следовательно, население эпохи энеолита с антропологической точки зрения можно рассматривать в качестве предка современных народов Дагестана.

⁴⁵ *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего востока. М., 1982. С. 44, 45.

⁴⁶ Рассмотрение проблемы генетических взаимоотношений кавказских языков и указания на литературу см.: *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 109-141.

⁴⁷ *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74; *Дьяконов И.М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 16.

⁴⁸ *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 164-2018.

⁴⁹ *Иванов Вяч. Вс.* Об отношениях хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 26-59.

⁵⁰ *Старостин С.А.* Культурная лексика... С. 90.

⁵¹ Там же; *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17-18.

⁵² *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. С. 203

⁵³ *Старостин С.А.* Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М., 1984. С. 19-38; *Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* К проблеме афразийско-северокавказских этнолингвистических связей // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 24; *Пейрос И.И.* Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 319-338.

⁵⁴ *Старостин С.А.* Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 112-156.

⁵⁵ Там же. С. 154.

⁵⁶ *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 91.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде. С. 74-94. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в свете новых археологических данных не соответствует действительности прежнее представление будто земледельческо-скотоводческий комплекс пришёл на Северный Кавказ не ранее III тыс. до н.э. и, следовательно, в V — IV тыс. до н.э. на территории Северного Кавказа отсутствовала культура, обладающая описанным по данным лексикографии набором культурной терминологии (*Старостин С.А.* Культурная лексика... С. 89).

⁵⁹ *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 34-87.

ДАГЕСТАН В ЭПОХУ РАЗЛОЖЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

В позднем неолите и на ранних стадиях эпохи раннего металла начались процессы разложения первобытных обществ. Они были обусловлены ростом регулярного избыточного и появлением прибавочного продукта вследствие подъёма производства, особенно развития производящего хозяйства, возникновения металлургии и других видов ремесленной деятельности, а также развития обмена. В одних областях эти процессы протекали ускоренными темпами и привели к раннему зарождению классовых обществ. В конце IV тыс. до н.э. первые цивилизации появились в Египте и Месопотамии, в III- II тыс. до н.э. в Индии, Малой Азии, Средиземноморье, Китае. На большей части территории Старого Света становление классовых обществ происходило в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Свои особенности имели процессы разложения первобытного общества на северной окраине зоны раннеземледельческих культур, в частности в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, где поступательное развитие общества было как бы прервано на ранних этапах палеометаллической эпохи. Здесь высокоразвитые ранние земледельческо-скотоводческие общества, приблизившись в разной степени к порогу цивилизации, по ряду причин исчерпали свои потенциальные возможности, после чего наступает общественный катаклизм и наблюдается культурно-исторический регресс¹. В истории Дагестана такая ситуация имела место на рубеже раннего и среднебронзового веков в конце III тыс. до н.э.² в результате чего процесс разложения первобытного общества и становления раннеклассового общества затянулся здесь на 2 тысячелетия и завершился только в железном веке в конце I тыс. до н.э.

I. Земледельческо-скотоводческие племена Дагестана в бронзовом веке

Бронзовый век охватывает промежуток времени с конца IV до конца II тысячелетия до н.э. Он характеризуется многими важными достижениями в экономике, культуре, социальном устройстве общества, определившими его как один из важных этапов в развитии первобытно-общинного строя.

Возникшая ещё в энеолите металлургия меди достигает в этот период своего расцвета. На протяжении III — II тыс. до н.э. изделия из бронзы, т.е. сплава меди с мышьяком или оловом, играют всё большую роль в жизни человека. На Кавказе, как и повсеместно, где были запасы руды, складываются очаги металлургии и металлообработки.

Хозяйственная деятельность характеризуется возникновением и расширением

ем пашенного, в том числе террасного, земледелия, непрерывным ростом скотоводства, усовершенствованием способов его ведения. Наряду с металлургией и металлообработкой, дальнейшее развитие получает ряд других производств: керамическое, обработка камня, кости и др.

Происходит дальнейшее развитие материальной культуры, выразившееся, в частности, в появлении разных типов поселений и жилищ, в возникновении многих элементов архитектуры и строительной техники, доживших до наших дней.

В связи с успехами в развитии земледелия и скотоводства, различных производств, превращавшихся в общинные ремёсла, происходит дальнейшее углубление общественного разделения труда, возрастает роль межплеменного обмена, благодаря чему усиливаются связи между населением различных областей. В то время, когда в южных областях Евразии шёл процесс дальнейшего развития оседло-земледельческих общин, в степной зоне формируются крупные племенные объединения подвижных скотоводческих племён. Взаимоотношения этих двух миров в значительной степени определили характер исторических процессов, протекавших на северных окраинах раннеземледельческой ойкумены, в том числе и на Северном Кавказе.

В эпоху бронзы складываются те этнокультурные общности, которые послужили основой для формирования многих племён и народностей, позднее известных по письменным источникам.

С ростом производительных сил, увеличением роли обмена возникает имущественная дифференциация, усиливается межплеменная борьба за пахотные и пастбищные угодья, скот и рудные базы.

Развитие пашенного земледелия, скотоводства, металлургии и других общинных ремёсел, где господствовал мужской труд, определило глубокие изменения в общественном устройстве. Матриархально-родовые отношения, господствовавшие с эпохи верхнего палеолита, вытесняются новыми, патриархальными отношениями, более соответствующими возросшей роли мужского труда в общественном производстве. Значительную роль в общественной и особенно в хозяйственной жизни начинают играть, наряду с родом, отдельные патриархальные семьи. Накапливавшиеся богатства сосредотачивались в руках отдельных семей, что порождало имущественную дифференциацию внутри рода, отдельная семья становилась силой, которая угрожающе противостояла роду.

Все более обособлялась родовая верхушка, которой попадала львиная доля военной добычи, что еще больше углубляло имущественные различия, постепенно перераставшие в элементы социального неравенства. Всё это приводило к тому, что в бронзовом веке начался процесс разложения первобытно-общинного строя.

В культурно-историческом развитии Дагестана в бронзовом веке выделяют 3 периода: эпоха ранней бронзы, охватывающая хронологический промежуток с конца IV тысячелетия до н.э. до последних веков III тысячелетия до н.э., эпоха средней бронзы — конец III тысячелетия — середина II тысячелетия до н.э., эпоха поздней бронзы — 2-я половина II тысячелетия до н.э.

2. Эпоха ранней бронзы

Расселение

Эпоха ранней бронзы Дагестана известна по многочисленным материалам более 60 археологических памятников, представляющих собой остатки древних поселений, погребения, местонахождения отдельных вещей, культовые места, т. е. местонахождения наскальных рисунков³.

Значительное их число выявлено в горной зоне и в предгорьях. Это поселения у с. Гагатль, Анди, Ашали, Кижани, могильник Щебоха у с. Гагатль (Ботлихский район), у сел. Ингердах, Местерух (Ахвахский район), Чинна у с. Батлаич, Арани (Хунзахский район), Чирката (Гумбетовский район), у с. Хутрах (Цунтинский район), у хутора Гоно (Шамильский район), у с. Кучраб (Чародинский район), у с. Ругуджа (Гунибский район), Гапшима (Акушинский район), неподалёку от сел. Кули и Вачи (Кулинский район), у сел. В. Лабкомахи, Карлабко, Мекегги, Кулеца (Левашинский район), у сел. ст. Чиркей, Эрпели (Буйнакский район), Таргу (Сергокалинский район), у с. Янгикент, Карацан (Кайтагский район), у с. Трисанчи (Дахадаевский район), в урочище Шаракун (Сулейман-Стальский район).

Много памятников эпохи ранней бронзы открыто на Приморской равнине. Это Хаджалкалинское и Мамрашское поселения в Магарамкентском районе, поселения и могильник у с. Великент, в г. Дербенте (Дербентский район), Каякентские, Башликентское, Мамайкутанское поселения в Каякентском районе, у с. Карабудахкент, Манас, Ачису, зоны отдыха Маяк (Ленинский район), у г. Махачкалы, у с. В. Чирюрт (Кизилюртовский район), у с. Калининаул (Казбековский район).

Приведённые данные ещё недостаточно отражают действительную картину расселения дагестанских племён в III тысячелетии до н.э. Тем не менее по ним можно заключить, что в то время уже были заселены почти все физико-географические зоны Дагестана, достаточно широко была освоена местными племенами практически вся его территория, пригодная для развития первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства. О возросшей плотности заселения отдельных районов свидетельствует, например, археологическая карта Андийской котловины в горной зоне (Ботлихский район), где на сравнительно небольшой территории сейчас известно 6 памятников (поселения и могильник) эпохи ранней бронзы. Весьма плотно была заселена и приморская полоса Дагестана вдоль древних русел Удлучая, Гамриозени, Манасозени.

Поселения и жилища

В горном Дагестане известны поселения двух типов: постоянные и сезонные. Последние, как правило, располагались в местах непригодных для нормальной жизнедеятельности общин в зимних условиях. Таковы, например, продолжавшее функционировать в бронзовом веке поселение Чинна в Хунзахском районе,

Рис. 13. Памятники Дагестана эпохи ранней бронзы. 1 — поселения; 2 — могильники; 3 — случайные находки

расположенное на высоте около 2 тыс. метров над уровнем моря, на крутом склоне под скальным навесом, поселение Чирката, занимавшее пещеру и небольшой склон перед нею на высоте ок. 2700 м над уровнем моря; поселение у с. Ашали (Ботлихский район) на вершине и крутом склоне горы. Сезонные поселения в Горном Дагестане были рассчитаны на кратковременное обитание главным образом пастухов в летние периоды в местах отгона скота на летние пастбища, чем и объясняется их топография. На таких поселениях не требовались фундаментальные каменные жилища, необходимые для постоянного обитания: пастухи, обслуживавшие стада в короткий летний период, обходились без них, они жили в пещерах, под скальными навесами или в лёгких постройках, как это засвидетельствовано в этнографической действительности сравнительно недавнего Дагестана.

Постоянные поселения горной зоны большей частью располагались в естественно укрепленных местах: мысах, на гребнях и склонах гор, скальных платформах. Длительное функционирование этого типа поселений было обусловлено оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством, появлением террасного земледелия и выработкой длительного опыта организации стационарного проживания в горах больших групп населения.

В выборе места для постоянных поселений, наряду с оборонительным фактором, важную роль играли наличие поблизости необходимых для ведения земледелия посевных площадей, т.е. естественно выровненных участков или пологих горных склонов, пригодных для террасного земледелия, наличие источников воды.

По своей планировке постоянные поселения Горного Дагестана представляли собой обычные горные селения с ступенчато расположенными друг над другом горизонтальными рядами домов. Характерным и показательным в этом отношении является Чиркейское поселение. Оно находилось на левом берегу Сулака у затопленного водохранилища Чиркейской ГЭС сел. Старый Чиркей. Поселение было расположено на горе Тадшоб — останце древней террасы высотой 70-100 м от подошвы в виде треугольника, вытянутого с запада на восток,

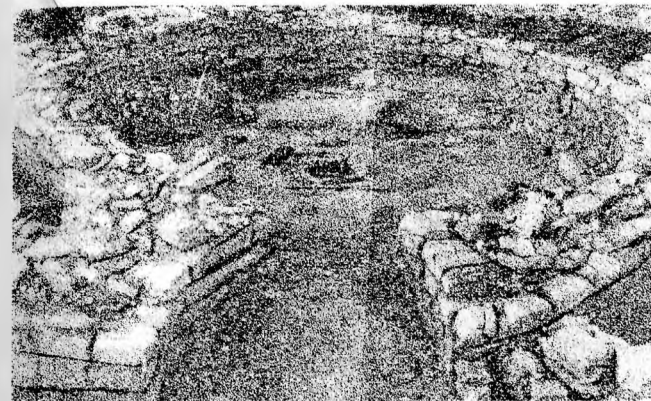

Рис. 14. Жилище Чиркейского поселения

себя. Остатки древних жилищ открыты на южном склоне верхней площадки горы. Они располагались тремя ступенчато возвышающимися друг над другом рядами на частично врезанных в склон искусственных террасах, закреплённых с нижней стороны подпорными стенами.

Чиркейское поселение застроено почти стандартными домами, состоявшими из круглопланового жилого помещения, к которому пристраивались небольшие передни — сени. Одно из таких круглоплановых жилищ имело в диаметре 5,20 м. Стены его, сохранившиеся на высоту около 1 м, были возведены из известняковых обработанных камней. Перекрытие помещения реконструируется как плоское, состоящее из рядов параллельно сложенных балок, настланных тонким хворостом, вероятно, замазывавшимся глиной. Такого рода перекрытия опирались на стены и центральные столбы, установленные на опорные базы. В центре помещения располагался круглый вкопанный в пол очаг с обмазанной стенкой и широким глиняным бортиком, слегка приподнятым над полом. Вход в помещение находился с южной стороны. Он представлял собой конически сужающийся во внутрь коридор длиной около 2 м, шириной 0,9-1,70 м. Внутри помещения напротив дверного проёма располагалось подпрямоугольное каменное возвышение размером 2,2 x 1,75 м, вдоль стены находилась лавка длиной 7,2 м, шириной и высотой около 0,50 м. В помещении находились также хранилища в виде ямы, обмазанной глиной и заполненной обуглившимся зерном, а также вкопанных в землю крупных широкогорлых глиняных сосудов, закрытых плоскими каменными плитами.

Пристраивавшиеся к таким круглоплановым жилищам со стороны входа передние имели овальные, угловатые или прямоугольные в плане формы. В них, как правило, у стенки располагались по одной двухчастной печи ("кор"), с разде-

с обрывистыми крутыми склонами. Останец представлял собой созданную самой природой естественную крепость, куда можно было проникнуть по крутым тропинкам и скальным ступенькам. Обитатели поселения пренебрегали всеми неудобствами, чтобы обезопасить

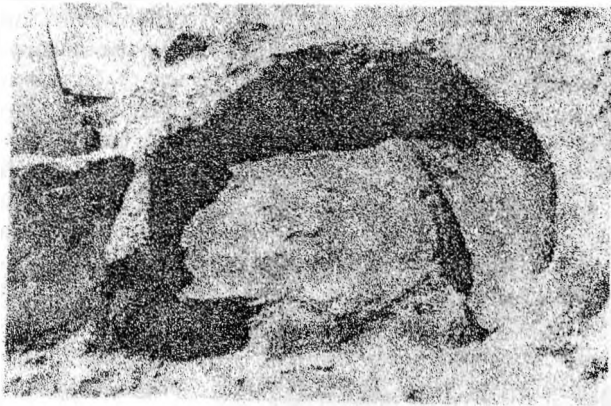

Рис. 15. Чиркейское поселение: двухчастная печь

лёнными горизонтальными топочной и обжигательной камерами и сводчатыми глинобитными перекрытиями. Такие же свободностоящие дома, конструктивно не связанные с другими подобными же рядом находившимися домами, открыты и на других поселениях Горного Дагестана у с. Гагатль Ботлихского района, Мекеги

Левашинского района.

Поселение Галгалатли, в отличие от Чиркейского, находится во внутреннем Горном Дагестане у андийского селения Гагатль. Оно расположено на горе Галгалатли, доминирующей над Андийской котловиной, занимало гребень и крутой склон. Такие же, как и в Чиркее, каменные круглоплановые дома в Галгалатли также располагались на склоне друг над другом горизонтальными рядами на искусственных террасах, наполовину врезанных в склон. Круглоплановая каменная архитектура была характерна для ранних поселений бронзового века Горного Дагестана. К концу раннебронзового века древняя архитектурная традиция строительства круглоплановых домов, восходящая в Дагестане к неолиту, приходит в упадок. Начался процесс смены её новой архитектурой, основным элементом которой становятся многокомнатные постройки прямоугольного плана. О начале этого процесса свидетельствуют остатки Сигитминского поселения, относящиеся к заключительному этапу раннебронзового века, т. е. к последним векам III тысячелетия до н. э. Поселение находилось на границе предгорий и степи, на правом берегу р. Сулак, к югу от сел. Верхний Чирюрт. Оно расположено на горе Сигитма, на её гребне и северном склоне. Скальная гряда, на которой расположено поселение, представляет собой хорошо укрепленное самой природой надёжное убежище. По своей планировке Сигитминское поселение также представляло собой обычное горное поселение. Строения располагались по склону горы в два ряда таким образом, что верхний ряд возвышался над нижним. Верхний ряд состоял из трёх жилищ и двух площадок, являвшихся основаниями лёгких навесов, в нижнем ряду было два жилища. Жилища и площадки являлись смежными и по существу составляли один комплекс. Они в плане, в отличие от жилищ Чиркея, Галгалатли, имели формы, близкие к квадратным с закругленными углами и в разной степени углублены в скалу. Кровли предположительно

поддерживались столбами, закреплёнными в углублениях в скале. Внутри жилища находились двухчастная печь и лежанка, высеченная в скале. Наряду с двухчастными, в сигитминских жилищах находились также центральные углублённые в пол круглые очаги. Несмотря на эти сходные с более ранними домостроениями элементы интерьера жилищ, Сигитминское поселение всё же характеризует начальный этап формирования в Дагестане новой архитектурной традиции, основным элементом которого становятся прямоугольные многокомнатные смежные домостроения, сохранившиеся до современной этнографической действительности.

В эпоху ранней бронзы начинают вырисовываться некоторые зональные различия в типах поселений Дагестана, обусловленные различными природно-географическими условиями и наличием строительным материалом.

Так, в Приморской низменности и в начале предгорий поселения располагались на плоских вершинах естественных возвышенностей, а в отдельных случаях (как, например, на хуторе Мамайхутан Каякентского района) они представляют собой зольные холмы, образованные разрушенными глинобитными постройками, золой и другими остатками человеческой деятельности.

Поселения, расположенные на естественных холмах, открыты близ селения Каякент, вдоль реки Гамриозени (Геметюбе I и II), Улучая (у селения Великент Дербентского района). Они располагались на продолговатых или овальных холмах с плоской вершиной. Они обживались в течение длительного времени. На каждом из них выявлено несколько горизонтов, перекрывавших друг друга строительных остатков жилищ и других бытовых сооружений. Это значит, что обитатели поселений разравнивали площадки на месте пришедших в ветхость построек и строили новые. Так поступали до тех пор, пока не прекращалась жизнь на поселениях. Таким образом на поселениях постепенно нарастал так называемый культурный слой, состоявший из строительных остатков, многочисленных каменных орудий и инструментов, пришедших в негодность, потерянных или выброшенных, костей животных, керамики, скоплений золы, угольков и т. д. — т. е. остатков человеческой деятельности. Толщина культурного слоя древних поселений зависит во многом от длительности их обживания. Так, в Приморском Дагестане толщина культурного слоя на поселениях эпохи ранней бронзы колеблется в основном от 1,5 до 5 м, что говорит о весьма длительном и стабильном обживании этой территории Дагестана на протяжении всей эпохи ранней бронзы, т. е. целого тысячелетия.

На поселениях у с. Каякент и Великент древнейшие жилища представляли собой вырытые в толщине холмов землянки и полуземлянки круглого плана. Так, в Великенте землянка диаметром 4 м была углублена в материк на 3,5 м. Позднее на указанных поселениях появляются и наземные постройки также круглого плана с центральным очагом такого же типа, что и в горных жилищах. Стенки наземных домостроений возводились из дерева, плетня, обмазанных глиной, а также из камня. В конце эпохи ранней бронзы на прикаспийских поселениях землянки уже прямоугольных очертаний с закругленными углами, стенки

которых облицованы сырцовым кирпичом.

Таким образом, несмотря на определённые различия, обусловленные особенностями физико-географической среды и характером строительного материала, поселения и жилища горной и равнинной части характеризуются определённым единством с точки зрения архитектуры (круглоплановые сооружения с центральным очагом), их эволюции от круглоплановых сооружений к прямоугольным. Это один из показателей культурного единства Дагестана в эпоху ранней бронзы.

Погребальные сооружения и обряд

В соответствии с представлениями древних о потустороннем, “загробном” мире как продолжения земного для умерших строили такие погребальные сооружения, которые воспроизводили формы реально существовавших жилищ. Так, в Горном Дагестане для этой цели строили подземные склепы круглого плана, стенки которых облицовывались каменными плитами и перекрывались такими же плитами. Подобные склепы, напоминающие реально существовавшие жилища, открытые в местности Шебоха у с. Гагатль Ботлихского района, служили в качестве коллективных усыпальниц для членов большесемейных общин. Более поздние подземные каменные сооружения в виде прямоугольных склепов были исследованы у хутора Гоно близ с. Тидиб Шамильского района.

В Приморской равнине для этой цели строили подземные катакомбы. У поселения Великент открьга катакомба, вырытая в толще естественного холма. Она состояла из двух частей: входной камеры (дромоса) в виде прямоугольной ямы, в торцевой стенке которой высечен входной лаз арочной формы, ведущий в погребальную камеру овальной формы со сводчатым потолком. В катакомбе было захоронено 48 человек в сопровождении всякой утвари, в том числе около 500 глиняных сосудов, клавшихся с погребенными, как принято было в древности, с заупокойной пищей. Великентская катакомба, как и подземные склепы Горного Дагестана, воспроизводит формы жилищ, характерных для раннебронзового века Дагестана, т.е. двукамерных построек, состоящих из круглопланового жилого сооружения и прямоугольной пристройки к нему, как, например, на Чиркейском поселении.

Круглоплановые жилища были широко распространены в ту эпоху в Закавказье, Передней Азии, что свидетельствует об этнокультурных связях населения Дагестана с более южными областями Старого Света. Однако круглоплановые жилища, как в Дагестане, так и в более южных областях, имели более древние истоки. Как известно, эта архитектурная традиция сложилась в Дагестане ещё в неолите (Чох) на рубеже VII-VI тысячелетий до н.э., она устойчиво бытовала здесь в энеолите (V — IV тысячелетия до н.э.), в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н.э.), она проникла даже в такую консервативную сферу культуры, каким является погребальный обряд и была сменена лишь в конце эпохи ранней бронзы, т.е. в последние века III тыс. до н.э. новой архитектурной традицией, в которой ведущей формой жилой архитектуры становятся многокамерные прямоугольные

домостроения. Таким образом, в конце эпохи ранней бронзы было заложено начало той архитектуры, которая бытует в Дагестане вплоть до современной этнографической действительности. Смена архитектурной традиции является одним из многих показателей коренного сдвига, происшедшего в историко-культурном развитии населения древнего Дагестана на рубеже эпохи ранней и средней бронзы (в конце III — нач. II тыс. до н.э.).

Земледелие и скотоводство

Как показывают археологические данные, основу оседлого быта племён Дагестана в III тыс. до н.э. составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Расселение земледельческо-скотоводческого населения в горной зоне и Приморской низменности в эпоху ранней бронзы сопровождалось расширением площадей возделываемых земель. В Горном Дагестане это происходило первоначально за счёт освоения плоскотерриций, а затем пологих и более крутых склонов. Земледельческому освоению горных склонов благоприятствовали, с одной стороны, преимущественно богарный (неполивной) характер горного земледелия, не требующего больших трудовых затрат на строительство ирригационных сооружений, с другой — применение для обработки почвы, наряду с мотыгами, простейших пахотных орудий — плуга, для чего в качестве тягловой силы использовались животные.

О древности пашенного земледелия в Дагестане свидетельствуют названия деревянного плуга в дагестанских языках, восходящие к общему корню (пуруц-ав, дураз-дарг., хъарас-лак, туь-лезг., дуруц-таб., ребщц-анд. и др.) ярма (рукъ-ав., дук-дарг., рук-лак., вик-лезг., йурккаъ-таб., рукъ-анд.), пашни (хур-ав., хъу-дарг., хъу-лак., хуьр-лезг., гьул-таб., хур-анд.), быка (оц-ав., унц-дарг., ниц-лак., йац-лезг., йиц-таб., унсо-анд.). Не вызывает сомнений, что эта общая для дагестанских языков терминология восходит к общедагестанскому языку — основе, распад которого, по данным языковедения и других наук, произошёл не позднее III тыс. до н.э., т.е. эпохи ранней бронзы¹.

Не позднее ранней бронзы произошло формирование в Горном Дагестане искусственных земледельческих террас². Это было связано с тем, что к тому времени в Горном Дагестане были исчерпаны ресурсы речных террас и естественно выровненных участков и всё возрастающее население вынуждено было осваивать под земледелие горные склоны. Остатки древних земледельческих террас бронзового века были открыты около сел Верхний Гуниб³ и Чох Гунибского района. Известно, что Горный Дагестан является одним из мировых очагов возникновения и развития террасного земледелия. Важным этапом в его становлении явилась земледельческая деятельность населения раннебронзового века. Это не было актом единовременного приложения большого коллективного труда. Становление искусственных земледельческих террас происходило постепенно, в ходе постоянной, длительной и целенаправленной обработки горных склонов. Земледельческие террасы совершенно изменили первоначальный геоморфо-

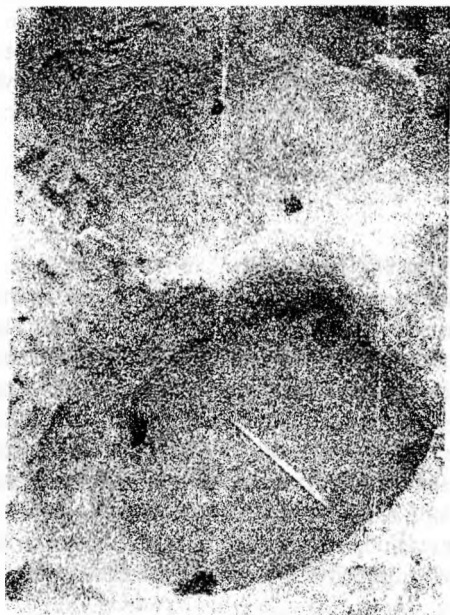

Рис. 16. Каякентское поселение Геметюбе I. Землянки

логический облик гор. Они производят неизгладимое впечатление на всех, кто впервые знакомится с ними. Террасы выглядят как гигантские лестницы, подступающие по склонам гор и постепенно сужающиеся по мере увеличения крутизны склона. Выдающийся советский биолог Н.И. Вавилов, объездивший весь мир в поисках центров происхождения культурных растений и земледелия в целом, писал: "В Перу, Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интересную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применитель-

но к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Горном Дагестане"⁷⁷. Известно, что посевы зерновых в Дагестане доходят до 2500 м над уровнем моря. Это объясняется тем, что в условиях Горного Дагестана, благодаря террасному земледелию и длительному отбору, выработались особые эндемичные сорта злаков, отличающиеся скороспелостью и укладываемые в своём цикле развития в короткое лето.

Обработанные мотыгой и плугом земли засевали различными сортами злаков. На Каякентском поселении были обнаружены отпечатки чешуек твёрдой пшеницы, а на Мекегинском — зёрна голозёрного ячменя. В раздавленном сосуде на поселении у с. Гильяр обнаружены обуглившиеся зёрна твёрдой и мягкой пшеницы, голозёрного и плёнчатого ячменя и даже льна. Около 15 кг обуглившихся зерен пшеницы и ячменя было обнаружено при раскопках раннебронзового поселения у с. Гагатль (Ботлихский район), большое количество зерна (пшеница, ячмень и полба) содержали ямы-хранилища и глиняные сосуды в жилищах Чиркейского поселения. Судя по этим находкам, ассортимент засеваемых злаков был довольно разнообразным. Население Дагестана, подобно закавказским земледельцам, практиковало в III тыс. до н.э. смешанные посевы злаков.

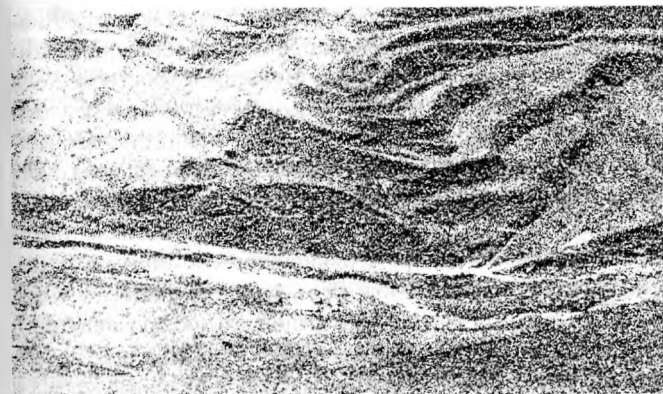

Рис. 17. Земледельческие террасы в окрестностях сел. Гагатль Ботлихского района

Урожай снимался при помощи составных кремневых серпов изогнутой формы. Вероятно дагестанские племена, судя по высокоразвитому для того времени металлообрабатывающему производству, подобно закавказ-

ским земледельцам, пользовались и бронзовыми серпами. Обмолот производился с помощью палок, выгипыванием зерна из колосьев животными. Вероятно, что в III тысячелетии до н.э. уже начали применять для этой цели молотильные приспособления из каменных плит, деревянных досок, достоверность существования которых засвидетельствована для последующего периода бронзового века. Прослеживаемые в дагестанских языках общекорневые названия гумна (гъоцџо — ав., уръгла — дарг., тга-рацџалу — лак., рат — лезг., ращ — таб., гъинцџ-цџу — анд.), соломы (сум — ав., сума-дарг., сун — дарг., сам — лезг., швам — таб., суми — анд.), мякины (накку — ав., нег — дерг., нахв — лак., нахв — лезг., нахв — таб., никку — анд.) свидетельствуют о том, что терминология, связанная с обмолотом зерна, также сложилась в Дагестане не позже III тысячелетия до н.э.⁸

Применение в земледелии пахотных угодий, усовершенствование жатвенных орудий и в целом агротехники повысили производительность труда в этой отрасли хозяйства, наблюдается расцвет первобытного земледелия. Забота о хранении зерна становится теперь важнейшей чертой быта. Появляются зонохранилища в виде глубоких ям, обмазанных глиной, возникает особый тип крупных глиняных сосудов с отверстиями для вентиляции, предназначенных для хранения зерна и закапывавшихся в пол жилищ.

Обмолоченное зерно подсушивали или обжаривали на специальных двучастных печах, широко распространённых в быту народов Дагестана и поныне (кор — ав., кари — дарг., кџара — лак., хьар — лезг., таб., корюк — кумык.). Подобные печи открыты на поселениях III тысячелетия до н.э. у селений Мскеги, Чиркей, Верхний Чирюрт. После сушки и обжаривания зерно размалывали на традиционных зернотёрках, обычно изготовлявшихся из крупных речных валунов и приобретающих в результате длительного использования ладьевидную форму. Подобные орудия на поселениях раннебронзового века встречаются в большом количестве.

Другой ведущей отраслью хозяйства в ту эпоху являлось скотоводство. Анализ остеологических материалов из поселений раннебронзового века документировает неуклонный процесс постепенного вытеснения охоты скотоводством. Доля охотничьего промысла в мясном рационе к рубежу III — II тыс. до н.э. уменьшается до 10% (в позднем энеолите она составляла около 30%). Состав стада оставался прежним: разводили крупный и мелкий рогатый скот. но изменилось их соотношение: увеличивается процент крупного рогатого скота. Практиковались различные формы скотоводства: стационарная, отгонная и др. Отгонное скотоводство основано на использовании в летнее время альпийских пастбищ, где функционировали временные посёлки скотоводов. Рост крупного рогатого скота объясняется не только более высокой мясной и молочной его продуктивностью, но и возможностью использовать его в качестве тягловой силы при пахоте. Упряжки быков передвигали также деревянные повозки. Их массивные колёса с сильно выступающими ступицами изготовлялись из трёх крупных кусков дерева, соединённых друг с другом шпунтами. Четыре подобных колеса были найдены в кургане у сел. Утамыш. Деревянная погребальная колода здесь была установлена на четырёхколёсной повозке. Глиняные модели подобных колёс часто встречаются на памятниках III тысячелетия до н.э. В качестве транспорта использовались и лошади, а для охраны стад — собаки.

Важная роль скотоводства в хозяйстве определялась также потребностями населения в молоке и молочных продуктах. При раскопках раннебронзовых памятников встречаются специальные формы глиняной посуды, служившие для приготовления сыра, сбивания масла (маслобойки). В дагестанских языках сохранились общекорневые названия некоторых молочных продуктов: молока, коровьего сыра, масла, позволяющие отнести подобную технологию к эпохе существования общедагестанского языка — основы, т.е. ко времени не позже III тыс. до н.э.

Помимо земледелия и скотоводства, связанных непосредственно с производством продуктов питания, большую роль в экономике древних играли разнообразные отрасли древнего производства, которые, хотя и находились вне сферы производства продуктов питания, приобретали всё большее значение по мере развития общества. Таковы металлургия и металлообработка, гончарное производство и некоторые другие отрасли, которые рано переросли из домашних промыслов в самостоятельные отрасли экономики, удовлетворявшие первоначально потребности общины, а со временем, отделившись от земледелия, превратились в специализированные ремёсла.⁹

Обработка камня

Переход от каменного века к бронзовому сопровождался глубокими переменами в развитии производительных сил первобытного общества. Камень, который на протяжении длительного периода истории общества служил человеку в качестве основного сырья для изготовления орудий труда, предметов вооружения, уступает место новому материалу — металлу. Однако процесс этот был

длительным. На протяжении многих сотен лет камень продолжал успешно соперничать с металлом. Камень выдерживал эту конкуренцию до тех пор, пока в результате технического прогресса в области металлопроизводства не были разработаны специальные приёмы закаливания меди с целью повышения её твёрдости или же не был открыт искусственный металл — бронза, и, в конечном итоге, не было достигнуто преимущество металла перед камнем, использовавшимся для изготовления орудий труда. Однако некоторые орудия труда, изготовленные из камня, выдержали эту конкуренцию вплоть до появления железной металлургии. Таковыми, в частности, являлись серпы, стрелы и др. Они, как и раньше, изготовлялись из кремня, но претерпели значительное усовершенствование.

Так на смену архаичным жатвенным ножам и примитивным серпам, употреблявшимся в неолите и энеолите, пришли специализированные типы серпов из кремневых вкладышей, отличающихся тщательной двусторонней обработкой поверхностей и рабочего края. Слегка утончённый рабочий край этих орудий имел небольшой изгиб, на котором симметрично располагались острые зубцы. Несколько таких вкладышей, закреплённых с помощью битума в деревянной или костяной оправе, образовывали зубчатое лезвие серпа. Оснащённые такими вкладышами серпы с челюстевидной оправой позволяли сравнительно быстро снимать урожай. И не случайно подобного рода серпы были широко распространены в эту эпоху не только на Кавказе, но и в рабовладельческих государствах Египта, Месопотамии и у других земледельческих народов Древнего Востока. В продолжение нескольких тысячелетий они были основными жатвенными орудиями.

Часто встречаются на раннебронзовых поселениях и такие традиционные земледельческие орудия, как зерноотёрки. Они, как правило, изготовлялись из окатанных валунов. Все они имеют характерную ладьевидную форму. Нижние камни отличаются большей массивностью и шириной, чем верхние. Обычные размеры зерноотёрок достигают 30-35 см в длину при ширине 13-17 см. Увеличение числа этих орудий является одним из важных свидетельств о возрастании в эту эпоху роли земледелия.

Из камня изготовлялись также различные топоры. Рабочие топоры подразделяются на молоты-кувалды и топоры-молоты. Первые сделаны грубо, посредине орудие опоясывает желобок для закрепления рукоятки, что позволяло использовать обе рабочие поверхности одинаково. Обращает на себя внимание тот факт, что подобные молоты на Кавказе находят, как правило, в местах залежей кремня и других минералов, что говорит о том, что они использовались в горных выработках. А топоры-молоты, в отличие от кувалд, имеют клиновидную форму, лезвие, обух. Желобок расположен ближе к обуху. Эти топоры являются рабочими орудиями универсального назначения. Вместе с тем эти топоры имели также и специальное назначение, т.е. они использовались в металлургическом производстве для отбивки и первичного дробления медной руды.

Наряду с рабочими топорами, в III тысячелетии до н.э. в Дагестане получили

распространение изящные сверлённые каменные полированные боевые топоры, изготовленные из различных метаморфических, известняковых пород. Они найдены на Чиркейском, Сигитминском, Каякентском и Великентском поселениях.

Подобные топоры были широко распространены начиная с раннебронзового века у носителей самых различных культур по всей Европе, от Северного Кавказа до Скандинавии и от Волги до Рейна, а также в Малой Азии. Распространение различных форм боевых топоров является одним из показателей существования в раннебронзовую эпоху обширной культурной провинции, включающей Малую Азию, Кавказ и Европу, характеризующейся чрезвычайно активными культурно-историческими контактами. Важную роль в осуществлении этих контактов играло население Дагестана, расположенного на важнейшем кавказском пути, связывавшем издревле Европу и Азию.

Неизвестным ранее видом вооружения являются булавы, грушевидные и шаровидные навершия которых изготовлялись из различных пород камня — мергеля, диабазы, мрамора, известняка, гематита и др. Навершия булав, как и боевые топоры, полировались до блеска. На археологических памятниках Дагестана, наряду с законченными экземплярами, найдены грубые каменные заготовки булав, что свидетельствует о местном изготовлении этого вида вооружения.

Традиционно из кремня изготовлялись также наконечники стрел, представленные несколькими разновидностями: треугольные с выемкой в основании, треугольные с прямым основанием, треугольные с черешком. Поверхности наконечников тщательно обрабатывались отжимной двусторонней ретушью.

Металлургия и металлообработка

Начало освоения местными племенами Дагестана обработки металлов восходит, как известно, к предшествующей эпохе — энеолиту, но подлинный расцвет древнего металлообрабатывающего производства, как и на всём Кавказе, относится к эпохе ранней бронзы. Наиболее яркой находкой, доказывающей местное производство металлических изделий в Дагестане, является глиняная разбёмная из двух половин литейная форма для отливки топора из поселения Галгалатли (Ботлихский район), предназначенная для отливки наиболее древних типов клиновидных проушных топоров, хорошо известных в ту эпоху как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. О раннем знакомстве населения древнего Дагестана с плавкой металла свидетельствует также слиток выплавленной меди из древнейшего слоя Великентского поселения.

Продукция дагестанского очага металлообработки III тыс. до н.э. включает около 60 разнообразных предметов, обнаруженных при раскопках древних поселений и могильников. Это наконечники копий, топоры, тёсла, ножи, шилья и некоторые украшения, которые сходны с аналогичными изделиями Закавказья и Северного Кавказа, но имеют достаточно выраженные местные особенности. Но в целом продукция эта больше тяготеет к закавказскому горно-металлурги-

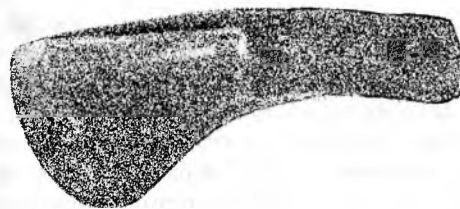

Рис. 18. Чиркейское поселение. Каменный полированный боевой топор

ческому центру того времени, чем к северокавказскому. По составу металла металлические изделия Дагестана подразделяются на три химико-металлургические группы: медную, мышьяко-высоконикелевую и мышьяковую. В основном металлические изделия изготовлялись из мышьяковой бронзы — сплав меди с мышьяком в дозах до 2,5%, т.е. содержание мышьяка в

них было несколько ниже, чем в аналогичных изделиях из Закавказья. Древние хорошо знали свойства металлов, изменяющиеся от количества легирующей примеси. В частности, они знали, что бронза, содержащая малое количество мышьяка, менее хрупка, мягкотягуча, легко поддается дополнительной обработке — ковке. В целом же местные металлурги кузнецы, литейщики, отличались достаточно высоким для своего времени профессионализмом.

Для развития металлургического производства в Дагестане существовала местная сырьевая база. В пределах Горного Дагестана (Южный Дагестан, бассейн рек Аварское и Андийское Койсу) известно множество месторождений медно-сидеритовых и медно-серноколчедановых руд, которые, безусловно, могли быть использованы в древности. Об этом свидетельствуют и некоторые косвенные данные: находки каменных топоров с желоб-

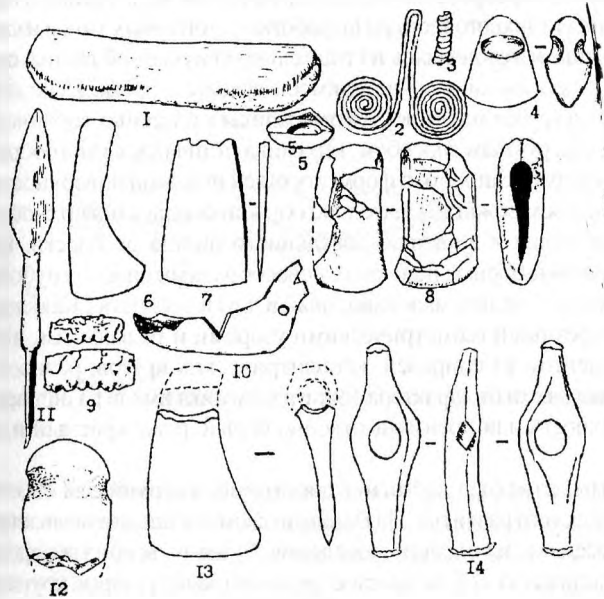

Рис. 19. Эпоха ранней бронзы: вкладыши серпов (9), зернотёрка (1), каменные (4, 6, 12) и бронзовые (13 — 14) топоры, тесло (7), наконечник копья (11), бронзовые украшения (2, 3), литейная форма для отливки топоров (8).

чатым перехватом, использовавшихся для отбивания и первичного дробления руды, медного топора, применявшегося также в горно-рудном деле, а также своеобразии распределения микропримесей химических элементов в металле, что отличает исходное сырьё Дагестана от металлов других областей Кавказа.

Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о выделении металлургии и металлообработки в самостоятельную отрасль производства, обслуживаемую профессиональными специалистами — металлургами, литейщиками, кузнецами, продукция которой вполне удовлетворяла потребности общины, т.е. металлопроизводство в эпоху ранней бронзы достигает в Дагестане уровня общинного ремесла.

Керамическое производство

Керамическое производство, как и металлообрабатывающее, относится к числу наиболее древних специализированных производств Дагестана. По сравнению с предыдущей эпохой керамическое производство достигло довольно высокого уровня развития. Прогресс наблюдается почти во всей технологии, начиная от приготовления глиняного теста до выработки устойчивых типов изделий и их обжига. Керамика изготовлялась из тщательно отмученной глины, содержащей исключительно неорганические примеси дресвы и песка. Исчезает характерная для энеолита грубая керамика, изготовленная в плетёных корзинах, циновках. Хотя и лепилась ручным способом, керамика отличалась многообразием, устойчивостью и выработанностью форм, хорошей отделкой поверхности сосудов и высоким качеством обжига. Тщательно обрабатывалась поверхность сосудов путём ангобирования и лощения, доведённого иногда до блеска. На позднем этапе эпохи ранней бронзы появляется своеобразный способ грубого обмазывания поверхности — приём малоизвестный в других областях Кавказа. Керамика украшалась резными геометрическими узорами и рельефным, выпукло-вогнутым орнаментом из спиралей, концентрических кругов, разнообразных налёпов. В зависимости от характера обжига керамика имела разноцветную пятнистую поверхность или преимущественно серый, реже красный или чёрный цвет.

В гончарном производстве был достигнут достаточно высокий для своего времени уровень технического развития. На Великентском поселении выявлены гончарные печи, вынесенные на окраину поселения. Одна из вскрытых здесь гончарных печей представляла собой простое по своей конструкции круглое сооружение в грунтовой яме диаметром около 3,5 м, стены которого сложены из речного булыжника на глиняном растворе. Она реконструируется как одноярусная со сферическим сводом, камера которой служила одновременно в качестве топочной и обжигательной. Несмотря на простоту конструкции, температура в горнах достигала до 1200 -1300 и по мере необходимости регулировалась. Для этой цели служили специальные отверстия в их сводах. В силу того, что в подобных горнах пламя неравномерно облегалo поверхность обжигаемой ке-

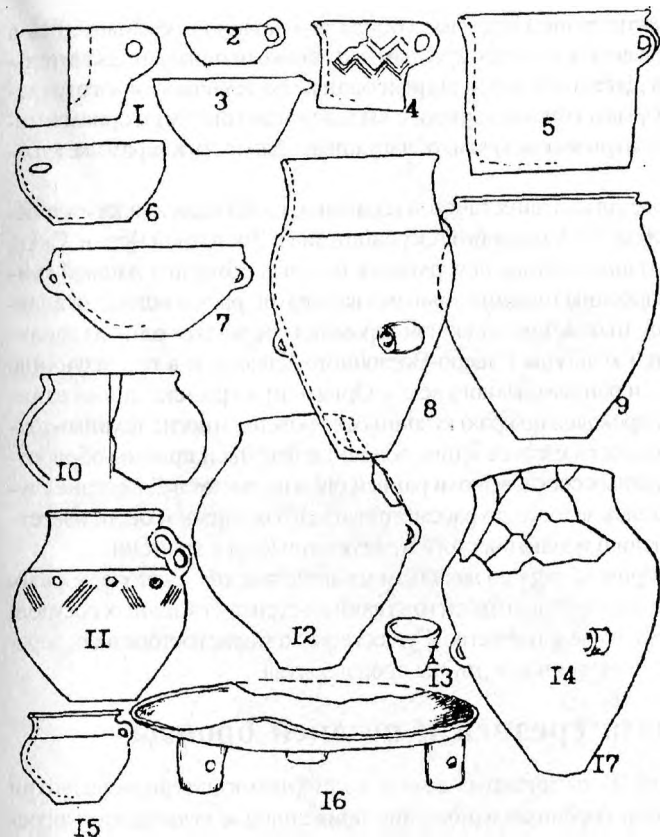

Рис. 20. Керамика эпохи ранней бронзы Дагестана

рамики, она приобретала разнообразную окраску. Это является характерной особенностью раннебронзовой керамики Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом.

Существование специальных мастерских является одним из ярких показателей специализации и высокого профессионального уровня, достигнутого в развитии этой отрасли производства.

Об этом свидетельствует и сама гончарная продукция. Она включала разнообразные по своему назначению

и формам посуду и другие керамические изделия. Кухонная керамика состояла из жаровней или мангалов, устанавливавшихся над центральным очагом на трёх глиняных очажных подставках, представлявших собой прообраз известных в этнографии Дагестана кухонных треножек для установления горшков.

Многочисленна и разнообразна столовая посуда. В её ассортименте — миски и глубокие чаши, горшки с цилиндрической горловиной и сосуды-банки, кружки. Существовала также специальная посуда для хранения сыпучих продуктов и жидкостей. Это крупные яйцевидные сосуды, украшенные рельефными фризами из концентрических кругов, спиралей, кругов с крестами, зигзагами, антропо — и зооморфными фигурками, служившие, вероятно, в качестве оберегов; крупные сосуды с высокой и широкой цилиндрической горловиной с

отверстиями для вентиляции. Подобные сосуды, как правило, закапывались в полы жилищ и закрывались тонкими круглыми каменными плитами. Значительная часть керамики Дагестана эпохи ранней бронзы по технологии изготовления, по ведущим формам (миски, горшки с выделенным горлом) и орнаментации (спирали и концентрические круги) обнаруживает близость к керамике куро-аракской культуры.

Выделяется также группа дагестанской керамики, находящая аналогии только в сопредельных областях Северного Азербайджана и Восточной Чечни. Сюда относятся разнообразные сосуды, поверхность которых обмазана жидкой глиной. Они орнаментированы горизонтальными валиками, расчленёнными вдавленными и насечками. Бытование подобной керамики составляет одну из характерных особенностей культуры Северо-Восточного Кавказа и в последующие периоды бронзового и раннежелезного веков. Орнамент из расчленённых валиков, ряды сквозных проколов по краю кухонных жаровень, многие технико-технологические особенности изготовления, основные формы и приёмы обработки поверхности глиняных сосудов эпохи ранней бронзы имеют в Дагестане глубокие корни, сложились задолго до рассматриваемого времени и были известны местному населению неолитического и энеолитического времени.

В эпоху ранней бронзы, судя по находкам на дагестанских раннебронзовых поселениях каменных пряслиц, отпечатков ткани на стенках глиняных сосудов, здесь развивались прядение и ткачество. Существовало также косторезное, деревообрабатывающее, кожевенное и другие производства.

3. Эпоха средней и поздней бронзы

В последние века III тысячелетия до н.э. в историко-культурном развитии Дагестана произошли коренные изменения, приведшие к культурному переформлению края. Эти изменения затронули почти все стороны материальной и духовной культуры (архитектура, погребальные сооружения и обряд, гончарное дело, металлообработка). Была в значительной степени нарушена продолжавшаяся тысячелетиями от мезолита до раннебронзового века относительная стабильность культурно-исторического развития Дагестана с сохранением культурной преемственности на всех его этапах. Развитие раннебронзово-культуры на территории Дагестана завершилось, распалось существовавшее прежде культурное единство Северо-Восточного Кавказа и на рубеже III- II тысячелетия до н.э. здесь сложился ряд новых археологических культур среднебронзового века (гинчинская, присулакская, великентская), имеющие лишь некоторые общего характера черты преемственности по отношению к предшествующей раннебронзово-культуре и иные традиции и направления культурных связей¹⁰.

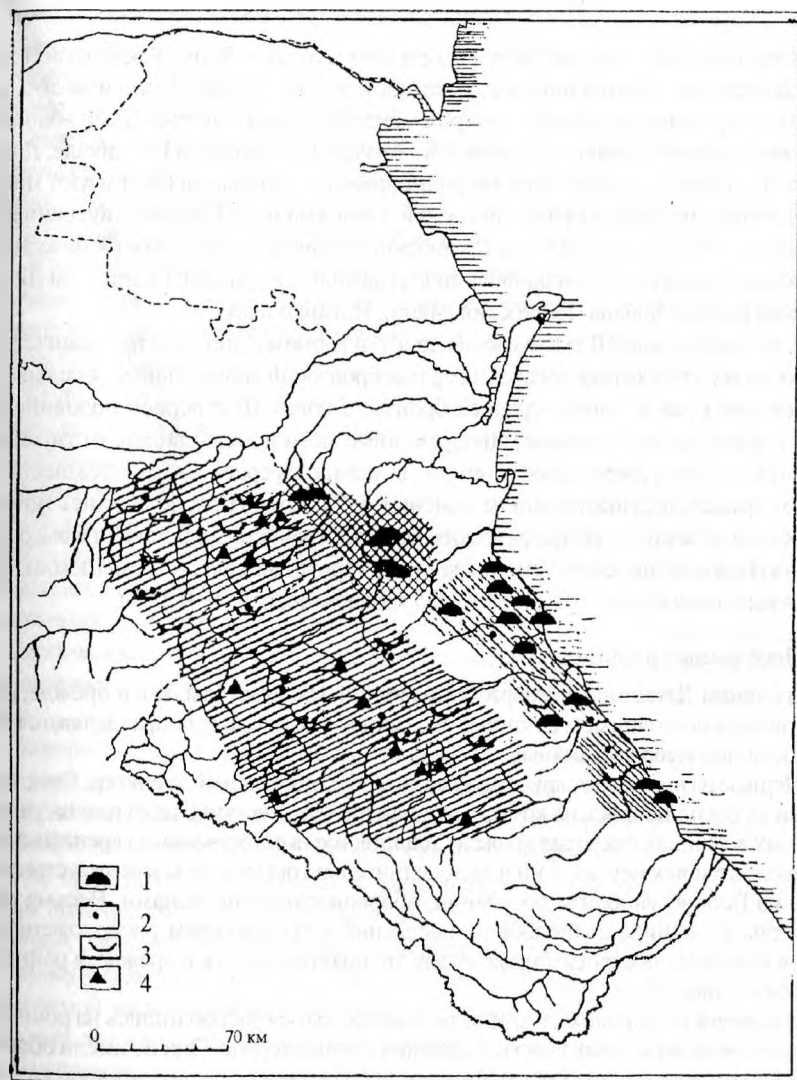

Рис. 21. Карта археологических культур и памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. 1 — курган, 2 — поселение, 3 — грунтовый могильник, 4 — случайная находка

Гинчинская культура

Носители этой культуры были расселены в горных районах Восточной Чечни и Дагестана. В пограничном с Дагестаном районе Горной Чечни известны в основном древние погребения, материалы которых представляют северо-западный, ичкерийский, вариант гинчинской культуры (могильники Гатынкале, Дай, Бельга)¹¹, а второй, дагестанский вариант данной культуры характеризуют многочисленные материалы ряда поселений и могильников Горного внутреннего Дагестана. Это Верхнегунибское (Гунибский район) и Ирганайское (Унцукельский район) поселения, могильники Гинчи (Шамильский район), Галгалатли (Ботлихский район), Хабада (Гунибский район), Ирганай и др.

В последние века III тысячелетия до н.э. в Горном Дагестане прекращается жизнь на всех известных поселениях раннебронзовой эпохи. Новые поселения, относящиеся уже к эпохе средней бронзы, к концу III и первой половине II тысячелетия до н.э., а также одновременные могильники свидетельствуют о том, что характер расселения в Горном Дагестане по сравнению с предшествующим временем существенно не изменился. Поселения располагались почти во всех естественно — географических зонах внутреннего Дагестана: и в высокогорьях (Верхнегунибское, Усишинское), и в горных долинах (Ирганайское), на высотных отметках от более 2000 м. над уровнем моря до 450-500 м.

Поселения и жилища.

В Горном Дагестане на территории гинчинской культуры, как и прежде, существовали постоянные и сезонные поселения. Постоянные подразделяются на т.н. скальные и горнодолинные.

Первые из них имеют ярковыраженный оборонительный характер. Они, как правило, располагались на крутых склонах гор (Верхнегунибское) или на уплощенных вершинах скальных кражей (Усишинское) в естественных укрепленных, труднодоступных местах, а иногда дополнительно окружались, как это установлено на Верхнегунибском поселении, оборонительными стенами. Весьма характерна и планировка подобных поселений с ступенчатым расположением рядов каменных построек по склону, как это практиковалось и прежде, в раннебронзовую эпоху¹².

В отличие от скальных, горнодолинные поселения располагались на ровных, сравнительно доступных участках древних речных террас. Они не имели оборонительных сооружений. Таково Ирганайское поселение, расположенное на высоте около 500 м. над уровнем моря в Ирганайской долине, на речной террасе у подножия южных склонов горы, у входа в боковое ущелье¹³.

Сезонные поселения, о которых мы судим по поселению Галгалатли II, также располагались на крутых склонах гор, но, в отличие от скальных и горнодолинных, они не застраивались фундаментальными каменными жилыми и хозяйственными постройками.

Поселения сильно различаются и по своим размерам. Сезонные поселения

— это фактически небольшие стоянки семейной группы, занятой скотоводством вдали от оседлых базовых поселений в летние сезоны. Это традиционная форма ведения скотоводческого хозяйства, возникшая ещё в энеолите и сохранившаяся до современной этнографической действительности.

Наряду с такими небольшими поселениями, состоящими из единичных временных построек в виде полуземлянок, были распространены оседлые, постоянные поселения достаточно крупных размеров, площадь которых достигала до 1 га (Верхнегунибское), 3 га (Ирганайское).

В горных оседлых поселениях возникает совершенно новый тип каменного жилища, отличающийся от круглоплановых жилищ с пристройкой раннебронзового века прямоугольной планировкой и многокамерностью. На Верхнегунибском поселении открыты прямоугольные, значительные по своим размерам (от 20 до 40 кв м) смежные постройки с углубленными в скалу основаниями. Стены их сооружались из хорошо подогнанных каменных плит, уложенных без скрепляющего раствора.

Постройки имели плоскую кровлю, образованную системой опорных столбов, балок, перекрытых каменными плитами и засыпанных сверху плотно утрамбованной землёй. Они соединялись друг с другом и с улицами дверными проёмами, у которых нередко находятся каменные “плитки” с ячейками для закрепления осей деревянных дверей для их вращения. В горнодолинных поселениях (Ирганайское) к жилью сооружения примыкали обширные дворы с навесами, опирающимися на многочисленные столбы, установленные в специальных ямах.

Внутри жилищ сооружались лежанки, очевидно, предназначенные для сна. У стен располагались глинобитные сводчатые двухчастные печи для сушки зерна и выпечки хлеба. Центральные круглые очаги, характерные для предшествующего периода, в эпоху средней бронзы уже не встречаются.

Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что круглоплановая жилая архитектура раннебронзового века сменилась совершенно новой архитектурой, сложившейся на рубеже эпохи ранней и средней бронзы, основанной на прямоугольных конструкциях. Она становится в Горном Дагестане единственной формой жилой архитектуры среднебронзового века и представлена как на скальных, так и на горнодолинных поселениях. Они застраивались компактными рядами прямоугольных, преимущественно многокамерных жилищ. В интерьере жилищ (характер дверных проёмов, лежанки, устройство глинобитных печей и т. д.) прослеживается много общего с традиционным горным жилищем.

Основываясь на сказанном, можно заключить, что в конце III тысячелетия до н.э. в горных районах Дагестана уже сложились те главные элементы планировки и архитектуры горских поселений, которые, развиваясь, доживают до нашего времени.

Погребения

Как и в предыдущий период, в Горном Дагестане могильники располагались за пределами поселений, как правило, на небольшом расстоянии от них. Так, Ирганайский могильник располагался на той же террасе, что и поселение, на противоположной стороне оврага.

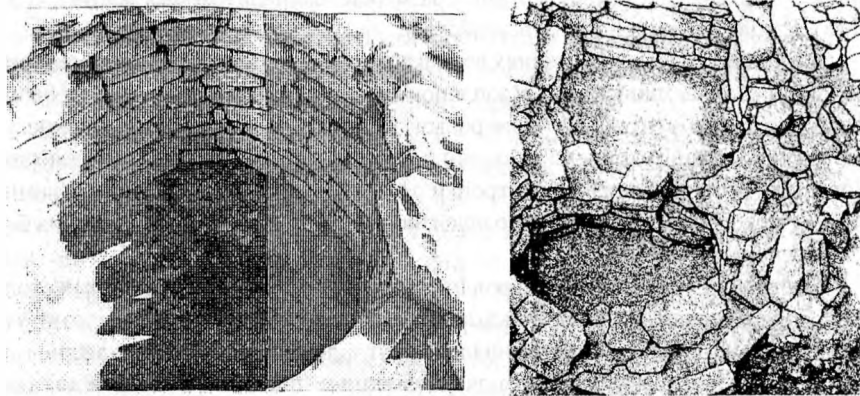

Рис. 22, 23. Круглоплановый и прямоугольный склепы могильника Гинчи

Могильники, как правило, состояли из нескольких склеповых сооружений¹⁴. В их устройстве, как и в эпоху ранней бронзы, отражались основные приёмы местного домостроительства. Склепы были впущены в землю, стенки их возводились каменной кладкой и перекрывались камнными плитами. Захоронения в них совершались многократно через крышу или сбоку, где для этой цели устанавливались специальные лазы, закрытые каменными плитами. Выделяются склепы круглоплановой и прямоугольной формы, соответственно отражающие две различные традиции домостроительства Горного Дагестана. При этом погребальные сооружения в силу консервативности погребальных обрядов сохранили традицию круглоплановой архитектуры, хотя в это время она была в реальной жизни полностью сменена прямоугольной. На могильнике Гинчи (Шамилский район) это два типа погребальных сооружений сосуществовали. Совершенно необычный для Горного Дагестана обычай насыпать курганы над погребальным сооружением, характерный для степных племён, выявлен на Ирганайском могильнике, где над склепами возводились насыпи из камней в перемешку с землёй.

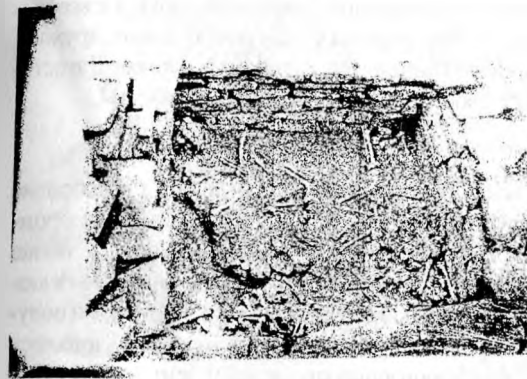

Рис. 24. Прямоугольный склеп могильника Гинчи

В некоторых районах Горного Дагестана практиковались также захоронения детей в крупных глиняных сосудах (могильник Гинчи). Людей хоронили в склепах в разнообразной позе, без определённой ориентации, в соответствии с распространёнными в ту пору языческими верованиями и культами. Все те вещи, которыми покойник пользовался при жизни и которые якобы могли ему "потребоваться" в "загробном" мире, укладывались вместе с ним в склепе.

Керамика

Племена гинчинской культуры пользовались набором керамики, характерной в основном для горных районов. Она преимущественно сероглиняная с резным геометрическим орнаментом в виде треугольных и полукруглых фестонов, из рельефных валиков с защипами, конических, дуговидных налсепов, трезубцев. На Ирганайском поселении обнаружена керамика, украшенная отпечатками шнура, проникшая сюда, по-видимому, из долины среднего Сулака. Наряду с гладкостенной, широко вошла в их быт посуда с грубо обмазанной

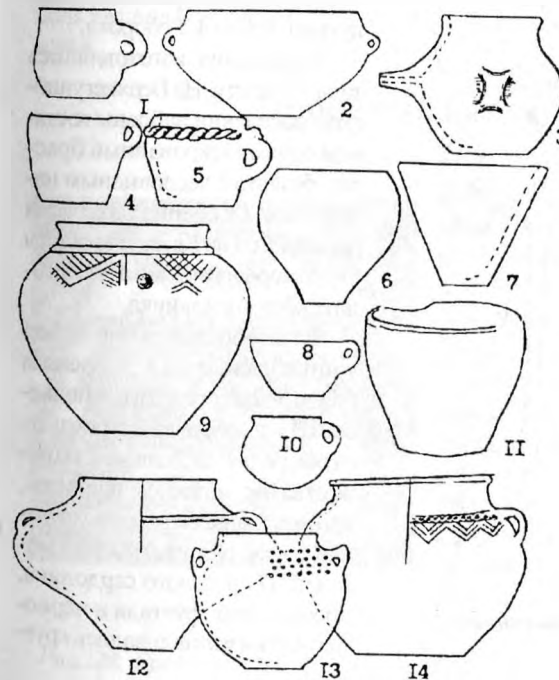

Рис. 25. Керамика гинчинской культуры

жидкой глиной туловом, появившаяся в конце раннебронзовой эпохи. Основными формами посуды были миски, банки, горшки с вздутым туловом, кружки, чашки. Отличительной особенностью гинчинской культуры в Горном Дагестане является массовое присутствие своеобразной круглодонной посуды.

Украшения

Культуру среднебронзового века Горного Дагестана отличает своеобразие женских украшений. Большую группу украшений составляют булавки из бронзы, использовавшиеся для прикрепления женского головного убора, а также закаливания одежды. Различные варианты бронзовых булавок найдены в могильнике Гинчи: с головками в виде спиральных завитков, а также дисков и полукружий с отверстиями. Наиболее распространены и широко использовались разнообразие височные подвески из бронзовых стержней и лент, изогнутых в полтора оборота. Разновидностью этих же украшений являются характерные в основном для Горного Дагестана пластинчатые подвески в виде лопастей и свернутого лаврового листа. Среди других принадлежностей женского головного

убора известны также спиральные пронизки, изготовленные из бронзовой проволоки или ленты. Женщины гинчинской культуры носили бронзовые многовитковые браслеты, свернутые в 1,5 — 4,5 оборота.

Украшения изготовлялись также из кости. На Верхнегуниском поселении найдены костяной орнаментированный браслет, булавка с весловидным навершием. Особенно интересна древнейшая на Кавказе костяная антропоморфная пряжка из Ирганайского могильника.

Разнообразен также набор употреблявшихся в то время в Горном Дагестане бус и подвесок. В погребениях встречаются ожерелья, состоящие из множества бус, подвесок, пронизок, изготовленных из цветных камней, кости, раковин, пасты и металла. Из розового сердолика, прозрачного хрусталя и чёрного гагата изготавливались круг-

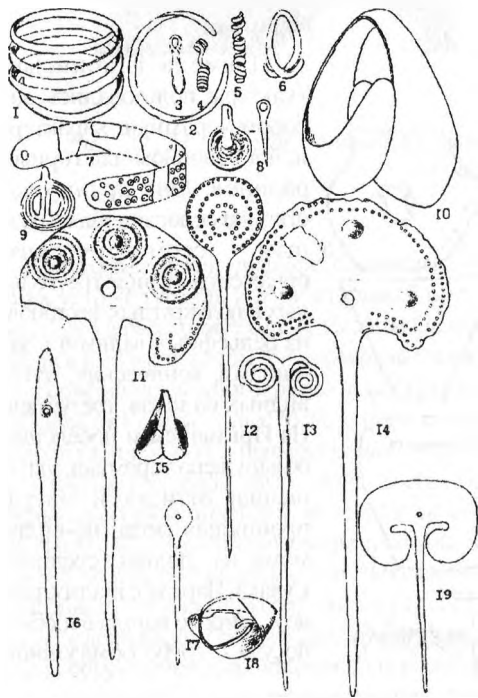

Рис. 26. Украшения людей гинчинской культуры

Рис. 27. Человек гинчинской культуры (реконструкция М.М. Герасимова)

лые, шаровидные, бочёнкообразные, треугольные, каплевидные и многие другие формы бус, подвесок, разделителей для ожерелий. Кроме того, из бронзы изготавливались подвески в виде очковидных спиралей, орнаментированных дисков-медальонов. В ожерельях употреблялись и металлические пронизки-трубочки, спирали. Перечисленные изделия были, правда в обиходе, и в других районах Дагестана.

Предметы вооружения

Другие категории материальной культуры, в частности предметы вооружения, в Горном Дагестане не отличаются от аналогичных изделий из остальной территории. Металлическое оружие состояло из лука со стрелами с изящными кремневыми треугольными наконечниками с глубокой выемкой в основании, а также копий и дротиков, также оснащённых кремневыми наконечниками. Универсальным оружием были бронзовые клинки с черешком, использовавшиеся, вероятно, в качестве ножа, кинжалчика, а также наконечника копья.

Присулакская культура

К северо-востоку от гинчинской на границе степей и гор распространены памятники присулакской культуры. Её характеризует группа памятников, расположенных в долине среднего Сулака, начиная от Ахатлинского ущелья до района Верхнего Чирюрта. Это ныне затопленные Чиркейским водохранилищем курганные могильники у селения Старый Чиркей¹⁵, курганные поля у с. Миатли¹⁶. Однако культура эта была распространена довольно широко в Прикаспийском Дагестане, о чём свидетельствуют находки в курганах в окрестностях Хасавюрта, Манаскента (курган "Яртипобе")¹⁷. Носители присулакской культуры, судя по тому, что на её территории неиз-

Рис. 28. Гробница Чиркейского могильника

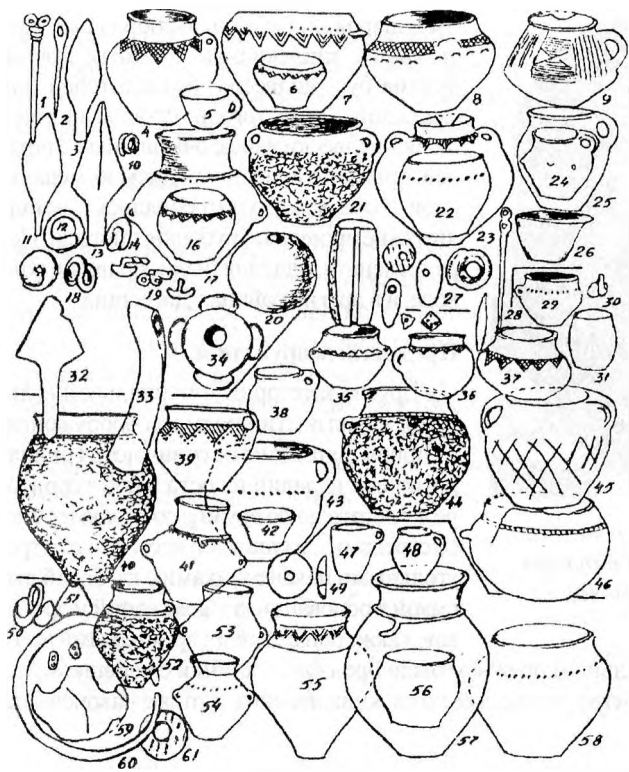

Рис. 29. Присулакская культура. Основные предметы материальной культуры: предметы вооружения (3, 11, 13, 32, 33, 34), украшения (1, 2, 10, 12, 14, 18, 19, 26 — 28, 30, 50, 51, 60, 61), керамика (4 — 9, 16 — 17, 21 — 26; 29, 31, 35 — 48, 52 — 58)

северного Дагестана непосредственно связано с проникновением определённых групп северного, степного населения. В результате взаимодействия местного и пришлого населения здесь сформировалась присулакская культура, в которой органически соединились черты различных по своему происхождению культур.

Население присулакской культуры практиковало захоронение людей в грунтовых ямах, прямоугольных каменных гробницах, сложенных из камней и крупных вертикально поставленных плит, над которыми воздвигались каменные насыпи из окатанных речных валунов вперемешку с землёй. Курганы содержали от 1 до 6 погребальных сооружений, которые, как правило, предназначались для одиночных захоронений. Людей хоронили в вытянутом или скорченном положении головой преимущественно на юг. Их посыпали охрой. В основании насыпи некоторых курганов на уровне древней поверхности сооружались кольца из

вестны постоянные поселения, вероятно, вели более подвижный образ жизни, чем их предшественники. Последние, судя по раскопкам в Чиркее, оставили свои поселения внезапно. На раннебронзовом Сигитминском поселении найдена керамика со шнуровым орнаментом, характерным для степных культур. В конце раннебронзовой эпохи появляется на этой территории и курганный обряд захоронения, что также является чертой, присущей для степной зоны.

Очевидно закат куро-аракской культуры и последовавшее за ним культурное переформление Северного

Дагестана сопровождалось одним или двумя глиняными сосудами с заупокойной пищей. Женщин хоронили в одежде с украшениями. С мужскими захоронениями изредка встречаются предметы вооружения.

Для присулакской культуры характерно сочетание керамики типично местной, встречаемой в гинчинской культуре, с имеющей признаки, характерные для степной культуры, из которых наиболее ярким является приём орнаментации керамики с помощью отгисков кручёного шнура. Разнообразны формы сосудов. Это кувшины, широкогорлые сосуды с яйцевидным туловом, глубокие чаши, кубки воронковидные, кружки, плошки, круглодонные сосуды, орнаментированные в основном врезными и шнуровыми узорами в виде треугольных фестонов, пояском из вертикальных насечек, валиками с защипами. Имеется здесь и типичная для Северо-Восточного Кавказа керамика с грубо обмазанной поверхностью. Совершенно отсутствуют столь характерные для остальной территории Дагестана сосуды — миски. Из предметов вооружения в присулакской культуре известны бронзовые проушной топор, клинки ножей и кинжалов, каменные наконечники булав, выпрямители древков стрел. Малочисленны и украшения. Это височные подвески, в том числе пластинчатые, полусферические колпачки, браслеты с незаходящими концами, булавки с плоской и завязанной головками, бусы из раковин каспийских малюсков, бронзы, сердолика, пасты. Наряду с ними, встречаются и подвески в виде обрывков шнура и круглые с шнуровым орнаментом, вероятнее всего, северокавказского, степного происхождения.

Первоначально эта культура сформировалась в северном степном и Предгорном Дагестане, а позднее проникла на юг в Центральный Приморский Дагестан, в ареал великентской культуры.

Великентская культура

Великентская культура была распространена в Приморском Дагестане к северу от Дербента до района Манас. Она, в отличие от присулакской, более тесно связана с предшествующей местной раннебронзовой культурой. Люди продолжали жить на тех же поселениях Великент и Каякент, но изменяется характер жилых сооружений. Наряду с круглоплановыми каменными домами, землянками, появляются прямоугольные землянки и наземные лёгкие постройки из плетня, обмазанного глиной. В строительном деле широко используется сырцовый кирпич, которым обкладывались стенки землянок. Из кирпичей возводились и несущие стены наземных построек.

Выдающимся памятником великентской культуры является обширный могильник на окраине с. Великент Дербентского района. Людей здесь хоронили в грунтовых бескурганых катакомбах, вырытых в толще естественного холмообразного возвышения с плоской вершиной рядом с Великентским поселением. Катакомбы состояли из большой погребальной камеры овальной формы (диаметром 3-6 м.) со сводчатым потолком и прямоугольного входного колодца. Входы в погребальную камеру закрывались каменными плитами. Катакомбы служили в качестве семейно-родовых усыпальниц в течение длительного време-

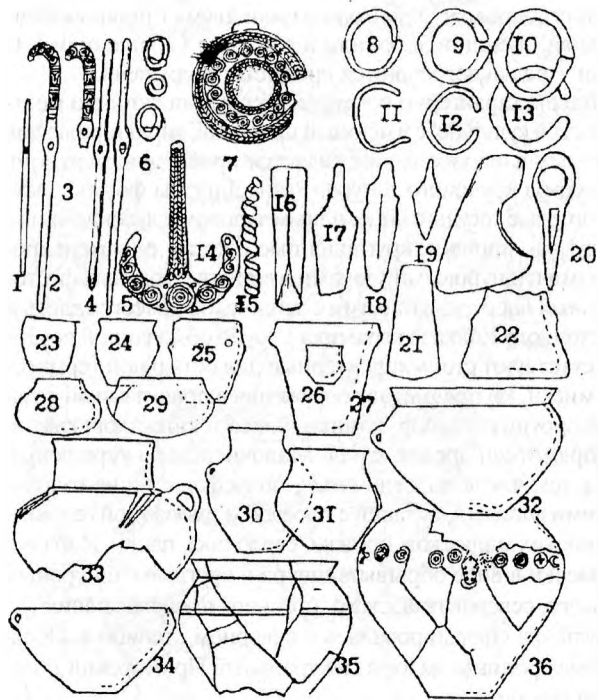

Рис. 30. Великентская культура: украшения (1-15), орудия труда (16), предметы вооружения (17-21) и керамика (22-36)

ные: миски, горшки и кувшины с цилиндрической горловиной, баночки. Керамика в основном не орнаментированная. Редкий рельефный орнамент представлен одиночными, парными, тройными налепами в виде жемчужин, валиками с защипами. Интересны крупные тарные сосуды со своеобразными фризами из рельефных спиралей, концентрических кругов, занимающие всю половину верхней части тулова.

Наряду с местной керамикой, в памятниках великентской культуры обнаружены импортные сосуды т. н. алазано-беденской культуры Восточной Грузии. Помимо керамики для этой культуры характерны полированные наверхия каменных булав, изящные полированные каменные боевые топоры, разнообразные бусы и подвески из сердолика, горного хрусталя, гагата, стекловидной пасты и др.

Особый интерес представляют многочисленные металлические предметы из бронзы, реже серебра, обнаруженные в великентских катакомбах, которые в большинстве случаев являются весьма оригинальными и не встречаются нигде

ни (они содержали 18-130 захоронений).

Катакомбы содержали также большое количество разнообразной посуды, клавшей с покойниками с заупокойной пищей, орудия труда, предметы вооружения, украшения. Особенно примечательно, что в катакомбах в массовом количестве обнаружены металлические изделия (в одной только катакомбе было найдено около 1,5 тысяч бронзовых предметов).

Для великентской культуры характерна в основном серая лощёная керамика. Очень редки сосуды с обмазанной поверхностью. Формы сосудов почти стандарт-

ны в пределах великентской культуры. Коллекция бронзовых предметов включает своеобразные секироподобные топоры, а также обычные ножи, тёсла, долота, четырёхгранные шилья, украшения в виде спиральных пронизок, пронизок-трубочек, височных подвесок, медальонов, бляхи, имевшие широкое распространение на Кавказе и сопредельных областях. Оригинальны прямостержневые и изогнутые в виде ручки посоха головные булавки с отверстиями на стержне, богато орнаментированные якоревидные подвески, браслеты с утолщениями на концах и в середине стержня, не имеющие точных аналогов за пределами этого района Дагестана.

Манасский могильник несколько отличается от типичных памятников великентской культуры. Прежде всего над катакомбами здесь насыпались курганы, несколько своеобразна и керамика с желобчатым геометрическим орнаментом, среди металлических украшений известны формы, не характерные для великентской культуры, в частности, очковидные привески. Вероятно, здесь можно будет, по мере накопления материалов, выделить ещё один вариант культуры бронзового века в Приморском Дагестане.

В предгорьях, к востоку от г. Буйнакска, известны погребальные сооружения в виде массивных каменных гробниц с керамикой, близкой к керамике манасского могильника. В гробнице у с. Кафир-кумух захоронение было совершено в деревянной повозке-кибитке, от которой сохранились дуги. Возможно, эта группа памятников характеризует уже другой вариант среднебронзовой культуры Дагестана.

На левобережье р. Инчхе-озень у с. Утамышь Каякентского района известны чрезвычайно интересные археологические памятники. Это курганный могильник, где захоронения совершались в глубоких грунтовых ямах-срубках, стенки которых обложены брёвнами. В одном из таких срубов находилась четырёхколёсная деревянная повозка с установленным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого ствола дерева, в котором было женское захоронение. В саркофаге найдены женские украшения: бронзовые булава, браслет, пронизки в виде трубочек, бляхи, бусы из горного хрусталя, пасты, морских раковин, серебряные височные полутораспиральные подвески. Утамышские курганы относятся к ещё одному неизвестному очагу культуры предгорного Дагестана эпохи средней бронзы.

Каякентско-хорочевская культура

В середине II тысячелетия до н.э. на всей территории Дагестана и Горной Чечни складывается каякентско-хорочевская культура эпохи поздней бронзы, бытовавшая здесь до XII в. до н.э., получившая своё название от двух могильников, расположенных у с. Каякент в Дагестане и сел. Хорочой в Чечне.¹⁸ Она представлена главным образом могильниками из каменных ящиков, устроенных в грунте под курганами или без курганных насыпей. В Дагестане известно около ста подобных могильников. Материалы из раскопок свидетельствуют о

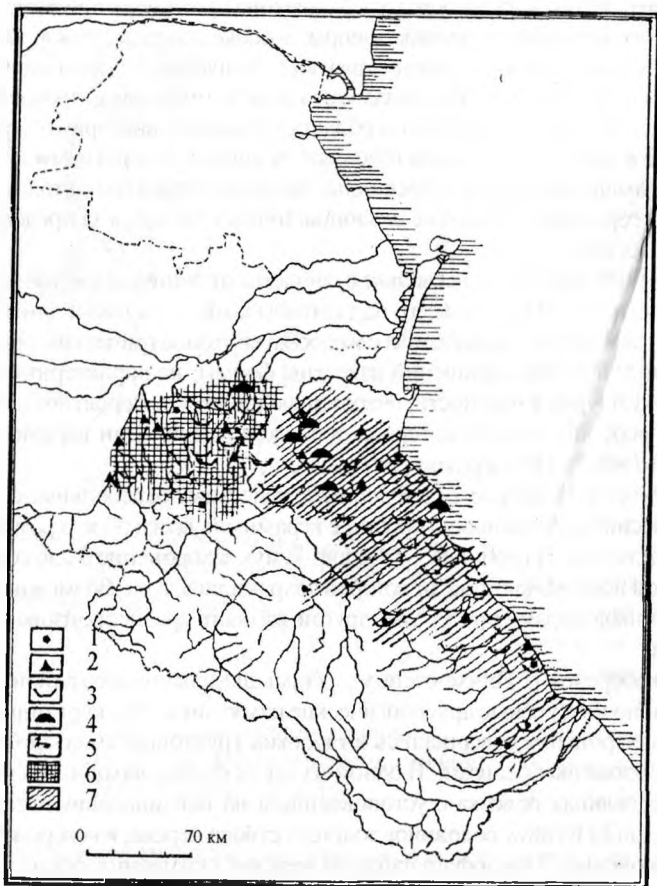

Рис. 31. Карта памятников каякентско-хорочоевской культуры. 1 - поселения, 2 - случайные находки, 3 - грунтовые могилы, 4 - курганы, 5 - наскальные изображения, 6 - западный вариант культуры, 7 - восточный вариант культуры,

том, что в эпоху поздней бронзы сохраняется этнокультурная пестрота, которая была характерна для Дагестана в предшествующий период¹⁹. Каякентско-хорочоевская культура характеризует иной уровень культурно-исторического развития местных племён в конце бронзового века. Важнейшей чертой этой культуры является определённое единство погребального обряда. Это одиночные или парные захоронения в каменном ящике, которые совершались в зависимости от местных традиций либо в скорченном, либо в сидячем положении, сопровождавшиеся одним или двумя глиняными сосудами и отдельными украшениями.

Заместо беднее, однообразнее становится керамика. Полностью прекращается производство лощёных кубков, гладкостенных мисок и других видов столовой посуды. Продолжают изготавливаться и получают широкое распространение в Дагестане и горной Чечне всего три устойчиво повторяющихся типа горшков, поверхности которых покрывались перед обжигом характерной обмазкой из жидкой глины. Они немного различались лишь по орнаментации: керамика в горных районах украшалась налепными валиками, либо полосками вдавленного узора, а на равнине и в предгорьях преобладал резной геометрический узор, в сочетании с различными налепами.

Изделия местных металлургов известны по находкам разнообразных украшений. Особенно характерны принадлежности женского головного убора в виде крупных пластинчатых височных подвесок, полусферических колпачков, трубочек-накосников, а также круглые браслеты с незамкнутыми концами. На одежду нашивались яркие блестящие сурьмяные привески. Находки металлического оружия очень редки.

Поселения этого времени мало известны и изучены пока недостаточно. Но имеющиеся данные свидетельствуют, что в рассматриваемое время сохраняется архитектура, сложившаяся в предыдущую эпоху. Так, судя по данным раскопок Верхнегуньбского поселения, в эпоху поздней бронзы в Горном Дагестане продолжали бытовать прямоугольные каменные жилые и хозяйственные постройки, расположенные на горном склоне горизонтальными ступенчатыми рядами.

4. Хозяйство населения эпохи средней и поздней бронзы

Земледелие и скотоводство

Как и в предыдущие эпохи раннего металла, основу хозяйства населения Дагестана с конца III до конца II тыс. до н.э. составляли земледелие и скотоводство. Важная роль земледелия документируется многочисленными находками разнообразных орудий труда и иных приспособлений, связанных с земледелием и обработкой сельскохозяйственных продуктов. На Верхнегуньбском и Ирганайском поселениях обнаружен разнообразный сельскохозяйственный инвентарь, включающий зернотёрки, тёрочки, ступки с пестами, наконечники мотыг, кремнёвые вкладыши от серпов. В Горном Дагестане продолжает развиваться террасное земледелие, осваиваются под земледелие новые территории на горных склонах (Верхнегуньбское плато и др.). Техника земледелия существенных изменений не претерпевает. Оно оставалось в основном плужным.

Рис. 32 Каякентско-хорочовская культура: предметы материальной культуры.

го рогатого скота (в пределах 31-34%), единичны свиньи, а на заключительном этапе обживания поселения появляется лошадь. Скотоводство на Верхнегунибском плато носило оседлый характер. Однако практиковались и отгонные формы скотоводства, о чём свидетельствует существование в высокогорьях, как и в эпоху неолита и ранней бронзы, сезонных поселений для пастухов (Галгалатли II).

На Ирганайском поселении костные остатки принадлежали крупному (ок. 40%) и мелкому (ок. 34%) рогатому скоту, свиньям (ок. 12%). Крупный рогатый скот разводился не только для обеспечения населения мясо-молочной продукцией, он широко использовался в качестве тягловой силы в запряжке плуга и повозки. В эпоху поздней бронзы возникает новая отрасль — коневодство. Коня использовали и для верховой езды, и для запряжки в лёгкие двухколёсные ко-

Существовало и садоводство, о чём свидетельствуют находки фруктовых косточек на Ирганайском поселении.

Развитие скотоводства документируют многочисленные кости животных, найденные при раскопках поселений и нескольких могильников. На Верхнегунибском поселении в составе стада количественно преобладали овцы и козы (около 54-60%), примерно на половину меньше было крупно-

лесницы и повозки, изображения которых запечатлены на стенке каменного ящика на Берикейском могильнике и среди наскальных изображений вблизи гор Буйнакса.

Несмотря на существование развитого скотоводства, большую роль в обеспечении потребности населения в мясной пище играла охота.

Хозяйство населения Дагестана в эпоху средней и поздней бронзы было комплексным, в котором наряду с отраслями, ориентированными на обеспечение населения продуктами питания, существенную роль играли разнообразные общинные ремёсла и домашние производства:

Металлообрабатывающее производство

Каждой археологической культуре или группе памятников эпохи средней и поздней бронзы соответствовал локальный очаг металлургии, отличающийся не только своеобразием типов металлического инвентаря, но и технологией его изготовления²⁰.

На территории гинчинской культуры, на Верхнегунибском поселении открыты остатки литейной мастерской, где обнаружены глиняные литейные формочки, тигельки, сопла — глиняные трубочки от кузнечных мехов. Находки, связанные с литейным делом, обнаружены и на Ирганайском поселении. Это т. н. льячки — глиняные ложечки с боковым сливом для разлива расплавленного металла в формы. Металл гинчинской культуры включает две металлургические группы. Одна из них традиционная для Дагестана, мышьяковая, с низким содержанием мышьяка (0,1-3%), другая, мышьяково-оловянистая, отличающаяся от первой высоким содержанием олова (0,1% и больше до 7%) и мышьяка (0,03-3%)²¹.

Другой очаг металлообработки локализуется в ареале великентской культуры. Большинство предметов отливалось из довольно однородного по геохимическим примесям сырья с незначительным присутствием мышьяка (0,1% до 5%), что, как уже отмечалось, характерно для Горного Дагестана. Отдельные браслеты изготавливались из серебра или с добавлением к меди серебра более 30%. Выделяется группа предметов, содержащих олово в концентрациях 0,1% до 10%, т. е. распространяется оловянистая бронза²².

Наряду с медью, бронзой и серебром, населению среднебронзового века Дагестана было известно и золото. Из него изготавливались аналогичные бронзовым височные подвески в полтора оборота, находки которых известны из утамьшских и чиркейских курганов, а также в гробницах в районе сел. Кафиркумух и г. Буйнакса.

В эпоху поздней бронзы получили распространение изделия из сурьмы в виде разнообразных подвесок.

С распространением оловянистых бронз возникает необходимость в олове. Оно доставлялось в Дагестан, как и в другие области Кавказа, из стран Передней Азии.

Об уровне технического развития в области металлургии и металлообработ-

ки свидетельствуют остатки литейного производства, в том числе развалины двух сводчатых печей из Верхнегунибского поселения, в которых достигалась необходимая для плавки металла высокая температура путём нагнетания воздуха с помощью специальных мехов через глиняные сопла-трубочки²². Отлитые предметы подвергались дополнительной проковке, с помощью которой им придавался законченный вид. Таким образом, по-видимому, изготавливались плоские клинки ножей, наконечники копий, иглы и др. Крупные изделия ударного действия (топоры) отливались в двухстворчатых каменных и глиняных формах, как это имело место в раннебронзовый период. Наряду с указанными приёмами, дагестанские племена успешно пользовались и более сложными видами литья. Это, в первую очередь, литьё по восковой модели (с утратой формы), по технологии которой изготовлены высокохудожественные изделия из бронзы (великентские булавы, якоревидные подвески, медальоны и др. предметы со сложными литыми орнаментальными мотивами из спиралей, концентрических кругов, геометрических фигур и др.). Им были известны и различные приёмы плавки, нанесение выемочно-вогнутого узора тиснением.

Всё это свидетельствует о высоком профессиональном уровне местных кузнецов и выделении этого вида общинного ремесла в специализированную отрасль производства.

Вместе с тем необходимо отметить, что темпы развития этого вида производства в различных областях Дагестана были неодинаковыми. Развитие металлообрабатывающего производства в среднебронзовом веке происходило неравномерно. Если в южных областях (великентская культура) мы наблюдаем его заметный прогресс по сравнению с предшествующим периодом, о чём свидетельствуют многочисленные находки металлических предметов в великентских катакомбах (1,5 тыс. предметов в одной катакомбе), этого нельзя сказать о присулакской культуре Северного Дагестана, весьма бедной металлическими изделиями, представленными единичными предметами простейших форм.

Керамическое производство

Второй специализированной отраслью производства в эпоху средней бронзы было гончарное дело. Гончарные мастерские, как и в эпоху ранней бронзы, были локализованы на окраинах поселений, о чём свидетельствуют раскопки поздних слоёв Великентского и Каякентского поселений, в которых обнаружены остатки гончарных печей. Керамика этой эпохи, особенно в северной и горной зоне, становится более грубой, хотя сама технология изготовления сосудов не претерпела существенных изменений по сравнению с предшествующим периодом. На всём протяжении эпохи средней и поздней бронзы сосуды изготавливались вручную. Увеличивается количество керамики с обмазанной поверхностью, неуклонно сокращается число лощёных сосудов. В период каякентско-хорчоевской культуры обмазанная керамика становится доминирующей, а самой обмазке нередко придаётся декоративный характер. Ведущими орнаментальными элементами становятся треугольные резные фестоны и различные рельефные украшения, преимущественно валики с насечками.

На протяжении конца III — II тыс. до н.э. изменялись и формы употреблявшихся сосудов. Для эпохи средней бронзы характерно обилие разнообразных по форме и назначению глиняных сосудов, тогда как в период поздней бронзы известно лишь несколько форм. Древние керамисты хорошо знали качество глин, а также назначение отощителей — шамота, дресвы и других примесей, которые умело использовались при изготовлении различных по назначению типов кухонных, столовых и тарных сосудов.

Строительное дело и камнеобработка

Значительные изменения претерпевают по сравнению с эпохой ранней бронзы строительное дело и архитектура. Круглоплановая архитектура сменилась прямоугольной, сохранившейся в Дагестане до современности. В предгорьях и горных районах преобладали каменные постройки, строительство которых требовало более высокого мастерства и значительных затрат труда. Ломка камня и его доставка на место были нелёгким делом, которое осуществлялось, очевидно, усилиями большесемейных общин. Хотя с точки зрения качества строительства постройки эпохи средней и поздней бронзы уступают раннебронзовым, их возведение также предполагает существование специалистов, имевших определённые навыки и строительный опыт. Кладка стен, нередко сооружаемых на крутых склонах, велась, как правило, без скрепляющего раствора, что предполагает знакомство с основными элементами строительной техники, существование выработанных практическим опытом определённых мер длины, применение простейших приспособлений типа рычагов, отвесов и др. Всё это предполагало хорошее знание свойств основного строительного материала, каковыми являются различные породы известняков и песчаников. ✦

Из различных пород камня изготавливались наконечники мотыг, зернотёрки и ступки, т.е. глубокие каменные чаши, в которых зерно пестами толкли в крупу. По-прежнему из кремня изготавливались многие орудия труда и предметы вооружения. Это кремнёвые вкладыши от составных серпов, разнообразные пилки, свёрла, долотообразные орудия, предназначенные для обработки кости и дерева, различного рода режущие инструменты в виде ножевидных пластин. Из кремня изготавливались также наконечники стрел, единичные наконечники копий. Кремневые орудия и предметы вооружения тщательно обрабатывались тонкой отжимной ретушью, придававшей им строго определённые, устойчивые формы. Особенно тщательной, как бы ювелирной отделкой отличаются кремневые наконечники стрел, изготовление которых, безусловно, требовало существования мастеров-профессионалов.

Из камня изготавливались также изящные изогнутые каменные боевые топоры и булавы с отверстиями для закрепления рукояти. Для их изготовления использовались различные породы камня, достаточно крепкие и сравнительно легко поддающиеся обработке. Поверхность топориков и булав тщательно полировалась и иногда украшалась рельефным орнаментом.

Из цветных камней изготавливались разнообразные украшения. Из розового

сердолика, прозрачного хрусталя и черного гагата изготовлялись круглые, шаровидные, бочёнковидные, треугольные, прямоугольные, каплевидные и многие другие формы бус, подвесок и разделителей для ожерелий.

Обработка кости и дерева

Важное место в производствах эпохи средней и поздней бронзы занимала также обработка кости. Кость шла на изготовление многочисленных проколов, шильев, игл, лошил, стругов, сделанных из расколотых трубчатых костей, рёбер животных, а также различных форм пряслиц, вырезанных из головок бедренных костей крупного и мелкого рогатого скота. Из кости изготовлялись также наконечники стрел и гарпуна. Целая серия их обнаружена в одном из ирганайских склепов.

На Верхнегунибском поселении найдены фрагменты костяных браслетов, один из которых украшен циркульным орнаментом — кружками с точками в центре.

В погребальных комплексах нередко встречаются ожерелья из разнообразных бусин, подвесок, среди которых имеются и костяные образцы. В отдельных случаях встречаются ожерелья, состоящие из бус, изготовленных из трубчатых, отполированных до блеска птичьих костей.

Большую роль в различных сферах хозяйственной деятельности и быта населения Дагестана играла также обработка дерева. Из древесины изготовлялись полностью или частично многие орудия труда: пахотные орудия, молотильные доски, ткацкие станки, рукояти топоров и мотыг, древки копий, дротиков и стрел. Деревянными были яремные запряжки, повозки, колёса которых с сильно выступающими ступицами изготовлялись из трёх массивных досок. Подобные колёса обнаружены в одном из утамышских курганов, откуда происходит также установленная на этих колёсах массивная погребальная колода из двух половинок, выдолбленных из толстого дерева. Из дерева изготовлялись повозки-кибитки, обруч от которой обнаружен в склепе у с. Кафиркумух. Довольно широко использовалось дерево и при строительстве. Это столбы, брёвна, поддерживавшие кровлю. На равнине широко практиковались турлучные постройки с деревянным каркасом. Из деревянных срубов возводились иногда и погребальные сооружения. В некоторых могильниках найдены образцы деревянной утвари: блюда на ножках (Манаская катаком-

Рис. 33. Женщина кайкентско-хороховской культуры (реконструкция М. М. Герасимова)

ба), круглодонная чаша (Чиркейский могильник), остатки резного ларца или детской люльки — бешика (Кафиркумухская гробница).

Широкое распространение разнообразных по назначению деревянных изделий предполагает высокое мастерство обработки дерева, включая применение простейшего токарного станка, знание и умелое использование на практике различных качеств и свойств разных пород древесины, что также говорит о зачатках специализации и в этой отрасли производства.

Прядение и ткачество

Немаловажную роль в производственной деятельности населения Дагестана в эпоху средней и поздней бронзы играли прядение и ткачество. Об этом свидетельствуют многочисленные находки костяных и глиняных пряслиц на поселениях и могильниках, обрывков кручёного шнура, обнаруженных в трубчатых-пронизках в Великентском могильнике. Знакомство с простейшими типами ткацких станков доказывается находками костяных деталей от них и костяных же инструментов для выравнивания нитей основы.

5. Развитие общества.

Верования, культуры и искусство бронзового века

Общественное устройство

Общество раннебронзовой эпохи перетерпело значительное изменение по сравнению с предшествующим. В эту эпоху складываются патриархально-родовые отношения, пришедшие на смену матриархальным. Патриархальному роду, являвшемуся наиболее крупной общественной единицей родоплеменной организации местного общества, как правило, принадлежал отдельный посёлок, каковыми являлись все постоянные поселения рассматриваемого времени. Судя по раскопкам поселений у селений Чиркей и Гагатль, родовые поселки состояли из семей, обитавших в отдельных двукамерных домах, включающих одно основное жилое помещение и пристройку к ним. Каждая такая семья имела индивидуальные хранилища для продуктов питания, семейные очаги и печи.

В эпоху бронзы складываются также крупные патриархальные семейные общины, для захоронения представителей которых воздвигались просторные склеповые сооружения, какими являются подземные склепы в местности “Щебоха” у с. Гагатль, а также ранние катакомбы у с. Великент, в одной из которых было зафиксировано 48 человеческих захоронений. Во главе таких семейных общин стояли патриархальные вожди, старейшины.

Наряду с основными семейными ячейками, родовая община включала также различные зарождавшиеся производственно-социальные группы — гончаров, металлургов, кузнецов, т.е. профессиональных мастеров, удовлетворявших

потребности общины в продукции соответствующей отрасли производства.

В эпоху средней и поздней бронзы происходит дальнейшее упрочение патриархальных отношений, чему способствовало развитие пашенного земледелия, скотоводства и металлургии, являвшихся преимущественно мужским занятием. Возрастает роль больших патриархальных семей, которые становятся основными социальными и хозяйственными ячейками общества. Об их существовании свидетельствует наличие крупных построек со сложными жилыми помещениями, обнаруженных при раскопках дагестанских поселений бронзового века, а также некоторые черты погребального обряда. К последним относятся существование обряда коллективных захоронений в склепах, обычаи группировки нескольких могил с индивидуальными или парными захоронениями на больших могильниках.

Рост производства и накопление богатства приводит к возникновению имущественного и социального неравенства между отдельными семьями. Эти процессы отражают, в частности, материалы ряда могильников, в которых зафиксированы необычные захоронения, сопровождаемые более богатым инвентарём по сравнению с рядовыми могилами. Таковы захоронения в колоде на деревянной повозке в Утамыше, в кибитке у с. Кафыркумук, в богато украшенной художественной резьбой деревянной конструкции (Кафыркумук), сопровождаемые погребальным инвентарём, включающим ювелирные золотые изделия. Эти явления не случайны, а отражают имущественные различия, существовавшие внутри рода, племени, подчёркивают одновременно неординарный социальный уровень людей, захороненных подобным образом. Всё это является показателем продолжающегося в бронзовом веке активного процесса разложения первобытнообщинного строя. Важную роль в этом процессе сыграла большая патриархальная семья. Рост её собственности, увеличение роли в хозяйственной и социальной жизни неизбежно приводят к тому, что она становится внушительной силой, противостоящей роду и подрывающей самые устои родовой организации. В конце бронзового века, в период каякентско-хорочоевской культуры возрастает роль малых моногамных семей, что нашло отражение в постепенной смене коллективных погребений в склепах индивидуальными захоронениями в каменных ящиках.

И всё же культурно-исторический процесс в Дагестане, в частности, в его северной зоне в эпоху средней бронзы протекал более медленными темпами, чем в предшествующую эпоху, наметились определённые признаки застоя и упадка, что нашло отражение в состоянии керамического производства, металлообработки в эпоху гинчинской, присулакской, каякентско-хорочоевской культур. Общество среднебронзовой эпохи было в целом мало дифференцированным. Однако Дагестан в этом отношении не был исключением. Подобные явления имели место и в других областях Северного Кавказа, где смена майкопской культуры северокавказской сопровождалась не только культурным переобразованием этой территории, но и известным упадком в развитии культуры и общества в целом.

Верования и культы

В бронзовом веке у дагестанских племён были распространены языческие представления о загробной жизни, которая представлялась как продолжение земного реального быта. В соответствии с этими представлениями погребальные сооружения строились как миниатюрные жилища. Круглые и прямоугольные каменные склепы с входом и без них, катакомбы в виде искусственных подземных пещер с входным коридором воспроизводят формы реально существовавших жилищ. В могилу клались все те вещи, которые якобы могли понадобиться покойному в "загробном мире". Важное место в верованиях занимал культ огня, которому приписывали магическую очистительную силу. Поэтому процесс захоронений сопровождался разжиганием костров, покойников обсыпали угольками.

Развитие земледельческо-скотоводческих хозяйств породило некоторые аграрные культы, в том числе культ плодородия, с которым связаны женские глиняные статуэтки. В наскальных рисунках часто встречаются изображения знаков плодородия. Находки предметов, изображающих мужское начало, свидетельствуют о фаллическом культе, являющемся также отражением общего культа плодородия.

В бронзовом веке происходит становление культов домашних животных, в особенности быка, являющегося основной тягловой силой того времени. Образ быка запечатлён в глиняных скульптурах и многочисленных наскальных рисунках как символ, олицетворяющий также мужское начало, источник плодородия.

Среди аграрных культов важное место занимает культ пашни, существование которого документируется находками глиняных рельефов со стилизованными изображениями пашни и быков, а также наскальными рисунками, изображающими засеянное поле, пахоту, молотьбу.

Многочисленные наскальные изображения охотничьих сцен преследовали цель оказать "магическое" воздействие на результаты предстоящей охоты.

Прочный оседлый быт породил культ очага, являющегося символом благополучия семьи. Очаг являлся местом поддержания неугасимого огня, около него совершались различные обряды, его почитали, украшали символическими знаками.

В археологических материалах имеются также следы поклонения солнцу. Изображения солнца в виде диска с расходящимися лучами является одним из характерных мотивов наскальных рисунков. С поклонением солнцу, вероятно, связана круглая форма надмогильных насыпей, каменных оградок могил-кромлехов. Перечисленные верования и культы рисуют перед нами лишь некоторые стороны духовной жизни древнего населения Дагестана, которая, безусловно, была намного богаче, чем мы пытаемся воссоздать по некоторым сохранившимся источникам.

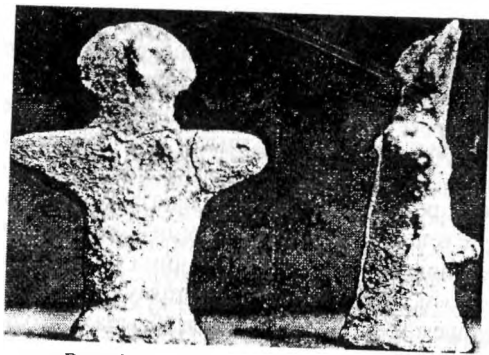

Рис. 34. Глиняная статуэтка из кургана Катаргачтана

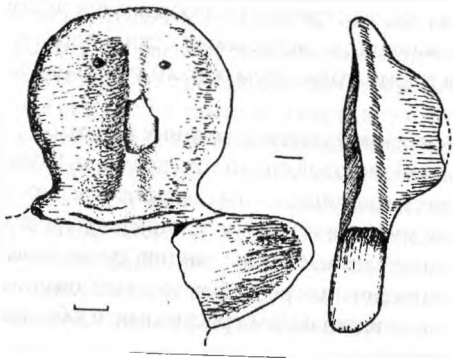

Рис. 35. Обломок глиняной статуэтки из Великентского поселения

Рис. 36. Каменное изваяние из Экибулака

Искусство

С искусством племён Дагестана бронзового века нас знакомят наскальные изображения, культовые памятники, предметы домашней утвари и разнообразные украшения. Некоторые представления о развитии живописи и графики дают наскальные изображения, рисованные красками и выбитые или вырезанные на скалах. Значительное место в их тематике занимают солярные рисунки. Солярной символикой стали наделяться и некоторые животные: олени, козлы, а также птицы, обычно орлы. В росписях часто встречаются изображения домашних животных. Много рисунков диких животных и сцен охоты на них. В конце эпохи появляются изображения коней и всадников. И хотя рисунки достаточно схематичны, многие из них очень выразительны и исполнены динамизма.

Некоторое представление о скульптуре дают глиняные фигурки людей и животных. Человеческие, обычно женские, фигурки сильно стилизованы, фигурки животных трактованы более реалистично. Большой интерес представляют каменные антропоморфные изваяния из Экибулака, Каякента. Эти надгробные памятники довольно реалистичны, чётко выделены голова, уши, лицо, плечи, груди. Рельефно выделен пояс. Каменные изваяния являются древнейшими в Дагестане образцами монументальной ан-

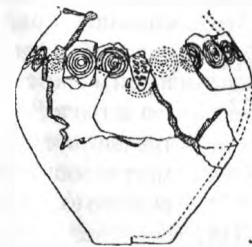

Рис. 37. Глиняный сосуд из Великентского могильника

тропоморфной скульптуры. Расцвет художественной обработки металла запечатлён на многочисленных находках из Великентского и других могильников Дагестана. Среди них имеются предметы художественного литья, отдельные изделия из золота. Украшения древнего населения Дагестана — головные булавки, браслеты, медальоны, наборы ожерелий — отличаются сложной техникой обработки, включающей художественное литье по восковой модели, чеканку, штамповку, тиснение и другие приемы. Изготовленные по одним и тем же образцам, они в то же время несут на себе черты индивидуального художественного мастерства выполнявшего их умельца. В этом отношении особенно показательны разнообразные по форме, отделке и орнаментации навершия булавок, якоревидные подвески, медальоны, нашивные колпачки и т. п., представляющие замечательные образцы художественного литья.

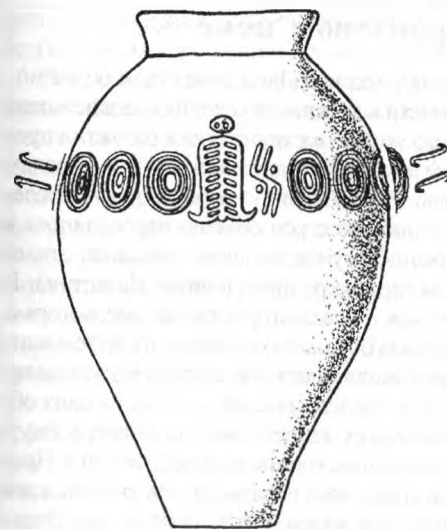

Рис. 38. Глиняный сосуд из Великентского поселения

тропоморфной скульптуры.

Расцвет художественной обработки металла запечатлён на многочисленных находках из Великентского и других могильников Дагестана. Среди них имеются предметы художественного литья, отдельные изделия из золота. Украшения древнего населения Дагестана — головные булавки, браслеты, медальоны, наборы ожерелий — отличаются сложной техникой обработки, включающей художественное литье по восковой модели, чеканку, штамповку, тиснение и другие приемы. Изготовленные по одним и тем же образцам,

они в то же время несут на себе черты индивидуального художественного мастерства выполнявшего их умельца. В этом отношении особенно показательны разнообразные по форме, отделке и орнаментации навершия булавок, якоревидные подвески, медальоны, нашивные колпачки и т. п., представляющие замечательные образцы художественного литья.

Художественный вкус древних гончаров отразился в отделке керамики, её орнаментации. Чрезвычайно выразительны и ярки орнаментальные композиции из концентрических кругов, спиралей, кругов, разделённых крестом на четыре части, на сосудах из Великентского поселения и могильника.

Большие успехи были достигнуты в развитии искусства резьбы по дереву. Об этом свидетельствует находка деревянной чаши, превосходно имитирующей соответствующие глиняные образцы и украшенной прекрасно выполненным орнаментом в виде расчлнённого валика. Но особый интерес в этом отношении представляет находка, происходящая из Кафыркумукского могильника. Это остатки ларца или люльки — бешика, богато украшенного худо-

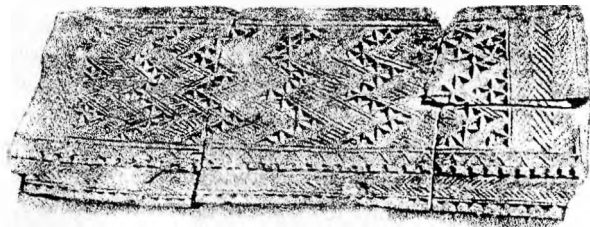

Рис. 39. Резная доска из Кафыркумухской гробницы

жественной резьбой. Одна из хорошо сохранившихся стенок представляет собой доску сплошь покрытую резьбой. Орнамент преимущественно геометрический. Центральную часть занимает полоса зигзагообразного узора, сочета-

ющегося с композициями из треугольных вырезок. По краям нанесены бордюрные полосы, выполненные по тем же мотивам. В целом узор отличается орнаментальной законченностью и высоким мастерством художественного исполнения.

Известные нам образцы искусства дагестанских племён бронзового века свидетельствуют о том, что его развитие протекало в русле художественного творчества всего Кавказа, но вместе с тем они несут на себе яркие следы местного своеобразия.

6. Демографические и этнокультурные процессы в бронзовом веке

В бронзовом веке демографические процессы в Дагестане стали более интенсивными. В результате роста численности населения в условиях дальнейшего развития земледельческо-скотоводческого хозяйства, прогресса в развитии производительных сил происходит активный процесс сегментации земледельческих общин. Это в конечном счёте приводило к образованию избыточного населения, которое в условиях первобытнообщинного строя обычно переселялось в новые, неосвоенные территории. В предшествующую эпоху неолита этими процессами в основном были охвачены горные речные долины Дагестана. В эпоху же ранней бронзы стали обживаться и осваиваться также высокогорья, где, наряду с сезонными, возникают крупные оседлые поселения, а под земледельческие террасы. Другим путём расселения земледельческо-скотоводческих общин являлся выход их из первоначального оседлоземледельческого центра Внутреннего Горного Дагестана и земледельческое освоение ими предгорий и Приморской низменности, где в начале бронзового века возникают крупные оседлоземледельческие поселения, какими являются, в частности, Каякентское, Великентское, Чиркэйское и другие поселения. На всей территории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, которая была заселена общинами ранних земледельцев и скотоводов, в эпоху ранней бронзы была распространена единая в своей основе материальная культура. Для неё характерны поселения с кругло-

лановой архитектурой с центральным очагом, округлые в плане погребальные сооружения в виде склепов и катакомб, серая, чёрная и красная лощёная керамика, украшенная рельефным спирально-концентрическим или резным геометрическим орнаментом, высокоразвитое металлопроизводство, продукция которого включала бронзовые предметы вооружения (наконечники копий), орудия труда (проушные топоры, тёсла и т. д.), украшения в виде различных спиралей, подвесок²⁴.

Памятники с подобными же признаками, кроме Дагестана, были распространены в III тыс. до н.э. на большей части Кавказа: частично в Северной Осетии, Чечне, Центральном, Южном, Восточном Закавказье, Восточной Анатолии, на северо-западе Ирана. Первоначально они были открыты в Закавказье, между речья Курю и Аракса, и поэтому археологическая культура, представленная подобными памятниками, получила название куро-аракской. Ни одна из древних культур Кавказа не получила такого широкого распространения, как куро-аракская. Элементы этой культуры проникли даже в Восточное Средиземноморье, в Сирию и Палестину.

При в целом общем единстве этой культуры на обширной территории её распространения выделяется несколько её вариантов, отличающихся своими местными особенностями. Один из таких локальных вариантов куро-аракской культуры составляют памятники Северо-Восточного Кавказа: Дагестана, Восточной Чечни и Северо-Восточного Азербайджана (Хачмасо-Кубинский район). Этот северо-восточнокавказский, или дагестанский вариант выделяется среди других южных вариантов куро-аракской культуры достаточно ярко выраженными локальными особенностями, нашедшими отражение в различных компонентах культуры: в характере жилой архитектуры, погребальных сооружений и обряда, особенностях керамики и другого бытового инвентаря.

Вопросы происхождения куро-аракской культуры окончательно ещё не решены²⁵. Корни её следует искать скорее всего на Восточном Кавказе, где в предшествующую, энеолитическую эпоху появились те черты материальной культуры, которые окончательно сформировались к эпохе ранней бронзы, ко времени сложения куро-аракской культуры. Что касается Дагестана, то вышеприведённые археологические материалы свидетельствуют о том, что основные признаки северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры в области архитектуры поселений и жилищ, гончарного производства, т.е. в ведущих составляющих данную культуру, здесь сложились в неолите — энеолите, что свидетельствует о безусловном вхождении Дагестана в первичный ареал, где происходил процесс формирования куро-аракской культуры. Это означает, что переход от энеолита к бронзовому веку в Дагестане происходил при сохранении культурной преемственности, что культура раннебронзового века Дагестана сложилась на местной базе, правда, в условиях весьма интенсивных культурно-исторических взаимоотношений местного населения с окружающим миром. Данное обстоятельство является одним из важнейших показателей того, что люди эпохи ранней бронзы, носители северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры являлись потомками местного энеолитического населения, что здесь в период перехода от энеолита к бронзовому веку этническое развитие не было

прервано. о чём свидетельствуют и данные антропологии. Так например, по данным палеоантропологического материала из могильников Гоно и Великент, население Дагестана эпохи ранней бронзы являлось длинноголовым, высокоулицным и принадлежало к тому же антропологическому типу, что и население предшествующей эпохи. К этому же южному каспийскому типу относилось и население Южного Кавказа и Ближнего Востока²⁶.

Таким образом, Дагестан в III тыс. до н.э. представлял собой неотъемлемую часть обширного этнокультурного единства, включавшего большую часть Кавказа и сопредельных областей Ближнего Востока.

На севере и северо-западе носители северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры соприкасались с населением другой кавказской культуры эпохи ранней бронзы майкопской, которая была распространена на Северном Кавказе от Восточной Чечни до Прикубанья. Зоной наиболее активного взаимодействия куро-аракской и майкопской культур являлась территория современной Чечни и Ингушетии, где проходила граница между этими культурами²⁷. Однако какая-то группа племён майкопской культуры, судя по последним археологическим открытиям, во второй половине III тыс. до н.э. проникла далеко на юго-восток, в Приморскую низменность вплоть до района Дербента²⁸.

К северу от племён куро-аракской и майкопской культур на обширных просторах степей юга России были расселены скотоводческие племена т. н. древнеямной культуры, ведшие подвижный образ жизни, обусловленный характером их хозяйства. Отношения между оседлоземледельческими племенами Кавказа и подвижными скотоводами азово-каспийских степей складывались по-разному. Были длительные периоды мирных хозяйственных и культурных связей, но достоверными фактами засвидетельствованы также прямые вторжения степного населения в оседлоземледельческие центры Северного Кавказа²⁹. Так, в приморской полосе Дагестана вплоть до Дербента с конца эпохи ранней бронзы получили распространение не свойственные местным племенам обычаи захоронения под курганами, приём орнаментации керамики оттисками кручёного шнура, являющиеся признаками степных культур. Несколько позднее они стали известны даже глубоко в горах, в Ирганайской долине.

С другой стороны, степное население, в свою очередь, активно воспринимало культурные и технические достижения кавказских племён, в том числе Дагестана. Из Кавказа в степи поступали металлическое сырьё и изделия, он оказывал влияние на развитие керамического производства в предкавказских степях. С Дагестаном, вероятнее всего, связано появление в степях обряда захоронения в катакомбах, ставшего одним из определяющих признаков степной катакомбной культуры конца III — нач. II тыс. до н.э. Если учесть, что антропологический тип населения данной культуры также связан с Северным Кавказом, надо полагать, что последний играл решающую роль в формировании предкавказской катакомбной культуры³⁰. Всё сказанное свидетельствует о глубоких этнокультурных процессах, протекавших в зоне контактов степных и кавказских племён в эпоху ранней бронзы, определивших в значительной степени последующее этнокультурное развитие Дагестана.

На рубеже эпохи ранней и средней бронзы (конец III нач. — II тыс. до н.э.)

в культурно — историческом развитии Северо-Восточного Кавказа происходит глубокий сдвиг. Стабильное поступательное развитие местного общества, протекавшее на протяжении около 4 тысячелетий (неолит, энеолит, ранний бронзовый век), было прервано. Одним из ярких показателей культурно-исторических процессов, протекавших на территории Дагестана и всего Восточного Кавказа, явился закат куро-аракской культуры. Произошел распад прежнего культурного единства региона. На Северо-Восточном Кавказе сложился ряд новых археологических культур среднебронзового века (гинчинская, великентская, присулакская) и он превратился в весьма пёстрый в этнокультурном отношении регион³¹. Эта пестрота сохраняется здесь и в эпоху поздней бронзы, о чём свидетельствует наличие целого ряда локальных вариантов на территории распространения каякентско-хорозовской культуры Дагестана и Чечни³².

Процесс распада культурного единства Северо-Восточного Кавказа и сложения здесь новых археологических культур эпохи средней бронзы сопровождался изменениями направлений культурной ориентации. Южные области Дагестана сохранили в большей степени преемственность в развитии культуры и традиционные связи с Закавказьем, а северные всё теснее связывались со степной зоной. Разносторонний характер, глубина и масштабность изменений, происходивших в Дагестане на рубеже III и II тыс. до н.э. в культурно-историческом взаимодействии местной и степной культур, свидетельствует о проникновении в приморские и предгорные районы Дагестана каких-то групп степного населения, принесших в местную среду неизвестные здесь ранее традиции погребального обряда — обычая захоронения в курганах, приём орнаментации керамики шнуровым узором и т. п. Проникновение степного населения, вероятно, было одной из причин, наряду с экологическими (иссушение климата) факторами, приведшими к столь радикальным переменам в культурно-историческом развитии Дагестана, которые произошли на рубеже ранней и средней бронзы. Очевидно пришлые племена вскоре растворились в местной этнической среде. Палеоантропологический материал эпохи средней бронзы не только из Горного Дагестана (Гинчи, Ирганай, Галгалатли), но и Приморской низменности (Великент, Джемикент, Манас), представленный длинноголовыми, высоколицыми и узколицыми, резко профилированными черепами, свидетельствует о преемственности антропологического типа и сохранении здесь устойчивого этнокультурного массива³³.

Картина этнокультурного развития Дагестана, воссозданная по данным археологии и палеоантропологии, полностью соответствует языковой ситуации на Северо-Восточном Кавказе и сопредельных регионах в бронзовом веке. По данным сравнительно-исторического языкознания, ещё в энеолите, не позже IV тыс. до н.э., как известно, прахуррито-урартский язык отчленился от общесеверо-восточнокавказского³⁴.

Если исходить из того, что проточеченский, протоандийский и протолезгинский языки 5-6 тысяч лет назад существовали примерно в зоне их современного распространения, родина хуррито-урартов должна быть к югу от Чечни и андийцев и к западу от лезгин, где-то между современным Тбилиси и горами к востоку от него³⁵. В дальнейшем носители хуррито-урартских языков были расселены на

юге довольно широко. Уже в бронзовом веке с середины III и II тыс. до н.э. хурриты засвидетельствованы источниками в Северной Месопотамии, Сирии, на востоке Малой Азии³⁶. Пределы распространения хурритов в III — II тыс. до н.э. территориально в основном совпадают с границами распространения куро-аракской культуры, что дало основание предположить, что создателями куро-аракской культуры были главным образом хуррито — урартские племена и носители северо-восточнокавказских языков³⁷.

Процесс дальнейшего распада прасеверо-восточнокавказского языка после отчленения от него хуррито-урартского представляется следующим образом. По данным глотохронологии, начало распада прахакско-дагестанского языка относится к III тыс. до н.э.³⁸, что по времени соответствует началу распада северо-восточнокавказского культурного единства и формирования на Северо-Восточном Кавказе ряда археологических культур эпохи средней бронзы³⁹.

Судя по тому, что наиболее интенсивные контакты Дагестана и степей юга России, а также активное влияние степных культур на местные культуры археологически засвидетельствованы в период сложения среднебронзовых культур в конце III начале — II тыс. до н.э., скорее всего к этому времени относятся наиболее ранние индоиранские лексические заимствования в нахско-дагестанских языках⁴⁰.

Процесс расхождения нахско-дагестанских языков и формирования современных дагестанских языков, очевидно, отражает этнокультурную пестроту Северо-Восточного Кавказа, которая воссоздаётся на основе изучения культур эпохи средней бронзы конца III и II тыс. до н.э.: гинчинской, присулакской, великентской культур и локальных вариантов каякентско-хорочоевской культуры.

Таким образом, бронзовый век представлял собой важнейший этап этногенеза народов Дагестана, когда происходил активный процесс формирования современных народов Дагестана, которые стали известны в дальнейшем, в I тыс. до н.э., по сведениям античных авторов, в связи с острой политической обстановкой на Восточном Кавказе, сложившейся в основном из-за персидской, римской и парфянской агрессий, а ещё раньше с движением скифов.

7. Эпоха раннего железа.

Зарождение железной металлургии в Дагестане

Эпоха поздней бронзы- раннего железа представляет собой один из самых важных периодов в истории населения Дагестана. Важнейшим и определяющим событием этого времени является зарождение в рамках бронзового века производства железа и его распространение. Освоение этого металла сыграло революционную роль в историческом развитии общества. На базе производства железа получили дальнейшее развитие культура и экономика и, в конечном счёте, оно привело к формированию классовых отношений.

Сырьевой базой для дагестанского железоделательного производства были доступные местные залежи сидеритовых руд, выходы которых отмечены в Юж-

ном (Присамурский, Казардыкамский, Текиндагский, Штульский), Центральном (Кожмачайский в верховьях Казикумусского Койсу у сел. Хосрех Кулинского района, Каракойсу в Гунибском районе) и Северном (Чиркатинско-Присулакские) Дагестане. Древние разработки железной руды выявлены в Каякентском (Кап-кайкент — Моллакент — Чумлы), Акушинском (Муги), Гунибском и др. районах. Страна гор располагала и достаточно богатыми лесными массивами, позволяющими обеспечить топливом нужды металлургического производства. Древнейшими находками, свидетельствующими о сыродутном металлургическом процессе в Дагестане являются куски сидеритовой руды, найденные на Нижнесигитминском поселении последних веков II тысячелетия до н.э. Куски сидерита встречены и в древнейших комплексах Зандакского могильника (погр. 34, 46, 49), расположенного на границе Дагестана и Чечни⁴¹. С ранним освоением производства железа связаны находки железных мечей и кинжалов с бронзовыми крепостобразно оформленными рукоятками (т. н. биметаллические мечи и кинжалы “кабардино-пятигорского типа”) из Хосрехского святилища, Мугерганского и Шахсенгерского могильников; железных кинжалов с бронзовыми богато орнаментированными рукоятками, наделёнными прямым навершием и рикоссо из Кутского и Сиргичского могильников, втульчатых длинных лавролистных железных наконечников копий из Хосрехского святилища и Мугерганского могильника. Для памятников Дагестана этого времени характерны бронзовые, железные и костяные черешковые наконечники стрел типа “площички. Изобилие предметов вооружения указывает на милитаризацию общества. Встречаются изделия, произведённые из железа по образцам бронзовых прототипов. Это ножи с прямыми и горбатыми спинками, с черешками для рукояток и без них, шилья из круглых и четырёхгранных стержней. Эти же особенности характерны для украшений из наиболее ранних комплексов переходной от бронзы к железу эпохи, в частности для браслетов, подвесок, обоймочек и т. д., указывающих на использование железа первоначально в качестве драгоценного металла. Особенно много железных украшений сопровождало погребение старой женщины из Акярского могильника, а также погребения из синхронных памятников Дагестана. Позже железо стали использовать для производства оружия и ещё позже — для производства орудий труда. Начало собственно железной металлургии и вместе с ней раннего железного века связано с переходом к изготовлению металла, полученного из железных руд или эффективного метода плавки железа и удешевления металла. Поэтому по этапам освоения железа и развития материальной культуры в рамках эпохи поздней бронзы и раннего железа выделяются по два этапа: ПБ-I (XIV-XIII вв. до н.э.), ПБ-II (XI-IX вв. до н.э.), РЖ-I (IX — первая половина VII в. до н.э.) и РЖ-II (вторая половина VII-IV вв. до н.э.)⁴².

К позднебронзовой эпохе относится ряд хорошо изученных поселений и могильников.

Поселения (Нижнесигитминское, Ачису, Шахсенгерское и др.) расположены на труднодоступных местах, вблизи от водных источников, удобных летних и зимних пастбищ и благоприятных земельных пахотных угодий. Они представляют собой обычные поселения без дополнительных искусственных укреплений.

Памятники начального периода освоения железа

Жилые сооружения на Шахсенгерском и Ачису поселениях при определённой близости отличаются друг от друга признаками, обусловленными хронологическими и географическими различиями. Так, на поселении Ачису большие (до 57-80 кв. м) однокомнатные жилые сооружения возведены в котловинах, специально выкопанных в материке или в культурном слое ранее разрушенных строений. Грунтовые стенки этих полуподземных жилищ облицованы каменной однорядной кладкой и укреплены подпорными столбами. По центру продольной стороны одного из помещений имеется ряд отверстий от деревянной колоннады. В одном случае найдено глиняное корытообразное сооружение и рядом с ним — зернотёрки и песты. В производственном помещении к стенке примыкало небольшое возвышение из камня и глины, на котором установлены в ряд семь зернотёрок и песты на них. Перед возвышением сделаны корытообразные углубления, обмазанные глиной для сбора протёртого зерна, сзади — узкое пространство для хранения сосудов с зерном или дроблённой массой; на месте сохранился один крупный обмазанный баночный сосуд. Это помещение предназначалось для коллективного протирания зерна. Во всех жилищах и дворах этого поселения встречены мусорные ямы.

На Шахсенгерском поселении найдены небольшие, до 14,6 кв. м, слегка опущенные в материк четырёхугольные в плане жилища с земляным полом и мусорными ямами по углам. В каждой из них обнаружено по одному очагу. Жилища располагались группами, по два, по три поблизости друг от друга. Такие же турлучные и каменные жилища с глинобитными полами выявлены в слоях предскифского и скифского времени Дербента⁴³.

Погребальные памятники позволяют полнее охарактеризовать культуру населения. Основным типом погребальных сооружений на могильниках, расположенных севернее Дербента, являются каменные ящики, расположенные правильными рядами. На таких эталонных памятниках, как Шахсенгерском, Акярском, Берикейском могильниках, ящики сложены из массивных вертикально установленных плит, их углы и щели обмазаны глиной. За редким исключением они содержат коллективные захоронения. Кости ранее погребённых отодвинуты в торцы могилы, освобождая место очередному покойнику, уложенному, как правило, скорченно на боку или сидя. Ориентация костяков разная. Для этих памятников характерны лепные толстостенные баночные сосуды, обмазанные снаружи и заглаженные миски-плошки, а также остатки деревянных сосудов, закреплённых битумом. Меньше встречаются серые лощёные горшки, кувшины, корчаги и т. д. В изобилии находятся металлические изделия, среди которых преобладают предметы вооружения и конского убора⁴⁴.

Рис. 40. Бронзовый кинжал из Карчагского могильника

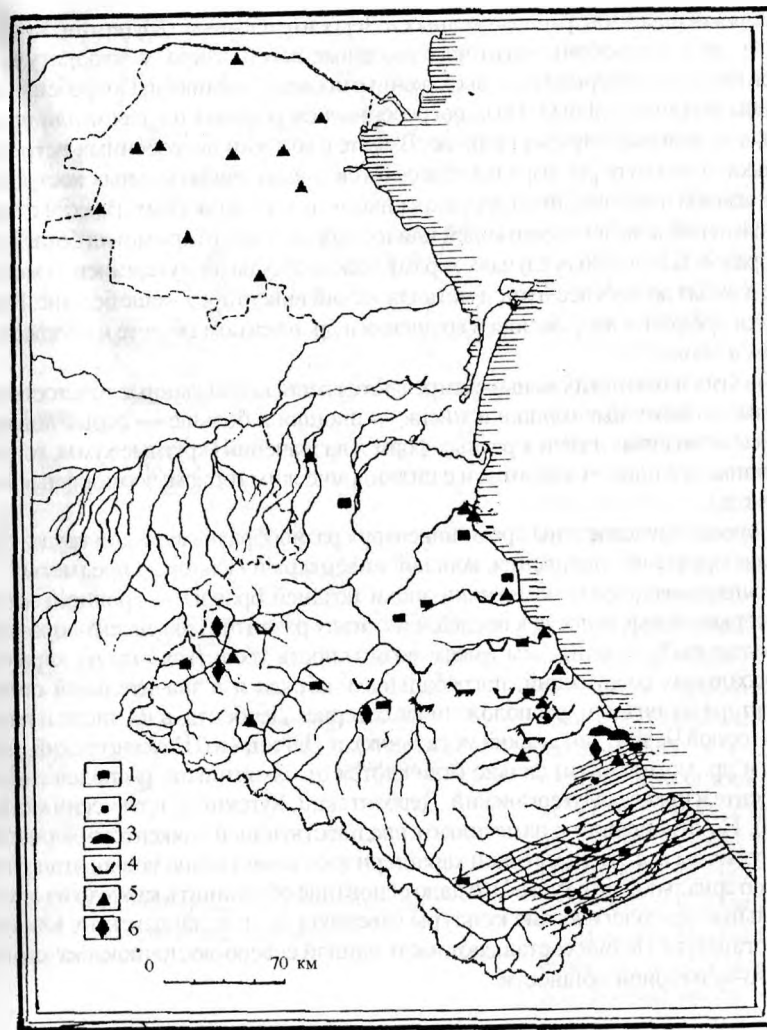

Рис. 41. Карта археологических памятников эпохи раннего железа.

1 — городище; 2 — поселение; 3 — курганы; 4 — могильник; 5 — случайная находка; 6 — культовое место; 7 — наскальные изображения

Для могильников, расположенных в Дербенте и южнее (Мутерган, Кут, Сиртич и др.), характерны грунтовые овальные или близкие к квадрату ямы с деревянными перекрытиями, выложенными сверху камнями. Погребения в основном индивидуальные. Поза погребённых скорченная на левом или правом боку, в отдельных случаях сидячие. Вместе с костями погребённых встречены угольки, остатки охры, изредка попадаются следы погребальных костров. От заупокойной пищи остаются кости крупных и мелких животных. Вместе с погребёнными найдены и костяки коней или их черепа. Инвентарь могил богат и разнообразен. В отдельных случаях керамические сосуды на мутерганском могильнике доходят до двух десятков, а металлический инвентарь — ещё больше. Встречаются предметы вооружения, украшения и др. на самом скелете и положенные рядом в “запас”.

На этих памятниках меньше встречаются лепные обмазанные толстостенные сосуды, заглаженные горшки и миски — плоские и больше — серые лощёные тарные и столовые изделия разных форм и назначений (круглые хумы, горшки, кувшины со сливным носиком и с цилиндрическим горлом, зооморфные изделия и т. д.).

Хорошо представлены среди инвентаря разнообразные орудия труда, предметы вооружения, украшения, конский инвентарь и культовые предметы⁴⁵.

Вышеприведённые памятники эпохи поздней бронзы — раннего железа некоторые учёные относят к последнему этапу развития каякентско-хорочоевской культуры⁴⁶. Однако, мы имеем возможность убедиться, что по характеру погребальных сооружений, погребального обряда и в значительной степени инвентаря памятники, расположенные севернее Дербента, в их числе и памятники горной Чечни (Зандакский могильник), и Дагестана (Шахсенгерский, Акырский и др. могильники) сильно отличаются от памятников, расположенных в Дербенте и южнее (Мутерганский, Дербентский, Кутский, Сиртичский могильники). По отношению к памятникам предшествующей каякентско-хорочоевской культуры все эти памятники характеризуют качественно новый этап развития материальной культуры. Это дало основание объединить каждую из групп в отдельные археологические культуры северную в т. н. зандакскую, южную в мутерганскую. Но они составляют часть единой северо-восточнокавказской историко-культурной общности.

Хозяйство

Земледелие

Основу хозяйства, как и в предшествовавшее время, составляло земледелие, которое доминировало на равнине и в предгорье, а также в горных долинах и котловинах, и скотоводство, роль которого возрастала по мере продвижения в высокогорье. Земледелие было пашенным. Причём для вспашки употребляли

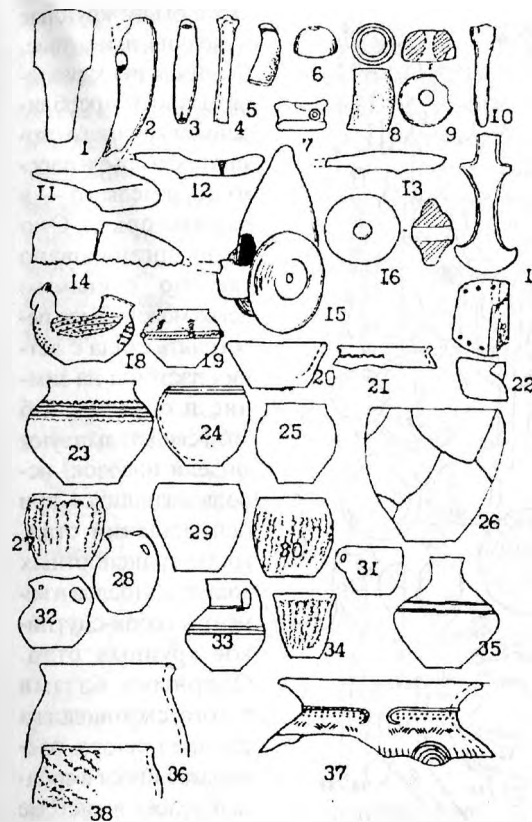

Рис. 42. Материалы из Зандакской группы памятников

деревянные рала (“пуруц”, “дурац”, “пурус”, “туьрез”), конструкция которых позволяла обработать тощие почвы горных районов. В качестве тягловой силы употреблялись быки. Жатвенными орудиями являлись составные серпы, кремневые вкладыши которых были прикреплены битумом к деревянной основе (Ачису, Берикей, Шахсенгер, Зандак и др.). Обмолот зерновых, видимо, производился на специальном току молотильными досками (Дербентский курган), которых волочили быки. Для размола зерна употребляли зерноотёрки.

Распространение железных орудий труда дало возможность расширить площади обрабатываемых земель. В горах и предгорьях активизировалось строительство искусственных земледельческих террас. Практиковалось искусственное орошение полей.

В основном обрабатываемые земли использовались под посевы проса, ячменя, яровой и озимой пшеницы,

бобовых и т. д. Часть земель, особенно в горных долинах и на равнине, отводилась под садоводство и виноградарство.

Запасы продовольствия, особенно зерно злаков и бобовых, хранились в специально приготовленных ямах с тщательно обмазанными глиной стенками. Для хранения муки, молочных продуктов, масел, жиров, вина использовались крупные керамические сосуды-хумы⁴⁷.

Скотоводство.

Судя по остаткам костей на поселениях и могильниках, в составе домашнего

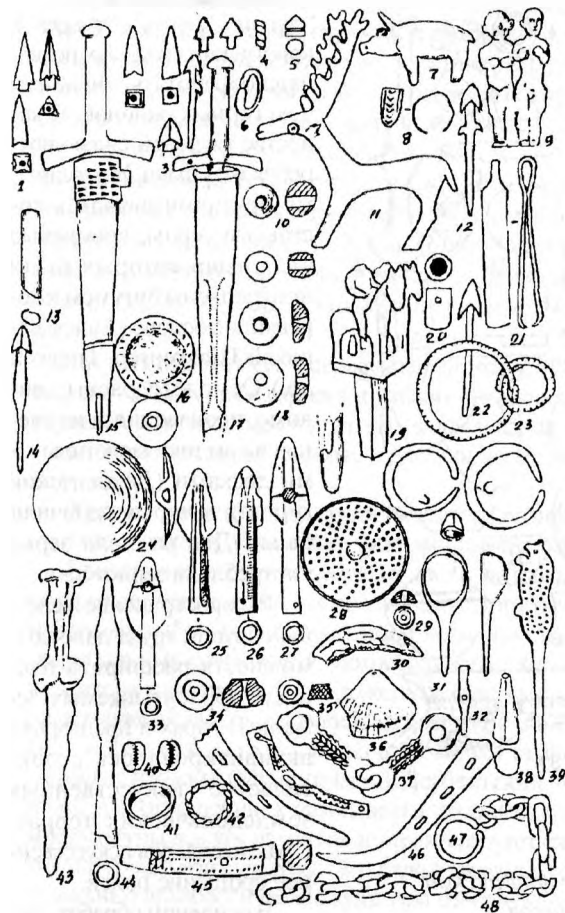

Рис. 43. Материалы из памятников Дагестана скифского и предскифского времени

тие коневодства. На дагестанских памятниках конца II-первой половины I тысячелетия до н.э. встречаются кости коня евразийской степной породы⁴⁸. Большим подспорьем в обеспечении населения мясными продуктами была охота на оленей, диких кабанов и коз, горных и степных туров, зубров, серн, джейранов, косуль, сайгаков, диких свиней, зайцев, лани, безоарового козла медведя и др. Встречаются кости птиц, в том числе водоплавающих и рыб. На поселении Ачису на долю охотничьих промыслов приходится 32,48% всей мясной продукции⁴⁹.

скота были крупные и мелкие животные. Скотоводство характеризовалось преобладанием крупного скота в предгорье и плоскости, и мелкого — в высокогорье. Оно было организовано так, что одинаково легко можно было пегонять стада с летних пастбищ на зимние и обратно. Об этом свидетельствуют модели повозок, использовавшихся при перемещении стад, кости транспортных животных (ослов и коней) и собак-спутников крупных отар. Опорными базами такого скотоводства служили хутора, располагавшиеся в средней полосе в системе вертикальных природно-климатических и хозяйственных зон.

С XIII в. до н.э. коня стали использовать в качестве верхового животного, что стимулировало разви-

Ремёсла

Значительное место в хозяйстве играли различные ремёсла, среди которых выделялись чёрная и цветная металлургия и металлообработка. Появившееся на Северо-Восточном Кавказе во второй половине II тысячелетия до н.э. железодельное производство вскоре стало играть решающую роль в экономике, и с началом изготовления орудий труда и предметов вооружения из железа бронзолитейное производство было оттеснено на второй план. Вместе с тем бронзовые украшения, рукояти мечей и кинжалов, части конского убора, изготовленные с большим художественным вкусом и мастерством, отражают глубокие знания и навыки приёмов литья,ковки и обработки наружной поверхности. Для этого времени характерна оловянистая бронза⁵⁰.

Освоение железа прогрессирующе действовало на развитие и других отраслей ремёсел. Развивается керамическое производство. Наряду с слепными обмазанными сосудами появляются и широко распространяются серые лощёные сосуды, произведённые по более совершенным технологическим приёмам (по подбору и изготовлению глины, конструированию сосудов, обработке наружной их поверхности и обжигу). По симметричности форм и отделке наружной поверхности они напоминают закавказские изделия, изготовленные на гончарном круге медленного вращения. Вскоре эти новые сосуды — крупные хумы, горшки, кувшины становятся гос-

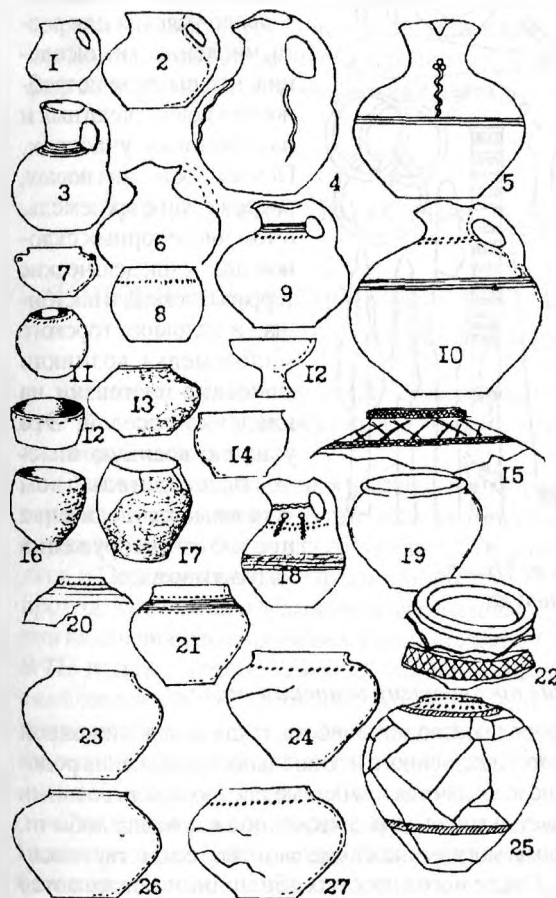

Рис. 44. Керамические сосуды из Муггеранского могильника

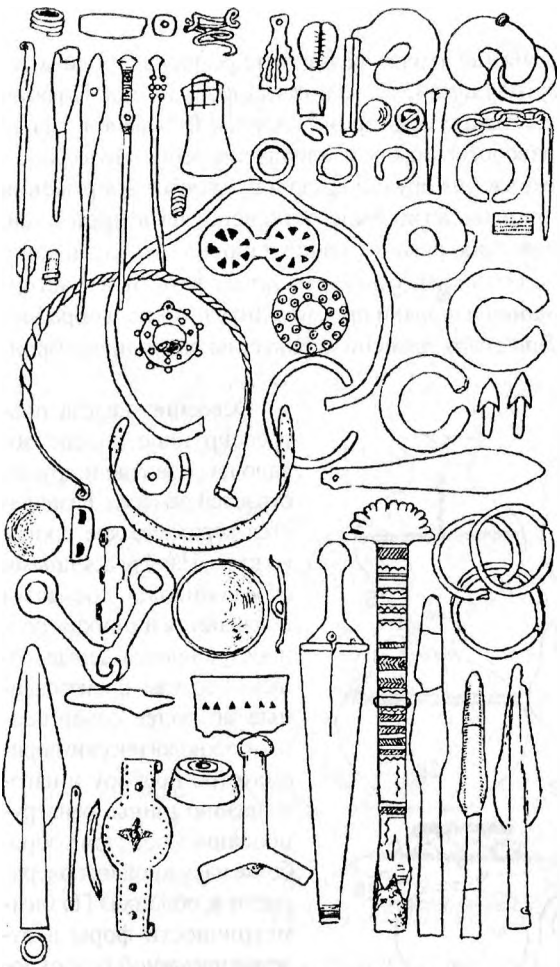

Рис. 45. Инвентарь из Мурганского могильника

подставными среди керамических изделий⁵¹.

Прогрессируют ювелирное дело, обработка кости, кожи, дерева, ткачество, строительное дело и др.

Земледелие, скотоводство и ремёсла убедительно документируют рост производительности труда, который привел к увеличению общественного богатства. Последнее создавало условия для роста численности населения, что вызвало потребности в новых пахотных и пастбищных участках. Помимо освоения новых, ранее не занятых земель, в том числе горных склонов под земледельческие террасы, покосы и пастбища, в условиях горского малоземелья возникли взаимные претензии на владения соседей. Это усилило военную опасность, свидетельством чего является увеличение предметов вооружения на памятниках.

Социально-экономические последствия освоения железа.

Частые военные походы, рост производительности труда и межплеменной обмен приводят к укреплению имущественного и социального положения родоплеменной верхушки. Особенно выделяются удачливые предводители военных дружин, в руках которых оседает львиная доля захваченной в походах добычи. Могилы таких военачальников на могильниках выделяются по богатству инвентаря и способу их сооружения. Среди могил простых общинников встречаются

комплексы более богатых конных воинов, группировавшихся вокруг военных предводителей-вождей. Для них характерны дорогостоящие вооружение, предметы конского убора и украшения. В металлопластике и на наскальных изображениях встречаются изображения всадников, особенно вооруженных. Основная масса рядовых могил принадлежит простым общинникам. Вместе с тем могилы, составляющие кладбища, концентрированы группами по семейно-родовому принципу. Могилы Южного Дагестана (Мугерган) содержат одиночные захоронения, а территории севернее Дербента — одиночные и коллективные (Шахсенгер, Акяр). Это связано с выделением малой семьи как социальной единицы. Вместе с тем не исключено, что сохранились и большие семьи.

Постоянная военная опасность вынуждает родственные племена объединяться в крупные территориальные союзы, способные обеспечить свою безопасность и совершать военные набеги на соседние территории. Вместе с этими союзами формируется и система их правления, военной власти, в которую входят Вождь, Совет старейшин и народное собрание. Такое общество характеризуется в литературе как «военная демократия»⁵².

8. Племена Дагестана в VII-IV вв. до н.э.

Историческая обстановка на Восточном Кавказе и в Юго — Восточной Европе

В историко-культурном развитии населения Северо-Восточного Кавказа важную роль сыграли ираноязычные кочевые племена, известные под названием киммерийцев и скифов.

Основная масса племен, известных как киммерийцы,⁵³ кочевала в степях Северного Причерноморья, в том числе его восточной части, прилегающей к Северному Кавказу. В 30-х или 20-х годах VIII в. до н.э. значительные их орды вторглись в Переднюю Азию. Предполагается, что они прошли через Дербентский проход, Крестовый и Мамисонский перевалы. Древнейшие сведения о вторжении киммерийцев сохранились в письмах эпохи Саргона II (722 — 705 гг. до н.э.). В 715 гг. до н.э. урартские войска, выступившие против киммерийцев, потерпели тяжёлое поражение. Источники сохранили нам три личных имени киммерийских вождей Теушпа, Тугдамме (Лигдамис) и Сандакатра. В 70-х годах VII в. до н.э. киммерийцы захватили Фригию, в 50-х годах — Лидию. Более всего они задержались в Каппадокии, в районе Синопи.

С ними связываются позднесрубные памятники белозерского этапа, а в Дагестане — отдельные находки X — первой половины VII в. до н.э., в том числе биметаллические железные кинжалы с крестовидными бронзовыми рукоятками, детали конского убора и т. д.⁵⁴

Рис. 46. Бронзовый
ковш скифского
времени (VII-IV вв. до
н.э.) из Нагорного
Дагестана

Не позднее конца VIII — начала VII вв. до н.э. на исторической арене появляются скифские племена. С их историей связаны дискуссионные вопросы о времени и условиях расселения скифов, о формировании их культуры, об их роли в этногенезе ряда народов Восточной Европы и Северного Кавказа. По одной гипотезе, основанной на сведениях древних авторов⁵⁵, скифы первоначально обитали в Средней Азии, у реки Аракс, а затем под натиском воинственных соседей продвинулись в “киммерийскую землю”, по другой — древнейшей областью расселения скифов были предкавказские степи, тяготеющие к Кубани и Азовскому побережью. Позже они захватили все степи Северного Причерноморья и, как утверждает Геродот, вслед за отступающими киммерийцами вторглись в Переднюю Азию.

Сведения о скифах в древних источниках появились в связи с их походами в Переднюю Азию, начавшимися в 70-х годах VIII в. до н.э. Им предшествовала ожесточённая скифо-киммерийская война,

в которой скифы одержали полную победу, перебили киммерийских царей и вытеснили значительную часть их племён из Северного Причерноморья. Скифы и сопутствовавшие им родственные племена вступили в военное столкновение с северокавказскими оседлыми местными племенами, что привело к опустошению ряда населённых пунктов (Аллероевское 2-е и др. поселения) и временному сокращению численности местного населения. Грузинские и армянские письменные источники донесли до нас сведения о войне скифов с коренными народами Кавказа (Таргомасианами потомками единого отца — предка коренных кавказских народов, в их числе с леками предками современных дагестанцев)⁵⁶. Первоначально кавказские племена нанесли скифам поражение, воздвигли на подступах к их землям “города” и вернулись. Однако, скифы перегруппировались, избрали себе нового царя и возобновили войну. В результате “полонили они землю таргомасян”. Скифский царь “отдал удел Лекана (родоначальника современных народов Дагестана — леков) своему “двоюродному брату”. Самый знаменитый из рода Лекана Хозоних вынужден был отступить в горы и основать там город, названный своим именем Хозоних или Хунзах. С тех пор в течение долгого времени все коренные кавказские народы стали данниками скифов⁵⁷. Основной дорогой скифов из Предкавказья на юг был путь через Дербентский проход. Использовались и сезонные дороги через горные перевалы (Мамисонский, Крестовый и Клухорский)⁵⁸. В течение двух или трёх поколений крупные отряды скифов отправлялись в переднюю Азию и Закавказье и возвращались обратно в Предкавказские степи с военной добычей. В эти походы они,

очевидно, вовлекали родственные племена, особенно савроматов, занимавших предкавказские степи, в том числе территории современных Ногайского, Тарумовского, Бабаюртовского и отчасти Хасавюртовского районов. Скифские военные отряды ведут в Закавказье активные действия. О некоторых из них следует упомянуть.

Около 674 г. до н.э. на границе Ассирии появляются скифские войска во главе с Партатуа (Прототий). Против некогда могущественной, но ныне ослабевшей Ассирии формируется грозный союз из скифов, Мидии и Манны. Ассирийский царь Асархаддон вынужден был прибегнуть к сложным дипломатическим маневрам, чтобы разорвать единый фронт своих противников: нарушив ассирийские традиции, он выдаёт свою дочь за “варварского” царя Партатуа, нейтрализовав тем самым скифов. Асархаддону удалось предотвратить восстание подчинённых народов против империи.

Скифы снова появились на Переднем Востоке после 654 г. до н.э. во главе с царём Мадием сыном Партатуа и ассирийской царевны, дочери Асархаддона, племянником Ашшурбанипала. Ассирийская дипломатия, воспользовавшись родственными связями с Мадием, направила скифские удары сначала против Мидии, а потом против киммерийцев. После победы над ними скифы распространили своё влияние по всей Азии. “Двадцать восемь лет владычествовали скифы в Азии” пишет Геродот. Конец этого владычества наступил при мидийском царе Киаксаре (625-585 гг. до н.э.), когда последнему удалось пригласить множество скифов на пир, напоить их и перебить. После этого большинство скифов вернулось назад в Причерноморские степи⁵⁹. Примерно между 515 и 512 гг. до н.э. персидский царь Дарий I с огромными войсками вторгся в Скифию, чтобы отомстить за давний поход на Передний Восток. Эта персидская экспедиция окончилась поражением последних. Этой войне предшествовали сложные события, которые привели к власти Ахеменидскую династию. Одержав победу в 550 г. до н.э. в восстании против владычества мидян и захватив Мидию, персы завоевали всю Малую Азию, азиатские, греческие города, Вавилонию, Сирию, Палестину, часть Средней Азии, Египет. В составе персидской империи упоминается XI сатрапия (Каспиана), завоёванная ещё Киром II. Границы Ахеменидской империи простирались далеко на север. На центральном Кавказе, например, они доходили до Кавказского хребта⁶⁰. Это предопределяет возможность политического и историко-культурного влияния ахеменидской Персии на население Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана VI-V вв. до н.э.

Таким образом, военно-политическая активность скифов в Азии длилась вплоть до VI в. до н.э. За это время формируется скифская материальная культура, которая представляется новообразованием, в котором органически слились элементы, принесённые из Азии, воспринятые у местного населения доскифской поры, а также освоенные в ходе переднеазиатских походов⁶¹. С VII-VI вв. до н.э. изменяется материальная культура местных племён Северного Кавказа. Эти изменения были обусловлены присутствием скифских племён и возможным участием выходцев из северокавказского населения в походах в переднюю Азию.

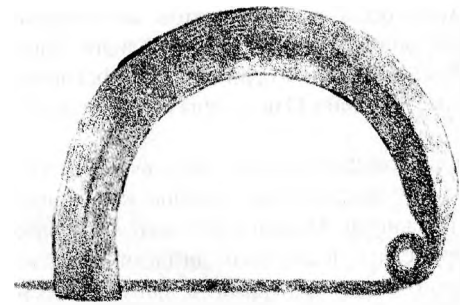

Рис. 47. Бронзовая фибула эпохи раннего железа из Нагорного Дагестана

В Дагестане выявлены различные предметы вооружения (железные акинаки с рукоятками, имеющими почковидные перекрестья и прямые наверхи, с брусковидным наверхием и таким же перекрестьем, наконечники копий, бронзовые и железные скифские наконечники стрел), конского убора (удила с характерными скифскими трёхдырчатыми псалями, ворворки, бляшки) и украшения, выполненные в характерном скифском “зверином стиле”. Особенно часто эти предметы встречены на памятниках, приуроченных к Прикаспийскому коридору,

а также в районе Аркаса (городище “Нах-меэр”) и селений Ругуджа Гунибского района (Хабардинский могильник), Карата Ахвахского района (Каратинский могильник). Со скифами, очевидно, связаны изображения на скале близ сел. Верхнее Лабкомахи, где среди разновременных гравированных рисунков имеются изображения оленей, выполненных в характерном скифском “зверином стиле”. Другая группа изображений, связанных со скифами, имеется у сел. Леникент, в западной части хребта Нара-Тюбе. Около сел. Гигатль (Цумадинского района) найдены статуэтки VII в. до н.э. скифского воина в полном боевом снаряжении и обнаженной женщины в короне. Аналогичные женские фигурки происходят ещё с четырёх мест горного Дагестана. Статуэтки воина передают образ скифского родоначальника Таргитая, женщины- образ скифской богини.

В высокогорном Дагестане, около селения Хосрех Кулинского района расположено квадратное в плане (8x8 м) каменное святилище, внутри которого выложен круг с алтарём из каменного блока в центре. К западной стене изнутри примыкало возвышение, где найдены остатки погребальных костров, многочисленные астрагалы мелких животных, черепа животных с отпиленными рогами и большое количество предметов материальной культуры из бронзы и железа. Среди находок имеются многочисленные умбовидные бляшки, статуэтки животных и людей (парные изображения людей с руками на поясе), железный акинак с прямым наверхием и почковидным перекрестьем рукоятки VII-VI вв. до н.э.

Само святилище по планировке относится к кругу индо-иранских культовых строений и отражает идею о мироздании⁶².

Памятники Дагестана скифского времени

Приведённые материалы показывают, что Дагестан был приобщён к историко-культурной общности, возникшей на территории Евразии благодаря скифам.

В то же время активизируются контакты местного населения с культурными и производственными центрами Закавказья и Передней Азии. При этом сохраняются местные традиции в развитии материальной и духовной культуры.

Поселения расположены на труднодоступных местах, вблизи от водных источников, благоприятных пастбищных угодий. Наиболее крупные из них обнесены оборонительными стенами, возведёнными из необработанного бутового камня без применения связующего раствора (Дербент)⁶³ или в панцирной технике с включением в систему кладки крупных каменных блоков. Жилища, состоящие из двух или трёх помещений, построены из камня с применением, чаще без применения глины в качестве связующего раствора (В. Лабко, Дербент и др.). На Аркаском городище Нах-меэр четырёхугольное в плане жилище было возведено из турлучных конструкций на каменном фундаменте. К стене напротив входа примыкал очаг с обмазанными краями⁶⁴. Полы всех помещений были глинобитными.

Могильники Дагестана отражают сложную этнокультурную ситуацию, связанную с проникновением скифов. Вместе с тем в своей основе культура Дагестана этого времени имеет чётко выраженный местный облик. На Берикейском могильнике сохраняются традиционные для предшествующего времени массивные каменные ящики четырёхугольной формы с костями 4-5 погребённых. Кости ранее погребённых здесь отодвинуты к стене погребальных камер, освобождая место новым умершим. Последние погребённые уложены скорченно на боку головами на юг, север или юго-запад⁶⁵. На других дагестанских могильниках встречаются грунтовые могилы со скорченными на боку костями. После V в. до н.э. грунтовые погребения становятся господствующими почти на всей территории Дагестана. Ориентация погребённых неустойчивая. Исключение составляет Хабардинский могильник (Гунибский район), где скелеты обращены на северо-запад. На Мутерганском могильнике в одном случае в грунтовой могиле V в. до н.э. встречены кости ребёнка, помещённые в сосуд. Часто попадают захоронения коней, а также кости крупных и мелких животных⁶⁶. Сопутствующий инвентарь богат и разнообразен, особенно на могильниках Мутерганской свиты памятников и вместе с поселениями и могильниками характеризует местную культуру, генетически связанную с предшествующими памятниками. Значительная часть предметов вооружения, конского убора и произведений декоративно-прикладного искусства находит аналогии на обширной территории культурного воздействия скифов. Некоторые формы украшений, зооморфных и антропоморфных статуэток, своеобразный стиль искусства в некоторых своих основополагающих чертах находят параллели в сопредельных культурах, в частности в кубанской, закавказских и переднеазиатских.

Для памятников этой культуры Дагестана характерны некоторые локальные признаки, особенно чётко проявляющиеся в VII-VI вв. до н.э. Для Южного Дагестана, например, свойственны грунтовые могилы близких к квадрату форм с деревянными перекрытиями и каменной выкладкой сверху, богатый и разнообразный инвентарь, сопровождающий погребённых. На памятниках северных

и центральных районов сохраняются традиции предшествовавших памятников хоронить умерших в каменных ящиках с менее богатым и менее разнообразным инвентарём, чем на юге. Здесь продолжают хоронить умерших скорченно на боку. А на памятниках горного Дагестана (Хабардинский могильник у сел. Ругуджа Гунибского района) грунтовые могилы со скорченными костяками ориентированы на северо-запад.

Отмеченные в культуре локальные варианты отражают состояние изученности края. Со временем их, видимо, можно будет выделить больше. Все бытовые и погребальные памятники Дагестана документируют производство орудий труда, предметов вооружения и отчасти конского убора из железа. Из сферы производства вытесняются кремневые орудия. Ограничивается и область применения бронзы. Таким образом, наиболее выразительным признаком эпохи является широкое вхождение в быт железа.

Хозяйство

Земледелие

В это время появляются основные земледельческие орудия, позволяющие более интенсивно обрабатывать старые террасы и создавать новые на горных склонах, в менее благоприятных в физико-географическом отношении местах. Так, в окрестностях поселений и городищ эпохи раннего железа расположены заброшенные древние земледельческие террасы. Их вспахивали, возникшие ещё в III тыс. до н.э., рала, но снабжённые железными наральниками. В качестве тягловой силы употреблялись быки. Их запрягали и в молотильные доски, остатки которых были обнаружены в древнем кургане, изученном в окрестностях Дербента. Аналогичные молотильные доски с приподнятыми передними краями и большим количеством пазов, куда вставлялись каменные вкладыши, встречены на памятниках Закавказья эпохи поздней бронзы — раннего железа. Такие каменные наконечники встречаются и на поселениях и городищах Дагестана эпохи раннего железа. Среди других земледельческих орудий следует назвать железные серпы (Хабата, Аркас), зернотёрки, тёрочки и песты. Для хранения зерна, муки и других продуктов употреблялись большие керамические сосуды, в изобилии встречаемые на поселениях и могильниках. В это время в Дагестане, очевидно, возделывали все современные злаки, кроме кукурузы, появившейся в более позднее время.

Значительное развитие получило и садоводство, занятие которым документировано материалами, относящимися к эпохе бронзы. В раннем железном веке, видимо, выращивались все современные садовые культуры, многие из которых в Дагестане встречаются в диком виде. Виноградарство могло развиваться в долинах гор, в предгорье и на плоскости. На Шаракунском могильнике (в сосудах с жертвенного места) найдены косточки винограда. Виноградные ножи

Рис. 48.
Железный
меч-акина
из сел
Согратль

Дагестана. В долине среднего течения Сулака удельный вес крупного рогатого скота наибольший, в предгорьях он меньше, а в горах соотношение крупного и мелкого скота равное. Судя по тенденции к повышению удельного веса мелкого скота по мере продвижения к горам, в высокогорье следует ожидать его преобладания. Из этого следует, что в Дагестане эпохи раннего железа можно выделить минимум четыре зоны со своим специфическим хозяйственно-культурным типом. Для них характерно перемещение скота с летних пастбищ на зимние и обратно, наличие в средней высотной зоне базового хозяйства. Это призна-

происходят из Шаракунского могильника и Аркаского городища.

Развитие садоводства и земледелия в горных долинах и плоскости немислимо без применения орошения. высокая культура и традиции которого отмечены в этнографической современности Дагестана⁶⁷.

Скотоводство

С развитием земледелия тесно связано скотоводство, являющееся важнейшей отраслью хозяйства. Среди материалов поселений и могильников имеются кости овец, коз, крупных рогатых животных, лошадей, ослов, свиней, собак и домашних птиц. Уже на начальном этапе эпохи раннего железа происходит видовое изменение стада за счёт появления транспортных и рабочих животных, скота выносливого и неприхотливого к кормам в условиях пересечённой местности дагестанских гор. Кости свиней наряду с костями крупного рогатого скота составляют значительную долю, что свидетельствует о стационарном характере скотоводства. Соотношение костей крупных и мелких животных указывает на неодинаковый характер хозяйства в различных физико-географических зонах

Рис. 49. Наскальные рисунки из окрестностей селения Верхнее Лабкомахи

ки характерны для т.н. альпийского хозяйства. В своей основе оно глубоко оседлое. Но потребности развивающегося альпийского хозяйства в рабочем и тягловом скоте, милитаризация общества в эпоху "железного меча" стимулировало развитие коневодства. Особая роль коня подчеркивалась рядом деталей в погребальном обряде. Их стали хоронить вместе с умершим хозяином, что указывает на его восприятие как спутника война. Статуэтки коня свидетельствуют о культуре этого животного. Кости коня, выявленные в погребении первой половины VII в. до н.э. Мугерганского могильника, относились к породе крупного степного типа. Размеры удила из Хабадинского могильника также указывают на крупных коней. С Аркаского городища происходят мелкие удила, рассчитанные на маленьких низкорослых, выносливых коней, характерных для Дагестана более позднего времени⁶⁸.

Охота играла подсобную роль в хозяйстве. Охотились на кабанов, оленей, диких коз, зайцев, барсуков, уток⁶⁹.

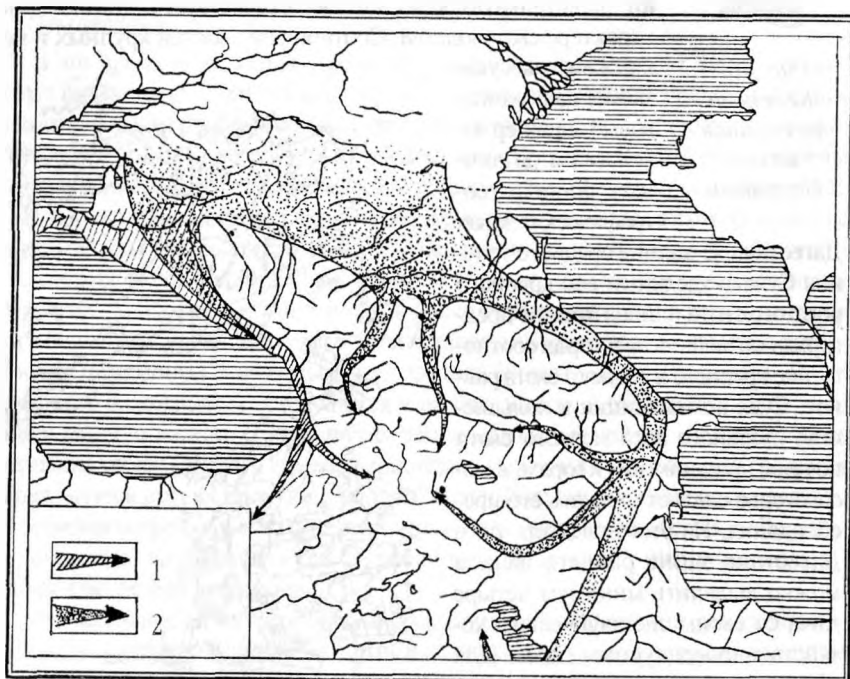

Рис.50. Маршруты скифских походов в Переднюю Азию (по Е.И.Крупнову). 1 - походы киммерийцев, 2 - походы скифов.

Ремёсла

Новый подъём получают ремёсла, в частности добыча и обработка железа, керамическое производство, строительное дело, прядение и ткачество и т.д.

Условия нового железного века ставили человека перед выбором или покориться более сильному соседу и тем самым оказаться в положении зависимого, или самому обладать секретом массового производства железа и тем самым самому стать более сильным. Следовательно, получение железорудного сырья и его дальнейшая обработка на месте было жизненно важным вопросом. Вблизи от железоплавильной мастерской из Аркаского городища найдены бракованные изделия и полуфабрикаты. Ножи с горбатой спинкой и прямыми или изогнутыми лезвиями с Аркаского городища, Урцекского, Шаракунского и др. могильников, узкий длинный нож с Аркаского городища, многие железные браслеты и др. изделия повторяют формы более древних предметов. Анализ железных изделий показывает, что кузнецы имели в своём распоряжении металл, полученный сыродутным способом, и сырцовую сталь, полученную в сыродутном горне непосредственно во время металлургического процесса. Причём к VII-VI вв. до н.э. мастера могли по своему желанию получать железо или сталь, выковать изделия необходимой упругости и твёрдости, хорошо регулировать температурный режимковки⁷⁰.

В бронзолитейном производстве, основанном на местной рудной и топливной базе, развитие направлено в сторону улучшения сплавов и придания изделиям более высоких эстетических качеств. В основном для Дагестана эпохи раннего железа характерны оловянистые бронзы. В технике производства господствует литьё по восковым моделям с применением формовочной массы с последующей ковкой, заточкой, полировкой, орнаментацией наlepными, резными и пунсонными узорами. Украшения из бронзы, особенно разные бляхи, пряжки, зооморфные и антропоморфные статуэтки отличаются изяществом⁷¹.

Существенное место в хозяйстве дагестанских племён играло керамическое производство. В нём особенно резко бросаются в глаза прогрессивные сдвиги. Среди массового материала имеются две большие группы изделий. Одна из них представлена лепными, обмазанными и заглаженными толстостенными сосудами (горшки, высокие и приземистые баночные сосуды, миски-плошки). Она предназначена для кухонных нужд и слабо обожжена. Эти сосуды вылеплены из теста с грубой примесью толчёного песка и битой керамики. Толстостенная керамика с обмазанной наружной поверхностью встречается в Дагестане с конца III тысячелетия до н.э. Однако, в раннем железном веке на севере Дагестана обмазка, хотя и толстая, но имеет декоративный облик, на юге она бессистемная и тонкая. Другая группа керамики представлена тонкостенными сосудами, вылепленными из глины с помощью тонко отмученной дресвы и шамота. Это столовая посуда. При их конструировании применены разные технические приёмы: лепка путём наращивания ленточных жгутиков с последующей вытяжкой, составление формы из отдельно изготовленных элементов и т.д. (горшки

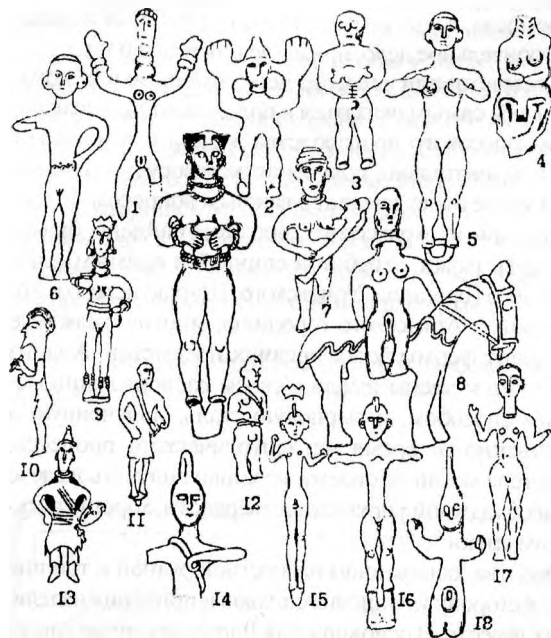

Рис. 51. Бронзовые статуэтки из высокогорного Дагестана

высокоразвитые архитектурные, в том числе фортификационные комплексы, для возведения которых требовались большие навыки и знания строительного и военно-инженерного дела. Большая трудоёмкая работа по строительству, добыче, обработке и подвозу стройматериала определяло участие большого количества оторванной от сельского хозяйства рабочей силы в строительстве.

Большую роль в хозяйстве играло прядение и ткачество. Ещё для II тысячелетия до н.э. отмечено использование в Дагестане специального ткацкого станка, ещё раньше — и веретена. Для погребального обряда эпохи раннего железа характерно наличие в могилах женщин пряслиц. Они довольно массивны и предназначены для изготовления грубой шерстяной пряжи. Материалы Хабадинского могильника содержат образцы более плотной ткани из растительной пряжи (льна, конопля). Судя по равномерному чередованию нитей утка и основы, отступствию узлов ткачихи владели высоким уровнем мастерства⁷³.

Специализация ремесла привела к оживлению торговли. Многие керамические изделия изготовлены с расчётом на рынки, расположенные в значительном отдалении от производственных центров. В Дагестане, в свою очередь, встречены изделия, произведённые в странах Юго-Восточной Европы, Закавказья и

разных форм и размеров. кувшины со сливными носиками и кувшины с цилиндрическими горловинами). Тарная керамика (крупные хумы и корчаги) изготовлена по той же технике, что и столовая, но она более груба, стенки толще. Поверхность сосудов лощёная, серая или коричневатая-серая, изредка красная, что указывает на обжиг как в окислительной, так и в восстановительной среде. Отдельные сосуды имеют своеобразные клейма — знаки мастера. Это является показателем начала специализации ремесла керамиста⁷².

Для раннего железного века Дагестана характерен резкий скачок в развитии строительного дела. Появляются крупные, вы-

Передней Азии⁷⁴.

Общественный строй

Успехи в развитии земледелия, скотоводства и различных отраслей ремесла, особенно в освоении производства железа привело к разложению первобытно-общинных отношений и формированию социальной организации нового облика. Одним из показателей этого процесса является появление укрепленных поселений, свидетельствующих о начале становления города (урбанизации). Одно- двух- или трёхкамерные жилища и основная масса погребальных сооружений оставлены простыми общинниками, земледельцами, скотоводами и ремесленниками. Они не отличаются богатством. Значительно меньше встречаются безынвентарные могилы, хранящие останки наиболее бедной части населения, вынужденной прибегнуть к служению своим более богатым сородичам и соплеменникам, чтобы обеспечить своё существование. Материалы могильников и поселений указывают на тенденцию к дальнейшему укреплению экономического и социального положения родоплеменной верхушки. С ними связаны богатые могилы с импортными изделиями, дорогостоящим оружием и предметами конского убора, зачастую с конскими захоронениями.

Всё продолжающаяся военная опасность со стороны сопредельных племён и степных кочевников привела к дальнейшему развитию системы военной власти, состоящей из военной дружины, с их иерархией военачальников, вождя, Совета старейшин и народного собрания, иными словами — к развитию “военной демократии”⁷⁵.

Духовная культура

У дагестанских племён она отвечала уровню их социально-экономического устройства, включала в себя обширные прикладные знания в области агро- и зоотехники, медицины, математики, и мн. других, без которых невозможно было развитие хозяйства. Высокого уровня достигло искусство, наиболее яркие произведения которого представлены керамическими формами, металлопластикой.

Среди керамических изделий наряду с традиционными лепными толсто-стенными горшками и баночными формами и заглаженными плоскими появляются высокохудожественные серые лощёные сосуды-горшки, кувшины (со сливными носиками, с цилиндрическими горловинами), крупные хумы и корчаги, украшенные резными горизонтальными прямыми и волнистыми полосками, насечками, верёвочными и ленточными налепами. К середине I тысячелетия до н.э. появляются зооморфные сосуды, среди которых выделяется богато украшенный сосуд в виде голубя.

Среди бронзовых художественных изделий значительное место занимают посуда, предметы вооружения, украшения, зооморфные и антропоморфные статуэтки. Большинство предметов отлито по восковым моделям. Брон-

зовый черпак с короткой ручкой, увенчанной реалистическим изображением головки оленя, головные булавки с навершиями в виде фигурок горных козлов или туров, различные изображения на пряжках и бляшках близки к изделиям из памятников кобанской культуры. Но они по ряду признаков отличаются от последних и характеризуют искусство и идеологические представления местного дагестанского населения. Местное искусство характеризуют и малые скульптурные формы животных и людей. Антропоморфные статуэтки характеризуются реалистичностью изображения при условной передаче отдельных органов, отклонений от пропорций при изображении, атрибутивных деталей, грубостью при трактовке фигур, подчёркнуто выраженными половыми признаками, ритуальной обнажённостью, а также характерными позами. Зооморфные статуэтки также отличаются сочетанием реалистичности изображения с условностями передачи отдельных деталей. Все фигуры людей и животных переданы в спокойной, статической позе. По стилю изображения они не встречают точных аналогий за пределами Дагестана, но по сюжету и смыслу образов человеческие фигурки находят аналогии на обширной территории Передней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья. Заметный след в декоративно-прикладном искусстве народов Дагестана составило искусство скифо-сибирского “звериного” стиля. Об этом свидетельствуют поясной крок из окрестностей Хасавюрта, литая серебряная бляшка в виде профильного изображения головы волчицы с раскрытой пастью из Хабадинского могильника, бронзовая бляшка в виде профильного изображения головки хищника с раскрытой пастью из Аркаского городища “Нах-меэр”, изображения хищника кошачьей породы с повернутой назад головкой и раскрытой пастью из Урцекского могильника, обломок бляшки в виде припавшего к животу такого же стилизованного хищника из кургана близ Хасавюрта и др.

Среди материалов Дагестана VII-IV вв. до н.э. имеются изделия, связанные с космогоническими представлениями, с почитанием солнца, луны, неба и др. Орнамент на ножнах меча из Макинского могильника отражает идею о трёх мирах, расположенных друг на друге. С представлениями о движении солнца по небесному своду связаны умбовидные бляхи из Урцекского, Хабадинского и Шаракунского могильников. Хосрехское святилище в виде квадрата с циркульной выкладкой внутри и алтарём в центре передаёт популярную в индоиранской среде идею о микрокосмосе — о квадратной земле и круглом небе. Судя по повериям, смерть человека воспринималась как уход в “мир иной”, где люди продолжали заниматься тем же, чем они занимались в реальном мире. Для этого в могилу вместе с умершим клали орудия его труда, пищу, напитки, одежду, украшения и т. д. Родовые кладбища и семейные усыпальницы связаны с семейно-родовыми культурами. С ними сопряжены обряды, порождённые страхом перед покойником (завал камней над могилами, связывание умерших), которого живые должны были кормить, поить, о котором заботиться.

Сложной системой одухотворения природы был обусловлен культ растительного мира, поверие в чудесное дерево.

Значительное место в верованиях занимает культ железа, различные пережитки которого сохранились до этнографической современности. Железу приписывали магическую силу вплоть до наших дней. Кинжал и шашку, например, дагестанцы употребляли в качестве талисманов, ограждающих людей от злых духов, вредных влияний, чар, колдовства и пр. В люльку под голову ребёнка клали нож, чтобы “черти не посмели приблизиться”. Считалось, что “подкова приносит счастье”. У аварцев мать, у которой умирают дети, надевала браслет, откованный из девяти кусков железа.

С тотемными культурами связано почитание медведей, баранов, горных козлов, туров, змей, волков и др., изображения которых популярны в искусстве Дагестана VII-IV вв. до н.э. Особого внимания заслуживает культ коня. Происхождение этого культа следует связывать с миром степных индо-иранских племён. В дагестанском фольклоре конь выступает в качестве связного между землёй и преисподней: доставляет героя до отверстия в “иной мир”. Он — советник и помощник, а в необходимых случаях и спаситель своего хозяина. Способен в одно мгновение обегать землю три раза, летает по воздуху, проникает под воду, доставляет героя на Небо за птицей и т. д.

С первобытной религией связаны изображения антропоморфных божеств. Среди статуэток людей встречаются фигурки божеств плодородия, грома и молнии и т. д.

В эпоху раннего железа появляются основы норм неписаных законов — адаты. При сложной социальной структуре, резко возросшей производительности труда, в условиях военных столкновений общество нуждалось в определённых сводах правил общественного бытия. К этому времени следует отнести гостеприимство, куначество, права, регулирующие ведение хозяйства, отношение между родами, членами различных социальных категорий, соседними сельскими обществами, племенами и т. д.⁷⁶

Связи с населением Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа и Закавказья

Дагестанские племена в VII-IV вв. до н.э. не были изолированы от своих ближайших и отдалённых соседей. Их культура развивалась в тесной связи с культурой сопредельных племён. На довольно тесные и продолжительные контакты с кобанскими племенами Северного Кавказа указывают находки спиральных многовитковых браслетов (Карата), дуговидных фибул (Хабада — 2 экз., Карата — 1 экз., Согратль — 1 экз., Анцух — 1 экз.), головной булавки с навершиями в виде геральдически расположенных парных конских головок (Аркас), наконечника дигорского типа в виде птицы со звериной головкой (Аркас), многовитковых колец (Мутерган, Урцеки, Акяр, Карабудахкент, Шаракун и др.). Осо-

бенно эти контакты документируют близкие стилистические особенности формирования пластинчатых браслетов с зооморфными концами и некоторых антропоморфных и зооморфных статуэток. Прототипами бежтинских подтреугольных ажурных пряжек следует считать подковообразные дигорские формы. На памятниках кобанской культуры обнаружена типично дагестанская лепная керамика с вертикальной обмазкой на наружной поверхности (Сержень-Юрт).

На связи с Закавказьем указывают серые лощёные горшки и кувшины со сливными носиками, предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники стрел типа “площички”) и украшения (гривны, сердоликовые бусы, различные подвески, привески) и т.д. На Хосрехском святилище встречены изделия, занесённые в Горный Дагестан из районов Закавказья и Передней Азии (статуэтки оленя, быка и др.).

Особенно выделяются в VII–IV вв. до н.э. контакты со скифо-сибирским культурным миром. Выше уже отмечалось, что скифы непосредственно проникли в Дагестан. Здесь встречены все компоненты скифской триады — предметы вооружения (железные акинаки, железные и бронзовые наконечники стрел и копий), конского убора (петельчатые удила с трёх — и двухдырчатыми псалиями, ворворки, бляшки) и украшения, выполненные в характерном “зверином стиле” (бляшки с изображением зверей и др.). На скалах вблизи селений Верхнее Лабюмахи и Ленинкент встречены рисунки с изображениями скифского облика. Дагестанские мастера хорошо знали вкусы и интересы скифских кочевников, были знакомы с их мифологией: изготавливали для них статуэтки их божеств и обожествлённых героев — предков.

¹ Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1975. С. 55-63; Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989, С. 27.

² Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 236-244.

³ Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // МИА, 1958. № 68. С. 20-51; Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА, 1961, № 100; Его же. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 174-190; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 127-214.

⁴ Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА, 1965. № 3. С. 10.

⁵ Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 151.

⁶ Котович В. М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965. С. 215-217.

⁷ Вавиллов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. // Природа. 1936. № 2. С. 80.

⁸ Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. С. 10.

⁹ Подробно о хозяйстве и древних производствах эпохи ранней бронзы см.: Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 177-214.

¹⁰ О выделении археологических культур эпохи средней бронзы см.: Гаджиев М.Г. Дагестан и горная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11-28; Его же. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в

системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987. С. 69-73; Его же. Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. 1987. Вып. 192, С. 9-12; Магомедов Р.Г. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987. С. 22-35.

¹¹ Марковин В. И. Новый памятник эпохи средней бронзы в горной Чечне (Могилиник Гатын-кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 49 — 135.

¹² Котович В. М. Верхнегунибское поселение.

¹³ Атаев Д.М. и Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // МАД. Т. III. Махачкала, 1973. С. 28-34.

¹⁴ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969. С. 12-118.

¹⁵ Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г. и др. Отчёт об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Д. 227; Их же. Отчёт об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. // Там же. Д. 229. Материалы раскопок в Чиркее частично опубликованы: Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1. 1987. С. 145-157.

¹⁶ Канивец В.И. Миятли — новый памятник бронзового века в Дагестане // МАД. Махачкала. 1959. Т. I. С. 31-59.

¹⁷ Мунчаев Р.М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: Курганная группа у ст. Манас // СА, 1956. № 26. С. 192.

¹⁸ Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II — I тыс. до н.э. С. 51-146; Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности // МИА. 1969. № 122.

¹⁹ Несмотря на определённую культурную интеграцию, которая нашла отражение в памятниках каякентско-хорочоевской культуры, в ней удаётся выделить несколько локальных вариантов, что свидетельствует о сохранении в этот период этнокультурной пестроты, которая сложилась в Дагестане в эпоху средне-бронзы. А.П. Круглов выделил в этой культуре два варианта: западный (горный) и восточный (Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II — I тыс. до н.э. С. 51). К.Ф. Смирнов отметил промежуточный характер комплексов Таркинского могильника между западной и восточной группами каякентско-хорочоевской культуры (Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МИА, 1951. № 23. С. 254-257); В. И. Марковин дополнил карту локальных вариантов каякентско-хорочоевской культуры. Он выделил в ней 6-7 групп памятников и сделал попытку сопоставить их территориально с районами расселения современных народов Дагестана (Марковин В.М. Дагестан и горная Чечня в древности. С. 86-88).

²⁰ Об очагах металлообработки и указания на литературу см.: Гаджиев М.Г. Древние очаги металлообработки в Дагестане. С. 9-12.

²¹ Корневский С.Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 37-45.

²² Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. Металлы великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 7-27.

²³ Котович В.М. Верхнегунибское поселение. С. 222-228.

²⁴ Характеристика культуры Дагестана эпохи ранней бронзы см.: Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Его же. Кавказ на заре бронзового века. С. 149-196; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 127-244.

²⁵ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 196. Почти все авторы, касавшиеся вопроса происхождения куро-аракской культуры, считали, что она сформировалась в междуречье Куры и Аракса, откуда распространилась в другие области, в том числе на Северо-Восточный Кавказ. Однако рассмотрение культурных комплексов эпохи энеолита и ранней бронзы с точки зрения их преемственности показывает, что в первоначальный

арел формирования куро-аракской культуры входил и Дагестан, где сложился один из древнейших её локальных вариантов (*Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 129-236)

²⁶ *Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975. С. 14, 15, 48, 49; Шепель Е.А. Антропологическая характеристика черепов из Великентского могильника // Алародия: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С. 100-116.

²⁷ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. С. 336-365.

²⁸ Следы проникновения элементов майкопской культуры в приморском районе Дагестана выявлены в ряде археологических памятников: на Миатлинском курганном поле, в Мискинбулакском, Великентском могильниках, в кургане Топрах-Кала (*Магомедов Р.Г.* О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средности и современности. Махачкала, 1991. С. 13-35.

²⁹ *Мерперт Н.Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы. С. 58

³⁰ *Киселёв С.В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 34.

³¹ *Гаджиев М. Г.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы. С. 69-73.

³² *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. С. 86-88.

³³ *Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. С. 48-50.

³⁴ *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи, М., 1988. С. 204.

³⁵ *Дьяконов И.М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 17.

³⁶ *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 113-115.

³⁷ *Дьяконов И.М.* Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III — I тыс. до н.э. // Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тезисы. Баку, 1966. Вып. 12. С. 7-9.

³⁸ *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17-18.

³⁹ Сделана попытка соотнесения этнокультурных и этноязыковых процессов у северокавказских народов в неолите — бронзовом веке, из чего явствует, что выделяемые в восточнокавказских языках четыре этапа становления организации имён по грамматическим классам совпадают с этапами развития и распада северо-восточнокавказского культурного единства (*Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г.* Об относительной хронологии этноязыковых процессов у восточнокавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов. Шатай, 1991. С. 20-22.)

⁴⁰ *Старостин С.А.* Индоевропейские — северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 113. Весьма популярна среди учёных идея о том, что носители индоиранских языков до их распада были расселены в степях Восточной Европы (см., например: *Грантовский Э.А.* “Серая керамика”, “расписная керамика” и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 254-261; *Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Там же. С. 105-119.)

⁴¹ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 15-17; *Давудов О.М.* К вопросу о материнальной культуре и производстве древнего Дагестана (X — IV вв. до н.э.). Махачкала, 1968. С. 3-15; *Котович В.Г.* О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе // Известия СКНЦВШ. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978 № 3. С. 17-23.

Первое знакомство с железом населения Дагестана одни исследователи связывают с закавказским или переднеазиатским влияниями (Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 8-9; *Пикуль М.И.* Указ. соч. С. 15), другие — с достижениями

местной металлургии (История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 87; *Давудов О.М.* Указ соч. С. 11-13; *Котович В.Г.* Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе // СА. 1977. № 3. С. 69-78.)

⁴² *Котович В.Г., Давудов О.М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4. С. 38-54. См. также: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане // Тез. Докл. на научн. сессии ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 33-39; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 29-31.

⁴³ *Бредэ К.А.* Новые поселения на Сулаке // Тез. докл. на научн. сессии ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 25-27; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 32-34; Его же. Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Сб. статей. Махачкала, 1985. С. 101-124; *Давудов О.М., Абакаров А.И.* Новые исследования Шахсенгерского городища // Всесоюз. археологическая конференция “Достижения советской археологии в XI пятилетке”. Тезисы докладов. Баку, 1985. С. 128-130.

⁴⁴ *Пикуль М.И.* Дагбашский могильник // Учён. зап. Ин-та ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 198-319; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 34-40; Его же. Берикейский могильник скифского времени // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1978. С. 128-135; *Давудов О.М., Хангшиев Г. Дж.* Памятники предскифского времени около с. Башлыкент // Тез. докл. научн. сессии, посв. итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала, 1986. С. 5-6; *Нечаев Л.Г., Кривицкий В.В.* Погребение скифского времени у сел. Берикей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1978. С. 136-144.

⁴⁵ *Пикуль М.И.* Мугерганский могильник // МАД. Махачкала, 1973. Т. III. С. 35-50; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 40-109; Его же Мугерганская культура // Кавказ и Восточная Европа в древности, М., 1973. С. 125-130; Его же. Исследования в Южном Дагестане // АО 1974. М., 1975. С. 105; Его же. *Гаджиев Ю.М.* Раскопки Мугерганского могильника // АО 1975. М., 1976. С. 118-119.

⁴⁶ *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969. С. 85; Его же. Рец. на кн.: *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. // СА. 1976. №3. С. 345-348.

⁴⁷ *Котович В.Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Горном Дагестане // Уч. зап. ИИЯЛ даг. ФАН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 287-288; Его же. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 153-164; *Давудов О.М.* Поселение Ачису. С. 111.

⁴⁸ *Котович В.Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве... С. 290-297; Его же. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития... С. 155-163; *Давудов О.М.* Поселение Ачису. С. 111-113.

⁴⁹ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 104; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 119; Его же. Поселение Ачису. С. 113.

⁵⁰ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 119-123; *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития. С. 165-212.

⁵¹ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 104-106; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 123-124.

⁵² *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа ... С. 110-111; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 124-126.

⁵³ Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев решается исследователями по-разному. Западные европейские учёные в большинстве своём сопоставляют их то с кельтами (Я. Потоцкий, Ж. Шарпантье), то с кимврами (Ф. Ленорман, Х. Котке, Леман-Хаупт). Отождествляют их и с таврами Горного Крыма (Ф.К. Брун, С.А. Жебелев), и с фракийцами (В.Д. Блаватский, М.И. Ростовцев и др.), и с синдами (М.И. Артамонов), и со скифами (Ф.

Хоммел, Е. Миннс, Е.И. Крупнов, Л.А. Ельницкий, В.И. Абаев, Д.С. Раевский и др.). И.М. Дьяконов высказал мнение, что киммерийцев, как отдельного этноса вообще не существовало. Это были “подвижные отряды” ираноязычных скифов, воспринятые черноморскими греками как особый народ (*Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии, М., 1982. С. 75-78). Само слово — Gamig (a) — Gimigri — Gimigraiu (“киммерийцы”) с древнеиранского переводится как “находящийся в движении”, т. е. “подвижные отряды” (*Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории (“киммерийцы”) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 97-98). Как бы не решался вопрос об этническом облике киммерийцев, мы вправе говорить об ираноязычных кочевниках предскифского и скифского времени. Контакты древних дагестанцев со степными кочевниками, которых принято относить к ираноязычным племенам, прослеживаются с XIII-XII вв. до н.э.

³⁴ Противоречивы высказывания о том, какие памятники материальной культуры оставили киммерийцы. Д. Я. Самоквасов, например, считал, что могильники киммерийской эпохи “не содержат в себе оружия или орудий домашнего быта из железа, а содержат только предметы быта из глины, кости, камня и меди” (*Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. СПб., 1908. С. 141 и сл.). В результате археологи конца XIX — нач. XX в. стали считать киммерийским любое погребение бронзового века, независимо от его древности. В.И. Городцов назвал киммерийскими ряд памятников, которых в настоящее время принято относить к XIV — XII вв. (*Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910. С. 344). Его точка зрения нашла своих сторонников. Е. И. Крупнов, например, на основании находок определённых типов бронзового оружия, которые были определены В. А. Городцовым как киммерийские, пытался проследить пути перемещения кочевников на Кавказе и Северном Причерноморье (*Крупнов Е.И.* Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68. С. 190 и сл.; *Его же.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 114 и сл.). О. А. Кривцова-Гракова выделила в степном Причерноморье среди памятников поздней ступени срубной культуры клады, условно названные ею киммерийскими (*Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. М., 1948. Т. XVII. С. 158 и сл.). А. И. Тереножкин и А. М. Лесков выделили в рамках срубной культуры памятники различного типа, в том числе новочеркасского и черноморско-камышевахского типа. Новочеркасскую группу А. М. Лесков связывает со скифами, а черноморско-камышевахскую — с киммерийцами (*Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177. Л., С. 75-91; *Его же.* Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. С. 86-109).

А.И. Тереножкин полагает, что в науке не существует двух проблем — киммерийской и скифской, а есть одна проблема киммерийская; отождествляет последних со срубной культурой; полагает, что история киммерийцев прослеживается от эпохи средней бронзы до начала скифского периода (*Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 19,186). В последнее время группа украинских археологов определила срубную культуру в качестве культурно-исторической общности, внутри которой выделяются отдельные археологические культуры, в том числе на территории Северного Причерноморья — сабатиновскую XIV — XII вв. до н.э. и белозерскую XII — X вв. (*Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 42, 115, 153; Сабатиновскую культуру некоторые исследователи связывают с киммерийцами (*Черняков И.Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев, 1985. С. 148). М.И. Артамонов считает киммерийскими большие курганы Прикубанья с захоронениями катакомбного типа (*Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 23). Эта точка зрения нашла своих сторонников—Т. Б. Попова, И.Т. Крушликова, П.Д. Либеров, А. П. Смирнов, Б.Н. Граков и др. (*Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 67-72). Ряд исследователей приписывает кобьяковскую культуру Нижнего Дона киммерийцам (В.А.

Городцов, О.А. Кривцова — Гракова, А.И. Тереножкин, А.М. Лесков). Э.С. Шарафутдинова считает, что нельзя рассматривать “кобьяковскую культуру как один из непосредственных генетических предшественников киммерийской культуры” (*Шарафутдинова Э.С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура) // САИ. 1980. Вып. В I-II. С. 75). Предпринималась попытка приписать киммерийцам и кобанскую культуру (*Ельницкий Л.А.* Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. №3. С.14-25). Н.Л. Членова включила кобанскую культуру в т.н. киммерийско-карасукскую общность Евразии (*Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 134), а ныне киммерийцам она приписывает и кобанскую, и колхидскую, и выделенную ею каменноостомско-березанскую культуры (*Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 81). Против этой точки зрения выступили А.А. Иессен, С.Л. Дударев и др. (*Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII — VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954. С. 131; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. С.111; *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 13; *Его же.* К характеристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна р. Терек: (конец II — 1-я половина I тыс. до н.э.) // В КЧ. Махачкала, 1975. С. 45-47.

³⁵ *Геродот.* История. I, 103-104; IV, 12.

³⁶ По Л.Мровели у кавказских народов картлийцев, ранов, моваканов, мегрелов, кавказионов, эров, леков и др. был единый отец по имени Таргамос. Он назван сыном Таршиса, внуком Яфета-сына Ноя. После разрушения вавилонской башни и разделения языков Таргамос со своим племенем расселился в промежутке между горами Арарат и Масис. Когда же население увеличилось, Таргамос поделил земли, принадлежавшие ему, между своими детьми: “Земли же к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было жителей к северу от Кавказа. Были безлюдными пространства те от Кавказа до Великой реки, что впадает в море Дарубанское. Потому-то и избрал (Таргамос) из множества героев двух — Лекана и Кавкаса. Дал Лекану земли от моря Дарубанского до реки Ломеки, к северу Великой реки Хазарети. Кавкасу — от реки Ломеки до рубежей Кавказа на западе (*Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 21-22.)

Лекос — этнический предок народов Дагестана — леков. “Леки” грузинское название народов Дагестана. В античных источниках оно звучит как “леги”. В трудах грузинского писателя Х в. Евфимия Святогорца этнонимом леки названы албаны (*Кекелидзе К.С.* Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // Этюды. Т. I. С. 178).

За сведением о двоюродном брате скифского царя, которому дарили завоёванные земли, у Леонтия Мровеля можно усмотреть факт участия в скифских походах родственных им племён.

³⁷ *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979. С. 25 и сл.

³⁸ *Крупнов Е.И.* О походах скифов через Кавказ // ВССА. М., 1954. С. 186-194; *Его же.* Древняя история Северного Кавказа. С. 54-75; *Виноградов В.Б.* О скифских походах через Кавказ // Сборник статей. К 60-летию Е.И. Крупнова. Грозный, 1964. С. 21-48; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 106-109.

³⁹ *Дьяконов И.М.* История Мидии. От древнейших времён до конца IV века до н.э. М. — Л., 1956. С. 242-254, 280-292.

⁴⁰ *Геродот.* История. III, 97.

⁴¹ Там же. С. 336-361; *Рыбаков Б.А.* Путешествие Геродота в Скифию // Курьер ЮНЕСКО. Январь 1977.С.I -III; *Его же.* Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. С. 169-184; *Черненко Е.В.* Скифо-персидская война. Киев, 1984.

⁴² *Давудов О.М.* Святыще у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневе-

ковые поселения Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1983. С. 43-56; *Его же*. Хосрехское святилище (Дагестанская АССР) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 277-285.

⁶³ *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1982. С. 33-36; *Его же*. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 48-51.

⁶⁴ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 49-52.

⁶⁵ *Давудов О.М.* Берикейский могильник скифского времени // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 128-135; *Нечаева Л.Г.*, *Кривицкий В.В.* Погребение скифского времени у сел. Берикей. // Там же. С. 136-144.

⁶⁶ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 34-46; *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968. С. 25-37.

⁶⁷ О земледелии см.: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 97-101; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 111-116.

⁶⁸ О скотоводстве см.: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 101-104; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 116-119.

⁶⁹ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 104; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 119.

⁷⁰ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 119 -123.

⁷¹ Там же. С. 123.

⁷² О керамическом производстве см.: *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 104-106; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 123-124.

⁷³ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 106.

⁷⁴ В это время, очевидно, функционировала международная торговая дорога, связывающая Закавказье и Переднюю Азию с Юго-Восточной Европой через Прикаспийский коридор

⁷⁵ *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... С. 110-111.; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 124-126.

⁷⁶ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана... С. 127-134.

⁷⁷ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа ...С. 106 — 110; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана ... С. 126 — 127.

instituteofhistory.ru

Глава IV.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Дагестан в составе Кавказской Албании

Вторая половина I тысячелетия до н.э. ознаменована важнейшими историческими событиями, определившими ход развития Северо-Восточного Кавказа, особенно Дагестана. Наиболее значительными из них являются (формирование государственного образования Кавказской Албании, тесно связанной экономическими и культурными узами со странами Передней Азии и Закавказья, и проникновение в Предкавказские степи ираноязычных степных сармато-аланских кочевников. Древние письменные источники содержат разнообразные сведения античных, армянских, грузинских авторов о событиях IV вв. до н.э. - IV в. н.э. Для нас представляют интерес сообщения арабских и местных авторов о Северо-Восточном Кавказе и Дагестане.

Большую ценность для нас составляют сведения Геродота (490/480 ок. 425 гг. до н.э.) о Каспийском море как о замкнутом бассейне, о народах Восточного Кавказа, о походах скифов и др.¹ Эти сведения пользуются заслуженным доверием. Более полные сведения о Восточном Кавказе принадлежат Страбону (65 г. до н.э. 21 г. н.э.), в "Географии" которого сохранились отрывки многих произведений древнегреческих авторов (чьи сочинения оказались утерянными) — Метродора Скепсийского, казнённого в 70 г. до н.э., Гипсократа, Феофана Митиленского, Эратосфена (276-194 гг. до н.э.), Посидония (ок. 135-51 гг. до н.э.), спутников Помпея по Кавказскому походу. В результате Страбон оставил нам ценный источник по истории и этнографии предков современных народов Грузии, Армении, Восточного и Северного Кавказа.

Важные сведения о Кавказе содержат биографии Лукулла, Помпея, Красса и Марка Антония. О племенах Восточного Кавказа, в частности об албанах, упоминает ряд авторов I в. до н.э. - I в. н.э. Наиболее ценными среди них были данные Плиния Старшего и Клавдия Птолемея. В "Географическом руководстве" последнего приблизительно определено место расположения Кавказской Албании и её географических объектов. На его основании возникли арабские (Ал-Хорезми "Картина земли"), армянские ("Армянская география") географические сочинения.

Особое место среди древних источников занимает "История Албании" Моисея Каганкатваца, дошедшая до нас в 40 списках. Первые две части этой истории содержат сведения о событиях, начиная с древнейших времён и до конца VII в., третья — о событиях с начала VIII в. и до конца X в. Некоторые материалы, касающиеся истории Дагестана, содержат сочинения армянских авторов Агафангела (V в.), Фавстоса Бузанда, Моисея Хоренаци (первая половина V в.), Лаза-

ря Парбского, Корюна, Егише и др.

Ценные сведения по истории Дагестана содержит “Картлис цховреба” — сочинение Леонти Мровели, грузинского автора XI в. В нём изложены события, свидетелем которых был сам автор, использованы недошедшие до нас древнегрузинские источники, сочинения античных и древнеармянских авторов.

Материалы по истории Дагестана содержат сочинения сирийских (Захарий Ритор) и арабских (Ал-Истахри, Ибн-ал-Факих, Ибн-Хордад-бех, Кудама, Ибн-Хаукаль, Хамдула Казвини, Садик Исфгани, Абу-л-Фед и др.) авторов, а также труды местных учёных (“Дербенд-наме” Мухаммеда Абваби-Акташи, “Гюлистан-и Ирам” Абас-Кули-Ага Бакиханова “Кудси”) и др.

Все эти фрагментарные сведения письменных источников могут быть привлечены для написания истории Дагестана албанского времени в качестве вспомогательного материала. Основным же источником служат археологические материалы. Они в совокупности с данными смежных наук позволяют решать актуальные проблемы. К ним относится проблема о политических границах Албанского государства, о времени формирования государственности и др.

Время формирования албанской государственности обусловлено распадом персидской империи Дария III (Кодомана) в результате поражения, нанесённого ему Александром Македонским в битве при Гавгамелах, в 331 г. до н.э.² В это время на исторической арене появляются албаны³. О существовании в Албании царской власти в IV в. до н.э. свидетельствует сообщение о поднесении албанским царём Александру Македонскому подарка — двух собак, способных победить слона и льва⁴. Однако, одни исследователи относят время формирования государственности в Албании к III в. до н.э. (Дж. А. Халилов), другие — ко II в. до н.э. (К.В. Тревер)⁵. Само Албанское государство на различных этапах своего развития занимало разные территории. В отдельные периоды наибольшего военно-политического могущества оно охватывало значительные пределы Азербайджана, Грузии и Дагестана. Причём, вопрос о вхождении Дагестана в состав Албании до сих пор окончательно не решён. Одни исследователи считают, что северные границы Албании проходили по Дербенту, другие отодвигают их до реки Сулак и дальше⁶. Причины разногласий кроются в слабой осведомлённости древних авторов о географии Восточного Кавказа. Большинство античных авторов представляло Кавказ в качестве единой цепи гор. Лишь Страбон и Птолемей знали о других горах, Керавнских, ответвляющихся от Кавказского хребта⁷. Вместе с тем в указании географических пунктов греко-римские источники единодушны. В частности различные авторы упоминают одни и те же реки, протекающие по Албании и впадающие в Каспийское море: Куру, Камбиса, Кайсия, Герр и Соану⁸. Севернее Соаны на территории Азиатской Сарматии упоминаются впадающие в Каспийское море Алонту, Удон и Ра⁹. Учёные единодушны в отождествлении Ра с Волгой, Удона с Кумой и Алонты с Терекком. Не вызывает спора и отождествление Кира с Курой, Камбиса с Иори. С главными водными артериями Восточного Кавказа, расположенными между Курой и Терекком и впадающими в Каспийское море, сопоставляются Албана, Кас-Кайсий, Герр и Соана.

Некоторые из этих рек носят названия, возникшие в средневековье — Сулак. Самур (Сулак — от тюр. Су — вода, Сулак — обильная вода, полная вода. Некоторые переводят “Река овец”: Самур от лезг. Сам — этно-политического образования и -ур — вода, река)¹⁰, другая, как, например, Гюльгерчай в Южном Дагестане сохраняет в составе гидронима древнее название (Герр). Соану одни авторы сопоставляют с Сулаком, другие — с Самуром, третьи — с Терекком или его притоком Сунжей или Аргуном. С Сулаком последние отождествляют реку Сондас или Тсондас, известную по одному из списков “Географии” Птолемея. Если Птолемей действительно ошибся и принял приток Терека за самостоятельную реку, то может быть принято сопоставление Соаны с Аргуном, известным по географическим работам XVII-XVIII вв. под названием Сона¹¹. Это даёт дополнительную возможность для отождествления Гюльгерчая с рекой Герр. Самура с Кас или Кайсием.

Ещё один географический объект упоминают древние источники на севере Албании — Керавнские горы. Они ответвляются от Главного Кавказского хребта в том месте, где помещены тушеты и диды-дидои. Это позволяет сопоставить Керавнские горы с Андийским хребтом или хребтом Кюрилам¹².

С названием рек связаны некоторые из 26 упомянутых античными авторами в Кавказской Албании племён (каспиев, удин, албан, гаргареев, миков, кетов, сильвов, лбинов-лупениев, содов-исондов, гелов, легов, дидур, тидиев и др.), говоривших на языке восточнокавказской или нахско-дагестанской ветви иберийско-кавказской семьи языков. Удины, бесспорно, составлявшие часть населения Кавказской Албании, говорят на языке, относящемся к лезгинской группе дагестанских языков. Античные авторы отмечают высокий рост, светлые волосы, серые глаза албанского населения¹³. Это характерные признаки широко распространённого в Центральном Предкавказье, а также в западном и центральном Дагестане кавказского антропологического типа (аваро — андо — цунтинцы, лакцы, даргинцы, рутулы, арчинцы). Гелов и легов принято связывать с предками современных аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин. Вместе с тем большинство арабских средневековых авторов сопоставляет ал-Лакз (легов — леков) с предками современных лезгин. Однако, некоторые арабские, все античные, армянские и грузинские источники распространяют этот этноним на всё население Дагестана. Грузинский летописец Леонти Мровели прямо называет эпонима одного из аварских племён Хозониха “самым знаменитым в роду Лекана”¹⁴. Этноним “лак-цы” сохранился за населением, занимающим долину Казикумухского Койсу и поныне. Сами леги вместе с гелами локализируются между албанами и амазонками на территории Дагестана и северных районов Азербайджана, примыкающих с востока к Большому Кавказу. Судя по сведениям Леонти Мровели, наиболее значительная часть легов, именуемая Хозонихети или Хунзы, мигрировала под напором скифов в районы Горного Дагестана. Причём удаётся уточнить территорию, занятую собственно гелами в устье реки Гюльгерчай, сопоставляемой с Герр. Каспиями занята территория в устье реки Кас или Кайсий, сопоставляемой с Самуром. Ранее каспии находились в составе XI сатра-

нии ахеменидской империи. Под этим этнонимом, видимо, скрывался довольно значительный конгломерат близкородственных племён, оставивших память о себе в различных топонимах и гидронимах, встречаемых на обширной территории Восточного Кавказа. Одним из них было название реки Кас-Кайсий.

Основная группа албанских племён занимает горные районы. Сильвы (шилы, шибы, чишбы, джигбы), например, локализуются поблизости от Шахдагских высот, а лбины (лупенин) — в их подножье, с южной стороны. В шахдагской зоне локализация этнонимом которых соотносится с топонимом хиналугского населения “кет”. В горах западного Дагестана, на территории современного Цунтинского района размещаются диды (дидойцы), северо-восточнее их, в Цумадинском районе — тиди (тиндинцы). Неподальку от дидойцев и тиндинцев, на территории современного Ботлихского района и Ичкерии (Чечни) размещаются соды, исонды, андаки и др.

Мы не имеем сведений о многих племенах, населяющих территорию Кавказской Албании. Они скрывались под собирательным этническим наименованием “албаны” и занимали огромные просторы от горных склонов Малого Кавказа на юге до Керавнских гор на севере. Вместе с тем источники выделяют и самих албан. Происхождение названия “Албания” в передаче греко-римских источников и “Алванк” армянских источников до сих пор остаётся не выясненным. Армянский историк Моисей Хоренаци выводил название “Алванк” от имени мифического родоначальника рода Сисака-Алу, за кротость нрава которого унаследованная им страна (Албанская равнина и горная часть от Аракса до крепости на реке Кура, у границ Иберии) получила название “Алванк”, от “Алу” “Алу” “приятный”, “кроткий”¹⁶. Эту же версию повторяет Моисей Каганкатваци, который называет родоначальника албан Сисака-Аран¹⁷. Одни учёные пытаются объяснить этот этноним от латинского понятия “albi” “белый” в смысле “свободный” (А.К. Бакиханов), другие в слове “Албания”, как и в названии “Дагестан”, видят содержание “страна гор” (Н.Я. Марр).¹⁸

Необходимо иметь в виду и то, что современных аварцев, известных под самоназванием “маарулал” “горцы”, ахвахцы называют “албами”¹⁹.

Таким образом, все упомянутые племена албанского круга локализуются в пределах Азербайджана и Дагестана, т. е. Кавказской Албании, северные границы которого ограничены Керавнскими горами (Андийским или Кьорилам хребтом) и рекой Соаной — поздней Сонею грузинских географических сочинений, соответствующей Аргуну — притоку Терека. Именно Терек, отождествляемый с рекой Мермодаль, служит границей между гелами и легами, с одной стороны, и амазонками, с другой. По надписи III в. персидского царя Шапура I на Каабе-и-Зардушт Кавказская Албания упоминается рядом с Махелонией (осетинское название Ингушетии), локализуемой по обе стороны Главного Кавказского хребта, рядом с тушинами). До системы Аргун — Терек простирается и археологическая культура Дагестана, входящая в восточнокавказскую или албанскую историко-культурную общность. Эта общность имела незыблемые албанские этнокультурные основы. Но она была приобщена к историческим про-

цессам, происходящим в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе, благодаря проникновению в III–II вв. до н.э. сарматских кочевников в Предгорья Северного Кавказа. Они оказали значительное влияние на местное оседлое земледельческое население. По мнению некоторых исследователей, они вместе с коренным албанским населением Дагестана даже образовали особую этно-политическую группу — утидорсов. Между тем связь удинов, локализуемых авторами античных исторических сочинений на самом краю “Каспийского пролива”, с албанскими удинами не улавливается. Этноним северных удинов связан с гидронимом реки Удон (Уд-дан), что уточняет территорию их расселения в устье этой реки, отождествляемой с современной Кумой²⁰.

Утидорсы локализуются ещё севернее. Вместе с тем и сарматские аорсы, и урго-финские удины, и сармато-угрофинские утидорсы и др., видимо, при своём кочевом образе жизни проникали в район Приморского Дагестана, вступая в тесные культурные, экономические и, возможно, этнические контакты с местным населением. Как известно, аорсы контролировали Прикаспийскую торговую дорогу, проходящую через Дербентское дефиле. На одном конце этой торговой дороги находилась Экбатана, на другом — Танаис. Контакты между дагестанскими и сарматскими племенами документируют находки на памятниках Дагестана грунтовых могил с вытянутыми на спине костяками (иногда кости ног перекрещены в голенях, кисти рук лежат на тазовых костях, поясе или груди) в сопровождении разбитых сарматских зеркал, сарматских форм керамики, предметов сарматского вооружения и с меловой подсыпкой. Наиболее часто эти признаки встречаются на Таркинском могильнике и реже попадаются по мере удаления на юг и в глубь гор. С I в. н.э. активизировались аланские племена на Северном Кавказе. Они активно вмешивались в политическую жизнь кавказских народов, совершали походы через Дарьяльский и Дербентский проходы в Армению, Парфию, Атропатену, доходили до Каппадокии в Малой Азии. Особенно опустошительными были походы 72 и 135 гг. В первом походе принимали участие местные северокавказские племена, в том числе дагестанские леки, диды и др. Аланы и горские северокавказские племена совершили нападение на Армению и в 213 г.

С сармато-аланскими кочевниками в Дагестане связаны подкурганские катакомбные могильники III–II вв. до н.э. — III–IV вв. н.э., расположенные в районе Львовских хуторов, ст. Манас, в районе Андрейаульского городища, городов Дербент и Хасавюрт. К более позднему времени относится Паласасьртский могильник.

Хотя сармато-аланские племена и проникли в Дагестан, оказали заметное этнокультурное влияние на местное население, говорить о сколько-нибудь заметной его иранизации, как это имело место в Центральном Предкавказье, не приходится.

Вхождение в сферу культурного, экономического и политического влияния Кавказской Албании и сармато-аланских кочевников определило характер материальной культуры населения Дагестана, отличающейся в III в. до н.э. — IV в. н.э.

своеобразием.

Укрепленные и неукрепленные поселения расположены в удобных для развития многоотраслевого хозяйства местах, поблизости от благоприятных для возделывания сельскохозяйственных террас, сенокосных лугов и пастбищ, поблизости от водных источников и рядом с транспортными коммуникациями. При этом обеспечивается возможность одинаково удобной эксплуатации как летних, так и зимних пастбищ, а также безопасности населения.

Среди дагестанских населенных пунктов албанского времени имеются поселения, окруженные оборонительными стенами, и с цитаделями внутри укрепленной территории, как правило, в привилегированной зоне (Урцекское, Таргунское, Чичикарское, Кулецминское и др. городища); поселения, обнесенные оборонительными стенами, без цитаделей (Охлинское, Нижнечуглинское, Меседилмицирское, Мамаульское, Генторунское и др. городища) и простые поселения без каких-либо укреплений (Сиртич, Ганзир и др.). Укрепленные и неукрепленные поселения расположены компактными группами вокруг наиболее крупных городищ с цитаделями, размеры которых позволяют поместить 5-8 тысяч человек, что способствует принятой норме населения городов²¹. Последние могут быть рассмотрены в качестве торгово-ремесленных и административных центров.

Фортификационные сооружения состоят из оборонительных стен, толщиной от 1 до 4,5 м, с системой башен, а также цитаделей. Оборонительные стены возведены в технике панцирной кладки с забутовкой межпанцирного пространства мелким камнем, щебнем и землей. На отдельных участках в систему стен Урцекского городища включены циклопические блоки. А для возведения стен в материковом основании скалы вырублены ложа. Урцекские стены сложены без применения скрепляющего раствора, а таргунские стены и стены городищ Левашинского плато — с применением глины. Древнейшие оборонительные стены Дербента возведены из бутового камня, без применения скрепляющего раствора, а оборонительные стены последующего периода — в технике панцирной кладки с забутовкой межпанцирного пространства мелким камнем и глиной²². В системе этих стен имеются и каменные башни. При возделывании оборонительных сооружений максимально использованы особенности рельефа. В стенах цитаделей и стен имеются резкие повороты и уступы, позволяющие вести фланговый обстрел пристенного пространства. Эти дагестанские фортификационные комплексы отличаются от одновременных сооружений азербайджанских городищ, где они представлены земляными валами, а с I в. н.э. — сырцовыми стенами и рвами²³.

Для дагестанских укрепленных поселений с цитаделями характерны довольно выразительные архитектурные комплексы. Дворцовые и храмовые сооружения, как правило, расположены в привилегированной зоне городищ. Дербентские многокомнатные дворцовые комплексы изучены на территории цитадели. В стене этих комплексов найдены вставки из орнаментированных камней. Для его интерьера характерны глинобитные полы, обмазанные сверху светлой глиной²⁴.

На Таргунском городище остатки дворцового или храмового комплекса, найденные на цитадели, представляют собой руины многокомнатного сооружения в виде вытянутого четырехугольника с портиком, от которого сохранились фундамент каменных стен и попарно расположенные каменные базы из-под деревянных колонн: одна квадратная со стесанными углами и пять барабанообразных, украшенных вертикальными валиками²⁵.

Жилые комплексы простых обитателей, изученные на территории самих укрепленных и неукрепленных поселений, состоят из 1-2, реже 3 прямоугольных в плане комнат и примыкающего к ним огражденного дворика. Одни жилища возведены целиком из камня. При возведении других в структуру каменных стен включены турлучные перегородки. Для их интерьера характерны пристенные печи открытого типа — "кор" или "кор-ы" и глинобитные полы.

На могильниках Дагестана встречаются грунтовые могилы овальных и вытянутых, четырехугольных форм и каменные склепы с костяками от 5 до 49 погребенных. С конца I тысячелетия до н.э. — начала I тысячелетия н.э. появляются каменные ящики (цисты) и каменные гробницы — грунтовые могилы с обложенной каменной кладкой стенами. Для всех этих погребальных сооружений характерны скорченные на левом или правом боку, полускорченные, вытянутые на боку, спине с разными положениями ног и рук, ничком, сидячие и вторичные погребения и погребения отдельных черепов. Ориентация неустойчивая, но преобладает северо-западная, восточная и юго-восточная. Под отдельными костяками встречаются следы подстилки или вымостка из каменных плит. В некоторых случаях полы могил усыпаны мелом. Около костяков встречены угольки, остатки заупокойной пищи, посуда, предметы вооружения, орудия труда, votивные предметы и реже — конский убор, захоронения коней и собак²⁶. Наиболее выразительно признаки, определяющие культуру Дагестана албанского времени, выражены в керамике, предметах вооружения, в украшениях и в культовых изделиях. Керамические изделия представлены традиционными лепными, обмазанными и заглаженными кухонными горшками, баночными сосудами, мисками-плошками и сковородками, столовыми серыми лощеными и красными ангобированными мисками и кувшинами разнообразных форм и размеров, кружками, горшками, вазами, тарными серыми лощеными и nelloщеными крупными хумами и корчагами, ритуальными серыми лощеными курильницами, зооморфными сосудами, чаще всего украшенными резным геометрическим орнаментом. Среди выразительных блюд, кувшинов и водоливов III — VII вв., изготовленных из бронзы, выделяется серебряное блюдо в форме низкой фиалы, изготовленное в технике чеканки с чернью и позолотой. В систему орнаментальной композиции сосуда была включена астрологическая диаграмма, появление которой невозможно без значительных практических знаний в области астрономии. Предметы вооружения представлены железными мечами и кинжалами, а также наконечниками копий и стрел, пластинчатыми чешуями панциря, многие из которых находят аналогии в сармато-аланском мире. Защитную роль могла выполнить и куртка из кожи крупного рогатого скота, служившая основой дос-

пека, и войлочные накидки-бурки. Среди защитного оружия, видимо, были щиты и шлемы. Предметы конского убора, тесно связанные с военным делом, также имеют много общего с находками из сармато — аланского мира. Последние оказали на военное дело и способы взнуздания коня оседлых земледельцев сильное влияние. По Страбону, воины-горцы были снаряжены подобно скифам и сарматам: вооружены дротиками и луками, имели панцири, большие щиты и шлемы из звериной кожи²⁷. По Плутарху, большинство сражавшихся с римлянами албанов имело снаряжение из звериных шкур ( )²⁸. Повидимому, речь идёт о бурках.

Многочисленные украшения и туалетные принадлежности разнообразных форм и размеров документируют своеобразие местной культуры и культурно-исторические контакты с сопредельными народами и племенами. Среди культурных предметов выделяются терракотовые женские статуэтки без головок с изображениями ожерелий на груди и шее. Аналогичные фигурки в Азербайджане связывают с парфянской пластикой.

Таковы общие признаки, характеризующие дагестанскую археологическую культуру III в. до н.э. — IV в. н.э. Она распространена на обширной территории исторического Дагестана от северного Азербайджана до системы Терек-Аргун. Внутри неё выделяются локальные варианты, соответствующие этническим группам и племенным образованиям.

Хозяйство Дагестана III в. до н.э. — IV в. н.э.

Северо-Восточный Кавказ, в том числе и Дагестан, представляет собой географическую провинцию со сложным, сильно расчленённым рельефом и столь же разнообразными климатическими условиями, соответствующими почти всем климатическим поясам просторов Российской Федерации и стран СНГ. Столь же разнообразны в Дагестане и почвенный, растительный и животный мир²⁹. Всё это создавало благоприятные условия для развития многоотраслевого хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве.

Земледелие

В последнее время в исторической науке получила признание точка зрения о развитии в Дагестане с глубокой древности орошаемого и неорошаемого пашенного земледелия. Сохранившаяся до этнографической современности эта форма земледелия была распространена и в албанское время.

Основным орудием пахоты было рало, употребление которого в Кавказской Албании засвидетельствовано Страбоном³⁰. Первоначально оно было деревянным, позже стало снабжаться металлическим наконечником — наральником, позволяющим повысить производительность труда. Наиболее благоприятные условия для возникновения железных лемехов появились в эпоху раннего железа³¹.

Применение пахотных орудий с металлическими наконечниками позволило намного больше, чем в предыдущее время, расширить возделываемые участки и активнее освоить горные склоны под сельскохозяйственные террасы. К албанскому времени отнесены учёными разные по структуре террасы, в том числе укрепленные "оборонительными" стенами. В Дагестане наряду с неорошаемым земледелием издревле практиковалось орошение. Земледелие в горных долинах, в Приморской равнине и в отдельных районах предгорий с жарким и сухим климатом невозможно без орошения. По Страбону, в Кавказской Албании орошали с помощью рек и других водных источников³². Этнографические традиции Дагестана обнаруживают довольно развитую и рациональную систему ирригации, осуществляемую путём переброски воды с высоких уровней горных речек и родников на более низкие с помощью отводных каналов, акведуков и желобков.

Плодородие почвы, видимо, восстанавливали традиционным для дагестанской агротехники способом: внесением в почву навоза, помёта птиц и золы, а также перепашиванием поля после уборки урожая, что позволяло закопать остатки растений в землю для их загнивания до новых посевов. Отдельные истощённые террасные поля, очевидно, оставляли под перелог.

Среди сельскохозяйственных орудий встречаются мотыги, широко употребляемые и поныне для рыхания почвы, разбивания комьев и др. работ. Намного больше попадают остатки жатвенных орудий железные и кремневые составные серпы. Молотьбу производили на специально подготовленной глинобитной площадке — току с помощью молотильных досок. Такие молотильные доски, как уже отмечалось, найдены в Дагестане в подкурганном сооружении (№ 6) вблизи Дербента и в Азербайджане на памятниках эпохи поздней бронзы (Ханлар, Мингечаур)³³. Вкладыши от таких досок происходят из Кутишинского и Нижнечуглинского городищ албанского времени³⁴.

Основными сельскохозяйственными культурами, возделываемыми в Дагестане, начиная с неолитического времени, были твёрдые, мягкие и карликовые сорта пшеницы, голозёрный и плёнчатый ячмень, лён, бобы и др. В погребальных комплексах Шаракунского и Сумбатлинского могильников, в жилых сооружениях Ганзирского и Сиргичского поселений найдены зёрна этих злаков.

Для хранения обмолоченного и просушенного зерна употреблялись большие тарные сосуды и специальные ямы.

На многих памятниках изучены печи для обжаривания зерна, предназначенного для помола "кор-ы", "кар-ы" или "корюк-и"³⁵. Помол производился на овально вытянутых или прямоугольных зернотёрках с помощью тёрочников. Такими орудиями можно помолоть 10–12 кг зерна в течение 12 часов непрерывной работы одного человека. В албанских слоях Дербента и на одновременных памятниках Азербайджана помимо зернотёрок найдены ручные жернова, позволяющие значительно повысить производительность труда³⁶.

Показателем высокого уровня развитой земледелия является садоводство и виноградарство, для которых в Дагестане имелись самые благоприятные усло-

вия. Здесь насчитывают не менее 80 видов и родов диких плодовых и кустарников яблони, груши, черешни, алычи, боярышника, вишни, кизила, абрикоса, лавровишни, малины, смородины, крыжовника, мушмулы и др., а из плодовых — грецкого ореха, лещины, каштана. Дикий виноград распространён на территории всего Кавказа. В одном Дагестане в настоящее время выращивают не менее 150 аборигенных сортов культурного винограда. Первые достоверные сведения о развитии садоводства в Дагестане относятся к эпохе средней бронзы (Ирганай)³⁷. На албанских памятниках Азербайджана найдены остатки грецкого ореха, граната, семена айвы, обуглившиеся ягоды маслины. Семена садового винограда происходят из Карабудахкентского и Шаракурнского могильников. Античные источники сообщают о виноградарстве в Албании³⁸.

Земледелие в своём развитии тесно переплетено со скотоводством. Так, обработка земли, перевозка урожая и др. работы производятся с помощью тягловых животных; навоз для удобрений полей получают при стойловом содержании скота, а земледелие давало скоту дополнительные гарантированные корма — обмолоченную солому, зелёные стебли, пищевые отходы, а также специальные злаки, выращиваемые для откорма скота (овёс и др.).

Употребление для пахоты и молотбы тягловой силы, находки крупных ёмкостей для хранения запасов продовольствия, использование железных серпов для жатвы свидетельствуют о появлении в земледелии прибавочного продукта.

Скотоводство

На памятниках Дагестана встречены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиней, транспортных животных ослов и лошадей, а также собак — спутников крупных стад (Хабата, Сумбатль, Куркли, Сиртич, В. Лабкомахи и др.), а на предгорных памятниках — и кости в ерблода (Сиртич). Тот факт, что на сражение с Помпеем была выделена огромная по тем временам конница (12 тысяч всадников), свидетельствует о большом размахе коневодства в Кавказской Албании. Потребности в мясных и молочных продуктах удовлетворяли мелкий и крупный рогатый скот и свиньи. Кости этих животных на поселениях, как правило, раздроблены. С молочным хозяйством связаны многочисленные находки керамических сосудов (маслобоек, цедилок и др.). Соотношение костей крупных и мелких животных на памятниках позволяет выделить зону с абсолютным преобладанием крупного скота, зону с преобладанием крупного скота по продуктивности и предположить существование зоны с абсолютным преобладанием овцеводства. Это соответствует зонам равнины, предгорий, гор и высокогорий, выделенным на основании целого ряда этнографических признаков и, в первую очередь, благоприятных условий кормообеспечения и воспроизводства. Для этих зон характерны соответствующие формы ведения скотоводческого хозяйства. Но во всех зонах прибавочный продукт получали за счёт повышения количества скота и продуктивности. Последнее достигалось за счёт рационального содержания и улучшения породы.

Скотоводство давало не только мясо-молочную пищу, но ценное сырьё для ремесленного производства — кожу, кость, рога, шерсть.

Ремёсла и торговля

Значительное развитие получило ремесленное производство, наиболее фундаментальными отраслями которого являются традиционное керамическое дело, металлургия и металлообработка, строительное дело, ткачество, обработка кости, кожи, камня и дерева.

Основное содержание керамического процесса состоит в подборе глины с заданными свойствами, подготовке наружной поверхности и обжиге. Малейшая ошибка на любом этапе этого процесса может ухудшить качество продукции, уничтожить итоги всей работы гончара. Поэтому мастер должен был в совершенстве владеть всеми приёмами производства, обладать большими трудовыми навыками, знать особенности химико-технологических процессов. Ос-

воение всех тонкостей керамического ремесла возможно при условии существования института мастеров, подмастерьев и учеников. Организация ремесла могла происходить и в кровнородственной среде. Прогресс же в керамическом производстве связан с гончарным кругом, позволяющим стандартизировать продукцию, и гончарной печью³⁹. Оба они позволяют повысить производительность труда. Об употреблении гончарных кругов в Дагестане свидетельствуют отпечатки досок и следы подсыпки на донцах сосудов, следы пальцев мастера, оставленных при вращении на внутренней и иногда на наружной поверхности сосуда. Часть сосудов из наших памятников вылеплена на медленном кру-

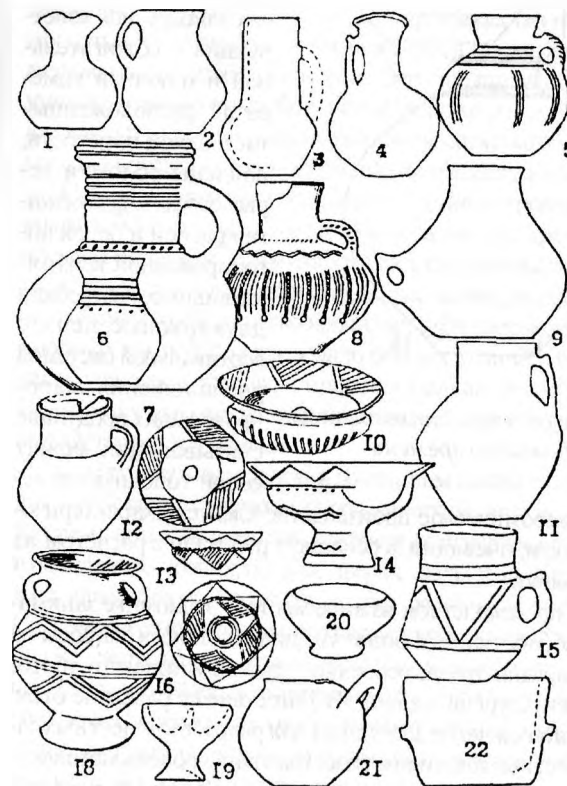

Рис. 53. Керамика из памятников Дагестана албанского времени: миски (1-11), горшки (12, 13) и кувшины (14-24)

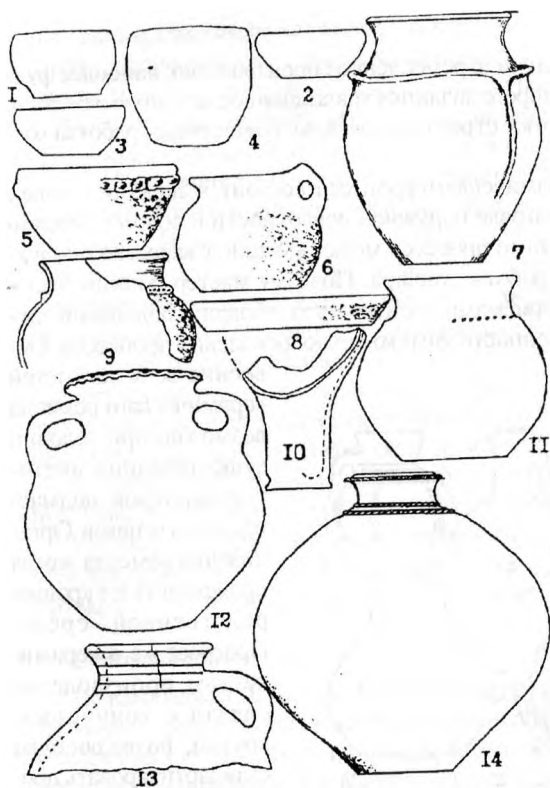

Рис. 54. Керамические сосуды из памятников Дагестана албанского времени

ру с обжигательной. Такое керамическое производство следует охарактеризовать как специализированное и, очевидно, в основном работало с расчётом на внутренний и отдалённый рынки.

Наряду с керамическим производством важное место в экономике занимали металлургия и металлообработка. Всё более увеличивающиеся запросы на металл для изготовления орудий труда, особенно оружия и конского убора, стимулировали развитие металлургии железа. В Дагестане её развитие было основано на достаточно богатых и легко доступных для разработок местных залежах сидеритовых руд и местной топливной базе. Высокий уровень металлургии железа и его обработки документирован многочисленными находками сыродутных печей и шлаков.

Добыча руды и её плавка были весьма трудоёмким процессом, требующим глубоких знаний, трудовых навыков и усилий нескольких людей. Установлено,

ге или подвижной доске: формы доньев слегка асимметричны, на периметре днищ тарных и кухонных сосудов встречаются наплывы глины.

Для обжига употреблялись печи, позволяющие создать в обжигательной камере как окислительную, так и восстановительную среду. В гончарных печах одноярусной конструкции с обжигательной и топочной камерами, расположенными в одной плоскости, найдены обломки серых сосудов. Для обжига красной и белой ангобированной керамики, видимо, употребляли двухярусные печи с вертикальной системой расположения жаропроводящих продушин, связывающих между собой топочную каме-

например, что на производство одного пуда кричного железа шло большое количество руды, 3-4 куб. м дров и 5,5 чаловечно-дней труда⁴⁰. Столь же трудоёмкими были добыча медной руды и выплавка из неё бронзы.

Если для железа металлургический процесс был редко отделён от металлообработки, то для бронзы он был единым. Но и он требовал столь же глубоких знаний, больших навыков и трудовых усилий. Кузнечное мастерство требовало особого умения, навыковковки, клепания, сварки, кручения и т. д. Поэтому с самого начала намечается специализация металлургии и металлообработки, возникает институт мастеров, подмастерьев, учеников и подсобных рабочих. Среди кузнецов, видимо, были кузнецы-универсалы и мастера, специализировавшиеся на изготовлении каких-то особых предметов, оружия, доспехов и др.

Бронзолитейное производство было тесно связано с торевтикой и ювелирным делом. Мастера по плавке цветных металлов владели секретом получения сплавов с заданными свойствами, производства изящных украшений, антропоморфных и зооморфных изображений, а также чеканных сосудов с высокохудожественными изображениями. Это предполагает художественные навыки и умение, невозможные без специализации ремесла. С ювелирным делом связана обработка твёрдых драгоценных и полудрагоценных камней — сердолика, горного хрусталя, молочно-белого халцедона, а также гагата.

Наиболее ярко прогресс в ремесленном производстве отражает строительное дело. Оно появилось и получило развитие с древнейших времён. В албанское время его развитие стимулировалось строительством большого количества жилищ, хозяйственных, дворцовых, храмовых, особенно фортификационных сооружений. Строительство красивых стен дворцов и сверхпрочных фортификационных комплексов требовало особых знаний и больших навыков, а трудоёмкость участия в трудовом процессе большого количества подсобных рабочих. Подготовка высококвалифицированных мастеров вызвала к жизни институт подмастерьев и учеников.

Со строительным делом и домашним бытом связана обработка дерева, изящная продукция с резным узором которой дошла до нас ещё с эпохи бронзы. Различные хозяйственные, жилые и фортификационные комплексы нуждались в подпорных столбах, балках, дверях, окнах и др. Для бытовых нужд изготавливались чаши, блюда, подносы, ложки, различные мерные ёмкости и т. д. Чаша из Сиртского могильника изготовлена с помощью механического приспособления вроде токарного станка, резец от которого встречен на Урйском городище. Здесь же найден специальный нож для изготовления ложек — ложкарь. Для обработки дерева — для раскола, обтёсывания, стругания, распиливания, долбления, сверления, резьбы и выжигания применялись различные приспособления и специальные инструменты.

Важной отраслью ремесленного производства было прядение и ткачество, традиции которых сохранились в Дагестане до этнографической современности. Изготавливались шерстяные и льняные ткани. Особой популярностью пользовались ткани, изготовленные из верблюжьей шерсти. Они были тонкими и мяг-

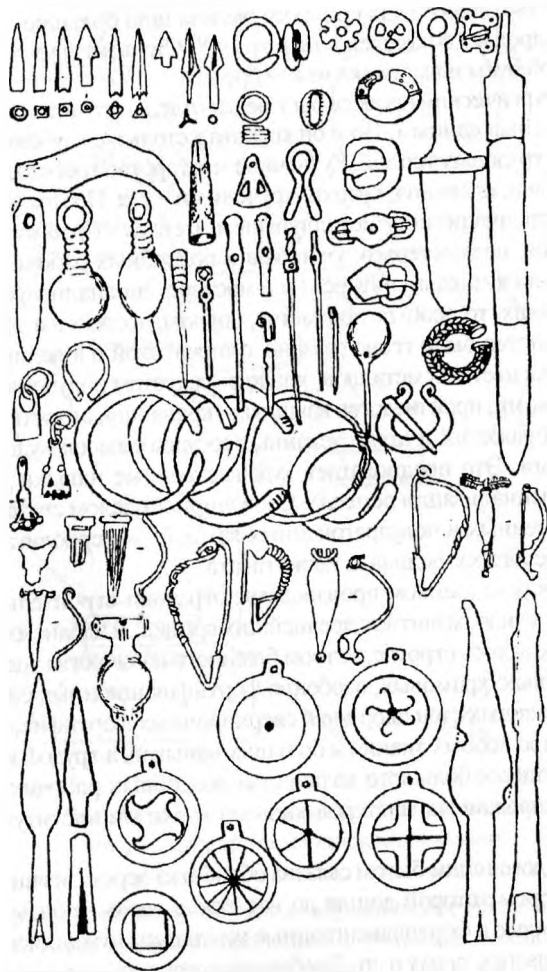

Рис. 56. Инвентарь из памятников Дагестана албанского времени

кими. Широкое применение, очевидно, находили естественные красители, в том числе и марены. Среди археологических находок в большом количестве представлены мелкие пряслица, предназначенные для изготовления тонкой пряжи, и массивные пряслица, предназначенные для изготовления толстой пряжи. Основным рабочим инструментом всё же был ткацкий станок т.н. дагестанского типа, образец которого встречен в манасской катакомбе первой половины II тысячелетия до н.э.⁴¹ Параллельно с тканями, видимо, изготавливались паласы, хурджины, носки, разнообразные накладки и т. д.; из шерсти — войлочные подстилки, бурки, шляпы, обувь, ковры. Остатки войлочных подстилок встречены под различными костяками дагестанских могильников. Описанную Геродотом одежду каспиев из “козых шкур” (πιστρονα) можно принять за бурки, характерные для хозяйственно-культурных типов горных земледельцев.

• Не все разновидности ремёсел мы охарактеризовали, но и те, что описали, отражают характерные их признаки и специфику производства. Все они были рационально организованы. Сложность и специфика ряда ремёсел требовали участия в производстве помимо мастеров и других лиц — подмастерьев, учеников, подсобных рабочих. Специализация ремёсел предполагает накопление большого количества населения, оторванного от сельского хозяйства и нуждающегося

ся в продуктах питания, одежде, обуви, в жилищах, в различных бытовых услугах и т. д.

Земледельцы и скотоводы в свою очередь нуждались в ремесленных изделиях. Это стимулировало товарное производство зерна, овощей, фруктов, мяса, кожи, шерсти, орудий труда. Для регламентации производственного процесса, сбыта товаров, профессиональной подготовки, защиты интересов ремесленников необходимы были производственные корпорации, которые в начале формировались на общинных началах и принципах равенства всех членов. Посредниками между производителями и потребителями выступали специальные торговцы, так или иначе связанные с государственной властью и правящей верхушкой. Прежде всего важную роль играла внутренняя торговля. Здесь особенно, видимо, преобладал обмен товара на товар. Так, например, на Таркинском, Карабудахкентском, Бежтинском и др. могильниках Дагестана встречаются изделия, выполненные в производственных центрах Прикуринской долины Азербайджана, в Табасаране и т.д. На Сиргичском и Ганзирском поселениях, а также на Урцекском городище встречены керамические сосуды с одними и теми же тамгообразными знаками, с едиными технологическими признаками, изготовленные из одного исходного сырья. Дагестанские товары поступали на довольно отдалённые внешние рынки. Так, на памятниках Подонья и Поволжья встречены серые лощёные миски, кувшины и курильницы, происходящие из дагестанских керамических центров. На экспорт шли не только разнообразные ремесленные изделия, но и продукция земледелия и скотоводства, а также охоты и рыболовства. Среди них античные источники называют рыбу, клей и ткани из верблюжьей шерсти⁴². Ввозили предметы роскоши, реже бытовые товары, утварь. На дагестанских памятниках встречены фибулы, зеркала, пряжки, браслеты с завязанными концами, разнообразные височные подвески, привески, туалетные коробочки, игольники, румяна, бусы из сердолика, пасты, стекла, в том числе с внутренней позолотой и посеребрением, из горного хрусталя, халцедона, янтаря, египетского фаянса и др. Многие из них происходят из производственных центров Северного Причерноморья и Подонья, а также Нижнего Поволжья, Передней Азии и Закавказья. Особое место среди импортной продукции занимает олово — стратегическое сырьё, необходимое для производства бронзы.

Находки парфянских, македонских, бактрийских, селевкидских и римских монет и их кладов в Закавказье и на Северном Кавказе очерчивают линию торговой связи между Закавказьем и Подоньем, Нижним Поволжьем. В Дагестане, в районе совхоза им. Герейханова (Сулейманстальский район) найдены два клада монет Птолемея III Эвергета (246 — 222 гг. до н.э.) и Антиоха IV Эпифана (176 — 164 гг. до н.э.)⁴³. Эта линия связи соответствует международному торговому пути аорсов через Дербентский проход, связывающему Экбатану с Танаисом. Существовали пути, связывающие Дагестан с сопредельными территориями через горные перевалы. В Дагестане функционировали и внутренние коммуникации, так или иначе связанные с международными торговыми путями.

Возникновение городов

Торговля оказала эффективное влияние на социально-экономическое развитие общества. Непосредственным результатом торгово-ремесленного развития экономики является трансформация земледельческих поселений, расположенных на торговых коммуникациях, в города. Клавдий Птолемей упоминает на территории Кавказской Албании 29 наиболее важных населённых пунктов, в том числе особо выделенных городов. Естественно предположить, что существовали ещё неупомянутые им в "Географии" мелкие населённые пункты. Только на территории Дагестана выявлено более 50 городищ и поселений албанского времени. Большинство из них имеет небольшие размеры (6-7, реже 10 га), хотя встречаются и крупные — Таргу, Урзеки, Дербент, В. Лабкомахи (15-20 га.). Все городища расположены в сравнительно обособленных геоморфологических зонах компактными группами с наиболее крупными городищами в центре. Это напоминает принцип расположения географических объектов на карте Кл. Птолемея и отражает этнополитическую и административную ситуацию края. В частности на территории Дагестана локализуются город Гелда и примыкающие к нему населённые пункты Фиавна и Фабилака, город Телейба и примыкающий к нему Филбис. Правда, сделана попытка отождествления лишь одного из них — Гелда с досасанидским Дербентским городищем. Крупные дагестанские поселения (Таргу, Урзеки, В. Лабко, Дербент и др.) имеют выразительные городоопределяющие признаки — дворцовые и храмовые комплексы, оборонительные стены вокруг поселений, обособленные цитадели в привилегированной зоне, благоустроенные улицы и площади для общественной жизни. Эти признаки окончательно сформировались к концу I тысячелетия до н.э., а стали они складываться со скифского времени (VII-IV вв. до н.э.).

Мелкие поселения имели 2400-4000 человек, соответствующие сельским населённым пунктам, крупные — 6-8 тысяч населения, что характерно для городов. Мелкие поселения были преимущественно связаны с земледелием и скотоводством, крупные помимо земледелия и скотоводства — с торговлей и ремёслами. Иными словами, для Дагестана, как и для всей Кавказской Албании, характерно нерасчлнённое единство города и деревни. Здесь города могут быть рассмотрены как нарост на экономическом строе. Они являлись также административными и религиозными центрами.

Эти поселения были местом обитания гетерогенных общин с их достаточно сложным социальным организмом. Они были организованы по военному принципу, и такая её организация была одним из условий её существования в качестве собственности⁴⁴. Общины состояли из нескольких родов-тухумов, расселённых по соседскому принципу. В один тухум входило несколько патронимий, в патронимию — несколько малых и неразделённых семей. Первые связаны с индивидуальными и парными погребениями, вторые — с коллективными усыпальницами. Неразделённые семьи, видимо, состояли из 7-8 одновременно живших людей (из брачной пары и их детей или их женатых детей). Такой семье мог

принадлежать дом из двух изолированных комнат на Ганзирском поселении. Характерной особенностью этих семей является то, что они вели своё хозяйство, являлись полными собственниками земли и имущества. Потребление же ограничивалось рамками малых семей.

Общины в Дагестане обычно имели свои территории. Их члены обладали частной собственностью на пахотные земли и сенокосные угодья, на двор, скот и т. д. при общинной собственности на пастбища. Члены общины имели равные права на пользование общинной собственностью и на её защиту. Органы управления общины состояли из Совета старейшин и Народного собрания, а также должностных лиц.

Судя по укреплению поселений оборонительными стенами, обитавшие в них общины были обособлены и имели определённую самостоятельность. Расположение мелких поселений компактными группами вокруг крупных населённых пунктов, разветвлённая сеть коммуникаций между поселениями, единство архитектурных, планировочных и фортификационных решений обусловлено существованием Союзов общин с центром в крупном населённом пункте (городище с цитаделью — город), где проживают жители наиболее многочисленной и могущественной общины и управление Союза общин⁴⁵.

Эти союзы представляли собой составную часть структуры государственного образования. Находки остатков дворцовых и храмовых ансамблей, а также обособленных цитаделей документируют появление социальной верхушки общества — родоплеменной, военной и духовной аристократии. Очевидно, существовала торгово-ремесленная, земледельческая и скотоводческая знать. Письменные источники упоминают в Кавказской Албании царя, жрецов и гегемонов. С аристократией связаны захоронения всадников и погребения с богатым, дорогостоящим инвентарём, к которым примыкали останки до 10 и более коней (Сумбатли, Курли и др.), а также собак. Наиболее многочисленные рядовые погребения и остатки I и 2-комнатных жилых сооружений принадлежат простым общинникам — земледельцам, скотоводам и ремесленникам. Безынвентарные могилы насильственно умерщвленных людей, захоронения отдельных черепов около богатых погребённых (иногда на блюде), составляющие небольшую долю среди погребённых, принадлежат социальным низам общества или убитым врагам⁴⁶. Предполагают существование в Кавказской Албании низшего социального, зависимого слоя населения типа иберских "лаоев". Первая группа соответствует классу людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; вторая — классу людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом; третья — классу людей не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом. Эта универсальная раннеклассовая структура одинаково характерна как для античного, так и для древневосточного мира. Однако высказывалось мнение, что общество с социальными низами типа "лаоев" приводит к формации восточного типа.

Сама политическая организация общества — албанское государство — име-

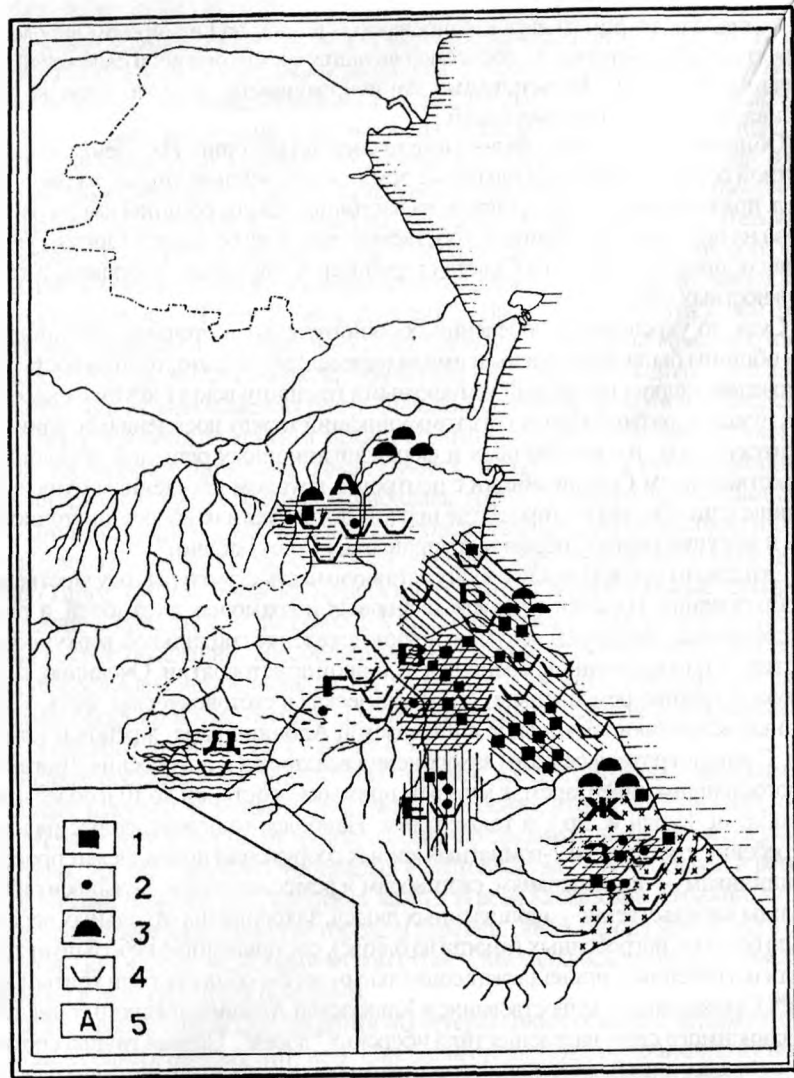

Рис. 57. Карта археологических памятников Дагестана албанского времени.

- 1 — городища; 2 — поселения; 3 — курганы; 4 — могильники;
5 — локальные варианты культуры.

А — Терско-сулакского междуречья; Б — Прикаспийской территории; В — Левашинского плато; Г — горного Дагестана; Д — Высокогорной зоны; Е — долины Казикумухского Койсу; Ж — Южного Дагестана; З — Табасарана

ла достаточно развитую машину управления, основанную на традициях среднеазиатских и закавказских государств. Оно сформировалось не позднее III в. до н.э. По Страбону, в Албании проживало 26 различных племён, каждый во главе со "своим царём". Позже эти племенные "цари" или вожди объединились под властью одного царя, являющегося также и верховным военачальником. Письменные источники донесли до нас имена трёх древних албанских царей в греческой передаче Оройса, Котиса и Зобера. Их власть опиралась на родоплеменную, духовную и военную аристократию и поддерживалась прекрасно вооружённым войском. После 63 г. н.э. на албанском престоле появляется представитель аршакидской династии, правившей здесь до второй половины V в. Страбон называет албанских царей "замечательными"⁴⁷. Он же сообщает, что албанцы сражаются "как в пешем строю, так и верхом в лёгком и тяжёлом вооружении подобно армянам"⁴⁸. Сравнивается албанское вооружение и с иберийским. "Албанцы вооружены дротиками и луками; они носят панцири и продолговатые щиты, а также шлемы из шкур зверей"⁴⁹. Многие из этих предметов вооружения выявлены на памятниках Дагестана. О довольно внушительной силе албанского войска свидетельствует сообщение о 60000 пехих и 22000 конных воинах, выставленных ими против Помпея⁵⁰. Столицей государства был сначала город Кабала, а с раннего средневековья — Партав.

Судя по средневековым источникам, территории Кавказской Албании была разделена на области (гавары) и провинции (наханги). Область Чола на юге доходила до горы Бешбармак и включала в свой состав табасаранов (таваспаров), албан, чилбов (сильвов), легов, хачматаков, маскутов, хазар, гуннов и т.д. Эта административная система, очевидно, древнее раннего средневековья. Соответственно и область Чола на севере, видимо, простиралась до системы Терек — Аргун — Андийский или Кьорилам хребет (Керавские горы). Возможно, территория между Дербентом и Аргун-Терекком составляла отдельную провинцию и имела своё название и свой административный центр. Таким образом, Кавказская Албания представляла собой достаточно развитое и крупное государство, способное проводить самостоятельную экономическую и политическую линию в Закавказье и Передней Азии. Особенно ярко это выразилось, когда албанцам, как и другим народам Закавказья, пришлось бороться против Рима, пытавшегося захватить новые рынки и торговые пути в Малой Азии и Средиземноморье. В 60 г. до н.э. легионы Лукулла вторглись в Армению. Несмотря на большие силы союзников, в составе которых были и албанцы, армянский царь потерпел поражение, столица его пала. Помпей, сменивший Лукулла, лишил армянского царя завоёванных территорий, объявил его "другом и союзником римского народа", что означало его вассальную зависимость⁵¹.

В 66 — 65 гг. до н.э. албанцам самим пришлось отбиваться от римских легионеров. Видимо, римляне хотели использовать территорию Албании для нанесения удара Парфянскому государству с севера, и Помпей направил свои войска в район Куры. Здесь албанский царь Оройс во главе 40 — тысячного войска решил первым атаковать римлян. Однако, в декабре 66

г. до н.э. в кровопролитной битве он потерпел поражение. Неудачной была для албан и другая битва — при Алазани в 65 г. до н.э. Потерпев поражение, Оройс вынужден был запросить мир, послав Помпею письмо и богатые подарки, в том числе и золотое ложе. Помпею не удалось пробиться к Каспийскому морю, и римляне не смогли включить Албанию в состав своей империи⁵².

В 36 г. до н.э. римские легионы под руководством Антония вновь вторглись в Закавказье с целью покорения её государств. Один из его полководцев — Канидий поочерёдно нанёс поражение армянам, иберам и албанам. В это время в Албании правил царь Зобер⁵³. В каждом удобном случае албаны старались освободиться от номинальной зависимости Рима. Этим объясняется поход Октавиана — Августа в 20-х годах в Закавказье с целью покорения римскому влиянию Армению, Иберию и Албанию, а также подготовка императором Нероном в 68 г. до н.э. похода в Албанию с целью захвата Дербентского прохода (“Ворот каспиев”), имевшего важное стратегическое значение. Однако, последний поход не состоялся из-за гибели Нерона, хотя впоследствии его намерения пытался осуществить Домициан. Интерес Рима к Албании не ослабевал и позже. Об этом свидетельствует высеченная в 84-96 гг. на скале у основания горы Бегюк-Даш в Кобистане надпись: “При императоре Домициане цезаре Августе Германике. Люций Юлий Максим, центурион XII Фульмината (выполнил, сделал)”⁵⁴. В 114 г. вспыхнули военные столкновения между Римом и Парфией из-за Армении. В результате римский император Траян “отнял у парфян Армению, лишив её венца царства Великой Армении, и присвоил себе: албанам царя дал, иберов, боспорцев и колхов в римское подданство принял”⁵⁵. Преемник Траяна, Адриан (117-138 гг.) прекратил военные действия и наладил с албанцами и иберами дружеские отношения. Между тем продолжалась традиционная дружба албан и иберами⁵⁶.

Постоянную тревогу в странах Закавказья и Передней Азии вызывали сармато-аланские кочевники, появившиеся в Предкавказских степях. С I в. аланы проникают в Грузию. В Албании они упомянуты в связи с походом Помпея в 65 г. до н.э.⁵⁷. Источники донесли до нас сведения об их походах в Закавказье в 35, 72 и 135 гг. Так, в 35 г. в войне Парфии и Армении, с одной стороны, и Иберии и Албании, с другой, обе противоборствующие стороны на помощь привлекают сарматские племена⁵⁸.

В 72 г. аланские кочевники предприняли в Армению и Мидию грандиозный поход. В этом походе, начатом по наущению Иберии, приняли участие и земледельческие оседлые племена северокавказских горцев, в частности “пачаников и джиков”, “леков”, “дурдзуков и дидов”⁵⁹. Они, видимо, прошли через Дарьяльский проход и “... произведя грабёж с большой лёгкостью и без сопротивления, дошли до Армении, всё опустошая”⁶⁰. На обратном пути аланские отряды были настигнуты армянским полководцем Сумбатом Бивритианом (Смбат Бюрат) и наголову разбиты. Это положило начало долгим алано-армянским междуусобицам: “и стали овсы мстить армянам”⁶¹. Здесь на первый взгляд кажется, что

Албания находилась в стороне от этих событий. Однако, надо иметь в виду, что Албания и Иберия, по наущению которой был предпринят поход, выступают союзниками, а племена леков и дидов находились в составе Албании, хотя, вероятно, пользовались какой-то автономией. Этим объясняется то, что упоминание о ней заменено названиями её горских племён.

В 135 или 136 г. снова в Закавказье вторглись аланы, которых и на этот раз призвали иберы: “другая (война) с аланами, которые (являются) массагетами, была вызвана Фарасманом и принесла много горя Мидии, коснулась также и Каппадокии, но затем была приостановлена благодаря дарам, которыми Валарш (парфянский или армянский царь — О. Д.) воздействовал на аланов, и вследствие их страха перед Флавием, правителем Каппадокии”⁶². Поскольку здесь аланы названы массагетами, очевидно, речь идёт о племенах, проникших в Восточное Закавказье ещё в конце I тысячелетия до н.э. и создавших здесь впоследствии т. н. “Маскутское царство”⁶³.

Таковы основные события, связанные с сармато-аланскими кочевниками. Они оказали существенное влияние на культуру и идеологические представления коренного населения Дагестана. Поворотными оказались для многих народов Кавказа и Передней Азии смена династии Аршакидов в 225-226 гг. в Парфии Сасанидами. Последние овладели Кавказской Албанией и укрепились в районе современного Дербента, где находится один из наиболее крупных городов — Чола (Чога — Джора). Источники упоминают о поражении, нанесённом армянами сасанидам, собравшим войско из Албании, Иберии, племён лбинов, джилбов, каспиев и др. с помощью римского императора Филиппа Араба (244-249 гг.). При событиях 260 г. албаны как будто проявляют независимость. Когда сасанидский правитель Шапур I (241-272 гг.), после пленения персами римского императора Валериана (250-260 гг.) в битве при Эдессе, разослал в разные страны письма с сообщением о своей победе, албаны и иберы отказались принять послания и обратились к римским вождям, обещая помощь в деле освобождения Валериана из плена. Но в надписи, оставленной на “Каабе-и-Зардушт” Шапур I, в составе стран, подвластных Сасанидам после 260 г., упоминает Атропатену, Армению, Иберию, Махелонию и Албанию⁶⁴. К захвату Албании, Армении, Иберии стремилась в это время и римская империя. 30-е годы IV в. отмечены военными действиями маскутов, направленными против Армении. Возглавлял их поддерживаемый иранским шахом Шапуром II Аршакид, родственник армянских царей — Санасен или Санатрук. Последний сначала принял христианство, а потом отказался от него и предал жестокой казни армянского миссионера, проповедника Григориса. Армяне с помощью римских легионов разбили маскутов, погиб и Санатрук⁶⁵.

В борьбе с Римом албаны выступают на стороне Персии. На стороне Шапура II, совершившего поход на Армению, был и его зять — албанский царь Урнаир, “храбрый Шаргир — царь леков”. Длительная борьба между Ираном и Римом кончилась заключением мира в 390 г., согласно которому восточные области Армении, Грузии и Албания перешли под владычество Сасанидов⁶⁶.

Чтобы противостоять Ирану, албаны нередко вступали в союз с гуннами, появившимися в Приморском Дагестане в IV в. н.э. Подстрекаемые Византией и Сасанидами, кочевые варварские племена из Приморского Дагестана совершали набеги на Албанию, грабили и разрушали города и сёла, истребляли и уводили в плен население.

Для охраны северных рубежей своей подвластной территории сасанидские правители возводили длинные оборонительные стены. Остатки таких стен сохранились к северу от Апшерона — Бешбармакская, в 23 км севернее последней — Гильгильчайская (Шабранская), около Топрак-Калы (Белиджинское городище), Дербентская стена. Возможно, к ним относятся стены в районе Семендера (Тарки) и около сел. Чирюрт. Очевидно, они отражают этапы поиска наиболее надёжного места для укрепления. Первые оборонительные стены в районе Дербента были возведены при Иездигерде II (438–457 гг.) и продолжены при Каваде (488–496, 499–531 гг.). Все каменные строения завершены при Хосрове I Ануширване (531–579 гг.)⁶⁷. Сасаниды обложили тяжёлой данью покорённые области, вынуждали население строить оборонительные стены и крепости в районе Чола. Эти оборонительные сооружения, с одной стороны, создавали условия для самостоятельного развития той части Дагестана, которая расположена севернее Дербента. С другой стороны, тяжёлый гнёт чужеземцев вызвал освободительную борьбу албанского населения и других народов Закавказья. Наиболее крупными были выступления армян, албанцев и иберов в 450—451, 481—484, 571–572 гг. и др. Подавив восстание 457 г., возглавляемое царём Ваче II, сасаниды в 461 г. ликвидировали царский титул в Албании, но при царе Вачагане II (487–510 гг.) он был восстановлен, а в VI в. снова упразднён. В VII в. князья из рода Михранидов в условиях ослабления Сасанидов в борьбе с Арабским халифатом восстановили политическую самостоятельность Кавказской Албании. При михранидском правителе Джеваншире Албания окрепла. При нём Албания отстаивала свою независимость в борьбе против Арабского халифата на юге и Хазарского каганата на севере. Тем не менее в начале VIII в. Албания была завоёвана Арабским халифатом, установившим тяжёлый гнёт на покорённой территории. В IX в. Албания ослабла, и вскоре основная её территория оказалась в составе мусульманизированных местных княжеств.

Культура и идеология

Культура Албании, создаваемая многочисленными племенами, расселёнными на территории Восточного Кавказа от Куры до Терека, не была однородной. В основном она продолжала традиции предшествующего времени. Но начиная с III в. до н.э. культура и искусство получают новый импульс. Среди керамических изделий и предметов металлопластики появляются высокохудожественные предметы. Особый интерес представляют зооморфные сосуды, различные кувшины, подносы, блюда. Встречены и терракотовые жёсткие статуэтки. Высокий уровень декоративно — прикладного искусства отражены в украшениях, многие образцы которых характеризуют духовный мир населения.

В начале V в. армянский учёный Месроп Маштоц создал албанский алфавит, состоящий из 52 букв, приспособленный для гаргарейского языка. У него были общие черты с армянским и грузинским алфавитами⁶⁸. На территории Азербайджана и Дербента встречены письмена, начертанные албанскими буквами. Найдены они и за пределами Албании в Горном Дагестане, не входившем в раннем средневековье в состав Албании⁶⁹. Албанской грамоте учились дети, на этот язык были переведены церковные книги. Это было великим культурным завоеванием Албании. Однако, судя по некоторым данным, в Албании и до этого была письменность. Армянский писатель V в. Корюн говорит о “возрождении” Месропом Маштоцем албанского алфавита. Однако, до сих пор на территории Азербайджана или Дагестана не найдена эта ранняя письменность. Но мы располагаем косвенными сведениями о ней. В этой связи интересно вспомнить, что в 65 г. до н.э. албанский царь Оройс обратился к Помпею с письмом, где он просил восстановить мир, а в 260 г. албане, не приняв писем Шапура I, написали письма римским вождям с предложением помощи в деле освобождения Валериана.

Со сложным миром идеологических представлений связаны разнообразные погребальные сооружения, погребальный обряд и инвентарь, выявленный на поселениях и могильниках Северного Азербайджана и Дагестана. При погребениях людей совершали тризну — сложный церемониал, при выполнении которого разводили очистительный огонь, приносили жертву, пили и ели и т. д. Отмечены и человеческие жертвоприношения. У каспиев умерших выставляли на съедение хищным птицам и собакам. Эти обряды были обусловлены представлениями о потустороннем мире, куда со смертью люди переходят жить, о душе, культе неба, солнца, луны, а также культе предков. По Страбону, албанам не полагалось ни думать об умерших, ни вспоминать их. Они “зарывали с покойниками всё богатство, и поэтому жили бедно”⁷⁰.

Албаны одухотворяли природу, одним из проявлений чего является почитание священных деревьев и рощ. Почитали Гелия (Солнце), Зевса и особенно Селену — Луну⁷¹.

Культом Луны обусловлены многочисленные изображения луны, в частности различные лунницы, орнаментальные мотивы. Есть предположения о том, что терракотовые статуэтки женщин с ожерельями на шее передают образы богини Селены (Ма или Мена). Один из главных храмов богини Селены находился вблизи Иберии. Их, видимо, было много. В долине Сулака в Дагестане, например, сохранился топоним “Ми-я-тлуб”, связанный с названием лунного божества. Такие храмы с их храмовыми землями располагались в замкнутых горных долинах, каковым является Миатлинская теснина, являлись не только культовыми, но и административными центрами. Во главе храмов, их владений и их общин — иеродулов стояли жрецы.

С культом солнца связано поклонение огню, отголоски которого сохранились в Дагестане. У аварцев сохранился обряд разжигания костров в ночь весеннего равноденствия (встреча нового года). У многих народов края широко рас-

¹ Геродот. I, 103,203; IV, 1-4, 11-13.

² Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.-Л., 1959. С. 52, 55.

³ Ариан. Анабасис. Кн. III. гл. 8,4.

⁴ Солин Ю. Сб. достопримечательностей. Кн. XV. гл. 6; Плиний. Естественная история. 8. 149. А.П. Новосельцев полагает, что Плиний перепутал албан с аланами. С последними Александр якобы мог встретиться в Средней Азии перед походом в Индию (Новосельцев А.П., Пащуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 38; Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980. С. 24). А.А. Акопян думает, что рассказ Плиния является искаженным вариантом истории о собаках индийского царя Софита (Сопит, Сопиф), известной из многочисленных описаний похода Александра Македонского (Акопян А.А. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. с. 17-18).

⁵ Тревер К.В. Указ. соч. С. 144; Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в. н.э.). Баку, 1985. С. 197; Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. — III в. н.э. Баку, 1990. С. 49; Акопян А.А. Указ. соч. С. 18.

⁶ В специальной статье, посвящённой северным границам Албании, С.В. Юшков выделил группы исследователей, включающих в состав Албании 1) Азербайджан и Дагестан до Терека, Аксая и Сулака; 2) Азербайджан и узкую прибрежную полосу Дагестана; 3) Азербайджан и часть Дагестана до Дербента и, наконец, 4) ограничивающих Албанию территорией Шеки и Ширвана. Сам он доводил северные границы Албании до Терека (Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Ист. записки. 1937. № 1. С. 129-148). Вокруг этих мнений сосредоточены взгляды и современных авторов. В.Ф. Минорский определяет границы Албании в пределах куро-аракской долины между Каспийским морем и Иберией с охватом всего Каспийского побережья Дагестана (Минорский В.Ф. История Ширвани и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 27-30). Авторы “Истории Дагестана” и “Очерков истории Дагестана” северную границу проводят по р. Сулак (Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. С. 22; История Дагестана. М., 1967. С. 105-115), авторы “Истории Азербайджана” определяют территорию Албании в пределах Азербайджана и значительной части Дагестана (История Азербайджана. Баку, 1958. С. 50.). К.В. Тревер в состав Албании из дагестанской территории включает земли до Дербента (Тревер К.В. Ук. соч. С. 44-46, 123). Дж. А. Халилов в состав Албании включает Приморский Дагестан до Сулака (Халилов Дж. А. Ук. соч. С. 11; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 93-105; 164-175). Северную границу Албании К.Алиев проводит по Самуру (Алиев К. Кавказская Албания: (I в. до н.э. — I в. н.э.). Баку, 1974. С. 83-123). С.Н. Муравьев локализует Албанию на территории Прикуриинской долины Азербайджана, решив все противоречия источников предположением о поднятии Каспия до района современного Мингечаура (Муравьев С.Н. Птолемеевская карта Кавказской Албании и уровень Каспия // ВДИ. 1983. № 1. С. 117-147; Его же. Уровень Каспия глазами древних греков // Знание-Сила. 1983. № 74-84; То же в: “Природа”. 1987. № 4. С. 74-84). Ф. Мамедова полагает, что Албания в III в. до н.э. — III в. н.э. имела границы на севере до Дербента, но временами они могли доходить до р. Сулак и даже выше (Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании: (III в. до н.э. VIII в. н.э.). Баку, 1986. С. 144, 145, 148).

⁷ Птолемей. V, 8,15.

⁸ Птолемей. V, 11, 1-2; Плиний. Естественная история. VI, 39; Помпоний Мела. III, 39-41.

⁹ Птолемей. V, 8, 12.

¹⁰ Первое упоминание названия Самур восходит к IX в. (Истахри, Ибн Хаукаль, Баладзори, Идриси) (Велиханлы Н.М. Арабские географы — путешественники X-XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1974. С. 92, 114, 136, 150; Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 16). По П.Г. Буткову и В.Ф. Минорскому, слово “Самур” переводится с осетинского как куница (Путешественники об Азербайджане. Баку, 1960. Т.1. С. 423; Минорский В.Ф. Ук. соч. С. 110. Прим.). Выяснению значения этого

гидронима было посвящено несколько докладов на Всесоюзной ономастической конференции в Махачкале в 1971 г. Г.Х. Ибрагимов объявляет этот гидроним цахурским, привлекает для доказательства своего предположения цахурско-рутульские произношения в их развитии: санбур> саммур> самур и возводит к предполагаемому исходному варианту “хьан-бур”, где первая часть слова обозначает “вода”, вторая — показатель множественного числа, само слово переводит как “вода”, “река” (Ибрагимов Г.Х. К этимологии гидронима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 113-120). Б.Б. Талибов, возвращая ему, приводит рутульское название этой реки — “Нацлур” и считает гидроним “Самур” поздним по происхождению, привнесённым племенами “неиберийско-кавказского” происхождения (Там же. С. 119-120). Другой дагестанский языковед И. Х. Абдулаев, разделяя точку зрения П. Г. Буткова — В. Ф. Минорского, считает приведённые Г. Х. Ибрагимовым гидронимы поздними азербайджанскими вариантами (Абдулаев И. Х. Ещё раз к происхождению гидронима Самур // Там же. С. 120-123). К. Ш. Микаилов предлагает разные пути поиска значения гидронима Самур и указывает на особенности моделей топонимов и гидронимов Южного Дагестана Самур, Нацлур, Цахур и т.д., состоящих из двух частей “Сам”, “Нацл”, “Цах” и т.д. и окончания “-ур”. Следовательно, “Самур” расчленился на две части “сам” и “ур” (Там же. С. 185-192). Это позволяет нам сопоставить основу гидронима “Сам” с названием раннесредневекового этнополитического объединения Южного Дагестана. “Сам-сам” или “Сам”, известным по хронике “Ахты-наме”. Развалины столицы этого “княжества” находятся вблизи сел. Микрах Ахтынского района, развалины другого его населённого пункта — вблизи Кара-Кюре (Бакиханов Абас-Кули-ага. Гюлистан -и Ирам. Баку, 1991. С. 62-63). Если так, гидроним “Самур” может быть переведён как “река Сам-ов”. Следовательно, до появления названия “Самур” в раннем средневековье у этой реки было другое название. Возможно, оно было “Кас” или “Кайсий”, связанное с племенем кас-ов или кас-п-иев.

¹¹ Следующую за Алонтой реку Соану можно сопоставить с рекой Соной, протекающей по Чечне и ныне известной под названием Аргун (Волкова Г.Н. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 130-132; Вахушти. География Грузии // Зап. КОРГО. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. С. 132). Соану многие исследователи сопоставляли то с Сулаком (Тревер К.В. Ук. соч., С. 38; Очерки истории Дагестана. С. 22; История Дагестана. С. 105; Ковалевский С.А. Лик Каспия. Баку -М., 1933. С. 104), то с Теремом (Юшков С.В. Ук. соч. С. 135.) и др. реками Восточного Кавказа. С. Т. Еремян сопоставляет с Сулаком реку Сондас или Тсондас, выявленную им в одном из списков “Географии” К. Птолемея (Еремян С.Т. Армения по Ашхарацуйцу. Опыт реконструкции карты на современной картографической основе. Ереван, 1963. (арм. яз.) С.102).

¹² Б. Дорн сопоставляет Керавские горы с Караныйским хребтом (Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. Спб., 1875 (изд. в приложении к зап. АН. Т.26, С. 324), В.Б. Виноградов и К.Чокаев — с хребтом Къёрилам в Ичкерии (Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племён // АЭС. Грозный, 1966. Вып.1 С. 63.), Л.А. Ельницкий — северными отрогами Кавказа (Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С. 52; Его же. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 152), К. Алиев вслед за В. Томашек и К. В. Тревер — с Самурским хребтом (Алиев К. Ук. соч. С. 97), О. М. Давудов и А. А. Акопян — с Андийским хребтом (Давудов О.М. Проблема северной границы Кавказской албании и локализация племён на территории Северо-Восточного Кавказа // В КЧ. Тез. докл. Махачкала, 1975. С. 60-63; Акопян А. А. Ук. соч. С. 33-34). Последняя точка зрения более аргументирована. На карте К. Птолемея он отвечает от Главного Кавказского хребта на месте проживания дидойцев и тушин. Этим условиям отвечает система Андийского хребта и Къёрилам. Ал хорезми, переработавший “Географию” Птолемея, чётко различает Самурский хребет, названный им “Гора ал-Баб ва-л-Аббаб” от Керавских гор, расположенных севернее (Калинина Т. М. Сведения ранних учёных арабского халифата. М., 1988. С. 42-44, 83-85).

¹³ Страбон. XI, 44; Плиний. Естественная история. Кн.7. 12.

¹⁴ Мровелл Леонти. Жизнь картлийских царей. С. 25.

¹⁵ Плиний. Естественная история. VI, 16, 17.

¹⁶ Моисей Хоренаци. История Армении. Кн. II. Гл. 8.

¹⁷ Моисей Каланкатуйский. История Агван. Кн. I. Гл. 1.

¹⁸ Бакиханов А. Указ. соч. С. 17. "Albus" в переводе с латинского "белый". Слово "Альпы" происходит от кельтского слова "alp", "alb" — гора, высокий. Само название балканских албанов "шкниптары", т.е. обитатели скал. Древнее название Шотландии было "Албания", а самый крупный из шотландских гористых отрогов носит название "Арран". После арабских завоеваний Кавказская Албания стала называться этим же названием.

¹⁹ Очерки истории Дагестана. С. 23.

²⁰ Давудов О.М. Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1987. С. 36-51. При толковании материалов Таркинского могильника Е.И. Крупнов высказал предположение о принадлежности его сарматизированному местному населению (Крупнов Е.И. Археологические работы на северном Кавказе // КСИИМК. М., 1949. Вып. 27. С. 19-20; Его же. Новый памятник древних культур Дагестана (опыт первого исследования Таркинского могильника в 1974 г.) // МИА. 1951. № 23. С. 224). К.Ф. Смирнов отнёс этот могильник к утидорсам — смешанному населению, состоящему из сарматских аорсов и албанских удин (Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки // МИА. 1951. № 23. С. 271-272). Высокий авторитет учёных и исходная позиция о вхождении территории Дагестана до р. Сулак в состав Албании, на которую оказывали влияние сармато-аланские кочевники, привело к тому, что эта точка зрения получила признание у многих специалистов (Очерки истории Дагестана. С. 23-24; История Дагестана. С. 106.; Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Махачкала, 1960. Т. VIII. С. 352-353; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 51, 83-84; Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 22-43). Вместе с тем К. В. Тревер не признавала принадлежность Таркинского могильника утидорсам, а Карабудахкентского — удином (Тревер К.В. Ук. соч. С. 172-175). Д.М. Атаев считал роль сарматских элементов в местной культуре преувеличенной (Атаев Д.М. Дагестан и Кавказская Албания // докл. на научной сессии Ин-та ист., яз. и лит-ры ДагФАН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 42), а В.И. Марковин наоборот считает, что дагестанские археологи недооценивают роль сарматских элементов в Дагестане (Марковин В.И. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия // Древности Евразии в скифо — сарматское время. М., 1984. С. 182). Между тем, выводы В.И. Марковина основываются на изучении комплексов, принадлежавших собственно сарматскому населению. Он также не разделяет точку зрения о принадлежности Таркинского могильника утидорсам (Марковин В. И. Дагестан и Юго — Восточная Чечня в скифо-сарматское время // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 287-288).

²¹ Котович В.Г. О некоторых особенностях расселения и социального устройства населения Дагестана в албанский и раннесредневековый периоды // Мат. сессии, посв. итогам эксп. исследований в Дагестане в 1973-1975 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1976. С. 9-10.

²² Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 34-36. См. также: Мокроусов С.В. Этапы развития фортификации Дербента в досасанидский период // Проблемы исследования античных городов. Тез. докл. М., 1989. С. 81; Его же. Материальная культура городов Дагестана албанского времени. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 7-8.

²³ Халилов Дж.А. Материальная культура... С. 25-49.

²⁴ Кудрявцев А.А. Ук. соч. С. 59.

²⁵ Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1989. С. 77-80).

²⁶ Давудов О.М. Дагестан в III в. до н.э. — IV в. н.э. (Опыт этнокультурной и социально-экономической характеристики). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси 1990. С. 11-12.

²⁷ Страбон. XI, 4, 5.

²⁸ Плутарх. Помпей.

²⁹ Добрынин Б.В. Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. М., 1925. С. 5; Зонн С.В. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М.-Л., 1946; Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958. С. 28 и сл.;

Голь К.К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 33-36, 52-57; Эльдаров М.М. География дагестанской АССР. Махачкала, 1980. С. 7-12.

³⁰ Страбон. XI, 4, 3.

³¹ Наиболее древние пахотные орудия известны из памятников Передней Азии конца IV — начала III тыс. до н.э. (Редер Д.Г. Появление плуга и мотыги в древнем Египте и Шумере // Древний мир. Сб. статей. М., 1962. С. 165-170). В Западной Европе они появляются в эпоху ранней бронзы, в Южной Европе — в конце III — начале II тыс. до н.э. (Краснов Ю.А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. 1968. № 2. С. 3-22; Его же. Раннее земледелие и животноводство в лесной зоне Восточной Европы // МИА. 1971, № 174. С. 38-39; Его же. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С. 145-161; Семёнов С.А. Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 212-221). Известны они были и племенам куро-аракской культуры, в состав которой входят и дагестанские памятники III тысячелетия до н.э. (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И. Урбниси I. Археологические раскопки, проведённые в 1954-1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962. С. 45, 61, табл. XXXIII, 11; Кушнарёва К.Х., Лисицына Г.Н. Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северо-Восточном Кавказе (VI — III тыс. до н.э.) // Studia praehistorica. София, 1986. С. 14, рис. 5, 1-3; Кушнарёва К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V -III тыс. до н.э.). Л., 1970. С. 106; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 379). В.Г. Котович доказывал положение об использовании в Дагестане III тыс. до н.э. упряжных пахотных орудий (Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана. С. 146). С этого времени до современности в Дагестане употребляется пахотное орудие — рало.

³² Страбон. XI, 4, 3.

³³ Русов А.А. Отчёт о летних и осенних работах в Южном Дагестане // Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Тр. предварительных комитетов. М., 1982. С. 543-544; Гуммель Я.И. Курган № 2 близ Ханлара // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV. С. 55-58; Ваидов Р.М. Мингечаур в III — VIII вв. Баку, 1961. С. 70.

³⁴ Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Горном Дагестане // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1961. С. 288.

³⁵ Котович В.М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. К истории дагестанских племён в конце III — II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. С. 215.

³⁶ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 98. Табл. I, 1, 3.

³⁷ Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // МАД. Махачкала, 1973. Т. III. С. 34.

³⁸ Страбон. XI, 4, 3.

³⁹ Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982, С. 184.

⁴⁰ Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. 1953. № 32.

⁴¹ Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: курганная группа у станции Манас // Сов. археология. 1956. XXVI. С. 159.

⁴² Элиан. Кн. XVII. Гл. 17.

⁴³ Дзагурова В.П. Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978. С. 29-40; Гаджиев М.С. Бронзовый зооморфный сосуд из Шараунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 53.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 465.

⁴⁵ Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. Исследования раннесредневековых укреплённых поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 129-130.

⁴⁶ Подавляющее большинство исследователей связывает захоронения черепов с жертвоприношениями рабов или военнопленных (Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961 Т. II. С. 201-

203; *Пихуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане Махачкала, 1967. С.171; *Гаджиев М.С.* К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 44-58), хотя имеются высказывания о связи черепа с культом сухой головы (*Атаев Д.М.* Археологические исследования в Дидо (Дагестанская АССР) // Сов. археология. 1961. № 1. С. 288; *Его же.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 123) или с обрядом погребения голов убитых врагов (*Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977. С. 70-73). В основе этого обряда лежат идеологические причины, обусловленные социальными факторами. Оно обусловлено поверьем, что обладатель головы, помещенный вместе с умершим в могилу, становится рабом последнего на том свете (*Тейлор Э.* Первобытная культура М., 1939. С. 280-282). Это должно было вызвать охоту за черепами. Если их нельзя было достать в бою, оставалось убить собственного раба. Захоронения голов характерно и для памятников Азербайджана. И там, и в Дагестане они связаны с раннеклассовыми процессами.

⁴⁷ *Страбон.* XI, 4,6.

⁴⁸ *Страбон.* XI, 4,4.

⁴⁹ *Страбон.* XI, 4,5.

⁵⁰ Там же

⁵¹ *Тревер К.В.* Ук. соч. С. 88-91.

⁵² *Тревер К.В.* Ук. соч. С. 91-111.

⁵³ *Тревер К.В.* Ук. соч. С.11-114.

⁵⁴ См. работы: *Мамандян Я.А.* О местонахождении Caspia via и Caspia portae // Ист. записки. 1948. № 25. С. 60-70; *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 120-129.

⁵⁵ *Фест.* Краткий очерк истории римского народа. Гл. XX; *Евтропий.* Кн. VIII. Гл. 3.

⁵⁶ *Тревер К.В.* Указ. соч. С. 129-130.

⁵⁷ *Аммиан Марцелин.* Кн. 23. Гл. 5,16.

⁵⁸ *Иосиф Флавий.* Иудейские войны. К. XVIII. Гл. 4, 97; *Тацит.* Анналы. Кн. VI. Гл. 33.

⁵⁹ *Иосиф Флавий.* О войне иудейской. Кн. VII. Гл. 7, 4; *Моисей Хоренский.* Кн. II. 50; *Леонти Мровели.* Жизнь картлийских царей.

⁶⁰ *Иосиф Флавий.* О войне иудейской. Кн. VII. Гл. 7, 4.

⁶¹ *Ковалевская В.Е.* Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984. С. 85-87. См.: *Леонти Мровели.* Жизнь Картлийских царей.

⁶² *Дион Кассий.* кн. 2. Гл. XIX, С. 15.

⁶³ *Ковалевская В.Е.* Указ. соч. С. 87.

⁶⁴ *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V вв. М., 1969. С. 50-69.

⁶⁵ *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 33-37.

⁶⁶ *Тревер К.В.* Ук. соч. С. 198-201.

⁶⁷ *Курьяцев А.А.* К вопросу о времени возникновения первых сасанидских укреплений в Дербенте // IV Крупновские чтения. Тез. докл. Орджоникидзе, 1974. С. 31-33; *Его же.* О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // Сов. археология. 1978. № 3. С. 243-260; *Его же* "Длинные стены" на Восточном Кавказе // Вопросы истории. 1979. № 11. С. 31-43. Возникновение оборонительных стен в районе Дербента создавали условия для самостоятельного развития территории, расположенной к северу от стен. Эта территория подвергалась большому влиянию кочевых гуннов.

⁶⁸ *Тревер К.В.* Ук. соч. С. 306-315.

⁶⁹ *Муравьев С.Н.* Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1981. VIII. С. 221 — 325; *Асланбеков Х.* Самая древняя надпись Дагестана // Даг. прада. 1970. 3 дек. № 285 (14 078); *Он же.* Находка в высшей степени ценная... // Сов. Дагестан. Махачкала, 1971. № 3. С. 70-72; *Гукасян В.Л.* О новонайденном списке албанского алфавита // Сов. тюркология. 1971. № 2. С. 130-135.

⁷⁰ *Страбон.* XI, 4,8.

⁷¹ *Страбон.* XI, 4, 7.

РАЗДЕЛ II

ДАГЕСТАН В IV—XV ВВ.

ДАГЕСТАН В IV—VI ВВ.

I. Этнополитическая карта IV—VI вв.

Великое переселение народов и начальная фаза феодализма эти два фактора составляют стержень, основное содержание всех событий, имевших место на обширной территории Поволжья, Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Восточной Европы в IV—IX вв. и оказавших влияние на все сферы социально-экономической, политической и военной жизни общества, на интенсивность и своеобразие экономических и этнополитических процессов. Выросшие из доклассовых структур дофеодалные и раннефеодалные общества были брошены в водоворот бурных событий; взлёты и падения племён, племенных групп и объединений, политических конфедераций были обычным явлением. Этнолингвистическая карта многих регионов, в частности Северного Кавказа, оказалась слишком шаткой, нестабильной, она порой стиралась начисто, уступая место новым этническим структурам. Столкновения отдельных племён были так часты, как и их совместные акции. В итоге же перекройка этнической карты и сложные крупные этнополитические образования со сложной структурой и социальной стратиграфией.

В обстановке этих внушительных по размерам этнических перемещений и социальных сдвигов на огромных степных просторах шло также развитие предгорных и горных районов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана. Два обстоятельства, «функционировавшие» на всём изучаемом хронологическом этапе, определили своеобразие и ход исторических событий региона.

Первое это переплетение на сравнительно небольшой территории исторических судеб представителей трёх древнейших языковых семей: кавказско—иберийской, иранской и тюркской. Доминирующим был процесс всё нарастающей тюркской волны, создавшей в течение более чем тысячелетнего отрезка времени непрерывный миграционный поток, изменивший в корне этническое лицо всех равнинных районов Северного и Северо-Восточного Кавказа.

Второе обстоятельство постоянный, непрерывный «диалог» двух закономерных форм хозяйственной деятельности: оседлого, интенсивного, земледельческо-скотоводческого хозяйства с одной стороны, и кочевого, экстенсивного, скотоводческого с другой. Контакты, взаимовлияние, как и столкновения этих хозяйственных структур лежали в основе социально-экономического развития всего региона. В сфере этих контактов прослеживается основная, определяющая перспективу, линия доминирующее влияние гор и предгорий на равнину, точнее проникновение земледельческой культуры и традиций в кочевую степь, постепенный переход в контактной зоне к оседлой жизни, к земледельческо-скотоводческому хозяйству.

В 70-х гг. IV в. многочисленные и воинственные гуннские племена заняли обширные прикаспийские и предкавказские степи, изгнав часть находившихся здесь алан в земли Северного Причерноморья, а оттуда в область Подунавья. Началась полоса Великого переселения народов. Широкая миграция на Северный Кавказ гуннского массива племён положила начало образованию «... охватившей всю территорию региона системы политических, социальных и этнических связей, которая стала основой разносторонних интеграционных процессов, активно проявившихся на последующих этапах. Эта система включила в себя древние аборигенные кавказоязычные группы горной зоны и высоких предгорий (кавказионы и леги грузинской традиции), ираноязычные (аланы, маскуты) и автохтонные иранизированные (овсы) общности предгорий и степи и влившиеся в их состав в течение второй половины IV в. и первой половины V в. различные по языкам (диалектам), хозяйственному укладу и уровню социального развития тюркские общности.»¹

Как известно, Гуннская держава возникла в Центральной Азии (Северный Китай и Монголия) около III в. до н.э., и с историей этого государственного объединения связаны последовавшие затем широкомасштабные этнические перемещения и изменения. Началось интенсивное проникновение тюрков в Среднюю Азию и в Восточную Европу, где они вытесняют или ассимилируют обитавшие здесь ираноязычные этносы. В течение более тысячи лет здесь активно внедрялись тюркские языки. «Ассимилируя другие этносы, часто находившиеся на более высоком уровне цивилизации, тюрки воспринимали очень многое у «поглощённых» ими народов. Здесь и антропологические черты, и формы хозяйства, и модели духовной культуры, и лексика»².

В 371 г. основные силы гуннов ушли через низовья Дона к Северному Причерноморью, а другая часть двинулась на Северный Кавказ по прикаспийским степям на юг, до Терека и Кубани. Затем последовало вторжение гуннов во владения восточногерманских племён готов³.

Экстенсивное кочевое хозяйство гуннов описано Аммианом Марцеллином: они не знают ни сохи, ни земледелия, «все они, не имея ни определённого места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам... с кибитками, в которых они проводят жизнь..., гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают в уходе за лошадьми»⁴.

Разрушительные последствия гуннского нашествия на Северный Кавказ внушительны. Именно через Северный Кавказ они и другие кочевники совершали в IV—V вв. опустошительные походы в богатые земли Закавказья и Передней Азии. Один из таких походов был совершён в 395 году. Гунны прошли «по неожиданному пути через Каспийские ворота и армянские снега», т.е. в восточную провинцию Византийской империи через Прикаспийскую низменность, Албанию и Армению⁵. Но вместе с тем параллельно шёл и другой процесс: интенсивный синтез местного (в основном иранского) собственно кавказского с пришлым гуннским этносом, который здесь ещё долго называли гуннским ввиду особого

влияния здесь гуннского элемента⁶.

Приморская низменность (равнинные земли между современными Дербентом и Махачкалой) также оказались в юнще IV века под властью гуннов. В источниках нередко под гуннами подразумевались не только собственно союз гуннских племён, но и входившее в его состав автохтонное население равнинного Дагестана. По имени гуннов район севернее Дербента стал называться позже “страной гуннов”, а население Приморского Дагестана гуннами, т.е. название гуннов было распространено и на попавших в политическую зависимость от них коренные дагестанские племена⁷.

В середине V в. эфемерное и сколоченное силой Гуннское объединение распалось, основная часть гуннской орды ушла в причерноморские степи и далее на Запад. Вместе с тем гунны продолжали и в V-VII вв. играть значительную роль в северокавказских степях, особенно на северо-востоке Кавказа.

Византийские, армянские, сирийские авторы в своих сочинениях, описывающих события V-VII вв., много внимания уделяют деятельности гуннов (“унны”, “скифы-хунны”, “хунны”, “хонны”) и многих племён “гуннского круга”: хайландурков (гунны-хайландурки), сарагуров, оногуров, савиров. Авторы V-VI вв. локализируют в пределах Прикаспийского Дагестана гуннов, савиров, уторов, оногуров, сарагуров, алан, басилов, маскутов, хайландуров и другие кочевые племена⁸.

Гунны основательно укрепились в приморской части Дагестана. Из сообщения известного армянского историка V в. Егише можно заключить, что территорию между Дербентом и рекой Ломеки (Терек) занимало в первой половине V в. объединение гунов-хайландуров⁹. Как сообщает Егише в своей “Истории Вардана и войне армянской”, во время правления Иездигерда II (439-457 гг.), при котором персидские и армянские войска охраняли от гуннов “врата” в северных краях в Хонской крепости¹⁰, “... перестали хайландуры входить через пограничную крепость Чора”. Это было последствием похода, совершённого Иездигердом “... в страну гуннов”¹¹.

Территорию расселения гуннов армянская география VII в. “Ашхарацуйц” определяет точно: после Дербентской стены “севернее живут гунны, у которых город Варачан и другие города”¹². Фавст Бузанд, писавший свою “Историю Армении” в V в.¹³, сообщает, что “маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все войска хонов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев, и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племён, всё множество войск, которым он повелевал”¹⁴.

Одной из крупных и влиятельных племенных конфедераций в первой половине VI в. было объединение савиров. Савирский союз занимал Прикаспийскую низменность и территорию Северного Дагестана, но основная масса их находилась в Центральном Предкавказье¹⁵.

В Приморском Дагестане ещё с III в. существовала ираноязычная общность

маскутов. Как сообщают Егише и албанский историк Мовсэс Каланкатваци царь Албании Ваче II, выступая в 458 г. против персов, захватил крепость Чора, и “перевёл” к югу от укреплений (“пахака”), т.е. к югу от Чога “войска маскутов”¹⁶, которые занимали до этого, видимо, часть территории Прикаспийского Дагестана¹⁷.

Маскуты жили на берегу Каспийского моря, южнее Дербента¹⁸, возможно, по обеим сторонам устья Самура. Эта область, страна маскутов, известна в последствии как область Маскат (современный Мушкур), сохранившая свою самостоятельность вплоть до 833 г.

Армянский историк Агафангел (Агатангехос) в своей “Истории”, описывая события начала IV в., упоминает страну масаха-гуннов, как бы подчёркивая процесс этнической интеграции. В исторической литературе высказано мнение, что данный факт, по-видимому, свидетельствует об определённой интеграции ираноязычных потомков массагетов и тюркоязычных гуннов. Северокавказская степь переживала в конце IV-первой половине V в. процесс этнополитического взаимодействия различных кочевых обществ¹⁹.

До сих пор речь шла о районах Приморского Дагестана. Каково же было этнополитическое положение внутренних, горных районов в IV—VI вв.?

“Армянская география VII в.”, включающая в свой состав сведения о более раннем этапе, сохранила сведения о племенах Северо-Восточного Кавказа: в Сарматии (Азово-Каспийское междуречье) живут таваспары (тапагараны), цхаваты, чигбы, хелы, каспы, хечматаки, ижмахи; к северу от хребта, у Каспийского моря — народ маскутов. Кроме них в перечне племён (по старому и новому спискам) перечислены: хазары, баслики (барсилы), аланы, дидои, леки, ширваны, агутаканы, хеноки²⁰ и другие племена.

Точная локализация племён на территории Дагестана затруднена уровнем знаний по вопросам этнической географии IV-V вв. Если дидои, леки, таваспары могут быть отождествлены с дидойцами, дагестанцами в целом, табасаранцами, то другие наименования такой точной идентификации не подвергаются.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о локализации указанных племён: чилбы (чигбы) — это цахуры (их называют йьхъбы); чилбы (сильвы античных авторов) занимали верховья р. Андийское Койсу; хоны располагались севернее таваспаров, от реки Самура до реки Сулак и дальше на север; хечматаки жили в верховьях р. Самур²¹; агутаканы — это агулы; хеноки — хновцы, рутулы; цхаваты — цахуры²². Однако эти соображения нельзя считать окончательными, это только предположения по данному вопросу.

Следует отметить весьма важное обстоятельство: античные авторы уже сообщали нам названия нескольких племён, входивших в албанский союз: это утии (уды), гелы, леги, гаргары, сильвы, дидуры, олонды, исонды, герры, лупени²³. Если вспомнить, что по данным Страбона на территории Кавказской Албании обитало 26 племён и что раннесредневековые армянские авторы повторили в связи с событиями IV-VI вв. имена упомянутых ряда античными авторами племён (чилбы-сильвы; гелы-гелы; дидои-дидуры; леки-леги; лбины или лпины-лу-

пении), то можно говорить о длительном, многовековом пути сохранения и “выживания” этнических общностей, об относительно стойкой этнической истории. Этнолингвистическая дробность, зафиксированная античными авторами, была реальностью и в раннесредневековый период. Можно с наибольшей долей вероятности предположить, что сложные межэтнические процессы, имевшие место на равнине, не коснулись, в сущности, горных и высокогорных районов Дагестана и Северного Азербайджана. Крупные этносоциальные объединения на территории Дагестана только начали складываться, и, по известным нам данным, мы не можем конкретно говорить об этом процессе в период IV-VI вв.

Ещё Страбон (ум. в. 21 г. н.э.) отмечал, что “между амазонками и албанами живут гелы и леги...”²⁴. Они же упоминаются и у раннесредневековых армянских и грузинских авторов, описывавших события IV-VII вв.²⁵ При этом гелы (хелы) упоминаются только дважды, а леги (леки) неоднократно. Грузинский свод исторических хроник сообщает в связи с событиями IV-V вв. оссов, леков, (“правитель леков”), дурдзуков и дидо.

В научной литературе локализация гелов не совсем уточнена, имеется лишь самое общее предположение: они живут севернее албанов. Что же касается этнонима леги (леки), то существует несколько мнений об их идентификации и локализации: леки — это народы Дагестана в целом; это потомки современных лаков или лезгин; грузинская форма “лек” (леки) и “леги” Страбона “восходят к общедагестанскому “лаки”, а название “лег” ещё в древнейшую эпоху “утвердилось за дагестанскими лаками, как устоявшийся этноним”; термин лезги не был в прошлом самоназванием одного из дагестанских народов, а уже издревле, в течение многих столетий, употреблялся в качестве общего названия для дагестанских горских народов²⁶; этнонимом леки в грузинской хронике Л. Мровели “обозначает большую часть племён средневекового Дагестана”, а вообще “леки грузинское название народов Дагестана в целом”²⁷.

Действительно, леки (леги) это этноним, несущий самую широкую нагрузку из перечисленных выше. Но наличие рядом других этнонимов дидуры, таваспары и др. свидетельствует о том, что этноним леки можно распространить на значительную (возможно, большую) территорию Дагестана, но не на всю.

Несколько слов о лпинах и сильвах. Впервые о них сообщает Плиний (23-79 гг.): “За пределами Албании по всему челу гор обитают дикие племена сильвов”. “Ниже сильвов” жили лупении²⁸. Через 700 с лишним лет они упоминаются вновь в связи с христианской миссией 681 г. к гуннскому князю Алп-Илитверу²⁹.

По части локализации лупениев также существуют самые различные мнения: на территории “собственно” Албании; в верховьях Алазани; на южном склоне Большого Кавказа; между Шеки и Дербентом; в районе Шемахи; в междуречье Самура и Рубаса;³⁰ упоминаемый Мовсэсом Каланкатвацци “город лбнийцев должен находиться на широте Дербента, если не севернее...”³¹; по мнению С.В. Юшкова, Лпиния, одно из самых крупных царств, на которые распалась классическая Албания, находилась в пределах современного Дагестана, в западной его части, причём, возможно, что в её состав входили и некоторые

области северо-западного Дагестана³².

Выдвинуто также предположение о том, что “на юге” страна “лпинов” (Лпиния) граничила с “собственно” Албанией (по Самуру), на западе — горной областью таваспаров (ныне Табасаран), на севере — со “страною” чилбов (Дербент), Чола, на востоке — со старою маскутов (прибрежная часть Южного Дагестана)³³. Наиболее убедительным кажется вывод о том, что сильвов (чилбов) можно локализовать в верховьях Самура и прилегающих южных склонах Главного Кавказского хребта на территории традиционного расселения цахуров, а лпины (лупении) расселялись на левобережье нижнего течения реки Алазани³⁴.

Маршрут христианского посольства в 681 г. под руководством Исразла к гуннскому князю Алп-Алитверу вносит определённую ясность в вопрос о локализации лпинов и сильвов (джигбов): “Перейдя границы Агвании, они на 12 день прибыли в город лпинов... отсюда перешли в страну чигбов, что у склона великой горы”. Затем они “перевалили вершину громадной горы” и “после долговременного пути прибыли в древнюю резиденцию царей, в ту самую, где сподобился св. Григорис... Через несколько дней они достигли ворот Чога, недалеко от Дербента... и, наконец, ... прибыли в великолепный Варачан”³⁵.

Из этого описания видно, что первая часть пути посольства лежала через горы Дагестана, а вторая шла в сторону Каспийского моря, к Дербенту, а оттуда на север, в Варачан³⁶.

Специальное исследование позволило с наибольшей вероятностью определить маршрут миссии ишхана Албании Вараз-Трдата к гуннскому князю Алп-Илитверу, возглавляемой епископом Мец-Когманца Исразлом: город Перозкават (гор. Барда) — граница Албании (р. Алджиганчай) — город лпинов (г. Шеки) — страна чилбов (Кахский район, заселённый цахурами) — гора Варде Груан (один из горных перевалов, у горы Ахвай) — “древняя царская резиденция” (городище Торпак-кала, южнее Дербента, у ст. Белиджи, Шахристан -и Иездигерд) — “ворота Чора, недалеко от Дербента” (гор. Дербент, часть города) — город Варачан³⁷.

Для характеристики этнополитической ситуации Дагестана в VI в. важное значение имеет сообщение сирийской хроники VI в. (хроники Захария Митиленского). По его данным, Каспийские ворота и Каспийское море находятся в “пределах гуннских”. Здесь даётся перечень тринадцати племён, обитающих за “воротами” — это авгар (вар. аугар), сабир, бургар, алан, куртагар, авар, хазар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, эфталит. “Они живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьями и оружием”, т. е. ведут кочевой образ жизни. Однако население, живущее в горах Дагестана, названо оседлым: жители “из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости”. Хроника сообщает также о существовании “земли Базгун со (своим) языком, что примыкает и простирается до Каспийских ворот моря, которые находятся в пределах гуннских”. При этом “земля” в понятии автора хроники означала страну, область, государственную единицу³⁸.

Одновременно важно отметить, что в середине второй половины V в. этнополитическая ситуация сложилась следующим образом: в “стране гуннов”, лежащей за “воротами Чора”, определились относительно чёткие племенные объединения: вхндур-булгары, базилы (барсилы) и хазары³⁹.

Булгары — одна из самых ранних тюркоязычных групп, усилившихся с конца V в. К концу V в. в Восточном Предкавказье господствующее положение занимали савиры (сувар). Вытесненные из Западной Сибири, они обосновались к западу и востоку от низовьев Волги, завладели равниной вдоль Каспийского моря до Дербента. Во второй половине VI в. произошёл очередной натиск тюрков — в степях Предкавказья появились авары, вернее, после образования Тюркского каганата “часть тюркских, монгольских и угро-финских племён, возглавляемых аварами, двинулись на запад”. Гунны (барсилы) и савиры были разгромлены; были подчинены племена б.ндж.р., б.л.ндж.р., хазар. В последней четверти VI в. в Предкавказье вторглись тюрки, занимавшие приморскую часть Северо-Восточного Кавказа до Дербента⁴⁰. Западно-Тюркский каганат стал значительной политической силой на Северном Кавказе, принимавшей активное участие во взаимоотношениях с Византией и Ираном.

“Царство гуннов” сыграло важную роль в истории Северо-Восточного Кавказа, конкретнее в приморской части Дагестана. Это было сложное по своему этническому составу образование, возникшее на местной основе⁴¹.

В Приморском Дагестане на территории “царства гуннов” обнаружено большое число укрепленных и неукрепленных поселений со слоями IV-VII вв., курганных и грунтовых могильников. Комплексное исследование этих памятников позволило установить, что они оставлены многочисленными племенами, находившимися в течение веков в состоянии взаимодействия: гунны (савиры), аланы, маскуты, хазары, тюрки-болгары, местное население. Это общая характеристика памятников в целом, хотя в этнической интерпретации памятников, взятых в отдельности, среди исследователей нет единого мнения. На основе анализа письменных памятников выдвинуто мнение о том, что в течение IV-VII вв. на территории Северо-Восточного Предкавказья сложилась новая, единая этническая общность “гунны” с единым языком общения как итог консолидации и интеграции тюркских, ираноязычных и местных племён⁴².

Армянский историк Ананий Ширакаци локализует “царство гуннов” в районе Дербента, “близ моря”, соседями же гуннов названы с севера савиры, с юга, “где воздвигнута Дербентская стена”, маскуты; он называет три гуннских города Варачан, Чунгарс и Мсндр (Семендер)⁴³. Первым из них считался “великолепный город” Варачан, остатки которого обнаружены близ селения Уллубийаул в местности Урцеки в районе гор. Избербаш⁴⁴.

Сообщение о городах в “стране гуннов” представляет большую ценность, так как свидетельствует об определённом итоге взаимовыгодных контактов оседло-земледельческой и скотоводческо-кочевой культур, о постепенном переходе ряда кочевых племён к оседлой, вернее, к полuosедлой жизни, к земледельческо-скотоводческому хозяйству.

Границы “страны гуннов” были нестабильны, она включала в себя земли равнинного Прикаспия от Дербента до устья Волги, а в более узком смысле — равнинные и отчасти предгорные районы Дагестана с главным городом гуннов-савиров Варачаном⁴⁵.

В социальной и этнополитической жизни раннесредневекового Дагестана огромную роль играли города, прежде всего, город Дербент.

Район Дербента был крупнейшим узловым пунктом, связывающим Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Подонье с Закавказьем, со странами Ближнего Востока, участком важного экономического и стратегического значения (“дарбанд” персидское слово, означающее “узел ворот”).

Раннесредневековые армянские авторы называют этот район Чога или Чора, “пахак Чора”, “ворота Чора” (“Чора дурн”), “проход Чора”, “края Чора”, “пахак стены, которая находится между владениями албанов и хонов”, “пахак гуннов” (“оборона от гуннов”), “врата гуннов”, “город Чола”, “ушелье Чора”, “страна Чога”⁴⁶.

Иногда под Чога подразумевалась значительная территория. Католикос Виро носил титул: “Я. Виро, католикос агванский, лбинский и Чога”⁴⁷, или же царевич хазарский, будучи в Партаве, говорит Виро: “Получил отец мой три эти страны — Агванию, Чога и Лпинию на вечное владение”⁴⁸. Арабские авторы обычно пишут о Суле⁴⁹. Некоторые дагестанские народы и до сих пор Дербент называют Чуруль (лакцы) или Чулли (даргинцы).

Существует несколько мнений о локализации Чога (Чора): его отождествляют с Дербентом⁵⁰; “проход Чора” — это Дербентский проход, область Чога — это “область города Дербента”⁵¹: остатки города Чор — это большое городище “Турпаг-кала к северу от ст. Белиджи, в 20 км к югу от Дербента”⁵²; Чога не Торпах-кала, а часть Дербента, потом собственно Дербент; первоначальное название (действительно название Чога) относится к указанному городищу, а впоследствии, в связи с усилением значения Дербента и его стен, значение Чога падает, а название Чога полностью переносится на Дербент⁵³.

Такая противоречивость в вопросе о локализации Чога связана, в значительной степени, с противоречивостью сообщений древних источников: с одной стороны, в “Истории агван” сообщается о “воротах Чога, недалеко от Дербента”⁵⁴, а Вардапет Гевонд упоминает и “город Дербент”, и “проход Чора”⁵⁵. Как мы видим, в обоих случаях Дербент это город, а Чола (Чора) это проход. В то же время “История агван” сообщает о Дербенте, где арабский полководец Маслама “не разрушил патриаршего дворца, который и до сих пор существует в нём”, а этот дворец был расположен в “городе Чога”, откуда и был перенесён в 552 г. в Партав⁵⁶. С одной стороны, при описании событий 30-х гг. VI в. автор Балами ни разу не упоминает Дербент, а пишет о “стране Сул”, “области Сул”, а с другой, название Сул встречается наряду с Дербентом ещё в XI в.: “крепость ал-Баб вместе с крепостью Сул”⁵⁷.

Как известно, ещё в III в. Сасанидскому Ирану удалось подчинить Албанию, а позднее укрепиться в районе Дербентского прохода. Мовсэс Каланкатвази

сообщает о том, что “страна Чога управлялась впоследствии”, до 461 г. “марзпаном Чога”⁵⁸, ставленником Ирана.

Область Чога, как и Лпиния, имеет непосредственное отношение к истории Кавказской Албании. В административно-территориальном отношении Албания делилась на области (гавары) и провинции (наханги), состоящие из нескольких гаваров. Согласно “Армянской географии VII в.”, левобережная Албания состояла из одиннадцати областей (в том числе: Кабала, Шаки, Камбисена, Эджерри), причём первые три из них были церковно-административными единицами. епископствами⁵⁹. К Левобережной Албании, помимо упомянутых областей, “... относились и две страны — Лпиния и Чола, которые не всегда входили в состав Албанского государства. Ещё во второй половине V в. они продолжали оставаться периферийными областями с сохранением частичной внутренней автономии. Однако после 488 г., в царствование царя Вачагана III, Лпиния и Чола окончательно вошли в состав Албанского государства”⁶⁰.

В середине V в. в Албании⁶¹ значительно усилилась власть сасанидского Ирана. Начался новый этап сасанидской экспансии.

Дербентскому проходу сасаниды придавали огромное значение, ибо господство в этом районе означало не только защиту северных пределов державы от набегов кочевых племён, но и предотвращение будущих союзов северокавказских племён, направленных против Ирана⁶². Дербентский проход привлекал внимание как своим военно-стратегическим, так и торгово-экономическим положением на границе Албании и кочевых владений, на границе оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого мира⁶³. В правление Иездигерда II (439-457 гг.), т.е. в первой половине V в., были возведены первые сасанидские укрепления в проходе Чога. Царская аршакидская династия в Албании была упразднена, а сама Албания была превращена в персидскую провинцию; Чола стала как резиденцией персидских марзпанов, “так и стратегическим оплотом, политико-административной единицей Албанского государства, местом пребывания албанского католикоса (до VI в.)”⁶⁴.

Итак, все приведённые выше данные об этнополитическом положении Дагестана IV-VI вв. свидетельствуют о том, что показания античных и раннесредневековых армянских авторов более подробны в двух случаях: при характеристике равнинных районов Дагестана и при описании земель, входивших в состав Албании или же контактировавших с ней. Внутренние же районы Дагестана описаны лишь в самых общих чертах. Здесь уже ценна другая категория источников — арабская историческая и географическая литература IX-X вв. Она основана на сообщениях предыдущих веков, вносит много нового в вопросы политической и этнической истории. Именно этой категории источников принадлежат богатые сведения об административно-территориальных единицах, расположенных во внутренних районах Дагестана. Впервые помимо Дербента и Табасарана, здесь названы такие государственные образования, как Лакз, Гумик, Хайдак, Серир, Карах, Зирихгеран, Филан и другие.

Особо важное значение в истории раннесредневекового Дагестана, да и всего Кавказа в целом, имел город Дербент. Он выступает уже не только как укрепленный пункт огромного стратегического значения, но и как город, крупный политический, идеологический и экономический центр на Восточном Кавказе, столица одного из наместничеств, вошедших после 461 г. в состав державы Сасанидов, крупнейший очаг христианства, а затем крупнейший опорный пункт ислама.

Владения Дербента были незначительны и простирались лишь на несколько десятков километров к югу и западу от города. Сасанидские правители придавали огромное значение укреплению города и Дербентского прохода. При Иездигерде II были возведены глиняные фортификационные сооружения, причём, “подобно каменным стенам Дербента, они сплошь перекрывали проход и тянулись от моря до вершины дербентского холма, где находилась цитадель, также возведённая из сырцового кирпича”⁶⁵. Впоследствии, в середине VI в., на их основе возникла грандиозная система оборонительных сооружений, возведённых из камня. Наряду с Дербентом на политической карте Дагестана появились в течение IV-VI вв. и другие государственные единицы.

Табасаран впервые упоминается в связи с событиями IV в., когда сообщается обо “всём войске Таваспарана, горного и равнинного”. Владение было расположено в бассейне реки Рубас, к северо-западу от Дербента. Население здесь было этнически разнородным, включая тюркские группы, а также персидских, а затем и арабских колонистов, но основную часть составляло местное табасаранское население. Правитель носил титул табасаран-шах. Будучи в непосредственной близости от Дербента, Табасаран неоднократно подвергался нашествиям племён, иранских и арабских войск. Это наиболее густо населённая область, где имелось много укрепленных населённых пунктов, возведённых при сасанидах и при первых арабах. Табасаран поддерживал постоянные контакты с Дербентом. При Сасанидах отряды табасаранцев охраняли дербентские крепостные ворота, т.е. входили в число правительственных войск. Часть Дербентского оборонительного комплекса — Горная стена проходит по территории Табасарана.

Серир — территория Нагорного Дагестана, в сирийской хронике VI в. она названа Бет-Даду. Последнее название связано с именем дидойцев и охватывает оно более широкую территорию, чем собственно дидойская. Арабские авторы, описывая походы VII-VIII вв. в Нагорный Дагестан, не пишут о Бет-Даду, а упоминают Серир⁶⁶. Дагестанские же авторы, в свою очередь, не знают названия Серир; они всегда называют Аварию. Происхождение названия Серир связывают с легендой о золотом троне последнего Сасанида Иездигерда III, будто бы отправленном им в Дагестан; поэтому якобы горные земли Дагестана стали называться землёй “Хозяина трона”, т.е. “Сахип ас-Серир”. Вполне возможно, что это поздняя попытка придать термину Серир “иранскую окраску”. Имеется также мнение о том, что в основе слова Серир лежит иранский *ser*, т.е. “гора”, и отсюда “Горная страна”⁶⁷. Вопрос о происхождении названия до сих пор остаётся окончательно невыясненным.

Почти все арабские авторы пишут о Хайдаке (современный Кайтаг), расположенном выше Табасарана и юго-восточнее Серира. Лишь у одного арабского автора X в. (ал-Масуди) вместо Хайдака употреблено название Джидан. Первоначальной столицей Хайдака было селение Калакорейш.

Упомянувшийся неоднократно Филан занимал территорию современных Акушинского и Левашинского районов. Это мнение представляется наиболее убедительным, хотя высказаны и другие: название связано с племенем гелов; это Кумух с акушинскими и другими магалами; Келебское общество в Аварии; сел. Филифли в Северном Азербайджане; это владение Газикумухское⁶⁸.

Зирихгеран (в переводе с персидского “бронники”) — это незначительная по размерам территория, включающая несколько населённых пунктов, в том числе современные Кубачи, Ашты и другие селения.

В самом центре Горного Дагестана был расположен Гумик (Кумух, Кумук). Иногда в источниках встречается название Туман, но это, скорее всего, местное название Гумика. Аварцы и поныне называют лакцев “тумал” или “тумау”. В самоназвании лаков (“лак”)⁶⁹ сохранились древние античная (леги) и грузинская (лски) традиции.

Территорию Южного Дагестана, в бассейнах рек Самур и Гюльгеричай занимал Лакз, Лакз охватывает земли, занятые представителями лезгинской группы языков — лезгин, агулов, цахуров, ругулов. Эта область, территориально наиболее близкая к Албании, испытала его огромное влияние. Будучи в первых веках н. э. в составе Албании, Лакз примерно во 2-й половине V в. превратился в самостоятельную политическую единицу.

Таким образом, к концу V-VI вв. территория Восточного Кавказа уже не выступает как часть единой многоплеменной Албании. Включение Кавказской Албании в состав Ирана и внутренние процессы, приведшие к дальнейшему усилению социального неравенства, сопровождались образованием на территории Дагестана ряда государственных объединений. В VI-VII вв. положение этих государственных единиц вырисовывается более чётко; они приобретают определённый территориальный и этнический облик. Общая тенденция их развития выражается в стремлении к созданию более или менее крупных государственных единиц, в рамках которых и сложились, в основном, отдельные народности Дагестана.

2. Дагестано-сасанидские взаимоотношения в IV-VI вв.

Дагестано-сасанидские отношения одна из важных, но в то же время слабо разработанных проблем истории народов Дагестана. Они имеют многовековую историю, отличаются сложностью, и в итоге сыграли значительную роль в политическом, экономическом и социальном развитии дагестанского общества. В сложной внутренней и внешней обстановке эти отношения диктовались конк-

ретной исторической обстановкой, политика дагестанских правителей определялась как трезвым политическим расчётом, так и состоянием взаимоотношений Ирана, Византии, стран Закавказья, кочевых племён Северного Кавказа.⁷⁰ Следовательно, взаимоотношения Ирана и Дагестана нужно рассматривать во всём их многообразии. К сожалению, состояние дошедших до нас источников таково, что мы можем более или менее обстоятельно изложить только события военно-политического характера.

К началу III в. могущественное Парфянское царство, ослабленное внутренними распрями и кризисом рабовладельческой системы, переживало глубокий политический и экономический упадок. На его развалинах возникло новое государство, “упорядоченная персидская монархия Сасанидов”, как писал о нём Ф. Энгельс. Во главе государства стоял шаханшах, господствующей религией стал зороастризм.

Упрочив свою власть в самом Иране. Сасаниды (224-652 гг.) начали обширные завоевания, образовав вскоре Сасанидскую империю, включающую, помимо собственно Ирана, часть Средней Азии, Атропатену, Месопотамию, Сирию. Началась длительная борьба с Римской империей за закрепление в районе Дербентского прохода, игравшего важную роль в судьбах Ближнего Востока. Борьба эта осложнялась тем, что в указанное время, а также в последующем участились походы северокавказских кочевых племён на Закавказье через Дербентский проход. Частично это объяснялось политикой закавказских правителей, привлекавших кочевые племена в борьбу против сасанидской агрессии. Так, например, царь Армении Хосров I Аршакид (204-239 гг.), выступая против сасанидского царя Арташира (204-239 гг.), “вывел гуннов из прохода Албании”. Отряды, прошедшие до Тисбона (Ктезифона), состояли из “иверцев, албан, джигбов, лпинов, каспов и других”⁷¹ Стало быть, в антисасанидском выступлении участвовали не только кочевые племена, но и многие народы Кавказа, в том числе и Дагестана. Другой Сасанид, “царь царей” Шапур I (242-273 гг.) захватил обширные земли, предпринял попытку подчинить Закавказье и район Дербента (“Албанские ворота”). Как сообщает надпись Картира на холме “Кааба Зороастра” близ гор. Истахр в Южном Иране, “... кони и люди Шапура, царя царей, дошли, в Антиохии, городе и сирийской стране и в провинции Сирия, в Тарсе, городе и стране киликийской и вплоть до Киликийских пределов, в Кайсарии, городе и каппадокийской стране и вплоть ... и вверх, до Греции, Армянской страны и Иберии, и ... Баласакана, и дальше до “Албанских ворот”, там, где Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища “учинил”⁷². Но действие Шапура I не привело к закреплению Южного Дагестана, как и всего Закавказья, за Ираном⁷³.

Так завершился первый этап борьбы Ирана за Дербент и Дербентский проход.

При царе Шапуре II (309-379 гг.), одержав в середине IV в. ряд побед над Римом, Сасаниды опять обратили взоры к территории Восточного Кавказа. Для усиления своего политического влияния был удачно использован военно-поли-

тический момент, когда “северные народы, соединившись, прошли через ущелье Чор и поселились в пределах албанских в течение четырёх лет”⁷⁴.

Шапуру II оказал помощь албанскому царю. В этой сложной обстановке был использован и другой метод: борьба за престол после смерти армянского царя Трдата (287-332), возникшая между сыном царя Хосровом (332-338) и Санатруком Аршакидом, поддержанным маскутским царём Санасеном и многими албанскими племенами и нахарарами. Сасаниды также оказали поддержку Санатруку⁷⁵. В конечном счёте армянский царь Тигран (338-345 гг.) “заключил мир с персами, и, помогая Шапуру, освободил его от нападения северных народов, которые в течение четырёх лет, живя в Агвани, теснили Армению”⁷⁶.

В сложившейся обстановке государства Закавказья придерживались, как правило, следующих ориентаций: Албания тяготела к Сасанидам, Армения и Иберия в основном ориентировались на Рим. В этой расстановке сил активное участие принимали народы Дагестана, выступая на стороне Ирана. Эта политика объективно содействовала укреплению позиций Ирана, стремившегося в борьбе за упрочение своих позиций в Закавказье использовать горские народы и как воинскую силу в военных акциях, и как своеобразный гарант защиты северных границ Сасанидской державы от нападений кочевых племён северокавказских степей. Можно предположить, что на определённом этапе союзнические отношения с горскими народами Дагестана и народами Северного Кавказа в целом составляли основу сасанидской дипломатии на восточном Кавказе⁷⁷.

Эта проиранская политика дагестанских правителей особенно ярко проявилась в сражении на Дзиравском поле (371 г.), когда на стороне персов и Албании выступил “с отрядом, при котором находился храбрый Шергир, царь леков, твёрдо стоявший во главе средней его части”⁷⁸.

Власть Ирана всё больше усиливалась, распространялась на земли Армении, Иберии, Албании. В конце IV в. иранцы уже установили контроль над Дербентским проходом, и с этого времени можно датировать второй этап сасанидской экспедиции на Западный Прикаспий и, прежде всего, на Дербентский проход⁷⁹.

В истории народов Кавказа, в частности Северного, V-VI вв. характеризуются воздействием, сплетением интересов и чрезвычайно активными действиями многих государств и политических сил — Византии, Ирана, государств Закавказья, кочевых племён Северного Кавказа. Стержень политических событий взаимоотношения двух крупнейших держав раннего средневековья — Византии и Ирана, столкновение их интересов в Закавказье, планомерные, упорные попытки этих держав вмешиваться в историю Иберии, Албании, Армении, навязывать им свою волю, ввести народы Кавказа в орбиту своего военного, политического и идеологического влияния. Попытки эти встречали вполне закономерное упорное сопротивление со стороны народов Кавказа, но втягивание их в “коалицию” той или иной державы ослабляло силу этого сопротивления. Обстановка осложнялась ещё и тем, что после появления в 70-х гг. IV в. на политической арене Кавказа гуннского политического объединения участились набеги кочевых пле-

мён на земли Закавказья, “провоцирование” выступлений этих племён на стороне той или иной державы. Необходимо отметить, что гунны привлекались за вознаграждение в качестве наёмников, как, впрочем, и горские племена.

В V в. сасанидские правители сосредоточили в Албании, Армении и Иберии значительные гарнизоны для упрочения здесь своего положения и для “защиты” этих стран от северных кочевников. В середине V в. район Дербента (Чора) уже управляется персидским наместником марзпаном. В районе Чога находилась десяти тысячная персидская конница. Здесь были воздвигнуты укрепления, которые часто обороняли от гуннов армянские князья, назначаемые Сасанидами⁸⁰. Вскоре эти укрепления были разрушены кочевыми племенами гуннов в ходе восстания 451 г.

Народы Закавказья не переставали выступать против политики иранских завоевателей, насаждавших зороастризм. Восстание 451 г. было одним из крупнейших выступлений объединённых сил армян, иберов и албан, направленных против иранской агрессии. Основной причиной антииранского восстания, принявшего общекавказский характер, было усиление экономического и политического гнёта⁸¹. Восстание возглавил спартапет Армении Вардан Мамиконян. Его план заключался в том, чтобы разделить свои войска на три части и направить их в различные области, где обосновались персидские войска, в том числе, и против Себухта, персидского правителя в Чоре. Вардан “пошёл на марзпана Чора, который явился разорять церкви Албании”⁸². Но Себухт, предупреждённый марзпаном Васакком, армянским нахараром, ставленником Ирана, сам выступил на правобережье Куры, и персидский отряд был разбит. После этого повстанцы “напали на земли и города, что имели персы в стране Албанской”, затем, “... пошли против пахака хонов, которым завладели силою персы, и взяли и разрушили пахак”⁸³. Как сообщает об этом же событии Лазарь Парбеци (писал в V в. н. э.), объединённые силы восставших “... достигли пахака стены, которая находится между владениями (ишхаунтон) албанов и хонов, и, найдя там охранителей пахака и многих других персидских воинов, применив меч, истребили и поручили пахак одному царевичу-албану, имя которого было Вахан”⁸⁴, которому удалось заключить союз с гуннами. Со слов Мовсеса Каланкапуйского “гунны тотчас пришли на место сражения, сами своими глазами убедились в удаче их и клятвенно по закону неба заключили союз, приняли клятву христианскую хранить с ними твёрдое согласие и мир”⁸⁵. “Пахак стен” это оборонительные укрепления, возведённые в районе Чога.

В последующем марзпану Армении Васаку удалось расстроить союз восставших. В 451 г. на Аварайском поле войска Вардана Мамиконяна, сражавшиеся с персами, не были поддержаны иберами и албанами. Более того, дагестанские племена выступили во время восстания Вардана Мамиконяна на стороне Ирана и сами, в свою очередь, нашли поддержку Сасанидов. Так, например, Васак вербовал войска против восставших: он “проводил набор в стране иберов, войск лпинов и чилбов, Ват, Гав, Гылвар и Хырсан, и Хечматак, и Паськ, и Посых, и Пюкован, и все войска Таваспарана, горного и равнинного, и всю кре-

постную неприступную сторону гор”⁸⁶. В Аварайском сражении на стороне персов участвовали вспомогательные отряды катешев, хонов и гелов⁸⁷.

Гунны же, расположенные севернее Чога, поддержали Вардана, ворвались через “ворота” в Персию. “поразив много областей... открыто показали своё единодушие с войском армянским” и вернулись в свою страну с большим числом пленных и огромной добычей. Персидский царь Иездигерд “... Мушкана Ниласавурта со всеми оставшимися войсками снарядил в страну албанов, липинов и чилбов, и в страну хечматаков, и в страну таваспаров, и в страну хибнованов и во все крепости, которые были разорены войсками хонов по уговору с армянами”⁸⁸.

Через шесть лет в Албании вновь вспыхнуло крупное антииранское восстание, которое возглавлял правитель Албании Ваче II, сын сасанидской царевны, дочери Иездигерда II, и албанского царя Есвагена. Воспользовавшись усилением внутренних противоречий в Иране после смерти в 457 г. Иездигерда II, он собрал значительное войско, “приступом взял он ущелье Джора и перевёл через него войска мазкутов”, объединился с одиннадцатью “царями” горных племён и, выступив, нанёс персам поражение⁸⁹. В этой обстановке персы обратились за помощью к гуннам-хайландурам, послав “огромные сокровища в землю хайландуров для уплаты многочисленным наёмным гуннам. Сии последние взяли врата (Дербент), целый год сражались с царём албанским... Армия Ваче была разбита и воины его рассеялись”⁹⁰.

Всё это ослабило восставших, но не сломило их воли к сопротивлению. Мовсэс Каланкатвацци писал, что “хотя войска Ваче уменьшились и рассеялись, но покорить его не могли”⁹¹, т.е. восставшие перешли к “партизанским методам борьбы”. Тем не менее, по не совсем понятным причинам, Ваче II отказался от албанского престола (в 461 г.). Это пагубным образом отразилось на судьбе восставших.

481–484 гг. также отмечены восстаниями закавказских народов против Сасанидов, усиливших налоговый гнёт в связи с борьбой с восточными соседями, что заставило персидских царей пойти на значительные уступки: были восстановлены привилегии армянской церкви, прекратились преследования христиан и язычников, были сокращены размеры повинностей и податей. В 487 г. была восстановлена царская власть в Албании.

Эти уступки диктовались сложившейся военно-политической обстановкой на Восточном Кавказе. В это время заметно участились набеги кочевых племён “гуннов”, а затем и хазар через Дагестан на Закавказье. в сущности, против державы Сасанидов. Так, например, при царе Армении Валарше “толпы северян, т.е. хазаров и базилов, соединившись перешли врата Чора”⁹². “После этого хазирь пленили страну Алуанк (Албанию). Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем на втором году Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летоисчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка (Албания) был перенесён из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов Христова”⁹³.

Знаменитый арабский историк и комментатор Корана ат-Табари (ум. в 923 г.) сохранил несколько ярких известий о походах кочевых племён через Дербентский проход в закавказские земли. При сасанидском царе Хосрове I Ануширване (531–579) “... народы (умма) абхаз, банджар и алан сговорились вторгнуться в его страну. Эти народы выступили в Армению, чтобы ограбить её народ”. Или же “хакан тюрок” Синджабу “привлёк на свою сторону народы абхаз, банджар, баланджар”, которые изъявили ему покорность. Он “выступил во главе ста десяти тысяч воинов и подошёл к земле, прилегающей к стране Сул”, требуя от сасанидского царя денег. “а для абхазов, банджар и баланджар выкуп, который они (персы) отдавали этим народам до царствования Кисра”⁹⁴.

Подобного рода сообщений очень много. Как зафиксировано в своде грузинских исторических летописей “Картлис цховреба”, при армянском царе Хосрове армяне, грузины, оссы, леки и хазары совместно выступают против войск Ануширвана, проникают в Иран, а грузинский царь Гурам (570–600), получив от византийского императора большую сумму денег, “приглашает овсов, дурдзуков и идойцев и идёт против персов и начинаст грабить и опустошать Персию”⁹⁵.

В такой обстановке охрана северных границ государства Сасанидов приобрела первостепенное значение. Укрепление кавказских проходов стало одной из важнейших задач сасанидских правителей, при этом внимание было обращено на обеспечение безопасности границ со стороны Дербентского прохода. На западном побережье Каспийского моря было возведено несколько линий оборонительных сооружений, так называемых “длинных стен”⁹⁶. Самые длинные в системе “длинных стен” — Бешбармакские укрепления у вершины горы “Беш-Бармак”, а затем — Гильгинчайская (или Ширванская) стена в Азербайджане⁹⁷. Но самыми грандиозными были укрепления, составляющие Дербентский оборонительный комплекс⁹⁸.

Изучение строительных традиций и анализ письменных источников показывает, что возведение Бешбармакской и Гильгинчайской стен, а также начало каменного строительства Дербента связаны со строительной деятельностью одного из активных царей сасанидской династии Кавада (488–531)⁹⁹. При его сыне Хосрове Ануширване (531–579) было завершено строительство Дербентского оборонительного комплекса. Ат-Табари сохранил интересное сообщение об участии в строительстве оборонительных сооружений в районе Дербента трёх сасанидских правителей Пероза (459–484), Кавада (488–531) и Ануширвана (531–579):

“Царь Фируз /ещё раньше/ возвёл в области Сул и в области алан стросние (бина), из скал с целью оградить свою страну от захвата теми народами, а царь (малик) Кубад, сын Фируза воздвиг в этих местах после своего отца много новых сооружений (бина), а когда вступил на престол Кисра (Хосров), то по его приказу были построены города (мудун), укрепления (хусун), валы (акам) и многие другие сооружения в области Сул из камня (букв.: “из скал”), вытсанных в области Джурджан”¹⁰⁰.

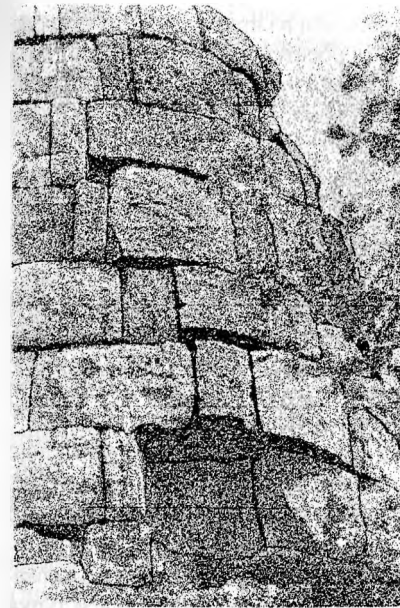

Критическое изучение археологического материала и письменных памятников дало возможность проследить поэтапность строительства “длинных стен” на Восточном Кавказе. Наиболее ранняя из сасанидских “длинных” стен — дербентская сырцовая стена, возведённая при шаханшахе Иездигерде II (439-457). Затем были возведены Бешбармакское и Гильгинчайское укрепления, и наконец — грандиозные каменные сооружения Дербента, оборонительный комплекс в составе северной и южной стен города, цитадели и Горной стены с системой фортов и полуфортов¹⁰¹.

Со строительством Дербентского оборонительного комплекса была достигнута основная цель полностью перекрыть прибрежную полосу, важную международную трассу (прикаспийский путь) и оградить северные границы государства Сасанидов от натиска многочисленных кочевых объединений.

Строительство дербентских укреплений было связано не только со стремлением оградить Сасанидскую державу от участвовавших тюрко-хазарских походов. Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что персидские отряды, находившиеся на Восточном Кавказе, часто подвергались нападениям горских народов. Арабский историк X в. ал-Масуди отметил это обстоятельство в своём сочинении: “Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берегов в море, а с другой стороны протянул её до вершины горы Кабк и сделал её спускающейся в ущелье гор, продолжая её до тех пор, пока не дошёл до укрепления по имени Табасаран. На каждых трёх милях этой стены он сделал железные ворота и поселил там с внутренней части каждых ворот народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Всё это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк, каковы хазары, аланы, тюрки, сериры и иные племена кафиrow...”¹⁰².

Возведение прочных дербентских сооружений позволило персидским правителям намного сократить численность гарнизона, поставленного на защиту прохода. Как писал арабский историк ал-Балазури (ум. в 892 г.), Ануширван повесил у входа Дербентской стены железные ворота, поручив охрану их ста всадникам, в то время как раньше на это требовалось 50 тыс. воинов¹⁰³. Ещё раньше, как сообщает “Дербенд-наме”, Ануширван “построил в областях (навах) Дербента много крепостей...”, а до Ануширвана восстанавливал Дербент человек по имени Бахрам... Ануширван переселил сюда из Персии много народу и построил много городов в этом вилайате¹⁰⁴. “Дербенд-наме” уточняет также, что в город было переселено из внутренних районов Ирана 3 тыс. семейств, служивших опорой сасанидских властей в самом городе и окрестных селениях. Всё это привело к середине VI в. к окончательному закреплению района Дербента в составе Ирана. Ал-Балазури сохранил интересные подробности о строительстве стен и о мероприятиях сасанидских правителей: “Хазары часто выступали из своей страны и нападали на соседние области, доходя иной раз до Дайнава. ... Затем Кубад построил стену из нежжёной глины между областью Ширваном и воротами ал-Лан, а вдоль глиняной стены он построил триста шестьдесят городов, пришедших в разрушение после постройки ал-Баб ва-л-абва-

Рис. 58. Сел. Тамиль. Участок форта, части горной стены VI в.

ба. Когда, после Кубада, на престол сел сын его, Кисра Ануширван, сын Кубада, он построил город Шабиран и город Маскат, а потом город ал-Баб ва-л-абваб... В построенные места Ануширван поселил народ, прозванный им сиясиджин и построил... ворота дуданитов”¹⁰⁵.

Строительство грандиозных крепостных сооружений требовало колоссальных финансовых затрат и физического напряжения многих тысяч крестьян и рабов, насильно согнанных на принудительные работы. Основная же тяжесть в сооружении оборонительных объектов Дербента падала на плечи кавказских народов, в том числе и дагестанских. Мовсэс Каланкатвази писал о персидских царях, “которые, изнузив свою страну, с помощью строителей построили из различных материалов великолепные сооружения и закрыли проход между Кавказским хребтом и великим Восточным морем”¹⁰⁶. Огромных материальных затрат требовала и продолжавшаяся

война Ирана с Византией. Перепись населения и новая система обложения, проведённая при Ануширване I, также усилили налоговое бремя.

Сооружение Дербентского оборонительного комплекса было только частью (хотя и основной) в системе мероприятий по упрочению позиций на Восточном Кавказе, немаловажную роль играли также меры социальной и политической ориентации. В Дагестане, как и везде, Сасаниды проводили свою традиционную политику опоры на местных правителей, политическую и экономическую их поддержку. Как уже отмечалось выше, на Восточном Кавказе Ануширван сохранил власть местных “царей”, упрочил их положение, создав, тем самым, свою социальную базу. Ануширван, как писал ал-Масуди, после постройки дербентских оборонительных стен “поселил там разные народы и их царей, которым он дал различные степени, отличив каждого царя особым именем и определив его границы”. Ал-Балазури писал, что Ануширван поддержал правителей Серира, Филана, Табасарана, Лакза, Маската, Лирана, Бухха, Зирихгерана, “назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью”¹⁰⁷.

Конечно, знаки и титулы, которые получили дагестанские правители, были внешним проявлением экономических привилегий¹⁰⁸. Инвестирующая Ануширваном дагестанских правителей преследовала, между тем, собственно основную цель привлечь на свою сторону те реальные силы, которые защитили бы север-

ные границы державы от вторжения кочевых племён из прикаспийских степей.

Таким образом, в интересах укрепления Дербентского прохода Сасаниды применяли комплексные мероприятия — строительство Дербентской оборонительной системы, введение в город персидских воинов, привлечение местных сил для охраны дербентских стен, укрепление отношений с местными правителями через систему инвеституры. Помимо этих фактов немаловажную роль играла также определённая веротерпимость (Дербент был в V-VI вв. одним из христианских центров Албании), которую Сасаниды проявляли в это время по отношению к местному населению¹⁰⁹.

Принимались также меры иного характера. Местная историческая хроника “Ахты наме” рассказывает о том, как “эмир Шахбани из рода Сасанидов, придя, по приказу Нуширвана, с шестидестью семьями из жителей Фарса и тремястами воинами (сипахи), в местность Ахты, поселился там, подчинив крепость... Он построил баню над тёплым ахтынским источником и наложил на неё харадж”¹¹⁰. Впоследствии этот харадж был снят. Хроника изображает это как добрую акцию Ануширвана, но в действительности это могло иметь место лишь в том случае, если налоговая политика Сасанидов натолкнулась на сопротивление местного населения.

Неоднократные выступления подчинённых областей, а также всё продолжающаяся война с Византией заставили Сасанидов пойти на значительные уступки местным феодалам, предоставить им значительные права в деле внутреннего самоуправления. Однако, власть сасанидского Ирана в Дербенте и близлежащих землях была прочной, подкреплялась силой многочисленного военного гарнизона и сохранялась до прихода войск Арабского халифата.

Оба фактора — “покровительственная” политика Сасанидов по отношению к представителям власти и социальные движения сыграли значительную роль в становлении и дальнейшем развитии раннеклассового общества в Дагестане.

3. Экономическое развитие дагестанского общества

(IV- первая половина VII в.)

Экономические и политические последствия опустошительных нашествий кочевых племён на равнинные и предгорные районы Северного Кавказа общеизвестны. Местное население этих районов было изгнано со своих земель и нашло убежище в горах. Однако со стабилизацией внешнеполитической обстановки начался поступательный процесс социально-экономического развития народов Северного Кавказа, “крупные этнические перемещения, столь характерные для рассматриваемой эпохи, и передвижения местного населения с мест первоначального обитания, а также начавшийся со временем процесс оседания кочевников на земле, увеличили плотность населения степных и предгорных рай-

онов Северного Кавказа”¹¹¹.

Взаимодействие земледельческих горных и скотоводческих равнинных районов, тесный союз степи и городов, взаимное общение, в взаимное дополнение двух типов хозяйственной деятельности — всё это содействовало прогрессивному развитию раннесредневековых дагестанских обществ.

Исследования последних лет, особенно труды отечественных учёных, изучавших жизнь кочевых обществ, убедительно показали, что суть взаимоотношений кочевых обществ с оседлыми цивилизациями определялась не только воздействием войн и длительных противоречий, но и наличием мирных контактов в сфере хозяйственной, социальной и культурной жизни, обусловленных сущностью и характером общественного развития труда¹¹². Огромные сдвиги во всех сферах экономической и социальной жизни на базе роста производительных сил, развитие ремесла, появление раннесредневековых городов и крупных населённых пунктов; упрочение связей с соседями, с Юго-Восточной Европой, со странами Ближнего Востока; формирование устойчивых экономических массивов, дальнейший рост культуры — это основные факторы, характеризующие экономическую и социальную жизнь раннесредневекового Дагестана.

Источники зафиксировали начало перехода гуннских племён к земледельческому труду. В последней четверти IV в. они “кочуют... никто из них не пашет и никогда не коснулся сохи”. В середине VI в. уже зафиксировано их приобщение к земледельческой деятельности. В 548 г. клирик Армении Макар прибыл в страну гуннов, “посадил растения и посеял разные семена”, при этом “гунны обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою страну, к своему племени”¹¹³. О переходе кочевых племён к оседлому и полuosедлому образу жизни свидетельствуют остатки поселений и городищ, стационарные могильники, сле-

ды земледельческого хозяйства и ремесла, упоминание городов, таких как Варачан, Чунгарс и др.¹¹⁴

Это было следствием огромного воздействия расположенных рядом традиционно земледельческих районов. Сирийский хронист

Рис. 59. Террасы в горах.

Захарий Мигиленский упоминает жителей горных районов Дагестана (“из пределов Даду, которые живут в горах, у них есть крепости”), ведущих оседлый образ жизни¹¹⁵. Археологические раскопки последних лет в Терско-Сулакском междуречье зафиксировали здесь густую сеть бытовых памятников (городищ, посе лений) и фортификационных сооружений (крепостей), начиная с VI в. и раньше¹¹⁶, а в последующем в Приморском Дагестане Хазария VII-X вв. предстаёт перед нами “как раннефеодальное государственное объединение, в котором, взаимно дополняя друг друга, переплелись оседло-земледельческие традиции местных народов с культурой кочевников”¹¹⁷. Раскопки и разведки Верхнего Чирюрта и на Сулаке показали сравнительно густо населённую котловину реки Сулак в раннем средневековье: на небольшом участке побережья Сулака протяжением в 15 км. зафиксировано 15 поселений, часть которых была обитаема в течение значительного времени. В Прикаспийском Дагестане вплоть до Дербента обнаружено большое число укреплённых и неукреплённых поселений со слоями IV-VII вв.¹¹⁸, свидетельствующих о повсеместном переходе населения к оседло-земледельческой хозяйственной деятельности.

Под влиянием земледельческой цивилизации процесс оседания кочевых племён прослеживается на всём протяжении “контактных зон” Северного Кавказа в бассейне Кубани, а районе Пятигорья, на территории Центрального Предкавказья, в Чечне и Ингушетии. Густая сеть городищ V-VI вв. с мощными культурными слоями и оборонительными сооружениями свидетельство своеобразного “демографического взрыва”, вызванного этническими перемещениями и переходом части населения на оседлый образ жизни¹¹⁹.

На всей территории Дагестана, особенно Внутреннего, в V-VI вв. происходило дальнейшее развитие основных отраслей сельского хозяйства — земледелия и скотоводства. Расширились площади пахотных земель, а следовательно, увеличивались урожаи основных зерновых культур пшеницы, ячменя, овса, проса. Террасное земледелие, в основе которого лежал титанический труд земледельца по сохранению и освоению пахотных участков и который отражал многовековой агротехнический опыт горцев, стало занимать заметное место в хозяйственной деятельности населения¹²⁰.

На раннесредневековых поселениях найдено большое число каменных жерновов, зернотёрок и других орудий земледельческого труда, сосудов для хранения зерна¹²¹. О месте земледелия в хозяйственной жизни горного Дагестана свидетельствует характер податей, которые вносили земледельцы в “зернохранилища” арабских воинов, прошедших в 30-х гг. VIII в. по внутренним районам Дагестана: из Серира “доставлять в зернохранилища ал-Баба сто тысяч мудд¹²² зерна, из Тумана — 20000 “мудд в зернохранилища ал-Баба”, из Зирихгерана — 10000 мудд, из Хамзина (Кайтар) — “тридцать тысяч мудд (зерна) ежегодно”, из Табасарана — 10 тысяч¹²³.

Археологические раскопки показывают, что в V-VII вв. ремёсла достигают высокого уровня. Такие виды ремесла, как гончарное, строительное, кузнечное, бронзолитейное, ювелирное совершенствуются. Многие населённые пункты Дагестана, появившиеся как военно-политические центры, превращаются со временем в очаги торгово-ремесленной деятельности. Можно проследить два

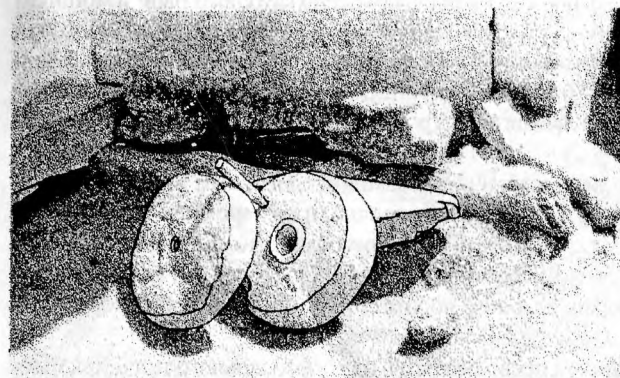

Рис. 60. Ручные мельницы. Большое число таких мельниц обнаружено на раннесредневековых поселениях Дагестана

вида таких очагов: одни лежали в прибрежной зоне, на трассе международного значения, соединявшей страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Поволжьем, Северным Кавказом; другие же возникли во внутренних районах, ставших средоточием административной, политической и экономической жизни. Обычно это — столицы сравнительно крупных политических объединений, К первым относятся Топрах-кала, Дербент, Урсеки, Махачкалинское городище и др. В VII в. в “государстве гуннов” было уже, судя по “Армянской географии”, несколько городов: Варачан, Чунгарс, М.с.н.д.р. (Семендер). Ко второй категории относился ряд ремесленных центров, имевших местное значение, и связанных, как правило, с близлежащей округой, удовлетворяя спрос на сельскохозяйственные орудия, пред-

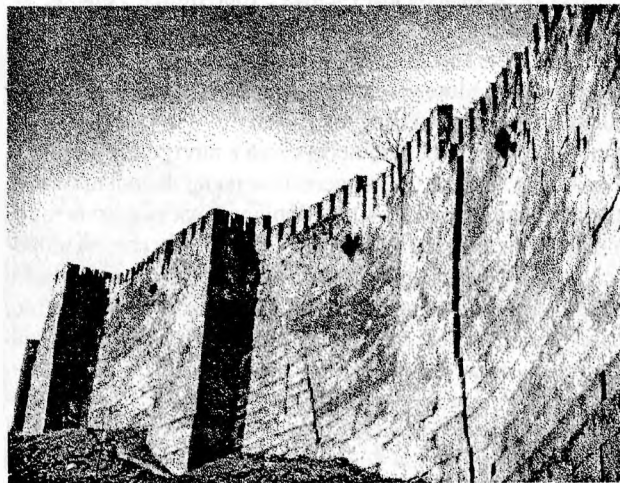

Рис. 61. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Южная стена. VI в.

меты домашнего обихода, украшения. Такие пункты, как поселения близ Агачкала, Бежта, Галла, Гапшима, Гоцатль, Хлют, Верхнее Казанище и многие другие населённые пункты, выступают именно в этой роли¹²⁴.

К этой группе можно отнести и городище Торпахкала, расположенное южнее Дербента, близ современной станции Белиджи.¹²⁵ Оно занимало

Оно занимало

значительную площадь, около 100 га, было обнесено глубоким рвом и мощным глиняным валом высотой до 12 м. Впоследствии, с ростом значения Дербента как основного экономического и военно-стратегического центра, престиж Торпах-калы падает. Выдвинуто предположение о том, что Торпах-кала и есть тот самый город Шахристан-и Иездигерд, строительство которого связано с именем Иездигерда II (439-457) ¹²⁶.

Дербент к VI в. был уже укрепленным административным центром, местопребыванием персидского наместника марзпана, а со строительством оборонительного комплекса город превратился в превосходную, неприступную крепость. Сасаниды называли его Дербентом (Дарбанд “узел ворот”), а арабы придали названию арабскую форму ал-Баб (“ворота”) или Баб ал-абваб (“Ворота ворот”).

Постепенно Дербент стал превращаться в город феодального типа. Как известно, представители арабской исторической литературы отмечали многочастную структуру восточных городов. В частности, многие города имели двухчастное или трёхчастное деление. В первом случае составными частями были собственно город (мадина, или шахристан) и цитадель (кала, или кухендиз). Во втором же, помимо шахристана и кухендиза, отмечается рабад — внешний город, первоначально предместье. В VI первой половине VII в. Дербент имел двухчастную структуру, состоял из шахристана и кухендиза, и лишь впоследствии, после установления здесь власти Халифата и превращения города в крупнейший торгово-ремесленный центр Кавказа, он приобрёл более сложный внутренний облик ¹²⁷.

В прибрежной же полосе, вплоть до середины VIII в., процветал “великолепный город Варачан”, отождествляемый рядом учёных с городищем Урцеки, западнее Избербаша. Это одно из ряда мнений. Варачан локализируют также на Койсу, в районе Буйнакска; на месте городища Шах-Сенгер, что в 36 км к северу от Дербента; близ сел. Башликент. Многие исследователи отождествляют его с хазарской столицей Баланджером (Беленджер).

Город контролировал путь от каспийского побережья к внутренним коммуникациям Дагестана. Городище Урцеки было расположено на небольшом возвышении, на довольно большой площади 35-40 га. Верхнюю часть города занимала хорошо укрепленная цитадель с башнями. К городу вело несколько широких, хорошо охраняемых дорог. Урцеки был как административным, так и ремесленным центром. Здесь было развито кузнечное и керамическое производство, ювелирное и строительное дело. На городище сохранились остатки монументальных каменных построек бытового, культового и оборонительного назначения. За пределами города простиралась сельскохозяйственная территория (более 2000 га), защищённая, в свою очередь, системой “длинных стен” ¹²⁸.

Крупным ремесленным центром был и Зирихгеран (современное Кубачи и ряд соседних селений). Персидское название этого центра, означает “бронники”, даёт основание предположить, что ремесленное производство было известно здесь до прихода арабов, по крайней мере, с VI в. В последующем, значение

Рис. 62. Городище Урцеки. Остатки башни

арабский полководец Маслама заключил мир с жителями многих “городов (шахр)”; на пути в Серир Марван осаждал город (шахр) Ш.к. ¹²⁹ В данном случае речь идёт, скорее всего, о крупных укреплениях, а не о городах в полном смысле этого слова.

Выше уже говорилось о группе населённых пунктов, ставших центрами ремесленного производства и обслуживавших близлежащую сельскохозяйственную округу. Они стали очагами местной торговли, связывающими между собой отдельные районы. Однако, в связи с наметившейся специализацией селений на производстве отдельных видов ремесленных изделий, усилился торговый обмен между районами Дагестана, между ремеслен-

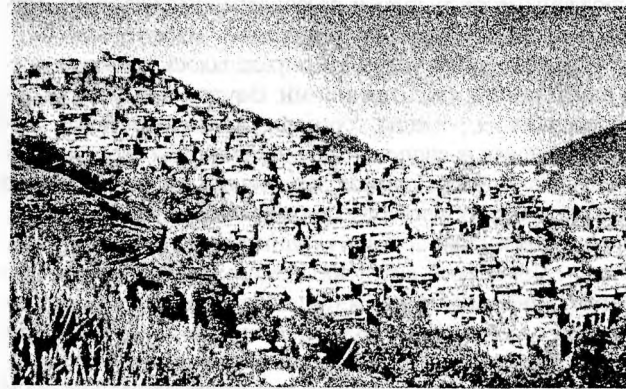

Рис. 63. Селение Кубачи

этого центра растёт, и в X в. мы можем говорить уже о наблюдаемой здесь специализации на производстве отдельных изделий.

Города, по сведениям восточных авторов, широко известны в Дагестане в VII-VIII вв.: так, например, арабский полководец Сурака послал отряд в “город, которые были в горах Дербента”, другой

арабский полководец Маслама заключил мир с жителями многих “городов (шахр)”; на пути в Серир Марван осаждал город (шахр) Ш.к. ¹²⁹ В данном случае речь идёт, скорее всего, о крупных укреплениях, а не о городах в полном смысле этого слова.

Выше уже говорилось о группе населённых пунктов, ставших центрами ремесленного производства и обслуживавших близлежащую сельскохозяйственную округу. Они стали очагами местной торговли, связывающими между собой отдельные районы. Однако, в связи с наметившейся специализацией селений на производстве отдельных видов ремесленных изделий, усилился торговый обмен между районами Дагестана, между ремеслен-

ными центрами, с одной стороны, и земледельческими и скотоводческими хозяйствами — с другой. Успехи ремесла, земледелия, скотоводства неминуемо вели к росту торговли, как местной, так и международной. Если до VII в. торговая деятельность на международной арене сдерживалась военно-политическими факторами, то впоследствии, в VIII-X вв., наблюдается небывалый до этого расцвет в этой области. В основе его лежит факт перемещения в бассейн Каспийского моря торговых путей, соединивших страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем, Северным Кавказом. Дербент стал крупнейшим портом на Каспии, центром ремесла и торговли, транзитным пунктом международного уровня. Его расположение на международной трассе имело огромное значение для экономического развития Дагестана в целом, так как это обеспечивало контакты внутренних районов Дагестана с внешним миром.

Археологические материалы подтверждают, что в раннем средневековье Дагестан был связан сухопутными и морскими торговыми путями с Северным Кавказом, Закавказьем, Доном, Волжской Булгарией, Хорезмом, Византией, Ближним Востоком¹³⁰.

Следует также иметь в виду, что Дербент был не единственным пунктом, через который осуществлялась связь с внешним миром в V-VII вв. Значительную роль играли многочисленные горные перевалы, связывавшие горцев со своими непосредственными соседями народами Албании и Грузии. Роль этих перевалов в жизни дагестанских горных обществ весьма слабо изучена.

4. Социальный строй Дагестана в VI-VII вв.

Изучение социального строя древних и раннесредневековых обществ всегда сталкивается с многочисленными трудностями, связанными прежде всего, с отсутствием сколько-нибудь удовлетворительных источников.

Социальное развитие дагестанского общества определялось многими важными факторами, как внутренними, так и внешними. Внутренние факторы — это дальнейшие успехи земледелия, ремесла, торговли, становление и укрепление малой семьи, возникновение и расширение позиций частной собственности. Внешние факторы — это политика (налоговая, земельная и т. д.) сасанидского Ирана и Арабского халифата на завоеванных землях, в частности, в Дагестане. Эта политика, исходящая от стран, ставших на путь раннефеодального общества, содействовала ускорению социального развития. Темпы становления нового общества зависят от интенсивности и продолжительности синтеза этих факторов, хотя в указанный период социальное развитие в целом шло “в сторону постепенного зарождения феодальных отношений, когда на основе имущественной и сословной дифференциации внутри общин вычленяется разного рода социальные группы, из которых одни служат основой для оформления класса феодалов, другие зависимых крестьян”¹³¹.

Археологические материалы свидетельствуют о неуклонном процессе иму-

ущественной дифференциации, с одной стороны, и прочном становлении малой семьи в качестве основы общественной структуры Дагестана, с другой. Большая семья, уступив первенство семье малой, продолжала однако существовать и оказалась настолько живучей, что в пережиточной форме дошла до XX века.

Существенную роль в социальном развитии дагестанского общества сыграло то обстоятельство, что часть его длительное время находилась в составе Кавказской Албании — одного из наиболее ранних государств на территории нашей страны. В состав албанского классового общества входили отдельные союзы племён или союзы союзов (суперсоюзы), возглавляемые своими “царями” до объединения их под единой властью.

K IV-V вв. относятся первые сообщения о “царях” в горских обществах. Египше Вардапет сообщает об “одинадцати царях” горцев, выступивших против сасанидского Ирана¹³². Он же пишет о Шергире (371 г.), “царе леков”. Очевидно, “царь леков” — правитель сравнительно большой территории, в то время, как одинадцать горских “царей” можно рассматривать как вождей отдельных племён или их союзов.

K VI в. сообщения о правителях становятся более определёнными. Сообщения эти связаны с деятельностью знаменитого персидского шаха Ануширвана, который “выбрал... правителей (мулук, ед. ч. малик) и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Среди них хахан горы, а он сахиб ас-Серир, и называется он вахрарзаншах (вар. — вахрараншах), малик Филана, а он филаншах, табасараншах, малик ал-Лакза, он с титулом джуршаншах, малик Маската, владение (мамлака) которого ныне не существует, малик Лирана, а он лираншах, малик Шарвана, а он шарваншах. И назначил он сахиба Бухха над Буххом, сахиба Зирикарана (вар.: Зирихкаран) над Зирикараном”¹³³.

Эта цитата показывает, что иранский шах сохранил в Дагестане существовавшее положение, не создал новую административную структуру, а утвердил и подкрепил положение местных правителей, присудив им титулы иранского происхождения. Арабский источник зафиксировал традиционную церемонию одаривания зависимых правителей дорогими халатами: “Нуширван, сын Кубада... построил несколько городов, среди них город, входивший в число семи городов Мадаина, и назвал его “Бех аз Андийу”, это румийское название ал-Мадаина. Значение “Бех аз Андийу” — “лучший из Антакии”... и построил от моря до горы около 20 фарсахов. Он обосновал в каждой стране (тараф) предводителя (каид), выделив ему войско, отдав им сук (земельный участок) в качестве дая, определил его вакфом их потомкам. Их потомки стали с того времени охраной пределов страны (Дербентского оборонительного комплекса). Он одарил каждого из кайдов в день его назначения на охрану определенного ему сагра (пограничной области) халатом (каба), разрисованным различного рода рисунками. Предводитель носил титул по названию того рисунка, что на халате. Так появились имена: баграншах “шах кабанов”, ширваншах “шах львов”, филаншах “шах слонов”. Один из них имел в своём распоряжении серебряный трон, (потому его называли сериршахом, а по-арабски “владелец трона”, а “серир” не арабское имя, а персидское...”¹³⁴.

Последняя цитата хорошо иллюстрирует политику иранских правителей по

обеспечению безопасности северных границ Сасанидской державы. Строительство городов и укреплений сопровождалось переселением и обоснованием в опорных пунктах персидских воинов и, самое главное — обеспечением предводителей земельными участками, дийа, с правом их наследования. Условное наследственное землевладение налоговая система “были взяты на вооружение” в раннем Арабском халифате. У нас нет документальных данных о налоговой политике Сасанидов в Дагестане, но указания повествовательных текстов имеются: выше уже приводилось сообщение о том, что Ануширван построил в сел. Ахты крепость, затем, “построил баню над тёплым источником и наложил на неё харадж”. Можно предположить, что власть сасанидского Ирана была более всего ощутима в Дербенте и его округе и была практически номинальной во внутренних районах Дагестана.

Арабские источники, перечисляя местных правителей, употребляют различную социальную терминологию: Сериром управляет хакан или сериршах, Табасараном и Лакзом малики, Филаном — малик или филаншах, Буххом и Зириканом (Зирихгераном) — сахибы (“владельцы”). В “Ахты наме” в связи с событиями VII в., сообщается об эмирах селения Микрах, шахе Албурзи, эмире Кяги и других правителях местной власти.

В исторической литературе уже указывалось на необходимость изучения социальной терминологии IV–VI вв. для Приморского Дагестана (малик, падишах и т.д.), “... поскольку указанные термины не всегда означали именно государя, главу государства как такового, порой просто главу племени или племенных объединений”¹³⁵. Однако термины, которыми пользуются в данном случае Хамза Исфакхани и ал-Балазури, действительно относятся к правителям дагестанских государственных образований, а не к племенным вождям.

Указанные выше изменения на политической карте Дагестана в IV–VI вв. появление первых самостоятельных государственных образований во главе с правителями (малик, шах, сахиб, хакан) — свидетельство перехода Дагестана в стадию раннеклассового общества. Появление городов с многочастной структурой (цитадель и собственно город; цитадель, собственно город и рабад), укрепленных поселений, многочисленных “городов” и “крепостей” — это факторы, сопровождающие процессы социального развития.

Существенные изменения в экономической и социальной структуре народов Северо-Восточного Кавказа выразились в создании в середине VII в. на территории Северного Дагестана значительного по своим размерам и влиятельного по своему международному престижу государства Хазарского каганата.

5. Образование Хазарского каганата

В исторической литературе указывается, что на Северном Кавказе “древние аборигенные группы горной зоны и предгорий, ираноязычные общности предгорий и степи и влившиеся в их состав различные по языку, хозяйственному укладу и уровню социального развития тюркские общности составили в этот

период единую динамическую систему, которая стала основой интеграционных процессов, приведших в дальнейшем к сложению относительно прочных внутритерриториальных связей”¹³⁶.

Постоянное и близкое общение зон оседлой и кочевой культур, объединительные тенденции, проявившиеся у всех народов Северного Кавказа, оседание части кочевого населения в районах предгорья все эти факторы хорошо прослеживаются в VI–VII вв. Начавшиеся принципиальные изменения в экономическом укладе кочевых общностей Северного Кавказа содействовали формированию мощных военно-политических союзов, федераций союзов племён.

В середине VII в. в степях Северо-Восточного Кавказа сложилось Хазарское государство, первое феодальное государственное образование в Восточной Европе, отличавшееся обширными размерами и военно-политической мощью, успешно соперничавшее с такими крупнейшими державами, как Византийская империя и Арабский халифат. Каганат просуществовал более трёхсот лет, от 20–30-х гг. VII в. до середины X в.

Первые сведения о хазарах принадлежат армянским источникам и относятся к событиям конца II начала III вв.; однако эти сообщения рассматриваются учёными как анахронизмы. Первые же достоверные сведения о хазарах относятся ко второй половине V в., когда они отпочковались от гуннского союза вместе с булгарами и другими народами¹³⁷.

Формирование Хазарского каганата — длительный и сложный процесс. Хазары первоначально входили в состав гуннского племенного объединения, занимавшего с конца IV в. прикаспийские и донские степи. Как уже указывалось, распад гуннской империи в середине V в. привёл на определённое время к самостоятельному развитию ряда крупных тюркоязычных племён барсиллов, савир, аваров, болгар, хазар¹³⁸.

Ещё во второй половине V в. степные просторы Азово-Каспийского междуручья, включая полосу приморской низменности до Дербента, были заняты воинственными племенами савиров. Савиры включили в свою конфедерацию и другие тюркские племена гуннов и хазар. Во второй половине VI в. хазары, как и другие народы Северного Кавказа, попали в зависимость от великой державы Тюркского каганата, образовавшегося в середине VI в. в Центральной Азии. Тюркский каганат был могущественным государственным объединением эфталитов. Это важное событие, а также союз с Ираном и Византией ещё более укрепили положение и престиж Тюркского каганата.

Тюркский каганат сыграл важную роль в истории хазар: ворвавшись в Предкавказье, тюрки покорили, как пишет арабский автор ат-Табари (ум. в 923 г.), болгар, беленджер (б.н. дж.р.), хазар; каганат способствовал консолидации хазар с рядом родственных племён.

В первой трети VII в. произошло важнейшее событие, сыгравшее решающую роль в судьбах хазар. Тюркский каганат, сколоченный из многочисленных, хотя, в основном, и этнически однородных племён, распался, и на его развалинах

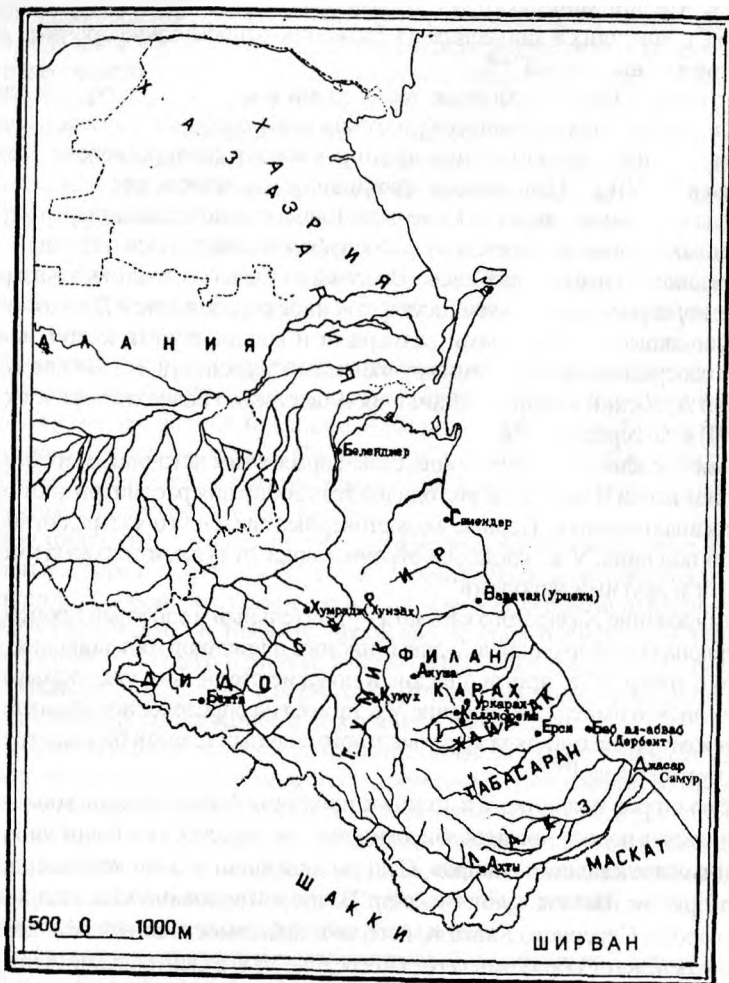

Рис. 64. Дагестан в VII-X вв.

1 — Зирихгеран

стали складываться новые государственные образования. В Приазовье и на Тамани сложилась Великая Болгария, а на северо-восточной части Северного Кавказа сложилось Хазарское государство. Со временем территория каганата расширилась, а племенной союз хазар и болгарских племён дал начало классовому государству.¹³⁹

По мнению исследователей, разделение болгар и отход части их на север, в Поволжье, могли иметь место во второй половине VII в., между 650 и 679 гг., когда

болгарские земли на Северном Кавказе были заняты хазарами¹⁴⁰. “Царство” гуннов также вошло в состав каганата.

К концу VII в. хазары господствовали в основном на Восточном Кавказе, включая прибрежную полосу Каспийского моря до Дербента.

К IX в. границы Хазарского каганата доходили на юге до реки Сулак, иногда вплоть до линии дербентских укреплений, на западе каганат включал степи и предгорья Прикубанья, приазовские степи и большую часть Крыма, Подонье. Левый берег Дона, где в 835 г. был построен Саркел, составлял границу с мадыарами, кочевавшими между Доном и Днестром. С середины VIII в. Поволжье и Подонье становятся главными областями Хазарии.

Помимо Северного Кавказа, Подонья и Нижнего Поволжья, “Хазарии подчинялись, вплоть до её крушения, почти всё Поволжье, следовательно, под её контролем находился Великий Волжский путь, по которому шла оживлённая торговля между Востоком и Западом”¹⁴¹.

Под властью Хазарии находились бургасы, Волжская Булгария, часть славян¹⁴². Русская летопись отмечает: Хазары “брали дань с полян и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке с дыма”¹⁴³. Под властью каганата оказалась значительная по своим размерам территория и крупнейшие торговые артерии региона.

В хронике Михаила Сирийца (ум. в 1199 в.) сохранилась этногенетическая легенда (она взята из “Истории” VI в. Иоана Эфесского), суть которой выражается в следующем: было три брата, которые в конце VI в., выйдя из Внутренней Скифии, дошли до р. Танаис. Одного из них звали Булгар, и он получил земли близ Дуная. “Два других брата пришли в страну алан, называемую Берсилия, в которой римлянами были построены города Каспия, называвшиеся вратами Тугае... Когда над страной (Берсилией) стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени того старшего брата, которого имя было Хазарик. Это был сильный и широко распространённый народ”¹⁴⁴.

В этой легенде точно определяется время (VI в), когда хазары действительно впервые выступили как внушительная и самостоятельная этнополитическая единица. Во-вторых, хазары локализованы в легенде в стране Берсилия. Каково же отношение хазар и жителей Берсилии? “Из глубины Берзилии... вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря” написано в византийской хронике¹⁴⁵. Общее направление современных исследований заключается в признании того, что хазарская история неразрывно связана с этническим миром Северного Кавказа и что Берсилия (Барсилия) прародина хазар, расположенная в Северном Дагестане¹⁴⁶. Известный немецкий учёный Й. Маркварт ещё в начале XX в. обоснованно считал, что Берсилия занимала прибрежную территорию западного Каспия, простираясь от Дербента до Терско-Сулакского междуречья¹⁴⁷.

Столицей Хазарского Каганата был первоначально Семендер (вариант: Самандар), крупный город, возникший на границе земледельческой и скотоводческой хозяйственных зон, на торговой трассе, соединившей Северный Кавказ, Юго-

Восточную Европу и Поволжье с ближневосточным и закавказским миром. Первое упоминание относится к середине VI в., когда, по сообщению арабского автора, он был основан Ануширваном в интересах укрепления северных границ Сасанидской державы. Упомянутый в “Армянской географии” VII в. “Мендр” по мнению ряда учёных и есть город Семендер. В VII же веке, как сообщают армянские авторы, на Северо-Восточном Кавказе имелись уже, наряду с Семендером, и другие города.

Локализация Семендера оказалась для исследователей весьма сложной задачей. Большинство авторов, как отечественных так и зарубежных, отождествляют Семендер с современным селением Тарки и его окрестностями¹⁴⁸.

Имеются и другие мнения: что это нынешний Кизляр или же нынешнее селение Буйнак южнее Махачкалы; Семендер был расположен “близ низовьев Сулака”; он был расположен в низовьях Терека; остатком древней хазарской столицы является селение Эндирей, ставшее “вторым Семендером”; Семендер расположен на территории Северного Приморского Дагестана¹⁴⁹.

Эти противоречивые мнения — отражение противоречивости самих сообщений, оставленных нам арабскими и персидскими авторами. Известный востоковед Б. Н. Заходер обобщил все эти противоречивые данные и пришёл к следующему выводу: “... рассказ о Семендере, встречающийся в различных источниках, входящих в Свод, представляет собой сложное явление. Составленный из одновременных и нередко противоречивых наблюдений, этот рассказ даёт тем не менее основание считать, что город, служивший хазарам первой столицей... продолжал существовать после захвата и разрушения его арабами в 104 / 722-723 гг., много спустя после перенесения столицы на Нижнее Поволжье, в Итиль”¹⁵⁰.

За последние годы, в связи с развернувшимися на Северном Кавказе археологическими работами, выдвинуты ещё несколько предположений о Семендере. Так, например, выдвинуто предположение о том, что Семендер следует видеть в укреплении близ станицы Шелковской в Чечено-Ингушетии¹⁵¹, или же о том, что территорию между современным сел. Тарки и возвышенностью Анжикала (или Анджиарка) и занимал раннесредневековый Семендер, причём на Анджи-кала были расположены цитадель и основное ядро Семендера¹⁵².

В целом же, мнение о том, что Семендер был расположен на месте современного Тарки или же рядом с ним, остаётся непоколебленным и наиболее обоснованным.

В первой четверти VIII в. Семендер перестал быть столицей Хазарии: вместо него был выбран другой город, расположенный в более безопасном месте. Столицей Хазарского каганата стал город Итиль в Нижнем Поволжье, у впадения Волги в Каспийское море.

Акция переноса столицы на север не означала, что Семендер вместе со статусом столицы потерял свой вес как торговый центр и как город со значительной сельскохозяйственной периферией. Напротив, в VIII-X вв. (вплоть до 965 г.) он оставался значительным торговым центром, значение которого неудержимо росло вместе с небывалым ростом каспийской морской торговли и развитием

сухопутных торговых связей. Семендер упоминается во всех сухопутных маршрутах вдоль западного побережья Каспийского моря.

За последние десятилетия проводились серьёзные и продолжительные археологические работы на территории бывшего Хазарского каганата. Они дали ценный и неоспоримый материал о хозяйственной жизни и поселениях Хазарии. Археологические данные убедительно показали, что Терско-Сулакское междуречье, древний центр каганата, было в VI-VII вв. территорией, отличавшейся своей густонаселённостью, обилием поселений, свидетельствующих о доминировании оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, причём поселения эти (неукреплённые пункты, городища, крепости) занимали различные географические зоны: предгорья, степи и пограничные зоны степей и предгорий. Однако наибольшая концентрация памятников наблюдается в предгорьях и в переходной зоне, по долинам рек Сулак, Акташ, Ярыксу, Аксай. Установлено также, что наиболее сильное обживание Терско-Сулакского междуречья относится именно к хазарской эпохе.

С хазарами связано не только возрождение поселений в предгорьях, но и освоение всей степной зоны Прикаспия. На основе археологических работ установлено, что в VII-VIII вв. основными видами хозяйственной деятельности Хазарии становятся земледелие и скотоводство, причём земледелие было орошаемое (в древних долинах). В Терско-Сулакском междуречье обнаружены остатки древних ирригационных каналов. В земледелии преобладали виноградарство и садоводство, а зерновые культуры также занимали немаловажную роль. Не только сельские земли, но и города были связаны с сельскохозяйственным производством об этом свидетельствуют орудия труда, остатки многочисленных зерновых ям, обширные сельскохозяйственные округа, примыкающие к городам.

Археологические работы выявили также бытование в каганате развитого ремесленного производства, вплоть до специализации его отдельных отраслей. Материалы Верхнечирюртовского, Андрейаульского и других городищ свидетельствуют о том, что эти раннесредневековые города в Дагестане представляли собой центры металлургии и металлообработки. Обнаруженные здесь шлаки (отходы производства железа), многочисленные предметы вооружения (наконечники копий, слабо изогнутые однолезвийные сабли из стали, остатки кольчуг и доспехов), разнообразные ювелирные изделия из цветных металлов — бронзы, серебра, золота (браслеты, перстни, пряжки, зеркала) — всё это свидетельствует о глубоких традициях и высоком уровне развития металлургии, кузнечного и ювелирного дела. Широкое развитие получило гончарное производство (обнаружено большое число обжигательных печей, а керамика богато представлена всеми тремя основными группами — столовой, кухонной и тарной). Большого подъёма достигло строительное дело (возведение оборонительных стен, башен, крепостей, культовых зданий, гражданских сооружений)¹⁵³.

Характерная особенность Хазарского каганата IX-X вв. — это наличие большого числа городов. Как уже упоминалось, “Армянская география” (VII в.) называет в “стране гуннов” такие города, как Варачан, Чунгарс, Мендр (Семендер).

Известное сочинение X в. “Худуд ал-алам” также упоминает большое число городов, существовавших в X в.

Сведения о многих городах Хазарии отрывочны, иногда противоречивы. Поэтому локализация эти городов чрезвычайно затруднена. Выше уже говорилось о местоположении Семендера. Также противоречивы мнения о местонахождении Варачана, Баланджара (или Беленджер), ал-Байда, (Атиль)¹⁵⁴.

Подробное описание Варачана (вариант Вараджан) даёт автор “Истории агван” (“История страны агван”) Мовсэс Каланкатваци. Он пишет о столице гуннов (“хонов”) Варачане, “великолепном городе”, куда в 681 г. прибыл Израэл, посол албанского князя для распространения здесь христианства. “Армянская география” VII в. также сообщает о Варачане, после сообщений о маскутах: “На севере от них гунны и город их Варачан и другие”¹⁵⁵. Существует несколько взаимоисключающих мнений о локализации Варачана: он был расположен на месте современного городища Урцеки; его остатки надо искать в районе селения Башлы или на реке Сулак, “на одном из притоков Койсу” или же в районе Буйнакск; Варачан можно отождествить с городищем Шах-Сенгер. Ряд исследователей считает, что Варачан, упоминаемый только в армянских источниках, и Баланджар, упоминаемый арабскими историками и географами IX-X вв. это два названия одного и того же города.

Арабские и персидские источники неоднократно упоминают город Баланджар (Беленджер). Правда, в связи с событиями VI в., т. е. с рассказами о взаимоотношениях Ануширвана с народами Северного Кавказа, мы встречаем баланджар (беленджер)¹⁵⁶ как этнический термин. Имеются также сообщения о реке Баланджар, горе Баланджар, проходах Баланджар. Но чаще всего пишется о Баланджаре как о населённом пункте, расположенном к северу от Дербента. У ат-Табари Баланджар впервые упоминается как населённый пункт под 32 / 652 г. и затем это название даётся неоднократно, но автор не называет Баланджар крепостью. Представляет интерес сообщение ат-Табари о походе арабов в 104 / 722 г.: “В этом году ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками, наместник (эмир) Армении и Азербайджана, совершил поход в землю тюрок, захватил Баланджар, разбил тюрок, утопил их и всё их потомство в воде... Джаррах захватил крепость (хисн), прилегающую к Баланджару, и изгнал всех их жителей”¹⁵⁷.

Однако в персидской обработке истории ат-Табари, выполненной Балами, пишется о “Баланджаре, одной из хазарских крепостей”, о “земле (замин) Баланджар”, о “большом числе городов, которые называются Баланджар”¹⁵⁸. Арабский историк ал-Куфи (ум. ок. 926 г.) также называет Баланджар “одним из хазарских городов”, пишет он и о “земле Баланджар”¹⁵⁹. Арабский историк ал-Балазури (ум. в 892 г.) пишет как о “реке (нахр) Баланджара”, так и о “могиле (кабр) Баланджара” и просто населённом пункте Баланджар¹⁶⁰.

Источники не дают возможности убедительно локализовать Баланджар. Выдвинуто много предположений, ни одно из которых нельзя считать окончательным: Баланджар, он же Варачан, расположен на одном из притоков Койсу; Баланджар следует локализовать на нижнем течении Сулака, “по дороге, ведущей

из Петровска в Кизляр”; на месте городища Маджары, что на реке Кума; на месте средневекового Белиджинского городища; Баланджар и Самандар (Семендер) один и тот же город: он расположен в степях центральной части Предкавказья, восточнее Семендера; Баланджар расположен в районе Верхнего Чирюрта в Северном Дагестане. Последнее мнение кажется наиболее вероятным.

По сообщениям восточных авторов, частично уже изложенных, Баланджар предстаёт перед нами и как отдельный населённый пункт, и как самостоятельное значительное этнополитическое объединение с середины VI в. до 20-х годов VIII в.¹⁶¹.

Значительную часть дохода и обогащения хазарской знати составляли продукты земледелия и скотоводства, торговля пленными и торговая пошлина, взимаемая со всех купцов, проходивших через Итиль и другие города. Был установлен твёрдый контроль над важнейшим торговым путём из Восточной Европы в страны Передней Азии (путь из стран Ближнего Востока и областей Средней Азии вдоль западного берега Каспийского моря к устью Волги и вверх по Волге, вплоть до Булгара; путь через Переволочку на Дон, соединявший русские земли со странами Ближнего Востока и Закавказьем, который пересекал Таманский полуостров и часть Крыма. Хазары контролировали также и часть черноморской торговли)¹⁶².

Выгодное географическое положение и всё возрастающие торговые операции на Волге и Каспийском море создавали благоприятные условия для усиления хазарской власти. Немаловажную роль в этом играли также на заре каганата нападения на соседние области, особенно на плодородные земли Закавказья. Цели этих походов не ограничивались разорением земель, уничтожением населённых пунктов. Захват богатств, пленных, скота, установление дани, политическое господство — эти вопросы всё больше и больше становились в центре военных и внешнеполитических акций хазарской знати. Взимание дани и податей с подчинённых хазарам земель практиковалось в каганате повсеместно.

Вопрос о государственном строе Хазарского каганата давно привлекает внимание исследователей¹⁶³. В VII-VIII вв. вся полнота верховной власти была сосредоточена в руках хакана. Раньше этот титул носили верховные правители Тюркского каганата и авар. Вообще он был расхожим титулом многих тюркских и не тюркских правителей. Хакану подчинялись также правители тех областей, которые вошли в состав Хазарского каганата. В его руках была сосредоточена вся военная, административная власть, внутри- и внешнеполитическая деятельность¹⁶⁴. Социальной опорой хакана служили тарханы, хазарская знать. В различных источниках хакан именуется также “великий хакан”, “хазар-хакан”, “хакан-хазар”. Вторым лицом после хакана, его “заместителем” (“царь-заместитель”) был шад (он же малик). “Хазар-хакан представлял собою скорее символ суверенной власти, чем саму власть”¹⁶⁵.

Таким образом, возникновение и формирование Хазарского каганата как обширного и самостоятельного государства содействовало быстрой реализации возможностей земледельческого и скотоводческого хозяйства, развитию зем-

ледельческих и скотоводческих навыков, традиций, росту ремесла, торговли и. в конечном счёте, той имущественной и социальной дифференциации, которая послужила основой возникновения раннеклассового, раннефеодального общества. Этические общности, испытывавшие в течение трёхсот лет влияние каганата в рамках его или же в соседстве с ним, были вовлечены в общий для всего Северного Кавказа процесс этносоциального развития.

Вместе с тем Хазарский каганат не стёр границ между “формировавшимися на территории региона этносоциальными общностями уровня народности”, а создал условия “для дальнейшей консолидации, и для развития их дальнейших политических, социальных, хозяйственных и этнокультурных внутрирегиональных связей”¹⁶⁶.

Эти важные условия внутреннего развития каганата дополнялись международным аспектом. Каганат выступил наиболее активным противником арабской агрессии на Северном Кавказе. Хазарский каганат выступил в качестве щита, защитившего от арабов восточноевропейские земли.

Войны хазар с арабами отвлекли значительный воинский контингент от византийских границ и содействовали также в немалой степени сохранению Византии как самостоятельной империи. Войны с арабами имели огромные последствия и в другой области. Постепенное переселение части алан, болгар, хазар на север, на широкие пастбища волжских, донских, донецких степей привело к оседанию в этих районах людей на земле, к занятиям земледельческим трудом. Археологические памятники, оставленные различными оседлыми и кочевыми племенами на территории Хазарского каганата и исследуемые археологами, представляют собой совокупность близких археологических по материальной культуре объектов, объединённых в так называемую салтово-маяцкую культуру. Носители этой культуры отличались значительной этнической пестротой (аланы, болгары, хазары, славяне, угры, остатки готтского и греческого населения) при наличии одновременно, многих общих черт. Это была не столь этническая, сколько государственная культура¹⁶⁷.

¹ Гадло А.В. Этническая история северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979. С. 12-13. В последнее время высказано мнение о том, что нет возможности точно определить, кем были гунны — финно-уграми, тюрками или же смешением тех и других (Новосельцев А.Л. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. 1985. № 5. С. 95).

² Новосельцев А.Л. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 69-70.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 94; Плетнёва С.А. Хазары. М., 1986. С. 13.

⁴ Аммиан Марцеллин. История, XX-XI, 3, I, 3; ВДИ. 1949. № 3. С. 305-306.

⁵ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 4. С. 228; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 19, 26.

⁶ Новосельцев А.Л. Хазарское государство. С. 81.

⁷ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 30; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 116.

⁸ Общий обзор: Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1993. С. 279-281.

⁹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 26, 58.

¹⁰ Египше. О Вардане и войне армянской. / Перевод с арм. И.А. Орбели. Ереван, 1971. С. 31.

¹¹ История Египше Вардапета. Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис, 1853. С. 18.

¹² Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Март. С. 23. Это сообщение взято из “старого списка”. “Новый список” свидетельствует: “К северу (от Дербента) близ моря находится... царство гуннов, на западе у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсандр (Семендер)” — см.: Там же, С. 31.

¹³ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, с. 17; Абебян М. Из истории древнеармянской литературы. Ереван, 1948. Т. I. С. 151.

¹⁴ Фавст Бузанд. История Армении. / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геровчяна, Ереван, 1953. Кн. III. Гл. 7. С. 15.

¹⁵ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 86-91.

¹⁶ Египше О Вардане и войне армянской, VII, 197-198. С. 169; Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк, I, 10. / Пер. с древн.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984. С. 28.

¹⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 31.

¹⁸ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 110; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 192; Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. I. С. 156; Гаджиев М.С. К этнической карте Дагестана албанского времени // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1986. С. 10.

¹⁹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. С. 36.

²⁰ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Март. С. 29-31. В перечне племён, упоминаемых Вардапетом Египше, встречаются: гунны, лпины, чилбы, хечматаки, ваты, гавы, глары, хрсаны, пасхи, посхи, пюкуане, катшы, гелы, “всё войско Табасарана, горного и равнинного” (Египше О Вардане..., IV, 94 (С.92); V, 116 (с.107)). В “Армянской географии”, составленной на основе данных Птолемея, этническим леги дан не в древнегреческой, а в грузинской форме: лек (см.: Еремян С.Т. Опыт реконструкции первоначального текста “Ашхарацуц” // Историко-филологический журнал Ереван. 1973. №2. С. 270; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. пер. с древнегруз. Г.Б. Цулая. М., 1979. С. 43. (прим.5).

²¹ Гаджиев М.С. К этнической карте. С. 10; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 192.

²² Магомедов Р.М. Далёкое прошлое Дагестана. Махачкала, 1940. С. 17-18.

²³ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 44-48.

²⁴ Страбон. Кн. V. Гл. 5. I (Цит. по: Тревер К.В. Очерки о истории и культуре Кавказской Албании. С. 47); Страбон. География. Л., 1964. С. 477.

²⁵ История Египше Вардапета. С. 195; История Армении Моисея Хоренского, С. 174; Патканов К. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. С. 29-39; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. С. 81.

²⁶ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 25; Магомедов Р.М. Далёкое прошлое Дагестана. С. 17; Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991. С. 8; Абдуллаев И.Х., Михаилос К.Ш. К истории дагестанских этнонимов лэг и лак // Этнография имён. М., 1971. С. 15.

²⁷ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. С. 43. (примечание Г.В. Цулая). Далее Г.В. Цулая отмечает: “Это можно расценить как свидетельство единой политической ли-

нии Дагестана во взаимоотношениях с Грузинским царством” (С. 43).

²⁸ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании.

²⁹ Моисей Каганкатвацци. История Агван / Пер. К. Патканова. СПб. 1861. С. 191-192.

³⁰ Обзор различных мнений см.: Джафаров Ю.Р. О локализации “страны” лпинов и чилбов // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использование. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 16-17.

³¹ Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз — Трдата к хазарскому хакану Алп- Илитверу // Записки ИВ АН СССР. Т. VII. 1939. С. 149.

³² Юшков С.В. История Дагестана, Рук. фонд Института ИАЭ. Ф. I. оп. I. Д. 42.С. 33-34.

³³ Джафаров Ю.Р. О локализации “страны” лпинов и чилбов. С. 17.

³⁴ Гаджиев М.С. Миссия ишхана Албании Вараз-Трдата к князю гуннов Алп-Илитверу и вопросы исторической географии Восточного Кавказа (в печати). М.С. Гаджиев высказал мысль о том, что впоследствии эта территория называлась: Эретн в грузинских хрониках; Шаки — у арабских географов; Баб-Либан шах — у Ибн Хордадбега; садд ал — Л. б. н. — у ал-Балазури (Гаджиев М.С. К этнической карте. С. 10.).

³⁵ Мовсэс Каланкатуацци. История страны Алуанк II, 39 (С. 123-124).

³⁶ Шихсаидов А.Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Учёные записки ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. III. С. 55.

³⁷ Гаджиев М.С. Миссия ишхана Албании Вараз-Трдата к князю гуннов Алп-Илитверу.

³⁸ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.- Л., 1941.С. 165.

³⁹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С. 44.

⁴⁰ История народов Северного Кавказа. С. 97-99.

⁴¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. С.150, 152.

⁴² Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан. С. 278-308. здесь же — библиография.

⁴³ Патканов К. Из нового списка “Географии”, приписываемой Моисею Хоренскому. С. 31.

⁴⁴ Котович В.Г. О местоположении средневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 181-196. Недавно выдвинуто новое мнение о том, что по архитектуре, материальной и духовной культуре, по данным некрополя, Урцеки — это чисто дагестанский город, каких либо ярких черт гуннской культуры здесь не прослеживается; отождествление памятника с Варачаном неубедительно, так как Варачан — это ставка гуннов, их столица (см.: Гаджиев М.С. О местоположении Варачана // РА. 1995. № 2. С. 29-35)

⁴⁵ Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 12-16; Гмыря Л.Б. “Царство гуннов” (савир) в Дагестане в IV — VII вв. н. э.). Автореферат канд. дисс. М., 1990

⁴⁶ История Египте Вардапета. С. 123. 157; Истории императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса. СПб. 1862. С. 29.76, 159. 164; Моисей Хоренский. История Армении. С. 113, 151; Моисей Каганкатвацци. История Агван. С. 80,90, 104-105, 109-110, 126-127, 150; Сводка сообщений: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 276-277; Мамедов Т.М. Албания и Антропатена. Баку, 1977. С. 39, 98-101; Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. “Дербенд-наме” (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 41; Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 80-81. См. также: Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 74-76.

⁴⁷ Моисей Каганкатвацци. История агван. С. 131.

⁴⁸ Там же. С. 126-127. См. также: Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, Баку, 1986. С. 92.

⁴⁹ BGA, VI. 123 (Ибн Хордадбех).

⁵⁰ Магомедов Р.М. Дербент. Махачкала, 1940. С.6; Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 79-80; Мамедов Т.М. Албания и Атропатена. С. 99-100.

⁵¹ Юшков С.В. История Дагестана. С. 26.34.

⁵² Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. С. 33; Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1978. Т.1. С. 16.

⁵³ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 123.

⁵⁴ Моисей Каганкатвацци. История агван. С.192.

⁵⁵ История халифов Вардапета Гевонда. Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб, 1862. С. 27-28.

⁵⁶ Моисей Каганкатвацци. История агван. С. 90. 261.

⁵⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 10 (араб. текст).

⁵⁸ Моисей Каганкатвацци. История агван. С. 86-87.

⁵⁹ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. С. 89.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ В III — VI вв. Албания (Агвания) армянских источников у персов называлась Арран. У арабов Арран включал и побережье Куры. Позже арабы на левобережье распространили название Ширван, за правобережьем же сохранилось название Арран. Таким образом, Албания армянских источников соответствует Ширвану (см.: Крымский А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана // Сборник С.Ф. Ольденбургу к 50-летию. Л., 1954. С. 289-291). В состав Албании и в античный и в раннесредневековый период входил весь Южный Дагестан (Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III- IV вв. н.э. Автореф. канд. дисс. М. 1981. С. 16). Археологические исследования последних лет позволяют “сделать вывод о вхождении Дербента в состав Кавказской Албании как в албанский (античный), так и в раннесредневековый периоды” (Кудрявцев А.А. Древний Дербент. С. 81.).

⁶² Кудрявцев А.А. Древний Дербент. С. 79.

⁶³ Там же. С. 65, 80; История народов Северного Кавказа Т. I. С. 100-101.

⁶⁴ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. С.91. Высказано мнение о том, что Чола не всегда была резиденцией персидских марзпанов, а лишь в период усиления сасанидской экспансии (в середине V в., с 510 по 630 гг.), “когда в стране отсутствовала централизованная царская власть, т.е. в период, предшествующий правлению Михранидов”, Лпиния и Чола, будучи периферийными стратегическими областями, становились самостоятельными в период отсутствия в стране политической власти (551-630 гг.) “ — см.: Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. С 91 -92.

⁶⁵ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. С.77.

⁶⁶ Подробно о Серире см.: Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI -XI вв. Серир. // Исторические записки. М., 1965. С. 73.

⁶⁷ Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп — Илитверу // Записки ИВ АН СССР. 1939. Недавно в исторической литературе выдвинуто интересное мнение: “Хунзах и всё Хунзахское “племя”, Хунзахское “общество” получило название Авар в VI в. после переселения на хунзахское плато (не исключено, что из Закавказья) организованной группы азиатских “имперских” аваров. Это событие, происшедшее в сасанидскую эпоху кавказской истории, привело к образованию в южной части плато особой общности в результате симбиоза и последующего синтеза пришлого — монголоязычного и местного — лекского (дагестаноязычного) элементов. Этой общностью являются хунзахцы в широком значении этого слова — хунз ... В сасанидскую эпоху населенный пункт, именуемый Хунзахом и располагавшийся в местности Итля..., становится столицей горных каганатов, владевших сулакским бассейном, верховьями Самура (Цахурский участок) и, вероятно, прилегающими к ним равнинами” (Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 29 — 30). Ни одно из выдвинутых здесь положений не находит научного подтверждения.⁶⁸ Подборку различных мнений — см.: Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации

- ⁶⁹ По отношению к лаксам их соседи применяют следующие этнонимы: вулеги, вулугуни, вулеко, лакбу. Что касается Тумана, то предложены и другие варианты его локализации — это государственное образование, сложившееся в низовьях Терека (Л.И. Лавров), или же “на территории современного расселения даргинцев” (Т.М. Айтберов).
- ⁷⁰ *Ахмедов Ш.М.* К вопросу о дагестано — сасанидских взаимоотношениях в III — VI вв. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала. 1976.
- ⁷¹ *Патканьян К.* Опыт истории династии Сасанидов. // Труды Восточного отделения РАО. СПб. 1869. Т. XIX. С. 12-13; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 66.
- ⁷² См.: *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 87-88.
- ⁷³ *Гаджиев М.С.* Южный Дагестана в III — V вв. н.э. С. 14.
- ⁷⁴ *Моисей Хоренский.* Кн. III Гл. 12 (цит. по: *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре. С. 197; *Моисей Хоренский.* История Армении. С. 151).
- ⁷⁵ *Гаджиев М.С.* Южный Дагестана в III — V вв. н.э. С. 14.
- ⁷⁶ *Моисей Каганкатвацц.* История агван. С. 22.
- ⁷⁷ *Ахмедов Ш.М.* К вопросу о дагестано-сасанидских взаимоотношениях. С. 65.
- ⁷⁸ *Моисей Хоренский.* История Армении. С. 174. ср.: *Моисей Каганкатвацц.* История агван. С. 23.
- ⁷⁹ *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 71.
- ⁸⁰ История Егише Вардапета. Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис, 1983. С.70.
- ⁸¹ *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании. С. 90.
- ⁸² *Егише.* О Вардане и войне армянской.
- ⁸³ *Егише.* С. 78 (Цит: *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре. С. 208-209)
- ⁸⁴ *Лазарь Парбский.* История Армении. Тифлис, 1904 (на арм. яз.). С. 66. (Цит.: *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре. С. 209.). *Моисей Каганкатвацц:* “... они пошли войной на крепость, построенную Газкертом при вратах гуннов, которыми насильственно владели персы. Они взяли и разрушили крепость, истребив войска, в ней поселившихся, и ворота эти поручили некоему Вардану из рода албанских царей”. История агван *Моисей Каганкатвацц.* С. 88.
- ⁸⁵ История агван *Моисей Каганкатвацц.* С. 88.
- ⁸⁶ *Егише.* О Вардане и войне армянской. С. 94. (Цит. по: *Тревер К.В.* Очерки. С. 311.).
- ⁸⁷ История Егише Вардапета. С. 194-195. (По изд: Орбели: V, 115-116. С. 107.).
- ⁸⁸ *Егише.* О Вардане и войне армянской. С. 128. (Цит. по: *Тревер К.В.* Очерки. С. 212).
- ⁸⁹ История Егише Вардапета С. 332-333; *Тревер К.В.* Очерки. С. 214.
- ⁹⁰ История Егише Вардапета. С. 334-335.
- ⁹¹ *Мовсэс Каланкатуйский.* История страны Алуанк. Кн. I. гл. II.
- ⁹² История Армении *Мовсэс Хоренаци.* Тифлис, 1881 (на древнеарм. яз.). Кн. II. гл. 65 (цит по: *Мамедов Т.М.* Албания и Атропатена. С. 83.).
- ⁹³ *Мовсэс Каланкатуйский.* История страны Алуанк. II, IV. С. 71. В переводе Ф. Мамедовой: “.. когда было утверждено начало армянского летоисчисления (552), престол Албанского патриаршества был перенесён из города Чола в столицу Партав вследствие грабительских набегов врагов креста Христова” (*Мамедова Ф.* Политическая история. С. 197).
- ⁹⁴ *Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammad ibn Djarig atTabari cum aliis ed. M.J. de Goeje. Ser. I. Lugduni Batavorum, 1879. С. 895* (в дальн. — *Tabari, I*); *Шихсаидов А.Р.* Книга ат-Табари “История посланников и царей” о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С.67.
- ⁹⁵ Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тбилиси, 1897. Вып. X-XII. С. 23.
- ⁹⁶ Общий обзор: *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 73-105; Он же. “Длинные стены” на Восточном Кавказе // ВИ, 1979, № 11
- ⁹⁷ *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье //

Памятники истории материальной культуры. 1933 № 9/ 10.

- ⁹⁸ Дербентскому оборонительному комплексу посвящена обширная литература: *Erkert R. Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig, 1887. SS. 216-224; Спасский П.И.* Дербентские укрепления // Известия Азкомстариса. Баку, 1928. Вып. IV ; *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидской архитектуры в Закавказье // ГАИМК, 1933, № 9-10; *Бакланов И.Б.* Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935. С. 35-39; *Артамонов М.П.* Древний Дербент // СА. 1941. Т. VIII; *Он же.* История хазар. Л., 1962. С. 116-126; *Хан-Магомедов С.О.* Дербент. М., 1958. С. 38-60; *Он же.* Стены и башни Дербентской крепости // Архитектурное наследие. 1964. № 17; *Он же.* Раннесредневековая горная стена в Дагестане // СА, 1960. № I; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 119-124; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1982. С. 65-125; *Он же.* Феодалный Дербент. М., 1993. С. 13-31.
- ⁹⁹ *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 84; *Он же.* Феодалный Дербент.
- ¹⁰⁰ *Tabari, I, 895; Шихсаидов А.Р.* Книга ат-Табари “История посланников и царей. С. 69. Указание о Джурджане ошибочно, так как речь идёт о районе Дербента. Исследованиями археологов установлено, что строительный камень доставался и обрабатывался на месте.
- ¹⁰¹ *Кудрявцев А.А.* “ Длинные стены” на Восточном Кавказе // ВИ. 1979. № 11. С. 31-43; *Он же.* О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978, №3; *Он же.* Феодалный Дербент. М., 1993. С. 21-22; *Гаджиев М.С.* Исследования сырцово-фортификации цитадели Дербента сасанидского времени // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 61-76.
- ¹⁰² *Masoudi. Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et P. de Courteille. Paris, 1863. Т. II. P. 1-3.*
- ¹⁰³ *Футух ал-булдан тасниф... Ахмад б. Йахья б. Джабир ал-Балазури. Бейрут. 1407 / 1987. С. 276* (на араб. яз.).
- ¹⁰⁴ *Саидов М.С., Шихсаидов А.Р.* Дербент — наме (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 26-27.
- ¹⁰⁵ *Баладзори.* Книга завоевания стран. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927. С. 193-195 (араб. текст — с. 5-6); *Футух ал-булдан, 273-274.*
- ¹⁰⁶ *Мовсэс Каланкатуйский.* История стран Алуанк, II, XI, С.78.
- ¹⁰⁷ *Баладзори.* История завоевания стран. С. 12 (араб.яз.); *Футух ал-булдан. С. 196-197* (араб.яз.).
- ¹⁰⁸ *Ахмедов Ш.М.* К вопросу о дагестанско-сасанидских взаимоотношениях. С. 75.
- ¹⁰⁹ *Гаджиев М.С.* Дагестан в III — V вв.. С. 9.
- ¹¹⁰ *Бакиханов А.* Гулистан — и Ирам. Баку, 1970. С. 42. (Перс. яз.).
- ¹¹¹ История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 103.
- ¹¹² *Мавродина Р.М.* Киевская Русь и кочевники. Л., 1987. С. 8.
- ¹¹³ *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники. С. 166-167.
- ¹¹⁴ *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Дагестан и сармато-аланский мир (к проблеме контактов и взаимосвязей) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 49-50.
- ¹¹⁵ *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники. С. 40.
- ¹¹⁶ *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 181-182.
- ¹¹⁷ Там же. С. 193.
- ¹¹⁸ *Гмыря Л.Б.* Прикаспийский Дагестан. С. 4.
- ¹¹⁹ История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 104.
- ¹²⁰ *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа, 1936, № 2; *Агларов М.А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // Учёные записки Института истории, языка и литературы. Махачкала, 1964. Т. 13; *Он же.* Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX — XX вв. Махачкала. 1979.

¹²¹ *Канивец В.И.* Археологические исследования в Дагестане в 1955г. // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1956. Т.1. С. 216.

¹²² Мудд (модий) — 1, 053 л

¹²³ *Футух ал- булдан.* С. 292 -293 (араб .яз.); *Баладзори.* Книга завоевания стран. С. 208-209.

¹²⁴ О ремесленном производстве в горах в раннесредневековом Дагестане имеется уже значительная по объёму литература: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1961, С. 170; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда; *Маммаев М.М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и средневекового времени. Автореферат канд. дисс. М., 1970; *Он же.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища // Уз ИИЯЛ, 1969, Т. 19; *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; *Кудрявцев А.А.* Город, неподвластный векам. Махачкала, 1976; *Он же.* Древний Дербент. М., 1982; *Он же.* Феодалный Дербент. М., 1993; *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983; *Магомедов М.Г.* Древние политические центры Хазарии // Советская археология. 1975, № 3; *Он же.* Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // Советская археология. 1979, № 3; *Гмыря Л.Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980; *Гаджиев М.С.* Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984; *Гаджиев М.С.* Промыслы и ремёсла Дербента албанского времени // Промыслы и ремёсла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.

¹²⁵ *Башкиров А.С.* Изучение памятников страны Дагестан // Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Вып. III. С. 235-236; *Исаков М.* Исчезнувший город в Дагестане // Исторический журнал. 1941. №6; История Дагестана. Т. I. С. 122; История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 108.

¹²⁶ *Гаджиев М.С.* Дагестан в III — V вв. С. 9.; *Он же.* К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан -и Йездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

¹²⁷ Подробно: *Шихсаидов А.Р.* Арабские источники IX — X вв. о Дагестане. Книга ат-Табари "История пророков и царей" как источники по истории Дагестана. Рукописный фонд Института ИИАЭ. Ф. 3. Оп. I. Д. 324 (1971); *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1975. С. 100, 125-129. *Он же.* Феодалный Дербент. М., 1993. С. 74-94. Сводка литературы о структуре восточного города — см.: *Шихсаидов А.Р.* Арабские источники IX — X вв. и вопросы социально экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 25.

¹²⁸ *Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Отчёт о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1964 г. РФ ИИЯЛ Ф.3. Оп.4 Д. 33394; *Котович В.Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 191 — 192; *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1970. С. 8.

¹²⁹ Подбор сообщений о городах см.: *Шихсаидов А.Р.* Арабские источники IX — X вв. С. 9.

¹³⁰ История Дагестана. Т. I. С. 137-137; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. С. 113-115; *Он же.* Феодалный Дербент. С. 193-198; *Гусев С.В.* Экономические связи средневекового Дагестана (VI — XIV вв.) Автор. канд. дисс. М., 1992.

¹³¹ История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 110.

¹³² История Египта Вардапета. С. 333.

¹³³ *Футух ал- булдан тасниф...* Ахмад б. Йахья б. Джабир ал-Балазури. С. 276-277. (на араб. яз.).

¹³⁴ *Hamzae Ispahanis Annalum libri.X.* T.I. Textus arabicus. Ed. J. M. E. Gottwald/ Petropoli Lipsiae 1844. С. 57. (на араб. яз.).

¹³⁵ *Новосельцев А.П.* Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. 1985. № 6. С. 99.

¹³⁶ *Гадло А.В.* Северный Кавказ в IV-X веках (проблемы экономической истории), Автореф. на соиск. уч. степени. докт. ист. наук. М., 1984. С. 17.

¹³⁷ *Новосельцев А.П.* Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории древнерусского государства // Феодализм в России. М., 1987. С. 193. (со ссылкой): *Захарий Ритор.* Сир. ист. Ереван, 1976. Серия "Иностраные источники об армянах и Армении". С. 314 (арм. яз.).

¹³⁸ *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 128-130; *Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1986. С. 13.

¹³⁹ *Плетнёва С.А.* Хазары. С.31.

¹⁴⁰ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 128.

¹⁴¹ *Новосельцев А.П.* Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории древнерусского государства // Феодализм в России. М., 1987. С. 194.

¹⁴² *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 111.

¹⁴³ *Повесть временных лет.* Т. I. М. -Л., 1950. С. 214.

¹⁴⁴ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 128; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig. 1903. S. 17.

¹⁴⁵ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора (тексты, переводы, комментарии). М., 1980. С. 61.

¹⁴⁶ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. С.128.

¹⁴⁷ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 17.

¹⁴⁸ Reineggs J. Allgemeine historisch — topographische Beschreibung der Kaukasus. Th. I. Gota — St. Petersburg, 1798; Klaproth J. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique de Caucasia. Paris — Leipzig, 1827. S. 27; Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 2-3; D'Ohsson. Des Peuples du Caucase. Paris, 1828. P. 176; Derbend -Nameh. Translated from a select turkish version and published by M.A. Kazem-Beg. SPb, 1851. 479; Hudud al-alam, 451. Дорн Б.А. Каспий. СПб.. 1876. С. 66; Гасан -Эфенди Алкадари, Асари Дагестан. Пер. и комм. А. Гасанова. Махачкала, 1929. С. 9; *Малачиханов Б.Ф.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1965. Т. XIV. Серия историческая. С. 177; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 144; *Лавров Л.И.* Тарки до конца XVIII в. // Уз ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. IV. С. 14-15; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 129; *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. С. 52-57 и др.

¹⁴⁹ *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о восточной Европе — ЖМНП, 1908, февраль, с. 43; *Кокочев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 100; *Рыбаков Б.А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. — Советская археология. Т. XVIII 1953. С. 83; *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 388-389; *он же.* Очерки древней истории хазар. Л., 1937. С. 97; *Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 124; *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. С. 60; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 128.

¹⁵⁰ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод. С. 179-180.

¹⁵¹ *Гумилёв Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1966. С. 169.

¹⁵² *Котович В.Г.* Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана, Махачкала, 1974. С. 234-236.

¹⁵³ Подробно о хозяйственном развитии каганата см.: *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. С.102-154, 178-179, 185-187.

¹⁵⁴ Подробно см.: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. С.170-206; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 122-134.

ДАГЕСТАН И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ VII-X ВВ.

I. Арабские завоевания в Дагестане

Исторические события середины VII-VIII вв. — одна из блестящих страниц в жизни народов Дагестана (как и других народов Кавказа), особенно в сфере военно-политической. Этот период отмечен упорной и непрекращавшейся борьбой дагестанского народа против военных и экономических притязаний Арабского халифата, несколькими волнами арабских походов на Кавказ. Речь шла о самостоятельности многочисленных политических единиц и раннефеодальных государственных образований на территории Дагестана. Исход этой борьбы определили общие направления экономической деятельности и идеологической жизни: арабские походы оказали огромное, порой решающее влияние на старые формы земельных отношений, на совокупность личных, семейных, гражданских и конфессиональных прав, содействовали появлению их новых форм, а также формированию той базы (экономической и идеологической), которая обеспечила исламу в Дагестане постепенную победу над языческими представлениями. Освободительная война против Халифата переплеталась со сложной обстановкой арабо-хазарских взаимоотношений. Одним словом, арабские завоевания и героическая борьба дагестанских народов за сохранение независимости или за освобождение занятых земель стали одним из самых важных явлений исторической жизни Дагестана в раннем средневековье¹.

Создание Арабского халифата в VII в. было чрезвычайно важным событием в мировой истории, новой страницей в жизни народов стран Ближнего и Среднего Востока, сыграло важную роль в судьбах народов Кавказа, особенно Восточного.

В VII в. на Аравийском полуострове произошли события, положившие начало новой странице в истории народов Передней и Средней Азии, Средиземноморья. Начало века ознаменовалось рождением ислама как исторического итога развития аравийских обществ и одного “из порождений этих процессов, характерных для всего Ближнего Востока в эпоху перехода от древности к средневековью”².

В V-VI вв. в Аравии произошли важнейшие перемены в сфере политической, государственной, экономической жизни. Распались древние государства, потеряли своё значение города, стоявшие на международной торговой трассе, усилились противоречия между оседлым и кочевым населением, между различными слоями общества. На этом фоне возникал новый мир: рождалось новое госу-

¹⁵⁵ История Армении Моисея Хоренского. М., 1893. С. 267 (прим. 336).

¹⁵⁶ Tabari, I, 895.

¹⁵⁷ Tabari, I, 2865; II, 1560.

¹⁵⁸ Dom B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. IV. Tabary's Nachrichten über die Chazaren. SPb., 1844. 500, 511, 538.

¹⁵⁹ Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга ал-Футух. Хайдарабад, 1972. Т. II. С. 114.

¹⁶⁰ Футух ал-булдан тасниф ал-имам... ал-Балазури. С. 287, 361 (араб. яз.).

¹⁶¹ Гадло А.В. Этническая история. С. 124.

¹⁶² Подробно о торговых путях см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство. С. 114-116.

¹⁶³ Обстоятельно о государственном строе каганата в VII — X вв. и его эволюции см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство. С. 134-144; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. С. 203 -229.

¹⁶⁴ Масуди о Кавказе // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда.

¹⁶⁵ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. С. 210, 217.

¹⁶⁶ Плетнева С.А. Указ. соч. С. 210, 217.

¹⁶⁷ Там же.

дарство, опиравшееся на динамическое соотношение оседлого и кочевого населения, возникали новые союзы кочевых племён и жителей города, значительно оживились внутриаравийские торговые связи, возвысились новые торгово-политические центры, такие, как Мекка³. “Шёл процесс этнической и культурной консолидации и интеграции Аравии. Повсюду распространялись единый арабский язык, общая словесность, элементы общего самосознания. Шёл далее процесс перехода от родо-племенного строя к раннеклассовому...”⁴.

Закономерной особенностью стало создание общеарабского государства вместо патриархального общества с родоплеменной организацией, племенной рознью и враждой⁵. Развитие общества по пути становления раннеклассового общества⁶ и политического объединения разорённых обществ Аравии сопровождалось возникновением новой монотеистической религии — ислама, заменившего постепенно языческие культы земледельческих и скотоводческих племён и заимствовавшего вместе с тем образы и мотивы из предшествовавших религий — христианства, иудаизма, зороастризма.

Ислам стал важным фактором в завершении процесса экономического, политического, этнического и культурного объединения Аравии⁷. Несмотря на упорное сопротивление, которое идеи ислама встретили в процессе их распространения, новая религия выросла по ряду причин (в том числе и проповеди равенства всех мусульман) в огромную идеологическую силу, содействовавшую централизации власти и объединения Аравии.

Ф. Энгельс писал, что “великие исторические повороты сопровождались переменами в религии лишь поскольку речь идёт о трёх донные существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе... Только по поводу этих, более или менее искусно возникших мировых религий, особенно по поводу христианства и ислама, можно сказать, что общие исторические движения принимают религиозную окраску”⁸.

Родина ислама — западная часть Аравийского полуострова, а именно, города Мекка и Медина. Основание религии ислама и первой мусульманской общины связана с именем Мухаммеда. Мухаммед родился ок. 570 г. в Мекке в знатной, но небогатой семье, принадлежал к роду Хишам родоплеменной группы курайшитов. Начало проповеди новой религии относится примерно к 610 году, первоначально без видимого успеха, хотя сравнительно небольшая группа мекканцев встала в ряды его последователей. Не найдя поддержки в Мекке, Мухаммед был вынужден переселиться вместе со своими немногочисленными сторонниками в другой город, Йасриб, что в 400 км. к северу от Мекки. Город Йасриб стал впоследствии называться “городом пророка” или просто городом (ал-Медина). Переселение Мухаммеда из Мекки в Медину называется хиджрой (буквально “выселение”, “эмиграция”). Приверженцев Мухаммеда, эмигрировавших в Медину, впоследствии стали называть “мухаджирами” (“мухаджир” — совершивший хиджру”), а та часть населения Медины, которая стала на сторону мухаджиров и поддержала их, стала называться “ансарам” (“помощниками”). Мухаджиры и ансары объединены под общим названием “асхабы” (“

сторонники”). Хиджра имела место в сентябре 622 г. Мусульманское летоисчисление по хиджре основано на лунном календаре. первым днём которого считается 16 июля 622 г.

Сила мединской мусульманской общины всё больше и больше росла, с каждым годом рос авторитет Мухаммеда (и в этом значительную роль сыграл ряд внушительных побед над мекканцами), росло количество принявших ислам, в том числе и в Мекке, куда Мухаммед вступил в 630 г. беспрепятственно. Мухаммед умер в 632 г., и к этому времени созданное им государство включало значительную часть Аравии. Через двадцать лет после начала проповеди Мухаммеда “вся Аравия приняла новую религию, признавая не столько убедительность теологических аргументов, сколько вооружённую силу, созданную первоначальным ядром общины мусульман”⁹.

Процесс экономической, политической, культурной и этнической консолидации Аравии завершился созданием Халифата, “вооружённого” новой религиозной системой.

Как известно, движение за объединение многочисленных племён Аравийского полуострова, связанное с именем Мухаммеда, вылилось при его преемниках в широкую полосу войн и за распространение ислама, и за захват чужих территорий. Потребовалось лишь два с половиной десятка лет, чтобы подчинить огромную территорию за пределами Аравии, принадлежавшие раньше переживавшим глубокий кризис Византийской империи и Сасанидскому Ирану. Сасанидская держава, просуществовавшая пятьсот лет, рухнула под ударами выходцев из Аравийского полуострова, а Византия потеряла значительную часть своих земель. К тому же события эти происходили при благоприятных для арабов внешнеполитических обстоятельствах в период постоянной и изнурительной вооружённой борьбы двух мировых империй — Византии и Ирана. При первых трёх халифах Абу Бакре (632 — 634), Умаре (634-644) и Усмани (644-656) были включены в состав Халифата Сирия, Палестина, Ирак, Хорасан, Закавказье, часть Северной Африки. Это была эпоха “великих завоеваний”. Первые десятилетия существования Халифата прошли “под знаменем завоевательных походов, за чрезвычайно короткий исторический срок в несколько раз расширивших пределы мусульманского государства. Взятие Балха в 652 г., завершившее поглощение Сасанидской державы, и поход на Дербент в том же году стали концом первого этапа завоеваний”¹⁰. Успехи арабского оружия были впечатляющими и грандиозными, что дало повод причислить завоевательные походы арабов “к выдающимся военным деяниям мировой истории”¹¹.

В движении за пределами полуострова ярко проявились и активно действовали две взаимосвязанные тенденции ислама: оправдание иерархически устроенного, социально неоднородного общества, с одной стороны, и равенство всех людей перед Аллахом, с другой¹². Вторая тенденция сыграла огромную роль в сравнительно лёгких победах арабского оружия. Население сасанидского Ирана и Византийской империи видели в лице арабов избавителей от тяжёлого ига своих правителей. Важным было также и то, что “арабы допускали для непосред-

ственных производителей на земле и более мягкие формы эксплуатации по сравнению с теми формами, которые господствовали в империи, и это сыграло важную роль в тяготении восточных областей империи к подчинению арабам”¹³.

Если ко всему этому добавить наступательный дух вырвавшихся за пределы полуострова арабских племён, представлявших собой единую общемусульманскую общину, их дисциплину и жажду новых приобретений, глубокий экономический и политический кризис двух крупных держав — Византии и Ирана, погрязших в социальных противоречиях, то можно понять, почему государство первых халифов обростало, как ком, новыми территориями.

Был создан могучий конгломерат объединённых силой оружия народов, этнически разнородных племён, со значительным расхождением уровня социальной и культурной жизни, различной конфессиональной принадлежностью. Обширная территория Арабского халифата простиралась на тысячи километров, от Испании до Индии, от Йемена до Северного Кавказа, охватывала земли, в несколько десятков раз превышающие площадь собственно арабских земель, включала очаги ряда крупных, мирового уровня цивилизаций.

Быстрый и успешный рост арабской экспансии не означал, что процесс этот протекал безболезненно. Во многих местах арабские войска встречали упорное сопротивление, сельское население и горожане нередко с оружием в руках выступали за свою независимость. История Закавказья и Средней Азии полна многочисленных примеров народных возмущений и открытых выступлений¹⁴.

Продолжительная борьба происходила и на территории Дагестана. Она привлекала внимание арабов и как важный стратегический рубеж, и как перекрёсток международных торговых трасс. Последнее обстоятельство играло немало важную роль. Именно тут стекались, как на “пяточек”, пути соединяющие Вос-

точную Европу со странами Передней и Средней Азии. Западное побережье Каспийского моря и само Каспийское море были связующим звеном между Восточной Европой, Поволжьем, Доном, Средней Азией, ближневосточными странами. Экономическое значение территории Восточного Кавказа в судьбах Арабского халифата всё больше росло, и поэтому

можно понять упорные и систематические попытки Халифата укрепиться в этом районе.

Экономическое значение Дагестана в истории Арабского халифата дополнялось исключительной стратегической ролью этого региона. Упрочение власти арабов на Восточном Кавказе означало также создание таких условий, которые позволили бы спокойно эксплуатировать богатые районы Закавказья и Ближнего Востока. В этой связи на международную арену вступили взаимоотношения с Хазарским каганатом, когда следовавшие один за другим в Закавказье походы хазар наносили существенный урон позициям Халифата в странах Закавказья. Укрепление арабской власти в Дагестане означало вместе с тем “притупление” византийской дипломатии на Северном Кавказе, делавшей ставку на вовлечение хазар и многих северокавказских племён в антиарабскую коалицию.

Важное торгово-экономическое и стратегическое значение Дагестана и предопределило ожесточённый характер столкновения на его территории интересов Арабского халифата и Хазарского каганата, двух крупных держав раннего средневековья. Этот фактор объясняет также, почему арабы в течение долгого времени, почти ста пятидесяти лет, начиная с середины VII в. вплоть до начала IX в., предпринимали систематические попытки военного характера, проводили настойчивую миграционную политику, то есть целый комплекс военных и гражданских мероприятий с целью укрепиться на землях Восточного Кавказа.

Арабская экспансия встретила упорное, всё растущее сопротивление дагестанских народов, которые, несмотря на отсутствие политического единства, единого объединяющего и организующего центра, сумели долгое время отстаивать свою независимость, а когда ряд земель оказался под властью арабов, то смогли вести продолжительную, нередко совместную освободительную борьбу.

В мусульманской и русской дореволюционной историографии эта борьба оказалась затуснёванной, “перекрытой” военно-политическими событиями более крупного плана — эту борьбу заслонило собой арабо-хазарское противостояние, следовавшие один за другим военные рейды Халифата на каганат, военно-стратегические и торгово-экономические интересы которых решались на западном побережье. Термин “арабо-хазарские войны” стал обычным в современной отечественной и зарубежной литературе. Действительно, во второй половине VII-VIII вв. войны хазар и арабов составляли основной стержень военных и политических событий, столкновение интересов этих могучих держав определяло судьбу многих народов, лежавших “на их пути”. В этой борьбе судьбы небольших по количеству дагестанских народов как бы затерялись, но внимательное изучение источников показывает, что дагестанские правители вели самостоятельную политику, порой независимую от политики воюющих держав, отстаивали интересы собственных земель, искусно пользовались непримиримыми противоречиями Византии и Халифата, а дагестанские народы вели непрерывающуюся борьбу против арабской власти. Мусульманская историография выдвинула идею повсеместного, мирного, добровольного принятия ислама в Дагестане, и признание этой борьбы дагестанских народов против Халифата угрожало

Рис. 65. Отрывок текста дагестанского хронографа на арабском языке

этой концепции. В действительности же эта борьба была повсеместной, продолжительной, она отразилась в многочисленных источниках на арабском языке. Порой эта борьба составляла основное содержание военно-политического положения на Восточном Кавказе.

В середине VII в. арабы захватили Северный Азербайджан (Албанию) и начали движение в сторону Дагестана. Можно выделить три этапа в восточнокавказской политике арабов, во взаимоотношениях Халифата и народов Дагестана.

Первый этап охватывает период от первых арабских походов до конца 50-х годов VII в. Хронологически он охватывает примерно 20 лет, основная цель походов укрепиться в районе Дербента, в то же время совершаются глубокие разведывательные рейды к северу от города.

Первые походы арабов на территорию Дагестана носят разведывательный характер, причём начало им было положено в 22/642-643 г. Возглавить этот поход халиф Умар (634-644) поручил арабскому полководцу Сураке ибн Амру. Помощником его выступает Абдаррахман ибн Рабиа, брат которого Салман ибн Рабиа был "распорядителем добычи". Знаменитый арабский историк ат-Табари (ум. в 923 г.) даёт подробное описание этого похода. По поручению Сураки "Абдаррахман ибн Рабиа пошёл на правителя (малик) ал-Баба (т. е. Дербента), а правителем там был тогда Шахрбараз¹⁵, из персов. Он контролировал эти проходы (фурадж)"¹⁶. Малик Дербента Шахрбараз согласился подчиниться арабам при условии, если ему будут предоставлены определённые гарантии. Халиф Умар, которому немедленно было об этом доложено, позволил предводителю арабских войск Сураке дать эти гарантии. Сохранился текст исключительной важности документа — охранной грамоты, выданной правителю Баб ал-абваба и жителям Арминии:

"Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это то, что пожаловал Сурака ибн Амр, амил повелителя правоверных Умара ибн ал-Хаттаба, Шахрбаразу и жителям Арминии¹⁷ и ал-Армана. Он представляет им безопасность (аман) их жизни и имущества, религиозной общины (милла), если они не будут совершать вредные поступки и выступать (против). Что касается жителей Арминии и ал-Абваба... то он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтёт благим. Кто согласен на это, тот освобождается от /всех/ повинностей (джиза), кроме призыва в войско (хашр), а призыв в войско это замена их повинностей. /Если/ в ком-либо из них не будет нужды и он останется /на месте/, то на нём-то же, что и на жителей Азербайджана по части повинностей, указания пути (дилал) и стоянки воина в течение /одних/ суток. Но если они собраны /в войсках/, то все это снимается с них; если же оставлены /на своих местах/, то берётся с них..."¹⁸

Этот документ наглядно показывает арсенал средств, используемых арабами в политике по утверждению своей власти. Это обещание населению покорённых земель сохранить им жизнь и свободу веры, если не будет оказано сопротивление; освобождение от повинностей тех, кто примет участие в военных походах арабов; покорённому населению вменяется в обязанность "указание пути" вой-

скам и обеспечение этого войска ночлегом и питанием в течение одних суток.

Арабы решили воспользоваться мирным взятием Дербента и ряда других земель и закрепить успех, совершив поход на север, "против хазар ("тюрк")". Возглавил поход Абдаррахман, назначенный халифом начальником "над проходами ал-Баба". Был совершён поход на Баланджар (Беленджер) "и достигла его конница ал-Байда, что в 200 фарсах от Баланджара"¹⁹. Затем Абдаррахман вернулся, "совершил ещё несколько походов", о которых нет подробных известий.

Последующие события наглядно показали, что "мирный договор" не стал гарантией безопасности контингента арабских войск, не укрепил их власть в районе Дербента. Дело в том, что незадолго до 24 /644-645 г. "отошли от религии (кафара) жители Арминии", куда входил и Дербент, и Муавия, наместник халифа в Сирии, назначил правителем ал-Баба Хабиба ибн Масламу, который в 24/644-645 г. совершает "поход в Азербайджан и Армению за то, что их жители отказались от того, о чём договорились с мусульманами в дни Халифата Умара"²⁰. В то же время арабы ворвались в Армению и учинили погром объединённым силам "батрика армияникоса", и северокавказских областей (ал-Лана, Семендера и др.)²¹. Все эти меры не дали ощутимых результатов. Четыре следующих один за другим похода арабов в район Дербента, в течение каких-то восьми лет²² свидетельствуют о безуспешном исходе первых попыток укрепиться в этом стратегически важном участке Восточного Кавказа. Арабские историки (ал-Куфи и др.) подробно обрисовали нестабильную обстановку, непрочность позиции Халифата на Восточном Кавказе и в Закавказье, когда за короткий период правления халифа Усмана (644-656) сменилось, по крайней мере, четыре наместника халифа в Арминии. Немаловажную роль играли здесь также внутренние противоречия в самом Халифате.

Покорению Восточного Кавказа арабы придавали, тем не менее, огромное значение. Арабский военачальник Салман ибн Рабиа переправился через Куру, занял Кабалу, и заключил мир с правителями (малики) Шекки и Камибарана. "Заключили /также/ с ним мир и жители Хайзана, малик Ширвана и остальные малики гор, жители Маската, Шабирана и города ал-Баба"²³. В этом тексте слово "остальные малики гор" относятся, вероятнее всего, к правителям ряда мелких дагестанских владений. Ал-Якуби писал о "мире", который заключили с арабами "малик Лакзов, жители Шабирана и Филана".

Другой арабский автор Ахмад ал-Куфи даёт более подробные сведения о позиции этих правителей: после завоевания Бардаа, Джурджана, Ширвана и Маската Салман "направил послов к владыкам гор (мулук ал-джибал)... К нему прибыли владыка (малик) ал-Лакза, владыка Филана и владыка Табасарана²⁴. Все они доставили ему деньги и подношения и согласились ежегодно вносить известную контрибуцию"²⁵.

После этого арабы двинулись в сторону Дербента (ал-Баб), где находилось в то время, со слов арабского историка, трёхсоттысячное хазарское войско. Дагестанское историческое сочинение "Дербенд-наме" придаёт этому походу исклю-

было решено послать в поход Салмана и Рабиа²⁶ с войсками для совершения завоеваний. Они вышли с 4000 человек храбрых воинов-арабов и остановились в Дербенте. Когда хакан услышал об их прибытии в Дербент, он вышел с трёхсоттысячным войском, остановился близ Дербента с целью сражения...” Бои шли, продолжает хроника, в течение шести дней, причём ежедневно хазары теряли десять тысяч воинов. Однако, “в этой битве пали мученической смертью Салман и Рабиа вместе с сорока мусульманами... Когда хакан узнал о смерти Салмана и Рабиа, то он вернулся, поставил в Дербенте (гарнизон) в 3000 человек, а сам отправился в Анджиалу...”²⁷. Арабские авторы также пишут о печальном для мусульман исходе этого сражения, имевшего место близ Баланджара. В 31/651-652 г. Дербент был взят. Правителем города в 32/652-653 гг. упоминается Абдаррахман ибн Рабиа, брат Салмана.

Оценивая первый этап арабских завоеваний на Восточном Кавказе, М.И. Артамонов считал, что “столкновение арабов с хазарами в середине VII в. было малозначительным эпизодом, так сказать, первым знакомством между будущими упорными противниками”²⁸. Эта оценка несколько сглаживает действительно ожесточённый характер столкновений на значительном отрезке времени первого этапа, хотя последующая борьба отличалась и продолжительностью, и бескомпромиссностью в процессе столкновения противоборствующих сил, столкновении интересов Арабского халифата, Хазарского каганата и Византии на Кавказе.

Дербент (Баб ал-абваб) арабы рассматривали уже как свой город, свой крепкий заслон на северных границах Халифата и в то же время как опорный пункт для организации походов на север, для распространения своего влияния на другие районы Дагестана. Эта ориентация военных сил видна из того, что в 32/652-653 г. Салман ибн Рабиа был назначен “над проходами Баланджара”, точно также как раньше Абдаррахман был назначен над “проходами ал-Баба”²⁹.

Второй этап продолжался примерно 60 лет (от начала 60-х гг. VII в. до начала 20-х гг. VIII в.). В начале этого этапа внутривосточное положение Халифата не позволяло развёртывать крупные военные акции на Кавказе, в том числе и в Дагестане, и арабы потерпели ряд неудач в столкновениях с хазарами и дагестанцами или же с их объединёнными силами.

Всё это происходило хотя при сложной, но порой благоприятной для Дагестана внешнеполитической обстановке. Дело в том, что в 50-80 гг. VII в. Арабский халифат не мог активно участвовать в кавказской политике, так как переживал этап внутренних распр и смут, связанных с борьбой Омейядов, с одной стороны, и шиитов-алидов с другой. Что касается Хазарии, то она усилила своё политическое влияние на Закавказье и фактически господствовала здесь в 80—90 гг. VII в.

Относительно Кавказской Албании, следует сказать, что её правители решили воспользоваться сложившейся обстановкой — арабо-византийской борьбой, внутренними противоречиями Халифата, продолжавшимися в течение 50—80 гг. VII в., усилением позиций Хазарского каганата на Северном Кавказе и в Закавказье³⁰.

Отсюда и поведение албанских князей. Вместе с правителями Армении и Грузии они объявили о своей независимости от арабской власти. В то же время делается всё, чтобы наладить отношения с Хазарией, воспользоваться арабо-хазарскими противоречиями. Царь Албании (“великий ишхан Албании”) Джеваншир (ум. в 670 г.) был женат на дочери хазарского хакана. Налаживались связи в области идеологии и политики. В 681 г. было организовано знаменитое посольство Исраэла к Алп-Илитверу с целью распространения христианства среди гуннов. Кстати, эффективность деятельности посольства была кратковременной, так как через каких-нибудь три года именно эти же “гунны”, которые приняли христианство, вторгаются в Закавказье.

Обстановка на Восточном Кавказе в корне изменилась в конце VII в. в связи с активизацией деятельности Халифата. В конце VII в. положение Омейядов в Халифате значительно упрочилось, и в значительной степени это было связано с реформами халифа Абдалмалика (685—714). В этой обстановке арабо-хазарское противостояние на Восточном Кавказе приобрело новую силу.

В арабской исторической литературе сохранилось несколько известий о походах мусульман. Так, Маслама ибн Абдалмалик в 89/707-708 г. “совершил поход в страну тюрок, достиг ал-Баба в области Азербайджан и захватил там крепости и города”, а в 91/709-710 г. он же “совершил поход на тюрок и достиг ал-Баба в области Азербайджан”³¹. Ал-Куфи обстоятельно описал один из этих двух походов, организованных наместником Армии, Джазирой и Азербайджана Мухаммедом ибн Марваном и возглавляемых его племянником Масламой ибн Абдалмаликом: когда последний достиг города ал-Баба, он наткнулся на находящийся там многотысячный хазарский отряд, который был наголову разбит. По непонятным причинам Маслама вынужден был оставить город, который немедленно был взят хазарами³². Эти походы второго периода показывают, что позиции арабов в Дербенте в конце первого периода оказались непрочными. Город неоднократно переходил из рук в руки, подчиняясь то арабам, то хазарам. Известные в науке (по закавказским материалам) вторжения хазар в 662, 664, 669 гг. в Закавказье³³ проходили именно через Дербент, что не могло не отразиться на положении города. Он на определённое время перестал быть опорным пунктом мусульман в борьбе с Хазарским каганатом и в экспансии в сторону дагестанских земель. Однако, со стабилизацией внутривосточного положения в Халифате походы в сторону Дербента возобновляются. Дербент снова оказывается во власти арабов. Во всяком случае, в 713-714 гг. Маслама предпринимает безуспешный поход из Дербента в сторону Тарку³⁴, то есть в районе современной Махачкалы. На третьем последнем этапе арабских вторжений именно Дербент зачастую выступает исходной точкой и местом организации арабских походов на Северный Кавказ.

Третий этап это время наиболее интенсивной, бескомпромиссной арабо-хазарской войны, время почти непрерывавшихся, почти ежегодных вторжений арабских войск как на просторы Северного Кавказа, так и в глубинные районы Дагестана. Борьба за господство на Северном и Восточном Кавказе достигает

апогея, в ней решалась судьба региона в целом, определялась его будущая ориентация на многие десятилетия и, возможно, столетия, во многих сферах: политике, экономике, культуре, дипломатии, идеологии. Исход арабо-хазарской конфронтации определял также судьбу исторически сложившихся форм производственной деятельности населения, точнее взаимоотношение и соотношение различных типов хозяйственной деятельности. Более того, исход этой борьбы и ход её определяли в значительной степени будущее социального развития дагестанского общества.

Этот этап охватывает 40-летний отрезок времени от начала 20-х годов до середины VIII в. Если взять сочинение лишь одного арабского историка, автора грандиозной “Истории посланников и царей” ат-Табари, то там можно извлечь сведения о следующих военных событиях:

103 / 721-722 г.	вторжение “тюрок” в Аланию (ал-Лан);
104 / 722-723 г.	поход арабского полководца Джарраха на Баланджар, разгром “тюрок”;
105 / 723-724 г.	поход (Джарраха) на Аланию (ал-Лан), выход за Баланджар;
106 / 724-725 г.	поход Джарраха на Аланию (Ал-Лан);
106 / 724-725 г.	поход арабского полководца Муслима ибн Саида на “тюрок”;
110 / 728-729 г.	поход Масламы против “тюрок”;
111 / 729-730 г.	поход “тюрок” в Азербайджан;
112 / 730-731 г.	разгром Саидом ибн Амром трёх “тюрокских” отрядов;
112 / 730-731 г.	Маслама, следуя за “тюрьками”, пришёл в ал-Баб;
113 / 731-732 г.	успешный поход арабов в страну хазар;
114 / 732-733 г.	Маслама “запер ал-Баб после того, как нанёс поражение хакану”;
117 / 735 г.	выступление отрядов арабского полководца Марвана против хазар и против туманшаха;
120 / 737-738 г.	поход Исхака ибн Муслима ал-Укайли против туманшаха, поход Марвана в “землю тюрок”;
121 / 738-739 г.	поход Марвана на Серир;
126 / 743-744 г.	отправка Исхака ибн Муслима ал-Укайли против жителей ал-Баба ³⁵ .

Сообщение арабского историка показало не только весьма напряжённую, но и сложную, противоречивую полосу арабо-хазарских и арабо-дагестанских взаимоотношений в VIII в. При, казалось бы, переменных успехах воюющих сторон, хорошо просматривается основная тенденция военно-политических событий — укрепление позиций Халифата на Восточном Кавказе и, окончательно в Дербенте. Можно сказать, что третий этап завершился демонстрацией успехов арабского оружия и непоправимыми неудачами Хазарского каганата. Для Хали-

фата это имело важное значение. Как известно, в VIII в. усиливается интерес к западному берегу Каспийского моря и к его бассейну в связи с ростом международного значения каспийской торговли. Само же усиление роли каспийской торговли и Восточного Кавказа было связано с прекращением торговых отношений Халифата с Византией и перемещением международной торговли в бассейн Каспия³⁶. Росту торговых операций в пределах Халифата содействовала также проведённая в это время монетная реформа халифа Абдалмалика с введением единой арабской монеты.

На этот именно период приходится самое большое число арабских походов во внутренний Дагестан и самое значительное число опустошений в этих районах. В ответ ожесточённые схватки дагестанских народов за сохранение своей политической независимости. Все эти факты нашли в арабских источниках достаточно полное освещение. Об одном из таких походов Балами пишет, что в 113/732 г. Джаррах “... позвал одного из своих приближённых, дал в его распоряжение три тысячи воинов и сказал ему: иди в сторону земли Кайтак, разорь /там/ всё, что встретишь, убивай каждого, кто вздумает оказать сопротивление вам и вернись ко мне до восхода солнца. Потом он позвал другого человека, дал в его распоряжение две тысячи воинов и сказал ему: иди в земли Йерси и Дарвак и также вой и разорь. Сам Джаррах с остальной частью армии отправился в сторону земли (замин) Нахраван, в шести фарсах от Баб ал-абваба. К утру /оба отряда/ вернулись с десятью тысячами крупного рогатого скота и овец и тремя тысячами невольников...”³⁷.

Далее идёт обстоятельный рассказ о сражении с хазарами, о победе Джарраха над ними, о взятии городов Хусайн, Б.р.у (Таргу), Баланджара (Беленджер) после ожесточённых боёв. Кстати, завершается рассказ сообщением о вторжении хазар в Азербайджан, поражении и гибели Джарраха³⁸.

Другой же арабский автор, ал-Балазури, писавший об этом же походе, даёт дополнительные сведения. Так, он пишет о малике Лакза, который предупредил хазар о предстоящем наступлении арабов и о рейде Джарраха в земли Гумика³⁹.

Имеется ещё одно важное известие. Принадлежит оно арабскому историку IX в. Халифе ибн Хаййату. В 107/725-726 г., как сообщает автор, при наместничестве Масламы арабский военачальник ал-Харис ибн Амр ат-Таи совершил поход на рустак (область) Хандан (Хайдак ?) и страну ал-К.р (Лакз)⁴⁰. А сам Маслама, захватил после многодневной осады Баб ал-абваб, предпринял меры по укреплению города как важного опорного пункта для дальнейшего вторжения в земли Северного Кавказа. Баб ал-абваб постепенно превращался в город со значительным по количеству арабским населением, которое должно было составлять социальную опору Халифата на Восточном Кавказе. “Маслама приказал разделить город на четыре четверти (кварталы): четверть для жителей Палестины, четверть для остальных жителей Сирии и Джазиры”. Далее он назначил Карира (?) ибн Сувайда “правителем Баб ал-абваба и приказал ему превратить башни города в амбары для пшеницы, ячменя, оружия...”⁴¹. С 732-733 по 739 г. под его руководством совершено, по крайней мере, шесть походов в различные

районы Дагестана. Так, в 117/735 г. Марван "... послал в горы Кабка два отряда", один, через Дарьяльское ущелье, в Аланию (ал-Лан), другой, через Дербент, во внутренние районы Дагестана, в земли туманшаха.

Наиболее крупным и результативным был поход 737 г. Марван, выступив в этом году из Сирии, захватил земли Азербайджана и Арминии, приказал войскам, находившимся в Баб ал-абвабе "начать вторжение в страну хазар с целью достижения города Самандара". Сам же Марван вторгся в Баб ал-Лан (Аланию), "где... убивал, брал в плен и сжигал", затем захватил Семандер и ал-Байда, заставив хазарского хакана принять ислам, причём "вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников"⁴².

Получив подарки от хакана, Марван отступил в сторону Баб ал-абваба, и "с ним было 40 или более тысяч пленных безбожников", которых поселил "в местности, называемой нахр ас-Самур (река Самур), и на равнинах, прилегающих к реке ал-Кур". Вдохновлённый этой успешной акцией, он в следующем году опять ворвался в Дагестан. "Из Шаки он отправился в земли ас-Серир. Он добрался до крепости ал-Балал. Это была неприступная и мощная крепость. Он осаждал её целый месяц, но ничего не мог добиться..."⁴³. Наконец восьмитысячному отборному отряду удалось взять крепость, все защитники которой были убиты. Затем "он распределил их жён, детей и имущество между своими воинами и приказал разрушить стены крепости и сравнять их с землёй". Точно также храбро сражались защитники Кумуха⁴⁴ ("они упорно сражались с ним, но Марван одержал над ними победу и перебил их воинов"), крепости Хунзах⁴⁵ ("осаждал её, но несколько дней никак не мог овладеть ею ни прямо, ни хитростью"), которая была взята только через год, крепости Туман, крепости Хамзин ("вступили с ним в сражение"). В итоге многие горные районы Дагестана оказались под властью арабов, которые навязывали населению Серира, Тумана, Шандана, Зирихгерана, Кайтага, Лакза, Табасарана, Филана тяжёлые повинности⁴⁶.

Поход 737 г. (вернее, 737-738 гг.) привлек внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, о нем уже существует значительная литература. Связано это с тем, что во время этого похода Марван глубоко ворвался в земли Хазарии, вышел к Дону⁴⁷, где захватил 20 тысяч славян, которые потом были поселены "между Самуром и Шабираном, в земле Лакза". Хазарский хакан и группа его приближённых вынуждены были принять ислам.

В 750 г. в Халифате произошли существенные изменения политического характера. Народные движения опрокинули власть династии Омейядов (761-750) и подняли на вершину власти другую династию — Аббасидов (750-1258 гг.). Однако при Аббасидах налоговое бремя в завоёванных районах всё более усиливалось. Повсюду в Халифате возникали мощные движения народных масс, которые потрясли, в конечном счёте, основы державы Аббасидов. Наиболее широкий размах получили народные выступления под руководством Сунбада Мага в Хорасане (755 г.), Муканны (776-783 гг.) в Средней Азии, Бабека (816—837 гг.) в Азербайджане и в Средней Азии. Все эти движения маздакито-хуррамитского направления характеризуются как движения социальных низов, в основном, крестьянства⁴⁸.

Во второй половине VIII в. усилилась антиарабская борьба и в Дагестане. Усилились позиции хазар в районе Дербента, где был разбит многотысячный мусульманский отряд. Халиф предпринял ряд чрезвычайных мер для укрепления своих позиций в Дагестане, особенно в районе Дербента. При правителе Арминии Йазиде ас-Сулами сюда было послано много тысяч мусульманских семей, которые обосновались в населённых пунктах близ Дербента — Камакхе, ал-Мухаммадия (Химейди), Баб-Ваке (Дарвар)⁴⁹. Халиф ал-Мансур (754-755) "нашёл необходимым, чтобы в окрестностях Дербента были поселены мусульмане", и впоследствии сюда были поселены семь тысяч мусульман с семьями, построившие крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге, Бильгади⁵⁰.

Изложенные выше события — последний этап походов арабов в Дагестан. С самого начала IX в. наступила мирная полоса, и главное объяснение этому можно найти в судьбе Арабского халифата. В IX-X вв. Халифат не представлял политически единого целого, на его территории возникло большое число самостоятельных государств — Идрисидов и Аглабидов в Северной Африке, Тахиридов в Хорасане, Алидов на южном берегу Каспийского моря, Саффаридов в Хорасане, Саманидов в Мавараннахре, Тулунидов в Египте, Багаратидов в Армении. Это было следствием как дальнейшего развития феодальных отношений с неотступным от них ростом центробежных тенденций, так и могучей волны всё возрастающих народных движений, выступлений крестьянских масс и ремесленного населения, охватившей все без исключения области Аббасидского халифата.

На Восточном Кавказе, в частности в Ширване и Дербенте, также утвердилась власть самостоятельных правителей арабского происхождения. В Дербенте стала править династия Хашимидов (с 869 г.), власть которых была наследственной. Что касается внутренних районов Дагестана, то в IX в. они приобрели полную самостоятельность. Политические образования получили благоприятные внешнеполитические и внутренние возможности для дальнейшего развития своей экономики, культуры, социального строя.

2. Последствия арабских завоеваний

Почти полтора столетия длилась сложная военно-политическая обстановка на Кавказе, в частности на Восточном, навязанная местному населению военной экспансией Арабского халифата, арабо-хазарскими войнами. При всей сложности и напряжённости этого исторического отрезка в целом, в пределах его выделяется более узкий хронологический этап, представляющий собой пик трагических для Дагестана событий. Этот этап попадает на начало и середину VIII в. Однако влияние и последствия арабских завоеваний не могут быть привязаны только ко времени военных акций. Они должны быть рассмотрены на более широком хронологическом фоне.

Арабские завоевания, военно-политические и международная обстановка

после них оказали громадное воздействие на раннесредневековый Дагестан во всех сферах жизни: социально-политической, экономической, интеллектуальной. Эта сторона вопроса слабо изучена, хотя в настоящее время в распоряжении исследователей имеется определённый материал. Важно изучить этот материал и показать, каким образом военно-политические потрясения в сочетании с сопровождавшей их разрухой, гибелью десятков и сотен населённых пунктов, сказались на социальной и экономической структуре дагестанского общества.

Арабский халифат был “сколочен” стремительными и широкомасштабными завоевательными акциями и включал такие области, как Средняя Азия, Иран, Сирия, Ирак, Закавказье, Северная Африка, часть Византии, превосходившие собственно арабские земли по уровню как экономического, так и социального развития. Завоевания привели к огромным размерам разрушениям городов, сёл, сельскохозяйственных угодий, падению земледелия и ремесла, свёртыванию торговли, к колоссальным человеческим жертвам. Это имело место повсюду, где проходили войска Халифата. Сообщения о “мирных договорах” перемежаются с известиями о массовых разрушениях населённых пунктов и пленении женщин и детей.

Дагестан не был исключением. Период арабских завоеваний оказался одним из тяжёлых в жизни местного населения. Широкую практику приобрели в Дагестане захват добычи и обращение в рабство местного населения. Арабский историк ал-Куфи подробно пишет о двух карательных отрядах, посланных ал-Джаррахом для наказания “земли Хадак” (Хайдак) и местности “в 6 фарсах от города ал-Баб”, и вернувшихся с богатой добычей 10000 лошадей и 3000 пленных”. “Дербенд-наме” также описывает это “удачный” поход: в Каракайтаг и Табасаран были посланы арабским военачальником два карательных отряда, которые “обзавелись” богатой военной добычей. Каракайтагский отряд вернулся с 12000 голов скота, с 2000 туманов серебра и золота, 700 пленными; отряд, посланный в Табасаран, стал “обладателем” 40000 лошадей, крупного рогатого скота, овец, 2000 пленных³¹. При походе ал-Джарраха “Баланджар с его имуществом, женщинами и детьми оказался в руках мусульман”. В знак победы и захвата Баланджара “каждый всадник получил по триста динаров, а всего всадников было более тридцати тысяч”³².

Одним из активных руководителей военных акций на Восточном Кавказе был арабский полководец Маслама, брат халифа Хишама, правивший Ираком и Хорасаном³³. Отняв в одном из походов у хазар добычу он разделил её среди мусульман, после того как изъял оттуда одну пятую часть”. Позже когда другой военачальник Марван ибн Мухаммед, наместник Армии и Азербайджана, двинулся к Баб ал-абвабу, “с ним было в то время 40 тысяч с лишним кафиров... Он написал Хишаму ибн Абдалмалику, извещая его об этом и послал ему пятую часть всего, что Аллах предоставил ему”. В Серире он уничтожил всех защитников крепости, которая оказала ему сопротивление, “а женщин и детей, имущество их он разделил между своими сподвижниками”.

В трудах арабских историков IX в. получила достаточно яркое отражение

военно-административная и земельная политика арабов. Ещё при Хосрове Ануширване в VI в. в империи Сасанидов было учреждено несколько испехбедств, в том числе, как писал ат-Табари, и испехбедство “Азербайджан с прилегающей территорией, т.е. страной хазар”. Арабы же создали вместо испехбедств наместничества³⁴. В целях сохранения своей власти и влияния на определённую территорию персидские правители широко практиковали привлечение на свою сторону различных северокавказских народов, в числе которых названы абхаз, банджар, алан. Но арабы в новых условиях не могли рассчитывать на повторение этой политики Сасанидов и уделили особое внимание привлечению на свою сторону населения завоёванных стран путём особой налоговой политики. Сасанидские правители проводили колонизационную политику в северных районах империи, в частности в районе Дербента, куда были переселены многие семейства из внутренних районов государства Сасанидов. Эту же политику проводили арабы, заселившие район Дербента тысячами арабских семей. И Сасаниды, и арабы одинаково успешно практиковали раздачу земель в завоёванных странах, особенно в пограничных областях, своим войнам и переселившимся семьям. Даже в налоговой политике арабы следовали Сасанидам они сохранили налоговую систему (взыскание поземельного и подушного налога), которая существовала в их государстве³⁵. Был только один пункт в политике Сасанидов, который арабы совершенно не признавали — это строительство оборонительных сооружений. Ни один из средневековых авторов не даёт нам сведений о возведении арабами новых фортификационных сооружений на Северном Кавказе. Это свидетельствует о том, что арабы не признавали район Дербента устойчивой линией границы. Агрессивный характер действия на Северном Кавказе здесь проявился с особенной ясностью.

Все источники, как арабские, так и местные, подтверждают, что массовый угон населения и его отрыв от хозяйственной деятельности, убийства и разрушения стали обычным явлением. Это привело к ломке и сокращению производительных сил, развалу исторически сложившегося экономического единства горных и равнинных районов Дагестана. Хозяйственная жизнь во многих областях оказалась на грани деградации.

Особенно обременительны были “мирные договоры”, которые арабы заключали с представителями местного населения. Известно, что земли, перешедшие к арабам в итоге завоевательных походов, делились на три категории: земли, завоёванные посредством оружия; земли, оставленные “неверующими”; земли, приобретённые вследствие капитуляции или посредством договора. Последняя категория земель сохранялась за прежним владельцем, но в качестве компенсации за это предполагалась уплата джизьи (подушная подать)³⁶. Арабские историки оставили много примеров реализации подобного рода договоров в завоёванных землях. Когда один из организаторов первых арабских походов Салман ибн Рабаи ворвался в Дагестан, к нему прибыли правители (малики) Лакза, Табасарана, Филана и “заключили с ним договор о ежегодном внесении ему определённой контрибуции”³⁷. Подобного рода договоры заключались неоднок-

ратно, практически после каждого крупного похода в горные районы. Поход Марвана был знаменательным. Крупные успехи арабского оружия в Нагорном Дагестане обернулись для местного населения изнурительными обязательствами по отношению к завоевателям. Марван навязал дагестанским правителям свои условия: правитель Серира обязан был доставлять в Баб ал-абваб 1 500 юношей и 500 красивых девушек, 100 тысяч модиев (мудд) зерна; жители Тумана 150 — девушек и 50 юношей 20 тысяч мудд зерна; малик Зирихграна — 50 юношей и 10 тыс. мудд зерна; Жители Хамзина — 500 юношей и девушек и 30 тысяч модиев зерна единовременно” с освобождением от доставок впредь”; владетель Синдана (М. стар?) предоставить единовременно 100 юношей и девушек, 5 тысяч мудд зерна; жители Лакза — 20 тысяч модиев; жители Табасарана — 10 тысяч мудд (зерна)⁵⁸.

За некоторым исключением, этот договор закреплял регулярные ежегодные обязательства дагестанских владетелей доставлять в Баб ал-абваб (Дербент) 160 тысяч мудд зерна (единовременно 195 тыс. мудд) и 2 250 юношей и девушек (единовременно 2 850). По источникам трудно определить, долго ли продолжалось такое положение. Невозможно установить, когда местные владения и общества окончательно освободились от обязательств выполнять обременительные повинности. Небезинтересно в этой связи отметить, что горных районах Дагестана и поныне сохранились меры веса (сыпучих тел), имевших хождение в Арабском халифате — это ратл (в форме ратлал), са’ (в форме сах), кайл (киле)⁵⁹. “Долгожительство” этих терминов — это следствие того, что они долгое время функционировали в Дагестане уже после арабов.

Согласно приведённой выше классификации договоров, налоги и подати взимались с земель, которые мирно подчинялись арабской власти с условием гарантии безопасности жизни и собственности. Однако, источники свидетельствуют о том, что практика была сложнее теоретических положений. “Мирные договоры” с гарантией жизни, имущества и веротерпимости при внесении податей заключались в Дагестане именно с теми местными государственными единицами, которые оказали войскам Халифата ожесточённое и продолжительное сопротивление. Договоры подобного рода фактически оформляли “мирное завоевание”⁶⁰.

Можно проследить разницу в содержании первых договоров, заключённых от имени халифа ‘Умара (634-644), и договором, заключённым гораздо позже наместником Армии, впоследствии халифом Марваном (744-750).

Первые договоры заключались на “добровольных началах” с правителями тех областей Восточного Кавказа, которые изъявили желание подчиниться на условии мирного соглашения. В таких случаях действовало традиционное правило уплаты джизьи и хараджа⁶¹, признание ряда повинностей (предоставление постоя, обеспечение армии проводниками) “в обмен” на обещание завоевателей сохранить жизнь и целостность имущества покорённого населения, на право придерживаться старых, “своих” религиозных представлений. Налоги и повинности не регулировались во времени, т.е. носили фактически временный

характер⁶². Впоследствии, когда власть арабов в завоеванных областях казалась более или менее стабильной, содержание договоров меняется, фиксируется не дань или выкуп, а систематическое взимание ренты⁶³.

Договоры Марвана отличаются от соглашений первых завоевателей тем, что они обязывают горских владетелей поставлять ежегодно гулямов и рабынь, большое количество зерна, вносить подати, а также деньги (возможно в переводе на деньги).

Как известно, в Омейядском халифате существовало несколько городов, населённых осевшими здесь завоевателями⁶⁴ и поставлявших основную массу военной силы, это Куфа и Басра в Ираке, а также Дамаск, Химс и Киннисрин в Сирии, Фустат в Египте, Шираз в Иране, Мерв в Хорасане. При этом главные Иракские базы, Куфа и Басра имели свои “сферы влияния” в обеспечении войсками театра военных действий. Войска, сформированные из куфийцев, направлялись в основном в Хорасан и Мавараннахр, а басрийские — на север в Закавказье и районы Южного Прикаспия. Эта практика была господствующей за всё время существования Халифата⁶⁵.

О времени первых арабских завоеваний на Северном Кавказе арабские авторы, в том числе и ал-Куфи, предоставляют в наше распоряжение интересный материал о происхождении контингентов войск, посланных в этот район военных действий. В главе “О завоевании Армии и убийстве Салмана ибн Рабиа ал-Бахили” Ибн Асам ал-Куфи сообщает о посылке правителем Сирии Джазирой и пограничных областей Муавией Хабиба ибн Маслама в Арминию. Узнав об огромном количестве противника, Муавия, уведомленный об этом Хабибом, обратился к Усману, а тот — к Валиду ибн Укба, тогдашнему ‘амилу в Куфе, чтобы тот собрал 10 000 воинов из куфийцев и придал их Салману ибн Рабию. “... Валид собрал куфийцев и призвал их организовать помощь сирийцам (“братьям из Шама”) в борьбе с войсками Византии (Рума). Было собрано 10 000 войск, отправившихся под руководством Салмана на помощь Хабибу ибн Маслама”⁶⁶.

Впоследствии, как продолжает Ибн Асам ал-Куфи, “Салман ибн Рабию и преданные ему иракцы” продвинулись в Арминию, прибыли в ал-Баб, обосновались в нём и оттуда совершили рейд до Таргу и Баланджара.

Стало быть, при первых походах арабов практиковалась посылка куфийских войск в районы Закавказья и Северного Кавказа. Придерживались ли этой политики также и в последующем при Омейядах?

Ибн Асам ал-Куфи вносит ясность и в этот вопрос: Маслама приказал разделить город на четыре “четверти”, т.е. квартала, заселив их жителями Дамаска, Химса, Палестины, Сирии и Джазирой. “Дербенд-наме” повторяет эти сведения, внося при этом некоторые существенные дополнения: в 115/733 г. Маслама заселил отдельные кварталы арабским населением, причём соответственно названию области именовались квартальные мечети. Таких мечетей было семь: Хада-ри, Палестинская, Дамаская, Химская, Кайсарская, Джазирская, Мосульская⁶⁷. Стало быть арабские жители Дербента были выходцами из Палестины, Джазирой, из городов Дамаска, Химса, Кейсарии (Мадриан), Мосула. Дербент был пре-

вращён в своего рода город-лагерь с населением преимущественно из Сирии и Палестины. Иракские войны, в частности куфийские, уже не названы. Выяснение этого обстоятельства весьма важно для определения позиции контингентов при социальных движениях, ведь куфийские по происхождению части были сторонниками антиомейдской и шиитской традиции.

В Дагестане арабы застали уже сложившиеся государственные образования со своими правителями и несложным аппаратом управления. Арабам необходимо было определить отношение к ним, сохранить или же заменить представителями арабской власти. По отношению к местным владельцам, правителям или их династиям арабы в общем придерживались следующей политики: «в подчинённых областях они ставили своих правителей, которые распоряжались военной властью и финансами, национальные династии обыкновенно сохраняли своё существование и удерживали за собой гражданскую власть»⁶⁸. В Иране и Византии, например, весь административный аппарат остался нетронутым, причём именно крупным земельным собственникам был поручен сбор налогов⁶⁹.

Многие представители местной знати Ирана смогли сохранить за собой прежние, частично урезанные привилегии не ценой принятия ислама, а путём признания политической зависимости от мусульманского государства и принятия обязательств об уплате податей.⁷⁰

И в Дагестане во взаимоотношениях с местными правителями арабы придерживались своей традиционной политики. В завоёванных землях Дагестана местные правители оставались на своих местах, они осуществляли от имени арабской власти административную и финансовую политику, они же организовывали доставку ежегодных налогов арабским властям. Замена правителя дагестанского происхождения представителем администрации арабского происхождения была в VII-VIII вв. редким явлением. Только в Дербенте с самого начала обоснования арабов правитель города назначался от имени наместника. Ни при ранних походах, ни при наиболее интенсивном вторжении Марвана вглубь дагестанских гор нигде нет сообщения о замене одного владельца другим, все местные правители остаются на местах, принимая условия арабских военачальников. Им и поручалось взимание и доставка ежегодных податей в распоряжение арабских властей в Дербенте. Известен только один случай, когда Марван отправил туманшаха к халифу Хишаму ибн Абдалмалику, но затем он был возвращён на родину.

К сожалению, арабские и персидские авторы, писавшие о событиях VI-VIII вв. в Дагестане, не оставили нам сведений о местной социальной терминологии, заменив их терминами, обычными в иранском и арабском обществе. Так, например, у арабского историка ал-Куфи зафиксирована богатая социальная терминология, но ни один из этих терминов не является местным: малик гор (малик Лакза, малик Филана, малик Табасарана), малик хазар, малик города ал-Баб, малик (правитель) Баб ал-аваба, малик хамзиншах, хакан, сахиб Баланджара, сахиб Серира. Другой арабский автор ал-Балазури упоминает хакана горы (он же сахиб ас-Серир с титулом вахрарзаншах), малика Филана (он же филаншах),

упомянуты также табасараншах, малик ал-Лакза с титулом джурджаншах, малик Маската, сахиб Бухха, сахиб Зирикарана. Персидский автор Балами вместо термина малик употребляет слово мехтар. Термин «малик» означает царь, но в первые века ислама он прилагался к немусульманским правителям.

В дагестанской дореволюционной историографии имело широкое хождение мнение об иноземных истоках государственной власти в Дагестане. Формирование публичной власти административно-государственного аппарата связывалось обычно с именем арабов, чаще всего с именем популярного арабского политического деятеля и военачальника Абу Муслима. Традиция возводит происхождение дагестанских феодальных правителей, родоначальников династии шамхалов, майсумов, удмиев к роду пророка Мухаммеда. Соответственно этой концепции создавались и генеалогии. Несоответствие этой концепции действительному положению вещей показано в предыдущих параграфах.

Следует отметить двоякую роль Арабского халифата в судьбах стран, вошедших в состав этой крупной державы. Эта двойственность обусловлена изменением характера внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности Халифата. В VIII в. Халифат выступал государством, освоившим богатые традиции административного управления на значительных территориях. «После почти столетней полосы войн на Ближнем Востоке... раны, нанесённые в завоеваниях, зарубцевались... Всё это должно было благосклонно сказаться на экономике и развитии городов»⁷¹.

Кроме того, в результате варварских вторжений, развитие стран Запада и Востока по диаметрально противоположному пути: «В Европе свёртывается торговля, деградируют города и деревня с её натуральным хозяйством и сплошной неграмотностью становится символом средневековья. На фоне анемии экономической и культурной жизни Европы особенно контрастно выглядят гигантские города Халифата, высокий уровень производства и дальние экономические связи»⁷².

История Арабского халифата важнейшая составная часть истории всего человечества, без которой невозможно понять её закономерности; она помогает лучше понять и оценить особенности культуры многочисленных народов, входивших в состав Халифата⁷³.

Указанные положительные последствия нашли отражение и в Дагестане, благотворно сказались на экономике, социальной жизни, культуре и идеологии.

Вхождение части дагестанских земель (преимущественно равнинных вместе с Дербентом) в состав Арабского халифата, стабилизация внутривнутриполитического положения дагестанских владений и включение их в орбиту экономической, торговой и культурной жизни Халифата оказались важнейшими благоприятными факторами развития всех сфер жизни общества. Наиболее отчётливо это стало проследиваться в IX-X вв. За это время в принципе было восстановлено нарушенное длительными войнами органическое единство горного и равнинного Дагестана как единого экономического организма, отдельные части которого были тесно связаны и взаимообусловлены. Включение Дербента и ряда райо-

нов Дагестана в систему товарно-денежных отношений Арабского халифата прослеживается ещё в VIII в. К этому времени относится чеканка в Дербенте арабской монеты (дирхемы и фельсы от имени омейядских, а затем аббасидских халифов). Известно более 50 экземпляров чеканенных здесь куфических монет. Самая ранняя из них датирована 115/733-4 г., самая поздняя 178/794-5 г. Куфические монеты IX-XI вв. обнаружены и в горных районах Дагестана. Волжско-Каспийский путь приобретает огромное международное значение⁷⁴.

Расположение Дагестана на оживлённой торговой морской и сухопутной трассе, соединявшей Юго-Восточную Европу с Закавказьем и Ближним Востоком, давало этому процессу ощутимый толчок. В горных районах заметное развитие получили скотоводство и земледелие, ускорились процессы формирования крупных населённых пунктов, развития ремесленного производства. На равнине успехи земледелия были ещё более заметны. Расцвет городской жизни, характерный для всего Халифата, прослеживается и в Дагестане. Дербент стал одним из крупнейших городов Кавказа, важным административным и торговоремесленным и транзитным центром, тесно связанным со своей сельскохозяйственной округой. До середины X в. в цветущем состоянии находился город Семендер значительный пункт на Волжско-Каспийской торговой трассе. В самом Хазарском каганате источники называют ряд крупных городов⁷⁵. В тех случаях, когда дагестанский город включался в состав Халифата, это находило отражение в структуре города. Он усиленными темпами становился феодальным. Это наглядно видно на примере Дербента. В VI первой половине VII в. это был, главным образом, политический, административный центр с типичной для многих городов Сасанидского Ирана двухчастной структурой (цитадель-кала, или кухендиз; собственно город мадина, или шахристан). При арабах Дербент превратился в феодальный город, став не только военно-административным, но и культурным и самое главное — ремесленным и торговым центром. Изменилась и структура самого города, где выделяются не только цитадель (кала) и собственно город (мадина), но и пригород, предместье (рабад)⁷⁶. По своей величине, значению, роли в сфере торговли, ремесла, культуры, своим связям с сельским хозяйством и влиянием на соседние земли и владения Дербент стал вровень со многими крупными городами Халифата.

Изменению подверглись не только социальная структура и исторически сложившаяся топография города. Резко изменилось его этническое лицо. Дербент становится постепенно арабским городом по преимуществу, одновременно же складывался также его многоэтничный облик, прежде всего за счёт растущего притока сельскохозяйственного населения из различных областей Дагестана. Миграция арабского населения в Дагестан приняла первоначально грандиозные для того времени размеры.⁷⁷ Часть этого населения оседала в Дербенте. При военачальнике Масламе арабы, как пишет ал-Куфи, освободили цитадель города от “тысяч хазарских семей”, которые там были, а после этого он “приказал разбить город ал-Баб на четыре сектора: один сектор передали воинам из числа жителей Дамаска, другой воинам Химса, третий воинам Палестины и четвертый

другим воинам из Сирии и ал-Джазиры”⁷⁸. Из города, выполнявшего функции военного лагеря, Дербент превращался в город нового типа, менялся его социальный и экономический статус. Арабское население, обосновавшееся здесь, это не просто военный контингент, а постоянный фактор, связанный с получением с местного населения ренты. Ал-Куфи писал: “Йазид ибн Усайд разделил бывшие с ним войсковые подразделения для обороны Баб ал-абваба и горных проходов, заселил ими эти места и назначил для них нормы продовольствия, которые были ещё при Омейядах”⁷⁹.

Контингент арабского населения (военного и гражданского) значительно увеличивается. Как писал ал-Йакуби, аббасидский халиф ал-Мансур (754-775) “велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил против хазар, присоединив к ним рабочих и строителей, и построили они город Камах, ал-Мухаммадию, Баб-Вак и другие города, которые он обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов”⁸⁰. Дагестанский учёный Гасан Алкадари (1834-1910) добавляет, что эти 7000 мусульман были со своими семьями, и они построили крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мутагире, Мараре и Бильгади⁸¹.

Речь идёт о создании вдоль Горной стены системы центров (маракиз), опорных баз с расквартированным там арабским населением. Арабский энциклопедист Йакут (ум. в 1229 г.) сообщает, что в оборонительной системе Дербента были выделены специальные центры, защита которых была поручена жителям Табасарана, Филана, ал-Лакза, ал-Лайзана, Ширвана⁸².

Вопрос о формах земельной собственности на Ближнем Востоке и на Кавказе давно привлекает внимание исследователей. Дагестанская историография уже располагает трудами, специально посвящёнными вопросу о формах земельной собственности в раннем средневековье, однако вопрос этот настолько сложен, а сведения настолько отрывочны, что многие аспекты пока ещё не изучены или изучены в самых общих чертах. К их числу относится и вопрос об икта, её практическому содержанию. В Халифате институт икта имел различные формы: икта в виде условного (временного, пожизненного) держания, перешедшего в последствии в систему наследственных ленов; икта как отчуждаемая земельная собственность, то есть мулк; икта в форме откупов.

В Дагестане в VII-VIII вв. арабы широко практиковали раздачу земель многочисленным воинам и арабским колонистам в районе Дербента или в Табасаране, но из источников мы не улавливаем точный правовой статус этих земель, были ли они причислены к разряду условных держаний или же переданы с правом отчуждения, т.е. в качестве мулка. Воины многочисленного отряда арабских колонистов в Дербенте и его окрестностях получали определённое жалованье (может быть, в качестве вакфа, выдаваемого “добровольцам” в таких пограничных областях, как Дербент). Здесь мы имеем дело с условной формой земельной собственности (вернее, с правом получения части земельной ренты) за несение военной службы. Практика подобного рода “пожалований” имеет в Дербенте свои традиции (“установил жалованье, ранее установленное им Омейядами”),

т.е. установлены ещё арабским военачальником Масламой. Действительно, он поселил в первой четверти VIII в. “в город Баб ва-л-абваб 2400 человек из Сирии, обязавшись выдавать им жалованье. Поэтому жители ал-Баба и до сего дня не позволяют ни одному амилу входить в город, если с ним нет денег, которые бы он распределил между ними”.

Здесь, вероятнее всего, идёт речь о распределении вакфных средств, выделяемых для обеспечения защитников города, на подобные же цели тратились налоговые поступления из внутренних районов Дагестана. В этом отношении представляют интерес слова малика Дербента, обращённые к Масламе: “к тебе собрались правители (малики) гор, которые приготовили тебе харадж”. Защитникам границ ислама были предназначены и налоги, которые через ‘амилов (сборщиков налогов) наместник Йазид взysкивал с нефтяных промыслов в Ширване⁸³.

Вакфные отчисления для поддержки арабского контингента на границах Халифата нередко особо обговаривались. Ат-Табари писал, что в 126/743-744 г., “когда Марван послал Сабита вместе с Исаком к жителям ал-Баб, он послал их пограничной области (сагр) и каково вознаграждение им для нужд их и их исламских центров (маракиз)”⁸⁴.

В сфере земельных отношений влияние арабских завоеваний и ислама было ощутимо и во времени и в пространстве⁸⁵. Широкое распространение условных форм земельной собственности в Дагестане, таких категорий, как дийа и икта, и реализации этих категорий была возможна в том случае, если первоначально формировался на местах фонд государственных земель. Стало быть, арабские завоевания и власть Халифата активно вмешивались в существующие категории земельной собственности. Обеспечение потребностей арабских воинов и поселенцев потребовало изъятия земельных участков из распоряжения прежних владельцев и передачу их в государственный фонд для последующего распределения по усмотрению властей. Как показано в специальном исследовании, в Дагестане, особенно Южном, захваченные на первом этапе (VII-VIII вв.) земли переводились в разряд государственных, при этом рента в виде хараджа собиралась государственным чиновниками и распределялась среди феодалов через государственную администрацию⁸⁶. С другой же стороны, практиковалась выдача земельной ренты не в виде жалования или части урожая, а передачи определённых земельных участков на принципах условного держания (военного лена) или же права собственности (мулк, аллод). Халиф Муавия (661-680) “выделил им (то есть жителям Куфы и Басры) их долю из земель, завоеванных в Ираке, Азербайджане и ал-Бабе”⁸⁷. Иногда в качестве икта передавались целые города и области. В 851 г. халиф Мутаваккил закрепил за основателем династии ширваншахов Йазидидов-Мухаммедом ибн Халидом “в качестве лена город Баб ал-абваб с прилегающими областями”⁸⁸. Постепенно подобного рода земли теряют характер условного землевладения, всё больше и больше приобретая черты наследственности⁸⁹. К примеру, потомки Мухаммеда ибн Халида ибн Йазиды сохранили за собой земли в Южном Дагестане вплоть до 869 г., когда в Дербенте установила

свою власть новая политическая группа — династия Хашимидов⁹⁰. Дербент же становится со второй половины IX в. наследственным владением потомков семьи Хашимидов⁹¹.

С арабскими завоеваниями связано и распространение ислама в Дагестане и в связи с этим появление новой формы земельной собственности — вакфной.

“Вторжение” арабского влияния в хозяйственную структуру дагестанского общества, в сферу земельных отношений, в область религии — эти факторы содействовали (по окончании военных действий) дальнейшему развитию социальных отношений, во многом содействовали упрочению раннефеодального общества. В основе этого процесса лежит синтез двух параллельно развивающихся и взаимосвязанных факторов: внутреннее развитие и разложение сельской общины, её социальное расслоение, с одной стороны, и активное воздействие классовобразующих процессов, происходящих в Арабском халифате — с другой. Последовавшая за арабскими завоеваниями внешнеполитическая ситуация благоприятствовала усилению южной ориентации, сложению тесных многосторонних контактов со странами Ближнего Востока.

3. Ислам в раннесредневековом Дагестане

Арабский халифат сыграл важнейшую роль в истории многих народов, оказавшихся в сфере исламского мира. Именно в Халифате “процесс взаимодействия различных цивилизаций породил новую высокоразвитую культуру, языком которой стал арабский, а идеологической основой ислам, новая монотеистическая религия со своеобразной системой этико-правовых представлений и религиозно-политических институтов, зародившаяся в Аравии и распространившаяся в ходе арабских завоеваний. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперёд определила пути развития народов, исповедовавших ислам, сказываясь на их жизни до сего дня.”⁹²

Первые шаги арабо-мусульманской культуры в Дагестане, а затем её мощное и глубокое проникновение во все слои общества — важный, неравномерный, противоречивый, длившийся столетиями процесс. Он до сих пор слабо изучен, несмотря на его чрезвычайную актуальность и на выдающуюся роль во всех сферах жизни дагестанского общества.

“Движущие силы” этой культуры — арабский язык и ислам проникли в Дагестан вместе с завоевательными походами арабов, но на многие века пережили эти походы, стали составной частью культуры дагестанских народов, сыграли огромную роль в формировании письменного литературного наследия, образования, нравственных критериев.

Нет ни одного более или менее важного вопроса истории и культуры народов Северного Кавказа, в частности дагестанского общества, при исследовании которого можно было бы пренебречь фактом исламизации. Ислам и языческие верования; земельные отношения и социальная жизнь; памятники письменной

культуры, арабский язык, арабская колонизация и отношение к местным языкам; культурные контакты с народами Ближнего Востока и Средней Азии; государственная власть и социальная терминология; вопросы генеалогии и составные части местной исторической традиции это лишь неполный перечень факторов, испытавших на себе той или иной степенью интенсивности влияние процесса проникновения и утверждения ислама, арабо-мусульманской культуры.

Не менее важным обстоятельством был и беспрецедентный, затянувшийся почти на тысячелетие процесс исламизации Дагестана, небольшой территории на Северо-Восточном Кавказе. Длительный путь ислама в Дагестане — итог стечения многих обстоятельств: борьбы местного населения против попыток установить господство и навязать новую религию вместо господствовавших здесь языческих представлений, а также христианства, занимавшего в некоторых местах сильные позиции; столкновения хазар и арабов; политической раздробленности Дагестана, вернее, наличия на его территории большого числа политических единиц, маленьких государств (Дербент, Лакз, Гумик, Хайдак, Серир и др.)⁹³, вполне самостоятельных. Исламизация ближайших к Халифату областей (Дербент, Табасаран, часть Лакза, Хайдака) не распространялась одновременно на более дальние, горные и высокогорные районы. Политическое господство не всегда сопровождалось победой в области идеологии. Арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам, несмотря на военный нажим и экономические мероприятия, утвердился к этому времени на территории, занимающей примерно пятую часть региона. Если в X–XVI вв. ислам медленно, но уверенно проникал во все дагестанские земли, то, наряду с другими, политические и культурные факторы оказались более эффективными, нежели военные акции.

Как неуклонно входившие в жизнь раннефеодальные отношения, так и интересы государства нашли в исламе идеологическую опору, значение которой было быстро осознано, и сообщения источников о местных правителях, первыми принявших монотеистические религии, хорошо иллюстрируют это положение⁹⁴. В то же время следует отметить, что и местная дореволюционная историография, и арабские авторы освещают события в Дагестане в VIII в., преувеличивая успехи исламизации дагестанских обществ. Арабский автор ал-Йакуби писал, что дагестанские владения, как правило, без боя принимали арабов и заключали с ними “мирные” договоры⁹⁵.

Абу Хамид ал-Гарнади, бывший в 1130 г. “проездом” в Дагестане, также приписывает Масламе ибн Абдалмалику триумфальную исламизацию многих дагестанских владений: после распространения им ислама среди табасаранцев “... приняли из его рук ислам многочисленные народы, в том числе: лакзан, и филан, и хайдак, и заклан, и гумик, и дархах...”⁹⁶.

Составитель “Дербенд- наме” утверждает, что при походах Масламы жители Тарки, Анджикала, Дербента, Казикумуха, Табасарана, “народ Тау” и население Аварии приняли ислам почти без сопротивления⁹⁷. Гасан Алкадари также писал о раннем успешном процессе исламизации: Абу Муслим построил соборную

мечеть в Дербенте, а также мечети в магалах города, в Кайтаге, Табасаране, Акуша, долине Самура, Центральном Дагестане, Аварии, то есть почти во всём Дагестане.

Арабский список “Дербенд- наме” тоже придерживался концепции распространения ислама в Кумухе, Кайтаге, Табасаране, как единовременного акта, имевшего место в 30-х гг. VII в.: после обоснования в Дербенте, восстановления его и строительства нескольких мечетей, Маслама (в тексте: Абу Муслим) “... отправился в вилайт Кумук, сражался с его жителями, нанёс им поражение, убил их правителя (кабир). Тем, кто принял ислам, он назначил добычу. Он построил в городе (балда) Кумук мечеть, назначил над ним, а также над другими областями Дагестана хакима... Затем он вернулся в вилайт Хайдак, сражался с его жителями, убил их хакима, обложил хараджем тех, кто принял ислам, убил тех, кто не принял ислам, и разделил их имущество среди участников сражения, назначил хакима над ними из своей родни... Затем он отправился в вилайт Табасаран, сразился с ними ожесточённо, нанёс им поражение и убил их правителя (кабир), пощадил тех, кто принял ислам, взял имущество тех, кто не принял ислам, и убил их, разделил их имущество среди воинов. Он назначил над ними хорошего хакима... вместе с ними двух кадиев, чтобы они решали дела по шариату”⁹⁸.

Всё изложенное выше показывает, какое огромное значение мусульманская историография придаёт вопросу о методах и хронологических рубежах исламизационного процесса в Дагестане. Как же в действительности происходил процесс принятия ислама, какие реальные силы выступали противниками новых идеологических представлений, каковы этапы этого процесса?

В дагестанской историографии 20-е гг. XX в. были предприняты не безуспешные попытки объяснить исламизационный процесс в Дагестане. Переводчик сочинения Гасана Алкадари “Асари Дагестан” Али Гасанов в своих примечаниях к переводу писал: “Вероятно, кое-где (например, в Дербенте, в предгорьях Кюринского округа, Табасаране, Кайтаге и вообще на плоскости) арабы действительно построили мечети и поставили кадиев и правителей. Но чтобы в VIII в. могли это сделать в Акуша, в Хунзахе, Кумухе или даже в Ахтах, этому трудно поверить. Всё это они могли сделать на 2-3 века позднее, когда культура арабская достигла своего кульминационного развития, и когда миссионеры ислама высоко подняли авторитет халифа в глазах кавказских племён”⁹⁹.

Здесь впервые был поставлен вопрос о продолжительности исламизации в Дагестане и о двух его основных этапах.

Выше, при описании арабо-хазарско-дагестанских взаимоотношений, уже отмечался ожесточённый характер арабо-хазарского противостояния, борьбы дагестанских владетелей за сохранение политической и экономической самостоятельности.

Как известно, в мусульманском праве все земли по принципу их отношения к исламу и к арабской власти делятся на три крупные категории: дар ал-ислам, дар ас-сулх и дар ал-харб. Дар ал-ислам (“территория ислама”) — это мусульманские страны, находящиеся под властью мусульманских правителей; дар ас-

сулх (“территория мирного договора”) — это немусульманские земли, которые, согласно договору (сулх), вносят определённую дань, сохраняя существовавшие ранее порядки; дар ал-харб (“территория войны”) — немусульманские страны, которые находятся за пределами “территории мирного договора”, война с которыми во имя ислама считалась священной обязанностью мусульман¹⁰⁰. В политике арабов в завоёванных землях немаловажное значение имело также конфессиональное положение покорённого населения, относятся ли они к “ахл ал-китаб” (“люди Писания”, каковыми считались христиане, иудеи, зороастрийцы), или же это кафиры (неверующие). “Ахл ал-китаб” сохранили за собой свободу отправления религиозных обрядов и входили в число “покровительствуемых” (ахл аз-зимма), получали гарантию неприкосновенности личности и имущества, но при сохранении условий договора, основными пунктами которого были: “выплата подушной подати (джизьи), определённой денежной или натуральной дани, предоставление мусульманам помещений для постоя и обязательство не помогать их врагам”¹⁰¹.

Дагестан же с его языческим в преобладающем числе населением относился к категории “территории войны”. Правда, сохранились, как уже выше писалось, сведения о договорах с правителями или населением горных районов, но всё это было как бы дополнением к основной линии, к борьбе с населением “территории войны”. Свидетельство тому — продолжавшаяся на территории Дагестана борьба различных, взаимоисключающих интересов в течение более чем ста лет.

В этой обстановке особое значение приобрела налоговая политика арабов. Она заключалась во взимании хараджа (поземельный налог) и джизьи (подушной подати), а также в организации многочисленных натуральных повинностей¹⁰².

Поземельный налог, харадж, взимался натурой или деньгами (или в смешанной форме), вносился первоначально покорённым населением, а затем всеми мусульманами. При определении размера хараджа учитывались многие объективные обстоятельства — качество земли, вид культуры, близость воды, возможность орошения. Существовало несколько видов хараджа. Что касается джизьи, то эта подать взималась с иноверцев и представляла собой своего рода вознаграждение завоевателям за проявленную веротерпимость и сохранение жизни этих иноверцев. Размеры подати устанавливались договором, причём от джизьи освобождались женщины, старики, дети (т. е. те “с кем нельзя сражаться”), рабы, монахи, а также христиане, воевавшие в мусульманской армии, и бедняки, “которым подают милостыню”¹⁰³.

Если же кто-нибудь принимал ислам, то он освобождался от обязанностей платить джизью. Поэтому мусульмане в ряде случаев не особенно усердствовали в своих попытках навязывать ислам, опасаясь уменьшения налоговых поступлений в казну. Всё же практика освобождения от джизьи тех, кто принимал ислам, во многом содействовала успехам нового религиозного учения.

Выше уже указывалось, что во время похода Марвана в горные районы

Дагестана он обязал население завоёванных земель вносить в зернохранилища Дербента зерно и поставлять ежегодно определённое количество красивых юношей и девушек. Всё это в сущности рассматривалось как джизья, так как о принятии ислама в этих источниках не сообщают. Ат-Табари, рассказывая о событиях 121/738–39 г., пишет: “Рассказ о событиях этого года. Из них поход Хишама ибн Абдалмалика на Византию (Рум) и завоевание там Матамира и поход Марвана ибн Мухаммада в страну Владельца золотого трона (сахиб сарир аз-захаб). Марван завоевал эти крепости и разрушил его землю. Он повиновался Марвану на условиях уплаты джизьи — ежегодно тысяча душ. Марван взял от владельца заложников (рахн) в качестве гарантии этому. После этого Марван утвердил его владельцем его земель”¹⁰⁴.

Процесс исламизации дагестанского общества прошёл два основных этапа (VII первая половина X в. и вторая половина X–XVI в.), отличавшихся друг от друга не только темпами распространения новой религии и социальными условиями, но и носителями и проповедниками религиозных идей. Территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юго-востока на северо-запад, причём ислам утверждается, как правило, сначала в феодальных владениях, и лишь затем проникал в широко представленные здесь союзы сельских общин. Последнее обстоятельство было закономерно для всего Дагестана в целом, возможно, и для других областей.

Перед исследователями встаёт вопрос о тех реальных силах, тех этнических, а затем и социальных пластах, которые активно содействовали исламизации. Обычно это связывают с именем арабов, но это верно (и то в основном) для первого этапа, то есть VII первой половины X в. Миграция арабского населения в Дагестан была фактически продолжением подобного рода политики халифов в других областях, только здесь эта политика приняла более крупные масштабы. Ал-Йакуби даёт нам первые известия о многочисленных переселенцах, в числе которых были рабочие и строители, обосновавшиеся в середине VIII в. в построенных для них пунктах вокруг самого крупного тогда в Дагестане города Дербента¹⁰⁵. “Дербенд-наме” свидетельствует об очень важном факторе: Дербент, крупнейший на Кавказе город, стал мусульманским, а в 115/733–4 г. арабский полководец Маслама приказал построить соборную мечеть, а также ещё семь подобных культовых сооружений по территориальному, или “племенному” принципу¹⁰⁶. В каждом квартале города была построена, таким образом, отдельная мечеть. Только одна мечеть не связана с арабским населением, а с хазарами. Этнический облик арабского населения сохранился в этом районе на столетия¹⁰⁷.

Строительство в Дербенте грандиозной соборной мечети в начале VIII в. означало, что Дербент из видного христианского центра (как это было в V первой половине VI в.) превратился в крупнейший на Кавказе исламский религиозный центр, опорный пункт для распространения в горные районы Дагестана и на всём Северном Кавказе идей ислама и арабо-мусульманской культуры. Строительство семи квартальных мечетей свидетельствует о том, что происходило быстрое изменение этнического облика города и что арабское население обосновалось в Дербенте основательно. Дербент (Баб ал-абваб) с мусульманским, в

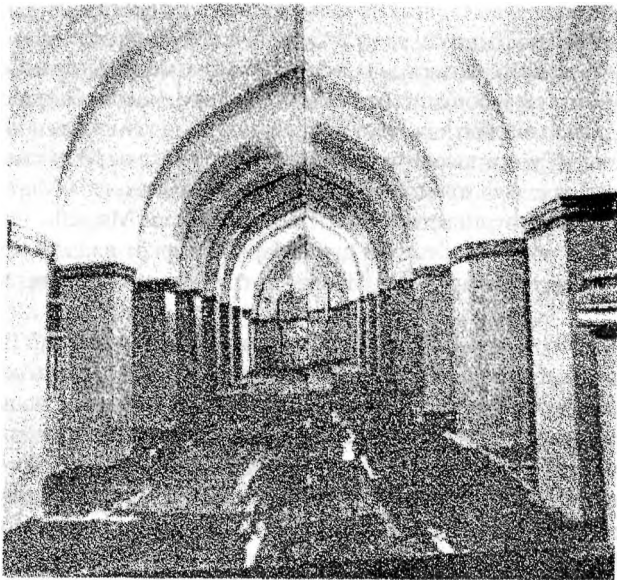

Рис. 66. Дербент. Джума-мечеть. Центральный неф

значительной степени арабским населением, возглавлялся правителем, назначенным халифом, и был основным опорным пунктом распространения ислама в Дагестане. Не случайно центральные, северные ворота города получили у арабов название “Баб ал-джихад”, через которые выходили отряды газиев на “войну с кафирами”.

Усилия много-тысячного арабского населения в Дагестане и в населённых пунктах вокруг

него по распространению ислама и по “охране границ ислама” оплачивались двойко. Прежде всего выделялась часть хараджа или джизьи, взимаемых с местного населения. Как писал ат-Табари, в 126/743-4 г., “когда Марван послал Сабита вместе с Исахом к жителям ал-Баба, он послал с ними к этим жителям письмо, в котором он извещал их о делах их пограничной области (сагр) и каково вознаграждение им для их нужд и их исламских центров (маракиз)”¹⁰⁸.

Хотя арабы и служили главными носителями идей ислама, но определённые слои местного населения также играли, вероятно, немаловажную роль. Дербент был полон газиев¹⁰⁹, нередко формировавшихся из местных деклассированных элементов. Мухаммед б. Халид, получивший в 237/851 г. Баб ал-абваб в качестве лена (икта), “с помощью газиев ал-Баба... также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербентом”¹¹⁰. “Исламские” походы в центральные районы Дагестана продолжались один за другим, и дербентские газии принимали в них самое деятельное участие. Так, в 861 г. правитель Ширвана “сражался с неверными в стране Серир”. Сын его, Мухаммед, продолжал дело отца, “творя правосудие” и ведя “войну против неверных”, а сын Мухаммеда Хайсам, в свою очередь “предпринимал множество походов на неверных”.

В X в. Дербент перестал быть чисто арабским, в основном, городом. Ал-Истахри (ум. ок. 951-2 г.) первым подчеркнул многоэтничный облик Дербента: “Иногда жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на остальных языках

их гор”¹¹¹. Демографическое развитие города шло в сторону всё большего проникновения представителей местного, дагестанского населения и в 1130 г., когда город посетил арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, то в нём были представлены многие языки, в основном дагестанские: “лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, сарирский, аланский, асский, зирихкаранский, тюркский, арабский, персидский”¹¹². Они соответствуют следующим современным языкам: лезгинский, табасаранский, акушинский и цудахарские диалекты даргинского языка, урахинский (хюркелинский), кайтагский (хайдакский) диалекты даргинского языка, лакский, аварский, осетинский (аланский и асский), кубачинский, тюркский, арабский, персидский.

Таким образом, раннесредневековый дагестанский город, в данном случае Дербент, был таким крупным политическим и культурным полиэтническим центром, где многие дагестанцы приобщались к исламу и затем, в свою очередь, выступали его пропагандистами в других районах.

Дербент был средоточием тех реальных сил, вся деятельность которых была направлена на защиту интересов ислама и на привлечение, на “притяжении” к нему всё новых и новых дагестанских обществ. Дербент был местом пребывания воинских сил, участвовавших в различных экспедициях, и в составе этих сил наибольшую активность проявляли “борцы за веру” (гази), “добровольцы” (муттави), “чтецы Корана” (курра) и “пришлые” (гураба)¹¹³. В “исламских центрах”, что вокруг Дербента, жило арабское население, выступавшее и как аванпост при защите Дербента, и как внушительная идеологическая сила. Замечательное, богатое ценной информацией историческое сочинение “История Ширвана и Дербента” неоднократно сообщает о роли газиев в расширении позиций ислама. Правда их попытки не всегда увенчивались успехом. Сопrotивление местных сил было длительным и эффективным. Гази и ряд других социальных категорий населения Дербента в течение нескольких веков использовались эмирами города в интересах и политической, и идеологической борьбы. Так упомянутый выше Мухаммед ибн Халид, получивший в 851 г. “в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими землями... с помощью газиев ал-Баба... также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербентом”¹¹⁴. В 912 г. “большое число добровольцев и чтецов Корана”, привлечённых ширваншахом и эмиром Дербента, совершили нападение “на неверных Шандана” (на территории примерно Акуша-Дарго). Жители Шандана оказали сопротивление и состоявшееся сражение окончилось “неблагополучно для мусульман”. Попытка подчинения и исламизации Шандана окончилась неудачно. Правитель Ширвана и эмир Дербента попали в плен вместе с 10 тысяч мусульман. Походы газиев в соседние районы продолжались и в XI в. Благодаря усилиям дербентского эмира Маймуна в 995 г. принял ислам “народ Караха” (т.е. Уркараха)¹¹⁵.

К середине X в., помимо Дербента (здесь была уже мусульманская династия правителей), во многих прилегающих к городу населённых пунктах с арабским населением, в части Лакза, и Табасарана население также было мусульманским, как и правители Табасарана, Хайдака и Уркараха (Карах). В Джидане (Хай-

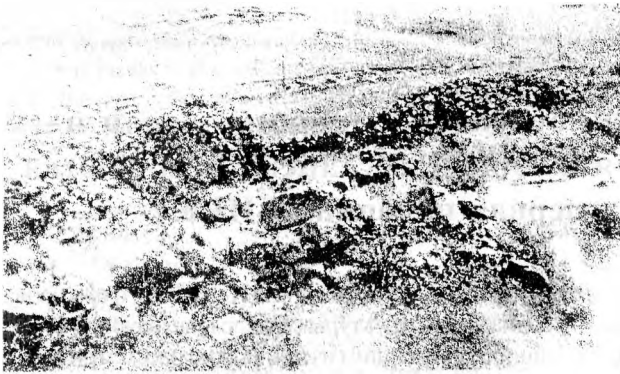

Рис. 69. Завалы камней, снятых с пахотных участков

ленных центров и земледельческих районов.

В X-нач. XIII вв. изменилась и политическая карта Дагестана. Ряд государств или феодальных владений усилился, упрочив свои позиции за счёт других владений, приняв политический облик. Некоторые же вла-

дения, потеряв свою самостоятельность, вошли в состав сильного владения или же распались на более мелкие единицы, союзы сельских обществ. Последние сыграли огромную роль во всей последующей истории Дагестана. В частности, в самом факте децентрализации политической власти в одних владениях и усиления её (власти) в других сказалась система неравномерного развития политической структуры на базе существенных изменений в сфере социальных отношений и форм земельной собственности. Укрупнение или же разукрупнение земельной собственности, укрепление категории свободно отчуждённой земли (мульк) всё это было связано как с укреплением власти отдельных правителей, так и с одновременно протекающим ослаблением этой власти, с изменениями соотношения форм собственности.

Социальная, политическая и идеологическая жизнь Дагестана в X- начале XIII вв. функционировала под непосредственным влиянием нового фактора утверждения во многих районах новой, монотеистической религии ислама, оттеснившего христианство (там, где оно распространено) и одержавшего победу над первобытными религиозными представлениями.

I. Политическая карта Дагестана

В X — начале XIII вв., то есть в течение более, чем трёхсот лет политическая карта Дагестана подвергалась существенным изменениям. В середине X в. прекратил своё существование Хазарский каганат, крупнейшее государство на территории Северо-Восточного Кавказа, Подонья и Нижнего Поволжья, существовавшие более трёхсот лет. К XI в. потерял свою самостоятельность ряд мелких политических образований, таких, как Шандан, Филан, Карах. Распались на отдельные, независимые территориальные единицы (скорее всего, союзы сельс-

ких обществ) Лахз и Табасаран. Вместе с тем усиливаются Дербент, Гумик (с XI в.), Кайтаг, Серир (в X-XI вв., а в XII в. он также распадается на отдельные части).

Таким образом, явно вырисовывается процесс неравномерного политического развития: централизация политической власти в одних владениях сопровождается политической раздроблённостью в других. Однако, в этом двуедином процессе главным в X — начале XIII вв. выступает фактор децентрализации, приведший к усилению ранее существовавших или возникновению новых союзов сельских обществ.

Хазария в X в.

Как известно, на Северо-Восточном Кавказе, в Подонье и в Поволжье Хазария играла значительную роль, начиная с середины VII в. вплоть до X в.¹ Семендер был в X в. цветущим торговым центром во всех торговых маршрутах того времени в системе волжско-каспийского торгового пути.

Дербентский эмират

В 30-40 гг. X в. уже стало очевидным, что Хазарский каганат, потеряв своё былое могущество и влияние, неминуемо идёт к своему закату². Это было ослабевшее государство уже не способное на активную внутреннюю и внешнюю политику. Продолжавшаяся более ста лет ожесточённая борьба с Халифатом за упрочение позиций на Восточном Кавказе, следовавшие одно за другим вторжения новых кочевых племён (печенегов и др.)³, внутренние противоречия феодализирующегося хазарского общества эти факторы значительно ослабили силу государства⁴. Западная граница каганата проходила по Дону, у Саркела, где печенежско-хазарские отношения были натянутыми. На востоке на левобережье Волги находились враждебно настроенные огузские племена, вытеснившие отсюда на запад родственных им печенегов и совершавшие с этого “плацдарма” нападение на хазар. Чёрные булгары освободились уже от хазарской власти, во второй половине X в. были уже независимы адыги и аланы. Дагестан, ещё в IX в. освобождённый от арабской власти, был независим также и от Хазарии, исключая равнинную территорию с городом Семендером.

Окончательное падение Хазарского каганата связано с деятельностью Древнерусского государства. В 965 г. киевский князь Святослав обложил данью вятичей, ранее плативших её хазарам, затем совершил поход в хазарские земли. В “Повести временных лет” под 6 473 годом (т. е. 965 г.) об этом событии сказано: “В лето 6 473. Иде Святослав на козары; слышавшие же козыри, изидоша с князем своим Каганом и съступившася битися, и бывши бране, одоле Святослав козаров и град их и Белу Вежю взя и ясы победы и касогы”⁵

Как писал академик В.В. Бартольд, “Хазарское царство не могло уже оправиться от удара, нанесённого ему Святославом, и после 60-х годов X в. уже не являлось крупным политическим фактором”⁶. Русы взяли столицу Хазарии Итиль (Атиль), разрушили до основания Семендер⁷. Русы обеспечили себе выход к

Рис. 70. Дербент. Орта-капы

Каспийскому морю, к международному волжско-каспийскому пути, включив Нижнюю Волгу в сферу своего политического влияния”⁸.

Хазарское государство было уничтожено, однако сведения о хазарах сохранились в арабских источниках вплоть до 60-х годов XI в.

В X-XII вв. Дербент оставался одним из крупнейших городов Кавказа, важным политическим, торгово-ремесленным, культурным и религиозным центром, оказавшим большое влияние на экономическую и религиозную жизнь внутренних

районов Дагестана. Вместе с ростом значения города росло и значение Дербентского княжества. Городом и окрестными землями правила династия Хашимидов (869-1066). Город и окрестные земли, подчинённые ей, оказались в составе Ширвана, а затем в зависимости от сельджуков Ирака. Самостоятельная династия Хашимидов прекратила своё существование, в конце XI в. при посредничестве Сельджукидов, в Дербенте укрепилась династия Аглабидов⁹.

Учёные, изучавшие историю Дербента указанного времени, обратили внимание на одно важное обстоятельство: на монетах, отчеканенных в Дербенте до 655 г. хиджры, то есть до 1160 г., упоминается имя халифа и сельджукского султана, а на последующих имя султана исчезает. Дербентские монеты показывают, таким образом, что если до середины XII в. Дербент находился в зависимости от сельджуков, то в последующем это государство становится самостоятельным. С начала XII в. до второй четверти XIII в. Дербент существует как самостоятельное феодальное владение эмирата, со своей собственной политикой, шедшей отнюдь не по руслу Ширвана. Здесь чеканится собственная монета. Во время археологической экспедиции 1928-1929 гг. известный нумизмат Е. А. Пахомов обнаружил большое число монет местного чекана, имевших хождение на территории Восточного Кавказа. На монетах сер. XII — начала XIII в. упоминаются имена правителей местной династии: Музаффар ибн Халифа, Бекбарс ибн Музаффар, Абдалмалик ибн Бекбарс¹⁰.

Сравнительное изучение отчеканенных в Дербенте монет и сведений из письменных источников показало, что представители фамилии Сулами упоминаются ещё раньше. Так, например, знаменитый испанский араб, путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Дербент в 1131 г., упоминает, что незадолго до этого правителем Дербента был эмир Сейфаддин Мухаммед ибн Халифа ас-

Сулами¹¹, то есть отец упомянутого на монетах Музаффара ибн Мухаммеда ас-Сулами. Род Сулами осел в Дербенте ещё со времён первых походов арабов, он дал ряд известных военачальников и администраторов, некоторые из них действовали на Восточном Кавказе, особенно в VIII в.: так, например, во время правления халифа Харуна ар-Рашида (786-809) правителем Дербента был ан-Наджм ибн Хашим из рода Сулами. К этому роду принадлежало несколько арабских наместников Арминии¹². Между тем установлено, что “родоначальником династии ал-Баб были только представители (мавали) бану Сулайм”¹³.

Вопрос о прямом происхождении эмиров Дербента XII в. “от старых ас-Сулами” окончательно не решён, но обращает на себя внимание тюркское имя Бекбарс, которое встречается на монетах чекана дербентских правителей¹⁴. Как известно, предыдущая дербентская династия Хашимидов правила с 869 г. по третью четверть XI в., а к тому времени в Ширване, судя по монетам, укрепляются ширваншахи-кесраниды. “Возможно, что к ним перешёл и Дербент, но... уже в исходе того же столетия там могли оказаться свои наследственные правители, хотя бы те же Сулами...”¹⁵.

Территория эмирата была незначительна: на севере его границы не выходили за пределы города; на западе, возможно, он включал известную Горную стену (Дагбары); к югу простирался на несколько десятков километров. Дербентский эмират просуществовал недолго: в 1239 г. Дербент вошёл в состав Золотой Орды, а с образованием государства Хулагуидов (1256 г.) продолжал, очевидно, оставаться в его составе вплоть до его распада на отдельные феодальные владения.

Серир

В горных районах Дагестана наиболее сильным владением было государство Серир. Как известно, в VIII-X вв. Серир занимал территорию, населённую аварцами¹⁶, в бассейне Аварского Койсу¹⁷. Сведения восточных авторов о границах Серира относятся, в основном, к X в. Согласно этим данным, восточная граница Серира проходила недалеко от Семендера, примыкая иногда к морю. Арабский географ Ибн Хаукал писал, что к Хазарскому морю прилегают “с запада Арран, пределы Серира, земли хазар и часть пустыни гузов”. На севере и северо-западе Серир имел границу с аланами и хазарами. Границей между Сериром и Хазарией служила, по всей вероятности, река Сулак (“правитель Серира жил в горах, а хазары на равнине”¹⁸, так писал ал-Масуди в первой половине X в.). Этим и следует объяснить наличие системы оборонительных сооружений на правом берегу Сулака, близ станции Чирюрт¹⁹ у древней террасы, проходившей через северокавказские степи и западное побережье Каспия, в Закавказье. На западе границей Серира служили грузинские земли. На юго-востоке были расположены Шандан и Гумик, Кайтар²⁰.

Территория Гумика и Филана в конце IX начале X вв. входила в состав Серира. Относительно Гумика этот вывод сделан на основании известия ал-Масуди о том, что здесь нет центральной власти²¹, и другого арабского историка Ибн Русте

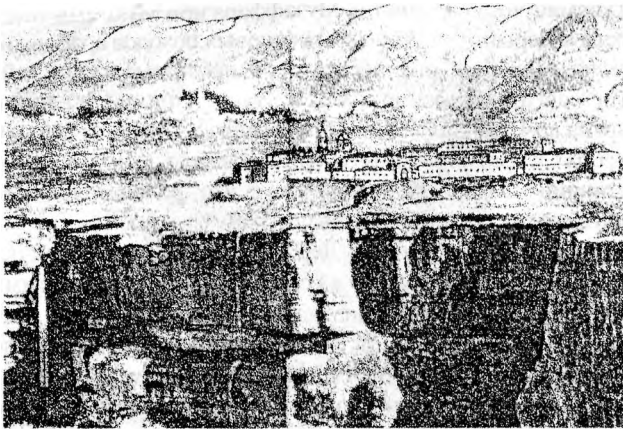

Рис. 71. Хунзахское плато. Крепость в местности Арани. XIX в. (рис. XIX в.)

о том, “что царь Серира имеет другой крепкий замок, называемый ал-Лал (Алал?) ва-Гумик”²², где находится его сокровищница: этот замок дал ему (т.е. его предкам) Ануширван²³. Однако при описании арабских походов VII-VIII вв. Кумух (Гумик, Туман) упоминается как самостоятельная государственная единица. Поэтому нет

основания считать, что в VIII в. Кумух и ряд других земель подчинялись Сериру²⁴ и что Кумух был торгово-ремесленной и экономической столицей Серира.

Что касается Филана, то его вхождение в состав Серира подтверждается сообщением ал-Масуди о том, что царь Серира “зовётся Филан-шах (Килян-шах) и исповедует христианство... Филан (Килян?) — шах имя всех царей Сарира”²⁵.

Таким образом, термин филаншах, связанный с государственным образованием Филан, стал титулом правителя Серира. Он имел ещё несколько титулов, разновременных, исходящих из разных источников: обычно при описании военных событий VII-VIII вв. он назван, как уже отмечалось, термином “малик”. Ал-Балазури даёт более богатую и выразительную терминологию: “хакан горы, а он сахиб ас-Серир, и называется он вахрарзаншах”²⁶. В термине вахрарзаншах (вариант: вахрараншах, ахраз. в.р. шах), возможно, отразилась иранская традиция²⁷.

Сообщение ал-Балазури (полностью оно приводилось выше) любопытно ещё в одном отношении его социальная терминология дифференцирована в зависимости от значимости объекта описания: Серир возглавляет “хакан горы”, Филан, Табасаран и другие владения малики, Зирихгерансахибы (“владельцы”). Хотя описываются события VI в., автором применена современная ему терминология, передающая политическое значение и роль различных государственных образований Восточного Кавказа IX в. Наиболее сильным в то время был Серир, и правитель его назван хаканом по аналогии с хаканом Хазарии. Далее идут термины в порядке их значимости малики (так арабы называли всех немусульманских правителей)²⁸ и сахибы (“владельцы” небольших земель).

Не удивительно поэтому, что арабские авторы, писавшие о внутреннем Дагестане, наиболее подробные сведения дают о Серире. Вот описание автора X в.

Ибн Русте: “Из страны хазар в Серир ты едешь двенадцать дней по открытой местности (сахара), затем поднимаешься на высокую гору и пересекаешь долины. Ты едешь в течение трёх (?) дней, пока не достигнешь царской крепости... Царю принадлежит 20 тыс. долин (шиб), населённых людьми разного рода (сунуф), которые имеют свои поместья и деревни (дийа ва кура)... Их царь зовётся Авар...”²⁹.

Анонимный автор X в. также свидетельствует о значительной территории Серира: “Серир это область с большими богатствами, горная и степная... Хандан город, где живут военачальники, ... царя”³⁰. В распоряжении владетеля Серира “было 12 000 селений”, как писал ал-Масуди. Йакут (ум. в 1239 г.), писавший с использованием сведений предыдущих авторов, в частности X-XI вв., сохранил ценные сведения о Серире: “Арминийа... число её владений (мамалик, ед. мамлака) сто восемнадцать. Среди них Сахиб ас-серир, владения ал-Лан, Баб ал-аб-ваб... Она (Арминийа) имеет восемнадцать тысяч селений. Арран это первое царство в Арминийи, в нём четыре тысячи селений. Большинство их (селений Арминийи) принадлежит Сахиб ас-сериру. А остальная часть, что между ними превышает четыре тысячи селений и это меньше, чем царство Сахиб ас-Серир. К ней (Арминийе) относится также Ширван, царь которого называется ширваншах”³¹.

Серир предстаёт перед нами как крупнейшее государство, которое по количеству входящих в него селений превосходит другие государства Восточного Кавказа. Когда персидский автор XIII в. писал, основываясь на источниках X-XI вв., что “Серир это область (вилайат) между Абхазом (Грузией), Кипчаком, Ширваном и Дербентом; область большая, очень возделанная, труднодоступная. Их падишах древнего рода и щедрый”³² то это надо понимать как указание на территориальную значительность Серира, превосходившую соответственно аварские земли, а не как на отсутствие других государств на территории Дагестана.

Взросшая роль Серира в X-XI вв. хорошо прослеживается в дагестанском историческом сочинении “История Ширвана и Дербенда”. Серир активно вмешивается во внутреннюю жизнь Дербента, Ширвана, Гумика, соседних сельских обществ, заключает соглашения с другими кавказскими владениями; его правитель вступает в родственные связи со многими правителями Кавказа (в первой половине IX в. дочь царя Серира была женой правителя Тбилиси Исхака ибн Исмаила; в первой половине X в. между царём алан и царём Серира существуют брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого”; к 1025 г. относится сообщение о женитьбе эмира Дербенда Мансура на Сарийе, дочери владетеля Серира; к 1063 г. относится известие о том, что жена ширваншаха была дочерью правителя Серира, а в 1065 г. упоминается раис Дербента Муффаридж, тесть владетеля Серира)³³. Династические браки в политике дагестанских правителей становятся традицией, которая, кстати, продолжалась и в последующем, в XIII-XV вв.

Столицей Серира был Хунзах, один из значительных населённых пунктов Дагестана. Ибн Русте даёт также краткое описание этой “царской крепости”: “Он

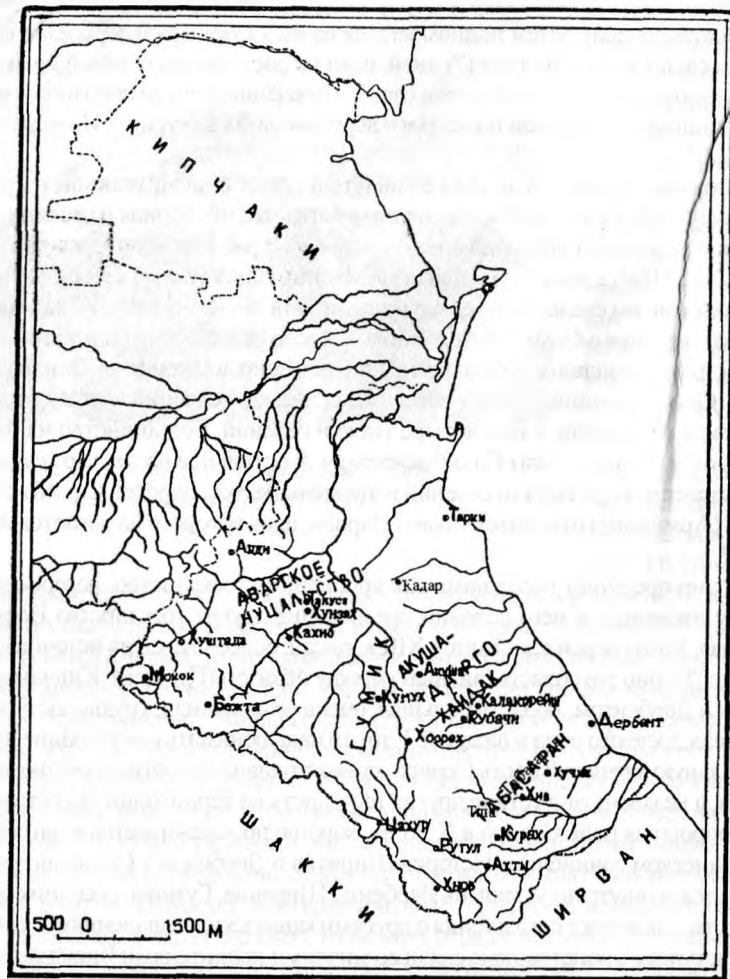

Рис. 72. Дагестан в XI — XIII вв.

стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4 x 4 фарсаха, окружена каменной стеной³⁴.

Согласно широко бытующему преданию, первоначально столицей Аварии был не Хунзах, а лежащее близ него селение Тануси, которое оставалось резиденцией местных правителей (нуцалов) до возвышения Хунзаха. Автор дагестанской исторической хроники Мухаммедрасул при описании событий до X в. говорит о Тануси, но для более поздних событий он упоминает только Хунзах. Однако арабская историческая и географическая литература X в., в частности ал-Масу-

ли, не знает Тануси, а пишет только о Хунзахе, точнее о Дж.м.р.дж, или о Хумрадже, но это неточное написание названия Хунзах³⁵. Вполне возможно, что предание Тануси носит отголоски исторической действительности и что перенесение резиденции в Хунзах имело место до X в. В противовес устной традиции о древности Тануси, существует легенда о Хунзахе, о том, что “до введения магометанства Хунзах был единственным и огромным селением во всём Хунзе и находился несколько выше нынешнего селения Итля, на северном склоне горы Чина, где и доныне видим его развалины. При начале войн с аравитянами, продолжавшихся долгое время, хунзахцы, для лучшей защиты своей земли, рассеялись по ней и основали остальные и доныне существующие селения Хунза”³⁶.

В знаменитой хронике “Жизнь картлийских царей”, приписываемой грузинскому историку XI в. Леонти Мровели, при описании нашествия хазар в Армению, Грузию и Албанию на рубеже VII-VIII вв. рассказывается о взаимоотношениях Хазарии и Дагестана (“удел Лекана”) и о возникновении Хунзаха (“хозонихети”): “... отдал хазарский царь своему двоюродному брату удел Лекана от моря Дарубандского на востоке до реки Ломека... И устроился он в уделе Лекана. Хозоних, что был самым знаменитым в роду Лекана, ушёл в горную теснину, воздвиг там город и дал ему своё имя Хозонихети”. Армянская версия этого же рассказа сообщает примерно то же самое: “Хузуних, сын Лекана, вступил в горные теснины и построил собственный город, названный им собственным именем Хузуних”³⁷.

В конце XI начале XII в. в социальной структуре и социальной жизни Серира происходят существенные изменения. Это крупное независимое единое государство, сыгравшее значительную роль в политической жизни Восточного Кавказа и в формировании аварского народа, распадается на более мелкие владения³⁸. Точнее, на развалинах Серира возникло большое число отдельных независимых союзов сельских обществ. Однако, Хунзах не престал быть центром отдельного владения, он сохранил под своей властью определённую территорию, получившую впоследствии в литературе название Хунзахского нуцальства. Со временем нуцальство стало очагом объединительных тенденций и стало одним из растущих феодальных центров в Дагестане. Одновременно и в противовес усилению Хунзахского нуцальства и росту его территориальных претензий укрепляются многочисленные союзы сельских общин, представлявшие в последующие столетия внушительную политическую и экономическую силу.

Хайдак.

Он был расположен северо-восточнее Дербента, занимая бассейны рек Бугам и Уллучай, на территории современного Кайтагского и частично Дахадаевского районов.

Название Кайтаг в описываемое время в арабских источниках не употреблялось. Наиболее известная форма, применяемая в арабских, а позже в дагестанских источниках это Хайдак. Применялись и другие формы земля Хайзан, крепость Хайзан, укрепление Хамзин, земля Хамзин, крепость Хайзадж. область

Рис. 73. Калакорейш. Остатки жилых домов

ство со столицей в Семендере, однако убедительных данных для подобного рода утверждений нет. Ал-Масуди действительно писал, что для ал-Баба (т.е. Дербента) «вреднейшим из таких соседних народов является царство Джидан» и что на границе с Джиданом живут арабы, обосновавшиеся в селениях, в 6 км. от Дербента. Он же сообщает, что Джидан имеет со стороны Серира границу с Каракхом (т.е. Уркарахом). Даже из этих данных видно, что речь идёт о Кайтаге (Хайдаке), но имеются и другие доводы: дело в том, что ал-Масуди несколько раз пишет о Джидане, а упоминания о Хайдаке у него нет. Другие же арабские авторы все без исключения пишут о Хайдаке (или же делают упомянутые выше формы), но им неизвестен Джидан. Это взаимное исключение дало учёным возможность утверждать, что Хайдак и Джидан идентичны³⁹. Поэтому, если в тексте встречается слово Джидан, то мы имеем ввиду владение Хайдак.

Сведения арабских авторов X в. о Хайдаке отрывочны, не всегда ясны. Ибн Русте писал, что «направо от крепости правителя Серира (в данном случае к югу или востоку) находится город, называемый Хандан, царь которого называется Адзар-Нарса»⁴⁰. Арабский географ ал-Истахри называет правителя Хайдака хайдакан-шах⁴¹, т.е. речь идёт о независимом малике. В то же время, «Худуд ал-алам», отмечает, что «Х-ндан является резиденцией сипах-саларов (восначальников) царя Сарира»⁴².

Приведённые выше противоречивые сведения породили и противоречивые заключения о политическом статусе Хайдака⁴³. Однако сообщения о последующих событиях свидетельствуют о том, что Хайдак в X-XII вв. — сильное, независимое государство. В 938 г. «конный отряд из жителей ал-Баба и жителей Хайдака» совершает «успешное» нападение на Шандан⁴⁴. В 332/943-944 г. «народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Джидан»⁴⁵ (Хайдак). В 1040 г. хайдакцы захватывают цитадель Дербента и берут в плен эмира; в 1064 г. дербентский

Дж.ндан, замин (земля) Кайтак, город Хандан, Джидан, Хайда, Джанада. Все эти различия можно рассматривать как неточные формы названия Хайдак, вполне допустимые при особенностях арабской графики. В литературе существует мнение о том, что Джидан, о котором пишет ал-Масуди, это не Хайдак, а отдельное самостоятельное государ-

ство. В 1065 г. свергнутый эмир Абдалмалик находит убежище в Хайдаке. В 463/1070 г. «народ ал-Баба снова признал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город (балад), вручили ему власть и он стал сражаться с ширванцами». А когда жители Дербента в 468/1075 г. изгнали Абдалмалика, то «отправился в Хайдак искать подкрепления, чтобы вернуться к власти...»⁴⁶.

Таким образом, в конце X-XI вв. в Дагестане сложилась такая расстановка сил, что во взаимоотношениях Дербента, Серира и Хайдака сложилась определённая стабильность: дербентские эмиры всегда ищут опору в Хайдаке, а раисы Дербента, наоборот, находят всегда поддержку у правителей Серира.

Зафиксированы и другие виды дружеских контактов Дербента и Хайдака: в 446/1055 г. в Хайдаке родился племянник эмира ал-Баба, а дочь эмира Хайдака была женой известного раиса ал-Баба Али б. Хасана ибн Анака (ум. в 1064).

К середине X в. относятся и сведения о происхождении правителя Хайдака. «Его царь мусульманин, который заявляет, будто он араб из племени Кахтан. В настоящее время, а именно в 332/943 году, он известен как Салифан, а в его государстве нет других мусульман, кроме него, его сына и семьи. Я думаю, что этим прозвищем зовутся все цари этой страны»⁴⁷, так писал ал-Масуди. Возможно, действительно, салифан. Этот древнетюркский термин, является не собственным именем, а титулом. Во всяком случае этот термин встречается ещё в 916 г., в этом году Салифан двинулся совместно с хазарским войском в помощь дербентскому правителю. В X в. упомянут хайдаканшах. В связи с событиями 1064 г. упомянут правитель Хайдака Р.в.м, он впервые назван эмиром.

Впоследствии, вплоть до конца XIV в., мы не встречаем имени или титула правителя Кайтага. Возможно, процесс децентрализации коснулся также и Кайтага, из состава которого выделились отдельные союзы сельских общин.

Пока нет точных данных о первой столице Хайдака. Согласно устной традиции, сохранившейся в даргинских районах до наших дней, ранней столицей был город Жалаги⁴⁸ ныне крупное городище в Кайтагском районе близ селений Варсит и Бажлук, входивших в Ирчамульский магал, один из значительных в Кайтаге⁴⁹. Здесь обнаружено большое число раннесредневековых поселений⁵⁰. На старых поселениях Ирчамула (Урчамиль) обнаружены куфические надписи XII-XIV вв. Древность Жалаги фиксируется и в «Истории Каракайтага»: потомок Хамзы, дяди пророка, в целях распространения ислама прибывает в Хайдак (дата этого события не указана), где «он построил многочисленные селения, а до того на горе, над их селениями, был громадный город, называемый Джалаги (Жалаги)»⁵¹. Таким образом, Жалаги⁵² представляет собой крупный населённый пункт, один из политических центров, возможно, столицу Каракайтага. Археологические работы в этом районе, изучение сохранившихся здесь эпиграфических памятников прольют свет на многие вопросы политической и социальной истории общества Ирчамул.

В X-XII веках же и в последующем Хайдака столица селение Калакорейш (иногда его называют Каракорейш). Дагестанская историческая хроника «Тарих

Дагестан” Мухаммедрафи, составленная в основной своей части в XIV в., рассказывает об арабах, которые прибыли в Дагестан после 200 года хиджры, т.е. в начале IX в., покорили много земель, в том числе и Хайдак, убив его правителя Газанфара. “Престол Газанфара с гордостью и достоинством занял” Амир Чуфан (Амир Чупан), потомок пророка, “он был первым, кто занял престол в вилайате Хайдак; он построил в Хайдаке большое число многолюдных селений и избрал своей резиденцией город Кала Курайш, расположенный на скале, над ущельем, при реке”⁵³.

Из текста видно, что появление Калакорейша связано с арабами, строившими селение при их прибытии в Дагестан. Но Калакорейш назван городом, в то время как остальные населённые пункты — селениями. Традиция приписывает городу арабское происхождение и соответственно этой традиции даётся объяснение обоим названиям столицы Кара Курайш и Кала Корейш: первое это “Селение курайшитов”, второе “Крепость курайшитов”⁵⁴.

Калакорейш действительно был одним из влиятельных и сильных населённых пунктов. Здесь в XI или XII в. была построена превосходная мечеть со шtukовым михрабом.⁵⁵ Это был один из старинных идеологических и политических центров Хайдака, столица этого крупного владения вплоть до XVI в., когда столица была перенесена в Маджалис. В селении сохранились также полуцилиндрические (“саркофагообразные”) надгробья с кufическими надписями⁵⁶.

Ибн Русте писал, что от крепости царя Серира “проходит дорога, по которой можно выехать из Серира по высоким горам и многочисленным лесам и на расстоянии двенадцати перегонов (манзил) достичь города, называемого Хайдан... царь которого зовётся Адзар-Нарса”⁵⁷. Вполне возможно, что в данном случае речь идёт о Калакорейше. Один из местных правителей назывался “владелец Кала Курайша Ах.с.б.р., сын Хиздана”, как об этом сообщает надпись конца XIII начала XIV в.⁵⁸ на плите внутри здания мечети. Возможно, что арабская надпись, врезанная на полуцилиндрическом надгробии в Калакорейше, читается так: “это Хиздан”⁵⁹. В таком случае здесь речь идёт об отце упомянутого “владельца Кала Курайша”.

Территория, населённая даргинцами, не представляла в раннем средневековье единого целого, а делилась на ряд самостоятельных владений. Поэтому и сложилась богатая этническая номенклатура, когда речь идёт о наименованиях даргинцев, данных им соседними народами: лакцы называют их “даргал, акуши, цахар, хайдакул”⁶⁰ то есть даргинцы, акушинцы, цудахары, кайтагцы); кумыки — даргилар и акушали; аварцы — акуш и цедех;⁶¹ лезгины — дарги, даргиви.

Это было отражением того обстоятельства, что за пределами собственно Хайдака (Кайтага) был ряд самостоятельных политических единиц. К их числу в X-XII вв. относились: Зирихгеран, Шандан-Филан, Зуклан, Карах (Уркарах).

Зирихгеран.

В X-XII вв. наблюдается рост политического и экономического веса Зирихгерана, занимавшего тогда территорию современного селения Кубачи и близлежащих

населённых пунктов, жители которых говорили на кубачинском языке. Согласно преданию, селение Кубачи образовалось из слияния семи населённых пунктов, в том числе и Угбугла ше (Угьбугла ше), т.е. “аул кубачинцев”⁶². Одно из семи селений, а именно Анчибачи, упоминается ещё в начале XIV в.⁶³. Отсюда можно заключить, что процесс слияния отдельных селений с Кубачи завершился примерно в XIV в.

Самоназвание кубачинцев угбуган (“кубачинец”, мн. ч. угбуг), а селение Кубачи сами жители называют “Угбуглаше”⁶⁴. Недавно выдвинуто убедительное мнение о том, что угбуг (угьбуг производное от названия Угубаже (угьубаже) с различными вариантами, например, гьубаже, что в свою очередь произведено от Кубачи, т.е. самоназвания угбуг (угьбус) имеет то же смысловое значение, что и зирихгеран⁶⁵. Мнение о том, что самоназвание кубачинцев можно связывать с Албанией, неубедительно, как и попытки переводить “угбуган” как “губители народа” или же приписывать кубачинцам европейское происхождение⁶⁶. Последнее утверждение связано, возможно, с исключительно развитой здесь практикой международного общения деятелей ремесла, которое ещё в пределах X-XI вв. полностью вышло из сферы сельскохозяйственного производства. В этом отношении представляет интерес сообщение арабского автора Закария ал-Казвини (1203-1283) о зирихгеранах: “Они богаты, щедры, они любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло”⁶⁷.

“Зирихгеран” персидское слово, которое лучше переводить словом “бронники”⁶⁸, имея в виду, что в XI-XII вв. они изготовляли уже как кольчуги, так и панцири (т.е. брони). Само же слово Кубачи принято считать полностью тюркским (кубе + чи, т.е. бронник), в то время как выдвинуто и другое мнение: здесь сочетание тюркского кубе (куба) с даргинским чи (ши), т.е. “селение бронников”⁶⁹, буквально: “селение брони”.

Что касается термина Зирихгеран, то переводить его словом Кубачи было бы неточным, потому что он охватывает более широкую территорию, чем одно селение. Арабские авторы никогда не писали о селении Зирихгеран, он назывался владением, царством. Зирихгеран с самого начала своего существования выступает как группа отдельных пунктов, объединённых под властью одного селения, впоследствии известного как Кубачи⁷⁰. В состав Зирихгерана входили как те шесть селений, которые слились с ним, так и селения Ашты, возможно, и Сулевкент. Представляется справедливым мнение о том, что “кубачинский язык является не “особым одно-аульским языком”, а одним из диалектов даргинского языка”, причём к этому диалекту относятся также говоры селений Ашты и Сулевкент (оба аула считаются кубачинскими выселками)⁷¹. Так что если в средневековых текстах встречаются этнонимы зирихгеранец или же нисба аз-Зигихгерани (“Зигихгеранский”), то речь идёт не всегда и не обязательно о жителе селения Кубачи, а в каждый раз конкретно о жителях одного из селений, говоривших на кубачинском языке.

В X в. Зирихгеран упоминается арабскими географами как политическое

образование (наряду с Сериром, Лакзом и др.) и как территория, связанная с Дербентом торговыми путями. Ал-Масуди писал, что “в сторону Сарира и гор владения Зарикаран (Зирих=Гаран), что означает “Мастера кольчуг”... Их страна (балад) гористая, и это защищает их от соседей”⁷². В XII в. это владение, несмотря на сравнительно небольшую территорию, представляло внушительную силу: примерно в 20-х гг. XII в. зирихгераны отразили нападение войск дербентского эмира и его союзников, а затем и поход многочисленного отряда из Ширвана⁷³. “Рассказывают, что владелец Ширвана, а он был могущественным маликом, сильным и мощным, пошёл однажды на них, сильно желая подчинить их, но его постигло то же, что и дербентцев. Вследствие этого правители (малики) воздержались от походов на них (то есть зирихгеранцев)”, так пишет арабский автор Закария ал-Казвини о последнем событии⁷⁴. Как писал Абу Хамид ал-Гарнати, “недалеко от Дербента есть большая гора, у подножья которой два селения; в них живёт народность, которую называют зирихгаран, то есть бронники”⁷⁵. Можно подумать, что владение Зирихгеран состояло только из двух населённых пунктов. Однако, скорее всего, в данном случае речь идёт не о всех селениях Зирихгерана, а только о тех, где было налажено ремесленное производство.

Шандан, Филан, Зуклан, Карах.

Эти государственные образования неоднократно фигурируют в связи с событиями IX–XI вв. Впервые Шандан упомянут в “Истории Ширвана и Дербенда” в 886 г., когда правитель Дербента “напал на Шандан и покорил принадлежащие к ней Д. нк. с. и Ш. л. шли”, а в 909 г., этот же правитель вместе с ширваншахом с 10-тысячным отрядом “повёл исламский набег на Шандан, но мусульмане были разбиты, и оба эмира попали в плен”. “Исламские набеги” эмира Дербента последовали также в 938 и 1 040 гг.⁷⁶ Всё это свидетельствует о том, что Шандан предстанет перед нами как не мусульманская земля, а “область войны”, “достойная исламских набегов”, и как одна из сильных политических единиц Дагестана, как Ширван и Дербент. Поэтому не удивителен отзыв автора “Истории Ширвана и Дербенда” о шанданцах: “Среди племён неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим /врагом/ мусульман был народ Шандана”⁷⁷.

В вопросе локализации Шандана у исследователей нет единого мнения. Выдвинуто предположение, что это селение Акуша с прилегающими землями⁷⁸, что помимо территории Акушинского союза “ в Шандан входила более обширная территория”⁷⁹, или же это федерация союзов сельских обществ, известных под названием Акуша -Дарго в составе современного Акушинского и Левашинского районов⁸⁰, или же он “располагался в Восточном Дагестане, в бассейне речки Артозень, между Гамри и Кайтагом”⁸¹. Наиболее вероятным можно считать, что в X–XI вв. Шандан уже объединял территорию двух или трёх независимых княжеств (в том числе и Филана) занимал и сравнительно значительную территорию в составе земель, известных впоследствии под названием Акуша-Дарго (в составе современных Акушинского, частично Левашинского и Дахадаевского районов), а также междуречья Гамриозень и Артозень в их верхнем и среднем

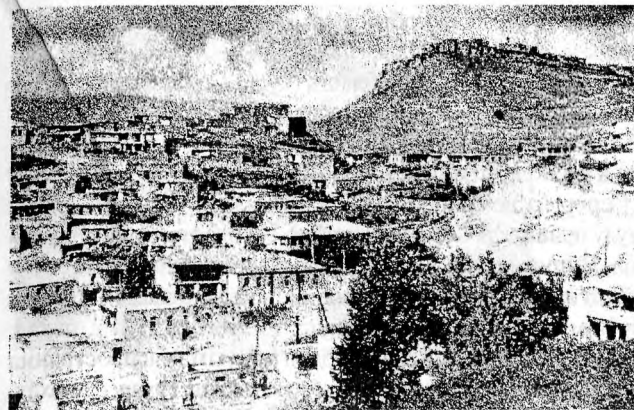

Рис. 74. Уркарах

течении. Упомянутые в “Истории Ширвана и Дербенда” населённые пункты Ш. л. шли и Д. нк. с. это селения Чишили и Дибгаши (современный Дахадаевский район), относившийся к Шандану.⁸²

В связи с событиями VIII в. в Дагестане упоминаются топонимы

С.г. дан. С.н. дан, М.с. дар, М. с. даз, Шанзан — всё это различные формы написания одного и того же топонима Шандан⁸³.

Последнее упоминание Шандана относится к 1040 г. Очевидно, во второй половине XI в. он перестал существовать как политическая единица⁸⁴. В то же время к XII–XIII вв. относится возникновение союза верхнедаргинских сельских обществ⁸⁵, и это, возможно, взаимосвязанные события.

В X в. неоднократно упоминается царство Филан, первые сведения о котором восходят к VI в., когда Хосров Ануширван “определил царей” Серира, Филана, Табасарана, Лакза, Маската, Лирана, Ширвана. Филан неоднократно упоминается также, при походах арабов, особенно во время кампании Марвана во внутренние районы Дагестана в 739 г.⁸⁶

В сообщениях арабских авторов X в. обращает на себя внимание порядок перечислений географических названий: Ибн ал-Факих ал-Хамадани пишет, что персидский шах Кубад (Кавад, 488-531) построил Баб ал-абваб и 360 замков, которые тянулись от Баб ал-абваба до Баб ал-Лан.⁸⁷ Ибн Хорладбех (ум. ок. 912) также пишет, что “за Баб ал-абвабом [расположены земли] царя Сувар, царя ал-Лакза, царя ал-Лан, царя Филана⁸⁸, царя Маската, Сахив ас-сасира и город Семендер”⁸⁹. Знаменитый арабский энциклопедист Йакут (1179-1229), часто пользовавшийся сведениями авторов предыдущих веков, перечисляет государства, соседние Баб ал-абвабу, в следующем порядке: Маскат, Лакз, Табасаран, “а выше него Филан, небольшая область”⁹⁰. Или же: “Табасаран. В соседстве с ним живут племена, названные филан и лакз”⁹¹.

Таким образом, судя по источникам, Филан расположен в восточной части Дагестана, севернее или западнее Табасарана и, как правило, рядом с Сериром⁹². В X в. царь Серира носил, как писал ал-Масуди, титул филаншах. Йакут в своём энциклопедическом словаре Филану посвятил специально статью: “Филан. Город и страна близ Баб ал-абваба, в области хазар. Царя Филана называют

филяншах. У них (т.е. жителей Филана) особый язык и говор (лисан ва луга). Ал-Масуди сказал: филиншах имя царя, принадлежавшее царю Серира, потому велят Серира называют Филан. Говорят, что область (кура) Серира находится в нём (т.е. в Филане)⁹⁸.

В этой цитате объединено два хронологически разновременных сообщения: первая часть относится к периоду независимости Филана, а вторая — к первой половине X в., когда Серир на некоторое время включил его в свой состав с присоединением к титулу правителя Серира (сахиб ас-серир) титула подчинённой области филиншах. В приведённой цитате важно сообщение о том, что у жителей Филана “особый язык”. Это обстоятельство подчёркивается также и другими авторами. Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Дербент в 1131 г., писал, что в своё время, в начале VIII в. арабский полководец Маслама распространил ислам среди следующих народов: лакзан, филин, хайдак, заклан, гумик и дархах. Этот же автор сообщает, что эмир Дербента говорил на многих языках, в том числе и филинском⁹⁸.

В итоге, когда мы говорим о Филане, то речь идёт о владении, которое имеет свой собственный язык, расположено между Табасараном и Сериром, не совпадает вместе с тем ни с Хайдаком, ни с Зирихгераном. Такой территорией (или составной частью её) является федерация союзов сельских обществ, известных под названием Акуша-Дарго⁹⁶ (наиболее крупные населённые пункты этого общества — это Акуша, Цудахар, Усиша, Мекеги, Муги в составе современных Акушинского и Левашинского районов Дагестана)⁹⁶. Всё изложенное выше даёт возможность предположить, что если в VIII в. расположенные рядом Филан и Шандан (Синдан) и существовали, возможно, самостоятельно, то в последующем, в IX-X вв. оба термина относятся к одной и той же территории, занимаемой ныне носителями акушинского и цудахарского диалектов даргинского языка, т.е. современных Акушинского и Левашинского районов, составляющих в прошлом основу федерации союзов сельских общин Филан и Шандан. При описании событий IX-XII вв. один и тот же автор ни разу не употребил оба термина⁹⁷. Так, например, в “Истории Ширвана и Дербента” неоднократно упоминается Шандан и Карах и нет ни слова о Филане⁹⁸.

В источниках X в. неоднократно упоминается владение Руклан или Зуклан. Как пишет ал-Истахри, город ал-Баб, т.е. Дербент это “порт хазар, Серира, Алана, других стран неверующих, для Шанзана (Шандана), Хайзана (Хайдака), Курдж (Карах?), Руклана, Зирикарана, Гумика...”⁹⁹.

О Руклане (вариант Заклан, Зуклан) упоминает также Абу Хамид ал-Гарнати: народ заклан принял ислам в начале VIII в., а в 1131 г. среди жителей Дербента были также носители закаланского языка¹⁰⁰. Попытка учёных идентифицировать это название с “агул-кошан = рукушин”¹⁰¹ не убедительна. В одном из списков сочинения ал-Гарнати вместо закаланский язык написано “гуркиланский язык” (“лисан ал-гуркилан”). Это обстоятельство помогает лучше разобраться в данном этнониме, это как нельзя лучше согласуется с названием общества “Хуркила хуреба” (хуркила хуреба) и с “хюрюклинским языком” — это современный

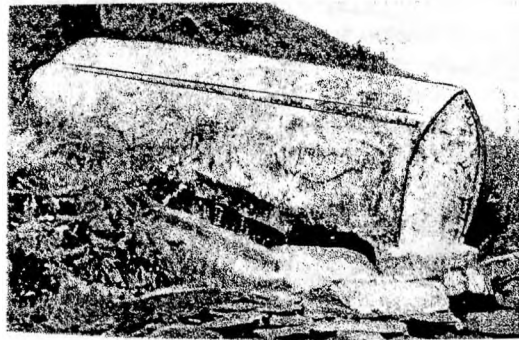

Рис. 75. Уркарах. “Полуцилиндрическое” надгробие с кувфической надписью.

урахинский диалект даргинского языка¹⁰². Речь идёт о времени самостоятельного существования Урахинского общества, вошедшего впоследствии в суперсоюз Акуша-Дарго.

И наконец, о территории Караха. Ал-Масуди так характеризует эту территорию: “Со стороны Кабха и Серира Хайдак граничит с землёй царя, называемого Б. рзбан (Марзубан?), который мусульманин, и город его называется К.р.дж. (Карах). Они воору-

жены булавами. Каждый правитель этого царства называется Б. рзбан”¹⁰³.

Мнение о том, что под Карахом следует понимать селение Уркарах, кажется обоснованным¹⁰⁴. Марзубан (марзбан) означает по-ирански “хранитель границы”, “маркграф”, он стоял во главе западного форпоста территории, находившейся под контролем Дербента. В 995 г. Карах был обращён в ислам, а в XI в. он поддерживает дербентских раисов. Такие селения, как Чишили и Дибгаши, находясь “в округе Ур-Караха, переходили из рук в руки, от Хайдака и Дербента к Шандану и обратно”¹⁰⁵. Последнее упоминание о Карахе (Уркарахе) относится к 1065 г.

Общий обзор политической карты на территории даргинцев показывает, что здесь в X-XII вв. находилось большое число независимых и полунезависимых раннеклассовых образований и союзов сельских общин (Хайдак, Зирихгеран, Шандан (Филан), Карах (Уркарах), Зуклан. Общая линия развития заключалась в усилении союзов сельских обществ (союзов верхнедаргинских обществ) именно на той территории, на которой находились Шандан (Филан) и Зуклан. После монгольских походов земли Зирихгерана, Шандана, Уркараха вошли в состав Хайдака.

Табасаран.

В исторических источниках нет достаточного объёма сведений о Табасаране во второй половине X начале XIII в. Связано это с тем, что это владение, самостоятельное существование которого прослеживается с IV в. по первую половину X в., к концу X в. попало в фактическую зависимость от Дербента и Ширвана, в сфере влияния которых оно находилось вплоть до начала XIII в. Отрывочные сведения, сохранившиеся о Табасаране, свидетельствуют о том, что эти богатые и плодородные земли уже давно стали объектом постоянных притязаний дербентских эмиров и ширваншахов. Оба правителя и их родня были связаны с

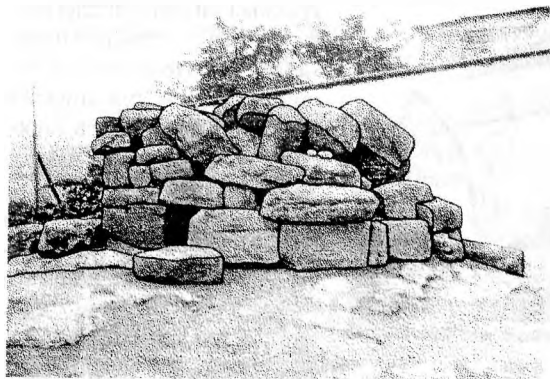

Рис. 76. Сел. Хели-Пенджик. Остатки минарета. XI — XII в.

Табасараном своими экономическими интересами, так как владели здесь на ленных правах значительными земельными угодьями.

“История Ширвана и Дербенда” сохранила ценные сведения о положении Табасарана в сфере ширвано-дербентских взаимоотношений. В 916 г., сообщает этот ценный источник, Абу-н-Наджм, свергнул своего дядю эмира Дербента Абдалмалика ибн Хашима и в этом же

году “вступил в борьбу с народом Табасарана”. Табасаран представлял собой в это время достаточно сильное владение, и Абу-н-Наджм потерпел поражение (“колесо судьбы повернулось против него”)¹⁰⁶. В 939 г. правителем Табасарана (сахиб Табарсалан) был Хайсам ибн Мухаммед ибн Йазид (ширваншах?), которого жители ал-Баба, изгнавшие своего эмира, пригласили занять эту должность. В 943 г. Табасараном управлял племянник (сын сестры) дербентского эмира Абдалмалика. В 948 г. ширваншах Мухаммад ибн Йазид назначил своего сына Хайсама правителем Табасарана, “где он сам управлял вовремя своего деда”¹⁰⁷. Брат его Ахмад стал затем ширваншахом и из-за тяжбы с ним правитель Табасарана вынужден был бежать в область Лакз (нахийат ал-Лакз), затем в Маскат, где нашёл убежище у эмира ал-Баба. В 990 г. правитель ал-Баба Маймун, изгнанный из города, находит убежище в Табасаране¹⁰⁸.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что Ширван и Дербент прилагают огромные усилия для укрепления своей власти в Табасаране и, что в конечном счёте в сложной военно-политической обстановке позиции Ширвана были более прочными, и династия Йазидидов имеет здесь своих представителей. Брат ширваншаха Хайсам имеет свой дайа (поместье) в Табасаране (“дайа Мухаммад в Табасаране”), где он умер в 1025 г. В “дайа Ирси области Табасаран” скончался в 1065 г. представитель рода ширваншахов Хурмуз ибн Минучихр ибн Йазид, который “был похоронен там рядом со своими дядьями по матери”¹⁰⁹. Из этого можно заключить, что и другие представители этого рода имели свои дайа (ед. дайа) в Табасаране.

“В Табасаране владельческие права могли преобладать над теоретическими правами суверенитета”¹¹⁰. Последующие события показали, что в XI в. в Табасаране усиливается как ширванская и дербентская, так и местная феодальная власть. Тенденция децентрализации оказалась здесь ведущей. Экономическое развитие

и укрепление самостоятельности местной знати влекло за собой расчленение единого государства и создание мелких уделов, слабо связанных с центральной властью. Эту мысль хорошо иллюстрирует сообщение Абу Хамида ал-Гарнати в книге “Подарок умам и выборки диковинок” о социальной жизни Табасарана: “В стране Дербент Баб ал-абваб живёт народ, называемый Табарсалан. Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится серхенг наподобие эмира”¹¹¹.

Рустаки это не отдельные селения, а группа деревень, “волость”¹¹², объединённая под властью одного из крупных населённых пунктов. Серхенг это персидский термин, который в данном случае следует перевести словом “старшина”, “старейшина”. Некогда целое государство распалось на ряд мелких “княжеств”, трансформировавшихся со временем в союзы сельских обществ. Это обстоятельство подняло, в свою очередь, престиж отдельных селений, “столиц” небольших союзов сельских обществ. К числу таких селений в Табасаране относились Ерси (Ирси), Гимейди (Хумайдийа), Дюбек (Туйак), упоминаемые в письменных источниках, а также Джули, Зиль, Татиль, Марага, Хили-Пенджик (сначала два селения Хили и Пенджик), Хучни и Хив, древность которых документируется культовыми сооружениями (X-XII вв., Зиль) и эпиграфическими памятниками XII-XIII вв.

Гумик.

Гумик был расположен в бассейне рек и Казикумухского Койсу, охватившем населённые лакцами земли в пределах современного Лакского и Кулинского районов. Известный по письменным источникам ещё в VII в. Гумик (Кумух) в X в. подвергается уже значительным изменениям. Ал-Масуди писал: “За этой землёй (то есть за землёй “царя, называемого Б. рзбан” — А.Ш.) лежит владение (мулк) Гумик. Его жители-христиане, не подчиняются никакому царю, но имеют

начальников (руаса) и живут в мире с царством алан”¹¹³. На основе этого сообщения некоторые авторы сделали вывод о том, что у Гумика в X в. господствовала племенная организация или отсутствовала в прошлом центральная власть¹¹⁴. Между тем, наличие раисов (“старшин”) говорит о власти демократического или аристократическо-

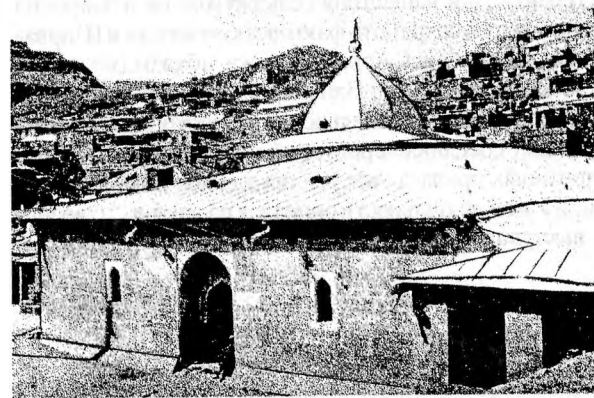

Рис. 77. Кумух. Джума-мечеть

го порядка. Налицо факт политической децентрализации ранее единого государства, как это имело место и в ряде других мест Дагестана.

Очевидно, в первой половине X в. Гумик попал в зависимость от соседнего Серира. Как писал Ибн Русте, у царя Серира было несколько замков, в том числе и “крепкий замок, называемый ал-Ал (Алал?) — ва -Гумик, где находились его сокровища”. Возможно, зависимость Гумика от Серира и отсутствие “царя” в Гумике при наличии раисов — это два взаимосвязанных явления. В источниках сохранилось очень мало сведений о Гумике. Лишь под 1 064 г. имеется единственное известие о “гумикских неверных”, которые “напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и разграбили их имущество; затем, наложив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой”¹¹⁵.

Этот факт говорит, казалось бы, о значительной силе жителей Гумика. Но в действительности Гумик в XI в. не представляет собой сильного и влиятельного владения. Сохранившееся письмо ширваншаха “к народу пограничья Гумик”, свидетельствующее о том, что “ширваншах выступает как духовный наставник гумиков, а не государь их”¹¹⁶. Однако зависимость от Ширвана была значительной, ширваншах предпринимает ряд практических мер по отношению к гумикам, посылает к ним своего сына эмира Адуда, назначает его правителем в Гумике и посылает вместе с ним проповедника (хатиба) и имама для наставления местных жителей в исламе. В источниках имеется также намёк на имевшийся успешный поход ширваншаха (“разве отряд войска Вашего не совершил набег и Гумиком не овладел врасплох?”¹¹⁷).

В последней четверти XI в. Ширван действительно представлял собой сильное и влиятельное государство. Власть ширваншаха признавалась уже в Дербенте, где правителем стал Африду, сын ширваншаха. Как уже указывалось, к середине XI в. прекратила своё существование самостоятельная династия дербентских правителей, город и окрестные земли вошли в состав Ширвана и позже оказались в зависимости от сельджуков Ирака¹¹⁸.

Ширваншах Фарибурз был деятельным и храбрым, ловким правителем, “который не только пережил грозные дни нашествия сельджуков, но и укрепил права своей династии”¹¹⁹, ему удалось сохранить фактическую власть в Ширване. Более того, под его влиянием оказались Арран, Ганджа, абхазы (владения Абхазской династии в Грузии), земли Лакза¹²⁰. Влияние ширваншаха на Гумик было как бы продолжением политической деятельности Фарибурза, вся жизнь которого “прошла в завоеваниях соседних территорий и расширении границ своего государства”¹²¹. Ширваншах прилагал все усилия для подчинения гумиков и обращения их в ислам, и в этой деятельности опирался на лакзов, “союзников и вассалов Ширвана”, выступавших в роли посредников между Гумиком и Ширваном¹²².

Более обстоятельных сведений о Гумике в XI-XII вв. в распоряжении исследователей нет. Однако события первой половины XIII в., когда Кумух активно выступает против монгольских отрядов, показывают, что в XII в. шёл процесс становления политической самостоятельности государства, усиленного распространения ислама, укрепления власти селения Кумух в лакских землях (а позже и далеко за их пределами), становления его не только административно-политичес-

Рис. 78. Сел. Ахты

кого маршрутов арабских войск в VIII в. и другие сообщения арабских авторов IX-X вв. подтверждают, что Лакз был расположен между Табасараном и Ширваном, т.е. на территории расселения носителей языков лезгинской группы. Якут писал так: “примыкает к нему (т.е. Маскату) страна лакзов, а они народ многочисленный... Между ними и Баб ал-абвабом страна Табасаран-шах”¹²³. В X в. южные границы соприкасались с Ширваном (“между Лакзом и Ширваном общая граница”¹²⁴), возможно южнее реки Самур, а не по реке Самур: “опорой царства ширваншаха является царство (мамлака) ал-Лакз, многочисленный народ, который живёт на вершине этой горы”¹²⁵. Если южная граница соприкасалась с Ширваном, то юго-западная — с Шаки. Ал-Истахри оставил любопытное описание: “Между Ширваном и Шираном граница, между Лираном и Муканом граница, как и со страной Абсийа. а она область незначительным числом населённых пунктов. В ней (Абсийе) имеется сильная крепость, а за ней по направлению к горам, примыкающая к стране Лакз (вар.: к стране лакзов). Они (жители Лакза) охраняют эту крепость, так как владетель (сахиб) Абсийи чувствует к ним особое расположение и поддерживает с ними добрососедские отношения”¹²⁶.

Мы видим, что основная часть Лакза расположена к северу от Кавказского хребта. В то же время у Лакза территория, общая с Шаки (Абсийа). Восточная же граница проходила недалеко от владений Дербента (к примеру, селение К. р. к., т.е. Курах, относится к Лакзу)¹²⁷.

Таким образом, в X в. Лакз охватывал территорию, занимаемую представителями лезгинской группы языков (лезгины, агулы, цахуры, рутулы, кроме табасаранцев) в бассейне рек Самур и Чирахчай¹²⁸.

Если в первой половине VIII в. страна Лакз занимала также земли южнее Самура (арабский полководец Марван поселил хазар между Самуром и Шабираном, “на равнине в области Лакз”¹²⁹), то к середине X в. Лакз теряет уже это влияние, плодородные земли Маската были включены в состав Ширвана. Усиление Ширвана к этому времени было очевидным фактом, о котором уже нельзя

ким, но и торгово-экономическим, культурным и идеологическим центром шамхальства.

Лакз

Лакз занимал значительную территорию в бассейне р. Самур. Изу-

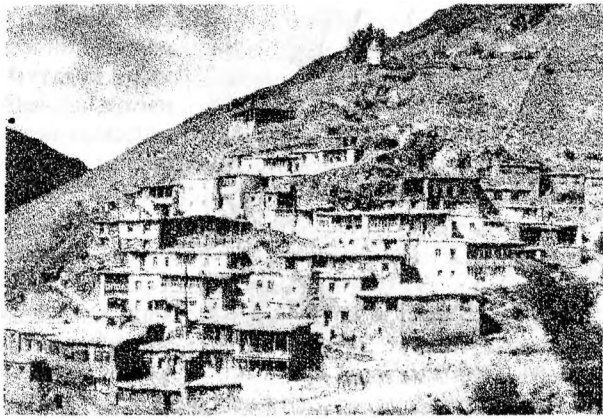

Рис. 79. Сел. Цахур

границам Лакза, который оказался в определенной степени зависимости от ширваншаха¹³⁰. (“Опорою в царстве его является царство лакзов, народа многочисленного, живущего на вершине этой горы. Среди них кафиры, не подвластные Ширвану, под названием дуданийя, язычники, не подвластные (какому-либо) правителю”).

Эта зависимость особо наглядно прослеживается в период правления ширваншаха Фарiburза I (1063-1096)¹³¹. Именно при посредничестве лакзов в конце XI в. ширваншах пытается установить своё влияние в Гумике посредством исламизации этого края. Письмо “ширваншаха к некоторым населённым пунктам страны Лакз” имело целью при содействии духовных лиц Лакза склонить жителей Гумика к исламу и известить их, “что мы не желаем ничего, кроме вознаграждения за намерения наши, и не хотим ничего, кроме справедливости, по мере наших сил. Нет (у нас) ни жажды к хараджу их, ни надежды на налоги их”¹³².

В XI в. уже нет данных о едином государстве. К 1075 г. “ширваншах занял земли Восточного и Западного Лакза и собирал силой харадж с жителей после ожесточённых схваток с ними”¹³³. Очевидно, здесь речь идёт уже о двух самостоятельных владениях, независимых друг от друга. Столицей Западного Лакза было селение Цахур, а Восточного — селение Ахты, но в обоих случаях это только предположение, основанное на признании всё растущего значения обоих пунктов как экономических, политических и культурных центров. Йакут (ум. в 1229 г.) пишет уже не о “малике”, а о “маликах” Лакза¹³⁴. Налицо факт политической децентрализации, завершившейся в XII-XIII вв. сложением ряда союзов сельских общин, просуществовавших многие столетия.

2. Хозяйственное развитие

Земледельческо-скотоводческое хозяйство составляло основу экономики Дагестана. Как известно, по характеру рельефа, Дагестан делится на две основные части: низменную и горную, причём горная часть подразделяется в свою очередь на предгорье (от 200м до 1200м), внутренний горный (до 2000м) и высокогорный Дагестан. Наиболее низменная часть Дагестана Приморская (узкая прибрежная полоса от Махачкалы до реки Самур), Терско-Сулакская (от реки Терек до Махачкалы) низменности и междуречье Кумы и Терека в значительной своей части расположена ниже уровня океана. Территорию Дагестана прорезают реки, наиболее значительными из которых являются Терек, Сулак, Улду-чай, Самур. Земледелие, садоводство, скотоводство развивалось во всех районах Дагестана, но естественно-географический фактор способствовал развитию отдельных районов преимущественно по отдельным видам хозяйственной деятельности.

В хозяйственной деятельности горцев в X-XII вв. наблюдаются существенные сдвиги. Интенсивно шёл процесс оформления отраслевой специализации и основных линий производственной деятельности отдельных селений. В основе этого процесса лежало дальнейшее развитие земледелия и ремесла, становление отраслевой специализации в ремесле. Возросшая специализация в отдельных физико-географических зонах на преимущественное производство зерновой или животноводческой продукции не только дала толчок обмену, но и привела к фактору, имевшему большое значение в дальнейшем соотношении видов хозяйственной деятельности: в горах и на равнине террасное земледелие достигает в XI-XIII вв. наибольшего расцвета, но впоследствии приходит в упадок¹³⁵.

В земледелии налицо чёткая отраслевая специализация — полеводство, садоводство. Использование железных орудий привело к расширению площадей, занятых под основными полевыми культурами — пшеницей, ячменём, рожью, овсом. Земледельческое хозяйство в отдельных районах Дагестана хорошо прослеживается как по письменным источникам, так и по данным археологии.

Вещественное доказательство тому, что земледельческое хозяйство Дагестана предмонгольского времени получило дальнейшее развитие — ценный археологический материал, полученный в результате экспедиционных исследований, большое число орудий труда (обнаруженные на поселениях ручные мельницы, каменные жернова, сосуды для хранения зерна, зёрна различных видов хлебных злаков. В IX-XIII вв. на всём Северном Кавказе довольно широкое распространение получило плужное земледелие, обеспечивавшее значительное улучшение качества обработки почвы и повышения урожайности полей. Археологическими исследованиями установлено наличие многочисленных поселений (селищ и городищ), густой сетью покрывавших предгорные и горные районы Дагестана. Многие из этих поселений функционировали продолжительное время, вплоть до XIII-XIV вв.¹³⁶ Всё это свидетельствует не только о непрерывности хозяйственного процесса, но и о густонаселённости указанных районов. Последнее

обстоятельство, а также нередко нарушавшиеся контакты земледельческой равниной, стимулировали дальнейший рост значения земледелия: в предгорных районах, а также в горных районах возникают всё новые и новые пахотные участки, приобретает чрезвычайно большое значение террасное земледелие.

Террасное земледелие — итог многовековой трудовой деятельности горца, следствие титанического труда земледельца. Оно имело к X в. в Дагестане уже многовековую историю и стало составной частью хозяйственной деятельности населения. В предмонгольское время и в XIII-XV вв. террасное земледелие получает наибольший размах¹³⁷.

Широкое развитие или же упадок террасного земледелия в горах непосредственно связаны с политической обстановкой на равнине, ставшей со временем житницей Дагестана, обеспечивавшей хлебом горные районы¹³⁸. В случае занятия равнинных районов кочевниками и выхода их из сферы земледельческого труда, горы, лишённые обменных связей, вынуждены были расширять своё собственное зерновое хозяйство. Это делалось за счёт создания новых или же использования старых заброшенных террасных полей. Многочисленные вторжения кочевников (от эпохи бронзы до монгольских походов) отрывали Горный Дагестан “от равнины, лишив тем самым возможности получать зерно и использовать зимние пастбища для отгонного скотоводства”¹³⁹.

Археологическое изучение средневековых поселений в горных районах Дагестана, датируемых второй половиной I тысячелетия — первыми веками II тысячелетия показало, что обширные участки вокруг них, как правило, террасированы. “Террасы находятся обычно в труднодоступных местах, где горцы предпочитали основывать свои поселения в богатую бурными событиями средневековую эпоху. Иногда площади заброшенных террас... даже превосходят площади возделываемых ныне земель, иногда их меньше, но они встречаются во всех горных районах и повсюду территориально связаны с остатками средневековых поселений”¹⁴⁰.

Письменные источники подтверждают данные археологии. Мы располагаем ценными сведениями о состоянии полеводства в X в., благодаря сообщениям арабских авторов. Хотя эти сведения не конкретизированы, они дают общее представление о месте земледелия в практической деятельности населения. Ал-Истахри писал, что Дербент “имеет много посевов и пахотных земель, однако там мало фруктов, которые доставляют из других мест”¹⁴¹.

Здесь речь идёт, разумеется, о сельскохозяйственной округе города, специализирующейся на производстве зерновых. В “Истории Ширвана и Дербенда” сообщается о многочисленных дийа и возделанных землях (имарат), близ Дербента и в Табасаране в X-XI вв.¹⁴². Возможно, и здесь основное внимание уделялось выращиванию зерновых культур, в частности пшеницы и ячменя.

Письменные данные о хозяйстве в горных районах также скудны, но весьма выразительны. Как писал ал-Масуди, в Серире было “двенадцать тысяч селений”, а автор “Худуд ал-алам” пишет о Серире, что это “область с очень большими богатствами”.¹⁴³ Всё это — свидетельства развитого сельского хозяйства. Даже

на территории Хазарского каганата в X в. в сфере земледелия была занята значительная часть населения, ибо “страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов”¹⁴⁴.

Успехи земледелия были связаны не только с развитием полеводства. Значительное место занимали также садоводство, виноградарство, производство технических культур. Под виноград и сады была занята, как сообщают авторы X в., значительная территория приморского Дагестана. Как писал ал-Балхи, в Семендере “много садов... и около четырёх тысяч виноградников, простиравшихся до границ Серира. Из фруктов более всего встречается виноград”, а ал-Истахри уточняет, что “сады жителей Семендера простираются до Баб ал-абваба”¹⁴⁵. Йакут, ссылаясь на ал-Истахри уточняет, что здесь было 4000 виноградников (буков.: “садов винограда”), простиравшихся до пределов Серира и находящихся в распоряжении жителей Семендера¹⁴⁶. В Хазарии сады и виноградники “орошаются из рек”, “там много всяких фруктовых деревьев”¹⁴⁷. Во второй половине X в. был нанесён, однако, существенный урон садам и виноградникам Семендера. Связано это было с походом русов (966 г.), во время которого был разрушен ряд хазарских городов. Ибн Хаукал дал, со слов очевидца, описание печальной картины этого района после похода, когда “виноградные лозы и сады, которые там были, дают разве только милостыню для бедных, если остался там только листочек на стебле”¹⁴⁸.

Одним из главных и древних видов хозяйственной деятельности населения Дагестана было скотоводство¹⁴⁹.

Изучение состояния скотоводства в Дагестане в период до XIII в. на фоне имевших место почти постоянных вторжений кочевников привело к выводу о том, что в это время “происходит определённое разветвление земледельческо-скотоводческого хозяйства: во внутреннем Дагестане земледелие и стационарно-стойловое скотоводство с незначительным и недалёким яйлажным отгоном...; в высокогорном — слаборазвитое земледелие и отгонное скотоводство...; на равнине у речных долин — земледельческо-скотоводческое, в степях кочевое и полукочевое скотоводство”¹⁵⁰.

Высокогорные и ряд горных районов были ориентированы преимущественно на разведение мелкого рогатого скота, горные районы с развитием традиционного террасирования — на равномерное развитие крупного и мелкого рогатого скота, а равнина — в основном на разведение крупного рогатого скота. В X в. мелкий рогатый скот входил уже в число товаров, вывозимых из высокогорных районов Дагестана¹⁵¹. В связи с тем, что ряд государственных образований Дагестана (Серир, Лакз и др.) включал в свои пределы как горные, так и равнинные земли, то можно говорить о наличии отгонного животноводства на этой территории. При благоприятных внешнеполитических условиях, при развитии добрососедских отношений между отдельными образованиями, отгон мог иметь место и на более обширных территориях, охватывающих несколько политических единиц. Наблюдаемая на основе изучения письменных и археологических источников относительная густонаселённость горных районов находится в нераз-

рывной связи с сельскохозяйственным освоением всё новых и новых земель. Йакут писал, что жители Лакза “народ многочисленный... у них имеются обрабатываемые дийа и населённые области”. А вот сообщение того же автора о Табасаране: “У них много населённых мест, только жителей в ал-Лакза больше числом”. В географическом сочинении XIII в. Серир представлен как большая, возделанная область “с большим количеством населения”. По данным Абу Хамида ал-Гарнати, в первой трети XII в. жители горных районов “живут долго, и много у них всяких благ таких, как мёд, и мясо, и фрукты в их долинах”¹⁵².

Социально-экономическое и политическое развитие Дагестана во второй половине X-XI вв. шло в обстановке роста военно-политического фактора. В 966 г. русы разрушили Семендер и другие города Хазарии. Около середины XI в. в степях Предкавказья появились кипчаки, которые впоследствии заняли также равнинные земли до Дербента. В 1075 г. в Дербенте утвердились сельджуки. Эти события отрицательно сказались на развитии хозяйства как равнинного, так, следовательно, и всего Дагестана. Многие жители равнины вынуждены были покинуть свои насиженные места и найти убежище в горных и предгорных районах.

Однако, описанные выше события не смогли оказать существенного влияния на весь хозяйственный процесс X-XII вв. Постепенно налаживались контакты пришельцев с местным населением. Кочевые племена, занявшие в XI-XII в. степные районы Предкавказья и Прикаспийскую низменность, постепенно входили в контакт и торгово-обменные связи с сельскохозяйственными районами.

Хотя равнина к северу от Дербента надолго перешла почти полностью на скотоводческое хозяйство, её развитие определялось мирными связями с сельскохозяйственными районами.

Немаловажное место в хозяйстве занимали домашние промыслы, перерабатывавшие в ряде случаев в ремесленное производство, рассчитанное на рынок или на заказ. Особенный подъём прослеживается в ведущей отрасли ремесла металлургии и металлообработке, в кузнечном, оружейном, гончарном, ювелирном, строительном деле, в ткачестве. Успехи ремесла, в частности металлообработки, развивались в уже рамках установившейся отраслевой специализации технического производства: кузнечно-литейное и ювелирное дела выступают как отделившиеся друг от друга области ремесла¹⁵³. Крупными центрами ремесла и торговли были Дербент, Семендер, Зирихгеран и другие. Средоточением ремесла были не только города, но и ряд крупных населённых пунктов, тесно связанных с ближайшими сёлами. Ремесленная продукция, изготавливаемая в крупных населённых пунктах, удовлетворяла всё растущий спрос на сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода. В сложной военно-политической обстановке особое значение приобрело производство военного снаряжения, что привело к быстрому развитию и совершенствованию кузнечного ремесла, выделившегося в специализированную область. Это хорошо можно проследить на примере Зирихгерана. Ещё в X в. о жителях его писали, что “большинство из них делает кольчуги, стрелы, мечи и другие виды оружия из железа”¹⁵⁴. А в 1131 г. о них пишется, что зирихгеранцы живут в двух селениях, жители которых

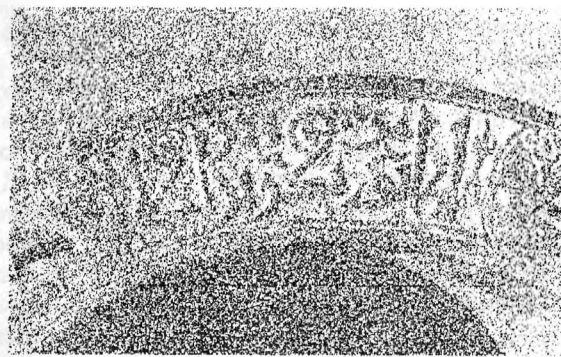

Рис. 80. Надпись на бортике бронзового котла из Кубачи (Работа Абу Бакра ибн Ахмада ал-Марвази). XII-XIII вв.

делает ряд выводов: ассортимент ремесленных изделий, изготавливаемых местными мастерами, значительно расширился в промежутке между второй половиной X в. и началом XII в., причём изготовление вооружения продолжает занимать у зирихгеранцев ведущее место, включая новые виды оружия. Мы видим, что жители обоих селений специализировались только на производстве ремесленных изделий. Мы наблюдаем здесь настолько далеко зашедший процесс развития ремесла и специализации отдельных его отраслей, что эти селения полностью выделились из сферы сельскохозяйственного труда¹⁵⁶.

Следует обратить внимание и на сообщение цитированного выше источника о “всевозможных медных изделиях”, изготавливаемых зирихгеранами. Вещественным доказательством этого является большое число бронзовых котлов, обнаруженных в Кубачи¹⁵⁷. Обычно эти котлы называются кубачинскими, и это следует понимать в двойном смысле: котлы, изготовленные и обнаруженные в других городах (обычно город Мерв) и котлы, отлитые в самом Кубачи, в том числе и по модели. Некоторые из этих котлов датируются XI-XIV вв. Наиболее ранний из них хранится в Дагестанском краеведческом музее. Он имеет надпись, датируемую палеографически XI-XII вв.: “Сделан Ахмад б. Али (?) Мервези (?)”¹⁵⁸. Нисба Мервези (“Мервский”) встречается и на ряде других котлов, датированных XII-XIV вв.¹⁵⁹ и связана с Мервом в Восточном Хорасане, временной столицей государства Сельджуков, а затем крупнейшим культурным и торговым центром государства Хорезмшахов. В надписях на котлах встречаются также термины, относящиеся к мастеру меднолитейного дела профессионалу (“саффар” медник)¹⁶⁰.

Высокого уровня достигло строительное дело. Оно развивалось по нескольким направлениям: строительство оборонительных и инженерных сооружений (крепости, башни, замки, мосты, дороги), памятников гражданской архитектуры (жилые дома, хозяйственные постройки), культовых сооружений (мечети, мина-

“изготавливают всякое военное снаряжение — кольчуги, панцири (джавашии), шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия... Жёны их, сыновья их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий и нет у них обрабатываемых земель (пашен) и садов”¹⁵⁵.

Сравнение этих двух ценных сведений позво-

реты, часовни, святыхища). Памятники архитектуры, сохранившиеся в дагестанских селениях (мечети в Карагоре, Фите, Зиль, Калакорейше, Рича)¹⁶¹, датируемые в пределах X-XIII вв., являются замечательными образцами дагестанской архитектурной практики. Успехи строительного дела отразились в профессиональной терминологии: памятники эпиграфики XII-XIII вв. зафиксировали звания мастеров *у́стад*, *банна*¹⁶². Впервые в арабских строительных надписях, относящихся к X в., упоминается имя строителя¹⁶³. Архитектура Дагестана, особенно искусство возведения культовых сооружений, развивалась на основе лучших местных традиций и в непосредственном контакте со строительной деятельностью среднеазиатских и закавказских мастеров.

3. Города Дагестана. Процесс формирования крупных населённых пунктов

Характерная особенность изучаемой эпохи — это формирование и развитие городов, очагов торговли, ремесла, центров экономической, культурной и политической жизни. В основе этого процесса лежит ряд факторов: успехи хозяйственной деятельности, в частности, развитие ремесленного производства; усиление и рост контактов с другими странами в связи с расцветом “арабской торговли” и перемещением в бассейн Каспийского моря торговых путей, соединявших страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом; втягивание в международную торговлю как приморских, так и внутренних, горных районов, что, в свою очередь, стимулировало дальнейшие успехи ремесла.

Наибольший расцвет городов в Дагестане (как и в областях Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья) падает на X начало XIII вв. Таковы Семендер и другие города Хазарии (до середины X в.), Дербент, Зирихгеран, Цахур, Аркас и др. Судьба Дербента и Семендера сложились по-разному. Семендер просуществовал до 966 г., и после разрушения его войсками Святослава мы не имеем сведений о ранее цветущем городе. Дербент же, напротив, после X в. ещё больше разросся, как бы компенсируя временную утерю северных связей усилением южных контактов и связей с горными районами Дагестана. Зирихгеран, как мы уже видели, всё более и более совершенствовал ремесленное производство, а обстоятельства сложились так, что ни монгольские завоевания, ни походы Тимура не коснулись непосредственно этого города¹⁶⁴.

Дербент — один из крупнейших и древнейших городов Кавказа, пройдя этап постепенного роста в VI-IX вв., становится уже к X-XI вв. важнейшим административным и торгово-ремесленным центром с высоко развитым ремеслом, важным пунктом международной и транзитной торговли. Это город многочисленных ремесленников: ткачей, мастеров по обработке кожи, каменщиков, керами-

стов, медников, шелководов, представителей других специальностей.

Будучи связанным в сфере торговли со многими городами Ближнего Востока и Средней Азии, Дербент не перестал быть дагестанским городом, был одним из мощных и постоянно действующих факторов, содействующих участию Дагестана в целом в международной и местной торговле. В X в. купцы прибывали в Дербент “также из Джурджана, Табаристана, Дейлема”¹⁶⁵. В то же время сюда прибывают купцы из Хазарии, Зирихгерана, Амика (Гумика)¹⁶⁶, то есть из районов Прикаспия и внутренних районов Дагестана, втянутых в международную торговлю. Город располагал прекрасной гаванью, находившейся в цветущем состоянии и занимавшей большую акваторию в 12-14 га¹⁶⁷. Арабский автор X в. ал-Истахри писал, что “между морем и пристанью построены две стены, и это сузило проход для судов и сделало его извилистым. У входа в порт протянута цепь”¹⁶⁸. Ибн Хаукал уточняет, что цепь была закрыта на замок, находящийся в ведении смотрителя за состоянием моря и что “судно входит в гавань только с разрешения владельца замка”¹⁶⁹. Археологический материал раскрывает обширную географию торговых связей города. В культурных слоях VIII начале XIII вв. обнаружена многочисленная импортная посуда, тончайшие стеклянные чаши, украшения из пасты, металла, стекла, бусы из ценных камней, изделия из фаянса и фарфора. Сюда попадали поливные чаши из Багдада, Самарры, Рея, прекрасная фаянсовая и фарфоровая китайская посуда, сфероконусы различных размеров¹⁷⁰.

Дербент был также центром ткацкого производства, в частности, это был в X в. единственный город на Кавказе, который специализировался на производстве полотняных одежд. “Из Баб ал-аббаба вывозятся полотняные одежды, и нет нигде таких одежд, кроме как здесь ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане”, писал ал-Истахри о значении Дербента¹⁷¹. Интересные подробности о развитии ткацкого производства, причём производства, рассчитанного на рынок, оставил автор X в. Балами: “В этом городе производят ткани, называемые *масхури*”, которые вывозятся в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан¹⁷², то есть в Закавказье, на Ближний Восток, в Среднюю Азию. “В этих городах ткнут паласы (зилу)”¹⁷³, написано в другом списке сочинения того же автора.

Непосредственно с интересами прядения и ткацкого производства¹⁷⁴ связано производство марены и шафрана. Как писал Ибн Хаукал, в областях Варсана и “других островах Баб ал-аббаба”, расположенных в Хазарском море, росла превосходная по своему качеству марена, она “растёт по всей стране Арран, от берегов Баб ал-аббаба до Тифлиса, и близ реки ар-Рас (Аркас) до областей Хазарана”¹⁷⁵. В X в. Дагестан был не только крупным производителем, но и экспортёром марены. Продукция Дербента и его округа вывозилась во многие страны, вплоть до Индии. В Дербенте произрастал также шафран¹⁷⁶.

Как крупный торговый центр Дербент упомянут во всех маршрутах, в которых даётся описание расстояний между отдельными пунктами на трассе. Точная фиксация переходов — показатель существования действующей трассы при регулярных торговых связях с другими областями. Вот одно из таких описаний.

характеризующих маршрут Бардаа — Дербент: от Бардаа до Барзанджа — 18 фарсахов, от Барзанджа, переход через Куру до Шемахией — 14 фарсахов, от Шемахией до Ширвана — 3 дня пути, от Ширвана до Абхаза — 2 дня пути, от Абхаза до Джасар Самур (“мост Самур”) — 12 фарсахов, от Джасар Самур до Баб ал-абваба — 20 фарсахов¹⁷⁷.

Баб ал-абваб не был конечным пунктом этой трассы, путь шёл далее на Семендер и Итиль.

Семендер, также лежавший на трассе международного значения, пролежавшей через западное побережье Каспийского моря, точно, как и Дербент, упомянут во всех маршрутах на трассе, соединявшей Закавказье и Ближний Восток с Северным Кавказом. Русью, Волжской Булгарией, Нижним Поволжьем¹⁷⁸. Имеются подробные описания расстояний между Итилем, Семендером, Дербентом и городами Закавказья и Южного Прикаспия в X в. Очень обстоятелен упомянутый маршрут знаменитым арабским географом ал-Истахри (X в.): от Абаскуна в Хазарию через Баб ал-абваб до Семендера — четыре дня пути, а от Семендера до Итиля — семь. Этот же автор даёт чуть иные сведения об обратном маршруте: от Итиля до Семендера — 8 дней пути, от Семендера до Баб ал-абва — 4 дня¹⁷⁹. Ибн Хаукал также приводит маршрут от Абаскуна до Итиля, повторяя первое сообщение ал-Истахри о том, что от Баб ал-абваба до “областей Семендера” — 4 дня пути, а от Семендера до Итиля — 7 дней¹⁸⁰.

Отсутствие сведений о порте в Семендере и указание на путь по пустыне (степи) от Семендера до Итиля¹⁸¹ свидетельствует о том, что Семендер находится на сухопутном маршруте.

Вполне понятен и особый интерес авторов географических сочинений к Дербенту, Семендере, Итилю, к Каспийскому морю. В книге ал-Истахри имеется отдельная глава, посвящённая Хазарскому (Каспийскому) морю, его границам, народам, живущим вокруг него, “дарам” этого моря, географии купеческих маршрутов: “Плавают по этому морю купцы из разных мусульманских стран в землю хазар, в Арран, Джилан (Джилль), Табаристан и Джурджан”¹⁸².

Серьёзное внимание обращено на маршруты Абескуна — Хазария по обоим направлениям (вдоль западного и восточного берегов Каспийского моря): “от Абескуна до Хазарин и по западному, и по восточному берегу моря по 300 фарсахов. При благоприятном ветре море пересекают от Табасарана до Баб ал-абваба за одну неделю”¹⁸³.

Средневековый город Дагестана, как и другие города Кавказа и других областей, не был городом в “чистом” виде. Он был неразрывно связан со всей округой, с сельскохозяйственными районами вокруг него. Связи городского населения с сельскохозяйственным производством никогда не прекращались. В X в. Семендер, с одной стороны, “превосходный город с рынками и купцами”¹⁸⁴, нет “более густонаселённого места, чем Семендер”, а с другой, “земля их богатая; пастбища их хорошие”¹⁸⁵, этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб ал-абвабом¹⁸⁶.

Таким образом, вырисовывается значительная по территории сельскохозяй-

ственная округа Семендера, которой была занята значительная часть населения (торговый и ремесленный люд, представители торгово-ремесленной знати, городские верхи, отряды воинов). Сохранилось любопытное известие Ибн Хаукаля о судьбе Семендера и его сельскохозяйственной округи после разгрома города русами: “Русы пришли сюда, и не осталось в стране ни виноградника, ни изюминки... Жители были вынуждены удалиться из Семендера... Земля их богатая, пастбища их хорошие, и не прошло и трёх лет, как они вернулись на прежнее место”¹⁸⁷. Именно земледельческое освоение этих земель с утвердившимися традициями, прочная связь жителей Семендера с сельскохозяйственным производством и побудило бежавшее в своё время население вскоре вернуться “на прежнее место”. Город не был, по всей вероятности, восстановлен, но земли вокруг него стали опять осваиваться, и в этом деле пригодились земледельческие навыки бывших горожан.

В Дербенте, в этом крупнейшем торгово-ремесленном и административном центре мы также наблюдаем неразрывную связь с сельскохозяйственной округой. Если в X в. в городе было сильно развито ткацкое производство, то потребности этого производства требовали использования в значительных размерах земельных площадей для выращивания растений, дававших ткацкое сырьё (лён, хлопок, конопля), естественные красители, в частности, марены и шафрана. На землях за пределами города в значительных размерах выращивались шафран и марена¹⁸⁸. При этом производство шафрана и марены в широких размерах диктовалось не только интересами ближневосточного и среднеазиатского рынка, но также и внутреннего рынка, интересами развития домашних промыслов (прежде всего, прядения и ткачества). Ал-Истахри писал, что полотно изготавливалось не только в Дербенте, но и в “его рустаках”¹⁸⁹. Так как город был тесно связан с внутренними районами Дагестана, то прядение и ткачество в них нуждались в использовании растительных красителей, которые доставлялись из Дербента, а также производились на месте.

Земледельческая округа, естественно, придерживалась определённой специализации, в зависимости от характера трудовой деятельности городского населения: сельскохозяйственная округа Дербента специализировалась на выращивании растительных красителей в интересах удовлетворения интересов городских ткачей, а округа Семендера — на садовых культурах и винограде.

В XI начале XIII вв. ремесленное производство Дербента получило бурное развитие, Дербент имел высокоразвитое керамическое производство, стекольное, камнеобработку, металлообработку, ткацкое производство и ряд других ремёсел. Из крупнейшего города-крепости Кавказа он превратился в известный торгово-экономический центр, очаг производства многих ремесленных изделий, выдающийся культурный центр региона, основной торговый порт Каспийского моря, известный посредник в международной транзитной торговле. Как крупный центр металлообработки город поставлял на рынок металлическое оружие (копья, сабли, кинжалы, ножи), орудия труда самого различного назначения, защитное вооружение (кольчуги, панцири)¹⁹⁰. Металлообработывающее

производство Дербента этого периода ознаменовалось не только количественными, но и качественными сдвигами, изменяется соотношение предметов вооружения и предметов быта в пользу последних. В слоях VIII-XIII вв. орудия труда значительно превосходят предметы вооружения. Среди многочисленных металлических находок сельскохозяйственные орудия (фрагменты железных лопат, мотыжек, серпов, лемех, наральник, сошник, строительные орудия и предметы: топоры, молотки, тѣсла, зубила, кольца, гвозди). На примере Дербента наглядно прослеживаются различные приѐмы металлообработки, применяемые местными мастерами (литьѐ, горячая и холодная ковка, сварка, клѣпка, скручивание, волочение и т.д.)¹⁹¹.

Одной из наиболее развитых отраслей городского производства было гончарное производство. Широким спросом пользовались изделия дербентских керамистов — столовая и кухонная, тарная и специальная посуда. В самом изготовлении керамических изделий наблюдаются качественные изменения (подглазурная гравировка и роспись посуды). В Дербенте выпускали все основные виды продукции керамического производства, известные в развитых центрах Передней и Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы. Археологические материалы свидетельствуют о значительном месте в системе ремесленного производства ювелирного дела, обработки цветных металлов, кости, кожи¹⁹².

Успехи дербентских строителей и камнетѣсов также были впечатляющими, но в X-XIII веках изменился характер их деятельности — уже отпала необходимость в возведении оборонительных комплексов. Основное внимание мастеров строительного дела было переориентировано на сооружение общественных, культовых, частных зданий. Надпись 435/1044 г. над воротами Орта-капы упоминает имена их строителей¹⁹³. На камне в стене Дубара-капы, датированном 580/1184 г., также упомянуто несколько имён: Махмуд ал-кагиб ал-Гилани, Мухаммед, сын Махмуда, Йусуф, сын Баба¹⁹⁴. Первое — это имя профессионала, очевидно, резчика (кагиб “писец”), а два других — по всей вероятности, мастера-строителя¹⁹⁵. Рядом ещё несколько надписей, выполненных в то же время тем же резчиком. Имеется и другая, датированная надпись, сделанная через 7 лет упомянутым Махмудом — кагибом, т.е. в 587/1192 г.¹⁹⁶. Известный учёный Е. А. Пахомов писал, что на воротах Дубара-капы иных надписей, кроме строительных, не встречается¹⁹⁷. Это определение должно быть распространено и на другие дербентские надписи XI начала XIII вв. Так, например, строительство ворот Таш-капы (XI-XII вв.) в северной стене связано с именем Хариса ибн Йазид ал-банна (“строителя”), а постройка минарета (XIII в.) — дело рук Саида ибн Худайшара, строителя (банна)¹⁹⁸.

Таким образом, широкая строительная деятельность — свидетельство не только наличия в городе мастеров высокого класса, профессионалов, но и стабильности и независимости Дербентского эмирата, при более или менее благоприятных внешнеполитических обстоятельствах.

Бурный рост ремесленной деятельности, значительное увеличение количества ремесленников стимулировали создание объединений по профессиям, рас-

считанный на защиту интересов ремесла и ремесленников. Письменные источники сообщают о “главах ремесленных корпораций”. К середине XI в. относятся неоднократные упоминания о раисе дубильщиков¹⁹⁹. Возможно предположить наличие объединений и у других представителей ремесленного производства²⁰⁰. Некоторые из дербентских раисов были главами городских гильдий²⁰¹. В созданном в конце XI в. в Дербенте суфийском трактате Абу Бафра Мухаммеда ад-Дербенди “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” (“Базилик истин и сад тонкостей”) среди слушателей суфийских межлисов Дербента упоминаются шелковод (хаззаз), рыболов (саммак), мыловар (сабуни), портной (хаййат), продавец бумаги или бумагоделатель варрак) и представители других профессий²⁰². Серьёзные изменения наблюдаются в XI-XII вв. в ткацком производстве. Уже нет сообщения об изготовителях знаменитых в IX-X вв. дербентских полотняных изделий. А упоминание шелководы в XI в. свидетельствует, очевидно, о том, что Дербент с окрестными землями постепенно стал переходить к производству шёлка²⁰³. Венецианский путешественник Марко Поло позднее при описании железных ворот (Дербент-Темир-капы) писал: “Много тут шёлку; выделывают здесь шёлковые и золотые ткани; таких красивых тканей нигде не увидишь”²⁰⁴.

В XII в. сохранились факторы, содействовавшие росту значения Дербента — это оживлённая торговая деятельность на Каспийском море. Ежегодно здесь 400 больших морских судов осуществляли перевозку товаров между Саксином, что в дельте Волги, и Амолем. В Саксин прибывали со своими товарами купцы из Табаристана, Баку, Хорезма, Дербента. тесно связанные, в свою очередь, со многими сельскохозяйственными районами. Обратное же купцы везли, в основном, лён и льняную одежду.

Население города — ремесленники, торговцы, торгово-ремесленная знать представляли собой внушительную социальную силу, с которой местным правителям всегда приходилось считаться.

Показателем сдвигов в экономической и социальной жизни дагестанского общества служит огромной важности процесс, протекавший усиленными темпами в X-XII вв., и получивший наибольший размах в последующие три столетия. Значение этого процесса заключалось в том, что повсюду в Дагестане складывались центры, вокруг которых сосредотачивались и на которые ориентировались другие населённые пункты. Сложение нового, вместившего в себя население нескольких других, крупного населённого пункта ещё больше возвысило значение территориальной общины. Процесс этот происходил в Дагестане повсюду, как в феодальных владениях, так и в союзах сельских общин²⁰⁵. Крупные населённые пункты были одновременно и административными, и экономическими центрами.

Типология дагестанских поселений XIX-XX вв. хорошо изучена дагестанскими учёными²⁰⁶. У всех народов Дагестана выявлено два типа поселений: собственно селение (аварское росо, даргинское ши, кумыкское юрт, аул и кент, лакское шар, лезгинское хуър) и хутор (соответственно махи (кули), маши (махи, ая), отра (махи), маши, къазмаяр). Селение наиболее древний и распространённый

Рис. 81. Кахиб (старое селение).

тип поселений.

Изучение письменных источников, археологических, этнографических и эпиграфических материалов показало, что в X–середине XIII вв. (как и в более позднее время) в Дагестане существовало три типа поселений по своей внутренней структуре:

тухумные (однотухумные), территориально-тухумные и территориальные²⁰⁷.

В арабских источниках населённые пункты, селения передаются термином карйа. Так, например, ал-Масуди писал, что в распоряжении царя Серира в X в. было 12000 селений (карйа)²⁰⁸. Это сообщение говорит о многочисленности существовавших тогда в горах населённых пунктов. С другой же стороны, под термином карйа подразумевается селение вообще, независимо от его размеров и внутренней структуры, то есть под этим термином можно понимать как тухумные (однотухумные), так и тухумно-территориальные и чисто территориальные поселения. Эта мысль хорошо иллюстрируется при привлечении археологического материала. Среди раннесредневековых поселений, выявленных в горных районах Дагестана, встречаются и большие пункты (поселения V–IX вв. площадью от 6 до 30 га) и незначительные по занимаемой территории.

На равнине, в Терско-Сулакском междуречье, поселения также имели разные размеры: наряду с небольшими по размерам пунктами (Барагинское поселение — 1 га и др.) существовали в X–XIV вв. и более крупные единицы (Миятинское поселение, раскинувшееся на берегу Сулака на площади в 15 га; Андрейаульское поселение, занимавшее примерно такую же площадь; Новокулинское поселение — 8 га²⁰⁹).

Приведённые выше примеры показывают, что в процессе селообразования в X в. и позже компонентами выступали, в основном, однотухумные поселения, но этим дело не ограничивалось. В процессе образования крупного населённого пункта принимали также участие нередко и другие типы поселений (территориально-тухумные и чисто территориальные), но число их было, по сравнению с первой категорией, незначительным²¹⁰.

Крупные поселения несут облик территориально-тухумных, может быть, чисто территориальных, а мелкие поселения говорят о местопребывании одно-

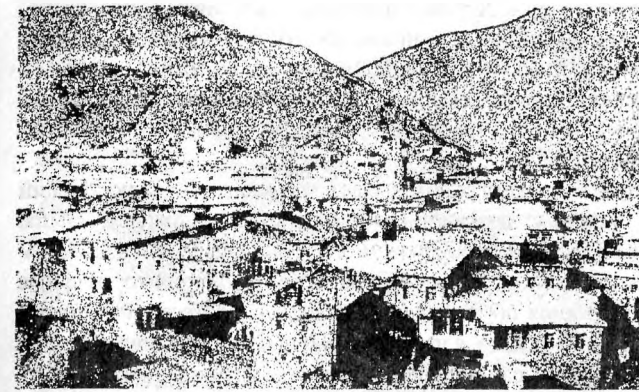

Рис. 82. Сел. Тпиг

собственности.

Изучение полевого материала позволяет проследить в ряде случаев особенности и хронологические рубежи процесса складывания крупного селения. В основном этот процесс протекал в X–XV вв. Так, например, селение Ругуджа (Тунибский район) окружено большим числом хуторов, ныне заброшенных, а археологический материал с этих поселений датируется только в пределах X–XII вв. Стало быть, все мелкие населённые пункты слились в XIII в. в одно крупное селение, а именно Ругуджа²¹². Материал поселений вокруг селения Чох также датируется в пределах IX–XIII вв.²¹³ Селение Тпиг образовалось из 5 мелких населённых пунктов (Фурдук, Кьюриар, Ганджуар, Зулера-нухур, Джафуг), некоторые из которых, судя по сохранившимся там арабским надписям, существовали ещё в XIV–XV вв. (Зулера-нухур, Джафуг)²¹⁴.

Процесс формирования крупного населённого пункта был длительным, продолжавшимся несколько столетий, он имел несколько вариантов. Обычный вариант — это переход нескольких мелких пунктов в одно центральное селение, ставшее крупным только после слияния с ним других населённых пунктов, причём сам переход происходил не одновременно, а растягивался на 2–3 столетия. Образуется не новое селение, а укрупняется территориально старое. Сам механизм перехода на новое место также пережил несколько вариантов. Главный вариант: каждое поселение компонент сохраняет в рамках новообразования своё лицо, структуру, возможно, и социальный статус. Каждое бывшее самостоятельное поселение занимает на новом месте отдельный квартал, совпадаемый территориально с расселением отдельного тухума. Количество кварталов и тухумов обычно совпадало.

Полевой материал хорошо иллюстрирует это положение. Так, например, селение Хуштада (Цумадинский район) состояло из четырёх кварталов, вышедших в своё время, согласно преданию, из четырёх, ныне заброшенных, селений, причём первоначально каждый тухум жил компактно, занимая определённую

го тухума. При этом под тухумом нельзя подразумевать родовую организацию²¹¹; тухум в изучаемое время представлял собой родственную группу, состоящую из родственных семей, — ведущих самостоятельное хозяйство на земле, принадлежащей им на правах

часть селения. Даргинское селение Хуршни образовалось из пяти, Бутри из шести, Лица из семи мелких населённых пунктов, названия которых, как и сами поселения, сохранились. Селение Чох (Гунибский район) “вместило” в себя 11 мелких населённых пунктов, а предки жителей Ругуджа жили раньше в 12 селениях, а селения Сумбатль — в семи. В 6 кварталах селения Вихли жили представители 6 объединившихся тухумов²¹⁵.

Изучение археологических данных показывает, что все три типа поселений сосуществовали, хотя тухумные занимали господствующее положение. Выше уже указывалось, что в процессе селообразования в X-XIII вв. (как и в XIV-XV вв.) компонентами выступали как тухумные, так и тухумно-территориальные поселения. Это прослеживается по топографии некоторых дагестанских селений, отразившей не названия тухумов, а населённых пунктов, объединившихся в одном пункте. Новые населённые пункты складываются в таких случаях, разумеется по чисто территориальному принципу. Названия кварталов ряда селений могут подтвердить это положение. В кумыкском селении Султанянгиюрт кварталы получили названия не от тухумов, а от “исходных” населённых пунктов: Тюмень-аул, или Эндери-аул (выходцы из Кумыкской равнины, они относились, по преданию, к племенам тюрков), Дженгутай-аул (выходцы из Дженгутая), Ми-чигич-аул (из Чечни), Тау-аул (из Горного Дагестана, преимущественно из Салатавии и Гумбета)²¹⁶.

Топография селения Тарки ещё более выразительна: кварталы, образовавшие селение, названы “аулами”, но ни один из этих “аулов” не связан с названием патронимической группы, т.е. тухума. 14 “аулов”, из которых состоит Тарки, отражают географический, социальный и этнический статус: Чагъараул, Ашатаул, Дорголиаул, Мамайораул, Учбулахъаул, Гунтийленаул, Булахбашаул, Базараул, Тобобашаул, Манчараул, Бакъаул, Истисуаул, Жувутаул²¹⁷.

Вместе с тем, процесс появления крупного селения на базе слияния ряда мелких и средних поселений явление не универсальное для Дагестана, хотя и ведущее. Немалое место занимал и процесс разукрупнения, особенно в пунктах, попавших в полосу военных действий. В ряде мест, особенно в Западном Дагестане, концентрация мелких населённых пунктов в более крупные, забрасывание их и переход в иной, “главный” центр, не наблюдается. Процесс этот совершенно не изучен.

4. Социальный строй дагестанских обществ (X-XIII в.)

Успехи земледелия, скотоводства, ремесла, торговли, рост городов, образование крупных населённых пунктов — всё это определило также крупные сдвиги в области социальных отношений. Хотя в различных частях Дагестана ход социального развития происходил неравномерно, общая же линия этого процесса заключалась в прогрессирующем развитии имущественного и социаль-

Рис. 83. Сел. Рутул

ного неравенства, в становлении или же в дальнейшем расширении ареала феодальных отношений.

Становление и развитие феодальных отношений — это долгий процесс, протекавший с различной степенью интенсивности в различных районах. Активную роль в этом процессе, в усилении общинной знати сыграло государство. Государственные образования X — сер. XIII вв., их усиление или ослабление, их влияние на

ход социальной жизни и политических событий были взаимосвязаны с самим феодализационным процессом.

Существует два основных пути феодализационного процесса. В одном случае, феодализационный процесс полностью опирается на внутреннее развитие общества, в другом внешние факторы, в частности, политика стран, уже ставших на путь феодального развития, оказали огромное влияние на ход социального развития. В Дагестане имели место оба фактора, но в обоих случаях переход дагестанского общества к феодальному способу производства был, в определяющем, следствием внутреннего развития общественного строя.

Такой путь прошли многие страны Азии и Европы: восточные и западные славяне, германские племена, ряд тюркских племён, народы Японии, Бирмы, Индонезии и др.²¹⁸

Одной из характерных черт феодализационного процесса в Дагестане были его медленные темпы, в значительной степени обусловленные устойчивостью сельской общины. Последнее же было обусловлено ранним становлением частной собственности на пахотные земли в условиях террасного земледелия. Эксплуатация зависимого крестьянства осуществлялась не посредством извлечения отработочной ренты (крупное собственное хозяйство феодалов отсутствовало), а через присвоение натуральной ренты. Основное место натуральной ренты в процессе развития феодального общества характерно для многих стран и областей: Ирана, Средней Азии, Афганистана, арабских стран. В непосредственной связи с отсутствием крупного хозяйства находятся слабые формы внешнеэкономического принуждения (отсутствие крепостничества).

Развитие феодализма в Дагестане шло при фактической (не юридической)

Рис. 84. Сел. Хучни

мей на правах отчуждения, то есть мулька.

Огромный отпечаток на ход и степень развития феодальных отношений в Дагестане наложила сельская община, её чрезвычайная устойчивость в процессе формирования или же изменения социальной структуры в борьбе за свою самостоятельность против попыток навязывания непосредственной власти феодальных правителей. Сельская община играла двойственную роль в социальном развитии Дагестана; это обстоятельство определило как медленные темпы феодализации дагестанского общества, так и устойчивость общины: с одной стороны,

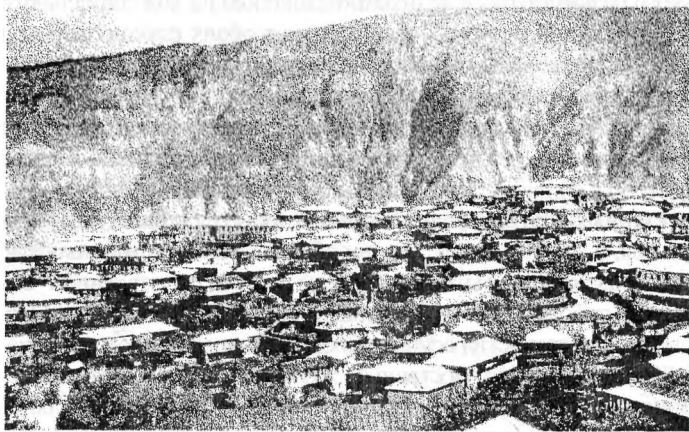

Рис. 85. Сел. Карата

с другой же стороны, община, попавшая в зависимость от феодала и ставшая фискальной единицей, служила средством эксплуатации зависимого населения.

собственно-сти феодалов в районах с развитым овцеводческим хозяйством на пастбищные земли, при сохранении пахотных участков в распоряжении отдельных се-

мья, община-марка служила орудием крестьянства в борьбе за свою независимость, она "... сохранялась на протяжении всего средневековья в тяжёлой непрерывной борьбе с земледельческой знатью"²¹⁹. С

Имеется ещё одно обстоятельство, повлиявшее в сильной степени на ход социального развития, точнее, тормозившее процесс дальнейшего развития хозяйства. Речь идёт о почти непрерывных, продолжавшихся в течение всего средневековья, вторжениях иноземных войск, которые были основной причиной, периодически нарушавшей естественный ход экономического и исторического развития и тормозившей нормальное развитие феодальных отношений.

В основе феодального развития лежат изменения в сфере форм земельной собственности. Основными формами земельной собственности в Дагестане в X — середине XIII вв. были: земли феодальной знати, государственные земли, мульки, общественные земли, вакуфные земли²²⁰. В течение трёх с половиной веков соотношение видов земельной собственности неоднократно менялось; вместе с формами землевладения менялись и формы землепользования. Общая линия развития форм земельной собственности в указанное время заключалась в увеличении количества частнособственнических участков как феодального типа, так и крестьянского, неэксплуататорского. Прослеживается усиление и увеличение мульков крестьянского типа, зачастую за счёт феодальной собственности. Это — отражение процесса децентрализации, иногда дефеодализации, усиления сельских общин и союзов сельских общин.

Институт частного землевладения мулька имел две категории: мулька феодалов и мулька собственно крестьян. В Дагестане мульком назывались все частнособственнические земли независимо от их величины и статуса. В арабских источниках, дающих сведения о Дагестане X-XI вв., часто употребляется термин "дийа" (ед. ч. дайа)²²¹. Ибн Руста писал, что в Серире жители "20 тысяч долин... имеют там свои дийа и селения (кура)"²²². Это сообщение относится к концу IX началу X вв. Два века позже Иакут писал, что "у жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые дийа (дийа амира) и населённые области"²²³. Поместья правящей верхушки Дербента и пахотные участки рядовых горожан или же жителей окрестностей города в XI в. исторически обозначают общим термином дийа²²⁴.

Таким образом, техническое значение термина дийа было обширно, это мулька в самом широком смысле, обозначая одновременно как феодальные имения независимо от их размеров, так земли — мульки, находящиеся в распоряжении свободных крестьян. Поэтому применительно к истории земельных отношений Дагестана X-XIII вв. термин дийа нельзя передавать во всех случаях словом поместье (как это иногда делается в исторической литературе). Владельцами дийа были как крупная землевладельческая знать, так и средние и мелкие владельцы. По своему широкому техническому значению дийа можно сравнить с дастакартом армянских авторов²²⁵. В Дербенте (со времени утверждения власти Сельджуков) значительные размеры приняли условные формы землевладения (икта). Многие частные и общинные земли были переведены в разряд государственных, часть пахотных земель была превращена в пастбищные. На условных началах раздавались также и крупные земельные участки: "султан пожаловал пограничную область Сау-Тегину"²²⁶. Здесь речь идёт не о Дербенте, а о сагре (погранич-

ной области) Дербента, отданной предводителю сельджукских войск на основе условного пожалования (икта). Сельджукские султаны во всех занятых ими землях широко практиковали раздачу икта, причём эта икта не юридически, а практически все более и более превращалась везде из временного (или пожизненно-го) в наследственное владение. Хорезмшах Джалаладдин (1220-1223) также был сторонником раздачи земель: воспитатель малолетнего владельца Дербента был поддержан хорезмшахом, “султан одарил его и назначил на его имя и на имя ребёнка его государя икта, рядом с которым Дербент оказался ничтожно малым”²²⁷.

Что касается мультка как собственности отдельных крестьянских семей, то с X-XIII вв. эта форма также получила развитие. Когда арабский автор ал-Балхи (ум. в 934) писал, что в Семендере было “много садов... и около 4 тысяч виноградных дерев, простирающихся до границы Серира”²²⁸, когда ал-Истахри сообщает о “многочисленных садах, расположенных между городом и Баб ал-абвабом”²²⁹, то мы имеем дело с известиями о земельных участках типа мультка, о мелкой крестьянской собственности.

Мультковые земли были основной формой собственности; пахотные или сенокосные земли и сады были собственностью отдельной семьи, двора. В горных районах с развитым животноводческим хозяйством основные пахотные земли составляли собственность отдельных малых семей. Много пастбищ гор принадлежало как представителям власти, так и сельским общинам и их союзам.

Приведённые выше сведения о мультке относятся к равнинной части Дагестана. О мультке в горных районах сведений нет. Однако, можно полагать, что арабский автор Закария ал-Казвини (ум. в 1283 г.) писал именно о мультке: он писал о жителях высокогорного селения Цахур (ныне Рутульский район), что “каждый из них сеет достаточное для себя количество зерна”²³⁰. Здесь, по всей вероятности, речь идёт об использовании клочков пахотных земель, мультков.

Категория общественных земель распространялась на леса, многие летние и зимние пастбища, на “священные”, заповедные земли, частично на сенокосные и пахотные земли. Сельская община (джамаат) была единственным юридическим лицом, распоряжавшимся этими территориями, то есть коллективной собственностью общины. Община настойчиво оберегала эти права, но, по мере выделения общинной знати, эти права постепенно ограничивались.

В связи с распространением ислама, строительством мечетей и учебных заведений при них возникла категория вакфных (вакуфных) земель. Эти земли формировались в результате земельных дарений и передачи мечети выморочных земель. Доходы с этих земель шли на содержание мечетей, медресе и мактабов, мутааллимов, на оказание помощи бедным, странникам, на различные благотворительные цели. В последующем, в связи с укреплением позиции ислама, расширением ареала его распространения, категория вакуфных земель расширилась. Своеобразие вакфа в Дагестане заключалось в том, что, как правило, в пользу мечети отдавались не земельные участки, а переводилась определённая доля урожая с определённых земельных участков.

Изучение процесса социального развития сталкивается с рядом трудностей, основная из которых заключается не только в скудности информации источников, но и в том, что преобладающее количество известных нам источников, если и дают какие-либо сведения о социальной жизни общества, то освещают в основном положение и деятельность социальных верхов. Это не минуло отразиться на полноте характеристики социальной жизни дагестанского общества как в X — первой половине XIII вв. так и в последующем.

Социальная верхушка представлена прежде всего в лице феодальных правителей — дербентских эмиров, аварских нуцалов, хайдакских правителей, маликов Лакза.

Наиболее полно прослеживается социальная структура Дербента²³¹ благодаря, главным образом, “Истории Ширвана и Дербента”. С 969 г. до 1069 г. городом управляли представители дома Хашимидов. Правителем и наиболее крупным феодалом был эмир города, опиравшийся в своей внешней и внутренней политике на “гази”, “воителей за веру”, формировавшихся, как правило, из деклассированных элементов²³². С их помощью эмир оказывал влияние на раисов города, когда интересы последних сталкивались с интересами эмира. Раисы — это главы городских торгово-ремесленных гильдий, крупные и мелкие феодалы, носители реальной политической и экономической власти.

В мусульманских странах “раис выступал как посредник между администрацией и населением, передавая правительственные распоряжения и делая представления от имени жителей города”. Дербентские раисы “с самого начала мусульманской администрации... занимали особое и важное положение”²³³. В качестве раисов выступали земельные собственники, основу экономической силы которых составляла эта собственность на значительные земельные участки, а основу их политической силы — наличие собственной военной силы и определённый судебный иммунитет²³⁴.

Раисы располагали пахотными и пастбищными участками за пределами города, их поместья находились близ Дербента и к югу до Самура (“в междуречье”). В 1064 г. раисы Дербента предприняли попытку расширить свои владения, они “выступили из ал-Мухрака в К.р. к. (Курак) в земли лакзов и захватили все поместья Маската и междуречья”²³⁵. Обрисовывается значительная территория в “междуречье”, скорее всего между реками Гюльгеричай и Самур, оказавшихся, хотя и на короткое время, во власти раисов. Раисы выступали нередко и против эмира Дербента, демонстрируя тем самым свою независимость и самостоятельную политику. В том же 1064 г. они направили “своих гулямов”, которые угнали скот дербентцев и время от времени нападали на предместья (рабад) города²³⁶.

В середине XI в. наиболее богатым раисом Дербента был “раис раисов” Муфарридж ибн Музаффар, владевший на правах собственности несколькими селениями. Подобные раисы имели в своём подчинении более мелких феодалов, экономически зависимых от сюзерена²³⁷. “Раис раисов” держал штат сборщиков налогов (уммал, ед. ч. амил)²³⁸, которые непосредственно изымали зе-

мельную ренту. То, что “раис райсов” обладал налоговым иммунитетом, свидетельствует о его фактической независимости от эмира.

Раисы действительно представляли собой также и значительную политическую силу, состояли в числе ближайших советников эмира, нередко они вместе с “народом ал-Баб” выступали против эмира города, неоднократно изгоняли одного эмира и приглашали другого. Более того, бывали случаи, что раисы сами заменяли эмиров. Так было вскоре после 1065 г., когда раисы во главе с Муфариджем захватили, хотя и ненадолго, власть в Дербенте²³⁹.

Ремесленные корпорации, торгово-ремесленные и торговые гильдии представляли собой значительную экономическую силу и во многом определяли облик города. Многочисленные объединения ремесленников по специальностям существовали и в других городах Ближнего Востока, Закавказья, Средней Азии²⁴⁰, но нигде нам не известна столь влиятельная и многочисленная прослойка городской знати, стоявшая во главе ремесленных корпораций и торговых гильдий, как в Дербенте²⁴¹.

Основную же часть городского населения Дербента составляли ремесленники различных профессий и многочисленные мелкие торговцы. Вообще предмонгольский город на Кавказе, Ближнем Востоке, Средней Азии был средоточием разнообразной ремесленной промышленности, где процветало кузнечное, ткацкое, гончарное, кожевенное, ювелирное производство, строительное дело и другие виды ремесла. Археологические данные и письменные источники позволяют говорить о социальном облике средневекового восточного города, здесь трудились ремесленники различных профессий и мелкие торговцы, оружейники, медники, инструментальщики, ножовщики, мастера по изготовлению доспехов, конского снаряжения, по производству котлов, ткачи, сапожники, аптекари, красильщики, дубильщики кож, виноделы, гончары, плотники, строители, портные, обувщики, кузнецы, седельники²⁴².

Таким же представляется также и облик средневекового Дербента, где жило значительное число профессиональных мастеров — литейщиков, кузнецов, ткачей, строителей, керамистов, оружейников, гончаров, каменщиков, кожевников, ювелиров, медников, производителей и продавцов бумаги и шерсти, хлопка, тканей, марены, шафрана, шёлка. В “Истории Ширвана и Дербента” упоминаются ремесленники — дубильщики (даббагун), имеющие свою самостоятельную корпорацию. Ценнейший суфийский трактат “Базилик истин и сад тонкостей” Мухаммеда ад-Дербенди, написанный в конце XI в., сообщает о многочисленном слое ремесленников и торговцев, в их числе: продавец (или изготовитель) бумаги, или книг (варрак), шелковод (хаззаз), швея (хаййат), мыловар (сабуни), продавец рыбы и рыболов (саммак), зеленщик (баккал), валяльщик шерсти (лаббад), шорник (саррадж), продавец дров (хаттаб) и др.²⁴³.

В городе в X-XIII вв. были и другие социальные прослойки — это “айан” (“знатные люди”), “айан ас-сугур” (“знатные люди пограничных областей”). Имеется и другой, вероятно, более точный перевод последнего термина “знать из людей порта”, т.е. знать Дербента, связанная с портом и морской торговлей²⁴⁴.

Была также и “особая группа нотаблей, более тесно связанная с эмиром, известная под названием “айан ас-суфуф” это торгово-ремесленная верхушка города²⁴⁵.

Ремесленная знать, как и торгово-купеческая, поддерживала, как правило, дербентского эмира, искала его защиты, так как была заинтересована в сильной политической власти и политической стабилизации в интересах развёртывания торговой деятельности.

Огромную роль в идеологической жизни играла духовная элита, кади кадиев (кади ал-кудат), кади и имамы мечетей, факихи (правоведы, преподаватели права).

В Серире, Хайдаке, Кумухе верхушку феодального общества составляли местные правители, их семьи, земельная и военная знать. В более поздних источниках правители Серира именуются нуцалами, Кайтага — уцмиями, а Кумуха — шамхалами. В источниках X-XIII вв. указанные термины не встречаются, однако отсутствие в письменных источниках самого термина, означавшего должность правителя Хайлака, Кумуха, Серира, не говорит об отсутствии его на практике. Дело в том, что арабские источники, как правило, не учитывали местную социальную терминологию, передавая её в арабской передаче (малик, сахиб и т.д.). Нам не известно по данным источникам, какова была социальная титулатура правящей верхушки, но наиболее вероятным кажется то, что уцмий, шамхал, майсум, нуцал — местные титулы, лишь впоследствии “подогнанные” к лексике арабского языка. То обстоятельство, что названная титулатура, свойственная только дагестанским владельцам, и титулатура, перенятая извне (эмир, хан, султан, хаким, бег и т.д.), сохранилась в неизменённом виде, лишний раз подтверждает древность этих терминов.

Правители Хайдака и Серира пользовались большим влиянием в вопросах внешней политики, особенно на события Дербента. В исторических сочинениях неоднократно упомянуты имена этих правителей. Так, например, в 943 г. упоминается Салифан, малик Джидана (Хайдака)²⁴⁶. В 1064 г. сообщается о Р.в.м. (Б. рум, или З.м.з.м.), эмире Хайдака, внучка которого была замужем за эмиром Дербента. А в 1065 г. упоминается Пируз (Фируз) ал-Хайдаки (Хайдакский), у которого воспитывался малолетний Абдалмалик, будущий эмир Дербента²⁴⁷.

Среди правителей Серира известны Бухт-Йише I, который “предательски захватил” дербентского эмира в 905 г.; Бухт-Йише II, на дочери которого был женат эмир Дербента 1025-6 г.; правитель с титулом филаншах (может быть, это и есть титул Бухт-Йиша II); Т.ку, тесть дербентского эмира 1065 г.²⁴⁸; Суракат, правление которого можно отнести к XI в.; Байар, сын Сураката, конец XI начало XII вв.; Майсум, первый мусульманский правитель Аварии; Амир-Ахмад, сын Масумбека, XII в.²⁴⁹

В Лакзе, в числе представителей власти, упоминаются малики и “свободные (ахрар), называемые хамашира”²⁵⁰. По своему социальному статусу хамашира можно сравнить с раисами Дербента, то есть они составляли феодальную знать Лакза²⁵¹, занимали определённую ступень феодальной иерархии²⁵². Для сравне-

ния можно указать, что в Закавказье, в частности, в раннесредневековой Армении “свободные” (азат) представители мелких феодалов.

Основная опора феодальной власти — военно-служилая знать, сыгравшая огромную роль в укреплении власти феодальных правителей. Эта знать имела “процветала” во всех владениях, но источники сохранили о ней слишком мало сведений, иногда опосредованных. Так, например, Ибн Русте, при описании похоронного обряда в Серире сообщает о жителях города, что они “салятся на коней и облачаются в панцири (джаушан) и кольчуги. Они едут на край названного места и оттуда со своими копьями устремляются на мёртвое тело, лежащее на носилках”²⁵³. Здесь, очевидно речь идёт о дружине царя Серира. Возможно, погребения с большим числом вооружения и конского снаряжения, выявленные в Бежтинском могильнике, принадлежали также дружинникам.

В Серире, как, возможно, и в других государствах, многочисленная, самая влиятельная и самая активная во внешнеполитических и внутренних акциях часть военно-служилой знати — это раисы. Это средние чины феодального ополчения, руководители десятков или сотен. Как сообщает “История Ширвана и Дербенда”, в 968 г. войска Серира ворвались в Дербент, затем в городе “начались смуты, и было убито сто раисов жителей Серира”²⁵⁴. В роли руководителей небольших воинских отрядов выступали также тарханы и батрики²⁵⁵. Оба эти термина не местного происхождения: “тархан” (“свободный от налогов”) пришёл из Хазарии, а появление термина “батрик” обязано соседству с Грузией, с наличием христианских подданных Серира. Тарханы руководили, по всей вероятности, используемыми в составе серирского войска пленными и наёмниками²⁵⁶, а батрики отрядами из христианского населения.

Военно-служилая знать известна и по данным другого сочинения (X в.) “Худуд ал-алам”. В Хандане (в тексте он назван городом, но речь идёт, скорее всего, о Хайдаке) военно-служилая знать названа сипехсаларами (военачальниками)²⁵⁷.

Стремление феодальных правителей упрочить свою власть сопровождалось нередко центробежными тенденциями, оппозицией феодальной знати. Это приводило, при определённых обстоятельствах, к распаду государства, образованию мелких феодальных владений, с одной стороны, и союзов сельских общин, с другой. Или же возникновение мелких феодальных владений было этапом на пути превращения их впоследствии в союзы сельских общин. Уже приводилось относящееся к 1131 г. сообщение Абу Хаида ал-Гарнати о Табасаране: “Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится сарханг наподобие эмиру...”²⁵⁸. Рустаки вообще это группа деревень, объединённых под властью одного правителя. Очевидно, в данном случае речь идёт об уделах, независимых от центральной власти. Характерно, что владельцев этих рустаков называли сархангами, то есть военачальниками. Это наводит на мысль, что представители военно-служилой знати Табасарана возглавили вновь возникшие самостоятельные владения рустаки. В Лакзе также произошёл процесс распада единой территории, поэтому в источниках упоминается не малик (правитель), а малики (владельцы) отдельных мелких уделов, имеющие, в свою очередь, вассально зависи-

мых владельцев. В дальнейшем потеря политической власти этих маликов продолжалась и привела, в свою очередь, к возникновению союзов сельских общин.

Если о правящей верхушке, феодальной и военно-служилой знати мы и располагаем некоторыми сведениями, то данные о трудовых массах совершенно скудные. Во многих случаях на помощь приходят косвенные данные. Если мы говорим о развитии ремёсел в городах и селениях Дагестана, о металлообработке, о производстве тканей и одежды, об изготовлении военного снаряжения и орудий труда, о гончарстве, о строительстве крепостей, башен, мостов, домов, медресе, мечетей, то всё это — продукт неутомимой и квалифицированной деятельности простых ремесленников. Если же говорим об успехах земледелия, скотоводства, садоводства, о замечательном трудовом завоевании — террасном земледелии, то в основе всего этого лежит тяжёлый, изнурительный труд крестьянина.

В Дербенте, в объединениях, возглавляемых раисами, основную силу составляли ремесленники. В случае необходимости, торговый и ремесленный люд выступал в роли воинов. Поэтому торгово-ремесленные объединения представляли собой не только экономическую, политическую, но и внушительную военную силу, часть военной дружины города. Торговец и ремесленник становились одновременно и воинами. В этом и была особая сила ремесленных организаций²⁵⁹.

В Лакзе, помимо маликов и стоявших ступенькой ниже них хамашира, жили также в X–XII вв. категории населения, известные под названиями м.шак, акара, муххан. По всей вероятности, под термином муххан следует понимать ремесленника, сельского мастера, обеспечивавшего нужды сельскохозяйственного производства. Исследователи истории раннесредневековой Армении установили, что работник частновладельческих хозяйств, кем они ни были, свободным или зависимым общинником, издольщиком или рабом, обозначался термином “мшак”²⁶⁰. Очевидно, и в Лакзе техническое содержание этого термина было примерно таким же. Под этим термином подразумевались, можно полагать, и лица, не имевшие земли или лишившиеся её по ряду причин. Они систематически пополняли ряды деклассированных элементов города, конкретно — газиев Дербента. Акара — это определённая категория феодально-зависимого населения, а именно крестьяне-издольщики, получившие земли на основе издольной аренды, широко распространённой формой землепользования на Ближнем Востоке²⁶¹. В среде самих издольщиков было две категории: одна, хотя и получала в аренду земельные участки, располагала и своим собственным куском земли, а другая, совершенно лишённая средств производства, вынуждена была работать на чужой земле на арендных началах²⁶².

В “Истории Ширвана и Дербенда” сообщается о “домах акара и музари”. Здесь речь идёт, возможно, об издольщиках, с одной стороны, и крестьянах вообще, с другой²⁶³.

Основной слой крестьянства X начала первой половины XIII в. это юридически свободное крестьянство, владельцы мелких пахотных земель (мульков). В

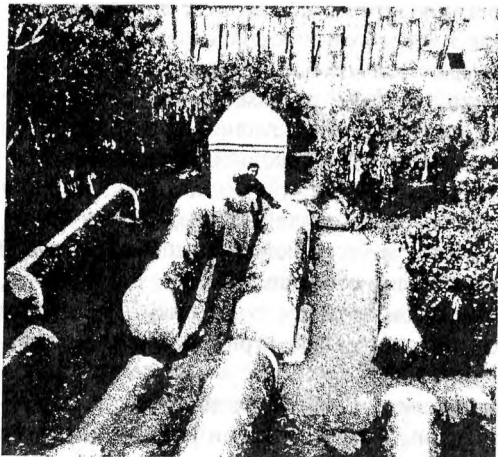

Рис. 86. Дербент. “Кырхляр” — кладбище “воителей за веру”

историческом сочинении “Тарих Дагестан” крестьяне обозначены термином раййаты. Это основное податное население. Категория раййатов была широко распространена на Ближнем Востоке, означала “подданных”, делилась на отличные друг от друга категории. Раййаты — это податное население вообще, как свободные общинники, общинная знать, так и члены зависимых общин, крестьяне-издольщики обеих категорий.

Институт рабства также был известен, хотя и не был основной производственных отно-

шений. Рабство было распространено в основном как домашнее, а в сфере торговли продажа рабов была одним из источников роста богатства. В X-XIII вв., в связи с ростом работорговли в странах Ближнего Востока, оживляется торговая деятельность и в Дагестане. Дербент превращается в один из главных транзитных центров работорговли на Восточном Кавказе. Внутренние районы Дагестана также были втянуты в эту торговлю. В X в. сюда “попадает много рабов из других земель, прилегающих к нему”, писал Ибн Хаукал о Дербенте²⁶⁴. Источник X в. прямо указывает, что в мусульманские страны попадали многочисленные рабы из областей алан и Серир²⁶⁵. Через Дербент попадали в мусульманские страны рабы из Хазарии, с Северного Кавказа, из Юго-Восточной Европы вообще.

В этой обстановке дагестанские правители усилили “погоню” за рабами. В Дербенте гази (“воители за веру”) “... охотились за людьми, а аристократия поддерживала своё положение, торгуя военной добычей и военнопленными”²⁶⁶. В 912 г. эмир Дербента и ширваншах во главе 10-тысячного отряда попали в плен на территории Шандана, а пленные были поделены “между людьми Шандана, Серира, и Хазарии”, причём шанданцы и хазары тут же продали свою “долю”²⁶⁷. В XI-XII вв. рабство продолжало играть немаловажную роль; в первой половине XIII в. мы наблюдаем даже усиление участия в работорговле. Серир экспортировал “рабов и очень красивых девушек-рабынь”²⁶⁸. Известно, что ещё раньше, в XII в. женой Низами Гянджеви была молодая кипчакская рабыня Афак. “Величаява обликом, прекрасная, разумная, прислал её мне владетель Дербента”, писал о ней великий азербайджанский поэт. Кипчаки, после их разгрома в 1223 г. монголами в северокавказских степях, продвинулись на юг, в том числе часть их в Южный Дагестан, где они были взяты в плен объединёнными силами ширванцев, лакзов и грузин и проданы в рабство на дербентском невольничьем рынке.

Количество пленных было так велико, что “кыпчагский раб (мамлюк) продавался в Дербент-Ширване по самой низкой цене”²⁶⁹. Социальное развитие Дагестана неразрывно было связано с различными формами эксплуатации феодально-зависимого населения, а тенденция феодальных правителей к укреплению своей власти, усилению эксплуатации, приобретению или же фактическому присвоению пастбищ и пахотных земель, ограничению прав членов свободной общины сталкивалась с постоянной борьбой зависимого или свободного населения за свои права как в экономической, так и в социальной сфере.

Основной формой эксплуатации феодально-зависимого крестьянского населения было взимание натуральной, продуктовой ренты.

Одна из форм натуральной ренты поземельный налог. В дагестанских источниках этот налог известен под термином харадж, широко распространённым в Арабском халифате. Как сообщает “Тарих Дагестан”, в Аварии в X-XI вв. правитель получал с подвластных ему земель харадж и джизью — подушную подать. Нуцал Аварии получал от зависимого населения “... деньгами по три серебряных дирхема с каждого дома или же стоимость трёх дирхемов золотом ежегодно; зерном по одному кайлу с каждого дома, из того, что преимущественно сеялось ежегодно; баранами с каждого, кто имеет стадо одного барана с каждой сотни ежегодно; крупным скотом со ста домов быка ежегодно; тканью с каждого, кто занимается торговлей две (штуки) шёлка и две (штуки) хлопчатобумажной ткани ежегодно; фруктами с каждого дома, кто сажал виноградник корзину винограда ежегодно... Всё упомянутое источники дохода...”²⁷⁰.

Как видно из приведённого отрывка, хараджем обложены почти все сферы хозяйственной деятельности населения. При разнообразном характере податных поступлений (денег, зерна, мелкого и крупного рогатого скота и т.д.), основным видом выступает натуральная рента, денежная же рента случайна и впоследствии не встречается. Имеется ещё несколько сообщений о форме взимания податей во внутренних районах Дагестана. В середине XI в. Дербент был обложен хараджем со стороны “гумикских неверных”, а ширваншах “собирал харадж с жителей Западного и Восточного Лакза”²⁷¹. О неразвитости денежной ренты, товарно-денежных отношений во внутренних районах Дагестана (предгорье, горы) свидетельствуют и редкие монетные находки здесь. Нумизматические материалы бесспорно указывают на развитость товарно-денежных отношений и именно в районе Дербента и, возможно, вообще в Приморском Дагестане, где проходила международная торговая трасса.

Ширван и Дербент в X в. попеременно осуществляли сбор налога с нефтяных источников и соляных промыслов. Впоследствии право на получение этого вида налога полностью переходит к Ширвану. Стремление получить феодальную ренту, вернее перераспределить её, лежит в основе столкновений в “верхах” между различными феодальными владениями.

Столкновение интересов феодалов Ширвана, Дербента, Хайдака, Серира и др. владений было обычным явлением. Во время конфликтов не только разрушали населённые пункты, но, главным образом, грабили имущество, забирали

скот, уводили пленных. Феодалы вступали в военно-политические союзы (хотя они и носили временный характер), направленные против других феодалских группировок.

Огромную роль в расширении сферы влияния власти феодалов играли различные формы внеэкономического принуждения. Особая роль принадлежит здесь институту коммандации. Дело в том, что феодализация шёл нередко в двух формах. С одной стороны, феодалы наделяли землёй определённые категории лиц за “службу” на различных условиях (временное условное держание, постоянное условное держание, безусловная передача и т.д.), а с другой же крестьяне, мелкие землевладельцы, отдельные сельскохозяйственные общины, иногда целые союзы общин шли под “покровительство” феодала. Коммандация — явление, широко распространённое в феодальном мире, известно оно было и на средневековом Кавказе. Институт покровительства сменялся обычно со временем отношениями зависимости и подчинения, и это сыграло немаловажную роль в расширении территорий с феодалнозависимым населением, в постепенном распространении феодальных порядков на земли, занятые союзами сельских общин.

Дальнейшее развитие феодальных отношений, попытки феодалов распространить свою власть встречали упорное сопротивление населения, вели к усилению классовой борьбы²⁷². Профессиональное сплочение ремесленников было вместе с тем важнейшей формой их социального сплочения. Встречающиеся в X—XII вв. ремесленные, торгово-ремесленные и торговые объединения Дербента — одна из форм защиты интересов городских ремесленников. На селе же одной из широко распространённых и эффективных форм защиты интересов крестьян был союз сельских общин. В усилении и укреплении этих союзов сельских общин, возникновении новых, в том числе и федерации этих союзов, выразились антифеодальные тенденции. Процесс образования крупных населённых пунктов также связан с этим процессом. Эти “скрытые” формы протеста сосуществовали вместе с открытой формой, активным выступлением народных масс.

Наиболее яркие примеры классовой борьбы даёт город Дербент, причём нередко действия горожан поддерживались сельскохозяйственной округой. Так, например, в середине X в., когда город был охвачен волнениями, “восстали крепости и деревни, принадлежавшие Дербенту”. Примерно в то же самое время жители города, защитники “пограничных областей” восстали против основателя династии Саларидов, Марзабана ибн Мухаммада, “осмелившегося” наложить на них подать. Восстание было подавлено. В 944 г. “люди ал-Баба восстали против своего эмира Ахмада, сына Абдалмалика ал-Хашими”, изгнали его и пригласили сына ширваншаха, который впоследствии также был изгнан. Власть в городе захватили раисы, арестовав при этом правителя. Это продолжалось недолго, и вскоре власть эмира была восстановлена. Крупные выступления городских низов, использованные раисами в своих интересах, нередко поддерживаемые земледельческой округой, имели место в 989-990, 1019, 1023, 1044, 1065 гг.

Анализ событий политической жизни X—XI вв. показывает, что в Дербенте

власть эмира была непрочной, эмиры и раисы попеременно перехватывали верховную власть друг у друга, нередко эмир оказывался лишь марионеткой в руках городской аристократии, которая лишь формально подчинялась эмиру. В этой борьбе обе группировки, то есть эмир со своими “борцами за веру” и раисы, искали себе союзников, поэтому первые находили опору у хайдакских правителей, вторые — в среде правителей Серира.

Источники сообщают также об “ожесточённых схватках”, после которых силой собирали подушную подать с жителей Восточного и Западного Лакза, а в 1064 г. “неверные” Гумика “напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и ограбили их имущество. Затем, наложив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой”. Во всех указанных выше случаях столкновения интересов различных группировок социальной верхушки. Исход борьбы зависел, в конечном счёте, от степени активности широких масс городского и сельского населения.

¹ Подробно: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Danlop D.M. The History of the Jewish Kazars. New-York, 1954; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962; Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. М., 1983; Фёдоров А.Я. . Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала. 1994.

² Обстоятельный обзор о последних днях Хазарии см.; Новосельцев А.П. Хазарское государство. С. 219-231.

³ Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX — X вв. // Изд. АН СССР Сер. ист. и филос. 1946. Т. 3. № 5. С. 461.

⁴ История народов северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 145.

⁵ Полное собрание летописей. М. -Л., 1950. Т. I. С. 47.

⁶ Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Сочинения. М., 1963. Т. II. С. 851.

⁷ Нет единого мнения о времени разрушения Семендера. Ряд исследователей относит захват Семендера и уничтожение хазарской государственности в 965 году, другие же, опираясь на сообщение арабского географа X в. Ибн Хаукаля и других авторов 358 / 968-9 г., высказывают мнение, “что Хазарское государство окончательно было ликвидировано в ходе бурных политических событий 50 — 60-х годов XI в.” (Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 231.)

⁸ Артамонов М.И. История хазар. С. 433-436.

⁹ Аликберов А.К. “Райхан ал-хакаи ва бустан ад-дакаи” Мухаммада ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии. Автореф. канд. дисс. Санкт-Петербург. 1991. С. 7.

¹⁰ Пахомов Е.А. О дербентском княжестве XII — XIII вв. Баку, 1930. С. 3-4.

¹¹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарната в Восточную и Центральную Европу. Публикация О.Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971; Пахомов Е.А. Указ. соч. С. 4.

¹² Пахомов Е.А. Указ. соч. С. 5.

¹³ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 97.

¹⁴ Пахомов Е.А. Указ. соч. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 6 — 7.

¹⁶ Hudud al-alam. The Regions of the world. A Persian geography. 372 A. H. — 982 A. D. translated by V. Minorsky. London, 1937. P. 147; Бартольд В.В. Дагестан // Сочинения.

М., 1965. Т. III; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 123-124.

¹⁷ Minorsky V. The Khazars and Turks in the Akam al-Marjan // BOSOS. Vol. IX. Part I. P. 145

¹⁸ Macoudi. Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris. Т. II. P. 42; Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203-204.

¹⁹ Бредэ К.А. Отчёт о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме // Рук. фонд. Института ИЯЛ. Д. 2412. Л. I -16, 8.

²⁰ Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI — XI вв. (Сарир) // Исторические записки. 1963. Вып. 63. С. 254.

²¹ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203.

²² Там же. С. 220. В тексте написано Адмик, но издатель (де Гье) расшифровал как Гумик

²³ Там же.

²⁴ Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 34. Точно также не убедительно высказываемое в периодической печати мнение о том, что Серир располагался в бассейне Казикумухского Койсу. Это мнение подверглось справедливой критике. (см.: Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 61.). Мнение грузинского автора XVIII в. Вахушти Багратиони о том, что кахетинский царь Квирик Великий (1010 — 1039) подчинил мачинскому эмирату земли, принадлежавшие Шаки и Хунзаху, также не подтверждается фактическими данными (см.: Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 65.).

²⁵ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203 — 204.

²⁶ Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Djabir al-Beladsori, ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum 1866. С. 196-196. (в дальн. — Beladsori).

²⁷ Попытка прочитать этот термин как “Ихран Аваран шах” (Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 39) лишь вариант трактовки, а не убедительное решение вопроса. По мнению В.Ф. Минорского (указ. соч. С. 134), можно привлечь сведения других авторов (Ибн Русте, Шарафаддин Йезди) и предложить чтения Ахриз-ан или Аухарзан. “После этого становится правдоподобным, что Владетель трона был шахом “людей из Аухар”. Наиболее убедительно, на наш взгляд, мнение М.С. Гаджиева о том, что “вахрар заншах” это иранское “царь вепрей”, исходя из изображений на калате, которым ширваншах одаривал местных правителей.

²⁸ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. 1957.

²⁹ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203 — 204. Примерный маршрут при переложении на современную карту: Низовья Волги — Эндирей— Салатовское нагорье бассейна Андийского Койсу — Аргвани — Агали—Тануси—Хунзах (Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 45.)

³⁰ Туманский А.Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских // Зап. Восточного отделения Русск. Геогр. общ. IX (1896), 1897. В “Худуд ал-алам” (5): “ X. идан это резиденция сипахсаларов Серира”.

³¹ Jacuts Geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig. Т. III. С. 222. Авторы, переведшие этот текст Йакута, таким образом переводили отрывок о Серире: “Она (Арминийя) имеет восемнадцать тысяч селений. Арран первое царство в Арминийе. В нём (Арране) четыре тысячи селений, большинство из которых принадлежит Сахиб ас-Сериру”. Отсюда делается вывод о том, что Сериру в X в. принадлежала большая часть Аррана. Это было бы тем более непонятным при отсутствии сведений о зависимости от Серира земель Лакса и Ширвана, лежащих между Арраном и Сериром.

³² Миклухо -Маклай Н.Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Учёные записки Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1954. Т. X. С. 205 — 206.

³³ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 46, 54, 77, 204.

³⁴ Там же. С. 213.

³⁵ Hdud al-alam, 448; Минорский. Указ. соч. С. 204.

³⁶ Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области . Тифлис , 1869. С. 29.

³⁷ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979. С. 25.; Г.В. Цулая указывает, что Леонтий Мровели, “имея смутные представления об истории Кавказа до “прихода Александра” ... переместил это событие в доэллинистическую эпоху” (С. 51). Поэтому неубедительны попытки отнести время возникновения Хунзаха в IV в. до н.э. Только археологические исследования могут внести окончательную ясность в этот вопрос.

³⁸ Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI — XI вв. (Серир). С. 265. Как утверждает Т.М. Айтберов, “ в пределах конца XI — начала XII вв. в Сулакском бассейне и на прилегающих землях была создана конфедерация мелких мусульманских княжеств — эмиратов, одним из которых был Хунзахский эмират, а центром конфедерации было выбрано селение Кумух (Айтберов. Указ. соч. С. 73.).

³⁹ D’Ohsson. Les Peuples du Caucase. Paris, 1828; Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 126 - 127, прим. 55; Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала , 1991. С. 40. (по мнению Р.М. Магомедова, под Джиданом следует понимать Нижний Кайтаг, т. е. часть Кайтага),

⁴⁰ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 220.

⁴¹ В тексте: хандакан-шах.

⁴² Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 220.

⁴³ Там же. С. 218; Айтберов Т.М. Центральная часть Восточного Дагестана в эпоху средневековья // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 26-27.

⁴⁴ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 66.

⁴⁵ Там же. С. 192.

⁴⁶ Там же. С. 79.

⁴⁷ Там же. С. 103.

⁴⁸ Магомедов Р.М. История Дагестана . Махачкала. 1991. С. 40.

⁴⁹ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895. С. 300-305.

⁵⁰ Исаев А.А. Из истории освободительного движения в средневековом Кайтаге // Освободительные движения в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 49. Употребляются обе формы. УрчIамил и ИрчIамул.

⁵¹ История Каракайтга. Пер. и ком. Т. М. Айтберова и А. Р. Шихсаидова // Айтберов, Т.М. Оразаев Г. М-Р., Шихсаидов А.Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 155.

⁵² Местное население: Жалагъи

⁵³ Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника “Тарих Дагестан” Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока. 1972. М., 1977. С. 108; Мнение о том , что Каракорейш создан кайтагскими газиями, “воюя с языческим Зирихгераном” (Магомедов Р.М., История Дагестана. Махачкала, 1991. С. 40) документально не подтверждено.

⁵⁴ Гасан -Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Пер. и ком. А. Гасанова. Махачкала. 1929. С. 25.

⁵⁵ Дебиоров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966, С. 17-57; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X — XVII вв. М., 1984. С. 138-146.

⁵⁶ Башкиров А.С. Средневековый памятник аула Калакорейш. М., 1926. С. 53-63; Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 53, 57; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Т. I. С. 274; Маммаев М.М. Изучение памятников декоративно-прикладного искусства в 1976 -77 гг. // Материалы сессии, посв. итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976 -77 гг. Махачкала, 1978; Алиев Б.Г., Шихсаидов А.Р. Калакорейш древняя столица Кайтага // “Дружба” 1973. № 3. (на дарг. яз.).

- ³⁷ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 220.
- ³⁸ Лавров Л.И. Указ. соч. С. 193.
- ³⁹ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 129.
- ⁴⁰ Читай; акъуши, шахъар, хайдакъул.
- ⁴¹ Читай: акъушали, акъуш, цӀедехӀ (Алиев Б. Материалы по истории даргинцев. Рук. фонд Института ИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. С. 68.
- ⁴² Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси. 1963. С. 1; Магомедов Р.М. также приводит название “семи небольших окрестных сёл, развалины которых сохранились к моменту моего посещения, т.е. к 1960 г. (см.: Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала , 1979. Вып. II . С. 241.
- ⁴³ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 82 — 87.
- ⁴⁴ Магомедов А.А. Указ. соч. С.1.
- ⁴⁵ Маммаев М.М. К вопросу о происхождении названия “Кубачи” и этимология самоназвания кубачинцев “угъбуг” (в печати); Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Ленинград, 1939 (Орбели И.А. Избранные труды, Ереван, 1953), С. 304;
- ⁴⁶ Магомедов А.А. Указ. соч. С. 12.
- ⁴⁷ Шихсаидов А.Р. Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987. С. 108.
- ⁴⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу, Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 50.
- ⁴⁹ Это мнение выдвинуто К.Ш. Микаиловым.
- ⁵⁰ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949.
- ⁵¹ Магомедов А.А. Указ. соч. С, 12-13.
- ⁵² Минорский В.Ф. Указ. соч. С.203.
- ⁵³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 50.
- ⁵⁴ Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwinis Kosmographie. Zweite Theil. Die Denkmaler der Lnder, hrsg. von F. Wstenfeld. Gttingen, 1848. С. 399. (араб. яз.).
- ⁵⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 50.
- ⁵⁶ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 48, 65, 66, 72, 140.
- ⁵⁷ Там же. С. 48.
- ⁵⁸ Там же. С. 140.
- ⁵⁹ Алиев Б.Г. Акуша Дарго в XVIII — XIX вв. Автор. канд. дисс. Махачкала, 1966. С. 6.
- ⁶⁰ Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- ⁶¹ Айтберов Т.М. Центральная часть Восточного Дагестана в VII — XIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 34.
- ⁶² Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 139.
- ⁶³ Сводка этих сообщений см.: Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 36-37. Мнение об отождествлении топонимов Шандан и Чандар (через этноним джандар) не убедительно.
- ⁶⁴ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII -XIX вв. Махачкала, 1972. С. 21.
- ⁶⁵ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII -XIX вв. автореф. канд. дисс. С. 6.
- ⁶⁶ Балазури. Футух ал-булдан. С. 196. (араб.яз.); Якуби. История. Текст и перевод. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку , 1927.С. 3. (араб. яз.), 5 (рус. пер.). Баладзори. Книга завоевания стран. С. 5 (араб яз.), 13(рус. яз.)
- ⁶⁷ BGA, V, 287,298.
- ⁶⁸ По другим спискам — Джилан.
- ⁶⁹ BGA, VI, 124.
- ⁷⁰ Jacut, I, 438.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана. С. 79-81.
- ⁷³ Jacut, III, 933.
- ⁷⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 26.
- ⁷⁵ Ср. со сведениями, относящимся к 1727 г.: “Акуша, уезд... свой особый язык, который ни с каким сходства не имеет” (История, география и этнография Дагестана XVIII -XIX вв. М., 1958.С. 101.
- ⁷⁶ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 84 -85.
- ⁷⁷ Al-masalek wal mamalek by Istakhry, re-edited by Muhammed Jabir Abd el Hini. Cairo.1961.С.115 (араб. яз.); BGA, I, 186. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 86-87.
- ⁷⁸ Что касается двух названий (Филан и Шандан), применявшихся попеременно к одной и той же политической единице, то это может быть объяснено, скорее всего, существованием на этой территории носителей двух самостоятельных диалектов одного языка.
- ⁷⁹ Al-Masalek wal mamalek by Istakhry С. 115 (араб.яз.) VA I, 186.
- ⁸⁰ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 26.
- ⁸¹ Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М., Л. 1941.С. 108.
- ⁸² Услар П.К. Этнография Кавказа Т. V. Хюркилинский язык. Тифлис. 1892.
- ⁸³ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203.
- ⁸⁴ Там же. С. 130-131.
- ⁸⁵ Там же. С. 130.
- ⁸⁶ Там же. С. 66.
- ⁸⁷ Там же. С. 49.
- ⁸⁸ Там же. С. 46 — 51, 66 — 69, 73, 124 — 125.
- ⁸⁹ Там же. С. 57.
- ⁹⁰ Там же. С. 126.
- ⁹¹ Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati edite par G. Ferrand. Paris, 1925 (JA, V, CC VII) 82-83 (араб. яз.). По списку, изданному Б.А. Дорном, указано 24000 селений (МА, VI, 699); Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 49; Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 102-105. В этой связи представляет интерес мнение проф. Р.М. Гасанова о том, что “в XI — XII вв. границы табасаранского владения и этнические границы собственно табасаран не совпадали” и что “в эпоху татаро-монгольского завоевания Табасаран сохранил самостоятельность и представлял собой довольно значительное феодальное владение” (Гасанов М.Р. Указ. соч. С. 94, 95.)
- ⁹² Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана, СПб, 1914, С. 30; Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., Т. I. С. 131; Гасанов М.Р. Указ. соч. С. 103.
- ⁹³ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203; Masoudi, II, 40-41.
- ⁹⁴ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Т. I. С. 181; Ахмедов Ш.М. К вопросу о распространении ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Махачкала . 1975. Вып. III. С. 121.
- ⁹⁵ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 202 (BVA, VI, 147).
- ⁹⁶ Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Предисловие и указатели В.М. Бейлиса. М., 1973. С. 177. (прилож.) 40.
- ⁹⁷ Бейлис В.М. Из наблюдений над текстом Масуда ибн Намдара // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1970. М., 1974. С. 9.
- ⁹⁸ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 102 -105; Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI — XVI вв.) Баку, 1983. С. 119.
- ⁹⁹ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 96-97; Ашурбейли С. Указ. соч. С. 120
- ¹⁰⁰ Ашурбейли С. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Масуд ибн Намдар. Сборник. С. 40 (Предисловие В.М. Бейлиса); Ашурбейли. Указ. соч. С. 123.

- ¹²³ Jacut's Geographisches Wörterbuch. 1866. Т. I, 43; IV 364. Вариант чтения: "страна табасараншаха".
- ¹²⁴ BGA, I, 192; СМОМПК, вып. 29. С. 31.
- ¹²⁵ Masoudi, II, 5-6; Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 191.
- ¹²⁶ BGA, I, 192.
- ¹²⁷ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 112.
- ¹²⁸ Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X — XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 66-67.
- ¹²⁹ Балазури. Футух ал-булдан. С. 215 (араб.яз.); Баладзори. Книга завоеваний стран. С. 12-13 (араб.яз.), 18 (русск. пер.). См. также: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 64 (о границах Маската в начале IX в.).
- ¹³⁰ Там же. С. 64, 108, 191.
- ¹³¹ Ашурбейли С. Указ. соч. С. 120, 121.
- ¹³² Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. С. 179; Minorsky V. et Cahen Cl. Le Resuel Transcaucasien de Masud b. Namdar // Journal Asiatique. J.A. CCXXX VII, 1949 № I.C. 132-133 (араб.яз.) 140-142 (франц. пер.).
- ¹³³ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 63.
- ¹³⁴ Jacut, I, 438.
- ¹³⁵ Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // Учёные записки ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 288; Османов М.О. Хозяйство даргинцев в XIX -XX вв. // Рук. фонд Института ИАЭ, ф. 3. оп 3. Д. 184; Асиятилов С. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в 19 начале 20 вв. // Учёные записки ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 16. С. 3-4.
- ¹³⁶ Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 216-220; Артамонов М.И. Отчёт о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937-1938 гг. // Рук. фонд. Института ИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33; Канивец В.И. Археологические исследования в Дагестане в 1955г. // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1956. Т. I. С. 216; Котович В.Г. О хозяйстве населения Дагестана в древности. // Советская археология, 1965, № 3; Абакаров А.И. Топография раннесредневековых городищ горного Дагестана. // Материалы сессии, посвящённой итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973-1975 гг. Тезисы докладов. Махачкала, 1976. С. 7-9; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983; Он же. Оборонительные сооружения Дагестана // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. Махачкала, 1975. С. 97-106.
- ¹³⁷ Котович В.Г. Указ. соч. С. 288 ("широкое распространение террасного земледелия произошло, очевидно, в средневековую эпоху", во второй половине I-го первые века II-го тысячелетия н.э.); Он же. О хозяйстве населения Дагестана в древности. // Советская археология, 1965, № 3; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1961. С. 20. (Османов М.О.: "подлинный расцвет террасного земледелия приходится на эпоху существования родственных соседствующих посёлков, т.е. на I тысячелетие н.э. С этого времени и вплоть до XVI в. террасное земледелие развивалось по восходящей линии"); Османов М.О. Хозяйство даргинцев. С. 12-15.
- ¹³⁸ Османов М.О. Хозяйство даргинцев.
- ¹³⁹ Османов М.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана. М., 1990. С. 47.
- ¹⁴⁰ Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве. С. 288.
- ¹⁴¹ Dom V. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder aus morgenländischen Quellen. V — Geographica Caucasia, 471-505. (Ср. BGA, I, 184.).
- ¹⁴² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 46, 52, 53, 62, 74, 75.
- ¹⁴³ Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указаниями В. Бартольда. Л.,

1930. С. 31; Hudud al-alam.

¹⁴⁴ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 87.

¹⁴⁵ Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу -Али-Ахмеда бен Омара Ибн Даста. В первый раз издал, перевёл и объяснил. Д.А. Хвольсон. СПб. 1869. С. 62 (араб.яз.). В русском переводе: 4000 виноградных кустов"; Viae regnorum. Descriptio Ditionis moslemicae auctore Abu Ishaq al-Farisi al-Istakhry. Ed. M.J. de Goeje. BGA, I. Lugduni Batavorum, С. 219. (араб.яз.).

¹⁴⁶ Jacut, III, 193/

¹⁴⁷ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 87.

¹⁴⁸ Opus geographicum auctore Ibn Naucaal ed. G. H. Kramers. BGA, II. Editio secunda. Lugduni Batavorum, 1939. С. 393 (араб.яз.)

¹⁴⁹ В последнее время предложена следующая классификация форм скотоводства Дагестана: стационарные формы, подвижные (отгонные), кочевые (Османов М.-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана. С. 237-240).

¹⁵⁰ Османов М.-З. О. Указ. соч. С. 47.

¹⁵¹ Миклухо-Маклай Н.Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Учёные записки Института востоковедения АН СССР, М.-Л., 1954. Т. IX. С. 106.

¹⁵² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 26.

¹⁵³ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 134.

¹⁵⁴ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 203.

¹⁵⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 50.

¹⁵⁶ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. Махачкала, 1975. С. 48.

¹⁵⁷ Орбели И.Л. Временная выставка сасанидских древностей. М., 1922. С. 14. : Орбели И.О., Тревер К.В. Сасанидский металл. М.-Л., 1949. С. XV -XVI; Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы. // Избранные труды. Ереван, 1963. С. 347-361; Гюзальян Л.Т. О дагестанских кубачинских котлах открытого типа // Тезисы докл. научной сессии, посв. итогам работ Гос. Эрмитажа за 1961. Л., 1962 ; Иванов А.А., Кубачинский котёл XIV в. // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1977. Вып. XVII.

¹⁵⁸ Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969. С. 40. Он же. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 428.

¹⁵⁹ Каталог международной выставки мастеров иранского искусства и архитектуры. Л., 1935. С. 428-432; Mayer I.A. Islamic Metallworkers and their works. Geneva, 1959, p.24; Scerrato U. Oggetti metallici de eta islamica in Afhanistan // Annali. Nove serie. V. XIV. Napoli. 1964. Tav. XX-XVII. Fig. 56.57.

¹⁶⁰ Каталог международной выставки. С. 428-429.

¹⁶¹ Дебиров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966; Любимова Г.Н. Культурные постройки агульских селений Дагестана. // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1961. № 3.

¹⁶² Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X — XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение Л.И. Лаврова. М., 1966. С. 62, 82; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 420-421.

¹⁶³ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С.107.

¹⁶⁴ Шихсаидов А.Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 213.

¹⁶⁵ Jacut, I, 438.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Подводные археологические исследования древнего порта Дербента // Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических

исследований в Дагестане. Махачкала, 1988. С. 77-80.

¹⁶⁸ BGA, I, 184.

¹⁶⁹ Ibn Naucal (ed. Kramers). С. 339.

¹⁷⁰ Подробно см.: *Кудрявцев А.А.*. Развитие торговли в Дагестане в VI -первой половине XIII вв. // Ближний и Средний Восток. Торгово-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 12; Он же. Феодальный Дербент. М., 1993. С. 108-134.

¹⁷¹ KGA, I, 184; СМОМПК. Вып. 29. С. 11.

¹⁷² Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben Djarir ben Jesid at-Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Balami... par M.H. Zotenberg. Paris, T. III, 494.

¹⁷³ Dorn B. Beitrage... IV. — Tabary's Nachrichten über die Chazaren. S. 454.

¹⁷⁴ О прядении и ткачестве в раннесредневековом Дагестане см.: *Маммаев М.М.*. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Рук. канд. дисс. Махачкала, 1969. С. 15.

¹⁷⁵ Ibn Naucal (Kramers) С. 393 (араб. яз.)

¹⁷⁶ BGA, I, 184. (ал-Истахри).

¹⁷⁷ BGA, I, 192.

¹⁷⁸ Sprenger A. Die Post -und Reiserouten des Orients. 2 Abh. der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. 1864. В, III, № 3; *Бунятов З.М.* Азербайджан в VII -IX вв. Баку. 1955. С. 166-170.

¹⁷⁹ BGA, I, 219, 226 (араб. яз.).

¹⁸⁰ Ibn Naucal (Kramers), 389.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² BGA, I, 217-219 (араб. яз.).

¹⁸³ BGA, I, 226 (араб. яз.).

¹⁸⁴ BGA, I, 222 (ал-Истахри).

¹⁸⁵ Ibn Naucal (Kramers), 389.

¹⁸⁶ BGA, I, 219 (араб. яз.).

¹⁸⁷ Ibn Naucal (Kramers) 393. (араб. яз.).

¹⁸⁸ Там же. 184, 347. (араб. яз.).

¹⁸⁹ Jacut, I, 236 (со ссылкой на ал-Истахри араб. яз.).

¹⁹⁰ *Кудрявцев А.А.*. Феодальный Дербент. М., 1993. С. 191, 200; *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X — XIV вв. Махачкала, 1975. С. 121-127.

¹⁹¹ *Кудрявцев А.А.* Металлообрабатывающее производство средневекового Дагестана (VI середина XIII в.) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 102 -107, 117.

¹⁹² *Кудрявцев А.А.* Феодальный Дербент. С.95-97, 123-134,146-152.

¹⁹³ Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. ч. I. С. 59.

¹⁹⁴ Там же. С. 65.

¹⁹⁵ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 31.

¹⁹⁶ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 66; *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 32.

¹⁹⁷ *Пахомов Е.А.* Пехлевийские надписи Дербента. Баку, 1929. С. 2.

¹⁹⁸ *Лавров Л.И.* Указ. соч. С, 74, 108.

¹⁹⁹ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 70, 75.

²⁰⁰ *Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.К.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 51.

²⁰¹ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С.163.

²⁰² *Саидов М.-С.* Творчество дербентского учёного XI в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса б. ал-Фараджа ад-Дербенди // Рук. фонд Института ИАЭ. Ф. 3. Оп. I. Д. 94. Л. 5-7; Эта статья уже опубликована см.: Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала. 1991. С. 24-47.

²⁰³ *Шихсаидов А.Р.* Средневековый город Дагестана. С. 234.

²⁰⁴ Марко Поло. Путешествие / Пер. И.П. Минаева. Л., 1940. С. 19. Здесь речь идет не только о Дербенте, а о Восточном Кавказе в целом (Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. С. 167).

²⁰⁵ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 179.

²⁰⁶ *Агаширинова С.С.* Поселения лезгин в XIX — начале XX вв. // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1959. С. 235; *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960; *Османов М.О.* Поселения даргинцев в XIX — XX вв. // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. X; *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 67-107; *Асиятилов С.* Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX — нач. XX вв. // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. 16; *Булатова А.* Лакцы. Махачкала, 1971. С. 84-95; *Маришаев Р., Бутаев Б.* История лакцев. Махачкала, 1991. С. 37-47.

²⁰⁷ *Османов М.* -З. Поселения даргинцев в XIX -XX вв. С. 223. (" I) родовые посёлки, 2) территориально-родовые ("ши") и 3) чисто территориальные ("маши")... первый тип... существовал, по всей вероятности, примерно до XI — XIV вв."]; *Исламмагомедов А.* Поселения аварцев в XIX -XX вв. С. 163 (тухумное, территориально-тухумное, территориальное. В XI -XIV вв. образуются крупные аулы на базе "разложения патриархально-родовых отношений"); *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. С. 83-84 ("ши" это более раннее поселение, оно образовалось повсеместно в XI -XIV вв. и являет собой этап перехода от родовых поселений через территориально-родовые к территориальным"); Материальная культура аварцев. С. 12, 121 ("Основной тип "росо" исторически подразделяется на два подтипа тухумное и территориально-тухумное". Последние образовались к XIV в. на базе слияния первых и впоследствии эволюционировали в чисто территориальные поселения); *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X -XIV вв. С. 97-108.

²⁰⁸ Масoudi, II, 42.

²⁰⁹ Использованы отчёты и статьи М.И. Артамонова, М.И. Пикуль, В.Г. Котовича, В.И. Канивца, М.Г. Гаджиева, А.И. Абакарова, Р.Г. Магомедова.

²¹⁰ *Шихсаидов А.Р.* Дагестан а X — XIV вв. С. 103.

²¹¹ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII -начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 50-51; *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 220-221.

²¹² *Котович В.Г.* Археологические работы в Горном Дагестане // Материалы археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II. С. 56.

²¹³ *Артамонов М.И.* Отчёт о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937-1938 гг. // Рук. фонд. Института ИЯЛ, Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 34-37.

²¹⁴ Полевой материал, собранный совместно с Ш.М. Ахмедовым.

²¹⁵ *Исламмагомедов А.И.* Поселения аварцев. С. 164; *Гаджиева С. Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. С. 86; Материальная культура аварцев. С. 115, 116; *Булатова А.Г.* Лакцы. С. 89.

²¹⁶ *Комаров А.* Список населённых мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 9.

²¹⁷ Полевая запись. 1971 г.

²¹⁸ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 5; *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодализма в России. М., 1965. С. 14. О синтезе и процессе феодализации см.: *Удальцова З.В., Гутнова Е.В.* Генезис феодализма в странах Европы / Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970. С. 5; О синтезе в Дагестане см.: *Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 6; *Агларов М.А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности аварцев (до XX в.) // "Учёные записки Института

ИЯЛ” Т. 13. Серия историческая. Махачкала, 1964. С. 187-189. Он же. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX вв. М., 1988. С. 22-23 (“сила сельских общин, а не слабость зарождающегося или раннего феодализма — действительная причина своеобразия феодализма в Дагестане”).

²¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 337.

²²⁰ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 114-115; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. С. 35-37; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. С. 61-84; История Дагестана. Т. I. С. 194.

²²¹ Обстоятельный разбор значения этого термина дан Ш.М. Ахмедовым. См.: Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. С. 19-24.

²²² BGA, VII, 147; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 219.

²²³ Jасut, I, 438.

²²⁴ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 17. (араб. текст), 47, 53, 57, 62, 64, 126, 157-158; Шихсаидов А.Р. Мульк в Дагестане в X — XIV вв. // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979. С. 161-162.

²²⁵ Новосельцев А.П., Пашуто В.Г. Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 161-162.

²²⁶ Шихаб ад-Дин Мухаммед ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. Баку, 1973. С. 221.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Якут сообщает о 4 000 “садах винограда” (Jасut, III, 143). Известия о Хазарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Русах Абу Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. В первый раз издал, перевёл и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб, 1869. С. 62.

²²⁹ BGA, I, 222.

²³⁰ Szawinils Kosmographie, II С. 405; Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941. С. 96.

²³¹ При описании социальных отношений в Дагестане в X — первой половине XIII вв. использованы прежде всего упомянутые выше исследования В.Ф. Минорского, Р.М. Магомедова, Ш.М. Ахмедова, А.Р. Шихсаидова, коллективные обобщающие работы “Очерки истории Дагестана”. Т. I. (Махачкала, 1957), “История Дагестана”, Т. I. (М., 1967.); Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. М., 1993.

²³² Роль “гази” в политической и социальной жизни Дербента хорошо прослежена Ш.М. Ахмедовым. Об эмирах Дербента: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 162-163; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 44-48.

²³³ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда”. С. 163.

²³⁴ Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 48.

²³⁵ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 57.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 50.

²³⁸ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 57.

²³⁹ Там же. С. 6, 71-77.

²⁴⁰ Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. С. 4-5; Аракелян Б.Н. Развитие ремесла и торгового производства в Армении в IX — XII вв. // Советская археология. 1956. Т. X. XVI. С. 120-121, 146; Ахмедов Г.М. Средневековый Байлакан. Баку, 1979 (на азерб. яз.). С. 52-65; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 164; Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха IX — XVII века. Баку, 1981. С. 70; Ашуурбейли С.Б., Государство Ширваншахов. Баку, 1983. С. 208.

²⁴¹ Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. С. 253-254.

²⁴² Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. С.4-5; Аракелян Б.Н. Развитие ремесла и торгового производства в IX — XIII вв. С. 120-121.

²⁴³ Саидов М.-С. Творчество дербентского учёного XI в Абу Бакра Мухаммада б. ал-Фарадж ад-Дербенди // Рук. фонд ИАЭ Ф.З. Оп. I. Д.94.Л. 5-7.; Аликберов А.К. Суфийская энциклопедия эпохи великих Сельджукидов. Махачкала, 1993. С. 42 (рук.).

²⁴⁴ Это мнение высказал А.К. Аликберов

²⁴⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С.106-108, 166-167.

²⁴⁶ Возможно, это титул правителя, он встречается в 916 и 943 гг.

²⁴⁷ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 75, 76.

²⁴⁸ Там же. С. 65, 70, 77, 136, 202-203, 320.

²⁴⁹ Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника “Тарих Дагестан” Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока. 1972. М., 1977. С. 104-105, 108, 110-111; Айтберов Т.М. Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии (VIII -XIX вв..) // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 147-149.

²⁵⁰ Jасut, I, 438.

²⁵¹ Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С.62.

²⁵² Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв.. С. 116.

²⁵³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С.216; BGA, VII, 147.

²⁵⁴ Там же. С. 9 (араб. текст),

²⁵⁵ Там же. С. 73; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С.68.

²⁵⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С.73.

²⁵⁷ Hudud al-alam, 161.

²⁵⁸ Al-Garnati, 82-83; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. С. 49(здесь слово сарханг переведено словом “военачальник”).

²⁵⁹ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. С. 125-126.

²⁶⁰ Еремян С.Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении // Вестник древней истории. 1951, №1. С. 25.

²⁶¹ Якубовский А.Ю. Об испольных арендах в Иране в VIII в. // “Советское востоковедение”. IV, 1947; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С.56-58, 62-64.

²⁶² Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 58.

²⁶³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С.157; Якубовский А.Ю. Об испольных арендах. С. 183.

²⁶⁴ BGA, II, 339.

²⁶⁵ Худуд ал -алам. С. 31; Hudud al-alam, 161.

²⁶⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 168.

²⁶⁷ Там же. С. 47.

²⁶⁸ Миклухо-Маклай Н.Д. Географическое сочинение XIII в. С. 200.

²⁶⁹ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 146-148; Ibn al-Athir, XII, 226-227.

²⁷⁰ Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника. “Тарих Дагестан” Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1972. М., 1977. С. 105.

²⁷¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С.63, 74.

²⁷² О классовой борьбе в X — XII вв. см.: Минорский В.Ф. Русь в Закавказье // Аста orientalia, 1953. С. 207-210; Он же История Ширвана и Дербенда. С. 52-57, 68-69, 100. 152; История Дагестана. Т. I. С. 145-146; Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 52-74;

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ В XIII-XV ВВ.

I. Первый поход монголов на Кавказ

В начале XIII в. в Центральной Азии произошли события, наложившие глубокий отпечаток на судьбы народов и цивилизаций Азии и Европы, на историю и культуру, на социальное и экономическое развитие этих народов — образовалось централизованное монгольское государство, а затем в итоге завоевательных войн — огромная Монгольская империя.

Формирование монгольского государства в начале XIII в. содействовало росту производительных сил и укреплению внутреннего единства монгольского народа и привело бы, в конечном счете, к значительному экономическому и культурному подъёму страны. «Однако завоевательская политика монгольских феодалов, превративших народ в воинов, а страну в военный лагерь, помешала этому. Завоевательные походы Чингисхана и его преемников против народа Дальнего Востока, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Восточной Европы и других стран не только надолго затормозили развитие этих стран, но и привели к задержке подъёма производительных сил и культуры самой Монголии, не принесли монгольскому народу ничего, кроме страданий»¹.

Грабительские войны, политика завоевания чужих земель, авантюризм Чингизидов обернулись трагедией для самой Монголии, развитие которой задерживалось на долгие века. Монгольская степная аристократия во главе с Чингисханом «... вместо того, чтобы сознательные силы, вызванные к жизни новым общественным строем феодализмом, направлять на развитие и укрепление только что созданного единого монгольского государства, растрачивали их на нужды, чуждые интересам монгольского народа, мобилизовали их на осуществление идеи чингизидов о господстве над всем миром»². В отечественной исторической науке справедливо отмечалось, что внешние завоевания, организованные феодализующейся верхушкой, ставили целью не только захват новых земель и военной добычи, но также затушёвывание и ослабление зародившихся в монгольском обществе социальных противоречий³.

Монгольские завоевания вошли в мировую историю как страшная, трагическая эпоха народов. Гибель городов и селений, памятников культуры, падение сельского хозяйства и ремесленного производства, запустение полей, наруше-

ние сложившихся веками торговых связей, истребление мирного населения основных производителей материальных благ эту катастрофу испытали все страны, по которым прошли завоеватели. Известный армянский историк XIII в. Киракос Гандзакци. очевидец событий, писал в своей «Истории Армении» о последствиях пребывания монгольских войск в Закавказье: «И можно было видеть, как меч беспощадно рубил мужчин и женщин, юношей и детей, стариков и старух... Страна вся была полна трупами умерших, в страхе перед нечестивцами никто не осмеливался оплакивать павших. Церковь облачалась в траур... Разграблены были имущество и богатства»⁴. Монгольские завоевания, сопровождавшиеся разрушениями и уничтожением людских ресурсов, привели к регрессу производительных сил, задержке и деградации общественного развития, отклонили многие страны от прогрессивного формационного развития, нарушили процесс закономерного развития экономики и разрушили исторически сложившиеся соотношения различных видов хозяйственной деятельности населения. Тем самым на долгие годы был предопределён регресс в развитии общества. Успехи монгольских отрядов были ошеломляющими, наводили ужас на местное население, но тем не менее во всех завоёванных странах не утихла освободительная борьба, обычно стихийная, неорганизованная.

Страшная лавина монгольского нашествия обрушилась на страны к западу от собственно Монголии. В течение 1219-1221 гг. монголы покорили Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Восточный Иран (Хорасан). Мобильная и хорошо вооружённая монгольская армия, объединённая жаждой наживы и железной дисциплиной, вихрем прошла по чужим землям, сея всюду страх и ужас. К. Маркс писал: «Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети все летит к чёрту»⁵.

Опустошив земли государства Хорезмшахов, а затем и Северного Ирака в 1220 г., монгольская армия под руководством Джэбэ и Субэдея ворвались в Закавказье, захватив Нахичевань, Серав, Ардебиль, Байлакан, Гянджу, Шемаху, разорили Грузию. Далее монгольские войска выступили в сторону Дербента. Известный историк Рашидаддин (1247-1318 гг.) в своём «Собрании летописей» оставил подробное описание этого рейда: «Так как пройти через Дербент было невозможно, они послали ширваншаху сказать: «Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир». Он прислал 10 человек из вельмож (акабир) своего народа: (одного) из них (монголы) убили, а другим сказали: «Если вы покажите нам путь через Дербент, мы вас поощрим, в противном случае мы вас убьём!» Они от страха за свою жизнь указали путь, и те прошли»⁶.

Высказывание это свидетельствует о том, что монголам не удалось пройти на Северный Кавказ по знаменитой трассе, проходившей через Дербент по Прикаспийской низменности. Они были вынуждены обойти Дербент и пройти через неизвестные им горные тропинки⁷. Эта акция по выбору иного пути в обход Дербента была связана только с тем, что жители Дербента сумели воспрепятствовать вторжению в город. «а войска турок, которые были в Дербенте, не

пропустили их”⁸, в этом кратком выражении средневекового хрониста запечатлён итог неудавшихся попыток Джэбэ и Субэдэя захватить хорошо укрепленный город и продвинуться дальше на север по “проторенной дороге”. Это событие хорошо описано в упомянутой выше “Истории Армении”: “В другой раз собрал царь грузинский войско ещё более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприятелю. А татары, взяв с собой жён, детей и всё своё имущество намеревались пройти через дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасть деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми, военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну”⁹.

Этот рейд монгольских войск взбудоражил многие страны, был зафиксирован историографами многих стран. Как сообщает свод грузинских исторических хроник “Картлис — Цховреба”, в царствование Георгия Лаши (1212-1223) “монголы произвели со стороны Персии нашествие на Грузию. Войска монголов дошли только до Самшвилде и пошли обратно в Золотую Орду через дербентские ворота”¹⁰.

Население горных районов Дагестана также стойко и мужественно встретило отряды завоевателей. Арабский историк Ибн ал-Асир (1166-1238) писал о вступлении завоевателей в земли лакзов, алан, тюрских племён, где “... ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов...”¹¹.

Точный маршрут монгольских войск трудно установить, но проходил он, как видим, по внутренним районам Дагестана, через земли лакзов (здесь под лакзами подразумеваются дагестанцы вообще) в страну алан. Грузинская хроника также указывает маршрут в общих чертах по обходу дербентских ворот. “Один отряд был отправлен в Великую Кипчакетию, Овсетию, Хазарию” и Русь¹². В литературе высказано мнение о том, что монголы прошли в данном случае через Анди¹³ далее на север. Основано это мнение на сохранившемся у андийцев¹⁴ предании, представлявшем в этом отношении большой интерес: монголы преодолели упорное сопротивление андийцев, захватили селение, назначили там своего ставленника Елука, который построил здесь крепость и ряд укрепленных пунктов. В селении Гагатль имеется род Елукилад, восходящий к имени упомянутого монгольского ставленника¹⁵.

Ворвавшись в земли алан, монголы разбили их, расколов предварительно алано-кипчакский союз, а затем жестоко расправились с кипчаками (половцы русских летописей), бежавшими частью в горные районы, частью за Днепр, “а большинство же их, собравшись, направились к Дербенту Ширвана”¹⁶.

В мае 1223 г. у р. Калка монголы нанесли жестокое поражение объединенным отрядам русских и кипчаков¹⁷. Это было самым крупным военным успехом за время первого монгольского похода в Восточную Европу. Обратный путь завоевателей в Монголию был омрачен поражением у Булгара, но, в конечном счете, монголы продемонстрировали свою военную мощь и агрессивность пла-

нов.

Первый поход монгольских войск показал, что ни в одном регионе не удалось организовать эффективные коллективные усилия по организации сопротивления. Отсутствие единства, политическая раздробленность и междоусобицы вот что могли “противопоставить” потоку хорошо организованной сплоченной монгольской армии правители завоеванных земель.

Политика хорезмшаха Джалаладдина, преследуемого монгольскими отрядами, может служить иллюстрацией к сказанному. Он вступил в борьбу с завоевателями, но вместо создания антимонгольской коалиции он начал военные действия против Ирана, закавказских государств, захватил Тебриз, Тбилиси и Двин. Изгнанный в 1226 г. армянскими и грузинскими войсками из своих стран¹⁸, Джалаладдин задумал захватить Дербент с помощью призванных им на помощь кипчаков. Они “стали разорять поселения Дербента вне его стены. Последствия уничтожений и разрушений были таковы, что казалось, что вчера здесь не было ничего”¹⁹.

Всё это вызывало массовое недовольство населения. По сообщению Рашидаддина, народы Кавказа выступили против действий хорезмшаха: среди них историк называет “сериров и лезгин”²⁰, подчёркивая тем самым участие горцев Дагестана в этой борьбе.

Героические усилия местного населения жестоко подавлялись, расправы над некоторыми или покорёнными селениями носили массовый характер. Как писал известный востоковед И.П. Петрушевский, “... при чингизовских завоеваниях мы видим уже не стихийные жестокости и разрушения, а организованные приёмы массового истребления мирного населения, опустошение целых районов, применявшиеся чингизовыми полководцами. Это была целая система террора, проводившаяся сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивания мирных жителей и создание массовой паники в завоеванных районах”. Выдающийся русский историк С.М. Соловьёв отметил, что “по приказанию Чингис-хана не должно шадить имения и жизни врагов, потому что плод пошады сожаления”²¹.

2. Второй поход монголов

Если первый поход монгольских войск на Кавказ носил разведывательный характер, то второй поход ставил иные цели: прочно укрепиться в этом регионе, превратить его в плацдарм для последующих бросков на Север, в южнорусские степи. Разгром Джалаладдина облегчил завоевание Южного и Северного Азербайджана. Один за другим были захвачены города Марага, Тебриз, Гянджа, Шамхор²². Далее монголы вновь двинулись на Дербент.

Планомерное завоевание Северного Кавказа началось вслед за началом завоевания русских земель²³. Как известно, многочисленная монгольская армия

*Рис. 87. Сел. Шеляги.
Оборонительная башня
XII-XIII в.*

подкреплённая отрядами покорённых народов, разгромила в течение 1236-1239 гг. кипчаков и волжских булгар, ворвалась в русские земли, захватив Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль и, наконец, Киев (1240 г.).

В то же самое время часть монгольских войск была занята завоевательными войнами на Северо-Восточном и Центральном Кавказе²⁴. В 1237 г. они «пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара»²⁵. За походом в Адыгею последовало вторжение в Крым, а осенью 1238 г. они двинулись на алан, захватили после длительной осады их столицу крупный город М.к.с. (Магас), жители которого были жестоко наказаны²⁶, а город был разрушен до основания. Монголы оставили от этого города только имя его и нашли там много добычи²⁷.

Именно в это время другие монгольские отряды, завоевавшие уже земли Азербайджана, ворвались в Дагестан, «что должно

было не только обеспечить тыл улуса Джучи с этой стороны, но и создать плацдарм для вторжения его войск в Закавказье через Дербентский проход»²⁸. Рашид-аддин пишет о монголах, что весной 1239 г., «назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-Кахалка с тем, чтобы он занял и область Авир»²⁹. Тимур Кахалка (в пер. с монгольского «Железные ворота»), упоминаемый здесь, это Дербент, который был взят и разрушен. Монах-минорит Гильом Рубрук, посетивший город в 1253 г., писал, что «... татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной»³⁰.

В настоящее время обоснованно отвергнуто мнение Рубрука о разрушении башен, но это не значит, что запустение города не было связано с монгольскими завоеваниями. Арабский географ Абу-л-Фида (ум. в 1357 г.) писал, что «... со слов некоторых путешественников, Баб ал-хадид это городок, подобный деревням на Хазарском море... Баб ал-хадид незначительный, мало населённый, маленький городок»³¹. Это было итогом пребывания монгол в Дербенте.

Обосновавшись в Дербенте, монголы предприняли попытку проникнуть в глубь гор (в «область Авир») с целью обеспечить там самим себе надёжность пребывания в равнинной и предгорной полосе. Одна из таких попыток была предпринята осенью 1239 г., когда удалось воспользоваться междуособищами

*Рис. 88. Сел. Хив.
Каменная база опорно-
го столба мечети XII-
XIII вв.*

дагестанских правителей. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» фиксирует: «между эмирами Гумика и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия усилиями сатаны наиболее заклятого из врагов, упрямство разъядило их, ибо исчезла добродетель среди людей и распространилась ложь, зло и порок. В этих распрях не осталось места ни благородию, ни здравому смыслу»³².

В этих распрях, продолжает составитель хроник, султаны Хайдака потерпели поражение, были вынуждены бежать в Аварию, с правителями которой заключили «... союз делить добро и зло при всех обстоятельствах. В это время между правителями Аварии и эмирами Гумика началась страшная война и сатанинские распри». Правитель Аварии отправил посольство «к Султану Каутар-шаху, в страну тюрк» (вероятно в Дербент), и в итоге было заключено двустороннее соглашение «между собой в дружбе и добрососедстве, оказывать взаимную помощь в борьбе с врагами»³³, причём соглашение было подкреплено родственными узами. Во исполнения этого соглашения «... пошёл Каутаршах

на Гумик с войсками тюрков с восточной стороны», а войска «вилаята Авар» и Хайдака «с западной стороны»³⁴.

Монгольский отряд, отправившийся из Дербента, избрал маршрут Дербент — Хив (или Курах) — Рича — Чираг — Гумик. Сохранившиеся до сих пор остатки мечети XII-XIII вв. в Хиве это, по всей вероятности, последствие пребывания здесь монгольских отрядов, наказавших жителей за защиту своего селения. Упорное сопротивление завоевателям оказало селение Рича, в то время столица маленького феодалного владения. Защита селения Рича — одна из самых ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана. В стене старой ричинской соборной мечети XI-XII вв. до сих пор сохранились надписи, зафиксировавшие трагические события тех дней и доведшие до нас известия о мужественной борьбе жителей Рича и соседних селений. Первая надпись рассказывает: «Пришло войско татар да не будет им от Аллаха большого передела, в Баб ал-Кист Риджу («в ворота справедливости Ричу»), когда от месяца раби ал-аввал оставалось десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи до середины раби алахира шестьсот тридцать седьмого года»³⁵. Если перевести даты на современное летоисчисление, то выясняется, что сражение в Рича началось 20 октября 1239 г. и закончилось примерно 15 ноября этого же года. Таким образом, селение героически сопротивлялось 27 дней. Это позволяет предположить, что ричинцам

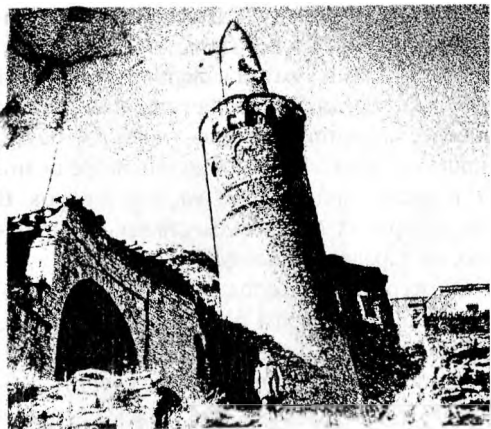

Рис. 89. Сел. Рича. Мечеть XI-XII вв. Минарет, восстановленный в XVII в.

активно помогали жители многих соседних селений.

Если первая надпись повествует о военных событиях в целом, то вторая зафиксировала разрушение селения и мечети: “Эту соборную мечеть Баб ал-Кист Риджи разрушило татарское войско в то время, когда разрушили курд Риджу в месяц раби ал-ахир... шестьсот тридцать седьмого года”³⁶, то есть в ноябре 1239 г. В тексте употреблено слово курд, что у местного населения (агулов) означало крупный населённый пункт. Третья надпись уточняет дату разрушения селения это “когда

оставалось девять дней месяца раби ал-авал”³⁷, то есть 12 октября 1239 г., через день после шторма.

Вероятно, защитники селения обосновались за стенами соборной мечети, где выдержали натиск в течение 27 дней. Мечеть подверглась разрушению, была сожжена. Следы пожара сохранились до наших дней. Пребывание монгольских отрядов в Южном Дагестане нашло отражение в топонимической номенклатуре: Татарханжур (“селение Татархана”, или “селение татарского хана”), Магудере (то есть “Магъу-ущелье”, что может быть переведено как “монгольское ущелье”, или “тюркское ущелье”), квартал “Татарар” (“татары”) в сел. Даркуш³⁸.

образом, события осени 1239 г., зафиксированные в эпиграфическом материале из сел. Рича, и события начала 1240 г., о которых рассказано выше, взаимосвязаны и представляют собой два эпизода из военных акций, предпринятых монголами в районы Центрального Дагестана. Весь комплекс приведённых выше материалов даёт основание полагать: после захвата и разорения селения Рича монголы воспользовались перевальной дорогой, что к западу от Рича, ведущей к верховьям р. Казикумухское Койсу, вторглись в земли лакшев и в начале апреля 1240 г. штурмом взяли Кумух (Гумик, Кумук)⁴². Несмотря на отчаянные попытки завоевать ключевые позиции в горных районах Северного Кавказа, продолжавшиеся четыре года, монголо-татарским войскам не удалось покорить во многих местах местное население⁴³. Вторжение 1239-1240 гг. в районы Центрального Дагестана также не укрепило здесь позиций монгольских отрядов. В последующем мы уже не имеем сообщений о том, что власть монголов здесь утвердилась. Напротив, источники свидетельствуют о том, что внутренние районы Дагестана очень быстро освободились из-под власти завоевателей. В июле 1241 г., как повествует надпись из селения Рича, здесь уже местный правитель строит кре-

Рис. 90. Сел. Рича. Надпись XIII в. о сражении с монгольским отрядом

пость, а в 1250 г. восстанавливается ричинская соборная мечеть. Стало быть, через год-два мирная жизнь в Рича и соседних районах опять воцарилась, возобновилась строительная деятельность.

Выше уже приводилось высказывание Рашидаддина о том, что Букдай был послан для подчинения Дербента и с поручением занять

потом “область Авир”. Под Авиром следует понимать Аварию, а в данном случае, возможно, Нагорный Дагестан вообще. К сожалению, арабские источники, оставившие ценные сведения о героической борьбе жителей селений Рича и Гумика и их союзников, не сообщают о дальнейшем маршруте монголо-татарских войск. Нет в этих источниках известий о пребывании завоевателей в Аварии. Однако грузинская хроника “Картлис Цховреба” рассказывает, что при грузинском царе Давиде (1223-1269) “предводитель монголов Ала Темур по Белоканской дороге вступил в Гундзети, царь гундзов (гундзи, хундзи, хунзахцы) преградил ему путь, но монголы победили, прошли гундзскую страну и пришли к монгольскому хакану”⁴⁴.

Это сообщение, относящееся в основном к 30 — 50 гг. XIII в., точно не датировано. Поэтому трудно определить отношение этого события к походу 1239 г. Тем не менее, грузинский источник сохранил нам известие ещё об одном очаге борьбы против монгольских отрядов.

Изучение источников показывает, что монгольская власть во многих районах Северного Кавказа не была продолжительной. В середине XIII в., со слов Плато Карпини здесь имелись земли, “доселе ещё не подчинённые им”⁴⁵, то есть монголам, а Рубрук (он писал о положении дел в 1253-1255 гг.) среди непокорённых народов называет адыгов (“зикая”, “черкесы”), алан и дагестанцев (“лесги”). Аланы и черкесы, писал он, борются против татар, и “некие сарацины, именуемые лесгами, равным образом не подчинены татарам”⁴⁶.

В 1256 г. подобное положение сохраняется, ибо Рубрук, возвращаясь через Дербент, ещё раз упоминает о “сарацинах по имени лесги”, горцах, которые живут между морем и горами и “также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор аланов, надлежало дать им 20 человек, чтобы проводить нас за Железные ворота”⁴⁷, т.е. за Дербент.

Если основная часть Дагестана оставалась независимой⁴⁸, то Дербент с при-

легающей равнинной полосой к 1256 г., то есть к началу образования государства Хулагуидов, находился в составе Золотой Орды. В районах, подпавших под власть монголов, они установили общую для государства систему эксплуатации. Как сообщают грузинские источники, “Батый поручил своему чиновнику Аргуну отправиться по всей монгольской империи, чтобы сделать перепись. С этой целью Аргун отправился и произвёл перепись всей России, Хазарии, Овсети, Кипчакетии до самого Бжлети (севера)”⁴⁹.

Вскоре народам Дагестана, да и Северного Кавказа в целом пришлось испытать на себе противоборство двух больших и могучих государств, образовавшихся на месте раннее единой империи Чингис-хана.

3. Дагестан в сфере взаимоотношений Золотой Орды (Джучиды) и государства Ильханов (Хулагуиды)

Пребывание монгольских войск во внутренних районах Дагестана было кратковременным. Поэтому оказать непосредственное влияние на экономическую жизнь горных районов этот факт не смог. Разрушенные районы быстро восстановились. История средневековых поселений Горного Дагестана, строительная и мемориальная эпиграфика документирует непрерывность существования многих населённых пунктов в течение многих веков, отсутствие перерыва в их развитии, в их хозяйственной и политической деятельности.⁵⁰

На равнинах и, частично, в предгорных районах Дагестана обстановка сложилась совершенно противоположным образом. Проникновение кочевых племён в XI-XII вв. на равнину, затем вторжение монгольских отрядов на долгие годы “решило судьбу” поселений этого района, которые не восстанавливались даже в мирные годы при неземледельческом характере деятельности населения (скотоводческое хозяйство).

В середине XIII в. единая Монгольская империя распалась на ряд фактически независимых государств улусов: Джучидский Золотая Орда (со столицей в Сарай — Бату на Нижней Волге, близ Астрахани), затем в Сарай-Берке, (близ Волгограда), Джагатайский (в Средней Азии) и Хулагуидский. Территория государства ильханов-хулагуидов (1256-1453) охватывала весь Иран, почти весь нынешний Афганистан, Туркестан, Азербайджан (Иранский), Ирак Арабский с Багдадом, Арран, Ширван, Курдистан, Верхнюю Месопотамию, часть Малой Азии. Государство сельджуков (Конийский султанат), Грузия, Армения были вассалами Хулагуидов. Столицей государства, основанного внуком Чингис-хана Хулагу-ханом (1256-1265), была сначала Марага, затем Тебриз⁵¹.

Историческая и военно-политическая обстановка сложилась так, что равнинная полоса Восточного Дагестана и районы, прилегающие к Дербенту, стали ареной столкновений двух крупнейших государств, государства Хулагуидов (иль-

ханов) и Золотой Орды. Значительно усилилась борьба золотоордынских ханов с ильханами за Азербайджан, так как “через территорию Азербайджана в основном осуществлялся транзит между западом и востоком, она была центром всех торговых караванных путей сообщения”⁵². Золотоордынские ханы, заинтересованные в усилении торговых связей с восточными странами, отводили значительное место территории Восточного Кавказа. Известный историк Вассаф точно определяет границы Золотой Орды: “... а землю в длину от краев Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраины Дербенда Бакинско-го Чингис-хан предназначил старшему сыну Туши. Что позади Дербенда, называемого Демиркапу (железные ворота), всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей его (Туши)...”⁵³.

Это высказывание ясно показывает, что Дербент (Баб ал — абваб, Демиркапу) вошёл в состав земель, подвластных Джучи и являлся пограничным пунктом Золотой Орды, а Ширваном, Арраном, Азербайджаном ильханы владели полностью⁵⁴. В этой обстановке военно-стратегическое значение Дербента значительно усиливается. Для Дагестана сложившаяся обстановка характерна тем, что во власти золотоордынских ханов были на определённое время не только Дербент, но и прилегающие к нему ранее независимые земли. Когда после смерти Берке (1266 г.) на ханский престол вступил брат Менгу-Темир (или Менгу-Тимур), то к нему перешло господство над “странами северными, тюрскими и кипчакскими, Железными воротами и тем, что к ним прилегает”.

В целях сохранения и укрепления своей власти на Северном Кавказе монголы держали в захваченных землях крупные воинские отряды. Такие отряды имелись на берегах Кубани и Терека, в городах Татартуп, Нижний Джулат, Дербент⁵⁵. Так создавались военные пограничные области, причём особое внимание обращалось на стратегически важные участки. События XIII в. показали, что основное внимание уделялось Дербентскому и Дарьяльскому проходам — двум наиболее значительным путям в Закавказье⁵⁶. Пограничные округа возглавлялись ближайшими сторонниками или родственниками великих монгольских ханов. Так военными заместителями пограничного округа на Северном Кавказе при Батые был его брат Берке, а при Берке-хане (1257-1267) Ногай⁵⁷. Берке-хан чрезвычайное значение придавал Северному Кавказу, который стал местом ханской кочёвки. В разное время ханские кочевые ставки находились в Маджарах, Пятигорье, Джулате, в междуречье Терека, Сунджи, Сулака⁵⁸.

В свою очередь ильханы также придавали особое значение району Дербента. Ильхан Абака-хан (1265-1282) послал своего брата “в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы охранял те пределы от врага”. Охрана северных границ осуществлялась как чисто военными мероприятиями, так и особой политикой в сфере земельных отношений. Воинам и местным феодалам щедро раздавались земельные участки с целью обеспечения прочности границ государства. “Широкою поддержку получало как мусульманское духовенство, так и местная знать и связанное с ней купечество, которое добивалось различных льгот и привилегий для себя и становилось соучастниками завоевателей в ограблении низов своего народа”⁵⁹.

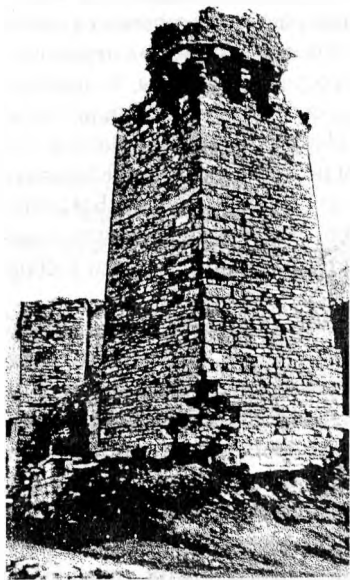

Рис. 91. Сел. Хоредж.
Оборонительная башня

Хулагуидско-золотоордынское соперничество перешло в 1262 г. в открытый конфликт, сопровождавшийся военными действиями на территории Восточного Кавказа, конкретнее между Терекем и Курой. Военные акции длились почти сто лет, прерываясь лишь периодами непрочного мира⁶⁰. Можно выделить три этапа военных действий: 1262-70-е гг. XIII в. — инициатива на стороне золотой Орды; 70-е гг. XIII в. — 1318 г. — инициатива переходит к Хулагуидам, но на третьем этапе (1318-1357 гг.) она опять оказалась в руках Золотой Орды⁶¹. При всех «превратностях судеб», общей закономерностью является то, что район севернее Дербента большей частью оказывался под властью Золотой Орды.

Уже ко времени после 1262 г. относятся сообщения о золотоордынском «царевиче» Токдае (Тама-Токдай, Муртад-Токдай), что «... зимовья его находятся около реки Терек, у Дербента. Уже долгое время, как он стоит во главе сторожевой рати (лашкар-и-караул)»⁶². «Зимовья» это ленные пастбищные владения члена ханского рода, чингизида, на

дагестанской равнине, пожалованные за охрану границ в районе Дербента⁶³. Токдай «... долгое время был защитником и охранителем Дербента»⁶⁴. Даже в конце XIII в. или в начале XIV в. Газа-хан (1295-1304) писал о «... пределах Дербента, составляющего пограничную линию между нашими владениями»⁶⁵.

Источники зафиксировали большое число военных столкновений на значительной территории Восточного Кавказа. Только за первый период на протяжении примерно десяти лет равнинную часть шесть раз пересекали многотысячные конные армии⁶⁶. В 1263 г. дагестанскую равнину прошла армия ильханов (Хулагуидов) в 70000 чел., а сражение этого года на Тереке было одним из крупнейших в истории столкновений военных сил Золотой Орды и государства Хулагуидов. В 1318-19 гг. дагестанскую равнину прошла с севера на юг золотоордынская армия в 80000 всадников. В 1325 г. эмир Чупан, возглавивший армию государства Хулагуидов, опустошил предкавказские равнины. В 1356 г. Джанибек во главе 300000 золотоордынского войска «... перешёл Терек и прибыл в Дербент, а оттуда в Ширван»⁶⁷.

При всей сложности военно-политической обстановки во второй половине XIII — первой половине XIV вв., в системе золотоордынско-хулагуидских взаимоотношений ряд обстоятельств содействовал на определённом этапе стабилизации экономического положения. Дело в том, что в руководящих кругах мон-

гольских завоевателей во второй половине XIII в., вернее, в Хулагуидском и Чагатайском улусах Великой Монгольской империи стали придерживаться двух направлений, двух методов эксплуатации крестьянства завоеванных стран. Представители первого направления «... поклонники монгольской старины и кочевых традиций... были врагом оседлой жизни, земледелия и городов, сторонниками неограниченной хищнической эксплуатации оседлых крестьян и городских низов». Второе направление активно настаивало на сближении с феодальной верхушкой покорённых стран, шло на «... покровительство городской жизни, купцам, торговле, восстановлению разрушенных монгольским нашествием производительных сил, в частности в сельском хозяйстве покорённых стран, и точной фиксации подати и повинностей крестьян и горожан»⁶⁸.

В государстве Хулагуидов (1256-1353), в состав которого входила часть Южного Дагестана, победило второе направление. Глава государства Газан-хан за кратковременное пребывание на престоле провёл ряд важнейших реформ, имевших целью поднять платёжеспособность сельского населения за счёт восстановления сельского хозяйства. Тяжёлое экономическое положение страны побудило Газан-хана резко изменить внутреннюю политику, сблизиться с мусульманским духовенством и административной знатью. Он принял ислам и сделал его государственной религией. Реформы эти коснулись, конечно, и ряда южнодагестанских земель. Как сообщает Рашидаддин, Газан-хан «позаботился об упорядочении возделывания и устройства втуне лежащих земель», и среди таких земель названы «некоторые области между Дербентом и Ширваном»⁶⁹, то есть лезгинские районы. Так как указанная территория служила пограничной зоной между двумя государствами, то её укреплению придавалось первостепенное значение. Государство Хулагуидов реализовывало эти планы мероприятиями как военного характера (посылка войск), так и экономическими (раздача земельных участков воинам и местным феодалам). В государстве Хулагуидов широкое развитие получила условная форма временного, а со временем и пожизненного земельного владения икта, выделяемого за несение воинской службы и ставящего его владельца в зависимость от верховного правителя. Среди владений государства Хулагуидов источники называют Дербент, указывая при этом, что Газан-хан назначил в горные проходы и малодоступные горные области «тазикские войска и всех снабдил одеждой и раздал им икта»⁷⁰. В данном случае подразумевается бассейн р. Самур, так как ещё в 1301 г. «эмиры Лекзистана» «добровольно» подчинились ильхану⁷¹.

К концу 50-х гг. XIV в. золотоордынско-хулагуидская конфронтация на территории Дагестана прекратилась в связи с кризисом внутривнутриполитической жизни Золотой Орды и государства Хулагуидов. Стабилизация положения дагестанских владений и общин горных районов⁷² сопровождалась падением позиций Золотой Орды на Северном Кавказе. Сокрушительный удар, нанесённый в 1380 г. Золотой Орде на Куликовом поле русскими армиями, оказал серьёзное влияние и на положение народов Северного Кавказа.

4. Борьба народов Дагестана с полчищами Тимура

Во второй половине XIV в. в Средней Азии на месте выдыхавшихся монгольских улусов сложилось государство Тимура с центром в Самарканде. Это было итогом исторического развития этих областей, когда ясно проявилась тенденция к созданию сильного, единого, централизованного государства. Тимур (или Тамерлан, от персидского “Тимурланг” “хромой”) разработал план обширных завоеваний, поставил перед собой задачи: превзойти самого кумира Чингис-хана в завоевательных акциях, превзойти монгольскую империю⁷³. От Чингис-хана Тимур унаследовал идею мировой империи “и подобно своему предшественнику, а порой с ещё большей жестокостью, часто лишь для устрашения народов, разрушал города и беспощадно вырезал их жителей. Причём подобные действия осуществлялись не стихийно, а по заранее обдуманному плану”⁷⁴. К. Маркс дал точную характеристику политике Тимура и его действиям: “Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей и мужчин, юношей и, таким образом, всюду наводить ужас”⁷⁵.

Жестокая политика по отношению к завоеванным народам сочеталась с умением Тимура лавировать, поддерживать правителей отдельных владений, создавать благоприятные условия представителям социальной верхушки, феодальной власти, использовать религиозные чувства людей.

Первое десятилетие политической деятельности Тимура прошло в его борьбе с Тохтамышем (1380-1395), ханом Золотой Орды, ставшим им в своё время именно благодаря поддержке и покровительству Тимура. Тохтамыш вёл “слишком самостоятельную” в глазах своего покровителя политику. Столкновение интересов Золотой Орды и государства Тимура составляло стержень политических событий 1385-1395 гг.

Тохтамыш неоднократно “повторял” нашествия первых золотоордынских ханов на Закавказье, и все эти походы совершались через территорию Дагестана. Восточный Кавказ стал ареной схваток многочисленных отрядов двух завоевателей. Так было в 1386 г., когда 90-тысячная армия Тохтамыша прошла Дагестан (“послал войско со стороны Дербента до Самура”), Ширван, разрушила Нахичевань, Тебриз, Марагу. В ответ на это Тимур выступил против Тохтамыша, ворвался в Азербайджан, овладел Тебризом. В этой сложной внешнеполитической обстановке судьба Ширвана и Дербента зависела от позиции его правителя ширваншаха новой династии Ибрахима Дербенди (1382-1417). Он сумел использовать сложившуюся обстановку, воспользоваться противоречиями грозных соперников, выступил на стороне Тимура и сумел тем самым сохранить самостоятельность Ширвана, уберечь Ширван и Дербент от разорения, уговорить завоевателя приостановить опустошение Грузии и заключить мир с грузинским царём Георгием VII⁷⁶.

И Тимур, и Тохтамыш упорно и длительно готовились к сражению, собирая

со всех концов своих владений войска, предпринимали дипломатические шаги, пытаясь приобрести союзников в предстоящей борьбе. В конце XIV в. войска Тохтамыша и Тимура сталкиваются неоднократно. Однако наиболее ожесточённый характер приняли схватки во время известного похода Тимура 1395-1396 гг., предпринятого им в ответ на разорительное вторжение Тохтамыша в Азербайджан. “Эмиры темники, тысячники и (эмиры) кошунов, отряд за отрядом, по своему рангу (мурчил) тронулись в путь”, писал историограф Тимура Шарафаддин Йезди. Это было весной 1395 г. Желая настичь Тохтамыша, находившегося в это время на Тереке, Тимур двинулся на север западного побережья Каспийского моря. Низамаддин Шами писал: “Тимур (уже) дошёл до реки Самур и выстроил рядами войска на краю горы Эльбрус...”⁷⁷.

Здесь на обширном пространстве на берегу Самура Тимур произвёл осмотр своих войск. Как писал Шарафаддин Йезди, “согласно приказу, войска, двинувшись в совершенном порядке, выстроились в линию таким образом, что крайний фланг левого крыла находился у подошвы горы Эльбрус, а крайний фланг правого крыла на берегу Кулзум (Каспийское). Такого значительного по численности и многолюдству войска никто не видел со времени Чингисхана”⁷⁸. Далее войска прошли Дербент, и в быстром темпе направились на север, в сторону Тарки, жестоко расправляясь с теми, кто выступал против него. После Дербента войска “дошли до иля и области кайтагов, которые были сторонниками Тохтамыш-хана. Он (Тимур)... напал на их стороны и края, что из множества их спаслись (даже) немногие и из тысячи один; все те области они разорили”⁷⁹.

Погром “иля и области кайтагов”, устроенный Тимуром, имел место, можно полагать, не на территории собственно (исторического Хайдака), а на равнинных или же предгорных землях, подвластных Кайтагу⁸⁰. Только в таком смысле следует, вероятно, понимать этот текст. Тимур шёл “на наказание” своего главного противника, Тохтамыша, стоявшего за Тереком. Далее войска Тимура дошли до местности Дарки⁸¹. Как писал Шарафаддин Йезди, “когда Тимур со всем своим войском прибыл в местность Тарки и расположился лагерем, до сведения его довели, что авангард Тохтамышхана (под начальством) Казрачия остановился на берегу реки Хой”.

Из селения Тарки Тимур направился к реке Хой (Койсу-Сулак), нанёс поражение авангардному отряду. Преследую войска Тохтамыша, Тимур дошёл до места слияния Терека и Сунжи и перешёл Сунжу. Потом начался трёхдневный “марш-противостояние” двух войск по берегам Терека и, наконец, 15 апреля 1395 г. произошло решительное сражение на р. Терек. Войска золотоордынцев потерпели полное поражение. Руи де Гонсалес де Клавихо, отправленный во главе испанского посольства ко двору Тимура в 1403 г., так оценил значение этой победы: “Это была великая и славная победа, так как Тотамих имел огромное войска, и одна из величайших битв, которые выиграл Тамурбек, даже, говорят, более важная, чем с Турком”⁸². Если в 1380 г. Дмитрий Донской, разгромив Мамаю, положил конец быломu могуществу Золотой Орды, то поражение Тохтамыша низвело её до положения второстепенного государства⁸³.

Преследуя врага, Тимур подверг разрушениям западные улусы Золотой орды, низовья Дона, Среднее Поволжье, разграбил Кафу, сжёг Азов. Осенью 1395 г. началось планомерное завоевание Северного Кавказа, одного из богатейших улусов Золотой Орды, земель адыгов (черкесов), территории современной Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии. Это был второй этап похода Тимура. Всюду население поднималось на борьбу за свои земли, но исход был один — поражение разрозненных выступлений, массовые погромы, разрушения крепостей, городов, селений. Источники приводят много данных о выступлениях адыгов (черкесов), асов, об уничтожении войсками Тимура жителей Кули и Тауса, разрушениях Джулата, Капчигая, крепостей и селений Ичкерии⁸⁴.

В источниках нет ясности при описании маршрута разорительного похода Тимура в северокавказские земли. Особенно трудно идентифицировать названия Кулу и Таус, куда Тимур направился из Пятигорья. Одни исследователи предполагают их в Кабардино-Балкарии, другие в Северной Осетии, третьи в Дагестане⁸⁵. Мнение о том, что здесь мы имеем дело с дагестанскими селениями Кули и Танус не обосновано. Дело в том, что как считает ряд исследователей⁸⁶, в данном случае события, имевшие место на территории между р. Кубань и правыми притоками Сунжи, перенесены в Дагестан.

Разорив земли Чечни и Ингушетии (“область Симсим”), Тимур совершил набег на “подножье горы Аухар”, (подразумевается северная часть Аварии, т. е. андийские земли, или же земли Аух, или же северная часть Хунзахского нагорья). Далее покорив земли, занятые кумыками, Тимур остановился на зимовку в низовьях Кумы. На этом завершился второй этап похода, цель которого “сводилась к покорению наиболее важных в экономическом и политическом отношении областей Северного Кавказа”⁸⁷.

Новый этап начался с похода в район Пятигорья, потом на Нижнее Поволжье зимой 1395-1396 г., где были разрушены крупные города Маджар, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан (Астрахань). Затем Тимур опять вернулся на низовья Кумы, в местности Бугаз-Кум⁸⁸. Весной 1396 Тимур продолжил завоевания в Дагестане.

Поход 1396 г. был одной из крупных акций Тимура, его итогом было массовое уничтожение дагестанцев, повсеместное разрушение городов, селений, замков, крепостей, захват огромной “добычи, корма, пищи”, рабов. Это была настоящая карательная экспедиция. Именно об этом походе сохранилось наибольшее число исторических известий, принадлежавших перу как зарубежных, так и местных авторов. Аббас-Кули Бакиханов в своём знаменитом историческом сочинении “Гюлистан-и Ирам” подробно рассказал о начале этого похода, опираясь на “рассказы дагестанских народов, сохранившиеся в древних записях и преданиях, сверенных большей частью с эпиграфическими памятниками и надписями”⁸⁹. Он писал “Эмир Теймур, покорив кумыков, обитающих между Тереком и Сулаком, прошёл по земле Мичкич, на город Алмак (ныне деревня в Салатавском округе), который имел семь тысяч домов... Он взял город после сильного сопротивления и разорил его. Оттуда по хребту Салатавских гор, который поны-

Рис. 92. Круглая башня сел. Ицари

не называется Теймуршах-йолу (дорога Тимура), он подошёл к укрепленному селению. в том числе к селению Батлук. Салатавцы храбро защищались, но их личная храбрость не устояла против силы и искусства Теймура”⁹⁰. Их укрепления были разрушены, а жители были переселены “в низменные места”. Они впоследствии поселились в нынешнем Чиркее⁹¹.

Продвигаясь вглубь Дагестана, Тимур осадил город Кадар (Гадар), насчитывавший семь-восемь тысяч домов, который оказался неприступным. Как рассказывает предание, “Теймур пошёл на хитрость — он начал вести с осаждёнными переговоры и под видом подарков для раздачи в городе послал туда множество сундуков, в которых находились вооружённые воины”. Хитрость удалась, город был взят и разорён. Как писал Гасан-эфенди Алка-

дари, “после этого город тот, не приходя в прежнее состояние, превратился в небольшое селение”⁹². Затем было взято селение Губден, которое завоеватель подарил одному “из кумыкских эмиров по имени Гобден”⁹³. Местные предания считают даргинца Губдена основателем крупного селения из 25 малых сёл, сам же он был главой одного из них Бяхру Кадар (Бяхру Къадар)⁹⁴.

Затем Тимур “прошёл через местность Тарки и дошёл до местности Ушкуджан”, откуда были разосланы карательные отряды в соседние земли, где они “блестяще” справились со своей задачей (“... прибыли... с награбленным и добычей...”)”. Войска Тимура “уже взяли Ушкуджа, всех тех неверных убили, ... из убитых сделали холм и опустошили всю их область”⁹⁶. В исторической литературе сложилось мнение о том, что под Ушкуджа следует понимать селение Акуша. В действительности же, речь идёт о селении Усиша, центре тогдашнего верхнедаргинского общества, расположенного недалеко от Акуша⁹⁷. Кстати, в арабских текстах местного происхождения селение Усиша передаётся в форме Ускиша.

Войска Тимура завоёвывали одно селение за другим, среди этих населённых пунктов были укрепления Нергес, Мика, Деркелу, которые соответственно можно отождествить с названиями современных селений (Харкас-Аркас, Мекеги, Дургели)⁹⁸.

Эти трагические для истории Дагестана события нашли отражение в местных исторических записях. Одна из таких записей гласит⁹⁹: “797 год — дата прихода Тимурленга со своей громадной силой в селения (карийат) Дарга, разруш-

ния селения Муги (Муха) и гибели в сражении его жителей (ахл), юношей, детей, стариков. Пропали все надежды на спасение из-за этих интриганов. но тут пришла к нам помощь из вокруг лежащих селений: из Аварии и Кумуха (Авар и Гумик) и мы освободились от того великого несчастья”¹⁰⁰.

797 г. хиджры падает на промежуток между 27 октября 1394 г. и 15 октября 1395 г. Учитывая приведённые выше сообщения, можно считать, что в действительности речь идёт о походе Тимура во внутренний Дагестан весной 1396 г.

Другая запись рассказывает также о тех же событиях, вернее, об итоге пребывания войск Тимура: “... Достоянейший Тимурлин пребывал в сёлах Дарга с многочисленными боями. Ему было подчинено всё население (бук.: “ему были покорены шеи народа”) при помощи великой силы. Он победил людей, отнял их имущество, убил много мужчин и женщин, установил власть эмиров над сёлами (кура) и областями (навахи-общинами). И назвал их он среди них... вали над селением Муги (Муха)... Это имело место... в 797 г.”¹⁰¹

Таким образом, Тимуру удалось подчинить своей власти ряд владений и союзов, в том числе Муги с близлежащими сёлами. Авария и Кумух с 3 000 воинов вышли на “подмогу жителям Ушкуджа”, но в конечном счёте они были разбиты (“выбрав 500 всадников в полном вооружении, сделал на них набег и погнал”). Руководитель объединённых войск Аварии и Кумуха шамхал (шаукал) был убит. “Местность Ушкуджан” также была захвачена, был “сделан набег на его область” и устроен холм из убитых¹⁰². Продолжая разрушать и грабить населённые пункты, Тимур ворвался в Зирихгеран и Кайтаг, жители которых вынуждены были выразить покорность. Только после этого Тимур вернулся в Дербент, в крепости которого он приказал произвести восстановительные работы, а охрану поручил Ибрагиму Дербенди.

В кумыкских, аварских, даргинских и лакских землях, где проходили полчища, была захвачена огромная добыча, с которой Тимур вернулся в Закавказье.

Современник Тимура, архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, путешествовавший по Кавказу, писал о дагестанцах (они названы “лагзи”): “Тимурленг сделал попытку проникнуть в горы, в эту их страну, имея под рукой сто тысяч вооружённых людей, но они встретили армию перед густым лесом и нанесли им такие потери, что Тимурленг приказал отступить. И когда этот владетель задумал пройти Железные Ворота, то он понял, что сможет подчинить себе эту страну прежде всего только мирным путём, чтобы уже затем вторгнуться в Великую Татарию”¹⁰³.

Это высказывание автора “Книги познания мира” — отражение чрезвычайно упорных, повсеместных, не прекращавшихся выступлений дагестанцев на пути войск Тимура.

Местные исторические сочинения, исторические записи, многочисленные предания рассказывают о героической борьбе местного населения за свою независимость. Хроника и предания рассказывают о мужественной борьбе жителей Салатавии, обществ Ушкуджа (Усиша) и Муги, укреплённых пунктов Меке-ги, Дургели и пр.

В борьбе с местным населением Дагестана Тимур опирался на феодальную знать, на местных правителей. Как сообщают источники, старшины (калантары) газикумухские и аухарские вместе с духовной и гражданской знатью “... прибыли с повинной” к Тимуру, который одарил их почётной одеждой, поясами для мечей, арабскими конями, дал им наставления воевать в интересах ислама и с противниками ислама. Более того, “утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад”¹⁰⁴.

Тимур в своей деятельности везде следовал политике поддержки феодализма; он, “живя в условиях созревания классовых форм феодальных отношений, был их активным проводником”¹⁰⁵. При нём широкое распространение получила “восточная форма лена” — союргал, под которым подразумевали тогда передачу в наследственное владение определённых земель с правом взимания с их жителей государственных налогов и податей. И в Дагестане Тимур был верен своей политике, он не отобрал у владетелей земли, а оставил, возможно, на правах союргала, тем самым превратив местных феодалов в своих вассалов.

5. Экономическое и политическое развитие Дагестана

Как уже указывалось, 20-е годы XIII в. ознаменовали собой новый этап в жизни многих народов, связанный с вмешательством монгольских орд. Монгольские завоевания сыграли пагубную роль в судьбах народов Северного Кавказа. Уничтожение городов и сёл, массовое истребление мирного населения, опустошение земледельческих районов, угон ремесленников — всё это было повсеместным явлением. Хозяйство пришло в упадок. Опустели цветущие районы. В XIII в. прекратили своё существование многочисленные поселения в равнинной части Северного Кавказа, отчасти в предгорьях, в их числе Нижний Архыз, Алхан-кала, Хумаринское, Хамидиевское, Верхнечегемское, Урванское, Аргуданское, Старолескенское, Инжала-Гул, Охлинское городища, Аркаское городище и др.¹⁰⁶ В заурядный городок превратился Дербент, процветавший ранее крупный экономический и административный центр. Выше уже приводились слова Абу-л-Фиды (1273-1331) о том, что Дербент (Баб ал-хадид) уже представлял собой “городок, подобный деревням на Хазарском море. Баб ал-хадид незначительный населённый маленький городок”¹⁰⁷.

Следы монгольской власти давали о себе знать ещё долгие годы. Даже в 1473 г. по описанию Рубрука Дербент был “заселён едва ли на одну шестую часть своей площади, а в сторону моря он весь разрушен”¹⁰⁸.

Неоднократные вторжения Золотой Орды и Хулагуидов через территорию Дагестана самым губительным образом отразились на всех сферах жизни народов Дагестана. Особенно разрушительны для хозяйственной жизни были походы Тимура, столкновения войск Тимура и Тохтамыша. Во время этих походов пострадали как приморские, так и внутренние районы Дагестана¹⁰⁹.

Рис. 93. Строительная надпись XIII в.

Занятие равнинного Дагестана с его глубокими сельскохозяйственными традициями представителями кочевого мира существенным образом отразилось на структуре хозяйственной жизни горных районов. Были разрушены традиционные, имевшие многовековую историю экономические связи гор и равнины, это не замедлило сказаться на соотношении видов

хозяйственной деятельности: в горах наблюдается усиление сельскохозяйственного освоения земель за счёт использования части пастбищных земель; в равнинных районах оседлое сельскохозяйственное хозяйство на определённое время было оттеснено кочевым скотоводством. С этим обстоятельством связаны миграционные процессы, усилившиеся в XIII в., прилив в предгорные и горные районы населения равнины, имевшего большие сельскохозяйственные традиции. Это способствовало росту, особенно в горных районах, как удельного веса земледелия, так и относительной густонаселённости. Эти обстоятельства, в свою очередь, сыграли немаловажную роль в изменении социальной и этнической структуры селения, в возникновении новых населённых пунктов, сложившихся по чисто территориальному принципу, в некотором изменении форм земельной собственности¹¹⁰.

Комплексное использование данных археологии, нарративных источников, эпиграфического материала позволяет определить в общих чертах границу земледельческого и кочевого миров — скотоводческое хозяйство охватывало приморскую и предгорную полосы шириной от 40 до 60 км. от Самура вплоть до Сулака (исключая район Дербента и Тарки). Севернее она охватывала все равнинные земли¹¹¹. Границы эти названы лишь в общих чертах, они могли сужаться или расширяться, но в XII-XIII вв. рост не земледельческого освоения равнинных земель был ведущим фактором развития хозяйства. В XIV в. равнинные земли вернулись было к своим традиционным занятиям, но походы Тимура приостановили на некоторое время этот процесс.

Все эти факторы оказали отрицательное влияние на хозяйственное и культурное развитие, особенно равнинных и предгорных районов, так как были нарушены и значительно ослаблены (а нередко и прерваны) налаженные экономические связи гор с предгорьем и равниной. Тем не менее относительная политическая независимость горных районов Дагестана содействовала сохранению хозяйственных традиций. Земледелие, скотоводство, торговля и ремёсла продолжали развиваться, регресса производительных сил мы не наблюдаем.

Изучение эпиграфических памятников показывает, что в XIII-XIV вв. часть

предгорных и горных районов отличается своей густонаселённостью, большим количеством населённых пунктов. Разорение равнинных и части предгорных районов, переориентация этих районов на скотоводческое хозяйство сопровождалось, как неизбежное следствие этого процесса, усилением земледельческого освоения горных районов, увеличением пахотных земель, ростом террасного земледелия и, в итоге увеличением продукции земледельческого, в основном, зернового хозяйства. Большое количество строительных надписей XIII-XV вв. в бассейне Самура, Гюльгеричая, Уллучая и др. (селения Ахты, Фий, Маза, Шиназ, Хнов, Муслах, Цахур, Мишлеш, Ашага-сталь, Хив, Тпиг, Хучни, Буршаг, Рича, Фите, Уркарах, Калакорейш, Тама, Худуц, Гуладти, Кубачи, Урари, Шири, Хули, Кумух, Хунзах, Кадар и др.), большое число поселений X-XIV вв. на территории Дагестана — это свидетельство интенсивного и продолжительного хозяйственного освоения указанных земель, оно документирует непрерывность существования многих населённых пунктов в течение многих веков, отсутствие перерыва в их развитии.

Отмеченные выше изменения и различие путей экономического развития отдельных физико-географических зон должно быть учтено при характеристике хозяйственного, социального и политического развития Дагестана того времени.

Несмотря на значительный урон, нанесённый непрекращающимися внешними вторжениями (монголы, борьба Золотой Орды и государства Хулагуидов, Тимур), основу экономики, хозяйственной жизни продолжали составлять земледелие и скотоводство, развивавшиеся, правда, в различных зонах с различной степенью интенсивности.

Зерновое хозяйство, его интенсификация в горах, даже в высокогорных районах, не остались без внимания современников. Так, например, известный арабский историк и географ Закарийя ал-Казвини (ум. в 1283 г.) писал о жителях высокогорного селения Цахур: «А пища их (состоит) из злака, называемого сульт, внешне он похож на ячмень, а качество его качество пшеницы. Нет у них торговых связей и (каких-либо) отношений (с другими), напротив, каждый из них сеет достаточное для него количество этого зерна и питается этим и молоком своих маленьких овец и кислым молоком их»¹¹².

Зерно сульт выращивали и в другом высокогорном селении Шиназе¹¹³. Жители обоих селений сами удовлетворяли полностью спрос на зерно. В знаменитом толковом словаре арабского языка «Камусе» («Словарь») зафиксировано, что сульт «это ячмень или разновидность (сорт) его». В литературе справедливо отмечалось, что в данном случае речь идёт о голозёрном ячмене¹¹⁴. Культура голозёрного ячменя была в прошлом хорошо известна в Дагестане, и это нашло выражение в лексике местных языков: махIяр средние (даргинск), лив (дидойск), у (лакск.), маар (авар, агульск.), наал мух или кьери мух (лезг.). Эти языковые данные могут засвидетельствовать также древность данной культуры на территории всего Дагестана.

Голозёрные, крупноколосные, крупнозёрные сорта ячменя Горного Даге-

стана отличались своими высокими качествами и продуктивностью. К числу наиболее распространённых сельскохозяйственных культур принадлежали также пшеница, полба, рожь, бобовые культуры. Здесь выращивались неполивные культуры, как и в предгорно-равнинной зоне всего Северного Кавказа. В горах немалое распространение получило искусственное орошение.

В ряде равнинных участков земледелие также сохранилось, хотя и не в прежних размерах. Персидский автор Хамдаллах Казвини (ум. в 1349 г.) писал о Дербенте и его округе: “Что касается плодородия, то хлеб там хорош, воды и скота там много, большая часть дохода бывает от этих благ”¹¹⁵. В середине XV в. к югу от Дербента уже “пашут землю и сеют пшеницу, и ячмень, и ярицу, и полбу”¹¹⁶. Упоминание ярицы (то есть яровой ржи) свидетельствует о наличии яровых и озимых культур, а данные дагестанских языков дают возможность говорить о практике паровой системы с трёхпольным севооборотом.

Среди яровых культур особое место занимает рожь, хорошо переносящая засуху, идущая как на хлеб, так и на корм скоту¹¹⁷.

Дагестанское историческое сочинение “Тарих Дагестан” в части, относящейся к XIV в., упоминает большое число селений или союзов сельских общин, которые вносили харадж пшеницей в пользу шамхала или же его наследника (Хунзах, Кадар, Аркас, Ирганай, общество Тумал и др.). Это свидетельствует о большом значении зернового хозяйства в экономике горных районов.

С дальнейшими успехами в производстве зерновых связано культивирование в Дагестане новых сортов культурных растений, а также увеличение площадей, занятых под зерновые. К числу попавших в Дагестан (вероятнее всего, из Азербайджана) после X в. зерновых культур следует отнести несколько сортов пшеницы (например, сорт сарыбурга, уже известный в Азербайджане в XIII-XIV вв.)¹¹⁸. С юга проникла также и культура риса. Во всех дагестанских языках культура риса обозначается или персидским (берендж), или турецким (дюгю) термином. В Южном Дагестане был известен также сорт риса “темирхан дьгю”, т.е. “рис Темирхана”¹¹⁹. Заимствованы также названия орудий труда, связанных с очищением риса динг, дингер (рисорушка)¹²⁰.

Культура риса имеет древнюю историю. Известно, что в Китае рис разводился около 5 000 лет. В Иране же рис появился только после арабских завоеваний¹²¹. В Азербайджане источники X в. уже сообщают о посевах риса¹²². В Дагестане же впервые рис упоминается в начале XIV в. (“На жителей селения Таргу /подать/ два саха рису”), но вполне допустимо, что культура эта была известна в X в. Рис разводили в прибрежных районах, причём в районе Дербента получали, видимо, немалые урожаи во всяком случае рис (“сорочинское пшено”) называет автор XV в. А. Контарини среди товаров, вывозимых на север по морю из Дербента “для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте”¹²³.

Хозяйственно-географическую зональность Дагестана, специализацию отдельных зон на преимущественное производство той или иной сельскохозяйственной продукции хорошо можно проследить по данным “Тарих Дагестана”.

Там указаны многие населённые пункты, которые вносили харадж в пользу шамхала или крым шамхала, и их можно разделить на несколько категорий: вносящие харадж только овцами (общества Карах, Кусрахи, Хибилал, Чамалал, Рисур, Мукрак, ряд селений), дающие харадж и овцами, и зерном (селения Хунзах, Кадар, Аркас, общества тумал); крупным и мелким скотом (Тиндал, Хайдак, Усиша, Акуша, Цудахар); мелким рогатым скотом (Баклал); зерном (Ирганай), войлоком (Анди) и т.д.¹²⁴. Такое распределение поземельного налога было обусловлено хозяйственной ориентацией того или иного района, зависевшей как от физико-географических условий, так и от состояния и уровня развития сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства.

Важное место в хозяйственной деятельности народов Дагестана занимало также садоводство. Судя по источникам, оно развивалось вместе с земледелием в целом. На равнине также наблюдается некоторое оживление в этой отрасли сельского хозяйства. Как сообщает автор “Сказания о железных воротах” (середины XV в.), в Азербайджане и в землях, примыкающих к Дербенту, встречаются “и леса, и сады, и виноградники, и мельницы, и всякий овощ земной”. По сведениям А. Контарини, в районе между Дербентом и Шемахой было много фруктов, особенно яблок, а в Дербенте много продовольствия, вина и разнообразных продуктов¹²⁵.

Особое развитие садоводство получило в горно-долинных зонах. Наличие садоводства и виноградарства в долинах “ещё в средние века” подтверждается также сравнительной древностью долинных террас, “которые ввиду жары могли засеиваться только в сочетании с фруктовыми деревьями”, сохранением на склонах гор “небольших рощ из диких и одичавших фруктовых деревьев, которые могут существовать только в местах, где сильны традиции садоводства”, наличием на склонах и террасах лоз одичавшего винограда, исключительным многообразием местных сортов плодов¹²⁶. Такие плодовые культуры как груша, грецкий орех, абрикос, айва и др. также были широко известны в средневековом Дагестане.

В XIII-XV вв. наблюдаются изменения в выращивании технических культур марены, шафрана, льна, конопля, хлопка. В XIII-XV вв. нет уже сведений о производстве шафрана, а марена лишь с XIII в. начинает занимать значительное, точнее, ведущее место среди технических культур. Нет также сведений о производстве льна. Но эти замечания имеют отношение к Дербенту, ибо во внутренних районах Дагестана производство льна и конопля никогда не прекращалось, причём конопля была здесь одной из основных культур, удовлетворявшей нужды ткацкого производства и местного рынка. Что касается района Дербента, то, если судить по письменным источникам, здесь особое значение придавали уже иным товарам, а именно шёлку. Раньше уже приводилось сообщение Марко Поло о шёлке, шёлковых, парчовых изделиях в Дербенте. А. Контарини писал о купцах, которые везли из Дербента (или через Дербент) “в Астрахань куски атласа, кое-какие шёлковые изделия и ещё боссасины на продажу русским”¹²⁷. Жители города занимались рыболовством (“ловят осетров и белугу, причём в громадном количестве..., ловят там ещё один вид рыб длиной они с полтора локтя,

толстые и почти круглые”) и изготовлением из рыб “жидкости”, которую “жгут для освещения” и используют для нагираания верблюдов. В городе были “татары и купцы”, доставлявшие из Руси пушнину, “которую они продают затем в Дербенте”¹²⁸.

Материал о состоянии скотоводства в XIII-XV вв. весьма скуден и фрагментирован, однако привлечение сведений “Тарих Дагестан”, а также материалов этнографии позволяет создать, хотя и в общих чертах, представление о животноводстве и его основных направлениях. В изучаемое время в Дагестане были известны все основные виды домашних животных (коровы, быки, лошади, буйволы, овцы, ослы, мулы). Домашний скот играл большую роль в жизни горца, обеспечивая его мясом, маслом, молочными продуктами, кожей для изготовления одежды, обуви, головных уборов, шорных изделий, шерстью для изготовления тканей, сукна, войлока, бурок, ковровых изделий. Кроме того, крупный рогатый скот (быки) использовались как тягловая сила, а лошадь, ослы, мулы к тому же при различных сельскохозяйственных и транспортных работах.

Археологический материал или же данные письменных источников, известные нам, дают слишком мало сведений для того, чтобы проследить соотношение крупного и мелкого рогатого скота в различных естественно-географических зонах в XIII-XV вв. Однако этнографические наблюдения показали, что косвенным показателем этого соотношения может служить наличие террасных (пахотных вообще) участков вокруг старых поселений. Громадные площади возделанных земель вокруг сравнительно небольших средневековых поселений, при отсутствии “подавляющего превосходства в пастбищах” признак наличия большого числа крупного рогатого скота: пахотное земледелие на значительных участках связано с увеличением спроса на тягловую силу¹²⁹.

В литературе о хозяйстве народов Дагестана вполне справедливо обращается внимание на роль естественно-географических зон в формировании процесса дифференциации хозяйственной деятельности. Начало этого процесса связывается с XIII-XV вв., т.е. со временем образования крупных населённых пунктов. Отсюда и вывод о том, что к этому времени относится и формирование отгонного животноводства, в частности в Аварии, “когда устойчивые политические объединения в Дагестане обеспечивали беспрепятственный перегон скота с гор на равнину и обратно”¹³⁰. Выдвинуто также предположение о том, что отгонное животноводство возникло в Дагестане в позднее средневековье¹³¹.

Однако условия для отгонного животноводства существовали и в более раннее время, в XI начале XIII вв., и в более раннюю эпоху. Исследования показали, что вплоть до XIV-XV вв. как природные условия в Терско-Сулакской низменности¹³², так и политические, весьма благоприятствовали использованию этих земель для перегона скота. Как известно в IX первой половине X в. для хазаро-дагестанских отношений были характерны мирные отношения. В середине XI в. (40-50 гг.) северокавказские степи были заняты тюркоязычными половецкими племенами, с которыми местное население вскоре установило мирные контакты. Пастбищные земли Прикаспийской низменности в XI начале XIII вв. были

также доступны животноводам Дагестана, как и в IX первой половине X вв.

Знаменитый историк и географ Абу-л-Фида (1273-1331) сохранил уникальное известие о Дагестане середины XIII в. “К востоку от М.т. р.х. расположена река овец (Нах ал-ганам), на которой стоит страна Серир... Эта река большая, она замерзает зимой и по ней переходят тогда животные. Река впадает в Хазарское море”¹³³. Под “Рекой овец” следует понимать Сулак, представляющий собой соединение четырёх Койсу (“Овечья вода”)¹³⁴. Само название реки Сулак — “Река овец” и сообщение о переходе зимой животных через эту реку — свидетельство контактов гор и равнины в XII-XIII вв., в частности о перегоне овец с гор на равнину и обратно¹³⁵.

Важным фактором характеризующим хозяйственную деятельность населения Дагестана к XV-XVI в. была сравнительная стабилизация политической и экономической жизни в равнинном Дагестане. Попытка внешних сил (Иран, Турция, Россия) подчинить дагестанские земли продолжалась и в XV-XVI вв., но на равнине не было уже условий для интенсивного развития скотоводческого хозяйства. Равнина постепенно вернулась к указанному времени к своей традиционной форме хозяйственной деятельности — земледелию. Вновь утвердившаяся хозяйственная специализация равнинных и нижнепредгорных районов на производство зерна и связанный с этим рост поголовья крупного рогатого скота вызвали изменения в направлении хозяйства горных районов. Здесь скотоводство развивалось с новым размахом, а террасы наоборот стали забрасываться в массовых размерах¹³⁶.

В хозяйственной жизни Дагестана XIII-XV вв., в процессе развития политических и социальных отношений, огромную роль играла торговля, как внутренняя, так и внешняя. Отражая уровень развития хозяйства на данном отрезке времени, торговля, в свою очередь, давала толчок хозяйственной деятельности.

Как известно, до XIII в. шёл процесс интенсификации связей Запада с Востоком через Восточную Европу. Уже в XII в. европейские купцы стремились закрепиться в Крыму и на Северном Кавказе, прибирая к своим рукам торговые пути из Азии в Европу¹³⁷.

Дагестан, благодаря своему географическому положению, играл значительную роль в этой торговле. Основным ремесленным, торговым и транзитным пунктом на западном побережье Каспийского моря был Дербент. Несмотря на то, что в 1239 г. город пострадал при монгольском походе, а также несмотря на многочисленные столкновения Джучидов и Хулагуидов, отразившихся на положении города, Дербент сохранил в некоторой степени значение морского порта и транзитного пункта. Как писал Барбаро, товары доставлялись из Дербента и Астрахани в Тану, а оттуда на венецианских галерах — в Европу. И Джучиды, и Хулагуиды, а затем Музаффариды, Джелараиды и Тимуриды, владевшие в разные периоды Дербентом в середине XIII начале XV вв., чеканили свои монеты, что подчёркивает сохранение роли Дербента не только как военно-политического, но и как торгово-экономического центра. Эти монеты имели хождение не только на Кавказе, но и в Юго-Восточной Европе, доходили до Средней Азии¹³⁸.

С 60-х гг. XIII в. генуэзская торговая колония утвердилась в г. Кафе (Феодосия) в Крыму, а во второй половине XIV в. генуэзские города-колонии занимали уже берег Крыма на всём его протяжении. Наблюдается оживление внешней и транзитной торговли между Западной Европой и Востоком, в которой Золотая Орда была крайне заинтересована. Особо следует выделить первую половину XIV в., когда Золотая Орда достигла при хане Узбеке (1312-1342 гг.) вершин политического и экономического расцвета, оптимальной внешнеторговой деятельности между Западом и Востоком¹³⁹.

Открылся широкий простор для торговой деятельности на стратегически важном отрезке западном побережье Каспийского моря. Значение Дербента неизменно растёт. Генуэзские купцы в конце XIII-XIV вв. уже хорошо знали Дербент и западное побережье Каспийского моря, часто бывали здесь¹⁴⁰. “Каталонский атлас” 1375 г. и карта 1367 г., составленная итальянскими купцами, братьями Франциско и Доменико Пиццигани, свидетельствуют о хорошем знакомстве с территорией Дагестана. На карте братьев Пиццигани нанесены названия около 40 городов, значительная часть которых расположена по берегам Волги. На западном берегу Каспийского моря помещены также несколько пунктов, в том числе Акле и Дербент¹⁴¹. На анонимной карте 1351 г., составленной итальянскими купцами, на расстоянии между Терекком и Дербентом обозначено 10 пунктов¹⁴². На карте эти пункты не читаются. В “Каталонском атласе” 1375 г. между Адигарханом (Хаджи-гархан — Астрахань) и Дербентом названы пункты Фабинаж, Кубене, Тарки, Башшиай, Цищие, Кобасо, Бурх, Барса, Абскаих, Сасах¹⁴³. В настоящее время идентификация этих населённых пунктов (кроме Тарки) практически не представляется возможной.

Дагестан, как мы видим, участвовал в значительно усилившейся волжско-каспийской торговле. Благоприятным было также то обстоятельство, что XIV век предстаёт перед нами как период “больших городов”: Сарай, Сарай ал-джадид, Булгар, Биляр, Хаджитгархан на Волге; Кафа в Крыму; Маджар на Северном Кавказе; Ургенч, Самарканд, Бухара и др. в Средней Азии. “Тесный союз степи и городов”, развитие ремесла и караванной торговли — всё это лежало в основе создания сильного экономического потенциала. В этой обстановке рост экономического развития Дагестана также очевиден. Появившиеся на западном берегу поселения говорят о росте значения земледелия. Дербент также постепенно восстанавливался как крупный торгово-ремесленный центр.

Он не существовал, конечно, сам по себе. Это был главный город, через который осуществлялась связь внутренних районов Дагестана со странами Ближнего Востока, Средней Азии, с областями Восточной Европы. Однако, это был не единственный посредник в связях горный районов с внешним миром. Торгово-экономические, культурные контакты с соседними народами Северного Кавказа и Закавказья осуществлялись и непосредственно через сложившиеся столетиями и “апробированные” маршруты, равнинные пути, горные тропы и перевалы. Многочисленные перевальные пункты связывали горный и высокогорный Дагестан с Грузией (Кახетией, Тушетией). Хорошо был известен “трансдагестан-

ский” торговый и стратегический путь: Азербайджан — перевалы — р. Самур — Курах — Кумух — Чох — Чечня¹⁴⁴.

Сложная военно-политическая обстановка хотя временами и нарушала торгово-экономические связи, тем не менее торговые контакты не прекращались и имели тенденцию к дальнейшему развитию.

Большое значение для развития хозяйства имела внутренняя, местная торговля. Отдельные районы Дагестана поддерживали между собой регулярные контакты. Основным рычагом торговой деятельности служила исторически сложившаяся региональная хозяйственно-экономическая специализация в Дагестане. Районы с преимущественно земледельческим или же скотоводческим хозяйством, экономическая интеграция гор и равнины, ремесленные центры — вот какие факторы в своей совокупности значительно стимулировали торгово-обменные операции. Ещё больший толчок развитию рыночных и обменных связей давало усиление существовавшей специализации ремесленного производства: обработка камня, оружейного, кузнечного и ювелирного дела, медночеканного, ткацкого и керамического производства. Они уже давно выделились в самостоятельные отрасли ремесла, имели свои центры. В ряде случаев мы не располагаем прямыми данными, но с учётом последующего развития отрасли, а также этнографических данных, мы можем уже говорить о таких уже сложившихся в течение XIII-XV вв. ремесленных и промысловых центрах, как Кубачи, Харбук, Микрах, Испик, Кумух, Балхар, Джули, Гоцатль, Анди и др.

Специализация на производстве военного снаряжения также имела место. По сообщению Закарии ал-Казвини, жители селения Шиназ искусные ремесленники: “Ремесло их заключается в изготовлении вооружения, такого как кольчуга (дир) и паншири (джавашин) и другие виды вооружения”¹⁴⁵. Жители Зирихгерана, известные ещё раньше как превосходные ремесленники, и в описываемый период продолжали заниматься в сфере ремесленного производства. В 1396 г. им удалось спасти всю область от разорения, отдав Тимуру изделия своего ремесла: “Все жители Зирихгерана встретили царственный поезд подчинением и повинованием и поднесли ему множество брони и кольчуг”¹⁴⁶.

Изготовители панширей и кольчуг, то есть защитных доспехов были специалистами высокого класса, ибо “технология изготовления брони, особенно пластинчатых, была очень сложной и требовала от мастера незаурядного искусства и профессионального опыта...”¹⁴⁷.

Возможно, в Дагестане существовали и другие центры, обеспечивавшие снабжение войск вооружением.

Полная военных столкновений обстановка XIII-XV вв., особенно борьба против многочисленных врагов, диктовала рост производства оружия и военного снаряжения. Это, в свою очередь, определило ведущее место кузнечного дела, подняло на большую высоту общественное значение и престиж “железных дел” мастера. Кузнечное дело было развито во многих селениях Дагестана как специализированная область ремесла, обеспечивая как запросы военного дела, так и, в первую очередь, сельскохозяйственного производства¹⁴⁸.

Один из важных показателей уровня развития ремесла и хозяйственной деятельности вообще это строительное дело. В XIII-XV вв. во всех районах Дагестана (исключая равнину) наблюдается интенсивное строительство культовых и оборонительных сооружений, гражданских построек. Сохранившиеся надписи на архитектурных памятниках сообщают о возведении мечетей в Цахуре, Мишлеше, Рича, Рутуле, Дербенте, Кумухе, Кочхюре, Хпедже, Кубачи, Гуладги; минаретов в Хнове, Мишлеше; медресе в Дербенте, Кубачи¹⁴⁹; жилых домов в Хунзахе, Калакорейше; святых в Хучни, Хнове, Ахты, Мачада и в других пунктах. В этом перечне не названы многие аварские районы, хотя и там строительное дело развивалось так же интенсивно. Объясняется это тем, что в связи с поздним распространением ислама и арабского языка в этих районах строительная деятельность не фиксировалась на камне. Обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство: основная масса надписей на камнях рассказывает о строительстве мечетей и минаретов, то есть культовых сооружений, а строительство таких памятников гражданской архитектуры, как частные дома, хозяйственные помещения и т.д., как правило, не отмечалось. Их строительство было обыденным, каждодневным делом, и мастера-строители не делали соответствующих записей “на память потомкам”.

Внутренняя торговля осуществлялась в основном путём обмена. Сложилась определённая рыночная, “базарная” среда (среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье) и пункты, обеспечивавшие гибкость торговых связей и постоянный характер торговой деятельности. Сложившаяся по этнотерриториальным признакам система мер и весов с многочисленными вариациями говорит как о прочности, стабильности обменных связей, приуроченных к определённой территории или же микрорайону, так и о значительности ареала их распространения. Отсутствие единой метрической системы в общедагестанском масштабе было следствием господства натурального хозяйства. С другой же стороны, это далеко не означало, что все ремесленные изделия вообще не имели широкого сбыта. Оружие, ювелирные изделия, ковры, медная чеканная утварь, бурки, керамические изделия находили сбыт в общедагестанском масштабе и были известны далеко за пределами Дагестана. Так, например, ещё в XIV в. изделия балхарских гончаров поставлялись во все дагестанские селения и районы Азербайджана, бирюзовая керамика XIII-XIV вв. из сел. Кала получила широкое распространение во всех горных районах и Нагорном Дагестане¹⁵⁰. Широкий спрос во всём Дагестане находила продукция ремесленников (особенно гончаров) Дербента.

Хозяйственный и социальный облик отдельных физико-географических зон, всего Дагестана в целом нельзя представить без интенсивно протекавшего процесса складывания крупных сёл. Хронологически этот период интенсивного формирования крупных населённых пунктов падает на XIII-XIV вв. На базе эпиграфических и археологических материалов прослежено (в качестве одного из вариантов) комплексное расположение мелких пунктов, тяготеющих к одному

крупному населённому пункту. Обычно, это селения-“спутники”, расположенные вокруг селения-“покровителя” как правило на расстоянии 1,5-10 км. Но был и другой вариант, “геоморфологический”, тяготение к главному пункту ряда тех поселений, которые были объединены экономически в рамках одного ущелья.

Конечно, процесс формирования новых административно-территориальных единиц (крупных селений) не был единовременным для всех районов Дагестана. Вместе с процессом укрепления и объединения шёл, правда, с гораздо меньшей интенсивностью, процесс разукрупнения селений. Это было последствием многочисленных иноземных вторжений, когда полностью разрушались многие селения. С другой стороны, приток большого числа населения из районов военных действий приводил или к их оседанию на новых землях и появлению новых селений или же к поселению переселенцев в уже существующих селениях. Ряд селений принимал поэтому иной структурный облик, что отразилось, например, в названиях сельских кварталов.

Исследованиями последних лет установлено, что усиление процесса образования крупного села совпадает хронологически (XIII-XV вв.) с процессом забрасывания террасных участков вокруг бывших населённых пунктов и интенсивным земледельческим освоением территории близ крупного пункта. Процессы эти совпадают также со временем значительного усиления старых и возникновения новых союзов сельских общин, с изменениями в социальной структуре дагестанского общества.

6. Политическое устройство и социальный строй

Характерной чертой политического и социального развития Дагестана в XIII-XV вв. становится усиление темпов неравномерного развития дагестанских владений. Сущность этого процесса заключается в том, что усилению одних государственных образований синхронно сопутствует потеря независимости других феодальных владений.

Многие владения потеряли моноэтнический характер, государственные и этнические границы в ряде случаев уже не совпадают. Полиэтническая структура крупных феодальных владений стала обычным явлением. Правда, этнический состав владений в течение XIII-XV вв. менялся в зависимости от ряда внутренних и внешних факторов, но основная тенденция включения в состав все новых и новых иноэтнических элементов продолжала действовать в течение всего рассматриваемого времени.

Указанные выше факторы нашли отражение на политической карте Дагестана XIII-XV вв. Кайтагское удийство, Аварское ханство, Газикумухское шамхальство, Дербентский эмират усиливаются. К XV в. постепенно восстанавливаются свои силы Табасаран. В то же время теряют свою самостоятельность Зирихге-

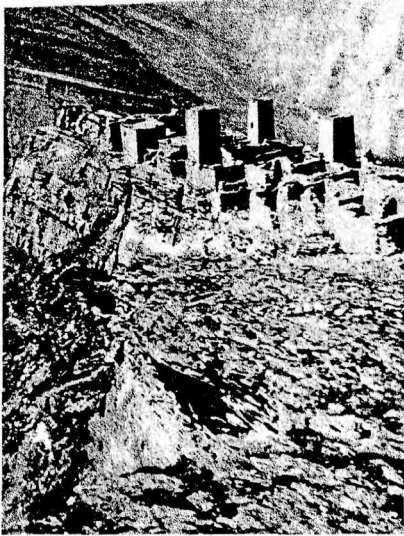

Рис. 94. Сел. Гоор

ран, Шандан, Филан, Карах. На политической карте появились новые союзы сельских обществ.

Всё это было следствием углубления централизации политической власти, роста феодальной собственности в одних случаях, политической децентрализации — в других. Параллельно шёл и другой процесс — рост земельной собственности крестьянского типа, за счёт общинного и, отчасти, феодального землевладения. Результатом этого было невиданное ранее усиление сельской общины и союзов сельских обществ. Последнее обстоятельство наложило отпечаток на всю последующую историю социальных и земельных отношений. Оно стало одним из факторов своеобразного и сравнительно медленного развития и специфичности феодальных отношений.

Феодальные владения Дагестана прошли длительный путь укрепления и сохранения самостоятельности при сложных и неблагоприятных внешнеполитических обстоятельствах.

Дербентский эмират, существовавший с середины XII в. до начала XIII в. как самостоятельное владение, в 1239 г. вошёл, как уже указывалось, в состав Золотой Орды, а затем стал северным оплотом государства Хулагуидов (до сер. XIV в.). После распада государства Хулагуидов Дербент на короткое время оказался во власти Джелараидов и Музаффаридов¹⁵¹.

С 1385-86 гг. до похода Тимура в 1395 г., т.е. примерно в течение десяти лет Дербент в составе Золотой Орды. Здесь чеканились монеты (дирхемы) с именем Тохтамышша. До утверждения дербентской династии ширваншахов (до 1382-1550 гг.) город не имел возможности для восстановления своих сил или же для проведения самостоятельной политики. С именем этой династии и связаны усиление, рост, восстановление Дербента, который, наряду с Шемахой, стал центром Ширвана (до перенесения резиденции в Баку). В 1406-1410 г. в Дербенте чеканится монета с именем Золотоордынского хана Джанибека — отражение признания номинального подданства.

Между 1412-1420 гг. Дербент, используя ослабление Ширвана, стал самостоятельным княжеством во главе с Исфандияром и оставался в таком положении до 1429-1430 гг.¹⁵².

Правитель Дербента ещё в VIII-XI вв., судя по “Истории Ширвана и Дербента”, имел титул эмира. Правда с 1071 г., когда Дербент заняли сельджуки, на

монетах появился титул султана (вплоть до 1160 г.) — признание зависимости от сельджукских правителей, а звания местных правителей на этих монетах не встречаются. Монеты после 1160 года упоминают маликов, но это может быть общим обозначением правителя (малик — “правитель”, “владыка”, “царь”). Как сообщает арабский автор Абу Хамид ал-Гарнати, в 1131 г. в Дербенте и правитель, и военачальник назывались эмирами. При Хулагуидах и Джучидах термин этот также был широко распространён. Так “охранение этой окраины” (т.е. Дербента) было поручено эмиру Тартазу “с личной тысячей”. В XV в. дербентский правитель города назван в эпиграфических памятниках и нарративных текстах эмиром. В середине XV в., и правитель города Исфандияр, и его брат-комендант дербентской крепости Ифтихар оба названы эмирами¹⁵³.

Аварское нуцальство также прошло в своём развитии несколько этапов. В литературе уже высказано мнение о том, что к концу XI — началу XII вв. раннефеодальное государство Серир распалось на мелкие феодальные владения, лишь частично воссоединённые впоследствии, в XIV-XV вв., в Аварском ханстве¹⁵⁴ (точнее, нуцальстве). Интересно отметить, что в “Тарих Дагестане”, завершённом, в основном, в начале XIV в., нет упоминания о Серире как едином государстве, а имеется подробное перечисление союзов сельских общин, на которые распалось некогда сильное и единое государство¹⁵⁵. Именно к этому времени можно отнести возникновение отдельных союзов сельских обществ, которые впоследствии активно и в течение продолжительного времени противостояли притязаниям феодальных правителей Хунзах. По источникам XVIII-XIX вв., на территории Аварии было несколько десятков союзов сельских обществ или же федераций этих союзов, лишь частично подчинившихся впоследствии, к началу XIX в. аварскому хану¹⁵⁶.

Каково же было их положение в более ранние времена? Если признать конец XI и весь XII век временем распада единого государства Серир, то к этому времени следует отнести создание на его развалинах не только отдельных, независимых союзов сельских обществ, но и выделение наиболее сильного владения, а именно Хунзахского нуцальства, которое несло в себе объединительные тенденции и которое стало одним из быстро растущих феодальных центров в Нагорном Дагестане.

Арабские авторы продолжают именовать Нагорный Дагестан Сериром и рассказывают о его территории. Абу-л-Фида констатирует (со ссылкой на более ранних авторов), что “... Серир — климат и обширное царство в стране ал-Лан близ Баб ал-аббаба...”. Далее он даёт более подробные сведения о Серире, относящиеся к XIII в.: “К востоку от М.т.р. ха — Река овец, на которой стоит страна Серир, а столица Серира на горе, смежной с горой языков”¹⁵⁷.

Среди многочисленных политических единиц постепенно всё более возвышалось Хунзахское нуцальство. Монгольские походы только укрепили положение аварских феодалов¹⁵⁸, а при походе Тимура Хунзах избежал участи многих пунктов, оказавшихся на пути завоевателя. Более того, аварская феодальная знать упрочила своё положение, ибо Тимур поддержал эту знать, “утвердив за ними

область и дав им ярлыкки...¹⁵⁹ Таким образом, внутренние и внешнеполитические условия способствовали усилению нуцальства.

В XV в. мы сталкиваемся уже с устойчивой попыткой аварских правителей фиксировать свои границы. Это хорошо отразилось в “Завещании Андуник-нуцала” (в тексте — “нусал”), датированном 890 г. хиджры, т. е. 1485 г. Этот ценный документ давно находится в сфере внимания исследователей, неоднократно переведен на русский язык,¹⁶⁰ но арабский текст еще не опубликован. Ниже даётся полный перевод одного из большого числа списков “Завещания Андуник-нуцала”, имея ввиду его историческую ценность и особую информативность:

“Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это завещание и аргумент (бурхан) Андуник-нуцала, эмира вилаята Авар, высочтимого, великого, обладателя мощи и /власти/ в бою — сыну своего брата Булач-нусалу.

О сын моего брата! Возьми ключи от семи ворот в [область] Авар: первые — [Али] хиличилал, вторые — эмиры Джунгута, третьи — эмиры Баклулала (Гумбета), четвертые — Андала (Анди, в тексте: Андала), пятый — Ккириссел (каратинцы), шестые — Хучадасал (хуштадинцы), седьмые — Баклал (Батлук).

Если ты возьмешь эти ключи, то ты будешь получать соль, мед, виноград, железо, рыба и все, в чем нуждается человек. Если же нет, то ты и твоё войско (аскар) лишится всего этого.

Затем имей ввиду (прими во внимание) четыре границы, которыми владели наши разумные и сильные предки: первая на западе — Кайсукули (все остальные варианты: Майсугьатган, т. е. возможно, часовня Миарсу Ботлихского района), на востоке — по середине селения Хуцал (Гоцатль; в тексте Хусахи), на юге — от Хучада до моста Хулука (Голотля) Саламезр (Салатау) до Таргу (Тарки).

Затем прими во внимание слова наших высокочтимых предков: “В вилайте Дагестан двести десять тысяч мужей, /в том числе/ шестьдесят тысяч в Тафсаране (Табасаране), тридцать тысяч у Хайдака, сто тысяч мужей в войске (аскар) фадишаха ал-Гумуки /ал Гъумукьи/, двадцать тысяч в войске (аскар) нусала ал-Авари а это /т. е. “войско” нуцала Аварии/ преобладающая из [всех] войск крепостью своих укреплений из-за отсутствия надобности в выездах /?/.

О сын моего брата! Если ты станешь эмиром, будь старателен в превышении этих границ (вариант перевода: старайся переступить эти границы) и не оставляй у другого даже яды [своей земли] подобно [твоим] храбрым предкам.

Составитель этой записи (тарих) кади войска во время [правления] Андуник — нусала Алмирза из Анди (ал-Анди). год 890”.

Изучение “Завещания Андуник-нуцала” позволяет установить как территорию Аварского нуцальства, так и соседних земель, причём речь идёт об уже сложившейся к XV в. исторических границах. Эти границы таковы: на западе Мийасугатан, близ Ботлиха, на юге Голотлинский мост на Аварском Койсу, на севере по линии Салатау -Тарки. В XV в. и позже “Южная граница проходила примерно по среднему течению Аварского Койсу, не включая правобережье”¹⁶¹. Это было междуречье Андийского и Аварского Койсу, вернее, пространство

Рис. 95. Сел. Бежта

на северо-востоке — обе части с аварским населением также существовали отдельно, причём в источниках упомянуты гумбетовские и дженгутайские эмиры. То же самое — об Анди (андийцы), Карата (каратинцы), жителей общества Тлурутли и жители Хучада из общества Гидатль. Что касается таких обществ, как Андалал, Тленсерух, Анцухо-Капуча, Гидатль, Дидо (дидойцы, или цезы, или цунтинцы), то они были совершенно самостоятельны. Названия ряда названных здесь обществ не зафиксировано в источниках, мы пользуемся поздней терминологией, но уже сам факт самостоятельного развития языков в них, устная традиция — всё это даёт возможность предполагать сравнительно давнюю суверенность этих обществ. Так, общество Гидатль выступает как независимая политическая единица. Более того, Гидатль, судя по одному из списков “Завещания”, претендует на равное с Хунзахским нуцальством положение, на равное влияние в аварских обществах. В этом списке там, где упомянуто имя нуцала, прибавляется имя гидатлинского шамхала и, соответственно, везде глагол в единственном числе переделывается в свойственное для арабского языка двойственное число. Так, например, если в одном списке завещание адресовано от имени эмира вилаята Авар Андуник-нуцала его племяннику Булач-нусалу, то в другом списке это место звучит так: “Это завещание Андуника, сына Ибрахима, эмира вилаята Хайдак... сыновьям его брата Булач-нусалу, эмиру вилаята Авар и Хаджали-шамхалу, эмиру вилаята Хид (Гидатль)”. Если первый список сообщает о 20-тысячном войске нуцала Аварии, то второй “исправляет” эту цифру сообщением о 40-тысячном войске “из войск нуцала и Хаджали-шамхала”. Таким образом, в этом документе обосновывается самостоятельное, независимое существование Гидатлинского общества.

Несколько слов о сущности “Завещания Андуник-нусала”. Все, кто обращался к этому документу, подчеркивают, что он отразил претензии (“возьми ключи”) аварского нуцала на соседние земли, попытку установить на них свое господство. В настоящее время выдвинуто новое, более убедительное мнение о том, что под фразой “прими ключи от семи ворот вилаята Авар” “...завещатель разумел не овладение, а военно-политический союз с семи политическими образованиями, который усилил бы ханство настолько, что дало бы возможность военной экспансии на восток к морю на юг, откуда и будут поступать блага, “все в чём нуждается человек”¹⁶².

“Завещание” зафиксировало вместе с тем границы “вилаята Авар”, идея сохранения стабильности этих границ “не оставляй у другого даже пяди (своей земли)”. Таким образом, в “завещании” заложены определенные “оборонительные” тенденции.

В тексте “Завещания” привлекает внимание два специальных термина “мужи” (риджал, ед. ч. раджул) и “войско” (асакир, ед. ч. аскар). По сути своей оба термина идентичны, т. е. в данном случае под словом “аскар” (“войско”) следует понимать не только воинские силы в буквальном смысле, а мужское население, способное стать членом ополчения (или же мужское население общества вообще). Представляется вероятным, что Алимирза из Анди, составивший текст “Завещания” имел ввиду аварское слово “бо”, несущее широкую “смысловую нагрузку” (народ, общество, состоящее из нескольких селений; ополчение, войско). Только при такой интерпретации можно понять общую цифру 210 тысяч “мужей” Табасарана, Хайдака, Гумика, “вилаята Авар”.

“Завещание” показывает также, что титул нуцал носит и племянник Андуник-нуцала / “Булач-нусал”. Таким образом, можно допустить, что термин нуцал, как и термин эмир в Дагестане относится на определенном этапе (в данном случае в XV в.) не только к собственно правителю, но одновременно к наследнику власти. Это обстоятельство дало основание утверждать, что до середины XVII в. титул нуцал передавался не непосредственно от отца к сыну, а “повидимому, он переходил от старейшего в одной ветви к старейшему в другой”¹⁶³. Это правильное в целом наблюдение должно быть уточнено: речь идет не об обязательном переходе власти от одной ветви к другой, т. е. не о некой “очередности” в престолонаследии, а о довольно широко распространенном обычае перехода власти к старейшему в роду правителя.

Последующая история Хунзахского нуцальства (впоследствии Аварского ханства) — это процесс усиленного наступления нуцальства на соседние земли и упорной, порой успешной, борьбы сельских общин, их союзов, конфедераций этих союзов против претензий феодальных правителей.

Таким образом, на примере Серира прослеживается механизм образования единого раннефеодального государства, его распада на отдельные части, возможно, первоначально княжеств, “переродившиеся” потом, в основной своей массе, в союзы независимых сельских общин, которые, в свою очередь, постепенно втягивались в сферу влияния всё усилившегося Хунзахского нуцальства.

Рис. 96. Калакорейш. “Полуцилиндрическое” надгробие на могиле правителя Хайдака. Деталь

предположить его древность. Выше уже указывалось, что у арабских историков и географов IX-X вв. слово нуцал не встречается, как и другие социальные термины уцмий, шамхал, майсум. Местные правители обозначались общим арабским термином малик (царь, владыка).

В дагестанских исторических сочинениях “Дербенд-наме” и “История Ширвана и Дербенда” (“Тарих ал-Баб”) это слово также не встречается. Впервые оно упомянуто в “Тарих Дагестане” в связи с событиями X в., но сама хроника составлена в XIV в. Согласно этой хронике, “правителем (малик) в городе области Авар, называемом Танус... был неверующий... по имени Сурака по прозвищу нуцал. Это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего правителя”. В “Завещании Андуника”, как уже указывалось, упоминается правитель Андунник с титулом нуцал.

Учёные предпринимали неоднократно попытки объяснить происхождение термина нуцал. Было высказано мнение, что нуцал (нуци) это “иудейский термин “нуси”, “носи” (предводитель колена, вельможа, старейшина, князь), занесённый в горы, по всем вероятностям, при владычестве хазар на плоскости”. Имеется и другое мнение — титул нуцал “происходит скорее всего от грузинского слова нацвал “наместник, староста”¹⁶⁴. Общность происхождения терминов нуцал и нацвал очевидна, но нельзя исключить именно его местное, аварское происхождение.

Аварцы имеют самоназвание маарулал (“горцы”), очевидно, и в средневековье в ходу был это этнический термин. Термин Авар был известен ещё в X в., но так, по сведениям арабского автора Ибн Русте, звали правителя Серира. В 1404 г. архиепископ персидского города Султания Иоанн де Галонифонтибус писал в своей книге, что на Кавказе живут “черкесы, леки, йассы, аланы, авары, казикумухи”¹⁶⁵.

Это первое известное нам достоверное упоминание населения Нагорного Дагестана под названием авары¹⁶⁶.

Кайтак (Хайдак) представляет собой в XIV-XV вв. также одно из сильных

феодалных владений Дагестана. В конце XIV или в начале XV в. Кайтак подчинил своему влиянию Зирихгеран, а в середине XV в. потомки кайтагского правителя управляли крепостями и селениями в Южном Дагестане, конкретнее в Табасаране и Докузпаре, и находились в родственных связях с правителем Ширвана.¹⁶⁷

В середине XV в. Кайтак включал как собственно кайтагские, так и часть даргинских, кумыкских и лезгинских земель. В середине XVI в. правитель Кайтака (“Алильбек, князь Кайтагский”, шурин ширваншаха)¹⁶⁸ распоряжался землями вплоть до Тарки. Столицей владения было горное селение Калакорейш, расположенное на правом берегу р. Боган, на неприступной горе. Значение Калакорейша подчёркивалось тем обстоятельством, что кади именно этого селения записывал и закреплял своей подписью акты материалы¹⁶⁹.

Верховным правителем Кайтага был уцмий. Согласно местной исторической традиции, в основе термина стоит арабское слово “исм” (“имя”), значит, и социальный термин следует перевести как “именитый”. “Владелец Кайтага, поставленный арабами, носил титул “исми” (“именитый”), откуда уцмий” так писал Е. И. Козубский¹⁷⁰, подчёркивая роль арабов в создании как термина, так и феодальной власти. В противоположность этому было выдвинуто другое мнение: в основе термина лежит “иудейское слово “оцум”..., означавшее “сильный, мощный”¹⁷¹.

Ни одно из этих мнений не убедительно. Ни в сочинениях арабских авторов, ни в местных исторических сочинениях, составленных в X-XIV вв., этого термина нет. Это не даёт, однако, права категорически отрицать наличие в наборе местных социальных обозначений X-XIV вв. слова уцмий, но впервые в местном историческом тексте середины XIV в. оно встречается в связи с событиями конца XIV в. В хронике Махмуда Хиналугского, датированной 861 годом хиджры (1456-1457), в связи с событиями последней четверти XIV в. (походы Тимура) впервые упоминается кайтагский правитель с титулом уцмий это Султан Мухаммедхан-уцмий.

В Калакорейше внутри здания мечети сохранилась надгробная плита (конец XIII или XIV в.) на могиле “владельца (сахиб) Кала Курайша Ах. с.б.р., сына Хиздана”. Это самый ранний, “не известный по другим источникам предшественник, и, возможно, предок уцмиев, однако, как видим, ещё не носивший титул усми”¹⁷². Власть уцмийа была, по всей вероятности, наследственной и переходила по традиции к старшему в роде. В хронике Махмуда Хиналугского указывается, что после смерти уцмийа Султана Мухаммедхана в конце XIV в. “по причине того, что Бек-Кишихан по возрасту был старше, население и область кайтаков подчинялась последнему”¹⁷³. Однако в конце XIV в. в связи с ростом сепаратистских тенденций эта формула наследования власти обычно не соблюдалась.

Кумух после монгольского погрома 1240 г. сумел постепенно восстановить и укрепить свою власть, влияние шамхала на многие соседние земли, в том числе и на ряд союзов сельских общин, выделившихся из бывшего Серира. В XIV в. многие земли вносили харадж шамхалу и его наследнику (крым-шамхал). Ку-

Рис. 97. Памятник “шамхальского” стиля. XV в. Сел. Кумух

1501 г. сочинения знаменитого арабского учёного, философа ал-Газали “Ихйа улум ад-дин” Идрисом, сыном Ахмада “в селении Акуша, одном из селений Газигумика”¹⁷⁶.

Во время вторжения в горные районы в 1396 г. Тимур столкнулся с владением, правитель которого шамхал¹⁷⁷, возглавивший войска “области Газигумуклук и войска Аухара”¹⁷⁸, оказал сильное сопротивление, но после убийства шамхала знать изменила тактику, поддержала завоевателя, получив за это в качестве поощрения подарки и земельные участки¹⁷⁹. Поход Тимура фактически содействовал утверждению власти газигумукских феодалов.

Иоанн де Глонифонтибус в своей “Книге познания мира”, написанной в 1404г., рассказывает о народах Кавказа, в том числе и о дагестанских. В одном месте он сообщает о туригах, лазах, лагги, которых исследователи отождествляют с даргинцами, лезгинами и лакцами. В другом же месте сочинения упоминаются авары и казикумухи¹⁸⁰. Здесь мы встречаемся с одним из самых ранних упоминаний лакцев под названием “казикумух”.

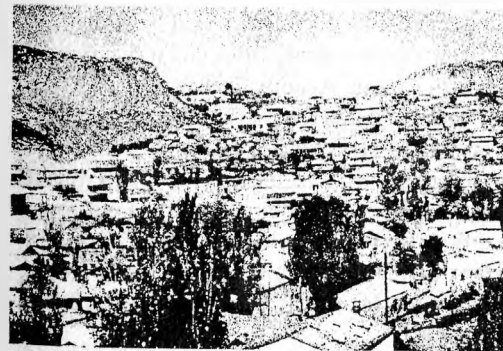

Рис. 98. Сел. Акуша

Феодалный правитель Ку-

муха носил титул шамхал. Происхождение этого титула не совсем ясно. Устная традиция, авторы местных арабоязычных сочинений, исследователи XIX-XX вв. выдвинули несколько версий о происхождении и социальной сущности этого термина. Согласно одной из них, он выходит из Сирии (Шам) и из селения Хал, отсюда шамхал; согласно другим в VIII в. арабы назначили правителем Кумуха своего ставленника по имени Шахбал, что стало потом социальным термином; в основе лежит арабское слово шейх (мн. шуйух); соединение арабского Шам и лакского "хьал", что является показателем принадлежности к определённой племени или местности, и дало это название¹⁸¹.

В целом же ни одна из этих версий не имеет сколько-нибудь убедительных обоснований, и вопрос о происхождении этого и ряда других социальных терминов требует дальнейших изысканий.

В местных исторических хрониках термин шамхал впервые встречается в связи с событиями VIII-IX вв., но сами хроники дошли до нас в поздних списках (XVIII-XIX вв.), что позволяет говорить о возможных позднейших вставках в текст.

Особый интерес представляет сообщение русской летописи о том, что во время восстания в Твери в 1327 г. был убит ханский посол Шевкал. Это сообщение позволяет рассмотреть вопрос в сфере монголо-дагестанских взаимоотношений. Во всяком случае высказано два интересных предположения: в Кумухе "установилась власть татар-шамхалов", причём, "новый" шамхал происходил из рода Чингис-хана¹⁸²; или же в период господства монголо-татар в равнинных районах Дагестана, "правитель кумыков" мог быть возведён ими в сан шамхала¹⁸³.

Первое же исторически достоверное упоминание относится к 1318 или 1319г.: это сообщение арабской надписи на камне из сел. Худуц Дахадаевского района с упоминанием шамхала из Кумуха (Гумик) по имени Ах. сбар (Ахсибар?)¹⁸⁴. В надписи из сел. Ашты (Дахадаевской р-н) также встречается имя шамхала, оно уверенно не читается, Б.з.р. это или же Б.з.ц. шамхал¹⁸⁵. К сожалению, надпись не датирована, но палеографически её можно отнести к XIV в. Сведения о других шамхалах до начала XVI в. ещё не зафиксированы.

Столицей Газикумукского шамхальства было селение Кумух (Газикумук), не только крупный административный, но и торгово-экономический и культурный центр. В арабских источниках он назван Гумик. Аварцы называют его Гумек (Гъумек), лакцы Гумучи (Гъумучи), тюрская форма Кумук (Къумукъ, Гъумукъ). Точно не известно, когда селение получило своё второе название Газикумук (Газикумук), но интересно то обстоятельство, что в надписи 1318-1319 года из Худуца и в исторической хронике "Тарих Дагестан" селение названо Гумиком, а в конце XIV в., ко времени Тимура, относится упоминание "области Газикумук-лук"; в одной из арабских рукописей же отмечено, что она переписана в 1405 г. в Газикумике¹⁸⁶. Выше уже указывалось, что Иоанн де Галонифонтибус среди народов Дагестана называет казикумухов¹⁸⁷.

Исходя из этих данных, можно предположить, что во второй половине XIV в. название Газикумик (Газикумук) широко употребляется наравне с названием

Гумик (Кумух).

Политическая карта Южного Дагестана XIII-XV вв. отличается особой пестротой. Внутриполитическая система испытывала в XI-XIII вв. серьёзные изменения, децентрализация политической власти стала очевидным явлением. Если в XI в. сообщается о Восточном и Западном Лакзе, то в XIII в. пишется уже не о "малике" Лакза, а о "маликах"¹⁸⁸, чем подчёркивается отсутствие централизованной власти. Селения Ахты, Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Цахур, Курах, Мишлеш предстают перед нами в XIII-XV вв. как отдельные, независимые друг от друга владения, где уровень социальной стратиграфии не всегда чётко определяется. Рича, Цахур, Мишлеш находятся в руках эмиров, в Цахуре упрочилась власть беков, а Ахты и Курах стали столицами сильных союзов сельских общин. Эпиграфический материал хорошо иллюстрирует указанное положение. В надписи из селения Рича упоминается Бассадж, сын Сулеймана, приказавший построить в 1241 г. крепость после ухода монголов из селений¹⁸⁹. Вслед за ним в следующем году "эмир прославленный, великий Иг.р.л.з." продолжает строительство крепости. Через 8 лет упоминается другой эмир — Адам, сын Абдалмалика, по приказу которого была восстановлена летом 1250 г. соборная мечеть в селении, разрушенная монголами, причём эмир этот наделён титулатурой: "Эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии"¹⁹⁰. Здесь хорошо прослеживается, как со временем титулатура эмира становится более пышной. Рича представлял собой, очевидно, маленькое владение, княжество, сумевшее после ухода монголов восстановить свою независимость.

В Цахуре же, расположенном в верховьях Самура, сословие беков прослеживается с середины XIV в. Арабская надпись из Цахура сообщает о Чакуне, сыне Кадир-бека, погибшего шахидом в борьбе за веру в селении Зиль в 1377 г.¹⁹¹ Цахур был крупным "столичным" селением, о котором арабский автор Закарийя ал-Казвини писал: "Захур — большой город, густо населённый. Он главный город (касба) страны Лакзан... В городе имеется медресе, которое основал Низам ал-Мулк..."¹⁹². Низам ал-Мулк, великий сельджукский везирь, скончался в 1092 г. Значит, ещё с конца XI в. Цахур представлял собой важный духовный центр Южного Дагестана. Возможно, что Цахур упоминается у Мовсэса Каланкатваци в связи с событиями IV-V вв. под названием Цри "города-крепости, большого города Албании в стране чилбов, идентифицируемых с цахурами"¹⁹³. В 1432 году Цахур успешно отбивает поход объединённых сил Искандера Кара-Коюнлу и Рутула, также ставшего самостоятельной политической единицей.

Что касается Кураха, то он стал центром небольшого союза сельских обществ, границы которого были зафиксированы в 1356 г. Арабская надпись в стене курахской мечети хронологически первый в истории Дагестана письменный документ о границах союзов сельских обществ. Вот его текст: "Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до загона для скота, [принадлежавшего] Рутуну, и до Хаджиева камня и до вершины Кул-Кула и до горы Архита до Хараджского моста и до Друштульского тока и до вершины горы, не занятой Хбуком. А это

горный хребет со стороны юга: от [озера] Кулан-вир до [горы] Т.р.к. р. кил выше Кимихура и до речки под Титалем и до М. гункура, [где] кончается конюшня и начинается Цилинги. В 757 году”¹⁹⁴.

Особое положение земель по обеим сторонам среднего течения Самура заключалась в том, что “деградации” политической власти в них содействовала установившаяся здесь с конца XIV в. власть представителей дома кайтагского уцмий, вассалов ширваншаха¹⁹⁵. В дальнейшем, в XVI в. судьба указанных владений сложилась по-разному. Хнов, Цахур ещё более усилились, причём Цахур выделился как сильное владение, расширив свою территорию за счёт других земель, в том числе и Мишлеша; Курах стал на путь медленного перехода к феодальному обществу, а Ахты, в свою очередь, распался на ещё более мелкие союзы сельских общин (Ахтыпара, Докузпара).

С начала XIII в. вплоть до второй половины XV в. в источниках нет сообщения о Табасаране. Надо полагать, что в XIII в. первой половине XV в. Табасаран не выступал на политической арене в качестве самостоятельного владения. Политическая децентрализация некогда единого Табасарана, наблюдавшаяся в XII в. (об этом уже писалось выше) продолжалась и в последующем. Монгольские завоевания, походы Тимура ещё больше ослабили страну. Вероятно, с этого времени, т. е. примерно с XIV в. он попал под политическое влияние все более усиливающегося Кайтага. Очевидно, в середине XV в. Табасаран восстанавливает свои силы, а в конце XV в., как можно заключить из “Завещания Андуника” это уже владение, способное выставить 60-тысячное войско. В XV в. уже появляются важные сообщения о стране. Так, в сочинении “Джахан наме” о ней говорится: это “укреплённый замок, в районе которого живёт 40000 семейств”.

В XIV-XV вв., как видно из источников, прибрежная полоса, занятая кумыками, оказалась под властью газикумухских и кайтагских феодалов. В раннесредневековых источниках нет каких-либо обстоятельных сведений о кумыках, хотя к XIII в. сложилось основное ядро кумыкского народа, а с XIV-XV вв. “устанавливается экономическая, политическая и языковая общность на территории Кумыкской равнины”¹⁹⁶. Отсутствие сведений о кумыках можно объяснить отчасти тем, что территория эта, постоянно подвергавшаяся иноземному нашествию, была в сфере политического влияния Золотой Орды. Прослеживается это и в последующее время, то есть в XIV-XV вв., когда два крупных государственных образования Газикумухское шамхальство и Кайтагское уцмийство имели политическое влияние на земли равнинного Дагестана.

В социальной структуре дагестанского общества второй половины XIII-XV вв. чётко прослеживаются основные классы феодального общества, резко противоречащие друг другу. Класс феодалов представлен правителями, их близкими потомками (беки), чанки, военно-служилой знатью, верхушкой духовенства и ряда сельских общин. Феодальные правители (нуцалы в Аварии, уцмий в Кайтаге, майсумы и кадий в Табасаране, эмиры и султаны в Дербенте, беки и султаны в Цахуре) владели пахотными и пастбищными землями.

Одним из крупных земельных собственников был Газикумухский шамхал.

Историческое сочинение “Тарих Дагестан” даёт перечень поземельной подати (харадж), которая поступает в распоряжение шамхала от многочисленных сёл и обществ (в их числе также ряд аварских, даргинских, лезгинских селений). Объектом обложения хараджем служат, в основном, пастбищные земли, отдаваемые в аренду. Налог взимается ежегодно, раз и навсегда регламентирован. Вслед за шамхалом на социальной лестнице шамхальства находится официальный наследник шамхала, крым-шамхал, также участвующий в распределении ренты. Огромную роль в укреплении власти шамхалов и его “дома” играла военно-служивая знать. Это к ним относятся, по всей вероятности, слова историка об “эмирах газикумухов”¹⁹⁷. Как сообщает историограф Тимура Низамаддин Шами, к Тимуру прибыли “эмиры газикумуков, ходжи и вельможи”, а другой историограф, Шарафаддин Йезди уточняет: “в это время пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)”¹⁹⁸.

Эмиры, упоминаемые в тексте, это представители шамхальского дома, стоявшие, очевидно, во главе отдельных отрядов шамхальского войска. Это наиболее влиятельная и самостоятельная часть социальной верхушки после шамхала и крым-шамхала, точнее беки, хотя этот термин не употреблён. Представители духовенства названы казиями (или ходжи), а “вельможи” (акабир) это по всей вероятности, представители богатой сельской верхушки. Слово калантар означает обычно старшину или старосту, потому оно переведено словом старшина. Однако в данном конкретном случае старшины — не самая точная передача значения термина калантар. Дело в том, что у Йезди “калантар” соответствует “эмирам” у Шами, т.е. предводителям отдельных отрядов шамхальского войска, обычно бекам. Поэтому под калантарами следует понимать предводителей отдельных отрядов аварского и кумухского войска.

Правители Кайтага, уцмий, были также распорядителями больших земельных участков. Они сосредоточили в своих руках верховную собственность на землю. Была установлена наследственная власть уцмий, наследником считался обычно старший в роде, но правило это не всегда соблюдалось. Беки, члены уцмийского дома, наиболее влиятельная после уцмий социальная сила в Кайтаге, также располагали значительными земельными массивами. Так, например, Ахмед-бек, сын уцмий Султана Ахмедхана, был обладателем “имущества, мульков, земель”¹⁹⁹. имел “слуг (хадама) и рабов (абид)”²⁰⁰. Земельный фонд беков нередко формировался за счёт дарений и непосредственной покупки. Сын уцмий Эльча получил в конце XIV в. от ширваншаха “на содержание махалл Акдап вилайата Ширван, исключая только селения Вардан, Йакублу и Сукутлу, которые и раньше... были в его распоряжении. Эмир.. поселился в селении Салар-арди... Он купил ещё раньше его земли и строения от его владельцев... Всё это он купил законным путём”²⁰¹. В конце XIV — начале XV вв. сын уцмий Мухаммед-бек получает “в управление... Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кура...” и др. земли от ширваншаха²⁰². Земли -дарения находились в наследственном владении беков, а приобретённые актом купли-продажи — на правах частной собствен-

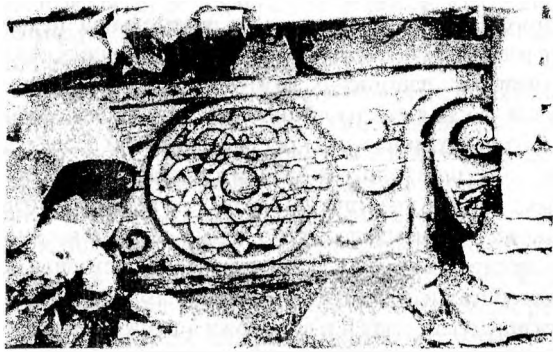

Рис. 99. Сел. Фите. Деталь деревянных опорных столбов. Мечеть X-XI вв.

сти с правом налогового и административного иммунитета. Однако эти обстоятельства питали сепаратистские тенденции, которые вскоре и проявились.

К классу феодалов относятся также и чанки, дети беков от неравного брака, имевшие, однако, земли на правах наследования. В дошедших до нас источниках термин чанка известен на территории

Кайтага в XVI в.²⁰³, он имел, разумеется место и в предыдущее время, причём институт чанка был характерен для всего Дагестана в целом.

Аварское нуцальство возглавлялось, как уже указывалось, нуцалом. Этим титулом отмечен Булач в Аварии в “Завещании Андуника” от 1485 г.²⁰⁴ Возможно, что этот термин был известен и раньше, во всяком случае в XIV-XV вв., однако проверенного документального подтверждения этому нет. В местных исторических сочинениях владельцев и знать отдельных селений и группы их называют эмирами и райсами. Можно предположить, что в данном случае понятия эмир и бек идентичны.

Особое место в системе социальных отношений всех феодальных владений занимает служилая знать. В таких ценных источниках, как “Худуд ал-алам” (X в.),

Рис. 100. Сел. Кумух

История Ширвана и Дербенда” (заключен в 1106 г.) категория военно-служилой знати представлена под различными терминами — это сипехсатары (военачальники), жившие в городе Хандан²⁰⁵, это верхушка серирского войска — тарханы и батрики, это райсы — предводители отдельных небольших воинских отрядов в Серире. Очевидно, райсы, батрики и тарханы — это средние чины феодального ополчения, местное наименование которых в источниках не сохранилось.

Надписи XIV в. на камнях, сохранившиеся в сел. Хнов (Ахтынский р-н), зафиксировали впервые в эпиграфике сословие всадников — основного ядра феодальной дружины. Они составляли влиятельную общественную группу и представляли собой привилегированную категорию хновского общества. Часто отряд всадников возглавлял эмир, “глава всадников”, достоинство которого подчеркивается также термином “звезда войска”²⁰⁶.

Класс крестьян представлен несколькими категориями. Наиболее крупные их подразделения, если учесть позднюю терминологию, это уздени и раййаты. Под узденями подразумевались как независимые крестьяне, имевшие свои мульки (в независимых союзах сельских общин), так и владевшие мулками крестьяне, находившиеся в феодальнозависимом состоянии. Крестьян, не имевших своей земли или лишившихся земледельческих прав и пользовавшихся землями феодалов, называли раййатами.

В источниках XIV-XV вв., вернее, относящихся к этому времени, термин раййат (раят) применяется в более широком смысле — это податное сословие вообще, включая общинную знать, свободных общинников, обладателей мулков, членов феодальнозависимых общин, обезземеленных или малоземельных крестьян-издольщиков²⁰⁷.

Аренда земельных участков (пастбищных и пахотных) была широко распространённым явлением. Так, например, шамхал располагал “правом” взимать харадж с населения многих обществ и селений лишь потому, что общинные пастбища или же пахотные участки считались его землёй то на правах домена или верховной собственности, то на правах частной собственности. Источниками формирования издольщиков были малоземельные крестьяне, лишившиеся земли, отдельные семьи или же слуги, посаженные на землю.

Объектом податного обложения служили, как мы видим из данных “Тарих Дагестан”, отдельные дома (тухумы) и, в основном, сельская община в целом. Сельская община в Дагестане XIII-XV вв. сохранила свою структуру. Община типа марки была господствующей. В рамках этой общины велось самостоятельное крестьянское хозяйство.

Сочетание феодального землевладения с мелкими крестьянскими владениями, отсутствие при этом крупного феодального хозяйства было одной из основных причин длительного, незавершившегося процесса превращения свободного члена общины в феодальнозависимого крестьянина. Община и в XIII-XV в. сохраняла свою двойственную роль: с одной стороны, она защищала свои интересы в целом, с другой же как фискальная единица, обеспечивала возможность определённой формы феодальной зависимости. Пути становления зависимых отношений жителей отдельного селения или групп населённых пунктов хорошо прослеживаются из сообщения упомянутой выше надписи 1318-1319 г. из селения Худуц: жители Кумуха, или кумухская сельская община выступает как внутренняя политическая сила, она отдаёт с разрешения шамхала и старшины земельный участок, пастбищные и пахотные участки одного селения (Худуц) другому селению (Анчибачи).

Покровительственная политика в сфере земельных отношений возвышает одну общину (в данном случае кумухскую) и ставит в зависимое положение другую — это один из путей установления или же укрепления зависимых отношений.

7. Второй этап исламизации Дагестана (вторая половина X-XV вв.)

Вторая половина X в. — переломный момент в истории исламизации Дагестана, характеризующийся темпами, масштабностью, новыми реальными силами, проводившими идею новой религии. “Шествие” ислама шло на фоне дальнейшего усиления социальных противоречий в дагестанском обществе, “покровительственной” политики завоевателей — сельджуков, монголов, (начиная с конца XIII в.), Тимура и, что особенно важно на фоне постоянно растущих экономических, культурных, идеологических контактов Дагестана с ближневосточными странами.

Выше уже отмечался ход исламизации на первом этапе, когда в Дербенте, Семендере, на всей равнине, в районе Табасарана, нижнего и среднего течения Самура, в бассейне Гюльгеричая население стало мусульманским²⁰⁸.

К концу X в. мусульманами становятся “покорённые арабами-корейшитами обитатели ряда сёл, расположенных по Шалбуздагу”²⁰⁹. Ещё в 995 г. новые идеи восприняли даргинцы жители Уркараха и близлежащих селений. В течение второй половины X-XII вв. ислам приняло население всего бассейна Самура, Гюльгеричая, верховьев р. Буган. Ярким свидетельством этого являются памятники эпиграфики — эпитафии и строительные надписи этого региона, относящиеся к X-XIII вв. Старейшие надписи X в. зафиксированы в сел. Каракюре Ахтынского района, Ихрек и Гельмец Рутульского района, Фите Агульского района. В сел. Цахур, что в верховьях Самура, в конце XI в. было построено медресе. Закарийа ал-Казвини воссоздаёт перед нами картину религиозной жизни в высокогорном селении, где жили цахуры, будущей столице Цахурского султаната: “... есть у них хатиб (проповедник), который молится вместе с ними, и кади, который разбирает споры между ними согласно учению имама аш-Шафии. Все жители города (мадина) шафииты. В городе имеется медресе, которое основал Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак, при медресе имеется учитель (мударрис) и факихи”²¹⁰.

Вскоре Цахур стал одним из главных опорных пунктов, содействовавших расширению сферы влияния ислама в Южном Дагестане.

Что касается Дербента, то он продолжает выступать, особенно в лице городских гази, активным носителем идей ислама. В надписях X-XIII вв. из Дербента встречаются типично мусульманские имена и формулы. Сообщения ал-Хамадани и Ибн ал-Факиха (X в.) о “воротах джихада” и местных хроник, связывающих

известный могильник XI-XII вв. Кърхляр (“Сороковник”) с “шахидами” (“борцами за веру”) хорошо иллюстрируют роль города в идеологической жизни соседних территорий. В процессе исламизации соседних земель созданные ещё в VIII в. пограничные посты арабов превратились в “исламские центры” (ал-маракиз ал-исламийа). Эти посты эволюционировали в “суфийские центры обучения и практики”, т.е. в суфийские рабаты. Отсюда становится понятным статус и роль гази, населявших эти “центры” в процессе исламизации²¹¹. Выявлена специфика и механизм исламизации региона, которые в широких масштабах проходили в рамках суфизма²¹². Важную роль играло также и то обстоятельство, что в X-XI вв. Дербент был не только чисто религиозным, но и крупным духовным центром, где уже сложились устойчивые традиции фикха, хадисоведения, суфийской и исторической литературы²¹³. В XIII в. здесь уже было несколько медресе “для тех, кто поблизости и занимается религиозными науками”²¹⁴.

В исламизации Дагестана, особенно в районе Дербента, значительную роль сыграл тюркский элемент. Выдающийся востоковед В.В. Бартольд отмечал, что “победа тюркского элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры”²¹⁵. В XI-XIII вв. тюркское влияние в Дербенте было значительным. Количество кипчаков и сельджуков в районе Дербента было довольно внушительным. В 1075 г. в хутбе (проповеди) с кафедры мечетей “пограничной области” стало читаться имя султана Сау-Тегина²¹⁶. Власть сельджуков продолжалась до первой половины XII в. Сельджуки всё настойчивей и упорней проводили идеи ислама, который был государственной религией державы. Как писал Аббас-Кули Бакиханов, “усилившаяся Сельджукская империя сделалась могущественной, и государь её обращает особое внимание на Ширван и Дагестан. При них-то многие племена горцев приняли ислам”²¹⁷.

При монголах тюркский элемент ещё более усилился, так как он составлял значительную часть монгольского войска. Походы монголов первоначально отрицательно сказались на положении мусульманского духовенства и позиций ислама в Дербенте, но впоследствии это положение резко изменилось, монгольские государства (государство Хулагуидов и Золотая Орда, приняв ислам при Газанхане, поддерживали мусульманское духовенство. Ширваншахи также придавали большое значение строительству культовых сооружений. Разрушенные сооружения быстро восстанавливались, строились новые. В 770/1368-1369 г. была восстановлена джума-мечеть в Дербенте²¹⁸. С именем ширваншаха Фарруха Йасара (1462-1500) связано строительство здания медресе при джума-мечети “для учащихя, которые будут в нём получать знания по шариатским наукам до конца света”²¹⁹. По имени основателя медресе оно получило название ал-Фаррухийя, т.е. Фарруховское²²⁰. Возможно, с его именем и связано строительство минарет-мечети в Дербенте.

Вопрос о принятии ислама в Кумухе и близлежащих землях остаётся запутанным, сложным из-за противоречивости дошедших до нас сведений. Согласно исторической традиции и надписям на камнях (к сожалению, все эти надписи — это копии с предыдущих, не сохранившихся записей на камне), ислам в Кумухе

был принят в VIII в.²²¹ Это вполне реально, но в VIII в. ислам в Кумухе прочно не утвердился. В 1064 г., как сообщает “История Ширвана и Дербенда”, “... гумикские неверные” нападают на селения ал-Баба, убив при этом “много мусульман”²²². Согласно сведениям курдского писателя начала XII в. Масуда ибн Намдара, жители Кумуха приняли ислам в конце XI в., и событие это произошло благодаря активным усилиям предводителей мусульманского Ширвана²²³. В X-XII вв. Ширван значительно усиливается, расширяет свои границы, оказывая сильное политическое и экономическое влияние на Южный Дагестан²²⁴. В кон. XI в. ширваншах писал жителям Кумуха (Гумик): “... Вы изъявили желание быть приверженными безопасности и насытиться верой, а кто ищет защиты у Аллаха, то он ведёт (его) прямым путём... Поспешите, до поведет вас Аллах прямым путём, с ответом, спешите получить наше одобрение... Вы знаете о том, что когда вы примете ислам, вы будете спасены; когда вы начнёте верить, вы будете в безопасности”²²⁵. В качестве посредников в этом процессе ширваншах привлекает “жителей некоторых населённых пунктов ал-Лакза”, к которым он также обращается с письмом, настаивая на энергичных действиях в деле привлечения к исламу жителей Кумуха²²⁶.

В XII-XIII вв. позиции ислама в Кумухе значительно усиливаются, охватывая, можно полагать, все лакские селения. Может быть, именно после этого, они превратились в “гази” “воителей за веру”. Это можно связать с усилением влияния тюркского элемента, ибо “гази” тюркский термин²²⁷.

На втором этапе прослеживается важное обстоятельство — роль распространителя ислама перешла в основном от арабов к другим этническим и политическим группам. Выше уже отмечалось, что при монголах тюркский элемент в Дагестане усиливается. Процесс исламизации среди правящей верхушки в Золотой Орде, начавшийся при хане Берке (1255-1266), сыграл здесь немаловажную роль.

Как известно, золотоордынские ханы в поисках путей усиления торговых и политических связей со странами Ближнего Востока стали придавать большое значение Восточному Кавказу. В этой политике религиозный фактор играл немаловажную роль. Хан Берке и его последователи активно поддерживали мусульманские элементы на всей территории Золотой Орды, а также и на территории Дагестана. Золотоордынские ханы создавали значительные привилегии купцам и торговым людям. Исламский фактор искусно использовался в борьбе против Хулагуидов, убивших халифа и уничтоживших ряд мусульманских городов²²⁸. В 662/1283-4 г. ислам принял хан Тура-Менгу (1280-1237), а за ним и Узбек (1312-1342), причём в Сарай Берке, столице Золотой Орды, было 13 мечетей²²⁹. Как сообщает арабский историк Ибн Касир, “Узбекхан... провозгласил исповедание ислама и убил его многих неверных”²³⁰. Начиная с Узбека, все золотоордынские ханы были мусульманами²³¹.

Позиция золотоордынских ханов имела непосредственное отношение и к судьбам ислама в Дагестане. Во власти золотоордынских ханов был в это время не только Дербент, но и равнинные земли к северу от него, ибо к хану Менгу-Темиру

Рис. 101. Зиярат Гаджеси Мусы. Сел. Хури Лакского района. XV в.

(или Менгу-Тимуру, 1266-1282) перешло господство над “странами северными, тюркскими и кипчакскими, Железными воротами и теми, кто к ним прилегает”. В лице правящей верхушки Золотой Орды мусульманское духовенство Северного Кавказа и Поволжья нашло политическую поддержку. Сами представители духовенства Дагестана играли немаловажную роль в Золотой Орде. В её столице Сарай-Берке, как сообщает известный арабский путешественник Ибн Баттута (1303-1377), “... среди шафийтских мударрисов имеется достойный имам Садраддин Сулейман ал-Лакзи, один из превосходных людей”²³², выходец из Лакза.

В лице Тимура мусульманское духовенство нашло ещё большую

поддержку. В борьбе против своего политического противника Тохтамыша, с которым они столкнулись в 80-90-х годах XIV в. Тимур немаловажное значение придавал религиозному фактору и искусно использовал в своих целях морально-этический авторитет мусульманского духовенства. Как писал В.В. Бартольд, “для Тимура религия была более оружием для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки”, он покровительствовал законоводам, “беседовал с ними, как с равными, и относился с особым уважением к потомкам пророка”²³³.

Эту ориентацию на ислам, на поддержку мусульманского духовенства, представителей местной власти Тимур проводил и в Дагестане, что хорошо прослеживается на его отношениях к правителям и духовенству Кумуха и Аварии.

В конце XIV в. ислам в Кумухе, вернее, среди лакцев вообще, стал не только исповедуемой религией, но и приобрёл также значение знамени в борьбе кумухского шамхала с “неверными” соседних областей. Историкограф Тимура Низамаддин Шами писал, что “у области Гази Кумуклук и войска Аухар был обычай, что они каждый год и месяц сражались с неверными”²³⁴. Борьба с “неверными” стала уже традицией.

Тимур поддерживал “газикумухских и аухарских” представителей власти (калантаров), дал им наставление “всегда воевать в врагами веры и держать меч для утверждения ислама”²³⁵.

“Аухарские” калантары это слой правящей верхушки Аварии. Здесь ислам в XIV в. занял прочные позиции, имел уже традиции государственной религии.

Сам процесс исламизации центральной Аварии имел место в середине XIII в.²³⁶, а в конце XIII начале XIV в. ислам утверждается здесь окончательно. Хунзах превращается в опорный пункт проведения и утверждения ислама в соседних, западных аварских обществах. Наглядным показателем исламизации служит строительство культовых сооружений. Дагестанские археологи выявили на Аркаском городище (Буйнакский район) остатка медресе и двух мечетей, датированных в пределах середины XIII начала XIV в.²³⁷ Аркас был одним из крупных средневековых городов Дагестана, значительным культурным центром. Здесь жил известный шейх Асиддар Аркаский (ум. в 806/1403-04 г. или, по другим данным, в 860/1456 г.), трижды совершивший хадж и происходивший, как рассказывают, из курайшитов²³⁸.

Исламизация даргинских обществ, территории Кайтага, начавшаяся в конце X в., впоследствии проходит усиленными темпами, постепенно проникая в самые дальние места. Большое количество куфических надписей конца XI-XIII вв., найденных в Уркарахе, Калакорейше, Ашты, Варсите, на многочисленных поселениях, говорит об интенсивности процесса исламизации.

Относительно исламизации ряда сёл и обществ имеются достоверные письменные известия. Усилиями прибывшего из Ирана шейха Хасана Сухраверди были обращены в 1306 г. в ислам жители Кубачи²³⁹. В начале XIV в. в сел. Ашты (Дахадаевский район) была построена Б. з. р. (вар.: Б-з-ц) шамхалом, то есть шамхалом Газикумуха мечеть "для людей зирихгеранских, когда они перешли в ислам от неверия"²⁴⁰. Очевидно, это были последние даргинские (в данном случае кубачинские) селения, принявшие ислам. Когда Тимур, встречая ожесточённое сопротивление местного населения, назвал жителей Зирихгерена, Ускуджа, Кайтага "неверными", то это был, конечно, политический ход для использования религиозных чувств своих воинов и союзников, но вовсе не означало, что в названных областях ислам не имеет сильных позиций. Ко времени похода Тимура (конец XIV в.) в названных даргинских землях господствующее положение ислама в это время несомненно. Тимур расширил и укрепил здесь позиции ислама. В этом отношении значительный интерес представляет недавно обнаруженная в селении Муги арабская рукопись "ал-Ваджиз", сочинение по мусульманскому праву, принадлежащая перу одного из крупнейших мыслителей мусульманского средневековья ал-Газали (ум. в 1111 г.). Книга была переписана в 709/1310 г. и была вручена Тимуром, как в ней отмечено, в 791-1389 г. назначенному им валию селения Муги (Муха), чтобы тот "... руководствовался ею при управлении среди населения по справедливости и беспристрастию"²⁴¹.

Сменявшие друг друга внешние факторы (арабы, сельджуки, монголы, Тимур, Кара-Коюнлу, Сефевиды и др.) создавали непрерывный напор мусульманской волны, однако и этого было бы недостаточно, если бы на арену не выступила сила, руководимая местными правителями — это селения столицы — многочисленных в Дагестане небольших феодальных владений. Как известно, ислам в Дагестане в первую очередь приняла правящая верхушка, дружина, которые жили в столичных центрах (которые становились исламскими религиозно-идео-

логическими центрами — одна из функций города или столичного селения наряду с административными, экономическими, культурными функциями) и которые становились активными проводниками новой религии в своих или соседних владениях. Вслед за Дербентом ислам приняли в разное время жители таких известных в то время населённых пунктов, как Ахты, Цахур, Кумух, Хунзах, Калакорейш, Уркарах, общество Гидатль, которые, в свою очередь, выступили активными проводниками новой религии.

В XV в. процесс исламизации продолжался. Согласно надписи на могильном камне и другим записям, общество Гидатль стало мусульманским в 1485 г. благодаря деятельности хаджики Удурата. Существует предание о том, что общество Карах приняло ислам за сорок лет до гидатлинцев и что к этому времени перешли к исламу цунтинцы²⁴². Совместным усилиям Гидатля, Кумуха и Хунзаха предание приписывает исламизацию багулалов и чамалалов²⁴³.

Фольклорный материал, по сей день бытующий среди местного населения, повествует о повсеместном, упорном и долгом сопротивлении этим селениям со стороны тех, кто продолжал придерживаться языческих религиозных представлений. Наиболее сильным и продолжительным было сопротивление населения Аварии, то есть тех высокогорных, расположенных в соседстве с христианской Грузией, районов, в которых христианство занимало хотя не господствующее, но значительное место²⁴⁴.

Правители государств в Дагестане приписывают себе арабское происхождение, это само по себе свидетельствует о возможностях ислама "подкрепить своим авторитетом" социальную верхушку. Местное сочинение "История Абу Муслима" приписывает арабам даже происхождение владельцев многочисленных отдельных селений.

В этом ряду есть одно исключение правитель Аварии никогда не связывал свою родословную с арабами. Род его "более древний". Этот настойчивый отказ от мусульманских родословных — следствие того ожесточённого сопротивления, которое приверженцы язычества и христианства оказали в этом высокогорном районе исламу. Нельзя упустить из виду и то обстоятельство, что в XI-XIII вв. в аварские районы из соседней Грузии проникает усиленными темпами христианство. И если в XIII в. столицу Аварии, селение Хунзах, мы видим уже мусульманским, как и подчинённые ему земли, то потребовалось ещё не менее трёхсот лет, чтобы большое число расположенных к западу от него союзов сельских обществ стали мусульманскими.

¹ Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 3-4. Обстоятельно о походах монгольских войск в Дагестан см.: Магомедов Р.М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940; Лавров Л.И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965, № 5; История Дагестана. М., 1967. С. 202-207; Магомедов Р.М., Криштопа А.Т. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (общественные науки).

Ростов-на-Дону 1978. № 3; *Ртвеладзе Э.В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный. 1974. Т.4. С. 103-128; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 188-214; *Ичалов Г.Х.* Вглубь веков. Махачкала, 1988; *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1991. С. 50-54; *Магомедов Р.М., Магомедов А.Р.* История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 80-86.

² *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 41.

³ *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219 - 1224 гг. и его последствия // Татары-монголы в Европе и Азии. С. 112.

⁴ *Гандзакеци Киракос.* История Армении. С.156.

⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1952. Т.5. С. 221.

⁶ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I Кн. 2. С. 223-229.

⁷ *Киракос Гандзакеци.* История Армении. С. 156.

⁸ Армянские истории о монголах / Пер. с древнеарм. А.Г. Галстяна. М., 1962. С. 23.

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе. // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. X-XII. С. 44.

¹¹ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль / пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 142.

¹² Известия грузинских летописей. С. 44.

¹³ *Ичалов Г.Х.* Вглубь веков. Махачкала. 1988. С. 45.

¹⁴ *Агларов М.А.* Андийская группа народностей в XIX начале XX вв. (историко-этнографические очерки). Канд. дисс. Махачкала, 1965. С. 25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 145.

¹⁷ *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси. (XIII в.). // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 180-182.

¹⁸ *Галстян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Монголо-татары в Азии и Европе. С. 160-161.

¹⁹ *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание Султана Джалал ад-Дина Манкубурны / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1973.

²⁰ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. 2. С. 27-28.

²¹ *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. М. 1960. Книга II. Т.3. С. 149.

²² *Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1956. С. 110 — 112.

²³ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч.1. С. 186-187.

²⁴ Там же. С. 186-187.

²⁵ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. 2. С.39.

²⁶ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 23.; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Кн. I. С. 186-187.; История Северо-Осетинской АССР. М., 1987. Т. I. С. 126.

²⁷ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 23.

²⁸ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.1. С.187.

²⁹ *Рашид-ал-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. 2. С.39.

³⁰ Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 187.

³¹ *Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe public... par M. Reinaud et de Slane.* Paris, 1840. С. 405. (араб. яз.).

³² *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника "Тарих Дагестан" Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока : Историко-филологические исследования. 1972. М., 1977. С. 111.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.1. С.81.

³⁶ Там же. С. 83. 276.

³⁷ Там же. С. 82.

³⁸ *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 75.

³⁹ *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника "Тарих Дагестан" Мухаммада Рафи. С.111-112.

⁴⁰ *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Учёные записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Серия историческая. Махачкала, 1965. Т. XV. С. 191-192.

⁴¹ Отдел рукописей ЛО ИВ АН СССР. Шифр: В 1009 (842). Л. 34 б; *Айтберов Т.М.* Ещё раз о монгольском нашествии на Дагестан // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Краткие сообщения. Л., 1977. Ч. I. С. 100-101.

⁴² *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.1. С. 188.

⁴³ *Лавров Л.И.* Нашествие монголов на Северный Кавказ ; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 195.

⁴⁴ Известия грузинских летописей. С. 45.

⁴⁵ *Плано Карпини.* История монголов. СПб. 1911. С. 35-36, 42.

⁴⁶ *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. С.111, 136.

⁴⁷ Там же. С. 186.

⁴⁸ *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала , 1991. С. 51.

⁴⁹ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе. // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XXII. С. 44.

⁵⁰ *Шихсаидов А.Р.* Новые памятники эпиграфики (материалы к истории поселений) / Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 158.

⁵¹ *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256-1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 229-230; *Али-заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1956. С. 265.

⁵² *Али-Заде А.А.* Борьба Золотой Орды и ильханов за Азербайджан // Известия АН Азербайджанской ССР. Отд. общ. наук. Баку, 1946. Вып. II. № 5. С. 31.

⁵³ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 80-81. Под Дербентом Бакинским имеется ввиду Дербент (Баб ал-абваб).

⁵⁴ *Али -Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана. С. 310.

⁵⁵ *Хизриев Х.А.* Кавказцы против Тимура. Грозный, 1992. С. 41-44.

⁵⁶ История Народов Северного Кавказа. С. 206-207.

⁵⁷ *Хизриев Х.А.* Указ. соч. С. 47.

⁵⁸ Там же. С. 48.

⁵⁹ *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV веков. М.-Л., 1960. С. 182.

⁶⁰ Подробное освещение вопроса см.: *Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана. С. 300-330; *Криштопа А.Е.* Дагестан XIII — XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборн. научн. сообщений. Махачкала, 1974. С. 96-118; *Ичалов Г.Х.* Дагестан арена военных столкновений Хулагуидов и ханов Золотой Орды в XIII-XIV вв. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975.

⁶¹ *Криштопа А.Е.* Указ. соч. С. 98.

⁶² *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. II. С. 103.

⁶³ *Криштопа А.Е.* Указ. соч. С. 104-105.

- ⁶⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. С. 82-83.
- ⁶⁵ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. II. С. 85.
- ⁶⁶ *Криштопа А.Е.* Указ. соч. С. 100.
- ⁶⁷ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. С. 102. Систематизацию данных см.: *Криштопа А.Е.* Указ. соч.; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. Т. I. С. 211-213.
- ⁶⁸ *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1953. Т. II. Ч. I. С. 7-38.
- ⁶⁹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с перс. А.К. Арендса. М.-Л., 1946. Т. III. С. 308-312.
- ⁷⁰ Там же. С. 285.
- ⁷¹ Там же. С. 189.
- ⁷² История народов Северного Кавказа Т. I. С. 211-212.
- ⁷³ История народов Северного Кавказа от древнейших времён до XVIII в. Т. I. С. 214.
- ⁷⁴ *Новосельцев А.П.* Об исторической оценке Тимура // Вопросы истории, 1973. № 2. С. 11.
- ⁷⁵ *Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.* М., 1939. Т. 6. С. 185.
- ⁷⁶ О деятельности Ибрахима I Дербенди см.: *Петрушевский И.П.* Великий патриот ширваншах Ибрагим Баку, 1942; *Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. С. 382-399, 563-567. О походе Тимура в Дагестан и сопротивлении местного населения см.: *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1991. С. 54-56; История Дагестана. М., 1967. Ч. 1. С. 207-209; *Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* О маршруте похода Тимура в 1395 — 1396 годах через Дагестан // Учёные записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX; История Народов Северного Кавказа С. 214-227; *Хизриев Х.А.* Указ. соч. С. 46-108; Ичалов. Указ. соч. С. 100-134.
- ⁷⁷ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. С. 119.
- ⁷⁸ Там же. С. 174.
- ⁷⁹ Там же. С. 119.
- ⁸⁰ Имеется иной вариант; Шахи “подчёркивает наличие в Кайтагском уцмийстве, кроме земель собственно кайтагских, ещё и подвластных земель, населённых представителями других этнических групп” (*Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* О маршруте похода Тимура в 1395-1396 гг. через Дагестан. С. 223).
- ⁸¹ В другом списке: Тархи.
- ⁸² *Клавихо Руи де Гонсалес.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990. С. 143-144.
- ⁸³ *Якубовский А.Ю.* Тимур (опыт краткой характеристики) // Вопросы истории. 1946. № 8-9. С. 64; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.-Л., 1950. С. 375.
- ⁸⁴ История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 215-216. История народов Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. С. 137-138. Высказано мнение, что из трёх населённых пунктов на Северном Кавказе под названием Капчигай в данном случае речь идёт о крепости в Кабардино-Балкарии (см.: *Хизриев Х.А.* Указ. соч. С. 78).
- ⁸⁵ *Хизриев Х.А.* Указ. соч. С. 78
- ⁸⁶ *Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* О маршруте похода Тимура в 1395-1396 гг. через Дагестан // Учёные записки Института ИЯЛ. Серия обществ. наук. Махачкала, 1970. Т. XX. С. 224.
- ⁸⁷ История народов Северного Кавказа. С. 216.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Аббас -Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Редакция, комм., прим. и указатели З.М. Буниятова. Баку, 1991. С. 80.

- ⁹⁰ Там же. С. 81.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Гасан-Эфенди Алкадари.* Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 30.
- ⁹³ Аббас -Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Редакция, комм., прим. и указания З.М. Буниятова. Баку, 1991. С. 81.
- ⁹⁴ Сообщение М. -З. О. Османова.
- ⁹⁵ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. С. 123-124.
- ⁹⁶ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С. 96. *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М. -Л., 1941. С. 99; История Дагестана. М., 1957. Ч. I. С. 207.
- ⁹⁷ *Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* Указ. соч. С. 230.
- ⁹⁸ *Хизриев Х.А.* Указ. соч. С. 103; *Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С.* Указ. соч. С. 232.
- ⁹⁹ Запись на одной из страниц рукописи “Канз ар-рагибин фи шарх Минхадж аг-галибин” Мухаммада ал-Махалли, принадлежащей жителю сел. Муги (Акушинский район) Магомедзапире Закиргяеву.
- ¹⁰⁰ *Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р.* Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 110.
- ¹⁰¹ На одной из страниц рукописного экземпляра “ал-Ваджиз” ал-Газали, принадлежащего жителю сел. Муги Магомедзапире Закиргяеву. Список 1310 года (*Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана : археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 12.)
- ¹⁰² *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. С. 123-124. 185-186.
- ¹⁰³ *Иоанн де Галонифонтибус.* Сведения о народах Кавказа. (1404). Баку, 1980. С. 26.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 124, 188.
- ¹⁰⁵ *Якубовский А.Ю.* Тимур (опыт краткой характеристики) // Вопросы истории. 1946. № 8-9. С. 66.
- ¹⁰⁶ *Кузнецов В.А.* Аланы в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 151-152-160-172; *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 47-71; *Алексеева Е.А.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971. С. 109-137; *Котович В.Г.* Отчёт о работе 3-го развед. отряда Дагестанской археологической экспедиции // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 225; *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Указ. соч. С. 8; *Атаев Д.М.* Аркаское городище памятник средневекового Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 219. С. 11-16; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XIX в. М., 1988. С. 197.
- ¹⁰⁷ *Geographie d'Aboulfeda,* 1840, С. 405 (араб. яз.).
- ¹⁰⁸ Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 187.
- ¹⁰⁹ *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 98-99.
- ¹¹⁰ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 367-368.
- ¹¹¹ Там же. С. 368-369.
- ¹¹² *Cazwini's Kosmographie,* II, 405 (араб. яз.); *Шихсаидов А.Р.* Закария ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана Махачкала, 1987. С. 110.
- ¹¹³ *Cazwini Is Kosmographie,* II, 404 (араб. яз.).
- ¹¹⁴ *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение. С. 96.
- ¹¹⁵ *Петрушевский И.П.* Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // “Известия АН СССР” отд. общ. наук. 1937. С. 908.
- ¹¹⁶ *Кучкин В.А.* Сказание о Железных воротах // “Археографический ежегодник” за 1964. М., 1965. С. 276. Яровая рожь выступает в письменных памятниках под названием “ярицы” // Очерки русской культуры XIII — XIV вв. М., 1970. Ч. I. С. 40.
- ¹¹⁷ *Зерновые и зернобобовые культуры.* М., 1956. С. 122.
- ¹¹⁸ *Али -Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана.

- ¹¹⁹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI — Кюринский язык. Тифлис, 1896. С. 4-10.
- ¹²⁰ Там же. С. 407.
- ¹²¹ Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране. XIII — XIV вв. М.-Л., 1960. С. 185, 186.
- ¹²² Али -Заде А.А., Указ. соч. С. 31.
- ¹²³ Барбаро и Контарини о России. Пер. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 217.
- ¹²⁴ Derbend -Nameh/ Translated and explained by Kazem-Beg, SPb, 1851. P. 557-559; Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока. М., 1977. С. 109-110. На это обстоятельство впервые обратил внимание Д.М. Атаев (Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 220), но отнёс события к XVI в.
- ¹²⁵ Барбаро и Контарини о России. С. 216.
- ¹²⁶ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1987. С. 35 (автор раздела М.О. Османов).
- ¹²⁷ Барбаро и Контарини о России. С. 216-217.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1987. С. 39. (автор раздела М.О. Османов).
- ¹³⁰ Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX в.) Махачкала, 1967. С. 46.
- ¹³¹ Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 295-297.
- ¹³² Иссен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. №3. С. 30; Кузнецов В.А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе. 1976. С. 77.
- ¹³³ Geographie d'Aboulfeda, 1840. P. 204. (араб. яз.).
- ¹³⁴ «Овечьи воды» русских источников XVI- XVII вв. С. Броневский отождествляет с Койсу (Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 188); В.В. Бартольд и В.А. Кузнецов понимают под Рекой овец реку Куму (Бартольд В.В. География Ибн Саида // Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 109; Кузнецов Указ. соч. С. 75.).
- ¹³⁵ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. Махачкала, 1975. С. 42.
- ¹³⁶ Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1990. С. 49; Гаджиев С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаева А.Г. Указ. соч. С. 21, 39.
- ¹³⁷ Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // «Вопросы истории» 1980. № 7. С. 56.
- ¹³⁸ Гусев С.В. Экономические связи средневекового Дагестана (V — XIV вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1992. С. 23.
- ¹³⁹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII — XIV вв. М., 1985. С. 47-49, 56.
- ¹⁴⁰ Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний в XIII и XIV вв. // Исторические записки, 1938. Т. 3. С. 90.
- ¹⁴¹ Там же. С. 90; Егоров В.Л. Указ. соч. С. 134-135.
- ¹⁴² Егоров В.Л. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁴³ Там же. С. 137-138.
- ¹⁴⁴ Малачиханов Б.К. К вопросу о хазарском Семендере // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1965. Т. XIV. Серия историческая. С. 287.
- ¹⁴⁵ Cazwinils Kosmographie, II, 104-405.
- ¹⁴⁶ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II.

М.-Л., 1941. С. 137.

- ¹⁴⁷ Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (МИА. Т. 32) М., 1953. С. 150-152
- ¹⁴⁸ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. С. 37.
- ¹⁴⁹ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 406.
- ¹⁵⁰ Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
- ¹⁵¹ Пахомов Е.А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье до начала XV в. по местным данным // КСИА. 1956. № 66.
- ¹⁵² Лавров Л.И. Эпиграфические памятники. Т. I. С. 208; Рагимов А.Р. О касыдах, посвящённых Бадром Ширван правителю Дербента амиру Исфаидийару и его брату коменданту крепости амиру Ифтихару // Изв. АН АЗССР. Серия ист. филос. и права. Баку, 1978. Вып. 1. С. 60; Айтберов Т.М. Четыре этюда по исторической географии Дагестана XIV-XV вв. // Тезисы докладов к конференции, посвящённой 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Махачкала, 1979. Вып. 12. С. 100-101.
- ¹⁵³ Сводка сведений об эмирах Дербента. см.: Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 380-387.
- ¹⁵⁴ Бейлис В.М. Указ. соч. С. 265.
- ¹⁵⁵ Это мнение высказано М.С. Гаджиевым.
- ¹⁵⁶ Хашиев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 144-145.
- ¹⁵⁷ Geographie d'Aboulfeda, 404-405. Как при описании событий VII — X вв., так и при рассказах о XI — XV вв. местные источники не употребляют термина Серир, они знают обычно Авар («вилаят Авар») или Хунз. Отклонение от этого правила мы наблюдаем лишь единственный раз. На обложке арабской рукописи (словарь арабского языка «ал-Гарибайн»), хранящейся в фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН имеется памятная запись следующего содержания: «Хозяин этой книги Мухаммед пришел из Гумика [Гъумикъ] в Серир в месяц раджаб шестьсот восемьдесят седьмого года», т.е. в августе 1288 г. (см.: Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзацы. Махачкала, 1990. С. 81.
- ¹⁵⁸ История Дагестана Т. I. С. 206.
- ¹⁵⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 186.
- ¹⁶⁰ Саидов М.-С. О возникновении письменности у аварцев // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948. С. 137; Хашиев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 135-136; РФ ИИАЭ Ф.1. Оп. 1. Д. 213 (перевод М.-С. Саидова); Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. Рукопись канд. дисс. РФ. ИИЯЛ Ф. 3. Оп. 1. Д. 6933; Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана XV -XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала. 1980. С. 82-99 (здесь учтены все переводы, кроме перевода А.Р. Шихсаидова). Вывод о том, что «в XV в. в Аварском нуцальстве были пограничные марки, население которых несло нуцалу повинности натурой» (Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 88), не вытекает из текста «завещания Андуника». Переводимый здесь список «Завещания» переписан Али Каяевым (хранится у его внука Ильеса Каяева). Другой вариант используемый здесь же и рассказывающий о самостоятельном существовании Гидатля, хранится в архиве М.-С. Саидова.
- ¹⁶¹ Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 147.
- ¹⁶² Агларов М.А. К чтению завещания Андуника // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. Тезисы докладов и сообщения. Махачкала, 1989. С. 25.
- ¹⁶³ Айтберов Т.М. Источники по истории Аварии // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала. 1980. С. 194.
- ¹⁶⁴ Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 127; Криштопа А.Е. О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 80.

- 165 Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980. С. 15.
- 166 Мнение о том, что в упоминаемых в "слове о полку Игореве" аварях следует понимать хунзахцев "обитателей столицы ссирского государства", не обосновано.
- 167 История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 183.
- 168 Никитин Афанасий. Хождение за три моря. М., 1960. С. 28-29.
- 169 Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV — XVI вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 117.
- 170 Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. 1902. Вып. I. С. 18.
- 171 Малачиханов Б. Указ. соч. С. 179.
- 172 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Кн. I. С. 11, 86, 193.
- 173 Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. II. С. 1075. Мнение о том, что в Кайтаге в промежутке между XIII веком и 1396 г., то есть в течение почти 200 лет, существовал "вакуум власти", не основано на данных источников.
- 174 История Дагестана. Т. I. С. 183-184.; Лавров Л.И. Новое о Зирих-Геране и Казикумухском шамхале // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1975. С. 217; Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X — XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 73-74; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 83-87.
- 175 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники. С. 87.
- 176 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники. С. 377; Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А.Р. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. XI. Серия историческая. С. 73-79.
- 177 В тексте он назван Шаукал (по другому списку Шавхал), и скорее всего это не собственное имя, а титул.
- 178 Как указывает В.Г. Тизенгаузен, по другому списку речь идёт об " области кумыков и войске аваров" (С. 124.). Возможно, что вместо "область кумыков" следует читать "область Кумук", т.е. Газикумух.
- 179 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.-Л., 1941. Т. II. С.124. 185, 186.
- 180 Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980. С. 15, 25.
- 181 Историкогеографический вопрос см.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XX веков. Махачкала, 1977. С. 144-145; Маршав Р.Г. О термине "шамхал" и резиденции шамхалов // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. VI. С. 168; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. С. 180-181; Гаджиев В.Г. Шамхальство // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 28-30.
- 182 Каяев Али. Материалы по истории лакцев // Рукописный фонд Института ИАЭ. Ф. I. Оп. 1. Д.1642. С. 269. (взято из: Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 208).
- 183 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 145.
- 184 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 82.
- 185 Там же. С. 376.
- 186 Фонд восточных рукописей Института ИАЭ. Ф. 14.
- 187 Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). С. 15.
- 188 Jacuts Geographisches Wörterbuch, hrsg von F. Wüstenfeld, I, 438.
- 189 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Кн. I. С.81.
- 190 Там же. С. 83. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 209.
- 191 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 209.
- 192 Сазвинис Космография, II, 407 (араб. яз.)
- 193 Гаджиев М.С. К идентификации города Цри и страны Чилбов // Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1992. Вып. XX. С. 126-127.
- 194 Лавров Л. И. Указ. соч. С. 118. На эту надпись, как на фиксацию территории союза сельских общин, обратил серьёзное внимание Ш.М. Ахмедов.
- 195 Магомедов А.Р. Народности Дагестана. Махачкала, 1990. С. 15.
- 196 Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 45.
- 197 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 142-143.
- 198 Там же. С. 124, 186.
- 199 История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков // Рук. фонд Института ИЯЛ. Ф. I. Оп. 1. Д. 286. Л. 56.
- 200 "Хроника Махмуда Хиналугского" (фотокопия из Парижской коллекции).
- 201 Там же.
- 202 Там же.
- 203 Бакиханов А.-К. Гюлистан Ирам. Баку 1926. С. 88-89.
- 204 Айтберов Т.М. Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии (VIII — XIX вв.) // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 148.
- 205 Hudud al-alam С. 161.
- 206 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. С. 225.
- 207 Шихсаидов А.Р. Дагестан в X — XIV вв. С. 153-154.
- 208 Общий обзор см.: История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 195-200.
- 209 Айтберов Т.М. О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и пропагандиста. Махачкала, 1988. С. 26.
- 210 Сазвинис Космография, II, 1848. С. 404-405 (араб. яз.); Шихсаидов А.Р. Закария ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 110.
- 211 Аликуберов А. К. " Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик" Мухаммада ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии (конец V-XI в.) // Автореф. канд. дисс. Санкт-Петербург. 1991. С. 12.
- 212 Там же.
- 213 Там же. С. 14.
- 214 Сазвинис Космография, II, 340 (араб. яз.)
- 215 Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928. С. 19.
- 216 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 79.
- 217 Аббас -Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 69.
- 218 Лавров Л.И. Указ. соч. С. 120.
- 219 Пейматовна М.Х. К истории изучения Ширвана XIV -XV веков. Баку, 1959. С. 85 (на азерб. яз.); Лавров Л.И. Указ. соч. С. 143; Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку, 1983. С. 261.
- 220 Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку, 1983. С.261.
- 221 Гусейнаев А.Г. Архивные сведения о трёх арабских надписях из Кумуха // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
- 222 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 74.
- 223 Minorsky V. et Cahen Cl. Le resuel transcaucasien de Macoud b. Namdar // Journal Asiatique, CCXX-XVII. 1949. № I. С.24, 131-132, 138-140.
- 224 История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 210-214; Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 175-178.
- 225 Minorsky V. et Cahen Cl. Le resuel transcaucasien de Macoud b. Namdar // Journal Asiatique, CCXXXVII. 1949. № I. P.131-132, 138-140.
- 226 Там же. С. 132-133, 140-142.
- 227 Крачковская В.А. Надпись бронзового таза Бард-ад-дина Лулу // Эпиграфика Востока. М.-Л., 1946. Т. I. С. 15.
- 228 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-

л., 1941. Т. II. С. 74.

²²⁸ Там же С. 121, 306.

²³⁰ Там же. С. 277.

²³¹ *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. М., 1971. С. 205.

²³² *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 124; Рихлат Ибн Батгута ал-мусаммат ан Наззар фи гарайб ал-амсар... Бейрут. 1405/ 1985. Изд. 4. Т.I. С. 394. (на араб. яз.).

²³³ *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. М., 1964. Т. II. С. 45, 46.

²³⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 127.

²³⁵ Там же С. 124.

²³⁶ *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 205-206. Недавно высказано мнение, что “не позднее начала XIII в. в центральной Аварии ислам становится государственной религией” см.: *Айтберов Т.М.* О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и политинформатора. Махачкала, 1988, № 15. С. 29.

²³⁷ *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культовые сооружения Дагестана // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.

²³⁸ *Назир ад-Дурғали.* Нузхат ал -азхан фи-тараджим улама Дагестан. РФ Института ИАЭ. Фонд М. -С. Саидова. Д. 95. С. 14-15.

²³⁹ *Айтберов Т.М.* О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и политинформатора. Махачкала, 1988, № 15. С. 28.

²⁴⁰ *Лавров Л.И.* Новое о Зирихгеране и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 217; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 376.

²⁴¹ *Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане. С. 12.

²⁴² *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 203-209.

²⁴³ *Малачиханов Б.* К вопросу о казарском Семендере в Дагестане // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1969. Т. XIV. Серия историческая. С. 209.

²⁴⁴ *Шмерлинг Р.О.* Храм близ селения Датун в долине реки Аварское Койсу. Вторая научная сессия ИИГИ. Тезисы докладов. Тбилиси, 1956. С. 9-10; *Шихсаидов А.Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. записки ИИЯЛ. Махачкала, 1956. Т.3; *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 196 -- 214; *Гудава Т.Е.* Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана // Мацне. Тбилиси, 1968. № 2. С. 211-218; *Марковин В.И.* О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храме Датун в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987. С. 37-48; *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культовые сооружения Аркаса.

instituteofhistory.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА С ДРУГИМИ НАРОДАМИ КАВКАЗА

История народа не мыслима без постоянных, регулярных взаимосвязей со своими соседями. Эти связи имели самое различное содержание (мирные торговые связи, обмен товарами и культурными ценностями, военные столкновения, военные союзы, дипломатические встречи, родственные связи, миграционные процессы). Они играли большую роль во внутренней и внешнеполитической жизни народа, оказывали серьёзное воздействие на весь ход его социального, экономического и культурного развития. Встречи народов и их культур — одно из самых важных, непреходящих условий прогрессивного развития и процветания. “...Сколько наций столько же и культур. Чем выше культура нации, тем больше в ней нуждаются соседи и последующие поколения, тем больше она сама нуждается в освоении других культур. Чем ниже культура, тем безразличнее она к культурам других стран и эпох. И чем выше культура народа, тем она миролюбивее”¹.

Экономические, культурные, военно-политические контакты народов Кавказа имеют исторически длительную, продолжавшуюся тысячелетиями, историю. Их изучение проливает свет на общность исторических судеб народов.

При беглом, поверхностном ознакомлении с первоисточниками создаётся впечатление, что взаимоотношения кавказских народов — это цепь разрушительных военных столкновений, постоянных взаимных притязаний. Обусловлено это тем, что письменные источники, как правило, фиксировали не обыденные события, не повседневную жизнь, а лишь те, которые являлись неординарными и оставляли глубокий след в памяти народа: крупные иноземные вторжения, взаимные тяжбы, военные столкновения, земельные споры, пограничные “стычки”, которые, наряду с разрушительными стихийными бедствиями и эпидемическими заболеваниями, накладывали тяжёлый отпечаток на всю жизнь народа, приносили огромные потери человеческих жизней и в экономическом потенциале страны.

Разумеется, всё это имело место, разорительные иноземные вторжения, военные противоречия были не редки, но не они определяли сущность исторически сложившихся контактов. Политические связи протекали и в иной плоскости, а экономический и культурный диалог возможен был лишь на основе мирных отношений. Это положение полностью можно распространить и на взаимоотношения народов Дагестана с другими народами Кавказа, с Русью, народами Поволжья и Средней Азии².

1. Дагестан и Ширван

Трудно найти на Восточном Кавказе две других области, судьбы которых переплетались так тесно, как это имело место во взаимоотношениях Ширвана и Дагестана, особенно его южных районов. Сближение шло как по линии экономической, так и политической и культурной. Ширван включал временами в себя не только значительную часть лезгинских земель, это усиливало точки соприкосновения между двумя регионами. Здесь нужно оговориться, что термин “Дагестан” применяется нами условно, ибо на территории Дагестана не было единого политического образования с единым политическим центром.

Ширван же, начиная, примерно, с VI в., представлял единую территорию. Выше уже указывалось, что политическая и социальная жизнь Ширвана и Дагестана середины VI в. связана с деятельностью персидского шаха Ануширвана. Автор X в. ал-Масуди писал: “Среди царей, которых Ануширван назначил в этих местах и местностях, граничащих с исламскими землями, в Бардаа был царь, называемый Ширван, царство, которого, в соответствии с его именем называется Ширваншах. Каждый царь, правящий здесь, назывался Ширван”³.

Выше приводилось также высказывание Хамзы Исфакхани о том, что Ануширван назначил в каждой стране по предводителю (каид), получившему свой титул от рисунка на халате: баграншах, филаншах, ширваншах и др.⁴

С этого времени политические судьбы Дагестана и Ширвана сплелись ещё теснее, протекали в русле арабо-хазарских взаимоотношений, их полуторавекового противостояния. Любое выступление арабов или хазар, не знавших компромиссов за всю историю своих взаимоотношений, любая их военная акция затрагивала уже одновременно интересы и Ширвана и Дагестана.

Походы Салмана ибн Рабиа ал-Бахили, Масламы ибн Абдалмалика, Джарраха, Марвана ибн Мухаммада — все они самым пагубным образом отразились на экономике как Ширвана, так и Дагестана. Собственно, Ширван же, судя по сообщениям арабских “военных историков” IX-X вв., начиная от периода первых арабских походов середины VII в. до конца первой половины IX в., был во власти представителей династии Ширваншахов, признававших себя вассалами арабских халифов, плативших им дань и участвовавших в походах в земли хазар. В 237 / 851 г. “халиф Мутаваккил пожаловал Мухаммад ибн Халиду как икта город Дербент с окрестными землями”⁵. Впоследствии ширваншахи постоянно претендовали на земли Дербента.

Влияние Ширвана усилилось, особенно, в конце VIII в., а именно с 799 г., когда Ширван вошёл в состав земель династии Йазидидов. “Первым из них, кто правил Азербайджаном, Арменией, Арраном и Баб-ал-абвабом (Дербентом), был Йазид б. Мазйад, ... аш-Шайбани... Вышеупомянутый Йазид был одним из знаменитых эмиров и известных героев... В 183/799 году Харун снова назначил его правителем Армении, а также Азербайджана, Ширвана и Баб-ал-абваба”⁶.

Очевидно, представители этой династии продолжали и в последующем свои претензии на Дербент и близлежащие земли. Упомянутый выше Мухаммад ибн Халид в середине IX в. “с помощью газиев ал-Баба... также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербентом”⁷, а его брат Хайсам ибн Халид, став после него правителем Ширвана (до 247/861 г.) “сражался с неверными в стране Серир (ард ас-Серир)” Его сын, Мухаммад, также вёл “войну с неверными”, как и его наследник сын Хайсам, “который предпринял много походов на неверных. Он перевёл несколько деревень на благотворительные цели (вакф). Весь урожай свозил в амбары, которые он построил в своей столице, после чего он правильно распределял среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев”⁸.

К этому времени относится также возникновение в Баб ал-абвабе новой династии. Она связана с именем Хашима ибн Сурака ас-Сулами, который в 869 г. стал “родоначальником династии ал-Баба”, “правителем ал-Баба и пограничных областей”⁹. Как сообщает “Дербенд-наме”, Хашим произвёл в Дербенте восстановительные работы, возобновил разрушенные места, крепости, башни, восстановил продовольственный склад. Доходы с нефти и соли в Баку шли на укрепление Дербента. Ширван в это время поддерживал Дербент с его “вонтелями за веру — гази”, одаривал жителей города богатыми подарками, деньгами и драгоценными вещами”¹⁰. Как сообщает “История Ширвана и Дербента”, Хашим ибн Сурака “был одним из прославленных райсов и воинов пограничных областей”. В 300/912 году правитель Ширвана Али ибн Хайсам уже вместе “с эмиром ал-Баба” нападает с отрядом числом в более чем 10 000 воинов на “неверных Шандана”, но терпит страшное поражение. “Али ибн Хайсам и эмир ал-Баба были взяты в плен с 10 тыс. мусульман. Неверные поделили мусульман между людьми Шандана, Сарира и хазарами”¹¹. Примерно через 20 лет мы наблюдаем уже иную картину: в 318/930 году, сын ширваншаха Абу Тахир Йазид Мухаммад вступил в “большое столкновение” с “эмиром ал-Баба Абдалмаликом ал-Хашими. Затем они заключили мир без решительной победы для той или другой стороны”¹². В 933 г. “эмиры Баб-ал-абваба и пограничных областей” заняли Маскат, что к югу от Самура.

Таким образом, собственно уже с 869 г. Дербент выступает как независимая единица, самостоятельно решающая свои внутренние и внешние дела. В последующем значение города всё более усиливается, особенно в связи с активизацией политической деятельности горожан. Так, в 944 году, когда “люди ал-Баба восстали против своего эмира Ахмада, сына Абдалмалика ал-Хашими и изгнали его из города”, они обратились к правителю Ширвана Абу Тахиру Йазиду. “чтобы он принял власть”, но тот послал своего сына Ахмада, который также был изгнан, и горожане “вернули к власти Ахмада ал-Хашими”¹³.

Дербент настолько усиливается, что правитель Ширвана Абу Тахир Йазид перед лицом агрессии дейлемцев “был вынужден заключить мир с жителями ал-Баба и просить их о помощи... Жители ал-Баба помогли ему, и он прогнал дейлемцев из своей страны”¹⁴.

В середине X в. при Мухаммаде, сыне Йазида, значение Ширвана возрастает, и как пишет арабский автор X в. ал-Масуди, ширваншах значительно расширяет свои владения: “каждый царь, правящий здесь, называется Ширван... Его царство в настоящее время (т.е. в 332 г.х./943 г.) тянется на расстоянии месяца пути, так как он завоевал места, на которые Ануширван не давал ему титула (васм), но он присоединил их с своим владением... Мухаммад б. Йазид Ширванский захватил город ал-Баб после смерти своего зятя б. Хашима¹⁵, который был потомком одного из сподвижников (ансар) пророка и правил ал-Бабом... К царству Ширвана около горы Кабх примыкает другое царство, которое называется Лайзан, а его царя зовут лайзан-шах. В наши дни это царство занял царь Ширвана, что он также сделал и с другим царством, называемом Муканийа”¹⁶.

Далее ал-Масуди продолжает: “Вышеназванный муж, именуемый Ширваншах, захватил в этих горах много царств, тех, что Кисра Ануширван представлял другим царям... Из них Мухаммад б. Йазид присоединил к своему царству владения Х. расан-шана (надо: Хурсан-шаха; Вардан-шаха ?)”. В X в. от Ширвана зависели также Кабала, а временами и Шекинское владение¹⁷.

Таким образом, экономическое и политическое усиление Ширвана привело к тому, что почти вся территория Северного Азербайджана оказалась или в составе, или под политическим влиянием Ширвана. Ширван вплотную подступил к правобережью Самура. По завоеванию Дербента, Ширван уже соседствует с Табасараном. “Правитель его в настоящее время мусульманин, племянник (сын сестры) того Абд ал-Малика, который был эмиром ал-Баба. “Табасаран ближайший к ал-Бабу народ”¹⁸.

Середина X в. полна перипетий, в которых Ширван, Лакз, Серир, Кайтаг и Табасаран играли важную роль. Представители царствующего дома Ширвана оказались у власти в лезгинских районах южнее Самура. Сыновья ширваншаха были назначены правителями соседних, но находившихся в политической зависимости, владений. Один из них, Хайсам, стал правителем Табасарана. Он и раньше был правителем Табасарана, и, как сообщает Мунаджжик баши, жители Баб ал-абваба, изгнав своего правителя, “покаялись в верности Хайсаму ибн Мухаммаду ибн Йазиду, владельцу Табасарана, и ввели его в город”, где он правил только два года, после чего был изгнан населением.

По всей вероятности, в Лакзе имелаась сильная оппозиция власти ширваншахов, и влияние последних на Лакз было сильно ослаблено. Так, например, жители Баб ал-абваба в 953 году отказались от представителя дома ширваншахов, назначили на его место царя страны Лакз Шахраму Ахмада ибн Мунабби, который также был свергнут года через три.

Впоследствии, когда ширваншахом стал Ахмад ибн Мухаммад, его брат, упомянутый выше правитель Табасарана и временами Дербента Хайсам, добившийся самостоятельности, вынужден был искать убежище в Лакзе, но в 968 году покинул Лакз, чтобы искать новое убежище у Саллара Ибрахима ибн Марзбана ад-Дайлами.

В этих событиях уже бросается в глаза рост политического значения Дербен-

та. Влияние эмира Дербента в происходящем было настолько сильным, что Ахмад ибн Абдаллах ал-Хашими “от имени Хайсама... вступил в переговоры с правителем Ширвана и потребовал от него уступки части Ширвана в пользу Хайсама, но Ахмад (б. Мухаммад) отказался это сделать... Правитель ал-Баба эмир Ахмад (б. Абдалмалик) собрал войско из отдельных областей (атраф), главным образом, из Сарира, и двинулся на Ширван, взял приступом Шабаран”¹⁹. В целом, “несмотря на беспрестанное вмешательство Ширвана в дела ал-Баба, последний имел свою собственную династию и не мог считаться де-юре владением Йазидидов”²⁰.

Речь идёт о династии, родоначальником которой в 869 г. стал, как уже указывалось выше, Хашим б. Сурака ас-Сулами.

Одновременно растёт престиж Табасарана. Когда в 989 г. гиланский проповедник Муса аг-Туси предложил эмиру Баб ал-абваба отдать ему русов-гулямов для обращения их в ислам, то он согласился оставить город, если ему будет позволено уйти вместе с этими гулямами в Табасаран. В Табасаране же было (1024 г.) “поместье Мухаммеда”, принадлежавшее брату ширваншаха. В 1041-1042 г. дербентский правитель Абдалмалик в своих конфликтах с жителями города находит поддержку со стороны жителей Табасарана. Глава дербентский райсов Муфарридж ибн Музаффар нашёл в 1064 г. убежище среди лакзов. В Лакзе нашёл приют брат ширваншаха, бежавший от сельджукского султана, вступившего в 1067 г. в Арран. После неудачного выступления против ширваншаха, он здесь же вторично находит пристанище²¹.

Таким образом, на протяжении X века взаимоотношения Ширвана и Дагестана были, в основном, напряжённые. Правящая верхушка Ширвана неоднократно предпринимала попытки подчинить себе или же поставить в политическую зависимость дагестанские владения. Попытки эти встречали упорное сопротивление, что видно по той поддержке, которую в Лакзе, Хайдаке находили элементы, враждебно настроенные по отношению к Ширвану. Однако, политическое влияние Ширвана всё более и более усиливалось. Представители правящего дома ширваншахов старались усилить своё экономическое положение. Важные сообщения о земельных участках, возможно, наследственных (“дийа”), этих представителей в Табасаране подтверждают это положение на конкретных материалах²².

При изучении взаимоотношений Ширвана и Дагестана следует иметь в виду особую роль владения Хурсан²³. Впервые оно упоминается у армянского автора V в. Егише Вардапета. Ал-Йакуби в связи с событиями VIII в. упоминает крепость Хурс в Арминии. Ал-Балазури упоминает “царя ал-лакзов с титулом Хурсаншах”. “Область Хурсан занимала значительное пространство и, как видно, соответствовала южной части земель тогдашнего Дербентского района. Южнее Маската (Мушкура), являясь частью территории лакзов, уже включенной в Ширван. В конце X в. области лакзов в Южном Дагестане были уже подчинены ширваншаху. По видимому, область Хурсан, населенная помимо ширванцев племенами лакзов и татов, простиралась до северных склонов Кавказских

гор между Лахиджем и Кубой, где в настоящее время живут остатки этих племён в селениях Будут, Хиналук, Криз и Хапут, и включала Лахидж с окрестными селениями Сулут, Мельгам, Конахкенд, Зарат, Демирчи и др.”²⁴

То же самое можно сказать о Табасаране, расположенном в Южном Дагестане, между Дербентом и Лакзом. Ширваншах распространял временами свою власть и на эту территорию. Выше уже приводилось свидетельство “Истории Ширвана и Дербенда” о том, что в первой половине X в. Табасараном правил сын ширваншаха, а в 1025 г. здесь упоминается дийа Мухаммад, где скончался брат ширваншаха. В 1065 г. сын ширваншаха Минучихр ибн Йазид Хурмуз скончался в “поместье Ирси в Табасаране и был похоронен там рядом со своими дядьями по матери”²⁵. Ширваншахи были связаны брачными узами с правителями Табасарана, и часто эта территория была подвластна Ширваншахам”²⁶.

Очевидно, в связи с сельджукской агрессией во второй половине XI в. и захватом Дербента, влияние Ширвана на территорию Дагестана, особенно Южного, ещё более усиливается. В 1074 году “ширваншах занял земли Восточного и Западного Лакза” и насильно собирал харадж с этих земель”²⁷.

Вообще, вся история взаимоотношений Дагестана и Ширвана в XI в. (вплоть до 1075 г.) переполнена непрерывной борьбой этих владений за власть на Восточном Кавказе”²⁸. Обстановка усугублялась неоднократными походами русов на земли Ширвана”²⁹, а также не прекращавшейся борьбой социальных группировок внутри самого Дербента. Город неоднократно переходил из рук в руки, и влиятельнейшие дербентские раисы попеременно “сажали” в Дербенте на пост эмира то ширваншаха (династия Йазидидов), то представителя самостоятельной дербентской династии (Хашимиды).

Особое значение во взаимоотношениях Дагестана и Ширвана во второй половине XI в. имела деятельность ширваншаха Фарибурза I ибн Саллара ибн Йазиды (1063-1096 гг.). С его именем связана история Ширвана и Дагестана на фоне военного противостояния и “признания” новой власти Сельджуков на протяжении всей второй половины XI в.

Фарибурз I был незаурядным и талантливым государственным деятелем и дипломатом, за 33 года правления он приложил немало усилий (и не безуспешно) на пути завоевания соседних территорий, расширения и укрепления своего государства. Номинально подчинившись власти сельджукского султана, он в действительности вёл самостоятельную политику, сумел сохранить власть и титул ширваншаха”³⁰.

Его сын Афридун был приглашён в качестве эмира Дербента, но пребывал там недолго. Фарибурз поддерживал в политических целях родственные связи с рядом правителей, в частности, он был женат на дочери правителя Серира, к которому не раз обращался за помощью. При Фарибурзе в межгосударственных отношениях с дагестанскими владениями на первое место был выдвинут не военный фактор, а область идеологии, значение которой очень хорошо осознавалась ширваншахом. “Идеологический фактор”, а именно ислам и укрепление его позиций, был пущен в ход в самый удобный момент: лезгинские земли (Лакз)

уже стали мусульманскими, и они активно привлекались в процессе исламизации северного соседа Лакза Гумика (Кумуха). Выше уже приводились письма ширваншаха Фарибурза к жителям Кумуха и Лакза, проливающие свет не на военный, а на мирный аспект взаимоотношений Ширвана и Южного Дагестана.

В XII в. экономическое и политическое положение Ширвана ещё более усиливается. Немалую роль сыграло в этом то обстоятельство, что с начала XII в. государство Сельджукидов постепенно теряет своё политическое могущество, что привело к ослаблению зависимости от сельджукских султанов, укреплению независимости местных правителей, находившихся в вассальной зависимости от султана”³¹.

Всё это способствовало усилению торгово-экономических и политических взаимосвязей Ширвана и Дагестана. Содействовало этому то важное обстоятельство, что в XI-XII вв. обе территории переживали экономический и культурный подъём, а также рост значения городов, бурный процесс образования крупных населённых пунктов, расширение ремесла, торговли, товарно-денежных отношений. В Ширване процветали города Шемаха, Кабала, Шеки, Баку, Байлакан; в Дагестане — Дербент, Зирихгеран и столицы государственных образований”³². Имеется лишь одно немаловажное отличие: политическому единству, интеграции Ширвана сопутствует по времени политическая децентрализация Южного Дагестана. “После двух десятилетий господствования сельджуков, Йазидиды Ширвана не только уцелели, но заявили свои претензии на господство на всём Восточном Кавказе”³³.

Это высокое положение Ширвана подчеркнул Масуд ибн Намдар в касиде, посвящённой ширваншаху Фарибурзу и его воинским доблестям: “Ты овладел Муканом как владением по присяге и владеешь землями до берега (?). Побуждаешь Абхаз набегом и поспешно овладеваешь Арраном. Назначашь алима над Гянджой... Разве отряд войска вашего не совершил набег и не овладел врасплох Гумиком? И пришёл Сулвар, ваш раб, к аланам с многочисленным полчищем. Он возвратился со всем, что желал, и подверг безбожье в состоянии унижения”³⁴.

Усилившаяся централизованная государственная власть поощряла науки, литературу, искусство, культуру вообще. Ширван превратился “в центр поэтической, отчасти научной мысли того времени”³⁵. В середине XII в. достигают расцвета литературное творчество, представленное именами Абу-л-Ала, Низами, Фалаки, Хагани и других выдающихся деятелей, находящихся под покровительством ширваншаха Минучихра-Ахситана”³⁶.

Именно в это время Азербайджан подарил миру блестящую плеяду мыслителей, зодчих, поэтов, учёных. Среди них: философ и грамматист Хатиб Табризи, преподававший в Багдаде в знаменитом медресе “Низамийа”; историк Ибн Надмар; Хагани, оказавший большое влияние на развитие персоязычной поэзии Востока; создатели превосходных архитектурных памятников. В золотой фонд мировой литературы вошло творчество Низами Гянджеви”³⁷.

Особое усиление Ширвана прослеживается при Ахситане I, сыне Минучих-

ра III. Что касается Дербента, то Ахситан решил оказать влияние на него, женившись на дочери владетеля Дербента эмира Абу-л-Музаффера Сейфадина, который был зятем грузинского царя Деметре I (1125-1156) и на сестре эмира Бекбарса ибн Музаффера. Таким образом, были установлены родственные и союзнические отношения как с правителями Дербента, так и с грузинским господствующим домом. «Была устранена постоянная угроза нападения на Ширван со стороны Дербента и Грузии, а также закреплено влияние Ахситана на враждебных Ширвану кипчаков, обитавших в степях за Дербентом в Дешт-и Кипчак и в Грузии»³⁸. При Ахситане I объединённые ширвано-грузинские войска отразили набег русов и кипчаков на Ширван. Русы на 73 судах поднялись вверх по Куре, а кипчаки захватили Дербент, захватили цитадель Шабрана³⁹. Ахситан I во главе объединённых войск разбил русов и кипчаков, и Дербент и Шабран вновь вошли в состав владений ширваншаха.

Связи Ширвана и Дагестана не прерывались и после похода монголов из Ширвана в 1220 г., ибо в период господства хорезмшаха Джалаладина Ширван «не переживал такого тяжёлого и бедственного положения, в котором очутились соседние страны, в особенности Грузия»⁴⁰.

Сохранилось несколько свидетельств о том, что ширванцы были хорошо знакомы с Дагестаном. Как сообщает Закарийа ал-Казвини, именно ширванский правовед (факих) Йусуф ибн Махмуд Гянджинский снабдил его интереснейшими сведениями о «лакзанских» селениях Цахур и Шиназ. В этом сообщении большой интерес представляют слова ал-Казвини о том, что Цахур расположено в «шести переходах (мархала) от Джанзы (Гянджи)» — явное свидетельство об оживлённых контактах, ибо количество переходов определяется при уже устоявшихся, регулярных связях.

Хорошо были известны ширванцам и дагестанские маршруты. В 1221 году, когда монгольские полководцы Джэбэ и Субэдей решили обойти сильно укреплённый Дербент и пойти на север через горы Дагестана, то они обратились к ширванцам с требованием показать им путь, что и было сделано под страхом смерти.⁴¹

Культурные связи подкреплялись контактами политическими. Так, например, население Ширвана и Аррана, поддержанное грузинами и «лакзами», выступило против кипчаков, прорвавшихся в Закавказье после поражения, нанесённого им монголами⁴². Кипчаки захватили Дербент, совершали нападения, грабили местное население. Это вызвало всеобщий гнев, «... мусульмане из местных жителей восстали против них, сражались с ними и перебили большое число из них. Испугавшись, кипчаки ушли по направлению Ширвана, а потом перешли в страну лакзов. Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие почувствовали смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, ограбили и захватили в плен, так что кипчакский раб (мамлюк) продавался в Дербент-Ширване по (самой) низкой цене»⁴³. Кстати, ширваншахом в это время был Гершасп I Фаррухзад (до 1225 г.), а эмиром Дербента его брат Рашид.

Во второй половине XIII-XIV вв. прослеживается переплетение двух линий в

ширвано-дагестанских взаимоотношениях. С одной стороны, господство государства ильханов (1256-1355 гг.), в состав которого в определённое время входил ряд южнодагестанских земель. С другой стороны совместное во времени участие Ширвана и Дагестана в значительно возросшей с конца XIII в. международной морской и сухопутной торговле. Реформы Газанхана (1295-1304 гг.) коснулись и территории Ширвана и Южного Дагестана, где шёл процесс упорядочения «возделывания» и устройства неиспользуемых земель (как итог монгольских завоеваний)⁴⁴. Рашидаддин, перечисляя «границы и окраины» владений ильханов, называет в числе других городов также Дербент, а Газанхан направил в горные проходы и малодоступные пограничные области «тазикские войска и всех снабдил одеждой и раздал им икта»⁴⁵. Речь идёт о бассейне реки Самур, так как ещё в 1301 г. «эмиры Лезгистана» «добровольно подчинились ильхану»⁴⁶.

Вторая же сторона — это, как уже указывалось, оживлённая международная торговля, в которую были втянуты и Ширван, и Дагестан. При ильханах значительно расширились торговые сношения между Ширваном и Дальним Востоком. Караванный путь шёл от Баку и Железных Ворот (Дербента) через территорию Золотой Орды, Сибири в Китай⁴⁷. О важности этого пути свидетельствуют находки джучидских монет в Баку, Дербенте, Сальянах. В XII-XIV вв. в Ширване и Дербенте широкое распространение получили китайские шёлковые ткани («золотом тканная китайская парча»), фарфоровая посуда. Находки бронзовых кубачинских чирахов (светильников) XIV в. и рейской керамики на территории дворца Ширваншахов — свидетельство торговых связей с Дагестаном и Ираном⁴⁸. На территории Ширвана имели широкое хождение монеты Дербента, точно также на территории Южного Дагестана (особенно район Дербента) были в обращении монеты ширваншахов. Развитие морской торговли через Каспийское море особенно связано с начавшейся в конце XIII в. деятельностью итальянских купцов⁴⁹.

Древние пути мировой международной транзитной торговли между странами Ближнего Востока, Кавказа и Восточной Европы проходили через земли Ширвана и Дагестана, втягивая эти области в торговую деятельность. В 1340 г. Хамдаллах Казвини писал о Баку, как о порте на Каспийском море. Затем названы Бешбармак, Дербент и Астрахань. До конца XIV в. шёл, шёлковые ткани, ковры, пряности и другие товары из Ширвана, стран Закавказья и Передней Азии вывозились через Баку, Дербент и Астрахань в Золотую Орду, на Русь и Европу⁵⁰.

Блестящая культура Ширвана XII-XV вв. нашла благодатную почву и в Дагестане. Проникновение суфийских идей во внутренние районы Дагестана шло по двум путям: через Дербент, город суфиев, и через Ширван непосредственно, местными дорогами и тропами, минуя город. Крупнейшие поэты Азербайджана Хагани (1121-1199) и Низами Гянджеви (1141-1209) были суфиями — свидетельство огромной притягательной силы суфийских идей. В Дагестан стал проникать персидский язык, занявший в Иране и Азербайджане в XI-XIV вв. во многих сферах (поэзия, государственная канцелярия и т.д.) ведущие позиции.

Памятники персидской эпиграфики Дагестана — это прямое следствие воздействия азербайджанской культуры на персидском языке, азербайджанской культуровой и строительной эпиграфики.

Самая ранняя персидская надпись, обнаруженная в Дагестане (Дербент) относится к 1301 году — это запись о вакфе источника воды с колодезем в пользу почтовой станции⁵¹. К ранним относятся также благопожелательный стих на тимпане из Кубачи (первая половина XIV в.), надпись на колонке-тимпане (Дагестанский исторический и архитектурный музей, середина XIV в.)⁵², строительная надпись из Дербента о реставрации мечети в 1368-1369 г.⁵³ и мемориальная надпись из Хнова 1382 г.

XV в. представлен восьмью персидскими текстами⁵⁴. Характерная особенность персидских текстов их “официальный тон”: они посвящены, в основном, представителям феодальной верхушки, деятельности правителей (эмир Исфандийар, ширваншахи Халилуллах, Фаррух-Йасар и т.д.). Основная часть надписей из Дербента, три из Кубачи, одна из Хнова. В пяти случаях надписи двуязычны, т. е. на арабском и персидском языках; это надписи 1368-69, 1446, 1453-1462 из Дербента и 1382 из Хнова. Последняя надпись — это двуступище на персидском языке, широко представленная на сундукообразных надгробьях XV-XVII вв. Обычно эти дидактические тексты из Саади, Омара Хайяма⁵⁵, но для XII-XIV вв. в Азербайджане строительная и мемориальная эпиграфика явление редкое⁵⁶.

Ширвано-дагестанские отношения достигают особого подъёма в конце XIV - начале XVI вв., когда утвердился и правила новая, дербентская династия ширваншахов (1382-1538). В 1382 г. феодалы Ширвана избрали правителем двоюродного брата предыдущего ширваншаха (Хушанг) Ибрахима ибн Султана Мухаммада ибн Кейкубада. Как пишет Мунадюжжим -баши, Шейх Ибрахим (1381-1417) был первым представителем династии ширваншахов Дербенди, которая являлась боковой ветвью династии Мазйадидов (Йазидидов)⁵⁷.

Для Ширвана и Дагестана конец XIV - начало XV вв. были тяжёлым этапом, особенно во внешнеполитической жизни. Их территория стала фактически ареной бескомпромиссных столкновений двух сильных и жестоких правителей Тимура и Тохтамыша. Для обоих государств не было реальной возможности собственными силами противостоять огромным, многочисленным, хорошо организованным отрядам завоевателей. Многое зависело от того, какой политики будет придерживаться ширваншах, какие дипломатические шаги он предпримет. Первый ширваншах новой династии Ибрахим Дербенди⁵⁸ оказался на высоте положения, проявил себя как гибкий политик, сумел удачно использовать противоречия названных выше могучих противников.

Он вынужден был подчиниться без боя Тимуру, изъявить ему покорность, расположить его к себе. В итоге он остался ширваншахом, а государство его избежало разорения и массовой гибели населения. Даже после назначения Тимуром своего сына Мираншаха правителем Азербайджана и Ширвана, в том числе Дербента и Баку, Ибрахиму Дербенди удалось сохранить звание и должность ширваншаха⁵⁹. Ибрахим I принял на стороне Тимура активное участие в

борьбе против Тохтамыша, сопровождал неоднократно Тимура в его походах на север через Дербент, а потом в Грузию и другие земли. Более того, он наладил чеканку монет с именем Тимура в Баку, Дербенте, Шемахе.

Хроника Махмуда Хиналугского (середина XV в.), посвящённая военно-политической истории Восточного Кавказа XIV -середины XV вв., даёт ценные сведения о деятельности ширваншаха Ибрахима I Дербенди, о тесных связях Ширвана и Дагестана. Прежде всего обращают внимание уже сложившиеся “династийные браки” и попытки использовать в своих политических целях эти родственные связи. В конце XIV в. Султан Мухаммадхан, узмий Кайтага, был женат одновременно на сестре ширваншаха Ибрахима I Дербенди (“Султан Кершасиб”) и на сестре шамхала⁶⁰. Ширвано-дагестанские связи, особенно кайтаго-ширванские, зафиксированные по другим источникам, это прямое продолжение связей, нашедших отражение в “Хронике” Махмуда Хиналугского.

Когда в середине XV в. (1466 г.), как сообщает известный русский путешественник Афанасий Никитин, один из кораблей посла Василия Панина потерпел близ Тарков крушение и экипаж высадился на берег, но был ограблен местными жителями, то ширваншах Халилуллах (1417-1465), по просьбе Панина, обратился к “шурину моему Алильбегу Кайтагскому князю” с просьбой вернуть пленных и товары, что и было выполнено⁶¹.

В этом сообщении привлекают внимание два факта. Первый это дата, 1466, то есть через десять лет после составления хроники Махмуда Хиналугского и примерно через 65-70 после того, как два представителя правящей фамилии Кайтага (Ильча и Ахмед-бек) покинули родину и нашли приют в Ширване. Второй имел место тогда же, в конце XIV в. или начале XV в., когда кайтагский узмий был женат на сестре ширваншаха⁶², а в 1466 г. ширваншах Фаррух Йасар был женат на сестре кайтагского правителя (1465-1500) (“шурин мой Алильбек Кайтагский князь”).

Таким образом, линия на поддержку родственных связей между домами ширваншахов и узмиев, зафиксированная в начале XV в., продолжалась и во второй половине XV в. и представляется традиционной по крайней мере в правление первых ширваншахов Дербенди-Ибрахима I, Фаррух Йасара, при которых Ширван достиг наивысшего могущества и расцвета.

Связи эти были тем более реальными, что, судя по эпиграфическим памятникам (надпись из селения Ахты: “Владелец этой крепости Халилуллах”⁶³) долина Самура, в нижнем и среднем его течении, находилась в середине XV в.⁶⁴ в политической зависимости от Ширвана. Надпись из Дербента с именем Шейха Ибрахима⁶⁵ говорит о том, что именно при этом ширваншахе политическое влияние значительно усилилось. Как известно, Ибрахим Дербенди сопровождал Тимура во время его походов через Дербент на север, в частности в походе на Астрахань в 1396 г. Как сообщает Шарафаддин Али Йезди, “Завоеватель мира, властитель великодушный с помощью божьей прошёл через Дербент и дал приказ о восстановлении цитадели города.” Тимур подписал ярлык, подтвердивший право Ибрахима I на Ширван, ему же была поручена охрана Дербента. После

Рис. 102. Сел. Ахты. Надпись о строительстве крепости ширваншахом. XV в.

в сочинении Махмуда Хиналугского, ясно видно, что лезгинские селения и общества в бассейне реки Самур в конце XIV в. и начале XV в. находились в политической зависимости от Ширвана: сын Ибрахима I Дербенди Мухаммед-бек “по приказанию Султана-Кершасиба (т. е. Ибрахима I — ред.) отправился управлять одной крепостью в округе Докузпара”⁶⁷. Пожалование это оказалось наследственным в руках потомков Мухаммед-бека: в Хнове поселился его внук Махмуд-бек, в крепости Ахир — сын его, Эльчав Ахмед-бек, и т. д. Следующее поколение обосновывается в Курахе, Кюре, Табасаране⁶⁸.

Влияние Ширвана на Южный Дагестан ощутимо прослеживается как при Шейхе Ибрахиме I Дербенди (1382-1417) и Халидуллахе, так и при Фаррух Йасаре (1465-1500 гг.), при котором Ширван достигает наибольшего расцвета.

По мнению ряда учёных, приведенная выше надпись из селения Ахты читается так: “Владелец этой крепости ширваншах ибн Халидуллах”⁶⁹, то есть крепость в Ахтах была построена при Фаррух Йасаре. При нем же было построено медресе в Дербенте (“Фарруховское медресе”)⁷⁰.

Судя по эпиграфическим памятникам, Ширван принимал активное участие в строительном деле в районе Дербента, а влияние ширвано-апшеронской архитектурной школы было ощутимым — это прослеживается и по строительной терминологии, и по сходству многих архитектурных деталей. Одним из наглядных примеров проникновения в Дагестан приёмов ширвано-апшеронской школы является поразительное сходство двух башен — замка 1232 года в селении Мардакян⁷¹ и круглой башни в дагестанском селении Ишари. В Дербенте в стене Джума-мечети имеется надпись 1368-1369 г. с выразительным текстом: “Работа устада Тадж-ад-Дина, сына Мусы, бакинского строителя (баина Бакуи)”⁷². В литературе отмечено также стилистическое родство многих деталей скульптурного декора баилловских укреплений и рельефов в стенах зданий дагестанских селений, а также в архитектуре Диванхана (дворец Ширваншахов) и ворот Ортакапы в Дербенте⁷³.

смерти Тимура (1405 г.) Ибрахим I начал борьбу за объединение Азербайджана, но в 1412 г. был пленён Кара-Юсуфом, основателем государства Кара-Коюнлу, но вскоре был отпущен с получением грамоты “с утверждением на право управления областью Ширвана от пределов Шеки до Дербенда со всеми городами, на том основании, на каком ширваншах владел раньше”⁶⁶.

На основании фактического материала, приводимого в

Связи Дагестана и Ширвана продолжались и в последующем, охватывая все сферы деятельности. Культурные связи шли по линии обоюдного заимствования ценностей, в частности, сочинений на арабском языке, в передаче традиций (особенно в области архитектуры), в фактах переселения жителей Ширвана в Дагестан. Взаимовыгодные контакты осуществлялись не только через город Дербент, но и не с меньшей интенсивностью через несколько горных перевалов, надёжно “провёрренных”, служивших мостом между обеими областями.

2. Дагестан и Грузия

В экономической, политической и культурной жизни раннесредневекового Дагестана значительное место занимало общение с народами Грузии. Торгово-экономические связи, обмен культурными ценностями, совместная борьба против иноземных завоевателей, миграционные процессы, идеологические “встречи” — это неполный перечень сфер реализации многовековых контактов между народами Грузии и Дагестана, свидетельствующих об общности судеб обоих народов.

Именно хроника “Жизнь картлийских царей” грузинского историка Леонти Мровели выдвинула идею единства происхождения народов Кавказа: “... у армян, кавсионов у всех этих народов был единый отец по имени Таргамос. Сей Таргамос был сыном Таршиса, внуком Иафета сына Ноева”⁷⁴. У Таргамоса было 8 сыновей: Гаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Лек, Эрос, Эгрос, Кавкас.⁷⁵

Эта идея, идея единства происхождения и исторических судеб кавказских народов, возникшая в политических условиях Грузии XI в., была отражением политического и этнического самосознания грузинского населения и имела “почву” в многовековой истории кавказских народов, прежде всего в политической истории, истории совместных взаимоотношений с внешним миром.

Уже имеется возможность подтвердить данными источников факты многих совместных выступлений дагестанских и грузинских народов и показать их устойчивый характер ещё со времени борьбы против сасанидской агрессии. Так было во время восстания 450-451 гг.: царь Грузии Аспагур совместно с леками и овсами выступает против иранской власти; грузинский царь Гурам (570-600 гг.) вместе с “овсами, дурдзуками и дидойцами” выступает против персов. Ещё раньше “леки” вместе с “овсами и хазарами” присоединились к армянскому царю в его борьбе против Хосрова Ануширвана. При нашествии войск арабов в середине IX в. эристав Армении и Гурам, брат грузинского царя Багарата (826-876 гг.), “послал сказать горцам, чтобы они не пропускали их”. “Горцы преградили дорогу сарацинам. Бог им дал победу”⁷⁶. В то же время, как сообщает дагестанская историческая хроника “Дербенд-наме”, “аварский царь, сын Сураката”, вытесняемый арабами, находит убежище в Тушетии.

Мы видим, что совместные акции, рассчитанные на сохранение своей независимости, носят уже регулярный характер. Это обстоятельство имело ряд важ-

Рис. 103. Сел. Датуна (Шамильский район). Христианский храм. X-XI вв.

ных последствий: способствовало дальнейшему разворачиванию торгово-экономических контактов, культурных связей; сыграло огромную роль в сохранении фактической независимости многих дагестанских владений; стимулировало практику родственных связей между дагестанскими и грузинскими правителями с расчётом на укрепление политических связей, установление союзнических отношений⁷⁷.

Как известно, в VI-X вв. ни Дагестан, ни Грузия не знали политического единства, были раздроблены на ряд самостоятельных владений. Политическая раздробленность ограничивала, конечно, военные, политические контакты, но не могла прекратить их⁷⁸.

Однако внутривластительское развитие Грузии и Дагестана шло различ-

ными путями. Грузия шла по пути консолидации своих сил, сплочения разрозненных территорий, создания сильного, единого, независимого государства. Дагестан же оставался территорией, разделённой на многие политические единицы. Более того, в ряде раннефеодальных владений Дагестана начался процесс децентрализации политической власти, рост значения союзов сельских общин. Процесс это особенно ярко наблюдается в Западном Дагестане, на границе с Грузией.

Это давало возможность активного идеологического воздействия на эти районы Западного Дагестана. Предшествовало этому то, что "всю Цукетию (т.е. бывшим цахурским участком Закатальского округа), Тушетией, Хунзахом и горными областями управлял Абухвасро, потомок правителя Нагорья, назначенный царём Вахтангом Горгасалом" (ум. в 502 г.)⁷⁹. В западных районах началась широкая миссионерская деятельность. В идеологической области, в частности, в распространении христианства, Грузия проводила систематическую, планомерную работу и добилась значительных успехов. По сообщению грузинской хроники, царь Арчил насильно обращает в христианство "язычников", в том числе тушин и хунзов. Он прибыл в Цукети, т.е. Цахурский участок, "и выстроил церковь Касри"⁸⁰.

Грузино-дагестанские взаимоотношения во всех сферах в течение V-XIV вв. можно разделить на два основных этапа: если на первом этапе (V-X вв.) доминирует военно-политический аспект, то второй этап (XI-XIV вв.) характеризуется всё усиливающимися торгово-экономическими и культурными связями. На этом этапе наиболее активно велось идеологическое воздействие, то есть значительно

активизировалась роль христианской церкви в "языческих районах" Нагорного Дагестана.

Нередки были случаи совместных выступлений. В 1123 г. Давид IV Строитель (1086-1125) двинулся против сельджуков, на Ширван, взял Шемаху, отобрал у дербентского правителя город Шабран. В борьбе Грузии против сельджуков участвовали и дагестанцы. Давид Строитель, как сообщает "Картлис Цховреба": "... наделили почестями и добром курдов, леков..."⁸¹.

В 1167 г. Георгий III (1156-1184) пошёл на помощь своему племяннику ширваншаху Ахситану в борьбе с сельджуками, взял Шабран и Дербент. Мирные контакты иногда нарушались. В последние годы своего правления Тамара (1184-1213) около 1212 г. жестоко подавила антифеодальное восстание горцев-пховов (пшавы и хевсурь) и дидоев, которые вышли из повиновения и "стали совершать набеги, убивать, похищать в плен днём и ночью", как сообщает историк царицы Тамары. После упорной трёхмесячной борьбы восстание было подавлено. "было истреблено множество людей дидоев и пховов". После этой расправы, после появления монгольских войск и позже военно-политических столкновений не наблюдается⁸².

Арабский историк Ибн ал-Асир сообщает о совместной борьбе народов Грузии и Дагестана против кипчаков, нахлынувших на Дербент и соседние земли после того, как монголы разгромили их на Северном Кавказе: "однако мусульмане, курджи (грузины — ред.), лакзы (народы Дагестана — ред.) и другие, почувствовав смелость по отношению к ним, уничтожили их, грабили и захватывали в плен..."⁸³.

Как сообщает "Картлис Цховреба", влияние Грузии на некоторые районы Дагестана было значительным: грузинский царь Георг V Блистательный (1318—1346), после изгнания монголов из своей страны, вошёл в соседние земли, пройдя "всю Грузию от Никопсии до Дарубанда". Однако наиболее сильным и стабильным было политическое влияние в Западном Дагестане.

При всём отличии одного этапа от другого, оба они имели одно важное и, в сущности, перспективное обстоятельство: во взаимоотношениях Грузии и Дагестана преобладал мирный аспект, он стал традиционным. Мнение о постоянных набегах "леков" на грузинские земли лишено исторической почвы, по крайней мере, для V-XV вв. таких данных нет. Основной процесс формирования взаимоотношений базировался на торгово-экономических и идеологических предпосылках. Более того, значительное количество фортификационных сооружений Горного Дагестана, обнаруженное нашими археологами, ориентировано на север и северо-восток, а не на запад. Кроме того, их наличие, как и наличие укрепленных населённых пунктов, не только обеспечивали политическую независимость населения внутренних районов Дагестана, но, в значительной степени, претовращали набеги кочевников на плодородные закавказские земли⁸⁴.

В кавказской историографии значительное внимание уделено уже сложившейся в XVI-XVIII вв. практике "набегов", теории "лекианоба". Предприняты многочисленные попытки найти объяснение этому явлению, дать толкование

участившимся “набегам” дагестанских правителей. Выдвинуто много противоречивых предположений: набеги “диких горцев” на плодородные земли Грузии — это стремление феодалов обогатиться за счёт захвата и ограбления чужих земель; экспансия Ирана, Турции, России, их политика натравливания одного народа на другой; алчность дагестанцев (вариант: дагестанских правителей), легко поддающихся на “взятки и подарки”; выступления дагестанцев, подстрекаемых к этому владельцами отдельных княжеств политически раздробленной Грузии; начальный этап становления феодальных отношений в горных районах Дагестана и “выталкивание” за пределы своих земель огромных людских массивов при формировании раннефеодального общества. Ни одна из этих концепций не объясняет сущности такого серьёзного и сложного явления, как “лекианоба”.

Объяснение этому следует искать, в основном, во внутренних процессах, происходящих в Грузии и Дагестане: политическая раздробленность, феодальные междоусобицы в Грузии — с одной стороны, и неравномерное политическое развитие Дагестана — с другой. В Дагестане происходит двудвиный процесс: укрепление феодальных владений в одном случае, возникновение новых, укрепление старых союзов сельских общин, появление их союзов и федераций союзов, появление на развалинах ряда раннефеодальных обществ новых, демократических структур — в другом. В этой обстановке дальнейшее развитие отдельного владения по пути феодализации должно было пойти по одному из путей — движению феодализма вглубь или вширь. Движение вглубь — это усиление нормы эксплуатации, угнетения феодальнозависимого крестьянства. Этот путь на историческом отрезке XVI-XVIII вв. в Дагестане “не работал”, вернее, не имел в конкретных условиях того времени реальных шансов на положительный исход. В народно-освободительных битвах (борьба против османской, иранской, российской агрессии) невероятно вырос статус крестьянства. Союзы сельских общин, их федераций, усилившихся до такой степени, что они могли успешно противостоять претензиям феодальных властей — это новое обстоятельство толкало феодальных правителей на поиски иных путей обогащения, перераспределения феодальной ренты. Выход был за пределами Дагестана, в ослабленных иноземными вторжениями и взаимными претензиями владениях раздробленной Грузии. Это был “проверенный” во многих странах Запада и Востока процесс феодализации вширь. Инициаторами многих внешнеполитических акций на землях восточной Грузии были феодальные правители Дагестана, но втянуты в эти выступления были крестьянские массы (как феодальных владений, так и союзов сельских общин) — так обеспечивался выход энергии феодальнозависимого крестьянства или свободных землевладельцев, т.е. реализовывалась политика переориентации острого “крестьянского натиска” с позиций внутренних на позиции внешние. Учёт всего этого даёт возможность понять истинную причину, генезис “набегов”, стимулы их формирования, их ужесточения, подводит социально-экономическую базу под процессы военно-политического плана.

IX-X вв. на Северном Кавказе характерен зюются повсеместным “парадом” христианских памятников и значительным укреплением позиций христианства.

Это было последствием активной идеологической деятельности ряда христианских государств в X-XIII вв. — Византии, Грузии, Руси (Тмутараканское княжество). Это был важный фактор в процессе взаимосвязей народов, ибо вместе с христианством на Северный Кавказ приходит и грузинская культура.

В более широком плане распространение христианства на раннесредневековом Кавказе было “одним из проявлений международных связей”⁸⁶. В литературе справедливо отмечается, что распространение христианства явилось одним из этапов во взаимоотношениях народов Кавказа в целом, Дагестана и Грузии в частности, религиозный признак в ту эпоху был важным, определяющим внешнеполитическую ориентацию одного или нескольких народов⁸⁷.

Массовое появление христианских памятников на Северном Кавказе, начавшееся в X в., опиралось на “инициативы”, исходящие от названных государств. До образования единого Грузинского государства инициатором распространения христианства на Северо-Западном Кавказе выступали Абхазия и Византия; в центральной же части Кавказа (Двалети, Ингушетии) — Картли и Кахетия; на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан) — Кахетинское княжество, а затем централизованная Грузия⁸⁸.

В X-XII вв. часть адыгов исповедовала христианство, испытывала влияние как со стороны Византии, так и со стороны Тмутаракани (на Таманском городище выявлены два христианских храма, один из которых датируется 1023 г.). В начале X в. Константинополь “организует Аланскую метрополию и разворачивает в верховьях Кубани широкое строительство. В ущелье Большой Зеленчук сооружается кафедра Аланской епархии (Зеленчукские храмы X в.). Если в Алании влияние греко-византийских миссионеров было непререкаемым, то в долинах рек Теберда, Кубань, Уруп (монументальные Шоанийский и Сентинский храмы, храмы в долине Урупа X-XIII вв.), при преобладающем византийском влиянии, в ряде случаев обнаруживаются черты грузинской церковной епархии. Восточная же Алания и Северо-Восточный Кавказ находились под несомненным идеологическим влиянием грузинской церкви. Здесь наиболее древний памятник грузинской христианской культуры относится к IX в. — это Тхаба-Ерды в Ингушетии, завершившийся в XI в. сооружением трёхнефной базилики, храмы Таргимский и Албы-Ерды (Ингушетия), Згурский и Тлийский храмы в Двалетии”⁸⁹.

На этом интенсивном идеологическом фоне Северного Кавказа шёл процесс усиления проникновения христианских элементов в Дагестан, как и процесс оседания здесь части христианского населения. Политические обстоятельства содействовали успехам христианства — объединительная политика Давида Строителя (1089-1125) и Тамары высоко подняли политический и идеологический престиж Грузии. Влияние это дошло до Дербента. Так, например, малик Дербента эмир Абу-л-Музаффар был женат на дочери грузинского князя Деметре, а в 1154 г., “во время объезда последним пограничных округов Дагестана”. эмир “выехал приветствовать своего тестя и принял его должным образом”⁹⁰.

На первом этапе огромную роль играл процесс распространения христианства в западных районах Дагестана. Обнаружение в Аварии большого числа христианских памятников-могильников VIII-X вв. (близ селений Урада, Тидиб, Галла, Тинди, Кванада, Ругуджа)⁹⁰ свидетельствует о значительных шагах христианства, о проникновении христианских элементов в районы Нагорного Дагестана⁹¹. В XI - начале XIII вв. усиление грузинской государственности, создание сильного, мощного, независимого государства в Грузии, рост политического влияния на Дагестан, оживление торгово-экономических и культурных контактов — все эти факты содействовали реализации политики грузинских правителей и грузинской церкви по активному использованию религиозного фактора. Предпринимаются новые попытки насадить христианство в дагестанских обществах, усиливается миссионерская деятельность, ставятся памятники христианского культа. Выше уже писалось о храмах “в Анцухе, Тенухи”, у “народов Хундзи”, в Цукети.

Христианские памятники сохранились и в долине Аварского Койсу. Здесь, недалеко от селения Датуна, расположены остатки христианского храма, датированного концом X - первой половиной XI вв. Сохранившийся до наших дней христианский храм близ селения Датуна, построенный по образцу грузинских некупольных храмов, не является единственным памятником такого рода. Об этом “свидетельствуют грузинские или начертанные буквами грузинского алфавита надписи, в своё время украшавшие стены христианских церквей, возведенных в разных пунктах на территории Аварии”⁹². Совместная дагестано-грузинская археологическая экспедиция выявила в храме Датуна фрагменты настенной живописи, что дало исследователям утверждать: “это, наряду с косвенными данными церковью Акаро и Хини (находки на них высококачественного штука) даёт возможность допустить существование в средневековой Аварии традиции украшать христианские церкви фресковой живописью”⁹³. Остатки христианского храма X-XI вв. обнаружены также на Хунзахском плато, на горе Акаро. Это “зальная”, некупольная, однефная церковь. Христианская церковь зального типа сохранилась около селения Адитль, у древней дороги на Хунзахское плато. Эти находки дали возможность говорить о системе христианских культовых сооружений на Хунзахском плато и в сёлах, расположенных на его склонах⁹⁴.

Усилиями дагестанских и грузинских ученых в Аварии выявлено большое число каменных крестов и их изображений разнообразных геральдических типов (“греческий”, “латинский”, “георгиевский”, “с вилообразными кончиками”, “лапчатый” и др.) на каменных блоках, нательных металлических крестах и скульптурных деталях различных размеров (Хунзах, Акаро, Геничутль, Ахалчи, Обода, Гидатлинское общество, Гоор, Кахиб, Батлук, Глондода, Хуштада, Чох). Обнаружено большое число фрагментов, датированных то XII-XIII вв., то более ранним временем. Имеется несколько мемориальных крестов, восходящих к XI-XIV вв. (из Урадинского могильника)⁹⁵ или к XI в. (могильник в Тад-Раале). Ценную информацию о широком распространении христианства дают древнегрузинские надписи — строительные и мемориальные. Они исполнены древнегрузинскими

шрифтами “асомтаврули” и “нусха хуцури” на грузинском языке, частично же на грузинском и аварском языках. Датируются они частью X-XI вв., частью XIII-XIV вв.

Интересный процесс христианизации аварских, цахурских и ряда других районов Северного Кавказа нашёл отражение в памятниках арабской эпиграфики Дагестана и в многочисленных нарративных источниках. Среди памятников эпиграфики можно отметить надпись 1401 г. из Хнова с упоминанием имени Гурги (Георгий), начала XVI в. из Хунзаха с упоминанием имени “Гургулау Иван сын Гурги”⁹⁶. Письменные источники дают яркое представление о проникновении и утверждении христианства в ряде населённых пунктов. Арабский автор X в. Ибн Русте писал, что крепость царя Серира “... стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4 x 4 фарсаха и окружена каменной стеной. ... Все обитатели крепости христиане, а все остальные жители язычники”⁹⁷. Ещё в середине X века арабский историк ал-Масуди писал, что царь Серира исповедует христианство, а жители Зарикарана “исповедует различные религии: ислам, христианство и иудейство”⁹⁸.

Грузинский хронограф сообщает о миссионерской деятельности Пимена Салоса в Дагестане⁹⁹, а знаменитый арабский энциклопедист Йакут (ум. в 1239 г) пишет о наличии христиан в Лакзе¹⁰⁰. Как сообщает “Картлис -Цховреба”, грузинский царь Георгий V Блистательный (1318-1346), изгнав монгол, прошёл в земли Аррана и Ширвана вплоть до Дербента; он наложил дань на левобережье Кавказа. В приписке от 1310 г. к Евангелию, принадлежавшему М.А. Магалашвили, пишется о существовании в Дагестане нескольких епархий: Анцухской, Цахурской и Хунзахской. В синодике XV в. одного из грузинских монастырей на Синае упоминается “Хунзахский католикос Окропири”. На основе этого сообщения делается вывод о “существовании в Дагестане метрополии грузинской православной церкви”¹⁰¹.

В X-XV вв. переход групп или отдельных семей из Грузии в Дагестан и обратно был, пожалуй, нередким явлением. Переселенцы приобрели вторую родину, усваивали местный язык, сохраняя при этом свою конфессиональную принадлежность. Оседали также грузинские военнопленные. Обе эти категории со временем вошли в сельскую общину, инкорпорировались в местную социальную структуру. Следствие этого наличие во многих аварских селениях тухумов “гергилал” (“грузинский”). В свою очередь, группы аварцев, цахуров и рутулов также находили пристанище в Грузии.

Сохранилось интересное сведение, представленное императрице Екатерине II в 1783 г. во время русско-грузинского трактата — это родословная грузинских царей. В этой родословной имеется также отрывок о происхождении князей Чолакашвили: “... Князья Чолакашвили происходят от тех генуэзских итальянцев, которые в 1100 году после рождения Христова прибыли и покорили Кири-ми (Крым). Переселенцы эти вели торговлю от моря Понтийского до моря Каспийского. Одному из этих предводителей понравилось местечко Гемри (Гимры?) в Дагестане, куда он и переселился со множеством народа; их и теперь называют геноэлами и копачами. Предводителя этих геноэлов дагестанцы про-

звали Чолага. Но так как Чолага, имея множество баранты и рогатого скота, травил пастбища и стеснял местных жителей, то, по этой причине, туземцы восстали против него, ограбили его и изгнали. Чолага со всем своим семейством до Дербентской прибыл в Грузию к царю Георгию в 1320 г.”¹⁰² В родословной грузинских князей Церетели подчёркивается, “что предки их выходцы из Дагестана и что во время нашествия Тамерлана они убежали в Черкессию, откуда прибыли в Имеретию в 1395 г. Здесь они возведены были в княжеское достоинство”¹⁰³.

Очевидно, в ряде населённых пунктов были школы, где обучение шло на грузинском языке. Грузинский царевич Теймураз писал, что “первоначально... кистины, глигвы и дзурдзуки говорили по-грузински и были христианами”. “лезгины” также были христианами”, но Тимур, захватив эти земли, “издал также строгое повеление, чтобы отнюдь лезгины не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке. Язык грузинский остался только в стране Антцухской”¹⁰⁴. Далее сообщается о том, что грузинский царь Александр (1414-1442) изгнал “арабских мул из Лезгистана” и привёл “страну в прежнее состояние”. Конечно, в этих известиях есть преувеличения, в частности, о том, что “лезгины” были все христианами и что весь Западный Дагестан перешёл на изучение грузинского языка. Тем не менее, указанные выше сообщения грузинских хроник документируют интенсивные, тесные дагестанско-грузинские контакты во многих сферах взаимоотношений, имевших многовековую историю и никогда не прекращавшихся. Всё это наложило глубокий отпечаток и на дагестанский (в основном аварский) именник. Среди аварцев зафиксировано много грузинских имён: Илит'ай, Тамари, Гьерек'ли (Ираклий), Г'андуник'и (Андроник), К'ушк'ант'и (Константин), Харит'ун, Илишу (Елисей), Георгий, Бежан, Гьедури (Федор), Церетил, Элени и др.¹⁰⁵

Политические контакты неотделимы от торговых взаимовыгодных связей. Между двумя областями лежал Главный Кавказский хребет, но это не было помехой “для обоюдных встреч”. Оба народа сближала система перевальных путей, сложившаяся в исторически стабильные, живые артерии, хорошо оберегаемые и основательно “эксплуатируемые”. Среди горных коммуникаций наиболее оживлёнными были Кодорский и Вантлашетский перевалы. Большую роль в общении с Закавказьем вообще играл древний путь по равнине, по западному берегу Каспийского моря, через Дербент, связывавший с Грузией не только внутренние районы Дагестана, но и Северный Кавказ и Поволжье.

В русских документах упоминается широко использовавшийся путь из Астрахани через Дагестан в Грузию, минуя горные перевалы: “И от Астрахани морским путём до Яика, и Реку Яик, и до Терека, до Тюменского городу... и от Тюменского Дербенд железные ворота, и Шемаху и до усть реки Курай, Иверскую Грузинскую землю и до Кызылбаш”¹⁰⁶.

Развитию двусторонних и длительных контактов в значительной степени содействовало наличие торговой трассы Грузия — Россия, одна ветвь которой шла через внутренние районы Дагестана¹⁰⁷. Грузинские послы, побывавшие в Москве, дают подробный маршрут этой трассы: Терский городок — Тюмень —

город Тарки — Кафыркумух — Казанише — Газикумух: “итти с Тарки до Тюмени конному 3 днище, а пешему 2 дня; а от Тюменского до Шевкала до города Тарки 2 ж дни; а от Тарков до Кафыркумыка конному день, а пешему 2 дни; а от Кафыркумыка до Козаныча пешему итти днище: от Козаныча до Казикумука до Сафурского с 4 дныща, а Сафурской подданной Александра царя; а от Сафурского до Иверские земли ходу 3 2 дни и всего до Грузией от Тарки на Шевкала ходу 15 день”¹⁰⁸. Был и другой путь: “на оуцкие владения и на владения князя Аварского и Чёрного” между рр. Аксаем и Акташем по рр. Аварское и Кара Койсу (“дорога добре добра”)¹⁰⁹.

Дагестан получал из Грузии пшеницу, кукурузу, соль, посуду, шёлк, керамические, стеклянные и другие ремесленные изделия. В раннесредневековых могильниках Дагестана часто встречаются изделия грузинских ремесленников (украшения, керамические изделия и предметы туалета). В Грузию же Дагестан поставлял продукты животноводства, фрукты, изделия дагестанских ремесленников — орудия труда, предметы быта, вооружение, украшения. Об интенсивности торговых связей свидетельствуют монетные находки. В Дагестане обнаружены монеты, относящиеся ко времени правления Давида Строителя (1089-1125), Георгия III (1156-1184), Тамары (1184-1213). В Грузии найдены монеты, чеканенные в Дербенте в XII-XIV вв.¹¹⁰

Топонимическая, этническая и ономастическая номенклатура Дагестана полна данных, свидетельствующих о постоянном общении народов. (В сел. Анди один из авалов называют “грузинским авалом”, т.е. “грузинской частью”; жители селения Кина называют жителей соседнего селения Лучек “туркияр”, т.е. “грузинами”; в селении Голотль есть квартал “Гергилал”, по имени основателя Георгия; аварцы называют невольников “горги”; по преданию, в сел. Микик раньше жили грузины; ряд селений в западной части Рутульского района объединён под общим названием Горный магал, или Горгимагал (“Грузинский магал”); в сел. Нижний Катрух имеется тухум “бижевлар”, будто от грузинского имени Бичав, родоначальника тухума). Имеется огромное число подобных данных.

3. Тюрский мир и Дагестан в X-XIV вв.

Вопрос о взаимоотношениях оседлого земледельческого и кочевого мира, двух типов хозяйственной деятельности при всех успехах в его изучении нуждается в более детальной разработке на базе истории отдельных историко-культурных регионов. Дагестан периода раннего и развитого средневековья, будучи на границе кочевого и оседлого мира, даёт в распоряжение исследователей ценный исторический материал.

Проникновение тюрков, оседание тюркского этнического элемента в равнинных районах Дагестана имело место, как уже писалось выше, ещё задолго до X в.

но в X-XI вв. этот процесс приобретает значительные размеры (огузы, кипчаки, сельджуки), что это влияние было огромным видно из одного только факта, что к XIV в. тюркизация основной территории равнинного Дагестана была уже совершившимся фактом. Этнополитические процессы на Северном Кавказе, протекавшие в X-XIV вв., как закономерное продолжение событий раннесредневекового периода, завершились формированием прочного, стабильного тюркского массива, в составе трёх крупных народов кумыков, карачаевцев и балкарцев.

В X-XV вв. в Дагестан тюркский элемент проникал и с севера и с юга. В лице кипчаков и сельджуков он находил пристанище в восточной части Дагестана, особенно в Дербенте и равнинных районах Дагестана. В 1067 г. был предпринят первый поход сельджуков на Дербент, когда сельджукский султан Алп-Арслан "послал своего хаджиба Сау-Тегина (Шоу-Текина) с отрядом регулярных войск (аскар) в ал-Баб"¹¹¹. В 1075 г. "пограничная область" была пожалована султаном Сау-Тегину "и имя последнего стало читаться в хутбе имени султана с кафедры (мечетей) пограничной области"¹¹². До второй половины XII в. Дербент находился в зависимости от сельджукского султана, что благоприятствовало не только проникновению тюркского элемента, но и упрочению позиций ислама в Южном Дагестане. И впоследствии, после образования независимого Дербентского княжества, один из местных правителей носит чисто тюркское имя Бекбарс¹¹³. Справедливо отмечалось, что "тюркское влияние в Дербенте было, и тюрки должны были играть там, особенно в военном деле, большую роль"¹¹⁴. Грузинские летописи и исторические сочинения сохранили чрезвычайно ценные сведения о кипчаках на территории Северного Кавказа, которые играли важную роль в политической жизни Кавказа в целом. XI в. был периодом "гегемонии кипчаков" на Северном Кавказе¹¹⁵. Грузинский историк конца XI в. Джуаншир, рассказывая о деяниях Вахтанга Горгосала, вспоминает, что "неоднократно турки теснили пачанаков и джики. В результате пачанаки ушли на запад, а джики осели в пределах Абхазии"¹¹⁶.

Здесь под тюрками имеются в виду кипчаки, оттеснившие печенегов на запад. Речь идёт не об обычном вторжении, а "о приходе на Северный Кавказ значительных масс кипчаков на постоянное поселение"¹¹⁷.

Перед монгольским нашествием кипчакско-огузские племена прочно освоили степные пространства Юго-Восточной Европы, известные в восточной литературе под названием Дешт-и-Кипчак, т.е. кипчакской степи, в состав которой вошли и степи Северного Кавказа¹¹⁸.

Хотя основная часть северо-кавказских кипчаков обосновалась в центральном Предкавказье, немалое же число их обитало и в равнинном Дагестане. Как сообщает грузинская хроника, грузинский царь Давид Строитель (1089-1125) совершил в 1123 г. поход в Дагестан и одержал победу над "леками и кипчаками дербентскими"¹¹⁹. Монгольские завоевания способствовали дальнейшему проникновению тюркского элемента в Дагестан. В частности, кипчаки, разбитые в 1222 г. монголами в северо-кавказских степях, многотысячным отрядом проникли в Дагестан, достигли Дербента, ища поддержки у дербентского эмира Раши-

да¹²⁰. Роль монгольских завоеваний в проникновении тюркского элемента в Дагестан была настолько значительна, что монгольский отряд, который проник в 1239 г. глубоко в горы, до сел. Рича, назван в местной исторической хронике "тюркским".

С именем тюрков связан и знаменитый могильник Кырхляр в Дербенте. Если в местных исторических хрониках (в частности "Дербенд-наме") могильник приписывается 40 "шахидам" - арабам, погибшим в начале VII в., то цветущее куфиче, которым нанесены надписи на полуцилиндрических горизонтальных надгробиях, позволяет уверенно говорить о времени после X в. Устная традиция также связывает могильник Кырхляр с указанным временем: сообщаемая Кантемиром легенда приписывает кырхлярские могилы "народу огузов", которые некогда долгое время владели Дербентом" и это, как писал Х. Д. Френ, "наводит на мысль сельджуков, которые в XI в. завоевали Грузию и другие Кавказские земли, и к сему то или следующему XII в. могут быть отнесены наши надписи"¹²¹. Весьма ценно и другое обстоятельство: в рукописи "Дербенд-наме", хранящейся в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, даётся перечисление 50 "мучеников" (шахидов) в борьбе за веру, и все имена (среди них много тюркских) снабжены тюркским термином "султан" — султан Мир Али, султан Кух-хан, султан Хаджи Шамсад-дин, султан Баба, султан Пир Мурад Руми, султан Куче и т.д.¹²²

Таким образом, мы можем отнести Кырхлярский могильник к X-XII вв., скорее к XI-XII вв. имея в виду не только такой надёжный источник, как надпись, но также и присутствующий здесь тюркский элемент и, особенно, тюркское наименование Кырхляр. Этот могильник, связанный с именем "шахидов", ещё раз подчёркивает значение X-XII вв., как время интенсивной борьбы за исламизацию соседних Дербенту районов и особую роль тюркского элемента в этом процессе.

Тюркский элемент не только способствовал упрочению или распространению ислама, но и принимал участие в военно-политической жизни, принимая участие в акциях, предпринимаемых местными феодальными правителями. Военная сила из тюрков была не только в распоряжении дербентского эмира. Если со слов ал-Гарнати, "множество тюрков" выступает как внушительная воинская сила на стороне дербентского правителя, совершившего в первой половине XII в. поход на жителей Зирихгерана, не исповедовавших тогда ислам, то ещё раньше, в 1064 г. "владелец Серира собрал большое число (джамман гафиран) неверных и различных тюрков и двинулся на ал-Баб"¹²³.

Как сообщает ал-Гарнати, правитель Дербента переводил арабскую книгу группе слушателей на различные языки, в том числе и тюркский¹²⁴. Все эти сведения не подтверждают слова академика В.В. Бартольда о том, что "в домонгольскую эпоху, например, нет известий о турецком языке в Дербенте". Усиленное проникновение тюркского элемента начинается именно в XI-XII вв. Кстати, в X в. ал-Истахри среди жителей Дербента не упоминает "тюрков", хотя и пишет о хазарах¹²⁵.

Многосторонний характер контактов дагестанских народов с тюрками на-

шёл отражение как в нарративных источниках и эпиграфическом материале, так и в фольклорных и ономастических данных. В XI в. ворота Дербента имеют уже тюркские названия: “Кырхляр-капы”, “Баят-капы”, “Джарчи-капы”, “Туркмен-капы”. Сам Дербент называется также “Демир-капы”, а район Дербента впоследствии получил название “Улус магал”. Исследователями уже зафиксирована на равнине, особенно на территории между Дербентом и Избербашем, богатая тюркская топонимическая номенклатура.

Абу-л-Фида, ссылаясь на данные испанского географа XIII в. Ибн Саида (1214–1274 г.) писал о “Реке овец” в Дагестане (нахр ал-ганам)¹²⁶. Это точный перевод тюркского (а точнее — уже кумыкского слова Койсу Кьой-су). Точно также как персидское Дербент (Дарбанд) было передано арабами через “Баб ал-абваб”, другое персидское название Дарвак через “Баб-вак”, так и тюркское Койсу арабский автор перевёл арабским эквивалентом “нахр ал-ганам” (“Река овец”).

Разумеется влияние тюркского элемента и тюркского мира не ограничивалось только равнинными районами, оно охватывало как предгорье, так и горные районы. Фольклор и ономастика более богата, чем скудные письменные источники, отразили этот процесс. В Хунзахе был тухум Огузилал (Огузилал), т.е. огузы, точнее “огузовцы”, встречается иногда и собственное имя Огуз. В другом горном селении Ахты одно из местных кладбищ называлось “огъузрин суар” (“огузовское кладбище”)¹²⁷. В селении Тануси и до сих пор помнят рассказ о том, что правителем здесь в древние времена был Суракат, сын Огуз-хана, которому принадлежали также окрестные земли. Ещё В.В. Бартольд предлагал обратить серьёзное внимание на сообщение Ибн Саида о том, что жители Нагорного Дагестана, т.е. Серира произошли от смешения арабов и тюрков¹²⁸. Е.А. Пахомов высказал мысль о возможном влиянии сельджуков в области военного дела в Дербенте. На одном только примере можно показать, что влияние это шагнуло далеко за пределы Дербента. Как известно, в XI–XII вв. в Дагестане было два центра по изготовлению предметов вооружения — это Зирихгеран и сел. Шиназ. Как сообщал ал-Гарнати, жители Зирихгерана “изготавливают всякое военное снаряжение: кольчуги, панцири, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия”¹²⁹. Жители другого дагестанского селения — Шиназа, как сообщает Закария ал-Казвини, “искусны в изготовлении панцирей и других видов вооружения”¹³⁰. В обоих случаях ни слова об изготовлении такого защитного оружия, как щит. Распространение в дагестанских языках известного у сельджуков названия щита калкан (кумыкск. къолгъан, аварцы и лакцы — къалхъан, лезгины — къалхан) наводит на мысль о том, что именно с пребыванием сельджуков связано широкое распространение и повсеместное использование этого защитного оружия в Дагестане.

Конечно, не следует представлять дело так, что до конца XI–XII вв. в Дагестане не был известен щит, как защитное оружие он упоминается ещё в связи с историей Кавказской Албании. Важно другое, вскользь сказанное сообщение ал-Гарнати о том, что кроме предметов вооружения, жители Зирихгерана изготавливают “всевозможные медные изделия”. В связи с обнаружением в селении Кубачи

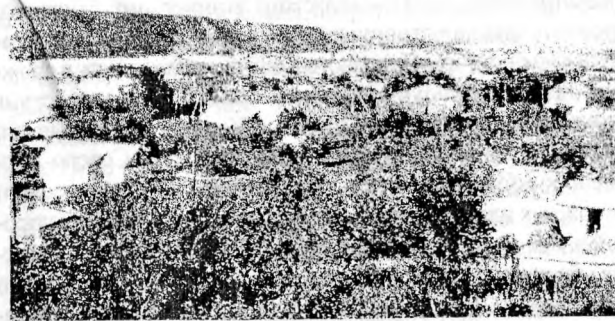

Рис. 104. сел. Эндирей

Мервези, Махмуд ибн Бу Бакра Саффар и др.

Надписи на котлах зафиксировали имена мастеров меднолитейного дела — профессионалов (в одном случае употреблён термин саффар — “медник”), три мастера имеют кунью Мервези, т.е. Мервский, что связывает имя мастера со знаменитым Мервом, временной столицей государства Сельджукидов.

После X в. мы можем уже проследить, как в районах, занятых тюрками, претерпевали изменения формы земельной собственности. Как уже отмечалось выше, земельная политика сельджуков (в 1075 г. они утвердились в Дербенте), Золотой Орды и собственно государства Хулагуидов привела к перераспределению земельного фонда в Дагестане в значительных размерах и развитию условных форм землевладения (икта), изъятию значительных земельных участков (фонд земель государственных или государевых). Всё это реализовывалось за счёт мулковых земель местных феодальных правителей или же свободных крестьян, а также за счёт общинного землевладения. Однако это коснулось, в основном, территории равнинного и частично предгорного Дагестана с землями, превращёнными в обширные пастбища, а также за счёт земель в Южном Дагестане, оказавшихся под влиянием государства Хулагуидов. “Оседлое земледельческое хозяйство оказалось тут на известное время вытесненным хозяйством кочевым”¹³¹. Господство тюркского культурного элемента отразилось и на состоянии горных районов. Вплоть до X в. Дагестан, хотя не знал политического единства, представлял тем не менее единое экономическое целое с исторически сложившейся преимущественно “специализацией” равнины на земледельческое хозяйство, горных районов — на животноводство.

Этническое развитие тюркоязычных народов Северного Кавказа имеет многовековую историю, требует глубокого и всестороннего изучения, и, будучи составной частью истории северо-кавказских народов, наложило отпечаток на все сферы жизни общества¹³². Преобладающая часть учёных, изучавших данную проблему, рассматривает формирование тюркоязычных кавказских народов как автохтонный процесс, когда тюркоязычные кочевники, приняв суще-

большого числа медных (бронзовых) котлов и в связи с изучением надписей на этих котлах, сообщение средневекового автора приобретает особое значение. Надписи зафиксировали следующие имена мастеров: Ахмад ибн Али Мервези, Абу Бакар ибн Ахмад

ственное участие в формировании северокавказского этнического субстрата, имели непосредственное отношение к этногенезу всех народов Северного Кавказа. Начиная с VI в. степные просторы Северного Кавказа включались в сложный и противоречивый процесс культурного и этнического взаимодействия тюркских племён с автохтонным населением Северного Кавказа. Непрерывная, всёвозрастающая тюркская волна захлестнула равнинные районы Северо-Восточного Дагестана и вело к постепенному господству тюркского этнического ядра. Проникновение тюркских племён, а следовательно, и распространение тюркского языка в северной части Дагестана продолжалось и после распада гуннского и связанного с ним болгарского объединения. “Этот процесс значительно усилился со времени образования Западнотюркского, а затем и Хазарского каганатов”¹³³. Именно в хазарскую эпоху на территории Северного Дагестана наблюдается дальнейшая консолидация тюркских и местных этнических элементов¹³⁴. Для дальнейшего формирования тюркоязычного населения Кавказа решающее значение имело длительное пребывание кипчаков в степях Прикубанья и Западного Прикаспия. Это обстоятельство сыграло решающую роль в формировании кумыкской народности.

Решающую роль кипчакского этнического ядра в формировании кумыкского народа исследователи отмечали неоднократно. Как писал Я. А. Фёдоров, “хотя проникновение тюркских элементов в Северо-Восточный Дагестан, возможно, имело место уже в хазарское время, однако процесс отторжения этого района вступил в решающую фазу лишь в половецкую эпоху”¹³⁵. С. Ш. Гаджиева высказала более определённое суждение: “Начавшийся ещё со времени болгар, савиров, западных тюрков процесс тюркизации аборигенов Кумыкской равнины полностью завершился в период господства кипчаков”¹³⁶. Вместе с тем она обратила внимание на ряд очень важных обстоятельств: кумыкский язык впитал в себя в процессе своего формирования и элементы огузских языков, “огузское влияние отчётливо прослеживается в диалекте южных кумыков”, которые испытывали это влияние не только с севера, но и с юга. “со стороны Азербайджана, который в XI в. подвергся вторжению огузских племён во главе с султанами из сельджукской династии”; что же касается кипчакских признаков, то они наиболее ярко выражены в хасавюртовском диалекте, который лёг в основу кумыкского литературного языка”¹³⁷.

Известный тюрколог Н. А. Баскаков отмечает, что кумыкский язык принадлежит к кипчакской группе (кипчако-огузской подгруппе) тюркских языков и что он имеет “в своей основе общие исторически отложившиеся болгарские, хазарские, а главным образом позднейшие узо-половецкие черты”¹³⁸. Признавая этот важный фактор этнополитической истории, а именно победу кипчакского языка в итоге длительных межэтнических контактов на Северо-Восточном Дагестане, учёные придерживаются, вместе с тем, того мнения, что процесс этот шёл на местной этнической базе. Вполне определённо отмечается, что “кумыки оформились как народность на местной основе, что в создании кумыкской народности главная роль принадлежит местным племенам”¹³⁹. Выводы эти обосновыва-

ются не только на базе письменных источников, но и с использованием археологических, лингвистических, антропологических данных. Последние исследования отмечают несколько этапов этого процесса. Первый этап — IV-VII вв. Это начальный этап тюркизации равнины. в основном Терско-Сулакского междуречья, в это время возникли условия “для образования основы тюркоязычной этнической общности”¹⁴⁰. Следующий этап охватывает период VII — до конца 40-х годов VIII в. Этническое развитие Северо-Восточного Дагестана шло в пределах Хазарского каганата, где интенсивно шёл дальнейший интеграционный процесс взаимодействия кочевых племён, прибывших сюда в гуннское время, хазаро-болгарских племенных объединений, аланского и местного автохтонного населения. Здесь “шёл процесс формирования тюрко-язычного ядра. Мы можем говорить о господстве здесь тюркского этнического элемента в широком смысле слова. Шёл этот процесс на фоне перехода кочевых племён к полуседлому, а затем оседлому хозяйству”¹⁴¹.

Следующий этап датировки — IX-XIII вв. полностью связан с деятельностью огузов и половцев-кипчаков. Последние длительное время кочевали в степях Прикаспия, контактируя с населением Прикаспийского и Предгорного Дагестана. К концу этого периода кипчаки полностью попали под влияние высокой земледельческой культуры и вели оседлый образ жизни. Именно в эту эпоху “первоначальное ядро, сложившееся в эпоху Хазарского каганата, превращается в обширную тюрко-язычную зону, в состав которой вошёл весь Северо-Восточный Дагестан. В это период происходит внедрение в мастную этническую среду половецко-кипчакского языка”¹⁴².

Признание автохтонной линии формирования кумыков не является единственной точкой зрения проблемы этногенеза. Ряд известных учёных придерживаются иной точки зрения, а именно миграционной теории, расходясь между собой в определении времени заселения кумыками той территории, которую они занимают в настоящее время¹⁴³.

¹ Лихачёв Д. С. В начале стоит слово // Литературная Армения. 1988. № 4. С. 5.

² История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 160-161, В данной главе использованы написанные автором соответствующие разделы в фундаментальных обобщающих коллективных работах: “История Дагестана”, Т. I. (М., 1967) и “История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в.” (М., 1988).

³ Масуди о Кавказе // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 190.

⁴ Hamza Ispahanensis Annalium libri X. T. I. Textus arabicus. X. T. I. Ed. J. V. E. Gottwald Petropoli, 1844. С. 85-87 (араб. яз.). Имеется свободный перевод на немецкий язык: Dorn B. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache // Memoire de l'Acad. Imp. de sciences de SPb. VI ser. sciences... hist., philol. T. IV. 1841. С. 533-534. Этот перевод использован С. Б. Ашурбейли (Государство Ширваншахов. Баку, 1983. С. 45).

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 46.

⁶ Там же. С. 43. Подробно о Йазиде аш-Шайбани: Ибн Халликан. Тарих вифайат ал-айан ва анба абна аз-заман. Булак Ч. П., 1275 / 1889 (на араб. яз.). С. 420; Wüstenfeld F. Register. Zweite Hälfte С. 256; Dorn B. Beitrage... IV. — Versuch einer Geschichte... SPb.

1841. С. 543; Sachau E. Muhammedanischen Dynastien. Berlin, 1923. S. 12.
- ⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 46.
- ⁸ Там же. С. 46.
- ⁹ Там же. С. 64, 97.
- ¹⁰ Dorn B. Beitrage zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. — I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. S. 546. (в дальн. : Dorn B. Versuch).
- ¹¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С.48.
- ¹² Там же. С. 49.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Надо: Абд-ал-Малика б. Хишам (прим. В.Ф. Минорского).
- ¹⁶ Масуди о Кавказе // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 190-191 ; Al-Masoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction, 1863. 5-7. (Ср.: СМОМПК, вып. 38. С. 42-43).
- ¹⁷ История Азербайджана. Т. I. С. 129.
- ¹⁸ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 192.
- ¹⁹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 51.
- ²⁰ Там же. С. 83.
- ²¹ Там же. С. 60-61, 68, 72, 75.
- ²² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 44.
- ²³ Подборку сведений о Хурсане см.: Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов .С. 96.
- ²⁴ Там же. С. 96.
- ²⁵ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 49, 53.
- ²⁶ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С. 107.
- ²⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 63.
- ²⁸ Общая подборка сведений см.: Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С.95-99.
- ²⁹ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С. 87.
- ³⁰ Подробно см.: там же С. 114-123.
- ³¹ Подробно см.: Али-Заде А.А.. Некоторые сведения о Ширване (до нач. XII в.) // Известия АН Азербайджанской ССР № 12. 1947.
- ³² Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1979 (на азерб. яз.); Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С.176-182; Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. IX — XVII вв. Баку, 1981. С. 113; История Азербайджана. Баку, 1979. С. 64-65; История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 181-190; Кудрявцев А.А.. Феодальный Дербент. М., 1993. С. 123-137, 161-164, 172-178.
- ³³ Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. С. 45. ("Введение" В.М. Бейлиса).
- ³⁴ Там же. С. 44-45.
- ³⁵ Али-Заде А.А.. Некоторые сведения о Ширване. С. 12, 13, 19.
- ³⁶ В. Dorn. Versuch, 555.
- ³⁷ История Азербайджана. Баку, 1979. С. 64.
- ³⁸ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С. 139-140.
- ³⁹ Хади Хасан. Фалаки Ширвани. С. 36-39 (цит. по Ашурбейли С.Б. С. 140); Бартольд В.В. Место прикаспийских областей. С. 692; Он же. Ширваншах. С. 877.
- ⁴⁰ Али -Заде А.А.. Из истории государства Ширваншахов в XIII — XIV вв. // Известия АН Аз. ССР. 1949. № 3. С. 101.
- ⁴¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.-Л.,1942.С.228-229.
- ⁴² Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 145.
- ⁴³ Там же. С. 146-149.
- ⁴⁴ Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд. // Рашид ад-Дин .

Сборник летописей. Т. II. Ч. 1. М.-Л., 1952. С. 7-38; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 56-58.

- ⁴⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I Ч.1. С. 285.
- ⁴⁶ Там же. С. 189.
- ⁴⁷ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. С. 236.
- ⁴⁸ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С.190.
- ⁴⁹ Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII — XIV вв. // "Исторические записки". 1938. Т. 3. С. 90.
- ⁵⁰ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С. 191.
- ⁵¹ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч.1. С. 114.
- ⁵² Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников. // Искусство Кубачи. Л., 1976. С. 178.
- ⁵³ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч.1. С. 120.
- ⁵⁴ Там же. С. 131, 140-145.
- ⁵⁵ Нейматова М.С. Эпиграфические памятники и их значение в изучении социально-экономической истории Азербайджана XIV — XIX вв. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968. С. 57-58; Она же. Надписи Хазринских памятников. // Труды Ин-та истории АН Аз. ССР. Баку, 1963. С. 123-124.
- ⁵⁶ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 348.
- ⁵⁷ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С.235.
- ⁵⁸ О деятельности Ибрахима I Дербенди см.: Петрушевский И.П. Великий патриот ширваншах Ибрагим. Баку, 1942; Али -Заде А.А.. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1957. С. 382-399; История Азербайджана. 1957. Т.1. С. 197-200; Ашурбейли С.Б. Государство ширваншахов С. 235-252.
- ⁵⁹ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С. 236.
- ⁶⁰ АКАК, П, С. 1074-1077.
- ⁶¹ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1950. С. 28-29.
- ⁶² АКАК, П, 1074.
- ⁶³ Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. С. 204.
- ⁶⁴ Халилаллах правил в 1417 — 1465 гг.
- ⁶⁵ Нейматова М.Х. К истории изучения Ширвана. Баку,1959.С.16-17.
- ⁶⁶ Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. С. 242-244.
- ⁶⁷ АКАК, П, 1074.
- ⁶⁸ АКАК, П, 1076-1077.
- ⁶⁹ Нейматова М.Х. К истории изучения Ширвана. Баку,1959.С.87-88.
- ⁷⁰ Лавров Л.И. Указ .соч. С. 143; Нейматова М.Х. К истории изучения Ширвана. С. 86.
- ⁷¹ Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В. Искусство Азербайджана IV-XVIII вв. М., 1976. С. 50.Рис. 21.
- ⁷² Лавров Л.И. Указ .соч. С.139, 141, 153.
- ⁷³ Бретаницкий Л. С. Архитектурные школы средневекового Азербайджана. // Искусство Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1. С. 78-80.
- ⁷⁴ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Дулая. М.,1979. С. 21. Обстоятельный обзор исторических связей Дагестана и Грузии см.: Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991.
- ⁷⁵ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. С. 21.
- ⁷⁶ Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 28-29; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 47.
- ⁷⁷ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 166.

- ⁷⁸ Там же. С. 166.
- ⁷⁹ Известия грузинских летописей. С. 26.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Картлис Цховреба*. Тбилиси, 1955. Т.1. С. 345.
- ⁸² Подборка сообщений представлена М.С. Гаджиевым.
- ⁸³ Ибн ал-Асир, Тарих ал-Камиль. пер с араб. П.К. Жузе Баку, 1940. С. 148.
- ⁸⁴ История Дагестана. Т. I. С. 166.
- ⁸⁵ *Бердзенишвили Н.А., Анчабадзе З.В.* Назревшие задачи изучения исторических корней дружбы грузинского народа с братскими народами Северного Кавказа // Записки Кабардино-Балкарского краеведческого музея. Нальчик, 1961. Вып. 1. С. 35.
- ⁸⁶ *Гасанов М.Р.* Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991. С. 39.
- ⁸⁷ *Гиви Гамбашидзе.* Вопросы христианской культуры и исторической географии. С. 2.
- ⁸⁸ История Северного Кавказа. Т. I. С. 50.
- ⁸⁹ История Ширвана и Дербенда. С. 84. Здесь уместно напомнить интересный факт: в середине IX в. дочь владетеля Серира была замужем за Исхаком, эмиром Тбилиси см. Tabari, III, 1416; *Шихсаидов А. Р.* Книга ат-Табари "История посланников и царей" о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 81
- ⁹⁰ *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 199.
- ⁹¹ О взаимоотношениях Грузии и Дагестана до XV в. см.: *Гасанов М.Р.* Взаимоотношения народов Грузии и Дагестана (от древнейших времён до XV в.). Махачкала, 1967. (рукопись канд. дисс.).
- ⁹² *Шмерлинг Р.О.* Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу // Вторая научная сессия ИИГИ (тезисы докладов). Тбилиси, 1956. С. 9-10; *Она же.* Церкви в с. Датуна в Дагестане // Мацне. Тбилиси, 1968. № 2. С. 211-218; *Бакланов Н.Б.* Художественная культура Дагестана // Новый Восток. 1924. № 5. С. 264; *Марковин В.И.* О христианизации горцев Северного Кавказа и храме Датуна в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987. С. 37-48. Исследователи полагают, что выявленные в ходе раскопок на Аркаском городище (VII — XIV вв.) две мечети первоначально являлись христианскими церквами зального типа XI — XIII вв. (*Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культурные сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 114-124.
- ⁹³ *Гиви Гамбашидзе.* Вопросы христианской культуры и исторической географии Аварии в свете результатов Дагестанско-грузинской объединённой археологической экспедиции АНГССР и СССР // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси. 1983.
- ⁹⁴ Там же. С. 6, 9.
- ⁹⁵ *Чикобава А.С.* Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщение Грузинского ФАН СССР. Т.1. Кн. 4. Тбилиси, 1940; *Март Н. Я.* Албанская надпись. // Краткое сообщение о докладах и полевых исследованиях ИИМК Вып. X. М., 1949; *Гудава Т.Е.* Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана. // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1954; *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; он же Каменные кресты из окрестностей Хунзаха // МАД. Т.1.С. 182-185; *Шиллинг Е.М.* Дагестанская экспедиция 1954 г. // КСИЭ. 1947. Т. С.19; *Котович В.Г.* Археологические работы в Горном Дагестане. // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т.II. С. 42-45.
- ⁹⁶ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 238-239.
- ⁹⁷ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда С. 219. Приложение: Ибн Русте о Дагестане).
- ⁹⁸ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда С. 203. Приложение III. Масуди о Дагестане).
- ⁹⁹ *Чикобава А.С.* Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана. // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. I. № 4. 1940. С. 324.
- ¹⁰⁰ Jacut, IV, 324.
- ¹⁰¹ *Гиви Гамбашидзе.* Вопросы христианской культуры и исторической географии. С. 14.
- ¹⁰² Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России. // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 54.
- ¹⁰³ Там же. С. 14.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 51.
- ¹⁰⁵ *Михаилов Ш.И.* Очерки аварской диалектологии. М., 1959. С. 132, 210, 293; *Атаев Д.М.* Христианские древности Аварии. // Учёные записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 178.
- ¹⁰⁶ *Спасский Г.И.* Книга, глаголемая Большому чертежу. М., 1846. С. 45.
- ¹⁰⁷ *Гасанов М.Р.* Из истории дагестано-грузинских взаимоотношений XV — XVII вв. // Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Махачкала, 1977. С. 89.
- ¹⁰⁸ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. 1578-1613. Вып. I. М., 1899. С. 59.
- ¹⁰⁹ *Полиектов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
- ¹¹⁰ *Капанадзе Д.Г.* Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 68; *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа. Баку, 1949. Вып. IV. С. 37; Газета "Коммунист" от 4 марта 1959 г. (на лезг. языке).
- ¹¹¹ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 77.
- ¹¹² Там же. С. 79.
- ¹¹³ *Пахомов Е.А.* О Дербентском княжестве XII — XIII вв. Баку, 1930. С. 6.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 37.
- ¹¹⁶ Сведения из "Жизни Вахтанга Горгасала" В кн.: *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Пулая. М., 1979. С. 85. Здесь явный анахронизм: события XI в. перенесены в V в.
- ¹¹⁷ *Анчабадзе З.В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI — XIV веков // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1966. С. 116.
- ¹¹⁸ *Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- ¹¹⁹ *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. С. 118. В тексте перевода вместо "леки" стоит "лаки", но вариант "леки" точнее.
- ¹²⁰ Ibn el -Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C.J. Tornberg. Vol.XII. Upsoliae et Lugduni Batavorum. С. 264-265.
- ¹²¹ *Френ Х.Д.* О надписях города Дербента // Труды и летописи общества истории и древностей российских при Московском университете. 1837. Ч. VIII. С. 117; Eichwald E. Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus. Berlin. 1837. Bd.II. S.224.
- ¹²² Derbend-Nameh. Translated from a select turkish version and published by Mirza A. Kazem-Beg.SPb.,1851. P. 606-609.
- ¹²³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 50.
- ¹²⁴ Там же. С. 26.
- ¹²⁵ Ал-Истахри писал: "Язык в Азербайджане, Арране и Армении персидский и арабский, только жители Дабилы и близлежащих земель говорят по-армянски". После этих слов в некоторых списках сочинения ал-Истахри добавлено: "иногда (руббама) жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на других языках их гор" см.: Al-Masalek wal-mamalek by Istakhry, re-edited by Muhammed el-Hini. Cairo. 1961. С. 112-113.
- ¹²⁶ Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe public...par M. Reinaud et de Slane. Paris, 1840. P.204.

- ¹²⁷ Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969. С. 149.
- ¹²⁸ Бартольд В.В. География Ибн Саида // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 109.
- ¹²⁹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. С. 50.
- ¹³⁰ Zakarija Ben Mahmud al-Cazwini's Kosmographe hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen., 1848. Т. II. С. 405.
- ¹³¹ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 113.
- ¹³² При написании этого раздела использована, в основном, следующая литература: Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. (здесь же основательная историография); Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. Фёдоров Г.С. Этническая история Северо-Восточного Дагестана: (проблема происхождения кумыков). Дисс. на соискание учёной степени доктора исторических наук. Махачкала, 1995 (рукопись).
- ¹³³ Гаджиева. Указ соч. С. 39.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Фёдоров Я.А. К вопросу об этногенезе кумыков. С. 109.
- ¹³⁶ Гаджиева С.Ш. Указ соч. С. 40.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Баскаков Н.А. Классификация тюркских языков // Труды Института языкознания. 1952. Вып. I. С. 41.
- ¹³⁹ Гаджиева С.Ш. Указ соч. С. 44.
- ¹⁴⁰ Фёдоров Г.С. Этническая история Северо-Восточного Дагестана. С. 15-16.
- ¹⁴¹ Там же. С. 22-23.
- ¹⁴² Там же. С. 26.
- ¹⁴³ Сводку сообщений см.: Гаджиева С.Ш. Указ соч. С. 33-34.

instituteofhistory.ru

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ДАГЕСТАН

Взаимоотношения народов Дагестана с Древнерусским государством — одна из интересных, сложных и недостаточно изученных проблем истории внешних связей Восточного Кавказа. Русско-дагестанские отношения имеют многовековую историю и восходят к периоду образования Древнерусского государства. Самое раннее известие о славянах (саклаб, мн.ч. сакалиб), по данным восточных авторов, относятся к концу VII в. Это короткое упоминание в известной “Книге песен” о наружности славян. С конца VII в. славянское население известно в Сирии. В Хазарии славянское население было не малочисленным, если учесть, что ряд восточно-славянских племён платили в своё время дань хазарскому кагану. Большое число славян попало на Кавказ в итоге похода арабского полководца Марвана в 737 г.

Арабский историк ал-Балазури (ум. в 892 г.) в своём сочинении “Книга завоевания стран” писал: “Мерван совершил поход на ас-сакалиба, что обитали в земле хазар, и, захватив в плен двадцать тысяч семей, поселил в Хатит”, т. е. Кахетию. Тут же ал-Балазури пишет о саклабах, заселённых на Восточном Кавказе. “Мерван заселил их между Самуром и Шабираном на равнинные земли ал-Лакза”¹. Проникновение славянских элементов на Северный Кавказ продолжалось и в последующее время. Арабский историк и географ ал-Хамадани писал, что “в горах также есть племена славян”. В литературе справедливо отмечалось, что “близкое знакомство закавказских и прикаспийских народностей с русскими славянами можно считать возникшим не позднее 7-го или 8-го века”².

Славянское население Юго-Восточной Европы, несомненно, было связано торговлей с западным побережьем Каспийского моря, значение которого, начиная с VIII в., всё более и более росло.

Торговые сношения славян с ближневосточными странами принимают регулярный характер. На территории России найдено значительное число монетных кладов, и их расположение характеризует пути, по которым шла торговля Восточной Европы со странами Ближнего Востока. В VIII-X вв. западное побережье Каспийского моря было средоточием оживлённой торговой жизни. Академик В.В. Бартольд обратил внимание на то обстоятельство, что уже в VII в. “балтийские районы имеют культурные сношения с бассейном Волги и Востоком... Произведения Востока проносились как к берегу Чёрного, так и к берегу Балтийского морей”³. На основе изучения сасанидских монет VI-VII вв. найденных на Каме, было установлено, “что торговые сношения этой местности с Востоком начались ещё в домусульманский период. Этот вывод подтверждается находимыми в Северо-Восточной России серебряными блюдцами и другими сосуда-

ми, из которых древнейшие относятся к сасанидскому периоду”⁴. Все эти данные показывают, что Волжско-Каспийский путь приобрёл международный характер ещё в VI-VII вв., а “Балтийско-Каспийский путь сохранил значение и в первые века ислама”⁵.

На западном побережье Каспийского моря было два замечательных торговых города — Дербент и Семендер, через которые Дагестан принимал активное участие в международной торговле. Ал-Истахри писал о Дербенте: “Баб ал-аб-ваб — приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов... Это порт на Хазарском море (для) Серира и других стран неверных. Это также порт и для Джурджана, Табаристана и Дейлема”.

В сочинениях арабских авторов часто упоминаются русы-купцы, которые были хорошо известны не только на берегах Каспийского моря, но даже в столице Халифата.

Как известно, со второй половины IX в. на Восточном Кавказе начинается новый этап военно-политической и, следовательно, экономической жизни — длительное противостояние двух великих держав, Арабского халифата и Хазарского каганата сменилось устойчивой мирной жизнью, когда на первое место вышли торгово-экономические и культурные связи. Дагестан лежал на Волжско-Каспийском торговом пути международного значения, соединявшем Восточную Европу, Поволжье, Северный Кавказ со странами Ближнего Востока и Закавказья. Знаменитый арабский географ Ибн Хордадбех (ум. около 912 г.) в своей “Книге путей государств” писал, что купцы русов через Хамлидж, город хазар, попадают в Хазарское море, выходят на любой берег по желанию и что свои товары они везут на верблюдах от Гургана вплоть до Багдада.

Имевшиеся “в обращении” товары были многочисленными и разнообразными. От славян же на Кавказ, в восточные страны шли хлеб, дорогие меха, рогатый скот, мёд, воск, дерево, цветные металлы, мечи, латы, стрелы. Особую статью доходов русских купцов составляли невольники и невольницы. Из Закавказья и стран Ближнего Востока поступали шёлковые, шерстяные, бумажные ткани, вино, плоды, пряности. Кольчуги, панцири и другие виды вооружения поступали из Кубачи. Все эти товары шли через Дербент.

Автор составленного в конце X в. библиографического труда “Фихрист” Ибн Исхак ан-Надим рассказывает: “Сказал мне /человек/, рассказу которого я доверяю, что один из владетелей (мулук, ед. ч. — малик) гор ал-Кабк послал его к царю (малик) русов. Он (этот человек) утверждал, что у них (т.е. у русов) письмо — на дереве резными буквами. Он показал мне кусок такого дерева со знаками, и я не знаю, слова это или же отдельные буквы”⁶.

Таким образом, торгово-экономические, военно-политические связи имели к концу IX-началу X вв., т.е. ко времени известных походов русов на западное побережье Каспийского моря свою историю. Судя по тому, с какой лёгкостью предпринимали русы свои неоднократные походы в далёкие прикаспийские страны, надо полагать, что они ещё до этих походов были хорошо знакомы с Северным Кавказом.

Как известно, монеты, выпускаемые халифами и эмирами, как правило, имели хождение только в продолжение правления того правителя, от имени которого они чеканились. Новый правитель переплавлял монеты своего предшественника. Монеты эти могут, следовательно, точно датировать периоды оживления, падения или прекращения торговых операций. На территории бывшего Булгарского княжества на Волге были найдены в 1840 г. около 460 куфических монет, и ни одна из них не была чеканена после 913 г., т.е. времени известного похода русов на Восточный Кавказ. Если древнейшая из найденных на территории России монет чеканена в конце VII в., то позднейшая относится к началу XI в. Европейско-азиатская торговля в начале XI в. прекратилась. Это было следствием “серебряного кризиса”, охватившего весь Ближний Восток. Взаимоотношения Юго-Восточной Европы с восточнокавказским миром приняли в 10 веке иную форму. Экономические и культурные связи отступили на второй план или вообще прекратились. Военный фактор стал преобладающим⁷.

В X-XI вв. русы стали играть активную роль в жизни Восточного Кавказа. Известен ряд походов на южное побережье Каспия в конце IX-начале X в. Наиболее известные походы русов 913 и 943 на западный берег Каспийского моря.

Прежде чем перейти к описанию этих походов, необходимо определить, какой смысл вкладывали арабские географы и историки в термин рус и саклаб.

Как указывает выдающийся востоковед В.Ф. Минорский, под термином русы они первоначально “прежде всего имели в виду участников скандинавской экспансии IX-X вв. н.э.”, т.е. норманнские отряды. Так, например, в 844 г. русы совершили набег на Севилью в Испании. Как сообщает арабский историк и путешественник ал-Масуди, русы действительно посещают Испанию (Андалус), Рим, Константинополь, и Хазарию. Он называет главное племя русов ал-Лудзгана, т.е. норманн⁸.

А.Н.Новосельцев справедливо указывает: “сохранившиеся летописные тексты, если их не трактовать в определённом вкусе, ясно говорят, что первоначально русы — скандинавы”⁹. Что касается терминов “Русь и Россия”, то они имеют разное происхождение. Источники и лингвистические данные (в частности, название порогов Днепра у Константина Богригородского) говорят в пользу скандинавского происхождения слова “Русь”¹⁰.

В форме “урмане” норманны также упоминаются в “Повести временных лет”. “Если старый источник (видимо, IX в.) знает русов у Новгорода... источник середины X в. различает три группы русов, из которых Куйаба (Киев) стоит на первом месте. Таким образом, арабские источники отражают распространение норманнских дружин, но лишь косвенно упоминают народы, среди которых они становились военным и административным классом”¹¹.

Впоследствии, как отмечает В.Ф. Минорский, “скандинавские меньшинства рассасываются на просторах Восточной Европы и... название “рус” переходило на исконное население этих территорий”¹². Заслуживает особого внимания мнение профессора М.И. Артамонова: “...понятие “рус” не совпадало с Русским государством... Русью могли называться нормано-славянские военные и купе-

ческие дружины лишь постольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него"¹³.

Термин саклаб (мн. число сакалиб) также сложен по своему содержанию, но в основном он относится к славянскому населению. Ал-Масуди писал: "что касается язычников в { Хазарском } государстве, то среди разрядов их находится сакалиба (славяне) и русы, которые живут на одной стороне этого города"¹⁴, т.е. Итиля.

Мы видим, что у ранних мусульманских географов не было точного разграничения между русами и сакалиба. Что касается скандинавов, то они "держались большими группами только в войске или в торговых экспедициях, но не среди земледельческого и охотничьего населения, бывшего славянским. Последнее поглотило скандинавов, за исключением аристократов (рюриковичей и т.д.), которые ославились более медленно"¹⁵.

Походы русов на Каспий давно привлекают исследователей, об этих походах существует обширная литература¹⁶. Наиболее ранние из известных нам походов русов на Каспий (южное побережье Каспийского моря) относятся к 880, 909 и 910 гг.¹⁷.

Один из крупных походов на западное побережье Каспийского моря описан известным арабским историком и путешественником X в. ал-Масуди. По его сообщению, после 300/912 г. русы, которые "состоят из многочисленных племён разного рода" и среди которых "находятся урмань (норманны), которые наиболее многочисленны и с торговыми целями постоянно посещают Андалус, Рим, Константинополь и страну хазар", перешли на 500 судах из Азовского моря до Дона, а затем, переправившись через волок, добрались до Хазарской реки (Волги). Спустившись до города Атиль (Итиль), русы "достигли устья, где река впадает в Хазарское море, а оттуда (поплыли) в город Амоль... Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гильян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтеносную область... и/на земли, лежащие/по направлению к Азербайджану. Они рассылали /отряды/, которые грабили и жгли". После сражения с жителями Дейлема и Гильяна, "руссы перешли на нефтеносный берег царства Ширван"¹⁸. Жители Ширвана выступили против русов, но "тысячи мусульман были убиты и потоплены". Русы провели на Хазарском море несколько месяцев, затем "они двинулись к устью Хазарской реки (Волги) и снесли с хазарским царём, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними"¹⁹. Но уйти на родину с богатой добычей русы не смогли. Мусульманское население Итиля ("ларисийцы и другие мусульмане царства"), количеством 15 тысяч "на конях и в полном снаряжении", разбили русов, которые не смогли вернуться на Дон, а вынуждены отправиться вверх по Волге, где и были истреблены буртасами и "бургарами-мусульманами".

Относительно даты этого похода существуют разные мнения. По ал-Масуди, это "случилось после 300/912 года, но точная дата ускользнула из моей памяти"²⁰.

Из сообщения табаристанского историка XV в. можно заключить, что поход состоялся в 301 / 913-14 г.²¹ Выдвинуто мнение о том, что поход имел место в 909-

910 гг. или же между 909 и 914 гг., что состоялось два или даже три похода²². Наиболее приемлемым кажется мнение о том, что имел место один поход и он состоялся в 913 или 914 гг.

В. В. Бартольд не без основания считает, что если Олег воевал с хазарами по наущению византийского императора, то это, скорее всего, могло произойти после 911 г., "когда между русами и греками был заключён договор о дружбе и мирных торговых сношениях". Можно предположить некоторую связь между русско-греческим договором 911 г. и набегом русов, о котором писал ал-Масуди²³.

То, что хазары пропустили русов через Дон и Волгу в Каспийское море, можно объяснить также попыткой хазарского кагана заручиться добрыми отношениями в противостоянии с Византией, влияние которой на Северном Кавказе в первой половине X в. всё более усиливалось, и с закавказскими правителями. После победоносного похода Олега на Константинополь, "хазарский царь настолько боялся Руси, что готов был удовлетворить любые её требования. В условиях развивающейся борьбы хазары были заинтересованы в том, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать Русь"²⁴. Исследователи обратили также внимание на то обстоятельство, что в начале X в. активизировалась деятельность дагестанских владений. Религиозная ориентация играет здесь немаловажную роль. Дербент, полный газиев ("воителей за веру"), стал основным опорным пунктом исламской пропаганды. Его правитель Мухаммад ибн Халид, опираясь на этих газиев, "ходил (газа) на алан и хазар (хазран), победил их и наложил на них подушную подать (джизью).

С помощью газиев ал-Баба Мухаммад б. Халид также ходил на неверных, и живущих по соседству с ал-Бабом и Дербентом"²⁵. Это было незадолго до 856 г. В 873 и 876 гг. правители Баб ал-аббаба совершили удачные походы на языческий Серир, а в 886 г. — на языческий Шандан. В 901 г. правитель Дербента Мухаммад ибн Хишам вместе с газиями города разбил хазар, прорвавшихся к Дербенту. В 909 и 912 гг. мусульманские Ширван и ал-Баб совершают "исламские набеги" на Шандан, но безуспешно. После неудачного похода 912 г. "неверные поделили мусульман между людьми Шандана, Сарира и Хазарии"²⁶.

Таким образом, поход 913 г. или 914 г., скорее всего совершённый русами, совпал с этапом мусульманско-языческого противостояния на Кавказе. В последующем подобная ориентация в основном сохранялась.

Следующий поход русов на западное побережье Каспийского моря состоялся, как сообщает известный арабский историк Ибн ал-Асир, в 332 г. хиджры, т.е. в 943 или 944 гг. Поход этот также стал предметом изучения многих учёных. О маршруте русов во время этого похода существует несколько мнений.

Утверждается, что "в 943 г. русы, вероятно, опять с согласия хазар прошли через Хазарию и Каспийское море тем же путём, которым пользовались русские дружины в 913 г., и появились в Закавказье"²⁷. Согласно другой точке зрения поход предприняли русы, утвердившиеся в Самкарце-Тмугаракани, причём шли они сушей по степям Северного Кавказа до Каспийского моря, а потом на судах

до города Бардаа²⁸. Первое мнение кажется наиболее убедительным, соответствующим показаниям источников

Большой интерес представляет вопрос об участии дагестанцев в этом походе. Арабские авторы сведений об этом не дают. В сирийском тексте истории Абу-л-Фараджа Бар-Эбрея (ум. в 1286 г.) упоминает вместе с русами алан и дагестанцев ("лезгин")²⁹. Русы на своих кораблях дошли до устья Куры, затем поднялись по реке и остановились под Бардаа, одним из крупнейших политических и экономических центров Закавказья. Город был взят, и русы оставались здесь не менее шести месяцев, писал арабский автор Ибн Мискавейх. Русы предложили жителям города свои условия: "Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно, чего мы желаём, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас хорошо повиноваться нам"³⁰. Но мусульмане выступили против русов, но были разбиты. "Русы начали их рубить и убили много народу из их и взяли в плен, кроме убитых, несколько тысяч человек, а остальных собрали в мечети и сказали им: "выкупайте себя, иначе мы вас убьём"³¹.

Постоянные выступления мусульман, а также начавшиеся болезни заставили русов оставить Бардаа и вернуться на родину. Это имело место уже в 945 г.

Походы русов на Каспийское море в 913 и 944-945 гг. пока зали их растущую силу и влияние и одновременно ослабление Хазарского каганата, который уже не может противостоять Руси.

Древнерусское государство представляло собой внушительную силу. Как писал известный востоковед А.Ю. Якубовский, "русские славяне выступали в 7 в. на Востоке и не только как купцы, но и как крупная политическая сила"³².

С Древнерусским государством связан разгром Хазарского каганата. В "Повести временных лет" под 6473 годом (т.е. 965 г.) рассказывается о походе Святослава и поражении хазар: "В лето 6473 иде Святослав на козары, слышавше же козары, изидоша противу с князем свои Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаров и град их и Белу Вежю взя. И ясы победы и касоги"³³. Наряду с Саркелем (Белая Важа) войсками Святослава были взяты города Итиль и Семендер³⁴. Семендер, как и многие другие города, находился до хазарского погрома в цветущем состоянии. Ибн Хаукал писал: "У хазар есть ещё город, под названием Семендер: он расположен между страной хазар и Дербентом, в нём было много садов: говорят, что число наполнявших его виноградников доходило до 40 000. Я спросил об этом в Джурджане в 358 г. вследствие того, что там с этим городом было близко знакомы. Мне ответили: "Если там был виноградник, то плоды его сделались милостыней для бедных, разве что бог там позволил снова расцвести /голому/ стволу." "Он хотел этим сказать, то всё это погибло вместе с городом, большая часть которого была занята виноградниками; и жили в нём мусульмане и другие, у них были там мечети, у христиан церкви, у евреев синагоги. И произвели нашествие на всё это русы, и погубили всё, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям божим из хазар, болгар и буртасов, и овладели ими. И искало убежище население Итиля на острове /близ/ Дербента и укрепились там, а некоторые живут в страхе на острове Сиях-кух. Их

жилищем были шатры и деревянные постройки, причём брёвна скреплены между собой и крыши сделаны в виде сводов. Их (семендерский) царь был из евреев, из родственников хазарского царя"³⁵.

Поход Святослава на восток был хорошо продуманным предприятием, вытекавшим из трезвого учёта политической ситуации того времени и экономических потребностей Руси. Речь шла не только о разгроме Хазарии, но и о господстве над её основными "территориями на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике Русского государства"³⁶.

М.И. Артамонов считает, что Волжская Болгария и Хазария "по-видимому недолго находились в зависимости от Руси и восстановили свою самостоятельность". Окончательное подчинение Нижнего Поволжья и победа над хазарами относится примерно к 985 г. в итоге двадцатилетней борьбы³⁷.

После разгрома Хазарского каганата отряды русов оставались в Северном Дагестане долгое время, и эта территория служила трамплином для их сражений со странами Восточного Кавказа, с соседними дагестанскими владениями. По предположению В.Ф. Минорского, вскоре после знаменитого похода Святослава "новые тюрские племена стали господствовать на Нижней Волге, но отдельные группы русов, вероятно, уже проникли в северо-западный угол Каспия". Эта база могла находиться где-нибудь около устья Терека³⁸. Огромную роль в дальнейшем развитии русско-северокавказских, в том числе русско-дагестанских контактов во всех сферах торгово-экономической, культурной, военно-политической жизни сыграло Тмутараканское княжество³⁹. Тмутараканские княжества образовались на Северо-Западном Кавказе, на Таманском полуострове. В состав княжества входили Восточный Крым, Таманский полуостров, возможно, и нижнее Прикубанье⁴⁰. К концу XI в. княжество прекратило своё существование.

Наличие сильной базы русов на территории Северо-Восточного Дагестана после разгрома Хазарского каганата или же образование Тмутараканского княжества — именно в этом факте исследователи видят причину активных военных акций, предпринятых русами в Дагестане в последней четверти X и первой половине XI в. Первое предположение наиболее вероятно.

Уже в 987 г. русы активно вмешивались во внутренние дела дагестанских правителей. Основные события развернулись в Дербенте, где обострились противоречия между эмиром города шестнадцатилетним Маймуном ибн Ахмадом и раисами.

Последние воспользовались молодостью своего эмира, поместили его в "правительственном здании" в качестве пленника. Эмир Маймун сумел в этой трудной для него обстановке связаться с русами, которые находились, по мнению исследователей, где-то близко от Дербента. Те быстро откликнулись и прибыли на помощь на 18 судах (на каждом судне обычно могло поместиться до 100 человек, следовательно, количество русов доходило приблизительно до 1800 человек).

“История Ширвана и Дербенда” подробно рассказывает о выступлении русов. “Сначала они послали один корабль, чтобы выяснить, действительно ли эмир желает их помощи и, когда русы вывели эмира из его заключения, народ ал-Баба соединёнными усилиями перебил их до единого, а остальные корабли поплыли в Маскат и разграбили его. Оттуда они последовали дальше в Ширван и Муган”⁴¹

Далее хроника не даёт подробных сведений об эмире и русах, но последующие события показывают, что эмир сумел укрепить своё положение, в своей политической деятельности опираясь на русов, которые образовали вокруг него своего рода дружину и число которых было значительно. Вполне вероятно, что именно поведение русов в 987 г., особенно в Ширване и Мугани, и опасения того, что русы “смогут использовать ал-Баб как базу для дальнейших налётов, привели к тому, что в 987 г. началась борьба между эмиром и прибывшим из Гиляна проповедником Мусой ат-Тузи, боровшимся за чистоту ислама”⁴². “Этот человек прибыл из Гиляна в город ал-Баб, созвал собрание в соборной мечети, и свыше тысячи человек принесли ему покаяние. И эмир Маймун также дал обет (таба) не пить вина”. Влияние проповедника и на верующих, и на неверующих, и на государственные дела всё более росло. “Он потребовал у эмира выдать ему его телохранителей русов (гуламов), чтобы им был предложен ислам или смерть. Так как эмир ответил отказом, начались беспорядки, и в 480 / 990 году эмир укрепился в цитадели против проповедника. Тузи и народ ал-Баба осаждали её двадцать восемь дней”. В конечном счёте, антиэмировская оппозиция взяла верх, и согласно договору, эмир сдал цитадель, лишился, разумеется, власти, но именно такой ценой он получил разрешение свободно покинуть город и уйти вместе со своими гуламами в соседний Табасаран”⁴³.

В Табасаране эмир Маймун усиленно готовился к возвращению дербентского престола, отданного тогда ширваншаху, и после ряда неудачных попыток он вновь укрепился в городе, который окончательно отвоевал в 993 г. “История Ширвана и Дербенда” не сообщает о роли русов в этих последних событиях, однако уверенно можно предположить, что русы-гуламы приняли в них самое активное участие.

Хотя после этого события, в течение более чем 35 лет мы не имеем сведений о русах, они продолжали принимать активное участие во внутривосточной жизни Восточного Кавказа. По сообщению “Истории Ширвана и Дербенда”, в 1030 г. вслед за нападением “народа ал-Баба” на владения Ширваншаха, “руссы вступили в Ширван, и Ширваншах встретил их около Бакуйа (Баку). Много ширванцев было убито... Чтобы остановить их продвижение, ширваншах Минучихр преградил Аракс (ар-Расс), но они потопили многих из мусульман”.

Эти же русы были использованы правителем Ганджи в своих политических интересах, с их помощью овладел городом Байлакан. “Затем русы ушли из Аррана в Рум, а оттуда вернулись в свою страну”⁴⁴.

Эти события показывают, что в 1030 г. в военных акциях участвовали большие отряды русов (они прибыли на 38 судах), которым удалось совершить стре-

мительный рейд Дагестан — Ширван — Ганджа — Байлакан — Рум — Дагестан — “своя страна”.

Очевидно, в этом походе участвовали русы, обосновавшиеся в Северном Дагестане и, возможно, в Тмутараканском княжестве. По этому поводу В.Ф. Минорский писал, что под словами “в свою родину” надо разуметь Тмутаракань, основанную приблизительно в это время, и что “возможно было бы усмотреть связь между вторжением русов в 1030 г. и основанием Тмутаракани, которое привело их к самому преддверью Кавказа”⁴⁵.

Успех похода 1030 г. ускорил заключение “антимусульманского союза” крупных этнополитических сил алан, русов, серирцев. В 1032 г. “сарирцы и аланы, заключив соглашение, совместно напали на Ширван и силой взяли Йазидийя”.

В Ширване было убито свыше 10 тысяч мусульман, награблены огромные богатства. Обратный путь алан и серирцев лежал через Баб ал-абваб, и здесь “люди пограничных областей ал-Баба напали на них, преградили дороги и ушеля и убили многих из них: это была резня, подобной которой никогда не упоминалось, они отняли у них всё мусульманское имущество, живое и неодушевлённое, которое они увезли из Ширвана. Спасся только маленький отряд, включая правителя аланов”⁴⁶.

В другом же месте та же самая хроника связывает события 1032 г. с именем русов... Дело в том, что “руссы напали на владения Ширвана, разрушили и ограбили их и убили, а также полонили множество людей”. На обратном пути они подверглись нападению со стороны газиев ал-Баба и пограничных областей и потеряли всё награбленное имущество.

Очевидно, оба описанных выше события действительно имели место, так как в следующем, 1033 г. на ал-Карах совершают поход русы и аланы, которые “вознамерились отомстить. Они собрались вместе и выступили по направлению ал-Баба и пограничных областей. Объединённые силы алан и русов потерпели поражение, очевидно, очень крупное, и навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские “центры”⁴⁷.

Последний поход зафиксирован и в русских летописях. Именно к этому походу относится известие Софийской I и Новгородской IV летописей под 6540 годом (I. III. 1032 — 28. II. 1033): “... и тогда же Улеп изыде из Новгорода за Железнаа врата, и опять мало их прииде”⁴⁸.

Характеризуя русско-дагестанские отношения в целом, можно заключить, что с разгромом Хазарского каганата для Дагестана, как и для ряда других областей, открылись перспективы непосредственных контактов с Древнерусским государством. Однако вторжение кипчаков (половцев), захват ими во второй половине XI в. южнороссийских и северо-кавказских степей, а особенно монгольское нашествие на Русь и Кавказ и связанные с этим нашествием трагические события в южнороссийских и северокавказских степях значительно затормозили этот процесс, привели к практическому прекращению этих контактов по крайней мере на три столетия, вплоть до начала XV в.

Лишь иногда эти связи в какой-то степени возобновлялись, и то опосредственно. Так, например, во второй половине XII в. в связи с оживлённой морс-

кой торговлей между Саксином (в низовьях Волги) и Амолем (на южном берегу Каспия) на юг попадали с Волги лён и льняная одежда. В городах Золотой Орды встречи ремесленников и пленных русского и северокавказского происхождения были обычным явлением. Гильом Рубрук рассказывал о наличии в стане золотоордынских ханов русских, греков и алан. Контакты русских с населением Северного Кавказа могли иметь место и во время летних перекочёвок ставки золотоордынских ханов на просторах Каспийско-Азовского междуморья⁴⁹. В “Повести о Михаиле Тверском” рассказывается об убийстве в 1318 г. на Северном Кавказе претендента на великокняжеский престол Михаила Ярославича: “за рекою Терекон, на реке на Севенци (вар. Севенчи), под городом Тютяковым, минувши горы высокия Ясскыя, Черкасскыя, близ врат “Жезезных”, “Врата Железные” — это Дербент, значит эти события происходили в Дагестане⁵⁰. Абхазы, черкесы, “лезгины”, русские рабы кавказского происхождения нередко продавались на невольничьих рынках Чёрного моря. В Сарае-Берке, столице Золотой Орды было немало русских и представителей Северного Кавказа, в том числе и Дагестана⁵¹.

В конце XIII-XIV вв. в значительной степени изменилось направление каспийской торговли. Товары из Дербента и Астрахани доставлялись в Тану, а оттуда на венецианских галерах в Европу. Генуэзские купцы в конце XIII-XIV вв. часто посещали западное побережье Каспия, в том числе и Дербент⁵². На картах XIV в. зафиксированы дагестанские топонимы (торговые точки): “залив Терхи”, “река Терку”, т. е. Терек, Дербент⁵³. В XIII-XV вв. католические миссионеры, опираясь на генуэзские и венецианские фактории, предпринимали многочисленные попытки распространения своего вероучения. Некоторые адыги приняли католичество. В 1346 г. в Магрегу был назначен католический епископ. В Верхнем Джулате была открыта епископская кафедра, здесь обнаружены две католические церкви.

Около 1364 г. образовалось католическое “епископство Каспийских гор”, а в 1392 г. в Дагестане (в “стране Кайтагской”) находилось уже пять католических епископских кафедр (“Комек, Тума, Таргу, Дервели, Микаха”)⁵⁴. Католичество на Северном Кавказе имело весьма слабые позиции, а захват в 1475 г. тюрками-османами генуэзских колоний положил здесь конец деятельности папских миссионеров⁵⁵.

Самоотверженная борьба русского народа за своё национальное освобождение, блестящая победа Руси на Куликовом поле предопределили освобождение многих народов от золотоордынского ига. С ослаблением Золотой Орды стали укрепляться торгово-экономические и политические связи Северного Кавказа с Русью. В основном эти связи поддерживались через Волгу и Каспий. Уже к 1404 относится известие о прибытии русских купцов в Дербент.

Дербент действительно стал играть важную роль на Каспии как крупный торговый и транзитный порт, хотя полностью город не оправился от бедствий, связанных с походами монголов и борьбой двух монгольских государств — Золотой Орды и государства Хулагуидов. Ещё в 1475 г., как пишет Амброджо Кон-

тарини, венецианский дипломат, “город заселён едва на одну шестую часть своей площади, а в сторону моря он весь разрушен”⁵⁶. Но тем не менее “город надлежащим образом снабжён продовольствием и торгует винами, а также разнообразными фруктами”⁵⁷. С ноября 1475 г. по начало апреля 1476 г. Контарини был в Дербенте совместно с Марко Россо, русским посланником, с которым встретился в Шемахе. Судно, нанятое ими, вышло в апреле 1476 г. из Дербента, на нём были купцы, “которые везли в Астрахань куски атласа, кое-какие шёлковые изделия и ещё боссасины на продажу русским; было ещё несколько татар, которые ехали за товаром, а именно за пушниной, которую они продают затем в Дербенте”⁵⁸. Торговые люди Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, нередко включались в торговые караваны, ежегодно отправляющиеся с посланником астраханского хана в Москву с шёлком и другими товарами, которые купцы меняли на меха, сёдла и мечи. Русские купцы и сами прибывали в Дербент со всевозможными товарами⁵⁹.

В середине XV в. Волжско-Каспийский путь стал важной трассой торговой и дипломатической деятельности. По этому пути прошёл знаменитый тверской купец Афанасий Никитин, побывавший в Дербенте и оставивший о нём ряд интересных сведений. “И пошли мы к Дербенту, — писал он. — в двух суднах в одном судне посол Хасан-бек и с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей и 6 твERICЕЙ”⁶⁰.

В середине XV в. Дербент посетил русский путешественник, автор “Сказания о Железных воротах”. В “Сказании” даны подробные сведения о Дербенте, его населении, городских стенах, хозяйственной деятельности горожан и окрестных селений. Представляют ценность многие подробности, о которых сообщает неизвестный автор: короткая зима в Дербенте; снег “у них” лежит всего 12 дней, лес “не мерзнет”. Дается подробное описание Дербентской каменной (“мурамляной”) стены, длиной в три “версты добрые”, а высотой в 15 сажен (более 21 м.), шириной же в 7 сажен (10 м). Расстояние между двумя стенами — три “перестрела из турецкого лука”. В самом городе 3 тысячи жителей. Из Дербента до Шемахи можно добраться за 8 дней⁶¹.

Немаловажную роль в развитии русско-дагестанских связей играли и дипломатические контакты между Ширваном и Россией. Южный Дагестан находился во второй половине XV в. под политическим влиянием Ширвана. Это обстоятельство, а также то, что послы Ширвана и России проходили по западному Каспию, находит “отклик” и во взаимоотношениях с Дагестаном. Фаррух Ясар отправил в 1456 г. в Москву к царю Ивану III посольство во главе с Хасан-беком. Цель посольства — установление союза с Московским государством перед угрозой вторжения в Ширван войск Узун Хасана, стоявшего во главе государства Ак-Коюнлу⁶². В следующем году Иван III отправил в Ширван ответное посольство во главе с Василием Паниным. К посольству присоединились и русские купцы, в числе которых был и Афанасий Никитин.

В последней четверти XV в. мы наблюдаем усиление русско-кавказских связей вообще. В 1492 г. в Москве был посол кахетинского князя Александра, в том же году в Москву прибыл посол от “шемахинского государя”. Всё это свидетель-

стует о том, что значение Московского государства на Кавказе всё более росло. В XV в. был заложен прочный фундамент развития экономических, политических и культурных контактов между народами Северного Кавказа и России⁶³.

Взятие Казани в 1452 г. и Астрахани в 1456 г., полный контроль над Волжским водным путём ознаменовали и новый этап взаимоотношений народов Северного Кавказа и России, характерный интенсивным ростом взаимных контактов во всех сферах деятельности торгово-экономической, политической, дипломатической, этносоциальной.

¹ Ал-Балазури. *Китаб футух ал-булдан*. Лейден. 1866. С. 207. (на араб. яз.).

² Тебенков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. Тифлис, 1896. С. 12.

³ Бартольд В.В. Арабские известия о русах // *Сочинения*. М., 1963. Т. II. Часть I. С. 812.

⁴ Там же. С. 816.

⁵ Там же. С. 819.

⁶ Ибн ан-Надим. *Ал-Фихрист*. Миср. 1971. С. 30. (на араб. яз.).

⁷ *История Дагестана*. М., 1967. Т. I. С. 173-174.

⁸ Минорский В. Ф. *История Ширвана и Дербенда*. М., 1963. С. 146.

⁹ Новосельцев А.П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М., 1990. С. 207-208.

¹⁰ Там же. С. 208; *Брайчевский М.Ю.* Русские названия народов Константина Богородного // *Земли Южной Руси в IX-XI вв.* Киев. 1985. С. 19-30; *Новосельцев А.П.* "Худуд ал-алам" как источник о странах и народах Восточной Европы // *История СССР*. 1986. № 5.

¹¹ Минорский В. Ф. *История Ширвана и Дербенда*. С. 146.

¹² Там же.

¹³ Артамонов М. И. *История Хазар*. Л., 1962. С. 383.

¹⁴ Масуди о Кавказе // *Минорский В. Ф.* *История Ширвана и Дербенда*. С. 193.

¹⁵ *Минорский В. Ф.* *Указ. соч.* С. 149.

¹⁶ Дорн Б. Каспий. СПб, 1875 г.; *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // *Бартольд В. В.* *Соч.* М., 1967. Т. 2. Ч. 1. С. 684-688; *Якубовский А.Ю.* Ибн-Мискавейх о походах русов в Бердаа в 332 г. (943 -433 // *Византийский временник*. Л., 1926. Т. 24; *Минорский В. Ф.* *Указ. соч.* С. 96-101, 145-155, 193-194; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 54-55; *Новосельцев А.П.* *Хазарское государство*. С. 208-231.

¹⁷ *Дорн Б.* *Каспий*. С. IV.

¹⁸ *Минорский В. Ф.* *История Ширвана и Дербенда*. С. 198-199. Приложение III: Масуди о Кавказе).

¹⁹ Там же. С. 200.

²⁰ Там же. С. 201. Перевод *Бартольда В.В.* отрывков об этом походе см.: *Бартольд В.В.* *Арабские известия о русах* // *Сочинения*, Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 729-830.

²¹ *Бартольд В.В.* *Указ. соч.* С. 831.

²² Общий обзор различных мнений см.: *Новосельцев А.П.* *Хазарское государство*. С. 184-185.

²³ *Бартольд В.В.* *Указ. соч.* С. 829.

²⁴ *Артамонов М.И.* *История хазар*. Л., 1962. С. 369.

²⁵ *Минорский В. Ф.* *История Ширвана и Дербенда*. С. 46.

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ *Артамонов М.И.* *Указ. соч.* С. 375-376.

²⁸ *Григорьев В.* О походе древних русских на восток // *Россия и Азия*. СПб, 1876. С. 43; *Насонов А.* Тмутаракань в истории Восточной Европы в X в. // *Исторические записки*. 1940. № 6. С. 79.

²⁹ *Дорн Б.* *Каспий*. СП б., 1875. С. 515; *Френ Х.* Письмена древних русов // Библиотека для чтения. 1836. Т. XV. Отд. III. С. 57.

³⁰ *Якубовский А.Ю.* Ибн- Мискавейх о походах русов в Бердаа.

³¹ Ибн -ал-Асир. *Тарих ал-Камиль*. Баку, 1940. С. 96.

³² *Якубовский А.Ю.* *Указ. соч.* С. 464.

³³ *Повесть временных лет*. М. -Л., 1950. Т. I. С. 47.

³⁴ Ибн-Хаукал. *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*. Лейден, 1939. Т. 2. С. 392 (на араб. яз.).

³⁵ *Бартольд В.В.* *Арабские известия о русах*. С. 849.

³⁶ *Артамонов М.И.* *Указ. соч.* С. 429.

³⁷ Там же. С. 429, 435.

³⁸ *Минорский В. Ф.* *История Ширвана и Дербенда*. С. 152.

³⁹ *История Дагестана*. М., 1967. Т. I. С. 174; *История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в.* М., 1988. С. 147.

⁴⁰ *Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран* : Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 55-56.

⁴¹ *Минорский В. Ф.* *История Ширвана и Дербенда*. С. 68.

⁴² Там же. С. 68, 110, 152.

⁴³ Там же. С. 68-69.

⁴⁴ Там же. С. 53-54.

⁴⁵ Там же. С. 154.

⁴⁶ Там же. С. 54.

⁴⁷ Там же. С. 70 — 71.

⁴⁸ *Штро В.А.* Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе // *Тр. отдела древнерусской литературы*. Л., 1989. Т. XIII. С. 262-267 (со ссылкой : ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. Вып. 2. С. 126.); Это же известие русских летописей показывает, что на Руси X — XVII вв. топоним Железные ворота означал только Дербент (М.С. Гаджиев).

⁴⁹ *История народов Северного Кавказа*. С. 271.

⁵⁰ *Штро В.А.* *Указ. соч.* С. 264-266.

⁵¹ *История народов Северного Кавказа*. С. 273.

⁵² *Зевакин Е.С.* , *Ленчко Н.Д.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XIV вв. □// *Исторические записки* 1938. Т. 3. С. 90.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Подробности и литература см.: История народов Северного Кавказа*. С. 235.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Барбаро и Контарини о России*. Пер. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 261.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *История народов Северного Кавказа*. С. 273.

⁶⁰ *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. 1466-1472 г. М.-Л., 1948. С. 53.

⁶¹ *Кучкин В.А.* "Сказание о Железных вратах" // *Археографический ежегодник за 1964 г. М.* 1965. *Он же.* Русский путешественник в Азербайджане в I половине XV в // *Вопросы истории*. 1965. № 3. С. 204-205.

⁶² *Ашурбейли Сара.* *Государство Ширваншахов*. Баку, 1983. С. 252-253.

⁶³ *История народов Северного Кавказа*. С. 274-275.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (IV-XV вв.)

Материальная и духовная культура народов Дагестана достигла высокого уровня, развивалась на фоне успехов политической, общественной и хозяйственной жизни в постоянном и активном взаимодействии с культурой других народов. Многовековые экономические и культурные связи с народами Кавказа, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы, Средней Азии лежат в основе того важнейшего фактора, что достижения мировой культуры становились достоянием и народов Дагестана.

В эту эпоху определился этнический облик Дагестана, сложились основные формы материальной и духовной культуры. Формируется ряд крупных населённых пунктов — административные, экономические, ремесленные и духовные центры, с развитым каменным домостроительством и оформлением основных видов монументальной горской архитектуры.¹

Данные археологии и письменных памятников дают яркое представление о материальной культуре раннесредневекового Дагестана. Поселения этого времени представлены различными типами: собственно города, укрепленные и неукрепленные поселения (городища и селища), крепости и замки. В формировании типа поселений немаловажную роль играли факторы как общественно-экономические и военно-политические, так и естественно-географические. На равнине, в предгорье, в горных и высокогорных районах типы поселений имели “собственную историю”, отличались своеобразием, хотя и имели много общих черт.

В приморских районах Северного Дагестана зафиксировано более 40 раннесредневековых поселений, связанных с процессом этнической и культурной интеграции кочевых народов и местного населения. Эти памятники по размерам и социальной структуре делятся на несколько групп: крупные городища со значительным культурным слоем, вдоль речных террас в равнинном и предгорном Дагестане (Таркинское, Верхнечирюртовское, Бавтугайское, Новолакское, Андрейаульское и др.); неукрепленные естественными факторами поселения, окруженные массивными оборонительными стенами из глинобитая и сырцовых кирпичей. Наиболее многочисленная группа — это значительные по своим размерам поселения в долинах рек Сулак, Акташ, Ярык-су, Аксай, Терек. Были также округлые небольшие крепости (замки)². Многие из указанных поселений Терско-Сулакского междуречья датируются в пределах VI-IX вв. и прекратили своё существование к X в.³

В горных и высокогорных районах в X-XV вв. усиленными темпами прохо-

дил процесс образования крупных населённых пунктов. По своей внутренней структуре выделялось три типа поселений: одноступенчатые, территориально-ступенчатые и территориальные⁴. Крупные населённые пункты формировались на базе как одноступенчатых, так и территориально-ступенчатых поселений. Нередко в качестве крупного пункта выступает не новое селение, а старое, за счёт его экономического роста и политического расцвета.

В течение V-XV вв. прослеживаются серьёзные изменения в облике самих населённых пунктов. Если в VI-X вв. тип укрепленного поселения был доминирующим, то в последующем наблюдаем значительный отказ от “всоемлющего” оборонительного фактора. В XI-XIV вв. потеряли своё значение многочисленные замки, крепости, цитадели, о которых писали арабские историки и географы IX-X вв. Сравнительная стабилизация дагестанских раннефеодальных владений по истечении разорительных арабских нашествий и арабско-хазарских войн привели к упрочению власти местных правителей и, в связи с этим, — к появлению немногочисленных, но сильно укрепленных феодальных замков или же столиц в окружении неукрепленных поселений. Оборонительные сооружения претерпевают как количественные, так и качественные изменения: в X-XIV вв. наблюдается резкое уменьшение массивности оборонительных сооружений при одновременном росте роли рельефа как оборонительного фактора.⁵

Изменения в области социальной, экономической и идеологической жизни сопровождались повсеместным и основательным взлётом различных видов монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства. Достижения мастеров в различных сферах художественного ремесла были грандиозными. Металлообработка, керамическое производство, резьба по камню, художественная обработка дерева, строительное дело, ювелирное дело, ковроткачество — нет ни одной области художественного творчества, в которой не были бы созданы превосходные произведения, представляющие собой важную часть культурного наследия народов Дагестана. Искусство это достигло значительной степени совершенства, с этого времени “прослеживается непосредственная преемственность традиций различных видов декоративно-прикладного искусства дагестанских народов с присущими им специфическими национально-этническими чертами и особенностями”⁶.

Ещё в раннем средневековье сформировались крупные центры художественной обработки металла, ювелирного производства, строительного дела, керамического искусства Дербент, Урцки, Варачан, Андрейаульское городище, Зирихгеран, Таргу, Верхнечирюртовское городище, Бежта.

Раннесредневековый период истории Дагестана характеризуется расцветом городской культуры. Письменные источники упоминают свыше десятка городов на территории Дагестана: Дербент, Цри (Цахур), Шахристан-и Йездигерд, Беленджер, Семендер, Хумраддж (Хунзах), Калакорейш, Уркарах, Балх, Варачан, Таргу, Баланджар, Хамлидж, Чунгарс, а в более позднее время Цахур, Губден, Зирихгеран, Кумух, Аркас, Жолаги и др. Город был центром как административно-политической, так и экономической, культурной и идеологической жизни.

Значительное влияние на формирование местной культуры, становление и развитие городов оказала политика Кавказской Албании, сасанидского Ирана и Арабского халифата, Ширвана. С Албанией связан не только процесс классообразования на Восточном Кавказе, но и функционирование албанской письменности, распространение христианства. Общеизвестно деятельность Сасанидов по строительству городов и замков, с их именем связано каменное фортификационное зодчество, прежде всего грандиозный Дербентский оборонительный комплекс. С политической и культурной деятельностью Сасанидов связано сравнительно широкое распространение в Дербенте и в ряде дагестанских селений пехлевийского письма. По количеству пехлевийских надписей Дербент (цитадель, городские стены) не имеют себе равных. Арабский халифат был не только проводником идей ислама, но и крупнейшим очагом распространения арабомусульманской культуры. Проникновение в Дагестан ислама, арабского языка, арабской литературы было фактором всемирной значимости. Именно в составе Арабского халифата или же в номинальной зависимости Дагестан был включён в международную торговую сферу, здесь появились новые города, а Дербент стал крупнейшим торгово-ремесленным и культурным центром, транзитным пунктом международного уровня. Ширваншахи развернули в Дербенте активную строительную деятельность (реставрация крепости и Джума-мечети, строительство медресе, мечетей, общественных и частных зданий).

Дербент был один из самых крупных многолюдных и широко известных городов Кавказа. Баб ал-абваб, как его называли арабы, действительно шёл в ногу с крупнейшими и цветущими городами Ближнего Востока и Средней Азии, он предстаёт перед нами не только как крупнейший торгово-ремесленный, политический и культурный центр, но и как один из древнейших городов мира.⁷ Духовная жизнь города стояла на высоком уровне, оказывая влияние на многие соседние области. Многовековая история Дербента нашла отражение в большом числе памятников мирового класса. Прежде всего, это всемирно известный грандиозный по своим масштабам оборонительный комплекс. Весь комплекс состоит из трёх частей: цитадель, Горная стена и городские стены (северная и южная). Возведение этой системы каменных оборонительных сооружений связано с именем двух выдающихся сасанидских правителей Кавала I (488-531) и его сына Хосрова I Ануширвана (531-579). Строительство комплекса шло в такой последовательности: цитадель и северная стена; южная стена, форты Горной стены и собственно Горная стена.⁸

Дербентские укрепления — замечательный памятник сасанидского фортификационного строительства. Две параллельно идущие стены протяжённостью более 3,5 км каждая запирали Дербентский проход с запада на восток, направляясь от цитадели вплоть до моря. Здесь две стены, уходя в море, образовали гавань, закрытую цепью. Арабский географ X в. ал-Истархи писал, что она была “в середине” города, причём “между морем и пристанью построено две стены, и это сузило проход для судов и сделало его извилистым. У входа в порт протянута цепь”⁹. Другой арабский географ X в. Ибн Хаукал добавляет, что суда, желаю-

щие попасть в гавань, должны пройти ворота, закрытые на замок, а далее у входа в фюрватер протянута цепь, причём “судно входит в гавань только с разрешения владельца замка (“сахиб ал-куфл”)¹⁰. На холме, в который упирались стены, была построена цитадель. За цитаделью, вглубь гор, на расстоянии более 40 км шла Горная стена, составлявшая вместе с дербентскими городскими стенами и цитаделью единый комплекс и защищавшая город с западной стороны”¹¹.

Особое место в дербентском оборонительном комплексе занимает цитадель города (Нарын-кала) — резиденция правителей, место пребывания знати, воинского гарнизона, военно-административного аппарата. Цитадель, расположенная на возвышающемся над городом холме отрога Джалганского хребта, завершает на западе “движение” городских стен, она сильно укреплена толстыми и высокими стенами, которые делают цитадель неприступной крепостью.¹²

Среди памятников строительной деятельности особое место по своему значению и совершенству принадлежит культовым сооружениям города. Одним из ранних памятников культового зодчества является Джума-мечеть — один из ярких архитектурных ансамблей города. Это значительных размеров вытянутое с запада на восток здание (длина 68 м, ширина 28 м.). Внутреннее пространство мечети разделено на три нефы, образованных ходом квадратных колонн, завершающихся профилированными капителями и перскинутыми между ними стрельчатыми арками. Квадратный зал мечети перекрыт стрельчатым голубым куполом, освещается окнами, помещёнными в южной стене и проёмами в нижней части купола. Из четырёх входов в северной стене, выходящих в обширный двор, один является главным, представляя монументальный портал. Внутри арочной ниши портала в кладке смонтированы камни с арабскими и персидскими надписями¹³.

Интерьер мечети производит на посетителя незабываемое впечатление: “Он поражает своей грандиозностью, величием куполов и сводов, лесом колонн, всё время меняющихся (по мере движения), композициями накладывающихся друг на друга и уходящих в перспективу аркад. Даже в знойный день в мечети царит полумрак и прохлада. Кирпичные своды, побеленные стены и столбы, каменные плиты пола, покрытого яркими коврами — такой цветовой колорит ещё больше подчёркивает монументальную торжественность интерьера этого одного из крупнейших и древнейших мусульманских культовых сооружений Кавказа”¹⁴.

Комплекс Джума-мечети включает также здание медресе, самого раннего из сохранившихся в Дагестане мусульманских учебных заведений высшего типа. Медресе имеет тринадцать небольших размеров (2,8 x 3,4 м) секций — худжр, помещений для учеников. Центральное же помещение медресе сравнительно больших размеров¹⁵. Очевидно, это учебный зал. Помещение медресе было построено в 879 г. хиджры, т.е. в 1474 или 1475 г., при ширваншахе Фаррух Йасаре, когда политическое влияние Ширвана на Южный Дагестан было значительным¹⁶.

Город богато представлен и другими превосходными образцами культового

Рис. 105. Сел. Каракюре.
Штукковое панно опорной базы.
Мечеть. X в. (прорис. П. М.
Дибирова)

и гражданского зодчества. Среди памятников города — крестообразные сооружения на территории цитадели (неточного мнения об их первоначальном назначении: цистерны для хранения воды или же первые в Дербенте памятники христианского культового зодчества церкви, построенные в VI в.); среднеперсидские (пехлевийские) надписи VI в.; старинные кварталы города, впервые упоминаемые в VII-VIII вв.; ранние (XI-XV вв.) мемориальные арабские надписи и надгробные сооружения различных типов: арабские строительные надписи, самые ранние из которых относятся к XI в. Дербент выступает, таким образом, не только в качестве столицы феодального владения, торгового-ремесленного и политико-административного центра, но и мощного культурного очага высокохудожественных произведе-

ний архитектуры и декоративно-прикладного искусства.

Строительная деятельность развернулась во всём Дагестане, несмотря на определённые периоды (походы арабов, монгольских войск, Тимура), когда на равнине и в предгорных районах основную роль играл военный фактор. Об этом свидетельствуют многочисленные строительные надписи, но и они не полностью отражают уровень архитектурной практики. Дело в том, что надписи о возведении зданий сохранились только начиная с X в. (исключая пехлевийские тексты Дербента), причём преобладающая их масса относится к культовым сооружениям (мечети, минареты), а строительство частных домов, хозяйственных помещений, большей части фортификационных сооружений, как уже отмечалось, обычно не фиксировалось. Поэтому мы можем считать, что гражданская архитектура получила, как и культовая, широкое распространение.

Сохранились надписи¹⁷ и записи X-XV вв. о строительстве мечетей в Кочкюре, Каракюре, Ихреке, Дербенте, Гельмече, Цахуре, Хиве, Калакорейше, Хнове, Рутуле, Шиназе, Рича, Мишлеше, Кубачи, Хпедже, Тама, Гуладти, минаретов в Дербенте, Цахуре, Кубачи, Корода, ханака в Рутуле, крепостей в Тпиге, Ахта, Рича, Цахуре, частных зданий в Гельмече, Рутуле, Мишлеше, Хунзахе¹⁸.

Если судить по приведённым выше данным, создаётся впечатление, что строительная деятельность развернулась, в основном, в Южном Дагестане. Но это кажущееся представление, так как в районах Центрального и Западного Дагестана, в связи с более поздним распространением ислама и арабского языка фиксации строительной деятельности хотя и производилась, но «с отставанием» примерно на два-три века. Поэтому известные нам сведения мы можем распрост-

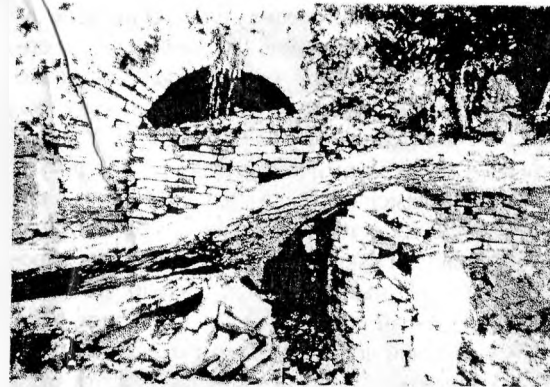

Рис. 106. Сел. Зиль. Остатки мечети
X-XI в.

ранить по части гражданского строительства на все горные районы Дагестана.

К замечательным памятникам культового зодчества X-XIV вв. относятся здания мечетей в сел. Каракюре (ныне Докузпаринский р-н), Зиль (ныне Табасаранский р-н), Калакорейш (ныне Дахадаевский р-н), Рича (ныне Агульский р-н), Тпиг (ныне Агульский р-н).

Мечеть в Каракюре — четырёхугольное в плане здание с двумя рядами

круглой формы столбов, покоящихся на почти квадратных базах, полностью покрытых резным штукатуром. Базы декорированы растительными и геометрическими орнаментами, выполненными в высоком рельефе. Верхнюю часть всех баз, а также центральное поле некоторых из них занимают куфические надписи. Судя по палеографическим данным, стилистическим особенностям штукатурных панно, а также сведениям письменных памятников, каракюринская мечеть была построена в X в.¹⁹ Сохранилось имя строителя или заказчика, финансировавшего работы, это сообщение надписи «Исхақ, сын Хасана уповает на Аллаха». Декоративное панно опорных баз Каракюры впитали в себя целый комплекс орнаментальных мотивов, зафиксированных в архитектурном декоре культовых и гражданских сооружений VIII-X вв. в Иране, Хорасане, Мавераннахре и свидетельствуют об оживлённых и плодотворных контактах мастеров-профессионалов из различных регионов в сфере строительного дела.

К числу наиболее древних памятников культовой архитектуры Дагестана относится также и мечеть в сел. Зиль Табасаранского района. Остатки здания расположены близ селения на возвышенности, называемой «Улту мечит» («Большая мечеть»). Мечеть селения Зиль — однокамерное прямоугольное в плане строение при внутренних размерах 13x9 м. Два ряда полукруглых арок, сложенных из красного квадратного кирпича, имеют квадратные в плане опоры также из красного кирпича. Два ряда арок делят внутреннее помещение на три нефы. Стены мечети облицованы крупным каменным панцирем, заполненным забутовкой из рваного камня. Михраб мечети состоит из двух «встроенных» ниш, вынесен за линию южной стены, облицован снаружи крупными каменными блоками. «Большая мечеть» селения Зиль датируется X-XI вв. и в ряде своих элементов отразила строительную практику Кавказа и Средней Азии²⁰.

Мечеть в Калакорейше также принадлежит к числу первоклассных памятни-

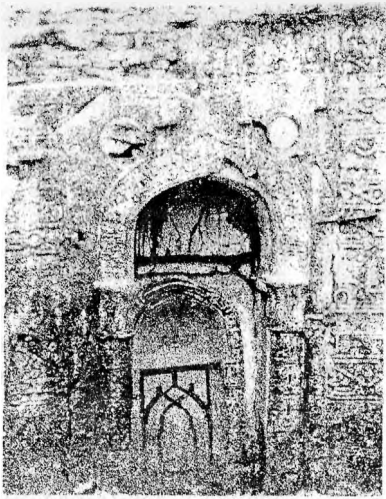

Рис. 107. Калакорейци.
Штукковый михраб
XII-XIII вв.

ков местной архитектуры. Она расположена в центральной части селения, представляет собой прямоугольное в плане здание, ориентированное с запада на восток (длина около 12 м, ширина 9,2 м), с двумя рядами неповторяющихся в рисунке каменных столбов, сложенных из нескольких тесаных каменных блоков. Подлинным украшением мечети являлся превосходный штукковый михраб²¹, образованный широкой П-образной эпиграфической полосой, причём надписи выполнены в высоком рельефе, высота букв достигает 36-41 см. Художник искусно использовал декоративные возможности "цветущего куфи". Калакорейский михраб во многих своих формах (архитектурная композиция, орнаментальные мотивы) родственен штукковым михрабам IX-XII вв. Средней Азии и Ирана, но наиболее близкие аналогии дают михрабы мечетей Мир Хусейна (Азербайджан) и Шир Кабир (Туркмения)²².

В высокогорном селении Рича сохранилась мечеть, и сейчас несущая следы пожара во время её героической защиты против монгольских отрядов осенью 1239 г. В том году мечеть была разрушена, но восстановлена через несколько лет местным правителем-эмиром. Ричинская джума-мечеть построена на крутом склоне горы, сложена из грубо обработанного местного камня. Внутреннее помещение мечети — это обширный зал (16,3 x 11 м.) высотой в 4 метра, к нему примыкает крытая галерея, с которой ведут в зал три дверных проёма с деревянными обрамлениями. Перекрытие опирается на десять резных деревянных столбов, отличающихся друг от друга как своей формой, так и характером орнаментальной обработки²³. Древнейшие из них датируются в пределах XII-XIII вв.

Значительные позиции христианства в Нагорном Дагестане отразились в строительном деле. Замечательным памятником христианского культового зодчества является храм близ с. Датуна, церковь зального типа, расчленённая на три части двумя подпружными арками, расположенными крестообразно. Храм близ сел. Датуна датируется концом X или же XI вв.²⁴. Остатки церквей зафиксированы в селениях Хунзах, Тидиб и др.²⁵

К XIII-XIV вв. относится строительство в Дагестане большого числа башен, функционально различающихся (оборонительные, жилые, сигнальные или же совмещающие в себе несколько функций). Существовала целая система сигнальных и наблюдательных башен (вдоль Аварского Койсу). Башни имели в плане или квадратную (Анцух, Буршаг, Гамсутль, Гоор, Гочуб, Урада, Мокок, Мус-

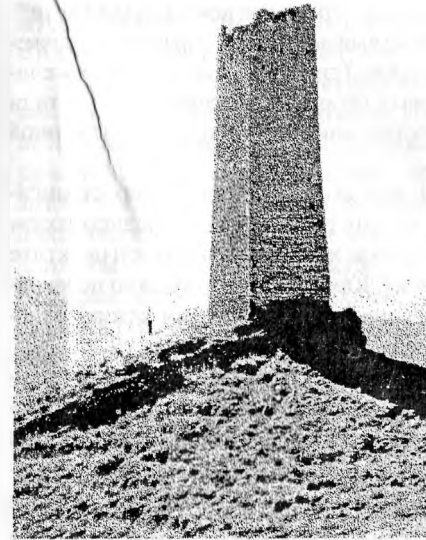

Рис. 108. Сел. Муни. Башня

рух, Муни, Хиндах, Гента, Зубанчи, Кахиб, Корода, Кособ, Мазада, Ругуджа, Тидиб, Шимихюр, Хотода, и др.), или круглые формы (Ицари, Кули, Хуштада, Шеляги и др.). Зафиксирована также серия башен, построенных на границе отдельных обществ²⁶.

Вопрос о генезисе и этапах башенного зодчества в Дагестане слабо изучен. Повествовательные источники не зафиксировали строительство башен в X-XV вв. Возможно, башня, замок и крепость отмечены одним арабским термином "кала". Так, например, укрепления, построенные в XII-XIII вв. и в XV в.²⁷ в селении Ахты, на окраине селения, над рекой в надписях названы "кала", хотя в действительности речь идёт, скорее всего, об оборонительной башне. Строительство башен,

обычно, по сложившейся традиции, не датировалось, строительные надписи поэтому не монтировались в кладку. Лишь в нескольких случаях это правило нарушается. Так, например, башни сел. Мазада (Тляртинский р-н) и сел. Шеляги (Кайтагский р-н) имеют куфические надписи, датируемые в пределах XIII-XIV вв. Можно предположить, что в XV-XVI вв. строительство башен и крепостей, в основном, уже не практиковалось.

Рост значения строительного дела сопровождался изменением социального статуса строителя, повышением его роли в социальной жизни общества. В строительных надписях, наряду с именами строителя, стало упоминаться также его профессиональное звание: строитель (ал-банна) Куту Абу Мисак (1177 г., с. Рутул), мастер-строитель (устаз ал-банна) Сайид (1227 г., с. Рутул), уstad Хасан сын Мухаммеда (1247 г., с. Мишлеш), уstad Хаджи Ахмад (1438 г., г. Дербент). Нередко отмечена и нисба архитектора или мастера-строителя: уstad Таджадин, сын Мусы, бакинский строитель (1368-9 г., гор. Дербент); уstad X. з. сн, сын Халифа из Хнова (1401 г.)²⁸.

Широкое распространение профессионального термина уstad (устаз) в строительной практике Дагестана может быть поставлено в прямую связь с ширвано-апшеронской архитектурной школой, для которой это название было характерным²⁹.

Профессиональное звание уstad или устаз носили только строители высоко-го класса. Этим термином "... характеризовался человек творческого труда, достигший высокой квалификации... несомненно, что званием "устада" обладали зодчие, достигшие определённой ступени признания и имевшие учеников. Это

и давало зодчим строителям подобного “ранга” право именоваться устадми³⁰

Искусство Дагестана представлено также выдающимися образцами художественной резьбы по камню, резьбы по дереву (строительные и благопожелательные тексты, опорные столбы культовых сооружений, деревянные детали гражданских сооружений и т.д.), художественной керамики, художественной обработки металла³¹.

Художественная обработка камня один из древних и широко распространённых видов народного искусства. Резной камень представлен в средневековом Дагестане многочисленными образцами прежде всего в строительной практике и мемориальных сооружениях и комплексах. Камнерезное искусство перекликалось в своём становлении и формировании с такими видами декоративно-прикладного искусства, как резьба по дереву и металлообработка.

Искусство резьбы по камню представлено также многими типами орнамента — графический (или повествовательный), геометрический, ленточный и растительный. Формировался ряд центров искусства резьбы по камню. К числу крупных центров художественной культуры Дагестана относится селение Кубачи, сосредоточившее в стенах своих зданий большое число каменных рельефов XIII-XV вв., деталей архитектурного декора с изображениями животных, птиц, людей, фантастических существ с надписями и растительными орнаментальными мотивами³². Как установлено исследователями, орнаментальные мотивы кубачинских рельефов и образы фантастических животных характерны также для архитектурного декора памятников Закавказья, Ближнего Востока и Средней Азии³³.

Для средневекового кубачинского декоративно-прикладного искусства характерны высокий уровень развития растительного орнамента, органическое соединение в архитектурном декоре орнаментальных и изобразительных форм и широкое использование арабского письма в декоративных целях³⁴. Замечательными образцами архитектурного декора являются тимпан XV в. с растительным орнаментом и тимпан 1404-1405 г. с арабской надписью и орнаментальной композицией (оба памятника хранятся в Дагестанском Государственном объединённом историческом и архитектурном музее), рельеф с арабской надписью XIV в. в стене мечети с именем мастера резчика и даты 1435-1436 г.³⁵

К числу первоклассных памятников художественной резьбы по камню относятся также базы каменной колонны XI-XII вв. из селения Хунзах³⁶, каменные базы деревянных колон (сохранилось 17) мечети XI-XII вв. в Хиве, не повторяющие друг друга ни по высоте и общему рисунку, ни по орнаментальному оформлению³⁷. На территории Центрального Дагестана обнаружено немало доисламских памятников, в том числе в большом количестве христианских. Они датируются в пределах XII-XIV вв. — это внушительных размеров каменные кресты (или их фрагменты) из селений Кудутль (Гергебельский р-н), Хунзах (Хунзахский р-н), Унты (Гунибский р-н), Цулда (Чародинский р-н), мемориальные плиты (или их фрагменты) XII-XV вв. из Согратля, Ругуджа, Кулла и Корода (Гунибский р-н), Телетль (Шамильский р-н), Дусрах (Чародинский р-н), две мемориальные плиты

из сел. Аттал (Рутульский р-н) с надписью на армянском языке, каменные стелы с изображением крестов или грузинскими надписями³⁸.

Среди памятников резьбы по камню особое место занимают надмогильные памятники с текстами-эпитафиями. Надмогильные сооружения XI-XV вв. делятся на три обширные группы: сундукообразные (горизонтальные, полуцилиндрические или саркофагообразные), прямоугольно-вертикальные (с рядом вариантов) и крестообразные (антропоморфные). Сундукообразные (или полуцилиндрические) надмогильные памятники наиболее древние в Дагестане и сосредоточены в Дербенте и в прилегающих к нему селениях (Гимейди, Рукель, Метатги, Дарваг, Ерсн, Зиль и т.д.), а также в ряде селений Кайтагского (особенно Уркарах и Калакорейш), Табасаранского, Ахтынского, Сулейман-Стальского районов.

Древнейшие из них зафиксированы в Дербенте — это горизонтальное надгробие 469 г. хиджры (1076-1077 г.)³⁹. Надгробие расположено примерно в 200 м. к югу от южной дербентской стены, близ цитадели, отличается значительными размерами: 345 см длины по верху при высоте 81 см и ширине 69 см цокольного основания. По продольным сторонам идёт изящная плоскорельефная эпиграфическая лента с арабским текстом почерком куфи, а торцовые поверхности имеют простую врезную надпись почерком насх. Большое число (более 40) подобного рода памятников сосредоточено за северной городской стеной на участке, известном под названием Кырхляр (“сороковник”). Историческая традиция и предания связывают Кырхляр с именем 40 арабов-шахидов, погибших в борьбе за идеи ислама в VII в., т.е. при первых походах арабов в Дагестан. Однако куфические надписи на некоторых из надгробий убедительно свидетельствуют, что они могут быть отнесены примерно к XI в. Идентичные надгробия были в значительном количестве (по рассказам информаторов около 100) в сел. Уркарах (ныне Дахадаевский р-н), одной из “пограничных зон” Дербента в горах, по ныне сохранились лишь несколько. По надписям эти памятники также можно отнести к XI-XII в. В Калакорейше, бывшей столице Кайтага, саркофаг содержит как изобразительные, так и орнаментальные мотивы и куфические надписи, позволяющие датировать его XIII-XIV вв. “Саркофаг” 1446 г. из Дербента несёт по всему телу благопожелательные и информативные тексты и был установлен на могиле “эмира великого, величайшего борца за правое дело, мученика за веру Ифтихара”, коменданта Дербента и брата правителя города⁴⁰.

Стеловидные надгробия представлены большим числом вариантов, самые ранние из них датируются XI-XII вв., но наибольшее число относится к XIII-XV вв. Обычно это вертикальные стелы, на восточной стороне которых нанесена надпись-эпитафия с упоминанием имени погребённого, даты смерти и с трафаретными религиозными формулами. Надписи на арабском языке исполнены как угловатым почерком куфи или полукуфи, так и круглым простым насхом. На отдельных поселениях или же в самих селениях подобного рода надмогильные плиты сохранились в массовых масштабах, представляя ценный источник для историка и искусствоведа. В настоящее время каменные плиты с мемори-

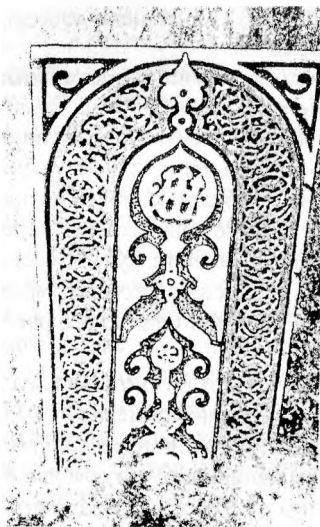

Рис. 109. Сел. Ашты.
Надгробная плита XIV
в.

альными текстами XIII-XV вв. сохранились во многих селениях Дагестана, особенно Южного и Центрального Дагестана, в частности в селениях Цахур, Гельмец, Мишлеш, Тпид, Рутул, Аракул, Фите, Рича, Ихрек, Лучек, Шиназ, Хнов, Татиль, Хелипенджик, Хучни, Бурханкент, Варсит, Ахты, Шеляги, Хив, Архит, Ашты, Худуц, Хунзах, Кадар, Орга-Стал, Ашильга, Карчаг, Хледж, Шимихюр, Испик, Ашага-Сталь, Тама, Гуладти и во многих других селениях или же их окрестностях.

Группа крестообразных плит, или плит с резко выраженными плечиками представлена небольшим числом памятников и из сел. Джули (XII-XIII в), Цахур (1396 г), в Хив (XIV-XV вв.) и ряде других селений, особенно Хивского и Табасаранского районов.

Уникальные произведения резьбы по дереву, одного из традиционных видов декоративно-прикладного искусства Дагестана "достойно представляют" художественную культуру дагестанских народов. Во многих селениях со-

хранились высокохудожественные образцы средневековой художественной резьбы по дереву. Восхищение искусствоведов вызывают деревянные двери мечети сел Калакорейш (Дахадаевский р-н), мечетей сел. Джибяхни (Кайтагский район), Зирдаг (Хивский район), цельные фигурные столбы XI-XII вв. соборной мечети сел. Рича (Агульский р-н), снабжённый куфическими надписями столб из Тпига (Агульский р-н), колонны XV - начала XVI в мечети сел Шири (Дахадаевский р-н), деревянный минбар из Кубачи (XV в.), резные деревянные детали интерьера сел Ицари (XV-XVI вв.)⁴¹. Резное дерево находило широкое применение в декоративном оформлении интерьеров жилищ. Значительное место в интерьере занимал "цагур" специальное помещение для продовольственных и других запасов. Их датировка не изучена, но высокохудожественная обработка деревянных деталей говорит об устойчивых многовековых традициях. Ряд древних жилищ XIV-XVI вв. сохранился в Шамильском, Гумбетовском, Тляртинском, Гунибском, Цунтинском и других районах Дагестана⁴².

Наряду с художественной резьбой по камню и дереву значительное место в творчестве средневековых дагестанских мастеров занимала обработка металла. В этой области огромный интерес представляют бронзовые котлы из селения Кубачи. Академик И. А. Орбели, с именем которого связано открытие для науки этих памятников и их научная интерпретация, определил их культурно-историческую и художественную ценность и высказал мысль о том, что производство их было налажено в селении Кубачи⁴³.

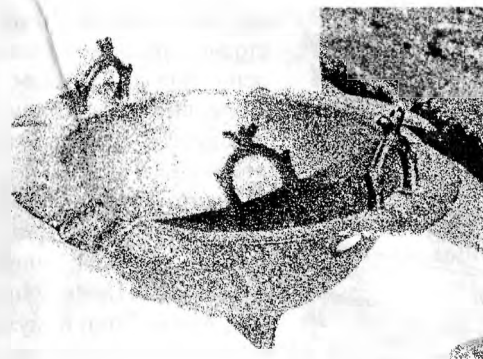

Рис. 110. Бронзовый котел из
Кубачи. XII-XIII вв.

Существует большое число бронзовых котлов, некоторые из которых сохранились в Дагестане. Наиболее древние — это три котла открытого типа полусферической формы, цельнолитые, с бортиком, снабжённым четырьмя выступами, дающими в плане крестообразную форму. Надписи на бортике донесли имена "медников", изготовителей бронзовых котлов. Первый котёл носит надпись: "Сделал Ахмад б. Али (?) Марвази (? = Марваруди ?)", второй "сделал Абу Бакр б. Ахмад Марвази", третий "Сделал Ахмад б. Махмуд ал-Марвази"⁴⁴. Котлы датируются соответственно XI-XII, XII-XIII, XIV вв.

Имена изготовителей всех трёх бронзовых котлов сопровождаются нисбой "Марвази", то есть "Мервский". Здесь имеется в виду древний город Мерв, временная столица государства сельджуков, крупнейший культурный и торговый центр государства Хорезмшахов. Здесь и изготовлялись первоначально те котлы, на которых зафиксирована нисба "Марвази". Известный востоковед Л. Т. Гюзальян пришёл к выводу о том, что "... в Кубачи нашёл распространение наряду с другими разновидностями открытый тип котла, заимствованный из районов нынешней Южной Туркмении или же Северо-Восточного Ирана, представляющих в XII-XIII вв. единый культурный мир"⁴⁵.

О времени проникновения этих котлов в дагестанскую ремесленную среду существует несколько мнений. Одно из них относит это событие к XIII в. и связывает их с передвижением ремесленных корпораций при монгольском нашествии. Согласно другому же мнению⁴⁶, знакомство кубачинских мастеров меднолитейного дела с хорасанскими (мервскими) образцами бронзовых котлов произошло до монгольского нашествия на Среднюю Азию, а именно, возможно, в первой половине XII в. Со временем кубачинцы перешли на самостоятельное изготовление котлов как "открытого", так и "закрытого" типа. В меднолитейном деле Кубачи мы сталкиваемся с практикой отлива по модели. Этим можно объяснить наличие нескольких котлов с одинаковой надписью: "Сделал Абу Бакр б. Ахмад Марвази", "Сделал Махмуд б. Абу Бакр саффар (медник)"⁴⁷. Появление термина саффар (медник) связано с особым статусом мастеров меднолитейного дела изготовление котлов, уже оформившихся в категорию профессионалов, "расставшихся" с другими видами металлообработки.

Важным фактором в истории средневекового Дагестана выступает дагестанское селение — устойчивый центр традиций материальной и духовной культу-

Рис. 111. Сограбль

кции административных, торгово-ремесленных и культурных единиц, не уступая городам по интенсивности влияния на всю округу. Дагестанские селения, вернее, их роль в формировании культурного облика микрорегиона или же более обширных территориальных единиц, дают возможность пересмотреть сложившееся представление о том, что только города шли “в авангарде культурной жизни”.

Большое место в духовной жизни дагестанского общества занимали письмо и памятники письменной культуры. В Дагестан проникло среднеперсидское (пехлевийское), грузинское, но наиболее мощным потоком арабское письмо. Большое число (25 единиц) среднеперсидских надписей Дербента, датируемых VI-VII вв., — отражение сравнительно высокой грамотности населения, свидетельство наличия здесь грамотеев-резчиков⁴⁸. Грузинское и грузино-аварское письмо засвидетельствовано многими надписями на крестах (XIII-XIV вв.). Имеются также сведения о преподавании грузинского языка в аварских школах во второй половине XIV в.

Наибольшее же распространение получил в Дагестане арабский язык. Начальный этап его проникновения связан с арабскими завоеваниями, точнее с притоком больших арабских этнических массивов в процессе этих завоеваний.

Прошло около 1350 лет с того времени, когда на территории Дагестана впервые прозвучала арабская речь, и с того времени, вплоть до первой четверти XX в. включительно, арабский язык предстаёт перед нами как один из самых значительных, самых действенных факторов культурной и идеологической жизни дагестанского общества.

Во второй половине VII-VIII вв. большой контингент арабских войск и арабс-

ры. Крупные селения столицы феодальных владений или союзов сельских обществ зарекомендовали себя, одновременно, и как очаги непрерывного, начиная с раннего средневековья, культурного процесса. Такие селения, как Тарки, Хунзах, Ашты, Тпиг, Кумух, Акуша, Уркарах, Ицари, Худуч, Чох, Согратль, Урада, Бежта, Анди, Каракюре, Калакорейш, Ахты, Хучни, Зиль, Джули, Мишлеш, Шиназ, Рутул, Цахур, Кубачи, Хив совмещали в себе функ-

Рис. 112. Начало рукописи сочинения ал-Джаухари “ас-Сихах”. Переписка 1117 г. Багдад

циями, обосновавшихся в построенных ими крепостях в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге и Бильгади⁵⁰. Арабоязычный этнический элемент продолжал проникать в Дагестан вплоть до XVII века включительно⁵¹, но переселение отличалось уже как медленными темпами, так и незначительным количеством иммигрантов.

В то же время арабские источники свидетельствуют о том, что арабское население в Дагестане, живя компактно, сохраняло своё этническое лицо в течение многих веков. В X в. между Баб ал-абвабом и Кайтагом (в тексте Джидан) жили мусульманские арабы, “которые говорят хорошо только на арабском языке и которые поселились здесь в дни арабских завоеваний.”⁵²

В 1131 г. испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати видел в Дербенте представителей многих народов, в том числе и арабскую общину⁵³. А в 1154 г. в двух населённых пунктах близ Дербента жили арабы, которые “пришли сюда около пятисот лет тому назад” и сохранили в середине XII в. свою этническую чистоту, применяя в обиходе арабскую речь (“... мы передаём его друг другу и не бросаем арабского языка”)⁵⁴.

Весь комплекс культурно-исторических факторов содействовал небывалому росту изучения арабского языка среди местного населения. Принятие ислама (VII-XVI вв.) сопровождалось не только строительством мечетей, но и созданием школ-медресе — очагов грамотности. Первые медресе зафиксированы здесь в конце XI в., а впоследствии их количество растёт, охватывая почти каждое

кого населения обосновался в районе Дербента. Как сообщает дагестанское историческое сочинение “Дербенд наме”, в первой четверти VIII в. арабский полководец, “разделив этих мусульман на семь кварталов (махалла), построил для каждой части (таифа) по отдельной мечети”. Расположение иммигрантов по кварталам производилось, как можно полагать, по племенному принципу, соблюдавшемуся в арабской армии: Масламе приписывается поселение в Дербенте 24 тысяч семей арабов⁴⁹. Арабское население продолжало прибывать и в последующем, так в середине VIII в. в Дагестан было послано халифом большое число арабских воинов. При аббасидском халифе ал-Мансуре (754-755 гг.) наместник Йазид ас-Сулами переселил сюда “из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа” семь тысяч мусульман с

крупное дагестанское селение. Нарративные источники и данные эпиграфики сохранили известия о строительстве медресе в Цахуре, Дербенте, Кубачи, но имелись они и в других крупных населённых пунктах.

С распространением ислама, строительством мечетей и медресе, прибытием многих тысяч арабов связано поступление сюда рукописных книг из городов Арабского халифата, сочинений по многим отраслям науки, учебных пособий. Поступали они из Сирии, Египта, Ирана, Азербайджана, Средней Азии и других областей. Многие из сочинений, поступавших извне, переписывались местными катибами, особенно это относилось к Корану, сочинениям по грамматике арабского языка, лексикографии, мусульманскому праву, логике, этике, экзегезу. Сфера применения арабского языка значительно расширилась по мере создания в Дагестане собственных, оригинальных сочинений на арабском языке, первые образцы которых можно отнести к X в.⁵⁵

Среди рукописных книг, имевших хождение в Дагестане, имеется много чрезвычайно ценных экземпляров. Среди них знаменитый толковый словарь арабского языка “ас-Сихах” Абу Насра Исмаила б. Хаммада ал-Джаухари (ум. в 1003 г.)⁵⁶, переписанный в 1117 г. в Багдаде; толковый словарь арабского языка “ал-Гарибайн” Абу Убайда Ахмада б. Мухаммада ал-Харави, т.е. из Герата (ум. в 1010 г.), переписанный в 1290 г.; старейший экземпляр “Мукаддимат ад-адаб” Мухаммада ибн Умара аз-Замахшари (ум. в 1144 г.) в копии 1330 г. из Хорезма — это труд по сравнительной лексикологии арабского, персидского и тюрского языков.

Параллельно с распространением словарей шёл интенсивный процесс усвоения арабского языка при посредстве учебников и грамматических трактатов. В их числе “ал-Кафия” Ибн ал-Халджиба (ум. в 1248 г.)⁵⁷, один из самых распространённых учебных трактатов по основам синтаксиса арабского языка (списки 1356, 1372, 1491 гг.); учебник морфологии арабского языка “аш-Шафия” того же автора, в копии 1354 г.

Среди знатоков арабского языка в Дагестане популярностью пользовались также сочинения по мусульманскому праву, этике, хадисы, тафсиры, художественные произведения.

Книга крупнейшего писателя арабского средневековья Абу Мухаммада ал-Касима ал-Харири, цикл плутовских новелл под названием “Макамы”, представлен старейшим списком 1173 г.; крупнейший памятник мусульманского права “Ал-Анвар” Джамаладдина Йусуфа ал-Ардабили сохранился в нескольких списках XV в.; имеется несколько куфических Коранов, датированных в пределах XII-XIV вв.; широко были известны хадисы в списках XIII-XV вв. Находка экземпляра этико-догматического труда “Ихйа улум ад-дин” (“Оживление наук о вере”) ал-Газали (ум. в 1111 г.), переписанного в 1191 г., свидетельствует о том глубоком интересе, который проявлялся в Дагестане к сочинениям одного из крупнейших мыслителей Востока и выдающихся столпов суфизма. Дагестанские востоковеды обнаружили около 40 списков сочинений ал-Газали, переписанных в XII-XVII вв., большей частью в Дагестане. Вполне допустимо, что творчество ал-Газали

Рис. 113. Коран XIV в. Рукопись

было известно в Дагестане ещё в предмонгольское время, в свете тех культурных контактов, которые дагестанские учёные поддерживали со странами Ближнего Востока. Так, например, известный арабский энциклопедист Йакут (ум. в 1229 г.) писал, что Хаким сын Ибрахима ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дербенди, “был шафинитским законоведом, достойным, молчаливым, изучал право у ал-Газали, слушал много хадисов, затем жил в Бухаре до самой смерти в шабана пятьсот семьдесят третьего года”⁵⁸, то есть в 1144 г.

Размножение рукописных книг, пользовавшихся широким “читательским спросом”, шло также посредством их переписки. Для XIII в. мы не располагаем сведениями, но в XIV-XV вв. единичные экземпляры переписывались местными катибами. В результате систематических поисков учёных выявляются всё новые и новые экземпляры сочинений арабских авторов, скопированных в Дагестане. Среди катибов конца XV в. часто встречается имя Харуна сына Ахмада Ширини (из сел. Шири), “специализировавшегося” на переписке сочинений ал-Газали.

В 1493 г. он выполнил две копии Корана, которые хранились потом в селениях Куни и Шири. Харун сын Ахмада был превосходным профессиональным каллиграфом. Своим отличным почерком “слабейший раб Аллаха Харун, сын Ахмада из селения Ширини” переписал две части (два китаба) знаменитого трактата “Ихйа улум ад-дин”. Это имело место в 1495 и 1497 г. Каждый китаб переписывался в течение двух лет⁵⁹.

Особое значение придавалось переписке научных трактатов и учебных пособий по арабскому языку. В 1404 г. “в селении Газигумик” переписано сочинение по синтаксису арабского языка, составленное в 1336 г. в городе Нишапур. Чуть позже, в 1427 г. в этом же селении знаменитый учёный Ахмад ибн Ибрахим ал-Йамани ал-Гумуки переписал комментарий на знаменитый учебник по грамма-

тике арабского языка “ал-Кафия” (“Достаточная книга”) Ибн ал-Хаджиба (ум. в 1248 г.). Древнейшая из копий этого сочинения, выполненная кубачинцем Абдаррахманом аз-Зирихгерани относится к 1490 или 1491 г. А ещё раньше, в 1467-68 гг. Йусуф ал-Кубаши “выполнил от руки” труд ал-Газали “Ихйа улум ад-дин”. В самом конце XV в., в 1500 г., другой кубачинец переписал две книги собрания хадисов ан-Навави и сочинение “Вафк ал-мурад”, принадлежащее перу дагестанского учёного Ахмада ал-Йамани. Расположенное близ Кубачи, селение Ашты также было знаменитым в то время центром арабоязычной традиции. В 1499 или 1500 г. житель этого селения Мухаммад, сын Абдаррахмана аз-Зирихгерани ал-Ашты (т.е. “зирихгеранец, аштынец”) сделал превосходную копию популярной в то время в образованных кругах Ближнего Востока “Китаб ал-куттаб” (“Книга секретарей”). Этой рукописью дагестанские учёные пользовались вплоть до XIX в.⁶⁰

Новым, выдающимся явлением в области книжной письменной культуры Дагестана в X-XV вв. было создание собственной оригинальной дагестанской литературы. Среди местных произведений хронологически на первое место выдвигаются исторические рассказы, наиболее древние из которых можно отнести к X в.

Среди крупных и важнейших произведений, написанных на арабском языке дагестанскими учёными и историками, следует отметить: “Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” Абу Бакра Мухаммада ад-Дербенди; “История Ширвана и Дербенда” неизвестного автора (составлено в 1106 г.); “Вафк ал-мурад” — догматическое и этическое произведение Ахмада ал-Йамани; “Тарих Дагестан” исторический свод Мухаммада Рафи (XIV в.); историческая хроника Махмуда Хиналугского, составленная в 1456 г. и др.

Абу Бакр Мухаммад, сын Мусы, сына ал-Фаралджа ад-Дербенди родился между 1058 и 1068 г. в Дербенте (Баб ал-абваб, или ал-Баб), в квартале Химс, населённом главным образом арабскими переселенцами, в семье суннитского богослова-шафиита. В родном городе он получил не только традиционное шафиитское образование, но и приобщился к суфизму. В середине 80-х гг. XI в. ад-Дербенди отправился в длительные странствия, побывал во многих знаменитых центрах науки и образования — городах — Ардабиле, Амуле, Рее, Казвине, Абиварде, Занджане, Абхаре, Динаваре, Хамадане, Исфахане, Хулване, Багдаде, Куфе, Мекке, Медине и других городах Халифата, обучаясь у многих известных ашаритов и суфиев. “К началу 90-х гг. XI в., он возвратился в ал-Баб и организовал собственный медресис. В начале 492/1098 г. в связи в политических событиях в ал-Бабе ад-Дербенди был вынужден покинуть его и пуститься в новые странствования. Основную часть своего сочинения он создаёт в Багдаде в течение 1099-1101 гг. Завершил же он свою работу полностью в 1104 г. в Мекке. Затем он вернулся на родину, но далее о его судьбе ничего не известно”⁶¹.

“Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик” (“Базилик истин и сад тонкостей”) Абу Бакра Мухаммада, сына Мусы ад-Дербенди — наиболее ранний из дошедших до нас трактатов местного автора и представляет собой один из старейших

на Востоке трактатов по суфизму⁶². “Райхан ал-хакаик” — это крупная энциклопедия суфийских терминов, морально-этических терминов, “важнейших с точки зрения теософии религиозно-правовых установок и ритуальных предписаний, а также общеисламских понятий в суфийской интерпретации”⁶³. Книга даёт яркое представление об идеологической жизни средневекового Дербента, о месте суфизма, его догм в ремесленной среде дагестанского города, вместе с тем она является ценным источником по истории и культуре средневекового Дагестана.

Дербент предстаёт перед нами как один из крупных духовных центров на “периферии Халифата”. Исследования последних лет свидетельствуют “о существовании в ал-Бабе в X-XI вв. устойчивых традиций хадисоведения, фикха, суфийской и исторической литературы. В этот период город уже находился в орбите активного функционирования духовной жизни Халифата”⁶⁴.

В 847/1443-4 г. было написано первое из известных нам местных сочинений по этике и ритуалу. Оно принадлежало перу жителя Кумуха, переселившегося в своё время из Йемена Ахмада ибн Ибрахима ибн Мухаммада ал-Йамани, и называлось “Вафк ал-мурад” (“Соответствие предмету желаний”). Ахмад ал-Йамани был крупным и известным учёным, проповедовал в Каирском университете “ал-Азхар”, затем по поручению “халифа посланника Аллаха” был послан в “вилаят Гумик” для пропаганды ислама и знаний⁶⁵. Сочинение Ахмада ал-Йамани было широко известно среди дагестанских учёных.

“Вафк ал-мурад” одно из самых ранних сочинений, созданных в Дагестане по сулук, т.е. системе норм нравственного поведения мусульманина, о минимуме основных сведений о вере, необходимых мусульманину. В соответствующих разделах рассматриваются: о чтении Корана, Сунны; об упоминании Аллаха; о молитвах и их категориях; о соблюдении порядка и обязательстве совершения намаза; о правилах, приличествующих при входе в мечеть и выходе из неё; о намазе и призыве к молитве; о поведении в пятничный день; о празднествах, лунных затмениях; о посещении больных, могил и “приличиях”, с этим связанных; обычаях и правилах, связанных с путешествием, с военными выступлениями и т.д.

Наиболее широкое распространение получили, как уже указывалось, исторические рассказы и сочинения. Наиболее крупное и раннее из них — “История Ширвана и Дербенда”⁶⁶, фундаментальное историческое сочинение, охватившее события от последней четверти VIII в. до 1075 г. и законченное в 1106 г. Автор неизвестен, но, по всей вероятности, это был житель Дербента, хорошо знавший историю Восточного Кавказа и имевший на руках списки местных исторических сочинений и преданий, до нас не дошедших. Первоначально сочинение было издано в Англии (арабский текст, перевод на английский язык и обширные комментарии) крупнейшим востоковедом В.Ф. Минорским, а в 1963 г. был издан русский перевод “Истории Ширвана и Дербенда”⁶⁷.

“История Ширвана и Дербенда” благодаря её обширным и достоверным сведениям, относящимся к периоду конца VIII — 1075 гг., является ценнейшим источником по раннесредневековой истории Восточного Кавказа, и в первую

очередь Дагестана. Она ярко и довольно подробно характеризует многие стороны военно-политической жизни, земельных отношений, социальной структуры. При характеристике политических событий на первый план выдвинут вопрос о взаимоотношениях Ширвана, Дербента и дагестанских феодальных владений. В первую очередь Серира, Хайдака, Караха и т.д. Книга рисует также расстановку классовых сил, внутренний строй Дербента и других государств на территории Дагестана, рассказывает о крупных социальных противоречиях.

К разряду памятников региональной историографии относятся так называемые “малые хроники” (“История Абуमुслима”, “Ахты наме”, “История Чиркея” и др.). Основное содержание “Истории Абумуслима” — это родословная Абумуслима, его военные действия в Ширване и Южном Дагестане, деятельность Абумуслима и его сына по распространению ислама и строительству мечетей в Дагестане, а также назначение из своего рода дагестанских правителей и правителей отдельных селений. Основная идея “Истории Абумуслима” — восхваление процесса исламизации Дагестана и продвижение положения об арабском происхождении дагестанских правителей⁶⁸.

Одним из самых сложных, противоречивых и в то же время чрезвычайно интересных и ценных памятников является историческое сочинение “Тарих Дагестан” Мухаммада Рафи. Оно представляет собой свод различных отрывков и документов, внешне как будто бы случайно собранных вместе, но объединённых одной общей идеей⁶⁹. Оно ставит целью идеологически обосновать власть феодальных правителей Дагестана, и, прежде всего, представляло собой апологию могуществу Газикумухского шамхала, то есть носило официальный характер, пропагандировало идею неизбежности исламизации всех районов Дагестана. В “Тарих Дагестан” совмещается несколько линий повествования, хронологически разновременных: судьба язычества и правителей Авар (Аварии); исламизация дагестанских обществ; борьба Кумуха за свои земли против отрядов “тюрок” (монголов); шамхал, генеалогия и налоговая политика; сообщения о деятельности халифа Омара. Наиболее древняя часть сводного текста относится к X–XI вв., а позднейшая к XIV в., хотя отдельные вставки делались вплоть до XVII в. Среди учёных нет единого мнения о времени составления “Тарих Дагестан” как цельного сочинения, но наиболее вероятным нам кажется XIV в., время деятельности Мухаммада Рафи. Сочинение Мухаммада Рафи было одним из самых распространённых исторических сочинений в Дагестане. Имеется около 40 списков на арабском языке.

Исключительно ценным историческим источником является также пока малоизвестное в научных кругах сочинение “Хроника Махмуда Хиналугского”⁷⁰. Она составлена в 1456 г. и посвящена событиям на Восточном Кавказе в конце XIV — середине XV вв. Основная тема сочинения — деятельность Тимура в Дагестане, его взаимоотношения с правителями Ширвана и Дагестана, взаимоотношения дагестанских правителей (особенно шамхалов и удмиев) между собой и Ширваном. Хроника не только рассказывает о военной деятельности Тимура, но уделяет также значительное место деятельности известного завоевателя по поддержке, распространению в Дагестане условных форм земельной собственности и укреплению позиций ислама. Здесь же — обширная родословная кай-

тагских правителей, рассказ о ширвано-дагестанских политических и династических связях.

Самый общий анализ указанных сочинений показывает, что в X–XV вв. сложился первый этап местной исторической традиции, характерный появлением как историй отдельных городов, так и отдельных селений и областей в неразрывной связи с жанрами историко — биографической литературы. Наравне с исторической литературой, региональной историографией большое значение имела суфийская литература и хадисоведение.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 216.

² История народов Северного Кавказа. М., 1978. Т. I. С. 16, 136, 162, 192, 210; Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 174.

³ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 182, 196–208; История народов Северного Кавказа. Т. I. С. 133.

⁴ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 80–88; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 111–112; Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 248–249; Шихсаидов А.Р. Дагестан в XI — XIV вв. Махачкала, 1975. С. 97–108; Агулы. Махачкала, 1975. С. 73–81.

⁵ Магомедов М.Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана (автореферат канд. дисс.). Махачкала, 1970. С. 13; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ. соч. С. 80.

⁶ Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989. С. 143.

⁷ Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906; Артамонов М.И. Древний Дербент // Советская археология, 1946. Т. VIII; Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам, Махачкала, 1976; Хан-Магомедов С. Дербент. Горная страна. Аулы Табасарана. М., 1979; Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1984; Он же. Феодальный Дербент. М., 1993.

⁸ Хан-Магомедов С. Раннесредневековая горная стена в Дербенте // Советская археология, 1960. № 1; Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. С. 97, 100, 103.

⁹ Jacut, I. 184.

¹⁰ Opus geographicum auctore Ibn Haucal...ed. J.H. Kramers. BGA, II. Edition secunda. Lugduni-Batavorum. 1939. С. 339.

¹¹ Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники сасанидской истории в Закавказье // Проблемы ГАИМК. 1933, № 9–10; Хан-Магомедов С.О. Раннесредневековая горная стена.

¹² Хан-Магомедов С.О. Стена и башни Дербентской крепости // Архитектурное наследие. 1964. № 17.

¹³ Хан-Магомедов С. Дербент. Горная страна. Аулы Табасарана. С. 132–136; Кудрявцев А.А. Древний Дербент. С. 126.

¹⁴ Хан-Магомедов С. Указ. соч. С. 143.

¹⁵ Там же. С. 136–137.

¹⁶ Ашурбейли С.Б. Государство ширваншахов. Баку, 1983. С. 249–250, 261–262.

¹⁷ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Кн. I; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.

¹⁸ О надписи из Корода см.: Айтберов Т.М. Аваро-арабская надпись из селения Корода (XIII — XIV вв.) // Эпиграфика Востока. Л., 1985. Вып. X–XIII. С. 79–81; Айтберов Т., Иванов, А.А., Казанбиев А.Д. Новые эпиграфические памятники с территории Аварии // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в

1976 — 1799 г. Махачкала, 1978. С. 46. О надписях из Хунзаха см.: *Айтберов Т., Иванов А.А., Казанбиев А.Д.* Новые эпиграфические памятники с территории Аварии. С. 45.

¹⁹ *Дебиров П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966. С. 14-17, 40-44; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 97-108.

²⁰ *Шихсаидов А.Р.* О некоторых памятниках средневековой культуры Табасарана // *Художественная культура Дагестана.* Махачкала, 1987.

²¹ Ныне не сохранился, он полностью уничтожен в процессе "реставрации".

²² *Дебиров П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. С. 17-27, 45-49.

²³ *Любимова Г.Н.* Культурные постройки агульских селений Дагестана // *Памятники культуры. Исследования и реставрация.* М., 1961. № 3. С. 11-14.

²⁴ *Шмерлинг Р.О.* Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу // *Вторая научная сессия Института истории грузинского искусства: тез. докл. Тбилиси, 1956.* С. 9; *Она же.* Церковь в сел Датуна в Дагестане // *Маице.* Тбилиси, 1968. № 2. С. 211-218; *История Дагестана.* М., 1977. Т. I. С. 167, 219; *Марковин В.И.* Северо-Восточный Кавказ и храм Датуна в Дагестане // *Художественная культура средневекового Дагестана.* Махачкала, 1987.

²⁵ *История Дагестана.* Т. I. С. 219.

²⁶ *Материальная культура аварцев.* Махачкала, 1967. С. 101-106.

²⁷ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 95, 141.

²⁸ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 408-419.

²⁹ *Бретаницкий Л.С., Саламзаде А.В.* Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана // *Эпиграфика Востока.* М.-Л., 1960. Т. XIII. С. 18, 25.

³⁰ Там же.

³¹ *История народов Северного Кавказа.* Т. I. С. 250-252; *История Дагестана.* Т. I. С. 220-221; *Дебиров П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. М., 1989; *Алиханов Р., Иванов А.* Искусство Кубачи. М., 1976.

³² *Орбели И.А.* Албанский рельеф и бронзовые котлы // *Избранные труды.* Ереван, 1963; *Алиханов Р., Иванов А.* Искусство Кубачи. С. 174; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. С. 85-100.

³³ *Дебиров П.М.* Указ. соч. С. 29.

³⁴ *Маммаев М.М.* Указ. соч. С. 102.

³⁵ Там же. С. 293-294. Рис. 167-170.

³⁶ *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана // *Резные камни.* М., 1931. С. 71, 72; *Дебиров П.М.* Указ. соч. С. 28.

³⁷ *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 187-191.

³⁸ *Общий обзор с указанием литературы см.: Дебиров П.М.* Указ. соч. С. 30-32, 122-130. Рис. 49-65.

³⁹ *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 61, 62, 174-176, 266 (Табл. 11, 10).

⁴⁰ *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 15-20, 124-126, 381-384; *Рагимов А.Г.* О касидах, посвящённых Бадром Ширвани правителю Дербенда амиру Исфандийару и коменданту крепости амиру Ифтихару // *Известия АН Азерб. ССР. Сер. ист., филос. и права.* Баку, Вып. I. С. 56-59.

⁴¹ *Башкиров А.С.* Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш. М., 1928; *Дебиров П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982. С. 44-47; *Маммаев М.М.* Указ. соч. С. 123-124.

⁴² *Бакланов Н.В.* Архитектурные памятники Дагестана. М.-Л., 1935. С. 43; *Мовчан Г.Я.* Из архитектурного наследия аварского народа // *Советская этнография.* 1947. № 4. С.

187-199; *Дебиров П.М.* Резьба по дереву в интерьере дагестанского жилища // *Зодчество Дагестана.* Махачкала, 1974; *Исламгагомедов А.И.* Некоторые вопросы эволюции дагестанского жилища // *Учёные записки Института ИЯЛ.* Махачкала, 1965. Серия историческая. Т. XIV. С. 261-263.

⁴³ *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // *Памятники эпохи Руставели.* Л., 1939. С. 350-354.

⁴⁴ *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 428-432. Здесь же библиография.

⁴⁵ *Гюзальян Л.Т.* О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа // *Тез. докладов научн. сессии, посв. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 г. Л., 1962.* С. 25-26.

⁴⁶ *Обзор этих мнений см.: Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 431-432.

⁴⁷ *Каталог международной выставки памятников иранского искусства и архитектуры.* Л., 1935. С. 428-429.

⁴⁸ *Пахомов Е.А.* Пехлевийские надписи Дербента // *Известия общества обследования и изучения Азербайджана.* Баку, 1929. № 8. Вып. V; *Он же* К истолкованию пехлевийских надписей Дербента // *Известия Азербайджанского научно-исследовательского Института.* Баку, 1930. Т. I. Вып. 2; *Касумова.* Новые средневековые надписи из Дербента // *Этнокультурные процессы в древнем Дагестане.* Махачкала, 1987. Выказано также мнение о том, что "пехлевийское письмо и язык, судя по надписям в Дербенте, были достоянием только завоевателей — персов и, может быть, только незначительной части местного населения, связанного с персидским государственным аппаратом" см.: *Тревер К.В.* *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании.* М.-Л., 1959.

⁴⁹ *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу.* м., 1971. С. 27.

⁵⁰ *Якуби.* *История.* текст и перевод. Пер. с араб. П.К. Жузе // *Материалы по истории Азербайджана.* Баку, 1927. Вып. III. Гл. IV. С. 9; *Алкадари Гасан-эфенди. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане).* Пер. и прим. Али Гасанова. Махачкала, 1929. С. 25.

⁵¹ *Сводка сообщений: Шихсаидов А.Р.* *Ислам в средневековом Дагестане.* С. 212-215.

⁵² *Минорский В.Ф.* *История Ширвана и Дербенда.* М., 1963. С. 203. (Приложение М-судн о Дагестане).

⁵³ *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати.* С. 26.

⁵⁴ *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 223-224 (Приложение V: Посещение Ибн ал-Азраком Дербенда в 549 / 1154 г.).

⁵⁵ *Общий обзор см.: Гамзатов Г.Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* *Сокровищница памятников письменности // Ежегодные иберийско-кавказского языкознания.* Тбилиси, 1982. Вып. IX.

⁵⁶ *Brockelmann C.* *Geschichte der arabischen Litteratur.* Weimar, 1898. Bd. I. S. 128.

⁵⁷ *GAL, SB, p. 531.*

⁵⁸ *Jacut's Geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wüstenfeld.* Leipzig. II, С. 478.

⁵⁹ *Обстоятельно о списках сочинений ал-Газали в Дагестане см.: Халидов А.Б., Шихсаидов А.Р.* *Ал-Газали в Дагестане.* (в печати).

⁶⁰ *Подробно о переписках см.: Шихсаидов А.Р.* *Дагестанцы переписчики арабских рукописей* (в печати).

⁶¹ *Аликберов А.К.* "Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаи" Мухаммада ад-Дарбанди как памятник мусульманской историографии (конец V — XI вв.). Автореф. канд. дисс. Санкт-Петербург, 1991. С. 7-8

⁶² *Саидов М.-С.* *Творчество дербентского учёного X в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса ад-Дарбанди / Рук. фонд Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Ф. 3 Оп. 1. Д. 94. С. 4-5.*

⁶³ *Аликберов А.К.* Указ. соч. С. 8.

⁶⁴ Там же. С. 14.

⁶⁵ *Запись на полях рукописи, принадлежащей М.-С. Саидову.*

⁶⁶ *Minorsky V. History of Sharwan and Darband in the 10-11 -th centuries. Cambridge, 1958; Заходер Б.Н. Рец. на книгу: Minorsky V. History of Sharwan and Darband // Проблемы востоковедения. 1959. № 2.*

⁶⁷ *Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. Рецензии : Czeglédi K. Minorsky V. Yistory of Sharwan and Darband in the X-th XI-th centuries. Cambridge. 1958 // Acta Orientalia. T.IX. Fasc. 3. Budapest, 1959. P. 329-333. См. также: А.Р. Шихсаидов. К истории изучения "Истории Ширвана и Дербенда" // Учёные записки Института ИЯЛ. Серия общественных наук. Махачкала, 1970. Т. 20.*

⁶⁸ *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 65-84.*

⁶⁹ *Derbend — Nameh or the History of Derbend, transl. from a select turkish version and publised... by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851. p. 559-677; Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника "Тарих Дагестан" // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977; Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. С. 85-108.*

⁷⁰ АКАК, II. С. 1077-1079.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Указатель имен

Абака-хан 321
Аббасиды, династия 206, 224
Абдаллах ал-Хашими 353
Абдалмалик ибн Бекбаре 236
Абдалмалик, халиф 203, 205
Абдалмалик, эмир Дербента 250, 275, 351- 353,
Абдалмалик, эмир Хайдака 243
Абдаррахман аз-Зирихгерани 410
Абдаррахман ибн Рабиа 200- 202
Абу-л-Фарадж Бар-Эбрей 383
Абу Бакр, халиф 197
Абу Бакр б. Ахмад Марвази 373, 405
Абу Бакр Мухаммад, сын Мусы, сын ал-Фараджа ал-Дербенди
265, 410
Абу-л-Музаффар Сейфаддин 365
Абу-л-Фида 124, 296, 309, 315, 355, 372
Абумуслим 213, 218, 219 224 — 226
Абумуслим, сын Саида 225
Абу Мухаммад ал-Касим ал-Харири 408
Абу Наср Исмаил б. Хаммад ал-Джаухари 408
Абу Тахир Йазид 351
Абу Убайд Ахмад б. Мухаммад ал-Харави 408
Абу Хамид ал-Гарнаги 218, 233, 236, 245-248, 258, 276, 321, 371,
372, 407
Абухвасро 362
Авар 239
Агафангел (Агатангехос) 123, 155, 123
Аглабиды, династия 207, 236
Адам, сын Абдалмалика 329
Адзар Нарса 244
Адриан 142
Адуд 252

Ак- Коюнлу 391
Александр, царь Грузии 368, 391
Александр Македонский 124
Али ибн Хайсам 351
Али ибн Хасан ибн Анак 243
Алиды, династия 207
Алилбек, "Кайтагский князь" 326, 359
Алимирза из Анди 322, 324
Аллах 197, 206, 208, 297, 336, 399, 406, 411
Алп-Арслан 370
Алп-Илитвер 156, 157, 203
Амир Ахмед, сын Масумбека 275
Амир Чуфан (Амир Чупан) 244, 300
Аммиан Марцеллин 153
Ананий Ширакаци 158
Андроник (ГандуникI) 368
Андуник-нуцал, сын Ибрагима 322, 323, 324, 330, 332
Антиох IV Эпифан 138
Антоний Марк 123
Антоний 142
Аргун 360
Арташир Санатрук 163
Арчил 362
Аршакиды, династия 141, 143
Асархаддон 105
Асильдар Аркассский 338
Аспагур 361
Афак 278
Афридун 252, 355
Ахемениды, династия 105
Ахмад ал-Хашими 250, 351
Ахмад б. Али Марвази (Марваруди) 259, 373, 404,
Ахмад б. Махмуд ал-Марвази 405
Ахмад б. Мухммад 352, 353
Ахмад, брат правителя Табасарана
Ахмад ибн Ибрахим ал-Йамани ал-Гумики (Ахмад ал-Йамани) 409,
410, 411
Ахмад, сын Абдалмалика ал-Хашими 280, 353
Ахмед-бек, сын Султан Ахмед хана 331, 359
Ах.с.б.р., сын Хиздана 244, 326, 328

Ашшурбанипал 105
Бабек 206
Багарат 361
Багратиды, династия 207
Бакиханов Абас-Кули-Ага 124, 306, 335
ал-Балазури 168, 169, 178, 205, 212, 238, 353, 381
Балами 159, 205, 213, 261
ал-Балхи 257, 272
Барбаро 315
Бартольд В. В. 335, 371, 372, 381, 385
Бассадж, сын Сулеймана 329
Батый 301
Бахрам 168
Баяр, сын Сураката 275
Бекбарс ибн Музаффар 236, 370
Бек-Кишихан 326
Берке-хан 301, 336
Б. з. р (Б. з. ц.) — шамхал 251, 328, 338
Б.рзбан (Марзубан ?) 251
Букдай 296, 297
Булач-нуцал 322, 323, 324, 332
Булгар 181
Бухт Йишо I 275
Бухт Йишо II 275
Вавилов Н. И. 30, 58
Валарш 143, 166
Валериан, римский император 143
Валид ибн Укба 211
Вараз-Трдат 157
Вардан Мамиконян 165, 166
Вардапет Гевонд 159
Васан 165
Вахан 165
Вахтанг Горгасал 362, 370
Вачаган II 144
Вачаган III 160
Ваче II 144, 155, 166
Виро 159
Гаджиева С. Ш. 374
ал-Газали 326, 338, 408, 409, 410

Газанфар 244
Газан-хан 302, 303, 357
Гасан Алкадари 215, 218, 219, 307
Гасанов А. 219
Георг V Блистательный 363, 367
Георги 368, 369
Георгий-Лаша 294
Георгий III 369
Герасимов М. М. 73, 84
Геродот 104, 105, 123, 136,
Гершасп I Фаррухзад 356
Гильом Рубрук 296, 299, 309, 390
Гипсократ 123
Григорис, армянский проповедник 144, 157
Гурам 167, 361
Гурги (Георгий) 367
Гургулау Иван, сын Гурги (Георгилау) 367
Гюзальян Л. Т. 405
Дарий I 105
Дарий II (Кодоман) 124
Давид 298
Давид Строитель 363, 365, 369, 370
Деметр 356, 365
Джалаладдин 272, 295, 356
Джамаладдин Йусуф ал-Ардабили 408
Джанибек 302, 320
Джаррах 204, 206, 208, 350
Джеваншир 144, 203
Джуаншир 370
Джучиды 356
Джэбэ 293, 294
Дмитрий Донской 305
Доминико Пиццигани 316
Домициан Цезарь Август Германик 142
Егише (Елише) Вардапет 124, 154, 177, 353
Екатерина II 367
Елук 294
Есваген 166
Захарий Митиленский 157, 172
Захарий Ритор 124

Закария ал-Казвини 245, 246, 272, 311, 317, 329, 334, 356Ю 357, 372
Заходер Б. Н. 182
аз-Зирихгерани
Зобер, албанский царь 141, 142
Ибн ал-Асир 294, 363, 385
Ибн Баттута 337
Ибн Кесир 336
Ибн Мискавейх 386
Ибн Саид 372
Ибн ал-Факих 124, 248, 334, 382
Ибн ал-Хаджиб 408, 410
Ибн Хаукал 124, 237, 261-263, 386, 396
Ибн Хорладбех 124, 247, 382, 367
Ибн Русте 224, 237, 239, 244, 276, 325
Ибрахим I Дербенди (Султан Кершасиб, шейх Ибрахим) 301, 308
Ибрахим ибн Султан Мухаммад ибн Кейкубад 358 - 360
Иван III 391
И.г'. р. л. з 329
Идрис, сын Ахмада 326
Идрисиды, династия 207
Иездигерд II 144, 154, 160, 161, 166, 167, 174,
Иездигерд III 161
Илитгай (Илишу, Елисей)
Ильча 359
Иоан де Галонифонтибус 308, 325, 327, 328
Иоан Эфесский 181
Иосиф Флавий 143
Иракий (Гьерекли) 368
Иса, пророк 224
Искандер Кара-Коюнлу 329
Исраэл 157, 184, 203
ал-Истахри 124, 223, 248, 253, 256, 257, 261-263, 271, 272, 382, 396
Исхак ибн Муслим ал-Укайли 204, 216, 222
Исфандийар 320, 321, 358
Ифтихар 321
Йазид ас-Сулами 207, 216, 407
Йазид б. Мазйад аш-Шейбани 350
Йазид ибн Усайд 215
Йазидиды, династия 216, 250, 350, 354,
ал-Йакуби 201, 215, 218, 221, 359

Йакут 215, 239, 247, 253, 254, 257, 258, 271, 367, 409
Йафет 363
Йусуф, сын Баба 264
Йусуф ал-Кубаши 410
Йусуф ибн Махмуд Гянджинский 356
Кавад (Кубад) 144, 167-169, 247, 396
Канидий 142
Кантемир Д. 371
Кара Коюнлу 360
Кара Юсуф 360
Картир 163
Картлос 361
Киакар, мидийский царь 105
Кир II 105
Киракос Гандзакци 293
Клавихо Руи де Гонсалес 306
Козубский Е. И. 326
Константин Багрянородный 383
Константин (Клушквант) 368
Контарини А. 312, 313, 391
Корюн 123
Котис, албанский царь 141
Красс 123
Крупнов Е.И. 110
Кудама 124
Куту Абу Мисак 401
ал-Куфи 201, 203, 208, 211-215
Куче-султан
Кяги, эмир 178
Лазарь Парбеци (Парбский) 123
Лекан 104, 125
Леонти Мровели 124, 125, 360
Лукулл 123, 142
Люций Юлиан Максим 142
Магалашвили М.А. 367
Мадий 105
Мазйадида (Йазидиды) 350, 35
Маймун, эмир Дербента 250, 38
Майсум, и. с. 275
Макар 371

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН

instituteofhistory.ru

ал-Мансур, халиф 207, 215
ал-Мансур, эмир Дербента 239, 343, 406
Марван, халиф 175, 204, 205, 208, 210-212, 220, 221, 225, 250, 253,
381
Марзбан б. Мухаммад 280
Маркварт Й. 181
Марко Поло 265
Марко Россо 391
Маркс К. 293, 304
Маслама ибн Абдалмалик 159, 175, 203 - 205, 208, 211, 214, 216,
218, 219, 221, 225, 248, 350, 407
ал-Масуди 162, 168, 169, 224, 237, 239-243, 246, 247, 249, 251, 253,
256, 266, 350, 352, 367, 381, 385
Масуд ибн Намдар 336, 355
Махмуд Хиналугский 326, 359, 360, 410,
Махмуд-бек Ахир 360
Менгу-Темир (Менгу Тимур) 301, 337,
Метродор Скепсийский 123
Минорский В.Ф. 383, 387, 389, 411
Минучихр 354, 355, 388
Минучихр ибн Йазид Хурмуз 355, 356
Мираншах 360
Михаил Сириец 181
Михаил Тверской 390
Михраниды, династия 144
Мовсэс Каланкатваци (Моисей Каланкатуйский) 123, 155, 156, 159,
165, 166, 169, 184, 329
Мовсэс Хоренаци (Моисей Хоренский) 123, 126
Муавия, халиф 201, 211, 216
Музаффар ибн Халифа 236
Музаффар б. ас-Сре 237
Муканис 205
Мунаджим баши 352, 358
Муса ат-Тузи 353, 388
Муслим ибн Саид 204
Мутаваккил, халиф 216, 350, 388
Муфаридж ибн Музаффар 239, 273, 274, 353,
Мухаммед, пророк 196, 197, 213, 224
Мухаммед, сын Абдаррахмана аз-Зирихгерани ал-Ашты 410
Мухаммад, сын Махаммеда 264

Мухаммед-бек 331, 360
Мухаммед Аваби Акташи 124
Мухаммед ал-Катиб ал-Гилани 264
Мухаммед ибн Йазид 250
Мухаммед ибн Марван 203
Мухаммед б. Йазид Ширванский 351
Мухаммад ибн Умар аз-Замахшари 408
Мухаммед ибн Халид 216, 222, 223, 351, 385
Мухаммед ибн Халид ибн Йазид 350
Мухаммед ибн Хишам 386
Мухаммадрафи 240, 244, 410, 412
ан-Навави 410
Нерон 142
Низаматдин Шами 305, 331, 337
Низам ал-Мульк 329, 334
Низами Ганджеви 278, 355, 357,
Никитин Афанасий 359, 341
Новосельцев А. П. 383
Ногай 301
Огуз 372
Октавиан, Октавиан - Август 142
Омар Хайям 358
Омейяды, династия 202, 203, 205, 211, 215, 224, 225
Орбели И.А. 404
Оройс, царь Албании 141, 142
Панин Василий 359, 391
Партатуа (Прототий) 105
Пахомов Е. И. 236, 264, 372
Петрушевский И. П. 291
Пимен Салос 367
Пир Мурад Руми — султан
Пируз (Фируз) 167
Плано Карпини 299
Плиний Старший 123, 156
Плутарх 130
Помпей 123, 141, 142
Посидоний 123
Птолемей Клавдий 123, 124, 138
Птолемей III Эвергет 138
Рашид, брат эмира Дербента 356

Рашидаддин 293, 295, 296, 298, 303
Р. в. м. (Б.р.м.), правитель Хайдака 243, 275
Ибн Русе 357
Саади 358
Сабит 216, 222
Садик Исфгани 124
Садриддин Сулейман ал-Лакзи 337
Саид, сын Худайшара 264
Саид ибн Амр Сайид 204
Сайфуддин Мухаммед ибн Халифа ас-Сулами
Салариды 280
Салар Ибрагим ибн Мирзабан ал-Дайлами 352
Салифан 243, 275
Саманиды, династия 205
Санасен - Санатрук 144, 154, 164
Сандаксатра 103
Саргон II 103
Сария, дочь царя Серира 239
Сасаниды, династия 143, 144, 161-170, 174, 178, 209, 396
Сау-Тегин (Шау-Текин) 271, 335, 370
Саффарицы, династия 207
Святослав 235, 260, 386, 387
Себухт 165
Сельджукиды, династия 236, 259, 291, 355, 373
Сефевиды 338
Сисак-Алу (Сисак-Арани) 126
Страбон 123, 124, 130, 131, 141, 155, 156
Субэдэй 356
Сулами (бану Сулайм) 227
Султан Ибрагим 225
Султан Каутар-шах 297
Султан Кершасиб см. Ибрагим I Дербенди 359
Султан Мухаммад, уцмий 326, 359
Сумбат Бивритиан (Смбат Бюрат) 143
Сурака (нуцал) 175, 200, 361
Сурака ибн Амр 275
ат-Табари 167, 184, 200, 204, 209, 221, 222
Таджаддин, сын Мусы Бакинского 360, 401
Тамара (Тамари) 360, 365, 369,
Таргитай 106

Таргомас 361
Таримгаз 321
Тахириды, династия 207
Теушпа 103
Тигран 167
Тимур (Тамерлан, Тимур-ланг, Тимур линг, Ала Тимур) 298, 304,
305-309, 317, 320, 321, 326, 327, 330, 331, 334, 337,
338, 358-360, 367, 398, 402
Токдай (Тама-Токдай, Муртад-Токдай)
Тохтамыш 304, 305, 309, 320, 337, 358
Траян 142
Трдат 124, 164
Тревер К. В. 124, 359
Тугдаме (Лигдамис) 103
Туда - Менгу 336
Тулуниды, династия 207
Туши 301
Удураг 339
Узбек (Узбекхан) 336
Узун Хасан 391
Урнаир 144
Усман, халиф 197
Фавст Бузанд 123, 154
Фалаки 355
Фарасман 143
Фарибурз 254
Фарибурз I ибн Саллар ибн Йазид 354, 355
Фаррух Ясар 335, 358-360, 391, 397
Федор (Гьедури) 368
Федоров Я.А. 374
Феофан Митиленский 123
Филипп Араб 143
Франциско 337
Хабиб ибн Маслама 291, 211
Хагани 355, 357
Хаджиали-шамхал 323
Хаджи Ахмад 401
Х.з.сан, сын Халифа 401
Хайсам ибн Мухаммед ибн Йазид 222, 250, 352
Хайсам ибн Халид 351, 352, 353

Хаким, сын Ибрагим ал-Лакзи ал-Хунлики ал-Дербенди 409
Халилов Дж. А. 124
Халилуллах 358, 359, 360
Халифа ибн Хаййат 205
Хамдуллах Казвини 124, 312
Хамза, дядя пророка 243
Хамза Исфাহани 178, 350
Харис ибн Амр ат-Тан
ХарутIун (Харитон)
Харун, сын Ахмада Ширини 409
Харун ар-Рашид 237, 350
Хасан, сын Мухаммеда 401
Хасан Сухраварди 338
Хатиб Тебризи 355
Хасан-бек 391
Хашим ибн Абдалмалик 211, 212, 221
Хашим ибн Сурака ас-Сулами 351, 353
Хашимиды, династия 207, 217, 236, 273, 354
Хозоних (Хузуних, сын Лекана) 241
ал-Хорезми 123
Хосров, армянский царь 154, 163-167, 238
Хосров I Ануширван (Кисра) 144, 167-169, 177, 178, 182, 184, 209,
254, 350, 352, 361, 396
Хосров I Аршакид 154
Хулагуиды (Ильханы), династия 300, 303, 373
Хурмуз ибн Минучихр ибн Йазид 250
Церетели Г. В. 367
Чикун, сын Кадир-бека 329
Чингизиды, династия 292
Чингисхан 292, 294, 328
Чолага 367
Чолокашвили 367
Шапур I 126, 143, 163
Шапур II 144, 163, 164
Шарафаддин Йезди 305, 351, 359
Шаргир, царь леков 144, 164, 177
Шахбал 328
Шахбани 170
Шахрам Ахмад ибн Мунабби 352
Шахрбарз 200

Шевкал 328
Эгрос 361
Эльчав Ахмед-бег (Эльча, Ильча) 331, 360
Энгельс Ф. 163, 196
Эратосфен 123
Эрос 361
Якубовский А.Ю. 386

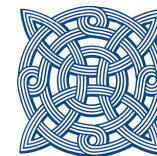
Указатель географических и этнических названий

Абаскун (Абескун) 262, 384
Абдел 157
Абивард 410
Абсийа 253
Абхазия 365
абхазы (абхаз) 167, 252, абхаз 239, 262, 355, 390
Аварское ханство (Авария, Хунзахское нуцальство) 161, 162, 219, 225, 226, 240, 279, 298, 306, 308, 314, 319, 321, 322, 323, 324, 330, 332, 337, 338, 339, 366, 412
Аварцы (маарулал, албы) 115, 125, 126, 244, 325, 328, 367, 368, 369
авар 157, 158, 185, 325, 327
Авгар (аугар) 157
Авир 296, 298
Агачкала 173
агулы 155, 162
Агульский район 226, 334, 399, 404
агутаканы 155
адыгея 296
адыги (черкесы) 231, 299, 306, 390
Азербайджан 66, 124, 125, 126, 130, 131, 131, 132, 137, 167, 201, 295, 360, 301, 305, 312, 313, 317, 318, 350, 355, 357, 358, 360, 374, 384, 400, 408
— Северный 91, 156, 162, 200, 203 - 209, 215, 226, 261, 295, 352
Азия 18, 62, 67105, 269, 292, 306, 315
— Западная 45
— Малая 49, 62, 94, 105, 127, 141, 300
— Передняя 8, 18, 28, 33, 35, 36, 41, 42, 44, 56, 81, 103, 104, 105, 107, 110, 114, 116, 123, 138, 141, 142, 143, 153, 185, 195, 198, 208, 224, 260, 261, 264, 269

— Средняя 11, 22, 23104, 105, 153, 163, 185, 195, 198, 208, 224, 260, 261, 264, 269, 274, 293, 300, 315, 316, 349, 396, 399, 400, 402, 405
— Центральная 153, 292
Азово-днепровский ареал 41
Азово-каспийские степи 155
Азовское море 384
Азовское побережье 104
Айдильго 11
Акаро 366
Акдаш 331
Акла 316
Аксай 183, 369, 394
Акташ 183, 369, 394
акуш 244
Акуша 30, 219, 246, 248, 307, 313, 327, 406
Акуша-Дарго 245, 248, 249
Акушинский район 9, 11, 17, 20, 26, 51, 95, 162, 246, 248
Акярский могильник 95, 96, 98, 103, 116
Алазано-беденская культура 76
Алазань 142, 156, 157
Алан (Ал-Лан, Алания) 168, 201, 204, 206, 239, 247, 253, 365
аланы (алан) 126, 127, 130, 142, 143, 153 - 158, 167, 168, 181, 186, 235, 237, 278, 294, 296, 325, 385, 389
Албана (Алван, Алу - Аху) 124
Албания Кавказская (Агвания, Алуанк) 123, 124, 125, 126, 127, 130, 131, 132, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 153 - 166, 170, 176, 177, 200, 202, 241, 245, 329, 372, 396
Албанские ворота 163
Албанские племена 126
Албанское государство 141
албаны (Албан, Алу-Аху) 156, 163, 165, 166
Алванк 126
Алджиганчай 157
Аллероевское 2-е поселение 104
Алмак 306
Алмало 34
Алонта 124
Алуанк см. Албания 166
Алханкала 309

Амазонки 125, 126
Амик (Гумик) 261
Амоль 265, 384, 390, 410
Анатолия Восточная 91
андаки 126
Андал (Анди) 53, 125, 322
Андалал 323
Андалус 384
Анди 294, 313, 317, 323, 369, 406
Андийская котловина 51, 54
Андийский хребет 125, 126, 141
андийцы 294, 323
Анджикала 182, 202, 218
Андрейаульское городище 127, 183, 266, 394
Антакия 177
Антиохия 163
Анцух 116, 400
Анцухская сторона 368
Анцухо-Капуча 323
Анчибачи 333
аорсы 127, 138
Апшерон 144
Арабский халифат 144, 170, 176, 177, 195, 197 - 207, 210, 213, 214 -
218, 233, 382, 390, 408, 410, 411
арабы 125, 186, 197 - 203, 207, 212, 214, 242, 244, 335, 336, 338, 372
Аравийский полуостров (Аравия) 195 - 197, 217
Аракс (Ар - Рас) 91, 104, 126, 261, 388
Аракул 404
Арани 51, 238
Арачалабек 26
Аргуданское городище 309
Аргун 125, 126, 130, 141
Ардабиль 293, 410
Аркас 116, 260, 307, 312, 313, 338, 395
Аркасское городище 108, 109, 110, 111, 114, 309, 338
— “Нах меэр” 106, 107
Арман 200
Арминийа, Армения 30, 38, 123, 127, 142, 143, 144, 153, 163 - 167,
200, 201, 203, 205, 206 - 209, 210, 211, 215, 226, 239, 241,
300, 350, 353, 361

армяне 104, 141, 142, 143, 144, 165 - 167
Арран 237, 239, 257, 261, 262, 300, 350, 353, 355
Артозень 246
Архиз Нижний 309
Аржинда 38
Архит 329, 404
арчинцы 125
Ассирия 105
Астрахань 300, 306, 313, 315, 316
асы 306, 357, 359, 368, 340 - 392
Атронатена 127, 143, 163
Аттал 403
Аух 306
Аухар 306, 327, 337
Афганистан 269, 300
Африка 7, 197, 207, 208
Ахалчи 366
Ахатлинское ущелье 73
Ахвах 157
Ахвахский район 51, 106
ахвахцы 126
Ахеменидская империя 126
Ахир 360
Ахты 170, 219, 225, 226, 254, 311, 318, 327, 329, 330, 331, 339, 359,
360, 398, 401, 404, 406
Ахтынский район 226, 332, 403
Ахтыпара 330
Ачису 51
Ачису поселение 95, 96, 99, 100
Ашагаг - аул 268
Ашага - стал 312, 313, 404
Ашали 51
Ашильга 404
Ашты 162, 245, 328, 338, 404, 406
Баб ал-абваб (ал-Баб , Баб вал - абваб, Баб ал - хадид, Дербент)
153 - 177, 181, 197, 200 - 216, 219 - 226, 235 - 239, 241 - 244,
246 - 253, 256 - 265, 271 - 274, 277 - 281, 293 - 297, 301 - 303, 305,
308 - 316, 318, 326, 336, 330, 334 - 337, 350, 351, 352, 353 - 360,
365, 368 - 373, 382, 385, 386, 391, 395, 396, 398, 401, 403, 407,
408, 410, 411, 412

instituteofhistory.ru

Бабюртовский район 105
Баб Вак (Дарваг) 207, 215
Бавугайское городище 394
Багар-ор 38
Багдад 261, 300, 355, 382, 408, 410
Баграсик 157
багулалы 323
Бажлук 243
Базараул 268
Базгун 157
Байда 184, 201, 206
Байлакан 293, 353, 388, 389
Бакдаули, река 20
Баклал (Батлук) 313, 321
Баклулал (Гумбет) 322, 329
Бакъаул 268
Баку (Бакуйя) 265, 320, 351, 355, 357, 359, 383
Балал 206
баланджар (беленджер) 167, 184
Баланджар, река 184
Баласакан 163
Баласичи 154
балкарцы 370
Балтийское море 381
Балх 197, 293, 395
Балхар 317
банджар 184
Барагинское поселение 266
Бардаа (Барда) 157, 201, 262, 350, 385
Барзандж 262
Барсилия (Берсилия, Берзилия) 181
барсилы (баслики) 155, 158
Басилы 154, 166
Басра 211, 216, 225, 316
Баглаич 51
Батлук 307, 366
Башлыкент 174, 184
Башлыкентское поселение 51
Башций 316
Бежга 116, 173, 395, 406

Бежтинский могильник 137, 276
Без аз андийу 177
Белая Вежа 235, 385
Беленджер (Баланджар, блнджр, бнджр) 158, 174, 184, 185, 201 -
205, 208, 212, 395
Белиджи 16, 157, 159, 173
Белиджинское городище 144, 185
Белозерские памятники 103
Бельга 68
Берикейский могильник 81, 96, 99, 107
Бет - Далу 161
Бешбармакские укрепления 141, 144, 167, 168, 357
Беюк-Даш, гора 142
Бильгади 206, 215, 407
Бильяр 316
Бирма 269
Боган 326, 334
Болгария Великая 180, 387
Боливия 58
Большой Зеленчук 365
Боспорцы 142
Ботлих 58
Ботлихский район 51, 54, 56, 58, 62, 68, 322
Брзабан (Марзубан) 249
Бру (Таргу) 207 -
Бугам (Боган, Буган) 241
Будуг (Будух) 353
Буйнакск 34, 77, 81, 174, 184
Буйнакская стоянка 26
Буйнакский район 51, 323, 338
Булахбашаул 268
Булгар 294
Булгария Волжская 175, 180, 185, 262, 316, 383
булгары (вхндур-булгары, "булгары черные") 158, 180, 186, 296, 384
бургар 157
буртас (буртасы) 181, 384
Бурх 316
Бурханкент 404
Буршаг 311, 400
Бутри 268

Бухара 293, 316
Бухх 169, 177, 213
Вавилония 105
Вантлашевский перевал 368,
Варачан (Вараджан) 154, 157, 158, 159, 171, 173, 174, 183, 184, 395
Вардан 331
Варде Груак 157
Варсан 251
Варсит 243, 338, 404
Вачи 51
Великая Монгольская империя 303
Великент 51, 55, 56, 75, 85, 92, 93
Великентская катакомба 56, 76
Великентская культура 66, 75, 76, 77, 93, 94
Великентский могильник 85, 89
Великентское поселение 62, 64, 75, 88, 89
Верхнегунибское плато 79
Верхнегунибское поселение 68, 69, 72, 79, 81, 82, 84
Верхнее Лабкомахи 51, 106, 107, 109, 116, 132
Верхнелабкомахинское городище 138
Верхнечирюртовское городище 183, 185, 394
Верхний Чирюрт 51, 57, 59, 73, 172
Византийская империя (Византия) 144, 153, 158, 161, 164, 169, 170,
176, 186, 197 - 199, 202, 205, 211, 212, 220, 365, 385, 389
Владимир 296
Волга (Хазарская река) 62, 124, 158, 159, 182, 185, 236, 265, 298,
300, 316, 381, 384, 385, 390
Волгоград 300
Волго - Донское междуречье 36
Восток 181, 213, 315, 316, 381
— Ближний 22, 23, 30, 42, 92, 159, 163, 171, 173, 176, 185,
195, 199, 213 - 215, 217, 218, 237, 260, 261, 274, 278,
292, 316, 336, 381 - 383, 385, 402, 409
— Дальний 292, 347
— Древний 41, 61
— Передний 105
— Средний 15, 29, 292
вятичи 181
Гав 165
Гавгамелы 124

Гагатль 51, 54, 56, 58, 85, 294
Газикумухское шамхальство 318, 327, 328, 330
Газикумухское владение (ханство, "область Газикумуклук") 162
Галгалатли 54, 62, 68, 80, 93
Галла 266
Гамри 246
Гамриозень 51, 55, 246
Гамсутль 400
Ганджа 252, 293, 295
Ганджуар 264
Ганзирское поселение 128, 131, 137, 139
Гапшима 51, 173
гаргареи (гаргара) 125, 155
гаты 157
Гатынкале 68
Геджух 9
Гелда 138, 173
гелы 125, 126, 155, 156, 166
Гельмец 334, 398, 404
Гельхен (Калхан) 225
Геме-тюбе 55
Гемри (Гимры) 367
Геничутль 366
Гента 401
Генторунское городище 128
Герат 408
Гергебильский район 402
Гера 408
Герейханова совхоз 138
Герр 124, 125
Герры 155
Гигатль, селение 106
Гидатлинская долина 36
Гидатлинское общество 323, 366
Гидатль (Гид) 323, 333, 366
Гильгинчайская (Шабранская) стена 144
Гильян 384, 388
Гильяр 58
Гимейди (Химейди) 251, 403
Гинга (Гента) 11

Гинчи 36, 38, 39, 40, 41, 44, 45, 68, 70, 71, 72, 93
Гинчинская культура 68, 71, 73, 75, 81, 93, 94
Главный Кавказский хребет 125, 126, 157, 368
глуары 154
годоберины 323
Гоно 51, 56, 92
Гоор 366, 400
Горная стена (Дагбары) 161, 168, 237, 396, 397
Горный магал (Горги-магал) 369
готы 153
Гочатль 172, 317, 322
Гочоб 400
греки 105
греция 163
грузины 104, 167, 363, 369
Грузия (Иверская земля) 30, 44, 76, 123, 124, 142, 144, 203, 239,
241, 252, 293, 294, 300, 316, 339, 356, 359, 361 - 363, 364,
365, 366, 366, 369
Губден 307, 398
гугары 154
гузы 237
Гуладти 311, 318, 398, 404
Гумбет см. Баклулал 268, 322
Гумбетовский район 51, 404
Гумик (Кумух, Газикумух, Казикумух, Газикумык, Гъумек,
Гъумучи, Гъумукъ)
114, 160, 162, 206, 218, 219, 225, 226, 235, 237, 239, 251,
252, 274, 281, 298, 308, 311, 317, 318, 322, 324, 326,
328, 329, 335, 336, 337
гундзи (гГунзи, хундзи, хунзахцы) 299
Гунибский район 20, 22, 26, 33, 38, 51, 68, 95, 106, 107, 108, 267,
268, 402, 404
Гунское объединение 154
гунны 141, 144, 153 - 155, 158, 159, 165, 166, 171, 173, 181, 183, 184
гунны-савиры 159
гунны-хайландурки 154, 156
Гуннская держава 153, 154
Гылвар 165
Гюльгеричай 125, 162, 273, 311, 334
Гянджа 355, 356, 388, 389

Дагестан 1 - 9, 11, 15 - 17, 19, 20, 22 - 31, 33 - 38, 40 - 46, 49 - 52,
54 - 59, 61 - 66, 68 - 75, 78, 79, 81 - 94, 95, 98, 103, 104,
106 - 112, 115, 123, 124, 126, 127, 129 - 141, 143, 144,
152 - 166, 169 - 173, 176 - 178, 183, 195, 198 - 202, 205 -
209, 212 - 226, 233 - 248, 252, 255 - 272, 277 - 279, 292,
294 - 296, 297 - 300, 304 - 319, 321, 322, 325 - 336, 337,
338, 349, 450, 355 - 358, 360 - 375, 381, 382, 387 - 406,
409, 410 - 412
— Внутренний 178
— Высокогорный 112, 140, 246
— Горный 106, 108, 122, 125, 140
— Западный 125, 268, 368, 348,
— Нагорный 161, 210, 298, 300, 325, 365, 400
— Предгорный
— Прикаспийский 155, 158, 172
— Приморский 127, 144, 153, 158, 172, 178, 182, 279, 322,
329, 336, 404
— Северный 95, 154, 178, 181, 182, 185
— Центральный 95, 125, 298, 402, 404
— Южный 94, 95, 103, 107, 125, 140, 157, 162, 216, 226, 278,
298, 326, 353 - 356, 391, 398
дагестанские племена 111, 113, 114, 116, 127
дагестанцы (“лесги”, “лазгины”, “лезгины”) 115
Даду (Бег Даду) см. Дидо 157, 172
Дай 68, 211, 214
Дамаск 211, 214
Дарваг 403
даргинцы (даргал, дарги, даргилар, даргиви) 125, 159, 241, 327
Дарго (Дарга) 307, 308
Дарки 305
Даркуш 298
Дарьяльский проход 127, 143, 301
Датуна 366, 400
Дахадаевский район 51, 241, 328, 338, 399, 403, 404
Двалетия 365
Двин 295
Дейлем 261, 382, 384
Дейнавар 167
Демирчи 353
Дербент см. Баб ал-Абваб 51, 75, 92, 96, 103, 107, 108, 124, 128, 131,

138, 141, 143, 144
Дербент Ширвана (Дербент Баку, Демир-капу) 127
Дербентская стена 144, 154, 396
Дербентский курган 99
Дербентский могильник 98
Дербентский оборонительный комплекс 161, 167, 170, 177, 396
Дербентский проход (дефиле) 103, 104, 127, 138, 142, 159 - 164, 167, 296, 301
Дербентский район 9, 16, 51, 55, 75, 397
Дербентское городище 138
Дербентское княжество (эмират) 235, 237, 264, 313, 320
Дергели 307, 308, 340
Деркели 307
Дешт-и Кипчак 356, 370
Джагатайское государство (улус) 300
Джазира 203, 211, 215
Джар 226
Джасар, Самур 262
Джафуг 266
Джемикент 93
Джелараиды 315, 320
Дженгутай 268, 322, 323
Дженгутайаул 268
Джибахин 404
Джидан (Хайдак) 162, 233, 242, 407
джики 143, 370
Джилан (Джилъ) 262
джилбы (джигбы) 143, 163
джмрдж(Хумрадж) 241
Джулат 301, 306, 390,
Джули 251, 317, 404, 406
Джурджан 167, 201, 261, 382, 384, 386
Джуручула 13
Джучиды, династия 315, 321
Дзиравское поле 164
Дидо (дидон, диды, дидуры, Дудания, цезы, цунтинцы) 125 - 127, 143, 155, 156, 161, 167, 223, 361, 363
Динавар 410
дирмар 157
Днепр 181, 294

ДНКС (Дибгаши) 383, 246, 247, 249
Докузпара 326, 330, 331, 360
Дон 153, 176, 181, 185, 198, 206, 236, 306, 384, 385, 387
Дорголи аул 268
Древнерусское государство 381, 382, 386, 387
Древняя культура 92
Дудания см. Дидо 169
Дузани 26
Дунай 181
дурдзуки 143, 167, 361
Дусрах 402
Дюбек (Туйак) 205, 251
Евразия 16, 41, 50, 100, 106
Европа 4, 6, 8, 62, 104, 127, 269, 316, 357
— Восточная 44, 104, 127, 152, 153, 185, 198, 292, 294, 298, 315, 382, 390
— Юго-Восточная 44, 103, 112, 116, 126, 171, 173, 176, 182, 213, 214, 260, 278, 315, 370, 381 - 383, 394
егерваны 154
Египет 49, 61, 105, 138, 211, 408,
Ереван I 13
Ерси (Ирси) см. Йерси 250, 251, 354, 403
Жолаги 395
Жувутаул 268
Закавказье 6, 9, 13, 33, 36, 39, 41, 44, 56, 62, 63, 93, 101, 104, 105, 107, 112, 116, 123, 138, 141, 143, 144, 153, 159, 163 - 166, 176, 185, 197 - 201, 208, 211, 237, 238, 260, 261, 293, 296, 301, 304, 308, 368, 382, 385, 386, 402
— Восточное 28, 44, 91, 143
— Центральное 91
— Южное 91
Закатальский округ 362
Занджан 410
Зандакский могильник 95, 98, 99
Запад 213, 315
Западно-тюркский каганат 158
Зарат 354
Захур см. Цахур
Зеленчук
Земля Хадак см. Хайдак

Зиль 251, 260, 329, 399, 403, 406
 Зирдаг 404
 Зирихгеран (Зирикаран, Зирихкаран, Зерекеран) 160, 162, 169, 172,
 174, 177, 178, 206, 210, 213, 224, 244 - 249, 258,
 260, 261, 308, 317, 326, 338, 355, 367, 371, 372, 395
 зирихгеранец (кубачинец, угбуган) 245
 Золотая Орда 274, 300 - 302, 305, 306, 309, 311, 320, 330, 335, 336,
 337, 357, 373, 390,
 Зубанчи 406
 Зуклан 244, 246, 248, 249
 Зулера 267, 326
 Зулеран-хуър 267
 Иберия 126, 142, 143, 163 - 165
 иберы 141 - 144
 иверская (грузинская) земля 368
 иверцы 163
 иджамахи 154, 155
 Избербаш 159, 372
 Ильская стоянка 13
 Имеретинская культура 42
 Ингердах 51
 Ингушетия 92, 126, 172, 306, 365
 Индия 49, 198, 261
 индо-иранцы 106, 115
 Индонезия 269
 Инчхеозень 77
 Иори 124
 Ирак 23, 197, 208, 211, 236, 252, 261, 300
 Иран 21, 23, 44, 95, 144, 158 - 170, 176, 178, 197, 198, 208, 211, 212,
 214, 224, 269, 295, 300, 312, 315, 338, 364, 396,
 399, 400, 405, 408
 — Восточный (Хорасан) 293
 — Северный 42
 — Южный 163
 ираноязычные племена 103, 123
 Ирганай 68, 93, 132, 312, 313
 Ирганайская долина 68, 92
 Ирганайский могильник 70, 72
 Ирганайское поселение 68, 69, 71, 80, 81
 Ирчамул (Урчамиль) 243

Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ЦИ РАН

instituteofhistory.ru

Исонды 155
 Испания (Андалус) 198, 383
 Испик 317, 404
 Истахр 163
 Истисуаул 268
 Исфахан 410
 итальянцы
 Итиль (Атиль) 182, 185, 235, 262, 384, 386
 Итля 241
 Ихрек 334, 398, 404
 Ицари 360, 401, 404, 406
 Ичкерийский вариант 68
 Ичкерия 126, 306
 Йакублу 331
 Йасриб (Медина) 196
 Йемен 198, 411
 Йерси (Ирси) 205
 Кааба-и-зардушт 126, 143
 Кааба Зороастра 163
 Кабалака (Кабала) 141, 160, 201, 352
 Кабардино-Балкария 46, 306
 Кабк (Кабх, Кавказ) 168, 249, 352, 353, 354, 361, 374
 Кавказ 3, 6, 8, 9, 11 - 13, 17, 20 - 23, 25, 33, 36, 42, 44, 62, 64,
 81, 90, 91, 92, 114, 123, 132, 143, 154, 161, 162, 163, 164,
 195, 202, 207, 215, 239, 260 - 264, 274, 292, 308, 309, 327,
 389, 392, 394, 411, 349
 — Большой 6, 9, 44, 125, 156
 — Восточный 6, 7, 29, 44, 94, 103, 105, 123, 124, 126,
 161 - 163, 166, 168, 169, 195, 198 - 205, 207, 208, 210,
 220, 233, 236, 238, 241, 262, 278, 301, 302, 336, 350,
 359, 381-383, 387, 388, 396, 411, 412
 — Западный 9, 28, 365
 — Малый 126
 — Северный 3, 6, 12, 16, 20, 21, 28, 35, 36, 46, 49, 62, 86, 92,
 103, 104, 105, 116, 123, 126, 127, 138, 152, 153,
 158, 159, 163, 164, 170 - 176, 178, 180, 182, 184, 186, 198, 199,
 201, 203, 205, 209, 211, 217, 255, 260, 278, 293, 295, 301, 303,
 306, 315, 316, 337, 349, 363, 364, 365, 367, 368, 370, 373, 381,
 382, 385, 390, 392
 — Северо - Восточный 7, 9, 15, 30, 31, 33, 34, 35, 36,

40 - 46, 65, 66, 75, 90, 91, 93, 94, 101, 103, 123, 130, 152,
155, 158, 178, 182, 218, 234, 296, 365, 391
—Центральный 105, 296
—Южный 92

Кавказские горы
Кавказские племена (народы) 104, 127
кавказионы 153, 361
Кавказский проход
Кавказский хребет 105, 163, 234
Кавказско-переднеазиатская зона
Кадар (Гадар) 307, 311, 313, 404
Казанище (Козанич) 369
- Верхнее 173
Казадыкамские выходы сидерита 95
Казбековский район 51, 323
казикумухи (лакцы) 325, 327
кайтаги 305, 326
Кайтагский район 9, 51, 241, 401, 403, 404, 406
Кайтагское уцмийство 319, 390
Какала-кадала-хар 26
Калакорейш (Кала Курайш, Каракорейш) 162, 243, 244, 260, 311, 318,
326, 338, 339, 395, 399, 403, 404, 406
Каласувар 207, 215
Калининаул 51
Калка 294
Калхан (Гельхен) 225
Кама 381
Камах 251
Камбисен (Камбис) 124, 160
Камибаран 201
Капкайкент 95
Каппадокия 103, 127, 143
Капчигай 306
Карабудахкент 11, 51, 116
Карабудахкентский могильник 132, 137
Каракюре (Калакура) 260, 334, 399, 406
Карата 106, 323
Каратинский могильник 106, 116
каратинцы 321, 323
Карах (Уркарах) 223, 234, 242, 248; 249, 313, 320, 334, 338, 339,

403, 412,
Карацан 51
Карачаево-Черкессия
карачаевцы 370
Карлабко 51
Картли 365
Карчагский могильник 96, 404
Кас (Кайсий) 124 - 126
касоги 235
Каспиана, XI сатрапия ахеменидской империи 105
каспии, племена 125, 136, 143
Каспий см. Каспийское море 6, 7, 43
Каспийские ворота 142, 153, 157
Каспийский пролив 127
каспийский тип 44
Каспийское море (“Дарубандское море”) 7, 11, 17, 20, 21, 42, 123,
124, 142, 155 - 158, 167, 181 - 183, 185, 198, 205, 207, 236,
237, 260, 263, 315, 316, 357, 367, 383, 384 - 386, 390
каспы 155, 163
Катакомбная культура 92
катеши 166
Катрух Нижний 369
Кафа (Феодосия) 316
Кафиркумух (Кафиркумык) 77, 81, 84, 86, 368
Кафиркумухская гробница 85, 90
Кафиркумухский могильник 85, 89
Кахетия (Хахит) 44, 316, 365, 381
Кахиб 366, 401
Кахский район 157
Каякент 55, 75, 77, 88
Каякентский район 51, 55, 77, 95
Каякентское поселение 51, 58, 62, 90
Каякентско-хорочевская культура 77, 78, 80, 84, 93, 94, 98
Каялик 300
Кванада 366
Кейсария (Мадаин) 163, 211
Келебское общество 162
Керавнские горы (хребет) 124 - 126, 141
Керман 261
Керченский пролив 387

кеты 125, 126
Киев (Куюба) 296, 383
Кижани 51
Кизилпортовский район 51
Кизляр 182, 185
Кина 369
Киннисрин 211
Кипчакетия (кипчак) 239
Кипчакия Великая 294
кипчаки (половцы) 278, 294 - 296, 356, 374
Китай 49, 312, 357
— Северный 153
Клухорский перевал 104
Кобасо 316
кобанская культура 107, 114, 116
кобанские племена 116
Кобистан 142
Кодорский перевал 368
Козары (хазары) 236, 386, см. хазары
Козьманохо 20, 22, 43
Койсу (Къойсу) 184, 305, 315, 372
— Аварское 20, 63, 237, 322, 366, 369, 400,
— Андийское 63, 322,
— Казикумухское 95, 125, 140, 251, 298
— Кара Койсу 95, 369
Кокмачайские выходы сидерита 95
Коломна 296
колхи 142
Колхида 17
Комек 390
Конахкенд 353
Канийский султанат
Константинополь 365, 383 - 385
Корода 398, 401, 402
Кособ 401
Кочхюр 226, 318, 398
Крестовый перевал 103, 104
Крым (Кирими) 11, 181, 185, 296, 315, 316, 387
Ктезифон 163
Куба 225

Кубань 104, 153, 172, 174, 301, 365
Кубачи (Угубаже, Угъубаже, Гъубаже) 162, 226, 233, 244, 245, 259,
311, 318, 338, 358, 372, 398, 402, 404, 406, 408
кубачинцы (угбуган, угбуг, угъбуг, угубаже, угъубаже, гъубаже)
Кубене 306, 316
Кугский могильник 95, 98
Кудутль 402
Кулас 157
Кулзум
Кулецма 51
Кулецминское городище 128
Кули 51, 306, 401
Куликово поле 303, 390
Кулинский район 95, 106, 251
Кулкул 329
Кулла 402
Кума 124, 127, 185, 254, 306
кумыки 244, 306, 328, 370, 374
Кумыкская равнина 268, 374
Кура (Кира), Кур 91, 124, 126, 142, 165, 201, 206, 263, 331,
356, 368, 385
Курах (Крк) 225, 253, 273, 279, 317, 329, 356Ю 360
Курахский район 226
Курдж (Карах) 247, 249
курджи 363
Курдистан 300
курды 363
Куриар (Къуриар) 267
Курклинский могильник 132, 140
Куро-аракская культура 66, 74, 91, 92, 93, 94
Куруш (Куруз) 225
Кутишинское городище 131
Куфа 211, 216, 410
Кучраб 51
Къорилам 125, 126, 141
Кюльтепе 36
Кюринский округ 219
Лайзан 215, 254
Лакз (Лакзан) 125, 160, 162, 169, 177, 178, 201, 205, 206, 209, 210,
212, 213, 215, 218, 223, 246, 247, 250 - 254, 257, 258, 271, 273,

275, 281, 328, 329, 337, 352 - 355, 367, 381
— Восточный 328
— Западный 328
лакзы (лагзы) 268, 293, 294, 351, 365
лаки (лакцы, вулеги, вулугани, вулеко, лакбу, тумал, тумай) 125, 156, 159, 162, 244, 327
Лакский район 226, 251
Лахидж 353
Лбины (Лупени, Лпиния, Лупени) 125, 126, 143, 155 - 157, 159, 160, 163, 165, 166
Левашинский район 11, 20, 51, 54, 140, 246, 248
леги, леки 104, 125 - 127, 141, 143, 153, 155, 156, 162, 164, 167, 177, 325, 361 - 363
лезгины 156, 162, 244, 294, 299, 327, 357, 390
Лезгистан 125
Лекзистан 302
Ленинкент, селение 106, 116
Ленинский район 11, 51
лесги (лезги) 299
Лидия 103
Лиран 169, 177, 247
Лица 268
Ломеки (Терек) 154
Лучек 365, 404
Львовские хутора 127
Мавараннахр 207, 211, 399
Магарамкентский район 51
Магудере 298
Мадаин 177, 211
Маджалис 244
Маджары 185, 306, 316
мадьяры 181
Мазада 401
Майкопская культура 86, 92
Мака 225
Макинский могильник 115
Малин карат 38
Мамайкутан 55
Мамайкутанское поселение 51
Мамаораул 268

Мамисонский перевал 103, 104
Маммаульское городище 128
Мамрашское поселение 51
Манас, ж.-д. ст. 51, 75, 93, 127
Манаскент 73
Манасозень 11, 51
Манасская катакомба 84
Манасский могильник 77
Манна 105
Марага 207, 215, 251, 295, 300, 304, 407
Мардакян 360
Мариупольская культурно — историческая общность 44
масаха-гунны 155
Маскат (Мушкур) 155, 169, 201, 213, 247, 351, 388
Маскутское царство 143
маскуты 141, 143, 144, 153 - 158, 166, 184
массагеты
Матамир 221
Матраха (м. т. р. х.)
Махачкала 3, 11, 34, 51, 153, 203, 255
Махелония 126, 143
Мачада 318
Маяк 51
М. гункур
Медина 190, 410
Мекеги 20, 51, 54, 59, 248, 307
Мекегинская стоянка 22
Мекегинское поселение 58
Мекка 196, 197, 410
Мерв 211, 259, 373
Мермодаль 126
Меседилмицирское городище 128
Месопотамия 44, 49, 61, 163, 300, 407
— Верхняя
— Северная 94
Местерух 51
Мегаги 403, 407
Миарсу (Майсугьатан) 322
Миатли 73
Миатлинское поселение 266

Индия 105, 143
Мики 125, 307
Миках 390
Микик 369
Микрах 178, 317, 331
Мингечаур 131
Мискинджи 331
Митаги 207, 215, 403, 407
Мичигич 306
Мичигичаул 268
Мишлеш 311, 318, 329, 398, 401, 404,
Мкс.Магас 296
Мокок 400
Моллакент 95
Монголия (Монгольская империя) 153, 292 - 294, 300
монголы 292 - 296, 315, 329, 338, 370, 412
Москва 296, 391
Мосул 211
М. т. р. ха 321
Муган 301, 388
Мугерганская культура 98
Мугерганский могильник 95, 98, 101, 103, 107, 110, 116
Муги (Муха) 95, 248, 308, 338
Музаффариды. династия 315, 320
Мукан 254
Муканийа 352, 355
Муни 401
Муслах 311
Мусрух 400
Мутагир 207, 215
Мучу-бахил-бакли 38
Нальчикский могильник 36
Нара-тюбе 106
Нахичеван 36, 293, 304
Нахраван 205
неандерталец 13
Нергес 307
Нижнесигитминское поселение 95, 128
Нижнечуглинское городище 131
Никопсия 363

Нишапур
Новгород 383, 398
Ногайская степь 35
Ногайский район 105
Обода 366, 394
Овсетия (Северная)
овсы 143, 153, 167 (оссы), 361
Олонды 154
Оногуры 154
Орга-стал 404
Охлинское городище 128, 309
Паласасыртский могильник 127
Палестина 23, 91, 105, 197, 205, 211, 212
Партав 141, 159, 166
Парфия 127, 143
парфяне 130, 138, 142, 143
Парфянское царство 163
Пасык (Посык) 165
пашаники, пачаники 143
Пенджик 251
Пероз Кавад 157
Персия 105, 144, 166 - 168
персы 105, 143, 155, 164, 166, 200, 361
Перу 58
печенеги (пачагаки) 214, 235, 370
Поволжье 137, 152, 159, 173, 176, 181, 182, 198, 234, 260, 261, 306,
349, 368, 382, 387
— Нижнее 138
Подонье 137, 138, 159, 181, 234
Подунавье 153
позднесрубные памятники 103
поляне 181
Похи 154
Предкавказские степи 104, 105, 123, 142
Предкавказье 35, 36, 42, 104, 158, 172, 185, 258
— Восточное 158
— Центральное 44, 45, 125, 127, 154, 172, 370
Приазовье 180
Прикаспий 44, 158, 183, 374
— Западный 21

— Северный 42
— Северо-восточный 35, 42
— Северо-западный 35, 42, 164
— Юго-восточный 33, 42
— Южный 22, 35, 42, 45, 262
Прикаспийская низменность 17, 140, 153, 154, 258, 293, 314
Прикаспийская торговая дорога 127
Прикаспийский коридор 106
Прикубанье 9, 13, 17, 92, 181, 374, 387
Прикуринская долина 137
Приморская низменность 35, 55, 90, 98
Приморская равнина 7, 57, 51, 131
Присулакская культура 66, 73 - 75, 93, 94
Присулакские выходы сидерита 95
Причерноморская культура 42
Причерноморские степи 105
Причерноморье 9, 17
    — Кавказское 9
    — Северное 23, 49, 103, 104, 114, 138, 152, 153
прокован 175
пховы 363
пшавы 363
Пятигорье 172, 306
Ра 124
ар -Рас
Рей 261
Рейн 62
“Река овец” 372
Рим 141, 142, 144, 383, 384
Римляне 130, 142, 143, 144, 181
Римская империя 145, 163, 164
Рича (Риджа, Баб ал-кист Риджа) 225, 263, 297, 298, 311, 318, 329, 371, 398, 400
Россия (Российская Федерация) 3, 4, 92, 130, 315, 364, 381, 391, 392
Рубас 156, 161
Ругуджа 22, 38, 45, 51, 106, 108, 267, 366, 401, 402,
Рукель 215, 403
Руклан (Заклан, Зуклан) 248
русские 294, 365, 390
русы 235, 263, 314, 354, 356, 382, 383, 389

Русь (Русское государство) 294, 349
Рутул 318, 329, 398, 401, 404
Рутульский район 272
рутулы 125, 155, 162, 367
Рязань 296
савиры (сабир, сувар) 153, 154, 157, 158
савроматы 105
Сага-цука 17, 27
Сакажиа 13
Саксин 265, 301, 390
Салатавия (Салаватский округ) 268, 306, 308
Саламээр (Салатау, Салатавские горы) 306, 322
Салар - орды 331
Сальяны 357
Самарканд 293, 316
Самарра 261
Самкарце (Тмутаракан) 385
Самур 125, 155 - 157, 162, 219, 225, 253, 254, 273, 303, 305, 310, 311, 327, 329, 334, 351, 352, 359, 360, 381
Санкт-Петербург 371
сарагуры 154
Сарай -Багу
Сарай ал-джадид 300, 316
Сарай-Берке 300, 306, 336, 390
Сарацины (лесги)
Сарир (Серир) 160 - 162, 169, 175, 178, 204, 298, 210, 212, 213, 235, 237, 247, 256 - 258, 266, 271, 272, 276, 278, 281, 321, 326, 353, 354, 367, 371, 372, 382, 385, 412
сариршы (сериры) 168, 389
Саркел (Белая вежа) 181, 235, 386
Сарматия Азиатская 124, 155
сармато-аланские племена (кочевники) 123, 127, 142, 143
сарматские племена 126, 127, 130
Сасанидская империя 163, 167, 168, 178, 182, 197
Сасах 316
Северная Осетия 91, 306
Северокавказская ИКО 98
северокавказские (племена, население) горцы 104, 127, 143
Северокаспийский культурный ареал 42
северяне 181

Севиля 383
сельджуки 373, 405
Семендер (Самандар, мсндр) 144, 158, 173, 181 - 185, 201, 206, 224,
226, 235, 238, 240, 247, 257, 258, 262, 263, 334, 382, 386, 395
Серав 243
Сергокалинский район 11, 51
Серженьюрт 116
Сероглазовская культура 42
Сибирь 158, 358
Сигитма 54
Сигитминское поселение 54, 55, 62, 74
сильвы см. чилбы 155 - 157
Синдан 248
Синопа 103
Сирия 23, 91, 94, 105, 163, 197, 201, 205 - 208, 211, 212, 215, 216,
328, 381, 408
Сиртичский могильник 95, 98, 132, 136
Сиртичское поселение 128, 131, 137
Сирургур 157
сиясиджин 169
Сиях - Кух 386
Скандинавия 62
Скифия 181
скифо - сибирский мир 114, 116
скифские памятники 106
скифы 94, 103 - 107, 114, 116, 123, 130, 139
славяне (саклаб) 186, 381, 384
СНГ, СССР 130
Соана 124 - 126
Согратль 109, 116, 402
Соды - Исонды 125, 126
Сона 125, 126
Сондас, Тсондас 125
Средиземноморье 49, 141, 195
— Восточное 44
Старолескенское городище 309
Старый свет 7, 25, 49, 56
Старый Чиркей 51, 52, 73
Сувар 247
Суздаль 296

Сукутлу 331
Сул (Чора)
Сулак (Овечья вода) 52, 54, 71, 73, 109, 124, 125, 155, 172, 181-184,
237, 255, 266, 301, 306, 310, 315, 323, 394
Сулевкент 245
Сулейман - Стальский район 51, 138, 403
Султанийа 325
Султанянгиюртаул 268
Сулут 354
Сумбатлинский могильник 131, 132, 140
Сумбатль 268
Сунджа 125, 301, 305
Сурамский хребет 17
Табаристан 261, 265, 382, 384
Табасаран (Табарсаран, Таваспаран, Тафсаран) 137, 140, 157,
160 - 162, 165, 168, 169, 172, 178, 201, 206, 208 - 212,
215, 218, 219, 223, 236, 235, 238, 247 - 251, 256, 258,
262, 276, 316, 322, 324, 326, 334, 352, 353, 354, 360,
388
табасараны (тапатараны, таваспары) 141
Табасаранский район 399, 404, 403
Тад раал 366
Тадшоб 52
Тала 226
Тама 311, 398, 404
Таманский полуостров 180, 185, 387
Тамань 180, 185
Тана 315, 390
Танаис 127, 138, 181
Тануси 240, 241, 325, 372
Таргомсиане 104
Таргу (Таку) 51, 138, 322, 390, 395
Таргунское городище 128, 129
Тарки 144, 182, 268, 203, 211 (Таргу) 305, 310, 312, 316, 326, 369
Таркинский могильник 137
Таркинское селище 394
Тарнаир 26, 34
Тарнаирское стоянка 34
Тарс 163
Тарумовский район 105

Татар-гуп 301
Татарханхюр 298
татары 294, 296, 299, 391
Татиль 251, 404
Тауаул 268
Таус 306
Тбилиси (Тифлис) 93, 295, 261 (Тифлис),
Тверь 328
Теберда 365
Тебриз 295, 300, 304
Теймур-йолу 307
Текиндагские выходы сидерита 95
Телейба 138
Телетль 402
Терек (Терку, "Терху река") 124 - 126, 130, 141, 153, 154, 182, 251,
301, 302, 305, 306, 316, 368, 387, 390, 394
Терекли-Мектеб 26, 34
Терско -Сулакская низменность 34
Терско-Сулакское междуречье 140, 172, 181, 255, 266, 314, 375, 394
Техут 36
Тидиб 36, 56, 366, 400, 401
Тидии 125
тиды - тиндинцы 126
Тимур кахалка (см. Дербент)
Тимуриды, династия 315
тиндалы 311
Тинди 313, 366
Тисбон (Ктезифон) 163
Титал 329
Тленсерух 323
Тлондода 366
Тлурутли 323
Тляртинский район 401, 404
Тмутараканское княжество 365, 387, 389
Тобобашаул 268
Топрахкала (Турпахкала) см. Белиджинское городище 157, 159, 173,
174
Тпиг 267, 311, 327, 398, 399, 404, 406
Триалетская культура 42
Трисанчи 51

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Туман. тумал 162, 312, 313
Туман (Гумик) 162, 172, 206, 210, 237
Туриги 327
Туркестан (Туркмения, Турмения Южная) 293, 400, 405
Турция 315, 364
Турчидагское (Кегерское) плато 20
Тушетия 316, 361, 362
Тюменский город 368, 369
Тюмень (Тюменаул) 368
тюрки (тюрки — османы) 153, 158, 167, 168, 201 - 204, 370, 372, 373
тюрки-болгары 158
Тюркский каганат 158, 165
Тютяков город 390
Угоры 154, 186
удины 125, 127
Удон (Уд-дан) 124, 127
Уллубийаул 158
Уллучай 51, 55, 241, 255, 311
Унцукульский район 68
Урада 400, 406
Урари 311
урарты 103
Урванское городище 158, 173, 174, 184, 309
Ургенч 316
Урма 11
"урмане" (норманы) 383
Уруп 365
Урцекский могильник 111, 114, 116
Урцекское городище 11, 128, 136 - 138, 395
Усиша 9, 11, 30, 307, 308, 313
Усишинское поселение 68
Ускуджа (Ускиша) 307, 308, 338
Усуг 225
Утамьш 60, 77, 86
Утамьшские курганы 77
утидорсы 127
утии (уды) 155
Учбулахаул 268
Фабилака 138
Фарс 170

Фиавна 138
Фий 311
Филан 160, 162, 169, 177, 178, 201, 206, 209, 212, 215, 234, 237, 238,
244, 246 - 249, 320
Филбис 138
Фите 226, 260, 311, 404
Фригия 103
Фурдук 267
Фустат 211
Хабада (Хабаринский могильник) 68, 106 - 108, 110, 112, 114 - 116,
132
Хадак 208
Хаджалмахинское поселение 51
Хазарская река (Волга) 384
Хазарский каганат 144, 172, 178, 183 - 186, 202 - 206, 231, 234 - 241,
257, 258, 260, 278, 294, 374, 375, 381 - 384, 386 -
389
Хазарское море (Каспийское море) 296, 309, 353, 382, 384
Хазары 141, 155 - 158, 166 - 168, 181 - 186, 199, 201 - 209, 212,
235 - 237, 241, 248, 278, 351, 361, 384 - 387
Хайдак (Хайдан, Хандан, Джанда, Хамзин, Кайтаг, "Кайтагская
сторона") 118, 160, 162, 172, 205, 206, 208, 218, 219,
223, 224, 235, 237, 241 - 246, 248, 249, 276 - 298, 305, 311,
322, 323, 324, 325, 326, 330 - 332, 338, 359
Хайзан 201, 241, 248
хайландурки 154, 166
Хамзин 172, 206, 210, 241
Хамидиевское городище 309
Хамлидж 382
Хандан, город 205, 224, 276, 332
Ханлар 131
Харитани 26, 33, 40, 41
Харкас (Аркас)
Хасавюрт 73, 114, 127
Хасавюртовский район 105
Хачмасско-кубинский район 91
хачматаки (хечматаки) 141, 154, 155, 165, 166
Хбук (Хпюк) 329
хваршины 322
хевсуры 363

хелы 155, 156
хеноки 155
хибиованы 166
Хибитар 329
Хив 251, 297, 311, 398, 402, 404, 406
Хивский район 404
Хили 251
Хили — Пенджик 251, 404
Химс (Хомс) 211, 214
Хиналуг 126
Хиналуги-кеты
Хиндах 401
Хини 366
Хнов (Хина) 311, 318, 329, 333, 242, 358, 360, 367, 398, 401, 404
Хновцы 155
Хой 305
Хонская крепость 154
хоны 154, 155, 165, 166, 184
Хорасан 197, 207, 208, 294, 211, 259, 261, 399
Хорезм 176, 265, 293, 301, 408
Хорочой 77
Хосрех (Кусрахи) 95, 106, 313
Хосрехское святилище 95, 115, 116
Хотода 401
Хпедж 348
Худуц 311, 328, 404, 406
Хулагуидское государство (улус) 303, 320, 390
Хулагуиды 309, 311, 315, 321, 335, 336
Хули 311
Хулук (Голотль) 322
Хумаринское городище 309
Хумрадж 241, 395
хунз (хунзы, хозонихеты, хундзы) 125, 241, 366
Хунзах (Хозаних, Хумрадж, Гундзети) 104, 125, 206, 219, 239 - 241,
311, 318, 321, 339, 362, 366, 367, 372, 395, 398, 400, 402, 404
Хунзахский район 38, 51, 402
Хунзахское нагорье 306
Хунзахское нуцальство 321, 323
Хунзахское плато 366
хуррито-урартские племена 94

хурито - урарты 93
хурриты 94
Хурсан 353
Хурюк 327
Хусайн 205
Хутрах 51
Хуцал (Гоцатль) 322
Хучада 322, 323
Хучни 226, 251, 404, 406
Хушгада 366, 401
Хырсан 165
Цахур (Захур, Цри) 254, 260, 272, 330, 334, 339, 356, 395, 398, 404, 406, 408
Цахурское султанство 334
цахуры (йихьбы) 155, 157, 162, 329, 367
цезы (дидойцы, цунтинцы) 323
Цилинги 330
Цри 329, 395
Цудахар 30, 248
Цукети (Цахурский участок) 362, 366
Цулда 402
Цумадинский район 106, 126
Цунтинский район 51, 126
Цунтинцы 125, 125, 323
Цхаваты 155
Чагъараул 268
чамалалы 322
Чародинский район 51, 402
Черкесия 368
черкесы 296, 325, 390
Чечня 77, 91 - 93, 95, 126, 172, 182, 268
— Восточная 66, 68, 92
— Горная 68, 77, 98
чилбы (см. сильвы, шилы, чигбы, чишбы, джигбы) 125, 126, 141, 154, 155, 157, 165, 166, 329
Чинна 38, 51, 241
Чинна-Хитга 22
Чираг 247
Чирахчай 226, 253
Чирката 51, 52

instituteofhistory.ru

Чиркей 51, 54, 59, 74, 85
Чиркейская ГЭС 52
Чиркейский могильник 73, 85
Чиркейское водохранилище 73
Чиркейское поселение 53, 54, 56, 58, 62, 63
Чирюрт 144, 237
Чичикарское городище 128
Чишили (Ш. л. шли) 247, 248
Чора (Чола, Чога, Джора, Ворота Чога, пахак Чога, пахаг гуннов, ушелье Чога, страна Чога, Чулли, Чулли, Чуруль)
154 - 160, 163, 165 - 167
Чох 20, 43, 57, 268, 366, 406
Чохская культура 19 - 22, 25, 31, 42 - 45
Чохская стоянка 17
Чохское поселение 20 - 22, 26 - 33, 35
Чувал-хвараб-нохо 22
Чумлы 95
Чумус-ниинц 8, 9
Чунгарс 171, 173, 183, 395
Шабиран 169, 201, 206, 353, 363, 381
Шам (Сирия) 211, 328
Шамильский район 36, 51, 56, 68, 70, 402, 404
Шамхор 295
Шандан (Огдан, Сидан, Синдан, Шанзан, Хандан) 223, 234, 237, 242, 244 - 149, 278, 320, 385
Шаракун 51
Шаракунский могильник 108, 109, 111, 115, 116, 131, 132
Шах ал Бурз 225
Шахдагские высоты 126
Шахристан -и Иездигерд 157, 174, 395
Шахсенгерский могильник 95, 96, 98
Шахсенгерское поселение 95, 96, 103, 184
Шекки 156, 157, 160, 201, 206, 252, 255, 355, 360
Шелковская 182
Шеляги 401, 404
Шемаха 156, 262, 293, 313, 320, 355, 357, 363, 391
Шемахия 262
Шимихюр 401, 404
Шиназ 311, 317, 356, 372, 398, 404, 406
Шираз 211

Ширван (Ширан) 119, 168, 177, 201, 207, 215, 216, 223, 225, 226,
239, 246, 249, 250, 252, 253, 262, 278, 279, 294, 300,
303, 304, 320, 326, 331, 335, 336, 350, 351, 352

ширваны 155

Шири 311, 404, 409

Шк 175

Штульские выходы сидерита 95

Щебоха 51, 56, 85

Эдесса 143

Эджери 160

Экбатана 127, 138

Экибулак 88

Эльбурс 21, 42

Эндери (Эндирей, Эндернаул) 182, 268

Эрпели 51

Эфталит 157

Як 368

Янгикент 51

Яргитюбе 73

Ярыксу 183, 394

Ясы 235, 325, 386

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

РАЗДЕЛ I.

ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКИЙ СТРОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

Глава I. ДАГЕСТАН В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА	6
1. Естественно-географические условия Дагестана в четвертичном периоде.....	6
2. Эпоха праобщины.....	7
Глава II. ДАГЕСТАН В ЭПОХУ РАСЦВЕТА ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА.....	15
1. Раннепервобытная община охотников и собирателей.....	15
2. Позднепервобытная родовая община земледельцев и скотоводов.....	23
3. Демографические и этнокультурные процессы в Дагестане в эпоху первобытной родовой общины.....	42
Глава III. ДАГЕСТАН В ЭПОХУ РАЗЛОЖЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА.....	49
1. Земледельческо-скотоводческие племена Дагестана в бронзовом веке.....	49
2. Эпоха ранней бронзы.....	51
3. Эпоха средней и поздней бронзы.....	66
Гинчинская культура.....	68
Присулакская культура.....	73
Великентская культура.....	75
Каякентско-хорочевская культура.....	77
4. Хозяйство населения эпохи средней и поздней бронзы.....	79
5. Развитие общества. Верования, культы и искусство бронзового века.....	85
6. Демографические и этнокультурные процессы в бронзовом веке.....	90
7. Эпоха раннего железа. Зарождение железной металлургии в Дагестане.....	94
Хозяйство.....	98
Земледелие.....	98
8. Племена Дагестана в VII-IV вв. до н.э.	103
Историческая обстановка на Восточном Кавказе и в Юго-Восточной Европе.....	103
Хозяйство.....	108
Глава IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ	123
Дагестан в составе Кавказской Албании.....	123
Хозяйство Дагестана III в. до н.э.— IV в. н.э.	130

РАЗДЕЛ II.
ДАГЕСТАН В IV—XV ВВ.

Глава I. ДАГЕСТАН В IV—VI ВВ.	152
1. Этнополитическая карта IV—VI вв.	152
2. Дагестано-сасанидские взаимоотношения в IV—VI вв.	162
3. Экономическое развитие дагестанского общества (IV- первая половина VII в.)	170
4. Социальный строй Дагестана в VI-VII вв.	176
5. Образование Хазарского каганата	178
Глава II. ДАГЕСТАН И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ (VII-X ВВ.)	195
1. Арабские завоевания в Дагестане	195
2. Последствия арабских завоеваний	207
3. Ислам в раннесредневековом Дагестане	217
Глава III. Социальная структура, экономическая и политическая жизнь Дагестанского общества (XI — первая половина XIII в.)	233
1. Политическая карта Дагестана	234
2. Хозяйственное развитие	255
3. Города Дагестана. Процесс формирования крупных населенных пунктов	260
4. Социальный строй дагестанских обществ (X-XIII в.)	268
Глава IV. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ	292
ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ В XIII-XV ВВ.	292
1. Первый поход монголов на Кавказ	292
2. Второй поход монголов	295
3. Дагестан в сфере взаимоотношений Золотой Орды (Джучиды) и государства Ильханов (Хулагуиды)	300
4. Борьба народов Дагестана с полчищами Тимура	304
5. Экономическое и политическое развитие Дагестана	309
6. Политическое устройство и социальный строй	319
7. Второй этап исламизации Дагестана (вторая половина X-XV вв.)	334
Глава V. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА С ДРУГИМИ НАРОДАМИ КАВКАЗА	349
1. Дагестан и Ширван	350
2. Дагестан и Грузия	361
3. Тюрский мир и Дагестан в X-XIV вв.	369
Глава VI. ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ДАГЕСТАН	381
Глава VII. КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (IV-XV вв.)	394

instituteofhistory.ru

**Гаджиев Магомед Гаджиевич, Давудов Омар Малаевич,
Шихсаидов Амри Рзаевич. История Дагестана с древнейших
времен до конца XV века // Институт истории, археологии и
этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала: изд.
ДНЦ РАН, 1996. 464 с.**

Сдано в набор 10. 09. 1997 г. Подписано в печать 17. 11. 1997 г.

Формат 60 x 84 1/16, бумага офс. Печать офсетная.

Тираж 4500 экз.

Типография им. С.М. Кирова Комитета Правительства

РД по печати.

367025 г. Махачкала. ул. Маркова. 51.

Институт истории, археологии и этнографии имеет и высылает наложенным платежом следующие книги:

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука. 1993. - 5 руб.
- Алиев Азиз Мамедкеримович: годы жизни в Дагестане (1942-1948). Официальные документы, доклады, речи, переписка и воспоминания. Махачкала: изд. "Юпитер", 1997 - 10 руб.
- Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука. 1991. 2 руб.
- История советского крестьянства. Махачкала, 1986. Т. 1. -1 руб.
- История советского крестьянства. Махачкала, 1989. Т. 1 1-1 руб.
- Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. -IV н. э.). Махачкала, 1996 - 12 руб.
- Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV - XV вв. Махачкала: Дагкинигоиздат, 1997. 10 руб.
- Османов М.О. Хозяйственно - культурные типы (арсалы) Дагестана (с древнейших времен до XX века). Махачкала, 1996. 8 руб.
- Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 - 1918 гг), Горская республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994 - 5 руб.

Заявки можно направить по адресу: 367 030 Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 75. Институт истории, археологии и этнографии ДИЦ РАН

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru